

ISSN: 2663-6794

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

1-2
2018

№ 1-2
2018

**Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты**

**Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана**

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ
АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

№ 1–2

2018

Бас редактор

ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы Б.Ә. Байтанаев

Редакциялық кеңес:

К.М. Байпақов – ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

В.Ф. Зайберт – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

М.Е. Елеуов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

Т.В. Савельева – тарих ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

З. Самашев – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Астана, Қазақстан)

С.Е. Әжіғали – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

А.Г. Ситдиқов – ТР ҰҒА корр.-мүшесі, тарих ғылымдарының докторы (Қазань, Ресей)

П.М. Кольцов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Элиста, Ресей)

Р.Х. Сулейманов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Ташкент, Өзбекстан)

Н. Бороффка – археология докторы, профессор (Берлин, Германия)

М. Фрачетти – археология докторы (Сент-Луис, АҚШ)

Т. Уильямс – археология докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

Редакциялық алқасы:

Ж. Құрманқұлов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

Е.А. Смағұлов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

О.А. Артюхова – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

М.Қ. Хабдулина – тарих ғылымдарының кандидаты (Астана, Қазақстан)

А.А. Нұржанов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

А.А. Бисембаев – тарих ғылымдарының кандидаты (Актобе, Қазақстан)

Д.А. Вожкин – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

Е. Ақымбек – PhD (Алматы, Қазақстан)

Т.Б. Мамиров – тарих ғылымдарының кандидаты (Астана, Қазақстан)

Жауапты хатшылар:

Г.С. Жұмабекова – тарих ғылымдарының кандидаты

Г.А. Базарбаева – тарих ғылымдарының кандидаты

Жауапты редакторы

З.М. Толенова – тарих ғылымдарының кандидаты, доцент

Компьютерлік беттеу және дизайн:

О.В. Кузнецова

Редакцияның мекен-жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44

Телефон: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; archeologiakazahstana@gmail.com

archeokz.com

Жылына 4 рет шығады

Басылым Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің бағдарламалық-нысаналы қаржыландырылатын ЖТН BR05236565 жобасының шенберінде жүзеге асырылады

© Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2018

© «Қазақстан археологиясы» журналы, 2018

Главный редактор

академик НАН РК, доктор исторических наук Б.А. Байтанаев

Редакционный совет:

К.М. Байпаков – академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

В.Ф. Зайберт – доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

М.Е. Елеуов – доктор исторических наук профессор (Алматы, Казахстан)

Т.В. Савельева – доктор исторических наук (Алматы, Казахстан)

З. Самашев – доктор исторических наук, профессор (Астана, Казахстан)

С.Е. Ажигали – доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

А.Г. Ситдииков – член-корреспондент НАН РТ, доктор исторических наук (Казань, Россия)

П.М. Кольцов – доктор исторических наук, профессор (Элиста, Россия)

Р.Х. Сулейманов – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан)

Н. Бороффа – доктор археологии, профессор (Берлин, Германия)

М. Фрачетти – доктор археологии (Сент-Луис, США)

Т. Уильямс – доктор археологии, профессор (Лондон, Великобритания)

Редакционная коллегия:

Ж. Курманкулов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

Е.А. Смагулов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

О.А. Артюхова – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

М.К. Хабдулина – кандидат исторических наук (Астана, Казахстан)

А.А. Нуржанов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

А.А. Бисембаев – кандидат исторических наук (Актобе, Казахстан)

Д.А. Воякин – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

Е. Акымбек – PhD (Алматы, Казахстан)

Т.Б. Мамиров – кандидат исторических наук (Астана, Казахстан)

Ответственные секретари:

Г.С. Джумабекова – кандидат исторических наук

Г.А. Базарбаева – кандидат исторических наук

Ответственный редактор

З.М. Толенова – кандидат исторических наук, доцент

Компьютерная верстка и дизайн:

О.В. Кузнецова

Адрес редакции:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44

Телефон: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; archeologiakazahstana@gmail.com

archeokz.com

Выходит 4 раза в год

Издание осуществлено в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05236565

© Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2018

© Журнал «Археология Казахстана», 2018

Editor-in-Chief:

Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences B.A. Baitanayev

Executive Editors:

K.M. Baipakov – Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
V.F. Zaibert – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
M.E. Eleuov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
T.V. Savel'yeva – Doctor of History (Almaty, Kazakhstan)
Z. Samashev – Doctor of Historical Sciences, Professor (Astana, Kazakhstan)
S.E. Ajigali – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
A.G. Sitdikov – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russia)
P.M. Koltsov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Elista, Russia)
R.H. Suleymanov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Uzbekistan)
N. Boroffka – Doctor of Archaeology, Professor (Berlin, Germany)
M. Frachetti – Doctor of Archaeology (St. Louis, USA)
T. Williams – Doctor of Archaeology, Professor (London, UK)

Editorial Board:

J. Kurmankulov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
E.A. Smagulov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
O.A. Artyukhova – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
M.K. Khabdulina – Candidate of Historical Sciences (Astana, Kazakhstan)
A.A. Nurjanov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
A.A. Bisembayev – Candidate of Historical Sciences (Aktobe, Kazakhstan)
D.A. Voyakin – Candidate of historical sciences (Almaty, Kazakhstan)
E.Sh. Akymbek – PhD (Almaty, Kazakhstan)
T.B. Mamirov – Candidate of Historical Sciences (Astana, Kazakhstan)

Executive Secretaries:

G.S. Jumabekova – Candidate of Historical Sciences
G.A. Bazarbayeva – Candidate of Historical Sciences

Executive Editor:

Z.M. Tolenova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Computer layout and design:

O.V. Kuznetsova

Editorial address:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44

Phone: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; archeologiakazahstana@gmail.com

archeokz.com

The journal is published four times a year

The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, IRN of the project BR05236565

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

Байтанаев Б.Ә. (Алматы, Қазақстан) Бас редактордан	11
Байтанаев Б.А. (Алматы, Қазақстан) От главного редактора	16
Vaitanayev B.A. (Almaty, Kazakhstan) From Chief editor	21
Жаңа журналға арналған құттықтаулар – Приветствия в адрес нового журнала	
Байпаков К.М. (Алматы, Қазақстан)	25
Самашев З. (Астана, Қазақстан)	27
Зайберт В.Ф. (Алматы, Қазақстан), Оутрам А. (Эксетер, Великобритания)	28
Хазанов А.М. (Медисон, США)	29
Мартынов А.И. (Кемерово, Россия)	30
Скорый С.А. (Киев, Украина)	33
Наглер А. (Берлин, Германия)	33
Кунитаке С. (Нара, Япония)	36
Ә.Х. Марғұланның мұрасы туралы – О наследии А.Х. Маргулана	
Маргулан Д.А. (Алматы, Қазақстан) Жизнь и научная деятельность А.Х. Маргулана. Образ ученого и человека	37
Манапова Ә.М. (Алматы, Қазақстан) Әлкей Хақанұлы Марғұланның мұрасы	48
Отандық археологияның өзекті мәселелері – Актуальные проблемы отечественной археологии	
Зайберт В.Ф. (Алматы, Қазақстан), Оутрам А. (Эксетер, Великобритания) Археологические исследования ботайской культуры на современном этапе	59
Хабдулина М.К. (Астана, Қазақстан) Некоторые аспекты изучения нурунской археологической культуры (по материалам поселения Шагалалы II)	69
Горячев А.А. (Алматы, Қазақстан) Об устройстве поселений эпохи поздней бронзы Жетысу	86

<i>Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. (Алматы, Қазақстан)</i> Иллюстрация к эпосу об Алпамысе и некоторые параллели сюжета в искусстве древних кочевников: к изучению семантики вихревых композиций	106
<i>Байпаков К.М. (Алматы, Қазақстан)</i> Архитектурно-археологический комплекс Акыртас	118
<i>Құрманқұлов Ж., Қасенова Ә.Д. (Алматы, Қазақстан)</i> ХІХ ғасыр екінші жартысы мен ХХ ғасыр бірінші жартысы аралығындағы Орталық Қазақстан тас мүсіндерін зерттеуші саяхатшылар мен ғалымдар деректері	133
<i>Рогожинский А.Е. (Алматы, Қазақстан), Тишин В.В. (Улан-Удэ, Россия)</i> Древнетюркские рунические надписи и их археологические контексты в горах Кулжабасы	143
<i>Смагулов Е.А. (Алматы, Қазақстан), Петров П.Н. (Алматы, Қазақстан), Ержигитова А.А. (Шымкент, Қазақстан)</i> Когда прекратил существование средневековый город Шавгар или новые данные к хронологии верхних слоев городища Шойтобе (Туркестанский оазис)	164
<i>Нуржанов А.А. (Алматы, Қазақстан)</i> К вопросу о семиотике пространства средневекового городища Кастек: функциональный анализ артефактов	190
<i>Ёлгин Ю.А. (Шымкент, Қазақстан)</i> В.С. Гейнцельман и его программа ремонта мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в 1906–1908 гг.	201
Далалық зерттеулер – Полевые исследования	
<i>Джассыбаев Е.А. (Есик, Қазақстан), Ожерельев Д.В. (Москва, Россия), Мамиров Т.Б. (Астана, Қазақстан)</i> Полевые исследования многослойной стоянки Рахат в 2018 г.	215
<i>Жауымбай С.У., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Шохатаев О.С. (Қарағанды, Қазақстан)</i> Новые сведения о ранней истории андроновских племен Центрального Казахстана (по материалам кургана 7 могильника Талдинский-1)	224
<i>Бисембаев А.А., Хаванский А.И. (Алматы, Қазақстан), Дүйсенғали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А. (Ақтобе, Қазақстан)</i> Исследование памятников гуннского времени в Актюбинской области в 2018 г. (предварительное сообщение)	235
<i>Подушкин А.Н. (Шымкент, Қазақстан)</i> Археологические работы на городище Культобе арыском, могильниках Культобе и Кылышжар в 2016–2017 гг.	245
<i>Талеев Д.А., Елеуов М. (Алматы, Қазақстан), Есенов С. (Астана, Қазақстан)</i> Тағдыры жұмбақ Қышқала	259
<i>Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Егорова Т.А., Ергешибаев А.А., Байтанаева А.Б., Байтанаев Е.Б. (Алматы, Қазақстан)</i> Археологические исследования пещеры Туттыбулак-1 в 2018 г.	272

**Нумизматика туралы зерттеулер –
Исследования по нумизматике**

Жолдасов Т.М. (Туркестан, Қазақстан) Клады в собрании музея «Азрет Султан»	288
Камышев А.М. (Бишкек, Кыргызстан), Брагин А.О. (Санкт-Петербург, Россия) Клады медных монет династии Шейбанидов на территории Кыргызстана	294
Брагин А.О. (Санкт-Петербург, Россия) Переатрибуция одной из монет Сайрамского клада 2013 г.	303
Бугарчѳв А.И. (Казань, Россия) О болгарских дирхамах XIII в. с изображением льва и солнца	307

Хабарлар – Хроника

Уразова А.Б. (Актобе, Қазақстан), Ахатов Г.А. (Алматы, Қазақстан), Бисембаев А.А. (Актобе, Қазақстан), Мамиров Т.Б. (Астана, Қазақстан), Бидагулов Н.Т. (Актобе, Қазақстан) Маргулановские чтения–2018	314
Горячев А.А. (Алматы, Қазақстан) Памяти Учителя	322
Ержанова А.Е., Утубаев Ж.Р., Касенова А.Д. (Алматы, Қазақстан) Ұлағатты ұстаз – Жолдасбек Құрманқұловқа 70 жыл	328
Лошакова Т.Н. (Астана, Қазақстан) Вслед за золотым оленем... (к юбилею А.С. Ермолаевой)	337
Бедельбаева М.В. (Караганды, Қазақстан) Прикосновение к древности: страницы биографии ученого (к юбилею К.М. Карабаспаковой)	344
Бедельбаева М.В. (Караганды, Қазақстан) Путешествуя во времени и пространстве (к юбилею Э.Р. Усмановой)	354
Ерофеева И.В. (Алматы, Қазақстан) Памяти Е.Х. Хорош (1957–2018)	362
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	366

Авторларға арналған ережелер – Правила для авторов

CONTENT

<i>Baitanayev B.A. (Almaty, Kazakhstan)</i> From Chief editor	21
Greetings to the new Journal	
<i>Baipakov K.M. (Almaty, Kazakhstan)</i>	25
<i>Samashev Z. (Astana, Kazakhstan)</i>	27
<i>Zaibert V.F. (Almaty, Kazakhstan), A. Outram (Exeter, United Kingdom)</i>	28
<i>Khazanov A.M. (Madison, United States)</i>	29
<i>Martynov A.I. (Kemerovo, Russia)</i>	30
<i>Skory S.A. (Kyiv, Ukraine)</i>	33
<i>Nagler A. (Berlin, Germany)</i>	33
<i>Kunitake S. (Nara, Japan)</i>	36
About an A.Kh. Margulan heritage	
<i>Margulan D.A. (Almaty, Kazakhstan)</i> Life and scientific activity of A.Kh. Margulan. Image of scientist and person (in Russian)	37
<i>Manapova A.M. (Almaty, Kazakhstan)</i> Heritage of Alkey Margulan (in Kazakh)	48
Actual problems of domestic archaeology	
<i>Zaibert V.F. (Almaty, Kazakhstan), A. Outram (Exeter, United Kingdom)</i> Archaeological research of Botay culture at the present stage (in Russian)	59
<i>Khabdulina M.K. (Astana, Kazakhstan)</i> Some aspects of studying Nura archaeological culture (based on materials from the settlement of Shagalaly II) (in Russian)	69
<i>Goryachev A.A. (Almaty, Kazakhstan)</i> The structure of settlements of Jetysu in the late bronze age (in Russian)	86
<i>Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A. (Almaty, Kazakhstan)</i> Illustration to the epose about Alpamys and some parallels to the fable in the art of ancient nomads: to the studying the semantics of vortex compositions (in Russian)	106
<i>Baipakov K.M. (Almaty, Kazakhstan)</i> Architectural-archaeological complex Akyrtas (in Russian)	118

<i>Kurmankulov J., Kasenova A.D.</i> (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Information about the problems of Central Kazakhstan in the works of travelers and scientists of the XIX – the first half of the XX century (in Kazakh)	133
<i>Rogozhinskiy A.E.</i> (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), <i>Tishin V.V.</i> (<i>Ulan-Ude, Russian Federation</i>) Old Turkic runic inscriptions and its archaeological contexts in the Kuljabasy mountains (in Russian)	143
<i>Smagulov E.A., Petrov P.N.</i> (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), <i>Erjigitova A.A.</i> (<i>Shymkent, Kazakhstan</i>) When the medieval city of Shavgar had defunct: new data by the chronology of the upper layers of the Schoytobe site (Turkestan oasis) (in Russian)	164
<i>Nurzhanov A.A.</i> (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) To the question about semiotics of the space of the Kastek settlement: functional analysis of artifacts (in Russian)	190
<i>Yolgin Yu.A.</i> (<i>Shymkent, Kazakhstan</i>) W.S. Heinzelmann and his program for repair of mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi in 1906–1908 (in Russian)	201
Field studies	
<i>Jasybayev E.A.</i> (<i>Esik, Kazakhstan</i>), <i>Ozherelyev D.V.</i> (<i>Moscow, Russian Federation</i>), <i>Mamirov T.B.</i> (<i>Astana, Kazakhstan</i>) Field researches of the multilayer monument «Rakhat» in 2018 (in Russian)	215
<i>Jaymbay S.U., Kukushkin I.A., Kukushkin A.I., Dmitriev E.A., Shokhatayev O.S.</i> (<i>Karagandy, Kazakhstan</i>) New information about the early history of the andronian tribes of Central Kazakhstan (based on the materials of the mound 7 of Taldinsky-1 burial ground) (in Russian)	224
<i>Bisembayev A.A., Khavansky A.I.</i> (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), <i>Duisengali M.N., Mamedov A.M., Bairov N.M., Amelin V.A.</i> (<i>Aktobe, Kazakhstan</i>) Research of monuments of the Hun time in the Aktobe region in 2018 (preliminary report) (in Russian)	235
<i>Podushkin A.N.</i> (<i>Shymkent, Kazakhstan</i>) Archaeological work on the site Kultobe Aryss, burial grounds Kultobe and Kylyzhjar in 2016–2017 (in Russian)	245
<i>Taleev D.A., Eleuov M.</i> (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), <i>Esenov S.</i> (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Mysterious history of Kyshkala (in Kazakh).....	259
<i>Baitanayev B.A., Goryachev A.A., Egorova T.A., Ergheshbayev A.A., Baitanayeva A.B., E.B. Baitanayev</i> (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Archaeological researches in cave Tuttybulak-1 in 2018 (in Russian)	272

Numismatics research

Joldasov T.M. (<i>Turkestan, Kazakhstan</i>) Treasures from the collection of the museum «Azret Sultan» (in Russian)	288
Kamyshev A.M. (<i>Bishkek, Kyrgyzstan</i>), Bragin A.O. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) Hoards of copper coins of Shaybanid dynasty in the Kyrgyzstan (in Russian)	294
Bragin A.O. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) New attribution one of the coins of the Sairam`s treasure 2013 (in Russian)	303
Bugarchev A.I. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) About Bulgar dirhams of the 13th century. Image of the lion and sun (in Russian)	307

Chronicle

Urazova A.B. (<i>Aktobe, Kazakhstan</i>), Akhatov G.A. (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), Bisembaev A.A. (<i>Aktobe, Kazakhstan</i>), Mamirov T.B. (<i>Astana, Kazakhstan</i>), Bidagulov N.T. (<i>Aktobe, Kazakhstan</i>) Margulan readings–2018 (in Russian)	314
Goryachev A.A. (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Memory of the Teacher (in Russian)	322
Erjanova A.E., Utubayev J.R., Kasenova A.D. (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) To the anniversary of the Teacher (in Kazakh)	328
Loshakova T.N. (<i>Astana, Kazakhstan</i>) On the morrow of the golden deer... (for the anniversary of A.S. Ermolaeva) (in Russian)	337
Bedelbayeva M.V. (<i>Karagandy, Kazakhstan</i>) Touching to anciency: scientist biography pages (for the anniversary of K.M. Karabaspakova) (in Russian)	344
Bedelbayeva M.V. (<i>Karagandy, Kazakhstan</i>) Traveling in time and space (for the anniversary of E.R. Usmanova) (in Russian)	354
Yerofeyeva I.V. (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) To the memory of Yelena Khorosh (1957–2018) (in Russian)	362
List of Abbreviations	366
Submissions	

БАС РЕДАКТОРДАН

Қазақ даласына П.И. Лерх және В.В. Радлов секілді ресейлік шығыстанушылар мен археологтардың алғашқы археологиялық зерттеулер жүргізгеніне бір жарым ғасырдай уақыт өтті. Осы кезең аралығында қазақстандық археология ғылымы оңайға соқпаған, бірақ, тоқтаусыз ілгері қарыштаған, жемісті, қалыптасу және даму сатысын басынан өткерді. Қазақстандағы археологиялық ашылған жаңалықтар әлемдік танымалдылыққа ие болып, көптеген археологиялық экспедициялар мен археологтардың күшімен ашылған дүниелер бүгінде ғылыми айналымға еніп отыр. Қазіргі таңда біз Қазақстан археологиялық мектебінің дербес, түрлі бағыттағы кескіні қалыптасқан, жақын шет елдермен археологиялық байланыста өзіндік орны бар екендігін сеніммен айта аламыз. Қазақстандық түрлі буындағы археологтар әлемдік ғылыми деңгейдегі негізгі теорияларды жасауға қатысып, өз үлесін қосты. Оның ішінде адамзаттың шығу тарихы, ежелгі және ортағасырлық урбанизация, өркениеттердің дамуы, қола дәуіріндегі өрлеу және басқа да жаһандық археологиялық және тарихи мәселелер бар.

Қазақстан археологиясының қалыптасу кезеңінде «Қазақстанның археологиялық картасының» жасалуы КСРО кеңістігіндегі теңдессіз жарияланым болып табылды. Себебі, сол уақытта материалдық ресурстары мен ғылыми базасы орныққан басқа республикаларда ескерткіштердің толық тізімі берілген археологиялық карта жоқ болатын. Мұндай кең масштабтағы жобаның сәтті орындалуы К.А. Ақышевтың жетекшілігіндегі археологтар тобының еңбегімен тікелей байланысты. Мұндай іргелі жұмысты іске асыру бастамасы отандық археологияның патриархы Ә.Х. Марғұланның есімімен тікелей байланысты деп айта аламыз. Арада 20 жыл өткен соң, археологиялық ескерткіштердің төлқұжатын жасаудағы ауқымды жұмыс басталып, «Қазақстанның тарихи және мәдени ескерткіштерінің тізімінің» жазылуымен сәтті аяқталды. Бұл археологиялық ескерткіштер саны жағынан да және тарихи әрі ғылыми мағынасы жағынан да басым болып табылады.

1991 жылы Қазақстан Тәуелсіздігінің алғашқы жылында ҚР ҰҒА Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының құрылуы қазақстандық археология мектебінің қалыптасуының белгілі бір кезеңі болып табылады. Институт соңғы жылдарда жергілікті университеттер базасында дербес қалыптасқан археологиялық орталықтардың жұмыстарына бастамашы және бақылушы рөлін атқарып келеді.

Жоғарыда аталған үдерістердің барлық кезеңіндегі археологиялық материалдардың жариялануы әр түрлі бейнеде көрініс тапты. Археологтардың мақалалары, хабарлары және кейбір жекелеген еңбектері 1940 жылдардың екінші жартысынан бастап жүйелі түрде жарияланып тұрды. Бұл «Тарих, археология және этнология институтының еңбектері» және ҚазКСР ҒА «Хабаршысының» шығуымен байланысты. Қазақстандық археологтардың далалық зерттеу жұмыстарының нәтижелері мен қорытындылары жүйелі түрде жалпы кеңестік «Археологиялық ашылымдар» атты журналда жарияланып отырды. Ал, мақалалары Кеңес Одағы археологтарының негізгі басылымы болып табылатын, 1957 жылдан бастап шыға бастаған «Кеңестік археология» және КСРО ҒА «Археология институтының қысқаша хабарлары» атты журнал беттерінде жарық көріп келді. Соңғы онжылдықтағы тарихи өзгерістер, сонымен қатар Қазақстан археология ғылымының ішкі даму үдерістері, оның ішінде археологтардың кәсіби деңгейдегі өзара ғылыми байланыстары Қазақстанда өзіндік археологиялық журнал шығарудың қажеттілігін көрсетіп отыр.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бұл бастамасы журналдың еліміздегі археологиялық бағыттағы ғылыми жұмыстардың жариялануын қамтамасыз ететін ғылыми базасын қалыптастыруды мақсат етеді. Жалпы алғанда бұл басылым Қазақстанда 1951 жылдан 1980 жылдар аралығында шыққан археологиялық жинақтардың жалғасы болып табылады.

Бұл уақыт еншісіндегі дүние. Қазіргі таңда Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында және аймақтарда әртүрлі деңгейдегі және ғылыми бағыттағы жұмыс жүргізетін ұлттық археолог мамандар толық қалыптасты. Солардың негізінде іргелі ғылыми әлеует те түзілді. Кең ауқымдағы археологиялық материалдарды ой елегінен өткізіп, әлемдік деңгейдегі кәсіби археологтар қоғамына жеткізу қажеттілігі туындауда.

Қазақстан археология ғылымының жетістіктері айтарлықтай баршылық. Тәуелсіздік алғалы бері отандық археология іргелі ғылым ретінде көп алға қадам басты. Біз өз халқымыздың тарихы мен мәдениеті туралы қалыптасқан ойларды түбегейлі өзгертетін керемет ашылымдар жасадық. 2004 жылы еліміздің Президенті Нұрсұлтан Назарбаевтың бастамасымен жүзеге асырылған мемлекеттік стратегиялық «Мәдени мұра» жобасы Отандық ғылымға ерекше түрткі болып, қазақ даласының өткені туралы зерттеулердің жемісті келешегі мен жаңа мүмкіндіктерін көрсетіп берді.

Қазіргі таңда Қазақстан территориясы мен оның аймақтарында көптеген жекелеген мәселелер шешімін табуда. Жаңа қырынан алып қарағанда, бұл мәселелер жалпы тарихи атауға ие болады. Бұл өз кезегінде ерте көшпелілердің мәдениеті, көне мемлекеттердің (сақ, үйсін, ғұн (сюнну, хунну), қаңлы, сармат) қалыптасуын зерттеумен тікелей байланысты. Аталған үдерістердің хронологиялық шеңбері археологтардың еңбегі арқасында кеңейе түсуде. Өз

кезегінде, көшпелі тайпалар мен отырықшы оазистегі халықтардың өзара араласуы нәтижесінде саяси және этносаяси бірігулерге алып келгенін байқауға мүмкіндік береді.

Соңғы онжылдықтарда археологтар тарапынан жүргізілген зерттеулер мен базада жинақталған материалдарды ғаламдық тарихи-дүниетанымдық, мәдени және әлеуметтік мәселелерді шешуде қолдану маңызды болып табылады. Осы жағдайларды іске асыруда археологиялық мерзімді басылымның орны бөлек екендігі анық. Біздің алдымызда жаңа далалық зерттеулердің нәтижелерін көрсететін заманауи журналды жасау мақсаты тұр. Онда Қазақстанның ежелгі және ортағасырлық тарихы мәселелерінің теориялық талдаулары және пәнаралық кеңістіктегі зерттеулері көрініс табады. Біз ғылымдағы талас тудыратын теориялар мен өткір пікірталастар және қазіргі таңдағы үрдістер мен аспектілерге талдау жасаудан қорықпаймыз.

«Қазақстан археологиясы» бірінші кезекте археолог және тарихшылар үшін ғана емес, басқа да тарихи мамандықтағы ғалымдар үшін бағыттаушы гуманитарлық журнал болуы тиіс. Бұл оның қоғамдық ғылымдар сериясында бола тұра, техникалық және жаратылыстану ғылымдарының көзге көрінбейтін үстемдігімен шығатын ҚР ҰҒА «Хабарлары» шығарылымынан басты ерекшелігі болып табылады. Жаңа журнал археология саласындағы мамандардың еңбектерін жариялаумен қатар, жаңа археологиялық-тарихи тұжырымдамалардың ғылыми айналымға енуін қамтамасыз ететін мерзімді басылым болуы шарт. Тарихи маңызды мәселелер және заманауи археология ғылымының мәселелері журнал беттерінде талқылауға түсуі тиіс. Болашақта «Қазақстан археологиясы» журналы археологиялық тарихнаманың ажырамас маңызды бөлігі болып танылады.

Аталмыш журнал іргелі ғылыми басылым ретінде қаралады. Редакция алқасының басты мақсаты «Қазақстан археологиясы» журналын халықаралық деңгейдегі индекстелетін гуманитарлық ғылыми журналдар қатарына ілігуін көздеп отыр. Ол ұзақ уақытқа негізделген, археологиялық материалдармен байланысты археологиялық дәстүрді жалғастыратын, өзіндік дербес басылым болады. Сонымен қатар, аталған журнал материалдарды жариялаудағы жаңа мүмкіндіктерді іздей отырып, авторлардың идеялары мен ұстанымдарын көрсете алады.

Арнайы бағыттағы журнал Қазақстан археологиясындағы маңызды мәселелерді талқылап, ерекше бағыттарды талдауға алады. Мұндай басылымның жарыққа шығуы өз кезегінде іргелі археологиялық зерттеулердің нәтижелерімен таныстырып, олардың кәсіби талдаудан және түсіндіруден өтуіне, тарихи құрылымдардың қалыптасуын қайта жасауға, жаңа ғылыми тұжырымдамалардың құрылуына, жалпы алғанда археология ғылымының шеңберіндегі мүмкіндіктерді кеңінен пайдалануға жол ашады. Біз Қазақстан территориясы ғана емес, Орталық Азиядағы халықтардың тарихы мен мәдениеті мәселелерін зерттеудегі алыс және жақын шет елдік

ғалымдармен ынтымақтастық жасауға дайынбыз. Біздің журнал отандық және шет елдік ғалымдардың ортақ бірлікте жұмыс жасауына лайықты кеңістік жасай алады.

Журнал Қазақстан археология ғылымындағы жаңалықтарымен хабардар етіп қана қоймай, археологтардың кәсіби ынтымақтастығын арттырып, аймақтық орталықтардың бір бағытқа тоғысуына жағдай туғызады. Ол археология ғылымындағы әлемдік тенденцияларды және жаһандық мәселелерді талдауда үлкен роль атқарады. Сондай-ақ түркі халықтарының тарихын немесе Ұлы Жібек жолы мәселесінің зерттелуінде де жазба деректер бойынша ғана емес, Орта Азия және Қазақстан аймақтарында анықталған археологиялық деректер негізінде жазуға болатындығына жаңа мүмкіндіктер ашатыны анық.

Сонымен қатар, археологиялық журнал Х–XVIII ғасырлар аралығындағы дамыған және кейінгі орта ғасырлардағы түркі-мұсылман әлемінің бір бөлігі ретінде қаралатын Қазақстан мәдениетінің зерттелуіне де өзіндік үлесін қоса алады. Журнал Қазақстан археологтарының «Рухани жаңғыру» жобасы аясындағы атқарған жұмыстарын да жариялауды алдына мақсат етіп отыр. Мұнда археологиялық мұраларды қорғау және археологиялық білімді насихаттауға баса назар аударылады. «Қазақстан археологиясы» журналында осыған сәйкес заңнамаларды дайындау мен әр түрлі шараларды іс жүзінде жүзеге асыру мәселелері (ірі археологиялық кешендерді консервациялау және музеефикациялау) арнайы талқылау нысанына айналады.

«Қазақстан археологиясының» ғылыми қызығушылығы аясында кезкелген гуманитарлық мерзімді басылымдар секілді далалық есептерде баяндалған археологиялық зерттеулердің анағұрлым кең ауқымды, терең талдаулардан тұратын дүниелер жарияланады. Бұл негізінде, ғылыми-тарихи тұжырымдамалардағы қолданылатын пәнаралық байланыс тәсілдемесін құрудағы, тіпті тарихи ономастика, өнер және архитектура тарихы және жаратылыстану ғылымдарының зерттеу тәсілдеріне сүйенген далалық тәжірибенің көптеген тарихи қосалқы пәндермен өзара әрекетіндегі археологияның ерекшелігін көрсетеді. Біз қазіргі заманауи ғылымның алуан түрлі бағыттары – әдіснама, зерттеу тәсілдері, тәжірибе, теория және қолданбалы зерттеулерді біріктіруді мақсат етіп отырмыз. Біз әрқашан ізденіске, пікірталасқа және қарама-қарсы байланысқа әзірміз. Біздің негізгі мақсатымыз – Қазақстан археологиясының дамуына мүмкіндіктер туғызу.

Қазақстан археологтары тарапынан шығарылатын, сондай-ақ далалық және кабинет жұмыстарында тәжірибесі мол кәсіби-археологтарға арналған басылым Орталық Азия мен Кавказ аймағындағы және ТМД республикалары, Мәскеу, Санкт-Петербург, Кемерово, Барнаул археологиялық мектептері мен археологиялық орталықтардағы әріптестерімен қатар, алыс шет елдік зерттеушілерге де өз еңбектерін жариялауға мүмкіндік береді. Біз тарихи және шығыстану пәндерінің өкілдері – деректанушылармен, нумизматтармен, фи-

олологтармен, антропологтармен, этнологтармен, өнертанушы тарихшылармен және т.б. өткеннің материалдық және рухани мәдениетін кең ауқымда зерттеушілермен ынтымақтастық орнатуға дайынбыз. Жарияланымдардың негізгі хронологиялық шеңбері адамзаттың алғашқы даму сатысынан бастап, қазақ мемлекетінің іргесі бекіген кезеңге дейінгі мерзімді қамтиды.

«Қазақстан археологиясы» журналы алғашқы сыннан сәтті өтіп, кәсіби мамандар мен басқа да гуманитарлық ғылым өкілдері тарапынан қолдау тауып, одан әрі қарай дамуға бет алып, Қазақстан археологиясының жоғары деңгейге көтерілуіне жағдай жасайды деген үміттеміз. Біз сіздердің қызықты мақалаларыңызды күтеміз. Журнал беттерінде көріскенше.

*Құрметпен,
Б.Ә. Байтанаев*

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Минуло полтора столетия с тех пор, как российские ориенталисты и археологи П.И. Лерх и В.В. Радлов провели первые археологические исследования на территории Казахстана. За этот период казахстанская археологическая наука прошла не простой, но поступательный и плодотворный путь становления и развития. Археологические открытия, сделанные в Казахстане, получили общемировую известность и признание, в научный оборот введён значительный, разнообразный материал, добытый усилиями многих экспедиций и отдельных археологов. В настоящее время мы с уверенностью можем говорить о самостоятельной археологической школе Казахстана, обладающей рядом специфических черт, занявшей достойное место в археологическом содружестве стран ближнего зарубежья. Казахские археологи разных поколений принимали деятельное участие в разработке основополагающих теорий на общемировом научном уровне. Это проблема происхождения человечества, древней и средневековой урбанизации, движения цивилизационных потоков, восходящих к эпохе бронзы, и другие глобальные темы общемировой археологической и исторической проблематики.

Период становления археологии Казахстана ознаменован созданием «Археологической карты Казахстана», изданием, беспрецедентным в пределах СССР, поскольку республики, обладавшие несравнимо большими материальными ресурсами и научной базой, не имели в то время своих археологических карт с подробным реестром памятников. Успешная реализация такого масштабного проекта состоялась благодаря группе археологов, руководимой К.А. Акишевым. Инициатива создания столь фундаментальной работы принадлежит основателю отечественной археологии А.Х. Маргулану. Спустя 20 лет была начата и в основном успешно завершена масштабная паспортизация памятников археологии и предпринято написание «Свода памятников истории и культуры Казахстана», где археологические памятники преобладают как количественно, так и по своему историческому и научному значению.

Знаковым рубежом в формировании казахстанской археологической школы стало создание в 1991 г., в первый год Независимости Казахстана, Института археологии им. А.Х. Маргулана НАН РК. Институту принадлежит роль инициатора и координатора в работе целого ряда археологических центров, сложившихся за последние три десятилетия на базе местных университетов и как самостоятельных формирований.

На всех этапах этого процесса дело с опубликованием археологических материалов обстояло по-разному. Регулярно статьи, сообщения и заметки археологов начинают печататься со второй половины 1940-х годов, когда периодически стали выходить «Труды Института истории, археологии и этнографии» и «Известия» АН КазССР. Археологи, имеющие учёные степени, имели возможность печататься в «Вестнике» АН КазССР. Краткие сообщения казахстанских археологов о полевых исследованиях регулярно появлялись в общесоюзном ежегоднике «Археологические открытия», их статьи печатались в центральном органе археологов Советского Союза «Советская археология», издаваемом с 1957 года, и «Кратких сообщениях Института археологии» АН СССР. В связи с историческими переменами последних десятилетий, а также с процессами роста внутри самой археологической науки Казахстана, приобретающей всё большую самостоятельность и научный вес в профессиональном содружестве археологов, назрела необходимость издания собственного археологического журнала в Казахстане.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана выступает с этой инициативой и готов послужить научной базой для издания, которое призвано быть форпостом в научной деятельности археологического направления в стране. В некоторой степени наше издание является продолжением известной серии археологических сборников, выходивших в Казахстане в период с 1951 по 1980 гг.

Это является требованием времени. Полностью сложились национальные кадры археологов разных уровней и научных направлений, работающих в Институте археологии им. А.Х. Маргулана и в регионах. Ими создан значительный научный потенциал. Обширный археологический материал требует осмысления и информирования мирового профессионального сообщества археологов.

Достижения казахстанской археологической науки очевидны. За годы Независимости отечественная археология как направление фундаментальной науки шагнуло далеко вперед. Мы совершили новые удивительные открытия, изменившие представление о культуре и истории нашего народа. Перед нами открылись широкие перспективы, новые горизонты безграничных исследований о прошлом казахской степи. Особенный импульс отечественная наука получила благодаря реализации государственного стратегического проекта «Мәдени мұра» («Культурное наследие»), инициированного Президентом страны Нурсултаном Назарбаевым в 2004 г.

В настоящее время решаются многие локальные задачи в пределах территории Казахстана и его регионов. В определённом ракурсе эти проблемы приобретают общеисторическое звучание. Это касается и изучения культуры ранних кочевников, и формирования древних государств (саки, усунь, сюнну (хунну), кангюи, сарматы). Хронологические рамки этого процесса расширяются стараниями археологов. Они также по-иному позволяют взглянуть на проблему взаимодействия скотоводческих племён и

земледельческих оазисов, в результате которого возникали политические и этнополитические объединения.

Этот и другие примеры показывают, что на базе накопленного материала и исследований последних десятилетий археологам предстоит решать глобальные историко-мировоззренческие, культурологические и социологические задачи и проблемы. Решению названных задач во многом способствовала бы специфика сугубо археологического периодического издания. Перед нами стоит цель сделать современный журнал, отражающий как результаты новых полевых исследований, так и теоретические разработки и концепции по вопросам древнейшей и средневековой истории Казахстана, истории его культуры в широком охвате смежных дисциплин. Мы не боимся спорных теорий и острых дискуссий, анализа существующих тенденций и аспектов в науке.

«Археология Казахстана» должна стать исключительно гуманитарным журналом, ориентированным, в первую очередь, на археологов и историков, а также на учёных других исторических специальностей. В этом заключается его отличие от археологических выпусков «Известий» НАН РК, находящихся под незримым диктатом точных, технических и естественных наук, несмотря на то, что они выходят в серии общественных наук. Новый журнал должен взять на себя роль периодического издания, держащего специалистов в курсе последних событий археологической науки и, с другой стороны, стать основой для построения и ввода в научный оборот новых археолого-исторических концепций. Историческая ретроспекция и современное состояние археологической науки на страницах журнала должны обсуждаться в постоянном их взаимодействии. В будущем изданию «Археология Казахстана» предстоит стать неотъемлемым явлением археологической историографии.

Задуманный журнал позиционируется как фундаментальное научное издание. Редакция ставит перед собой цель вхождения «Археологии Казахстана» в круг гуманитарных научных журналов международного уровня, индексируемых глобальными базами данных. Он будет представлять археологическую традицию, связанную с археологическим материалом достаточно длительного периода, и вместе с тем выступать в качестве самостоятельного периодического издания, имеющего больше возможностей для поиска новых форм подачи материала и выражения авторских идей и позиций.

Специальный журнал также открывает новые возможности для обсуждения актуальных проблем и разработки приоритетных направлений в археологии Казахстана. С выходом в свет такого издания появляются более приемлемые условия для знакомства с результатами фундаментальных археологических исследований или их отображения, профессионального их анализа и широкой интерпретации, построения исторических реконструкций, создания новых научных концепций, что осуществимо без ограничений в рамках специфики археологической науки. Мы открыты для сотрудниче-

ства с учеными ближнего и дальнего зарубежья, исследующими вопросы истории и культуры народов, проживавших не только на территории современного Казахстана, но и в целом Центральной Азии. Наш журнал будет представлять достойное пространство для конструктивного сотрудничества отечественных и зарубежных ученых.

Новое издание позволит держать в курсе событий археологической науки в Казахстане профессиональное сообщество археологов и, вместе с тем, поможет направить работу региональных центров в единое русло. Журнал будет участвовать в разработке ряда глобальных проблем, отражающих общемировые тенденции археологической науки. Он скажет своё слово, например, в создании научной истории тюркских народов, опирающейся не только на письменные, но и на археологические источники в пределах среднеазиатско-казахстанского региона или в изучении проблемы Великого Шёлкового пути. Археологический журнал также может внести свой вклад в изучение культуры Казахстана в период развитого и позднего средневековья X–XVIII вв. как части общего тюрко-мусульманского мира. Журнал намерен отражать работу археологов Казахстана по выполнению государственной программы «Рухани жангыру». Здесь значительное внимание должно быть уделено охране археологического наследия и пропаганде археологических знаний. Вопросы разработки соответствующего законодательства и осуществление практических мероприятий (например, консервация и музеефикация крупных археологических комплексов) также могут стать предметом обсуждения на страницах «Археологии Казахстана».

Сфера научных интересов «Археологии Казахстана», как и любого гуманитарного периодического издания, предполагается более обширной, чем текущие археологические исследования, изложенные в полевых отчётах. Это, в принципе, отражает специфику археологии, в построении научно-исторических концепций практикующей междисциплинарный подход, и даже в полевой практике взаимодействующей со многими вспомогательными историческими дисциплинами, когда привлекаются данные исторической ономастики, истории искусства и архитектуры, а также естественнонаучные методы исследований. Мы намерены совместить самые разные направления современной науки – методiku, методологию, практику, теорию, прикладные исследования. Мы открыты для поиска, дискуссии, обратной связи. Наша цель – способствовать развитию археологии в Казахстане.

Издаваемый археологами Казахстана и ориентированный, прежде всего, на археологов-профессионалов с опытом полевой и кабинетной работы журнал предоставит свои страницы для коллег из среднеазиатского и кавказского регионов, всех республик СНГ, археологических школ Москвы, Санкт-Петербурга, Кемерово, Барнаула и других научных центров, а также стран дальнего зарубежья. Мы готовы сотрудничать с представителями исторических и востоковедных дисциплин – источникововедами, нумизматами, филологами, антропологами, этнологами, историками искусства и т.п.,

изучающими материальную и духовную культуру прошлого в широком диапазоне. Хронологический охват публикаций при этом предполагается от начала развития человечества до формирования и упрочения казахской государственности.

Выражаем надежду на то, что «Археология Казахстана» успешно дебютирует, получит поддержку среди профессионалов и представителей других гуманитарных наук, а также получит дальнейшее развитие и будет способствовать последующему подъёму археологии Казахстана. Мы ждем Ваших интересных статей. До встречи на страницах журнала.

*С уважением,
Б.А. Байтанаев*

FROM CHIEF EDITOR

A century and a half passed, as Russian Orientalists and archaeologists P.I. Lerch and V.V. Radlov conducted the first archaeological research on the territory of Kazakhstan. During this period, Kazakhstan's archaeological science has gone through uneasy but progressive and fruitful way of establishment and development. Archaeological discoveries made in Kazakhstan have received worldwide fame and recognition, a huge variety of material, extracted by the efforts of many expeditions and individual archaeologists, has been introduced into the scientific turnover. At present, we can confidently talk about independent archaeological school in Kazakhstan, which has a number of specific features that have taken a worthy place in the archaeological community of the near abroad countries. Kazakhstan archaeologists of different generations took active part in the development of fundamental theories on the worldwide scientific level. This is the problem of the origin of mankind, ancient and medieval urbanization, movement of civilizational flows dating back to the Bronze Age, and other global themes of the world's archaeological and historical problems.

The period of Kazakhstan archaeology formation is marked by creation of "Archaeological map of Kazakhstan", the edition unprecedented in the USSR, since the republics possessing incomparably greater material resources and scientific base did not have at that time their archaeological maps with a detailed register of monuments. The successful implementation of such large-scale project took place thanks to a group of archaeologists led by K.A. Akishev. The initiative to create such fundamental work belongs to the patriarch of Kazakhstan archaeology A.Kh. Margulan. Twenty years later, a large-scale certification of archaeological monuments was started and generally successfully completed, and "Code of monuments of history and culture of Kazakhstan" was written, where archaeological monuments predominate both quantitatively and historically and scientifically.

A landmark in formation of Kazakhstan archaeological school was creation of A.Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan in 1991, in the first year of Independence of Kazakhstan. The Institute has the role of initiator and coordinator in the work of a number of archaeological centers that have developed over the past three decades on the basis of local universities and as independent formations.

At all stages of this process, the matter with publication of archaeological materials was different. Regularly articles, messages and notes of archaeologists began to be printed from the second half of the 1940s, when "Proceedings of the Institute of

history, archaeology and ethnography” and “News” of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR started periodically appear. Archaeologists with scientific degrees had the opportunity to be published in “Bulletin” of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Short messages of Kazakhstan archaeologists on field research appeared regularly in the All-Union yearbook “Archaeological discoveries”, their articles were published in the central organ of archaeologists of the Soviet Union “Soviet archaeology”, published since 1957, and “Short messages of the Institute of archaeology” of the USSR Academy of Sciences. In connection with historical changes of the last decades, as well as with the processes of growth within the very archaeological science of Kazakhstan, which acquires more and more independence and scientific weight in the professional community of archaeologists, it is necessary to publish own archaeological journal in Kazakhstan.

A.Kh. Margulan Institute of Archaeology comes out with this initiative and is ready to serve as a scientific base for the edition, which is intended to be an outpost in the scientific activities of the archaeological direction in the country. To some extent, our edition is a continuation of a well-known series of archaeological collections that were published in Kazakhstan in the period from 1951 to 1980.

This is dictated of the time. National cadres of archaeologists of different levels and scientific areas working at the Institute of Archaeology of the National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan and in the regions have fully formed. They have created a significant scientific potential. Extensive archaeological material requires comprehension and bringing to the world professional community of archaeologists.

Achievements of Kazakhstan archaeological science are obvious. During the years of Independence, the domestic archaeology as a direction of fundamental science has stepped far ahead. We made new amazing discoveries that changed perception of the culture and history of our people. We have opened wide prospects, new horizons of boundless research about the past of the Kazakh steppe. The domestic science received a special impetus thanks to the implementation of the state strategic project “Madeni mura” (“Cultural heritage”), initiated by the President Nursultan Nazarbayev in 2004.

Currently, many local tasks are being solved within the territory of Kazakhstan and its regions. In a certain aspect, these problems acquire a common historical sound. This also concerns the study of culture of the early nomads, and formation of ancient states (Saka, Wusun, Xiongnu, Kangju, Sarmatians). The chronological frameworks of this process are expanded by the efforts of archaeologists. They also allow us to look differently at the problem of interaction between stock-raising tribes and agricultural oases, which resulted in the emergence of political and ethnopolitical associations.

This and other examples show that on the basis of accumulated material and research over the past decades archaeologists will have to solve global historical, philosophical, cultural and sociological tasks and problems. This would

be greatly facilitated by the specifics of a purely archaeological periodical edition. We are aiming to make a modern journal reflecting both the results of new field studies and theoretical developments and concepts on the issues of the ancient and medieval history of Kazakhstan, the history of its culture in a wide coverage of related disciplines. We are not afraid of controversial theories and sharp discussions, analysis of existing trends and aspects in science.

“Archaeology of Kazakhstan” should become an exclusively humanitarian journal, focused primarily on archaeologists and historians, as well as scientists of other historical specialties. This is its difference from the archaeological issues of “News” of the National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan, which are under the invisible dictates of exact, technical and natural sciences, despite the fact that they are published in a series of social sciences. The new journal should assume the role of a periodical edition that keeps specialists informed of the latest events in archaeological science and, on the other side, becomes the basis for constructing and introducing new archaeological and historical concepts into the scientific circulation. Historical retrospection and the current state of archaeological science on the pages of the journal should be discussed in their constant interaction. In the future, the edition “Archaeology of Kazakhstan” will become an inseparable phenomenon of archaeological historiography.

The forethought journal is positioned as a fundamental scientific edition. The editorial board sets a goal to include “Archaeology of Kazakhstan” in the circle of humanitarian scientific journals of international level, indexed by global databases. It will represent the archaeological tradition associated with archaeological material of a fairly long period, and at the same time act as an independent periodical edition, which has more opportunities to search for new forms of presenting material and expressing author’s ideas and positions.

The special journal also opens up new opportunities for discussing topical issues and developing priority areas in archaeology in Kazakhstan. With the publication of such edition, more acceptable conditions appear for acquaintance with the results of fundamental archaeological research or their mapping, their professional analysis and wide interpretation, construction of historical reconstructions, creation of new scientific concepts that can be implemented without limitations within the framework of the specifics of archaeological science. We are open for cooperation with scientists from near and far abroad, exploring issues of the history and culture of peoples who lived not only in the territory of modern Kazakhstan, but also in the whole of Central Asia. Our journal will represent a worthy space for constructive cooperation of domestic and foreign scientists.

Our journal will help to keep the archaeological science in Kazakhstan up-to-date with the professional community of archaeologists and at the same time help to direct the work of the regional centers into a single channel. It will participate in the development of a number of global problems that reflect the worldwide trends of archaeological science. It will say its word, for example, in creating the scientific

history of the Turkic peoples, based not only on written, but also on archaeological sources, within the Central Asian – Kazakhstan region, or in studying the problem of the Great Silk Road. The archaeological journal can also contribute to the study of the culture of Kazakhstan in the period of the developed and late Middle Ages of the X–XVIII centuries as a part of the common Turkic-Muslim world. The journal intends to reflect the work of archaeologists of Kazakhstan on the implementation of the state program “Rukhani jangyry” (“Modernization of social consciousness”). Here, considerable attention should be paid to the protection of the archaeological heritage and promotion of archaeological knowledge. Development of relevant legislation and implementation of practical measures (for example, conservation and museumification of large archaeological complexes) can also be discussed in the pages of “Archaeology of Kazakhstan”.

The sphere of scientific interests of “Archaeology of Kazakhstan”, as well as any humanitarian periodical edition, is supposed to be more extensive than the current archaeological research, set out in the field reports. This, in principle, reflects the specifics of archaeology, in construction of scientific and historical concepts practicing an interdisciplinary approach, and even in field practice interacting with many auxiliary historical disciplines, when data from historical onomastics, history of art and architecture are involved, as well as natural-science research methods. We intend to combine the most diverse areas of modern science – methods, methodology, practice, theory, applied research. We are open to search, discussion, feedback. Our goal is to promote the development of archaeology in Kazakhstan.

Published by archaeologists of Kazakhstan and focused primarily on professional archeologists with field and cabinet work experience, the journal will provide its pages for colleagues from the Central Asian and Caucasian regions, all the CIS republics, archaeological schools in Moscow, St. Petersburg, Kemerovo, Barnaul and other scientific centers, as well as far abroad countries. We are ready to cooperate with representatives of historical and oriental disciplines – source researchers, numismatists, philologists, anthropologists, ethnologists, art historians, etc., who study the material and spiritual culture of the past in a wide range. Chronological coverage of publications is assumed from the beginning of the development of mankind to the formation and consolidation of Kazakh statehood.

We express hope that “Archaeology of Kazakhstan” will successfully debut, will receive support among professionals and representatives of other humanitarian sciences, as well as further development and will contribute to the further rise of archaeology of Kazakhstan. We are waiting for your interesting articles. See you on the pages of the journal.

*Yours respectfully,
B.A. Baitanayev*

К.М. Байпаков

В 1991 г. на геополитической карте мира появилось новое государство — Республика Казахстан. Одним из центральных в истории Казахстана является вопрос об объективной истории, истории культуры, взаимосвязи с другими цивилизациями, духовности народа, об исторических и современных святынях – сакральных местах, поскольку каркас исторической идентичности представляет именно комплекс сакральных мест.

Казахстан входил в зону формирования человека разумного (*homo sapiens*). В энеолитическое время в казахской степи и лесостепи наблюдается переход от охоты и собирательства к производящим формам экономики, к земледелию и скотоводству, к появлению первых религиозных воззрений и культов. Казахстан был одним из регионов коневодства. Такая форма хозяйства была основной у населения энеолитического поселения Ботай в Прииртышье, существовавшем во второй половине III тыс. до н.э.

В эпоху бронзы Казахстан стал одним из центров производства и распространения меди и бронзы в масштабе всего Евразийского континента – от Западного Китая до Балкан. В это время в степных и лесостепных регионах Казахстана формируется культура древних городов, начинается эпоха великих миграций. Была освоена двухколесная колесница, запряженная лошадьми. Быстрое распространение ее подтверждает существование широких миграций, контактов и связей древнего Казахстана, бывшего своеобразным мостом между Азией и Европой.

Важнейшим событием мировой истории было сложение раннекочевнических культур. В Казахстане сформировалась культурная общность ранних государств: Саков, Кангюй, Усуней и Сарматов. По своим последствиям переход к подвижному скотоводству играл не меньшую роль, чем так называемая «городская революция» на Ближнем Востоке, в Месопотамии и Малой Азии, способствовавшая формированию основ цивилизации. О высоком уровне развития, например, сакского общества и цивилизации свидетельствует обнаруженная в погребении исыкского кургана IV в. до н.э. серебряная чашечка с надписью.

Кочевническая культура эпохального типа играла в мировой истории важную роль. Все древние цивилизации, граничащие со степью, в свою очередь влияли на нее. Это хорошо известные по письменным источникам миграции и военные походы степняков к центрам оседлых цивилизаций: киммерийские, скифские походы на Кавказ и в Переднюю Азию, движение парнов, «штурм Бактрии», движение гуннов на Запад.

Одновременно в раннее средневековье в Казахстане, на Сырдарье и в Жетысу, происходит формирование городов на базе оседлых поселений – кангюйских и усуньских. Этому способствовал Великий Шелковый путь, который был важной торговой артерией, диалогом культур и религий. Есть сведения о

том, что он сформировался в VI–IV вв. до н.э. По Великому Шелковому пути распространяются маздеизм, буддизм, христианство и ислам.

Западно-тюркский Каганат, а затем Тюркешское, Карлукское, Огузское и Кыпчакское объединения являются средневековыми государствами, соединившими в своей культуре традиции оседлых и кочевых племен и народов. Государство Караханидов, относящееся к эпохе «Мусульманского Ренессанса» X–XII вв., является одним из высших достижений такого синтеза.

Политические, экономические и культурные связи кочевников и горожан прослеживаются и в более позднее время при выяснении истории развития Ак-Орды и Казахского ханства. Позднесредневековые города сырдарьинского региона Сайрам, Отрар, Туркестан, Сауран, Сыгнак, Созак; в Жетысу – Тараз; Сарайшык – в долине Урала служили центрами экономических связей кочевников и земледельцев. Казахстан был не только страной номадов, но и страной городов, где с VIII–IX вв. утверждается ислам. Мечети, медресе, ханнака, минареты вошли в застройку городов Казахского ханства.

Как известно, многообразие и богатство культурного наследия является основополагающим признаком цивилизованного общества, интеграционным компонентом национального и государственного самосознания. Вещественный блок культурного наследия представляет собой как бы материализованную память народа. Он получает особое звучание в эпоху научно-технической революции и электронных средств информации, когда утверждаются массовые стереотипы, ведущие к глобальной стандартизации, размыванию индивидуальности, как отдельных личностей, так и целых народов. Утрачиваются сложившиеся веками многие культурные традиции, в том числе, духовные, поведенческие и моральные.

Президент страны Н.А. Назарбаев в 2017 г. предложил свое видение модернизации сознания в программной статье: «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания». В ней содержится комплекс из шести взаимосвязанных направлений, касающихся всего общества и в то же время каждого казахстанца, каждого гражданина своей страны.

Необходимым условием модернизации сознания нового типа является сохранение своей культуры, собственного национального кода. Необходимо изучение исторического опыта и традиций в культуре, обращение к национально-историческим корням. История, культурное наследие и национальные традиции должны быть неразрывны. На такой платформе стоит государство, оно соединяет прошлое, настоящее и будущее народа Казахстана.

В числе направлений модернизации сознания общества важное место занимает сохранение национальной идентичности и развитие патриотизма. Неправильно, как показывает современная ситуация, в глобализированном мире отказываться от национальной модели развития к переходу к универсальной – единой для всех. «Нам необходимо оглядываться в прошлое, чтобы понять настоящее и увидеть контуры будущего... Патриотизм начинается с любви к своей земле, к своему аулу, городу, региону, с любви к малой родине». Это одно из замечательных чувств человека. Это память его и народа. Без духовности и любви к святыням прошлого и настоящего, к сакральным местам человек лишается своих корней.

В русле президентской программы «Рухани жаңғыру» выход первого номера нового научного журнала «Археология Казахстана» имеет важное значение. Без сомнения, журнал восполнит все возрастающий интерес наших соотечественников к истории своего народа, к истокам независимости и суверенитета, к своей духовности.

Байпаков Карл Молдахметович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК (Алматы, Казахстан)

3. Самашев

Еліміздің археологиясы біздің болмысымыздың гуманитарлық бағыттағы барлық саласы сияқты жаһандық, сондай-ақ әлеуметтік-мәдени, саяси және басқа да ішкі құбылыстардың ықпал етуінен туған өтпелі кезеңді бастан кешіруде, тиісінше ендігі жердегі ғылыми ізденіс нәтижелерінің мазмұнын 1991 жылдан бері қалыптасқан ұлттық-мемлекеттік мүддедегі жаңа үлгіге сәйкестендіру қажеттігі туып отыр.

Ежелгі және орта ғасырларда Ескі дүниедегі адамзат тарихының барысына түбегейлі ықпал еткен этноәлеуметтік-мәдени үдерістер Еуразия даласындағы Ұлы дала белдеуінің қақ жүрегінде орналасқан Қазақ даласында өтті. Біздің жеріміздің тіршілік әрекетіне оңтайлы табиғи-ландшафтты кешендері мен мыс, қалайы, алтын және басқа да металдарға және бағалы тастарға бай қойнауы бақташылықтан, кейінірек – көшпелі мал шаруашылығынан бөлек, ерте кездерден-ақ өз тарихының ұзына бойына еуразиялық коммуникациялар жүйесіне қосылып отырған көптеген өндірістік орталықтардың, отырықшы-егінші қоныстардың, протоқалалар мен қалалардың пайда болуына ықпал етті, мәдениеттің шығу тегі – Ботай феномені, Беғазы-Дәндібай, Тасмола, Арыс, Отырар және басқа да мәдениеттердің жарқын көрінісімен таңбаланатын түрлі сатылармен және жүйелермен сипатталады. Алайда, менің ойымша, отандық зерттеушілердің алдында тұрған міндет – дала кеңістігінде ежелгі замандардан бастап Қазақ хандығының құрылғандығына дейінгі аралықтағы мәдениеттің шығу тегінің тұтас бейнесін бүгінге дейін жинақталған археологиялық деректерді және заманауи зерттеу қорытындыларын негізге алып және жаңа теориялық-әдістемелік ұстанымдарға сүйене отырып сабақтастық мәнмәтінінде жасап шығу. Тиісінше, жаңа журналдың бетінен алдымен археологияның теориясы және әдістемесі саласындағы зерттеулерді, сонымен қатар жаңа ашылымдар нәтижелерін және жас ғалым-археологтардың шығармаларын, сондай-ақ, Қазақстандағы жаңа археологиялық журналдың «келбеті» мен мазмұнын айқындайтын басқа да ақпараттық-сараптамалық материалдарды көргім келеді. Журнал Орталық Азия мен шекаралас елдердің ғылыми-зияткерлік кеңістігіндегі елеулі құбылыс ретінде жарқ етуі және оқырмандардың арасында кең сұранысқа ие болуы тиіс.

«Қазақстан археологиясы» журналы Қазақстан археологиялық қауымдастығын жұмылдырудың жаңа құралына айнала алады.

Әрине, әртүрлі орталықтар мен мектептерден шыққан зерттеушілер Еуразия даласындағы мәдени-тарихи үдерістерді әрқилы ұғымдар мен түсініктер қолдана отырып түрліше жаңғыртуы және талдауы мүмкін. «Қазақстан археологиясы» халықаралық журналы – тарих пен мәдениеттің өзекті мәселелерін қозғай отырып, ашық ғылыми-сұхбат құратын алаңға айналады және ортақ міндеттерді шешуде ұқсас тәсілдер қолдануды қалыптастырады деп сенеміз. Бұл жалпы адамзат баласына ортақ құндылықтарды зерттеушілердің ерік-жігерінің бір бағытта тоқайласуына ықпал етеді.

Жаңа басылымның өзіне жүктелген тарихи миссиясын абыроймен табысты атқаруын және барлық авторларға шығармашылық жетістіктер тілеймін.

Самашев Зайнолла – тарих ғылымдарының докторы, С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан мемлекеттік университетінің құрметті профессоры (Астана қ., Қазақстан); samashevz@gmail.com

*От коллектива Ботайской экспедиции
В.Ф. Зайберт, Алан Оутрам*

Коллектив международной Ботайской археологической экспедиции поздравляет научную и культурную общественность страны с важным событием в историко-археологической науке Казахстана – выходом нового профессионального журнала «Археология Казахстана» под эгидой Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Надеемся, что новое периодическое издание создаст площадку для обсуждения смелых идей, результатов исследований, станет проводником передового опыта. В настоящее время остро назрела проблема консолидации археологического потенциала, объединения сообщества археологов страны, что позволит регулярно проводить обмен мнениями и обсуждение актуальных вопросов.

Особого внимания требует проблема охраны памятников историко-культурного наследия в связи с формированием проекта нового Закона Республики Казахстан. Необходимо поднять уровень заинтересованности в диалоге между учеными-профессионалами, а также между исследовательскими организациями и представителями власти.

Примечательным является новый курс издания, нацеленный на открытость международному сообществу археологов, а также стремление стать конкурентоспособным.

Желаем коллективу Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством академика НАН РК Б.А. Байтанаева больших успехов в

профессиональной и издательской деятельности! Надеемся, что журнал послужит дальнейшему развитию отечественной археологии.

Зайберт Виктор Федорович – доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института «Археология и степные цивилизации» Казахского национального университета им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); zaibert_ku@mail.ru

Оутрам Алан – доктор археологии, профессор Эксетерского университета (г. Эксетер, Великобритания)

А. М. Хазанов

Создание специального журнала, посвященного археологии Казахстана, разумеется, можно только приветствовать. Потребность в нем давно назрела. Еще в советское время в Казахстане сложилась сильная археологическая школа, лучшие традиции которой должны быть продолжены и развиты далее. Надеюсь, журнал будет способствовать более оперативному введению в научный оборот материалов новых раскопок, открыт для дискуссий и обсуждений, будет объективно представлять различные точки зрения – словом будет таким, каким положено быть серьезным научным журналам. Научные разногласия – это необходимое условие для успешного функционирования любой науки. Монополии на истину в ней нет и быть не должно. Как я любил говорить своим студентам, если два ученых во всем согласны друг с другом, то одного из них надо уволить за ненадобность. Хочу также пожелать, чтобы журнал знакомил читателей с новыми методами археологических исследований, основанными на использовании естественных наук. В этом отношении мировая археология уже достигла больших успехов.

Для меня лично Казахстан – не чужая страна. Я впервые попал в него в 1960 г., сразу после студенческой скамьи, в качестве археолога, только что принятого на работу в Хорезмскую экспедицию. С тех пор утекло много воды, а мои интересы переместились с полевой археологии в сторону исторической антропологии. Но мой интерес к археологии, равно как и любовь к стране и его народу, всегда оставались неизменными, несмотря на превратности моей личной и научной жизни. И я рад тому, что со многими казахстанскими учеными меня связывают многолетние дружеские и коллегиальные отношения.

Казахстан очень богат археологическими памятниками самых различных эпох и я уверен, что в будущем нас еще ожидают многие открытия первостепенной важности. Из-за моих собственных научных интересов для меня особый интерес представляют памятники, оставленные кочевниками. В этом отношении Казахстан – уникальная страна. По моим подсчетам, в некоторые исторические периоды не менее половины всех кочевников евразийских степей, полупустынь и пустынь жили на его территории. Более того, через нее проходили многочисленные миграции кочевников из Внутренней Азии на за-

пад. Одни из кочевников следовали далее, в степи Восточной Европы, другие останавливались на его территории. Но все они оставляли свои памятники, которые поэтому столь разнообразны.

Известно, что именно кочевниками были основные предки казахов. В советское время кочевой образ жизни считался почти извечно отсталым, а историческая роль кочевников нередко сводилась к хищническим и опустошительным набегам и завоеваниям. О том, что для казахов это обернулось гибелью трети народа едва ли нуждается в упоминании. Между тем, роль кочевников евразийских степей в политической, этнической, лингвистической, религиозной и военной истории Старого Мира значительно превышала их ограниченный демографический и экономический потенциал. Кочевыми предками, как и любимыми другими, нельзя кичиться, но и стыдиться их не надо.

Словом, у нового журнала – весьма перспективное будущее. От души желаю ему успеха.

Хазанов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, почетный профессор Университета Висконсин в Медисоне, член Британской Академии; khazanov@wisc.edu

Мартинов А. И.

Появление научного журнала «Археология Казахстана» - это большое событие в стране и за её пределами, в странах евразийского пространства, учитывая, что в современном мире повышается интерес к археологическому наследию, изменяется роль и значение археологической науки.

Территория современной Республики Казахстан, расположенная в центральной части евразийского континента, обладает значительным количеством уникальных археологических памятников мирового археологического наследия от древнейших мест расселения «Homo erectus» до средневековых городов, крепостей и изваяний. Археологическое наследие страны огромно, разносторонне и уникально. Для нас, современников, оно является даром прошлого, своеобразным ресурсом, который достался нам, а мы ответственны за его сохранение и использование в целях развития науки, образования, культуры и туризма, т.е. в целях современного общества. Также задачи перед археологией Казахстана ставит современное общество: законодательство страны по историко-культурному, в том числе и археологическому, наследию и международные документы – хартии ЮНЕСКО и конвенция ООН по наследию. В связи с этими задачами надо учитывать два обстоятельства, связанные с территорией Республики. Казахстан является территорией, значительно наполненной археологическими памятниками и источниками, имеющим первостепенное значение в решении глобальных исторических проблем.

Второе, это особая роль археологии в исследовании процессов, исторического развития, учитывая то, что никаких других источников, кроме археологических, не существует по древней и средневековой истории. Это также касается не только Казахстана, но и России. Для наших стран археология имеет значительно большее значение ещё и потому, что здесь не сложилось, в силу некоторых особенностей, науки по древнейшей истории. Историки древности занимаются историей, в основном, зарубежных территорий: Древний Египет, Греция и Рим. В результате, как в России, так и в Казахстане в рамках существующих сейчас границ единственной наукой о древней истории является археология. Надо понять, что для наших стран археология это больше чем археология в её обычном качестве в других странах. Поле деятельности, цели, задачи и ответственность перед наукой и обществом значительно выше, чем в других странах. Более глобальна и исторична в большинстве своем роль археологии Казахстана.

Современная археология в силу объективных причин должна расширять сферу своего влияния и своей роли как исторической науки: музеефикация богатейшего недвижимого археологического наследия, пространства, в чем мы отстаем от мирового уровня, учитывая требования общества к археологии как исторической науке, способной показать современному человеку историческое развитие как многофакторный процесс, в основе которого «движущими силами» были не социальные, классовые, антагонистические отношения, а открытия, освоение новых материалов, новых технологий, новое понятие революций и их значение в истории человечества: освоение новых жизненных пространств в палеолите-мезолите, революция перехода к производящим типам хозяйств (земледелие, скотоводство) в энеолите и бронзе, освоение горного дела, металлургии и колесного транспорта, революция раннего железного века и др.

Современные требования к археологической науке порождают необходимость изменения задач исследования, концепции исторического развития, т.е. формирования новой исследовательской парадигмы. Современная наука должна реконструировать исторический процесс не как систему исторических формаций, а как процесс многовекторного цивилизационного развития.

Историю как глобальный процесс развития нельзя в наше время демонстрировать только как социально-классовый процесс. В наше время не выдерживает критики возникшая в XIX в. теория формационного развития истории. История развивается как многовекторный процесс под действием объективных законов исторического развития, которые надо знать и учитывать в исследовательской практике. Это закон влияния природной среды в истории (археологии); закон цивилизационного развития; закон естественного возникновения и развития раннегосударственных образований как системы управления; закон распространения новаций; закон этнического лидерства в истории и закон сохранения и передачи традиций.

В исследовательской практике мы обычно не замечаем действия этих объективных, независимых от людей и обществ законов, рассматривая народ, общество как творца истории. На самом деле люди, общества действуют в соответствии с этими законами, испытывая их влияние. Среди них одним из основных в археологические периоды является закон влияния природной среды.

Современная историческая наука традиционно рассматривает историческое развитие как социальный процесс. Археология своими открытиями показывает, что основной движущей силой в истории являются новации, появление новых технологий, освоение новых материалов, а социальные отношения являются лишь их отражением.

В современной археологии, несомненно, важна роль интерпретации, т.е. объяснения археологических фактов, учитывая особенности археологических источников, их вещественность и предметность. По этой причине особое значение приобретают современные методические и методологические исследования археологических источников, расширение спектра извлечения информации из археологического источника и творческий, профессиональный, аналитический подход исследователя.

Позволю себе остановиться на основных современных задачах науки. По эпохе камня большой интерес, на мой взгляд, представляют события появления древнейших людей в горных территориях Казахстана, Центральной Азии. Что касается мезолита и неолита, то здесь наиболее результативным может быть внимательное исследование влияния природной среды на историческое развитие.

Особого внимания требуют проблемы палеометаллической эпохи, учитывая, что с ней связано начало распространения на территории Казахстана и Южной Сибири производящего хозяйства в форме скотоводства, начало горного дела, металлургии, распространение колесного транспорта. Своего рода показателем этих сложных процессов является распространение курганных погребений со скорченными костяками на территории современного Казахстана. Особого внимания заслуживают проблемы раннего железного века I тыс. до н.э. на территории Казахстана и всего степного пояса Евразии в связи с известными в мире открытиями памятников, свидетельствующих о высоком уровне цивилизационного развития на пространстве Великой степи и горных долин Евразии. За последние десятилетия накоплена, на мой взгляд, критичная масса источников и фактов, позволяющая археологии показать свою исключительную роль в исследовании исторических процессов в древности и представить ранний железный век I тыс. до н.э. в мировой истории как период четырех цивилизаций: Греко-римская (Средиземноморская), Индо-иранская, Китайская и Евразийская. Великолепные курганные комплексы: Аржан, Пазырык, Туэкта, Шибе, Салбык на востоке; Чертомлык, Солоха и Куль-Оба на западе; Шиликты, Иссык, Берел, Филипповка в центре – это памятники древней Евразийской цивилизации I тыс. до н.э.

Ещё две проблемы раннего средневековья, достойные археологического журнала. Я имею в виду кочевничество как историческую форму хозяйства и жизни, тюркизацию как историческое явление Евразии.

Научный журнал, полагаю, должен иметь свои особенности, его аудитория шире любого издания по археологии и задачи шире: показать значение для нас современников археологического прошлого.

В добрый путь, журнал!

Мартынов Анатолий Иванович – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки России (г. Кемерово, Россия); prof_martynov@mail.ru

Скорый С. А.

Дорогие коллеги, казахские археологи!

Мне чрезвычайно приятно поздравить Вас с рождением нового, исключительно важного научного издания – журнала «**Археология Казахстана**»!

В последние десятилетия и буквально в недавнее время казахские археологи сделали удивительные, по сути, ошеломляющие открытия в области древнейшей и средневековой истории, имеющие, без преувеличения, огромное значение не только для всего обширного центральноазиатского региона, но и европейского также.

Достаточно вспомнить важнейшие по своей значимости результаты, полученные при исследовании погребальных памятников кочевников раннего железного века, оставивших яркие следы своего присутствия на Ваших землях.

Знакомство с Вашими научными работами, личные контакты с казахскими археологами убедительно свидетельствуют, сколь важно наше сотрудничество, поскольку становится вполне очевидным тот факт, что в древней истории Казахстана и Центральной Азии в целом, с одной стороны, Украины и Европейского региона, с другой стороны, есть достаточно много общего.

Несомневаюсь, что журнал «**Археология Казахстана**» станет важнейшим научным изданием в области археологии, древней и средневековой истории не только центральноазиатского, но и евразийского масштаба, аккумулирует новейшие достижения в области археологии, теории и методики научных изысканий. Разумеется, этому будет способствовать трёхязычие журнала.

В добрый путь!

Скорый Сергей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины, главный редактор журнала «Археологія і давня історія України» (г. Киев, Украина); idanfirs@ukr.net

*От сотрудников Евроазиатского отдела
Германского Археологического института*

Др. А. Наглер

Евроазиатский отдел Германского Археологического института был создан в 1995 году и сразу же установил контакт с Институтом археологии Казахстана. Начались многолетние контакты с казахстанскими коллегами, многочисленные научные поездки по стране, совместные раскопки, конференции. Для нас открылся совершенно необычный, невероятно многообразный и яркий мир, населенный гостеприимным, добрым и мудрым древним народом. Народом, не перестающим нас удивлять особым, трепетным и бережным отношением к прошлому своей страны.

Огромные пространства Казахстана включают в себя самые разнообразные ландшафты, которые были населены людьми, уже начиная с каменного века. Многие тысячелетия на территории Казахстана жили различные народы, оставившие многочисленные материальные свидетельства – памятники археологии, которые стали предметом научного изучения с XVIII века. Для нас очень важным является то, что с первых своих шагов оно было связано с немецкими учеными, такими как Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас, И.Г. Георги и др.

С тех пор археология Казахстана прошла длительный путь развития и обогатила мировую науку открытием важнейших для истории Евразии культур, таких как атбасарская, ботайская, алакульская, бегазы-дандыбаевская, тасмолинская. Изучены и введены в научный оборот разновременные памятники, многочисленные могильники, поселения и городища.

После обретения Казахстаном независимости, казахстанские археологи начали активно и плодотворно сотрудничать с археологическими центрами США, Франции, Италии, Бельгии, России, Монголии. Успешные многолетние научные связи существуют с научными учреждениями Германии – Музеем горного дела в Бохуме, Фондом Прусского культурного достояния и Германским Археологическим Институтом. В их рамках были осуществлены многочисленные раскопки, публикации, конференции и конгрессы, а также масштабные выставки «Под знаком золотого грифона. Царские могилы скифов» (2007–2008) и «Неизвестный Казахстан. Археология в сердце Азии» (2013), ставшие настоящими событиями в научной и культурной жизни Казахстана и Германии.

Особенно крупные успехи достигнуты в изучении сакской эпохи.

Археологи Северо-Казахстанского университета совместно с Евроазиатским отделом Германского Археологического Института исследовали курганный могильник Байкара в Северо-Казахстанской области. На нем было раскопано несколько курганов андроновского, скифского и сарматского времени, но основным объектом был большой сакский курган. Это был один из самых крупных курганов северо-казахстанской лесостепи – его диаметр достигал 85 м, а высота 7 м. Раскопки данного объекта, осуществленные в течение трех полевых сезонов, принесли совершенно неожиданные результаты – курган, вошедший в науку под названием Большой курган Байкара, был не погребальным, а культовым сооружением скифского времени, святилищем, своеобразным храмом крупного сакского объединения на территории Северного Казахстана. Форма курганного сооружения в ряде деталей полностью соответствует скифским храмам, описанным Геродотом. На сегодняшний день это первый исследованный археологами за более чем 200 лет раскопок подобный памятник. И это был первый большой курган Евразии, на котором были проведены мультидисциплинарные исследования, давшие уникальные результаты, введенные в научный оборот в ряде статей и в двуязычной монографии.

Выдающимся научным открытием казахстанских археологов стали комплексные исследования курганного могильника Берел на Алтае. В курганах были исследованы могилы с мерзлотой, содержавшие большое количество предметов из органических материалов – дерева, кости, войлока, волос,

ткани и т.д., позволившие реконструировать костюмы людей, ковры, конское убранство. Как и сами раскопки, реконструкции были проведены на высоком профессиональном и научном уровне.

И здесь нельзя не вспомнить о предшественнике этих достижений, о знаменитом ученом В.В. Радлове, занимающем особое место в ряду немецких исследователей Казахстана. В 1858 г., после защиты диссертации в Берлине, Радлов уехал в Россию, где изучал тюркские языки и овладел ими настолько, что свободно разговаривал с местными жителями во время своих научных поездок по Алтаю, Монголии, Сибири и Средней Азии, где изучал языки и фольклор тюркских народов. С 1894 г. до своей смерти в 1918 г. академик В.В. Радлов был директором Музея антропологии и этнографии Академии наук России и стал основателем российской тюркологии. Он опубликовал большое количество работ, важнейшей из которых является семитомное издание «*Proben der Volksliteratur der turkischen Stämme Südsibiriens*».

В.В. Радлов был не только выдающимся лингвистом, но и археологом. В 1891 г. руководя Орхонской экспедицией в Монголии, он сделал выдающееся открытие – им были найдены орхоно-енисейские надписи, которые он затем перевел и опубликовал. В книге «*Aus Sibirien*» по итогам своих раскопок в Сибири и Восточном Казахстане он предложил первую научную периодизацию памятников археологии этих регионов. Но самым большим достижением Радлова, как археолога, были раскопки в 1865 г. курганов в Береле и Катанде. В могилах с мерзлотой им были впервые найдены сакские предметы из органики – деревянные изделия, одежда, ковер и т.д. Этим были заложены основы выхода в дальнейшем сакской археологии на качественно более высокий уровень.

В последние годы казахстанская археология обогатила мировую науку интереснейшими находками из раннесакских курганов Шиликты и Талды-2.

Но самым большим достижением, вне всякого сомнения, стали недавние раскопки неграбленного раннесакского элитного кургана магильника Елеке Сазы в Тарбагатайском районе на востоке Казахстана. Это первая такая удача после знаменитой находки в кургане Иссык и, безусловно, она войдет в историю мировой науки. Мы все искренне поздравляем казахстанскую науку, наших коллег, сделавших столь выдающееся открытие, и с нетерпением ждем публикаций результатов исследований полученных материалов.

Казахстанская археологическая наука, к сожалению, не имела до сих пор периодического печатного органа. Эта лакуна теперь будет заполнена новым журналом «Археология Казахстана», который будет издавать Институт археологии им. А.Х. Маргулана. Предстоит серьезная и интересная работа по выпуску ежегодно в свет 4-х номеров академического издания.

Желаем нашим казахстанским коллегам больших творческих успехов и ждем на страницах нового журнала работы по различной тематике, быстрого ввода в научный оборот результатов новейших исследований.

Будем рады предоставить возможность работать с новым журналом многочисленным исследователям, посещающим библиотеку нашего отдела.

Наглер Анатолий – доктор археологии, Германский археологический институт (DAI) (г. Берлин, Германия); Anatoli.Nagler@dainst.de

Sadakatsu Kunitake

Kazakhstan and Japan have close scientific ties in the field of history and archaeology of joint expeditions, conferences, scientific publications.

Kazakhstan has been the center of cross-cultural contacts in Eurasia since ancient times all over its huge territory. There were permanent migrations of ancient people and that can be testified by many investigations of archaeological sites in Kazakhstan.

Especially the territory of Kazakhstan attracts specialists in the field of Paleolithic age of Japan, because it represents a transit way of migration of modern humans to the Eastwards where Japan was as an ending point. The joint surveys of paleolithic sites in the territory of Kazakhstan begun in 2017 and already yielded certain results.

The stratified sites in Karatau related to the Initial or Early Upper Paleolithic age were newly revealed and clearly show settlement of modern humans under ideal conditions. Joint surveys in the field of Paleolithic age of Kazakhstan are at the initial stage, we hope that they will continue for a long time and results will be introduced in the Journal of Kazakhstan Archaeology.

Creation of a new journal by A.Kh. Margulan Institute of Archaeology is a considerable event not only for scientists of Kazakhstan, but also other countries. That will promote and accelerate to activate dialogue between scientists of the different countries and those of Kazakhstan. They will discuss and solve jointly urgent problems of modern archaeology through exchange of opinions and experience. Many valuable information and knowledge about Kazakhstan archaeology will spread out all over the world by this journal.

On behalf of the Japanese colleagues I want to wish that the Journal of Kazakhstan Archaeology will continue to be published for a long time, creative achievements, be integrated into the international scientific environment and soon gain a high position in the list of the international rating journals.

Sadakatsu Kunitake – Senior Researcher, PhD, Nara National Research Institute for Cultural Properties, Japan; kunitakesadakatsu@gmail.com

ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.Х. МАРҒУЛАНА. ОБРАЗ УЧЕНОГО И ЧЕЛОВЕКА

© 2018 г. Д.А. Маргулан

Алькей Хаканович Маргулан – феноменальное явление в истории отечественной науки, основоположник археологии и этнографии в Казахстане. А.Х. Маргулан был первопроходцем в исследовании духовных святынь своего народа, первооткрывателем веками скрытых тайн истории народа. Проехав десятки тысяч километров по Казахстану от его западных границ через весь Центральный Казахстан до северо-восточных и восточных пределов нашей родины, он открыл и описал памятники материальной культуры с эпохи бронзы и ранних кочевников до позднего средневековья, изучал обычаи и традиции казахов, эпические сказания, легенды и предания, места обитания протоказахских племен.

Ключевые слова: археология, А.Х. Маргулан, история науки, первооткрыватель, археолог, этнограф, фольклорист

Алькей Хаканович Маргулан родился 11 мая 1904 года в Акпетинской волости* [*ныне Баянаульский р-н Павлодарской обл. – прим. авт.]. Отец будущего ученого Хакан – прямой потомок знаменитого Олжабай-батыра, объединившегося совместно с Богенбай-батыром, Наурызбай-батыром, Кабанбай-батыром под знаменем Абылай-хана, отстаивших независимость родины в войне с джунгарами. Олжабай-батыр был ближайшим сподвижником Абылай-хана; его знаменосцем. Подвиги Олжабая воспевал Бухар-жырау, его воины слушали наставления Каздауысты Казыбека. Известно, что в 1772 г. Олжабай-батыр и Едиге-бий пишут письмо русской императрице Екатерине II с требованием вернуть северные казахские земли, Кулундинскую степь.

Зимовкой Олжабая были красивейшие окрестности озера Жасыбай, ныне это перевал Дулата, названный в честь сына Олжабая, бывшего в свое время управителем Айдабулской волости. Летом племя Малгозы-Айдабол откочевывало на берег р. Шидерты. Отец Алькея Хакан и мама Нурила знали много народных сказок и легенд, дома звучали народные песни; стихи и песни Абая. Потомок Олжабая Алькей научился читать и писать в 5 лет, с юных лет знал наизусть эпосы «Кобланды», «Алпамыс», «Кер-оглы», «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». В доме Хакана бывали Машхур-Жусуп Копеев, Жаяу Муса, Имантай Сатпаев и другие известные в степи люди.

Начальное образование Алькей получил в аульной школе. С 1915 г. он учился в трехклассной русской шко-

ле в Баянауле; в 15 лет едет учиться в гимназию в Екатеринбург, но учеба оборвалась из-за гражданской войны. В 1919 г. Алькей Хаканович поступает на учительские курсы в г. Павлодаре, живет в доме знаменитой певицы Майры, где впитывает напевы степи, кюи Таттимбета. После окончания курсов в 1920 г. возвращается в родной аул и работает учителем в Далбинской школе. В 1921 г. поступает в Семипалатинский педагогический техникум, директором которого был выдающийся казахский просветитель Абиkey Зеинович Сатпаев. В 1939 г. Алькей Хаканович женится на дочери А.З. Сатпаева Раушан Абиkeyевне.

В годы учебы в Семипалатинске Алькей Хаканович сотрудничает в редакциях журнала «Тан» и газеты «Қазақ тілі». Здесь он знакомится с Мухтаром Омархановичем Ауэзовым, дружба с которым связывает его на долгие годы. Духовное наследие великого Абая становится в этот период темой исследований А.Х. Маргулана. Вместе с М.О. Ауэзовым они едут на родину Абая, в горы Чингизтау (Шыңғыстау), знакомятся с сыном Абая Турагулом и внуком Джабраилом, великолепно исполнявшим песни Абая. В эти же годы Алькей Хаканович знакомится с Магжаном Жумабаевым, крупнейшим казахским поэтом, их связывает сердечная дружба.

По совету М.О. Ауэзова в 1925 г. Алькей Хаканович едет в г. Ленинград, где поступает на литературный факультет Восточного института, одновременно посещает лекции в Ленинградском университете и Институте истории искусств. А.Х. Маргулан писал: «В этих вузах мне посчастливилось слушать лекции самых выдающихся ученых нашей страны: академика В.В. Бартольда по

истории и археологии Средней Азии, академика С.Ф. Ольденбурга по индийскому фольклору и искусству, академика И.Ю. Крачковского – по арабской филологии, Е.Э. Бертельса – по персидской поэзии; С.Е. Малова – по древнетюркским языкам, А.Н. Самойловича – по литературе народов Средней Азии, академик Н.Я. Марра, И.И. Мещанинова, Л.В. Щербы по языкознанию, выдающихся востоковедов В.В. Струве, Б.Я. Владимирцова, Б.М. Эйхенбаума, С.И. Руденко; А.Ю. Якубовского, известного географа Г.Е. Грум-Гржимайло. Благодаря усилиям этих корифеев мы, студенты, уже на 2 курсе чувствовали себя учеными»* [*из записей, сохранившихся в семейном архиве – прим. авт.]. Ему особенно были близки работы крупнейшего тюрколога Е.Э. Бертельса, арабоведа, знатока и переводчика Корана И.Ю. Крачковского, эпосоведа В.М. Жирмунского, академик К. Розанова, Е.В. Тарле.

Успешно осваивая основы наук, А.Х. Маргулан изучает первоисточники в богатейших архивах Ленинграда; увлекается сбором литературных и архивных материалов по истории и культуре казахского народа. В эти годы он занимается и литературной деятельностью. В его переводе казахский читатель впервые знакомится с произведениями выдающихся русских и зарубежных писателей.

В Ленинграде Алькей Хаканович знакомится с А. Затаевичем, приезжает вместе с ним на каникулы в родные края, где знаменитому музыковеду удалось записать много казахских народных песен.

В 1926–1927 гг. будущий ученый принимает участие в Казахстанской и Алтайской экспедициях Особого комитета по исследованию со-

юзных и автономных республик АН СССР под руководством академика А.Е. Ферсмана и профессора С.И. Руденко. Знание А.Х. Маргуланом быта и обычаев, нравов и культуры казахского народа оказало большую практическую помощь в работе антропологического отряда экспедиции. Результатом участия Алькея Хакановича в работе экспедиции явилась публикация им первых научных работ о племенах найман и адай.

В 1929 г. Алькей Хаканович заканчивает учебу в Восточном Институте, успешно защитив дипломную работу о творчестве Абая, затем он работает в Комитете нового алфавита при Наркомпросе КазССР.

В 1931 г. А.Х. Маргулан поступает в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) в г. Ленинграде. Здесь он вплотную занимается изучением восточных источников под руководством академика С.Ф. Ольденбурга и члена-корреспондента АН СССР А.Ю. Якубовского, специализируется по археологии и искусству Восточного Туркестана, принимает участие в ряде археологических экспедиций, возглавляемых известными археологами С.И. Руденко, М.П. Грязновым, А.А. Миллером, Н.И. Репниковым, пишет статьи о наследии Машхур-Жусупа Копеева, истории декабристов в Казахстане, казахской культуре и Алишере Навои; начинает изучать творчество Ч.Ч. Валиханова. В те же годы в ГАИМК учились А.П. Окладников, А.Н. Бернштам, С.П. Толстов, К.В. Сальников, И.И. Смирнов – будущий цвет советской науки.

Для кандидатской диссертации А.Х. Маргулан выбрал сложную, малоизученную и в наше время представляющую огромный научный интерес проблему «Историческое зна-

чение ярлыков и пайдзе». По сути это была одна из первых попыток исследования письменных памятников кыпчакской этнокультурной общности. Справедливо считая кыпчакскую проблему ключевой в этногенезе казахского народа, Алькей Хаканович на протяжении всей жизни не упускал ее из поля зрения. Как известно, она тесно переплетена не только с этнической историей казахов, но и с историей тюркоязычных народов Средней Азии и Юго-Восточной Европы, поэтому исследования А.Х. Маргулана и ряда его учеников о кыпчаках проливают свет на историю многих народов Евразии. В 1943 г. им успешно защищена кандидатская диссертация. Высокую оценку работе дал известный востоковед Н.В. Кюнер.

С 1936 по 1938 гг. А.Х. Маргулан является стажером, а затем и научным сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР. Однако начинаются годы сталинских репрессий. Увлеченность молодого ученого проблемами национальной культуры не остается незамеченной, за этим следуют арест, изоляция в каземате Петропавловской крепости. Чудом уцелев, А.Х. Маргулан в дальнейшем неизменно находился под наблюдением органов, постоянно подвергался критике со стороны своих коллег. Так, партийный историк Б. Степанов в журнале «Большевик Казахстана» писал: «Доктор филологических наук Маргулан в своей книге “Эдыге в истории и преданиях” (1944 год) наделяет Эдыге – этого злейшего врага русского народа – всеми лучшими чертами казахского народа, называет его истинным представителем народа» [Степанов, 1947, с. 41]. И далее Б. Степанов продолжает: «В книге А. Маргулана “О характере и исторической обусловлен-

ности казахского эпоса”, в которой обобщен большой труд, автор не дал партийного освещения тех задач, какие должны были быть решены в этой книге. <...> Извечная борьба за независимость, положенная в основу периодизации истории казахского эпоса, развитие производства, классовая борьба, чаяния и ожидания народных масс в борьбе против эксплуататоров – все это остается в тени» [Степанов, 1947, с. 42]. Подобные многочисленные пасквилы и доносы послужили причиной того, что А.Х. Маргулан целиком погрузился в археологические изыскания. Но и здесь возможность спокойно работать была иллюзией, о чем свидетельствует тот факт, что в волну репрессий 1950-х гг. А.Х. Маргулан на несколько лет становится безработным.

В конце 1938 г. решением президиума АН СССР А.Х. Маргулан был направлен в Казахский филиал АН СССР. С тех пор он непрерывно работал в системе КазФАН СССР, позднее преобразованном в Академию наук Казахской ССР. В 1941–1946 гг. он заведует сектором истории, с 1946 по 1951 г. – сектором археологии и отделом палеолита, с 1958 по 1976 гг. – отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. С 1976 г. до конца жизни был старшим научным сотрудником отдела этнографии. Основательное образование в сочетании с пылливостью ума и исключительным трудолюбием обеспечило ему право первооткрывателя во многих областях казахстанской науки: археологии, истории племен региона, истории культуры и искусства, этнографии и филологии казахского народа.

С начала 1940-х гг. А.Х. Маргулан наряду с изучением письмен-

ных памятников и исследованием духовной культуры и фольклора казахов одним из первых начинает заниматься поиском археологических памятников материальной культуры древних насельников Казахстана. По его инициативе был организован ряд археологических и этнографических экспедиций в самые глубинные районы казахских степей.

А.Х. Маргулан прошел маршрутами караванных путей и кочевков казахов тысячи и тысячи километров, отыскал десятки археологических памятников, всесторонне их исследовал и систематически описал. Он доказал, что Казахстан не был, как полагали до него многие исследователи, безжизненной пустыней, которую изредка пересекали кочевые пути nomadов. Именно А.Х. Маргуланом были обнаружены и основательно изучены следы древней городской культуры Южного Казахстана в бассейнах рек Сырдарья, Талас и Шу. Он произвел предварительные археологические раскопки на Отраре, Таразе, Сайраме. Сыгнаке, Сарайшыке. Одновременно собирал казахские предания, легенды, эпические сказания. Результатом этих исследований стала изданная в 1950 г. монография «Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана», в которой впервые были описаны крупнейшие центры городской цивилизации, дан их глубокий, научно обоснованный анализ.

А.Х. Маргулан впервые поставил вопрос о наличии и взаимодействии в Казахстане различных типов хозяйственно-культурной деятельности, показал необходимость их всестороннего изучения, поскольку в то время преобладало мнение о том, что в археологическом отношении регион не представляет для науки

интереса. Результатом его исследований в области истории культуры казахского народа явилась защита в 1945 г. докторской диссертации на тему «Эпические сказания казахского народа», в которой вопросы эпического жанра получили глубокое и всестороннее исследование. Высокую оценку работе дали академики В.А. Гордлевский и И.И. Мещанинов, члены-корреспонденты АН СССР В.М. Жирмунский и С.Е. Малов. В 1946 г. Казахский филиал АН СССР преобразуется в Академию наук Казахской ССР, а А.Х. Маргулан; как видный ученый республики, избирается ее членом-корреспондентом; в 1958 г. – действительным членом. В 1960 г. ему было присвоено звание профессора.

В послевоенное время по совету академика К.И. Сатпаева А.Х. Маргулан избирает объектом своих исследований Центральный Казахстан. Многолетние исследования позволили ученому открыть в регионе крупнейший очаг цивилизации эпохи бронзы и самобытную бегазы-дандыбаевскую культуру. В течение трех десятилетий под руководством А.Х. Маргулана велись археологические изыскания памятников эпохи бронзы и ранних кочевников. Эти исследования способствовали пересмотру ряда теорий об основных этапах генезиса номадизма, процесса эволюции хозяйства и культуры древнейших насельников региона, роли этнокультурных связей. В наше время, благодаря этим исследованиям, стало общепризнанным положение о том, что генетическим дериватом андроновской этнокультурной общности явилась сакская культурная общность, в пределах которой эволюционировало скотоводческое хозяйство древних насельников, а ключевым

связующим звеном между ними явилась бегазы-дандыбаевская культура [Маргулан, 2008б].

Об этой самобытной культуре, сконцентрировавшей лучшие творения древних жителей Сарыарки, свидетельствуют грандиозные мавзолеи, поселения древних рудокопов и металлургов, сохранившиеся до наших дней остатки металлургического производства. На основе огромного фактического материала ученый приходит к выводу, что горное дело и металлургия наряду со скотоводством и земледелием были древнейшими видами хозяйственной деятельности протоказахских племен. Об этом свидетельствуют многочисленные горные выработки и металлургические центры, появившиеся в древние времена и разбросанные по всей степи, как результат деятельности древних рудокопов и металлургов. Во многих древних рудниках Центрального Казахстана были обнаружены шахты, штольни, штреки, квершлагги. Для осуществления промывки и мокрой флотации руды существовали водосборные ямы, обнаружено большое число плавильных печей. На основании обнаруженных фактов ученый приходит к сенсационному выводу, что казахские степи благодаря богатейшим недрам были родиной металлической культуры, т.е. наши далекие пращуры принимали активное участие в становлении цивилизации на земле. Этот вывод ученого подтверждается открытыми в последнее время в разных странах архивными материалами. Горнорудный промысел и металлургия в древние времена достигли крупномасштабных форм производства, добыча руды в наиболее крупных разработках достигала сотен тысяч тонн, т.е. была значительной даже по современным мас-

штабам. В результате крупных объемов выплавленной меди в те далекие времена появилась меновая стоимость и экспорт меди. О масштабах этой формы деятельности говорит факт экспорта меди по караванным путям в древний Рим, Китай и другие страны [Маргулан, 2008а].

А.Х. Маргулан всегда был многопланов в своих научных изысканиях, параллельно разрабатывал сразу несколько проблем, каждой из которых хватило бы для многолетнего изучения не одному десятку ученых. Со студенческих лет работая в архивах Ленинграда, Москвы, Омска и других городов, он по крупицам собирал материалы о выдающемся казахском ученом Ч.Ч. Валиханове, всесторонне исследовал его научные труды. Результатом неустанной работы в этом направлении стало издание избранных трудов Ч.Ч. Валиханова в 1958 г. В 1957–1967 гг. А.Х. Маргулан возглавил академическое издание собрания сочинений Ч.Ч. Валиханова в пяти томах. Этот огромный труд требовал от ученого колоссального напряжения и скрупулезного труда. А.Х. Маргуланом и его сотрудниками были выявлены десятки новых, прежде неопубликованных работ, рукописей, писем, записок. Необходимо было изучить наследие русских путешественников и ученых, современников Ч.Ч. Валиханова. Была проделана огромная работа по исследованию всего рукописного наследия Ч.Ч. Валиханова, составлению комментариев, объяснению различных сюжетов, уточнению достоверности сообщений и т.д. Результатом источниковедческой работы явилось пятитомное собрание сочинений великого казахского ученого, вышедшее в 1961–1972 гг. Вступительная статья А.Х. Маргулана о жизни и деятель-

ности Ч.Ч. Валиханова определила целое научное направление – чокановедение [Маргулан, 1961]. К 150-летнему юбилею со дня рождения ученого было подготовлено и выпущено под руководством А.Х. Маргулана второе издание. Алькей Хаканович планировал выпуск этого издания в шести томах, но осуществить этот замысел ему не удалось. Список источников для шестого тома сочинений Ч. Валиханова хранится в архиве ученого.

Прослеживается некоторое сходство подходов к проблемам истории у этих двух выдающихся казахских ученых. И тот и другой получили прекрасное европейское образование, для обоих характерно глубокое постижение русской культуры и масштабный подход к проблемам истории, а также других гуманитарных наук. Своему любимцу Алькей Хаканович посвятил две монографии. «Чокан и “Манас”» вышла в 1971 г. [Маргулан, 1971]. В этой работе А.Х. Маргулан на основе сравнительного исследования различных вариантов эпоса «Манас» дает блестящий его анализ, а также показывает конкретный вклад Ч.Ч. Валиханова в его изучение.

Особое место в творчестве А.Х. Маргулана занимает архитектура Казахстана. Для монографии «Архитектура Казахстана» ученый собирал материалы на протяжении нескольких десятилетий. Она посвящена истории и эволюции строительного дела и архитектуры на земле казахов, начиная с эпохи бронзы до позднего средневековья. Монография, состоящая из четырех частей: «Древняя архитектура Казахстана», «Доисламская архитектура», «Архитектура средневекового Казахстана», «Архитектура позднего средневеко-

вья», оснащена огромным количеством комментариев и рисунков. Эта работа дает представление о совершенном чувстве композиции и гармонии, присущем нашим предкам [Маргулан, 2008в].

С точки зрения этнографии история материальной культуры кочевников и их преемников казахов представлена в фундаментальном труде «Казахское народное прикладное искусство», в котором системно представлены предметы быта казахов, одежда, жилище, предметы ювелирного искусства, их происхождение и эволюция. По существу это энциклопедия казахского прикладного искусства, оснащенная уникальным по полноте и сводным по характеру собранием шедевров народного художественного творчества [Маргулан, 2008г]. Этот фундаментальный труд в трех томах вышел уже после смерти ученого.

Важно остановиться еще на одной работе ученого «Древние казахские племена, история их объединений и образование Казахского ханства», где А.Х. Маргулан пишет о том, что на протяжении всего исторического времени существовала тенденция к сближению древних протоказахских племен, к образованию единого этноса. В раннее средневековье в истории казахов появляется объединение «Ушжуз», в домонгольское время в результате усиления тенденции сближения племен появляется союз племен «алаш». Важнейшим этапом в процессе консолидации протоказахских племен было образование Казахского ханства. В работе А.Х. Маргулана «Древние казахские племена, история их объединений и образование Казахского ханства» - первого государства в истории казахов описан памятник, имеющий для казахов огромное историческое

значение. Как пишет ученый, во времена образования Казахского ханства в 1467 г. на берегу р. Сарысу в Центральном Казахстане состоялся синклит, в котором приняли участие вожди крупных племен трех жузов, и на скале Тамгалы-тас была высечена надпись на кипчакском языке об объединении племен в единый казахский народ. Это место официального провозглашения казахского народа. В народе его называют «қазақтың ұран шақырып, қазақ біріккен жері» [Маргулан, 2008д].

О своеобразии, глубине и насыщенности духовного мира наших предков свидетельствуют работы, посвященные легендам и эпическим сказаниям разных племен, истории письменности нашего народа. Поражает, с какой любовью и восхищением, как поэтически возвышенно писал он о культуре каждого из племен, образовавших казахский этнос. Сквозь время – это урок и упрек трайбалистам нашего времени.

Возглавляя в течение многих лет Центрально-Казахстанскую археологическую экспедицию и отдел этнографии, А.Х. Маргулан способствовал развитию археологии и этнографии в Казахстане. Им подготовлено не одно поколение казахстанских ученых, этнографов, археологов, историков. Среди его учеников – видные археологи этнографы, исследователи эпохи бронзы и раннего железа – А.М. Оразбаев и М.К. Кадырбаев, древнетюркской эпохи – Ф.Х. Арсланова, кыпчакской этнической общности – С.М. Ахинжанов, этнической истории казахов – М.С. Муканов, семейно-брачных отношений у казахов – Х.А. Аргынбаев и многие другие.

Столь впечатляющая состоятельность, естественно, вызывает интерес к личности ученого. От при-

роды мягкий и добрый человек, он никогда не отзывался ни о ком отрицательно. В целом жизнь его для постороннего глаза была на редкость однообразной. Преданность научной проблеме, видение в ее разрешении смысла жизни, всесторонняя образованность, гуманность, бескорыстие, не суетливость, достоинство, способность жертвовать собой были свойственны ему, составляли его человеческую суть. По существу, это общие моменты, сближающие ученых-творцов. Специфика общественных, гуманитарных наук такова, что ученый-творец должен любить свой предмет и, если его предмет – история культуры, история народа, то ученый должен любить свою культуру, свою историю, свой народ, поскольку творчество в общественных науках не просто получение нового знания, но и понимание смысла бытия народа. Недаром, именно ученые-обществоведы подвергаются репрессиям, именно они открываются в своих пристрастиях, иначе сделать нечто значительное в науках об обществе невозможно. Такие ученые живут настоящими ценностями и потому по-настоящему счастливы, хотя зачастую они не приняты обществом, не обласканы властями.

Избрав еще в юности свой путь в науке, Алькей Хаканович настолько был предан ему, что даже в минуты отдыха как бы был погружен в предмет своего исследования. Так, можно было наблюдать, как поздно вечером Алькей Хаканович, устав, брал в руки домбру и наигрывал кюи, пел любимые им песни. И нам представлялось, что бескрайние степные просторы и древние города, бурлящая в них жизнь вставали перед взором ученого. Красота степи и древних городов, творения их жителей настоль-

ко восхищали его, что он как бы сам жил в ту эпоху. Алькей Хаканович не торопился с публикацией трудов, откладывал написанное, позднее вновь возвращаясь к нему. Огромную работоспособность до последних дней жизни можно, с одной стороны, объяснить методом работы, если утомляла работа в одной области исследований, он переходил к другой. К тому же скрупулезная работа с первоисточниками постоянно увлекала его в иные области исследований.

Когда читаешь рукописи А.Х. Маргулана, бросается в глаза большое количество эпитетов в превосходной степени. Ученый не скрывал своего восхищения творениями кочевников. Красота, раскрывавшаяся перед ним, любовь к родной земле, к своему народу были для него родником, из которого он черпал силы на протяжении всей жизни.

Крупнейший исследователь памятников Средней Азии, друг Алькея Хакановича проф. М.Е. Массон в юбилейном приветствии писал, что А.Х. Маргулан «не просто плодотворный исследователь, он принадлежит к той плеяде ученых-энтузиастов, вдохновение которых роднит науку с поэзией. Есть у него общее с деятельностью Чокана Валиханова, чьи произведения он пестовал при их издании. Оба прочно и навсегда вошли в науку»* [*Записи из семейного архива – прим. авт.].

В 2012 г. было завершено издание 14-титомного Собрания сочинений А.Х. Маргулана, осуществлённое по программе «Культурное наследие». В Предисловии к первому тому Собрания сочинений ученого Н.А. Назарбаев написал: «Подвижническая работа великого казахского ученого А.Х. Маргулана и его последователей положила начало позна-

нию цивилизации, появившейся на территории Казахстана более 4 тысяч лет назад» [Назарбаев, 1998]. Перед нами стоит задача выпустить полное Собрание сочинений ученого, что позволит оценить титанический труд и понять осуществление грандиозного замысла.

А.Х. Маргулан прожил долгую жизнь и тем не менее поражает громада его научного наследия, диапазон предметных исследований ученого и временной охват истории. Органичное сочетание в нем содержания мировой культуры и традиционных ценностей казахов явились основой появления фундаментальных трудов. Академик Ш.Ч. Чокин в своей книге воспоминаний «Четыре времени жизни» пишет: «То, что он сделал для реставрации духовного наследия народа, выходит за рамки науки и имеет общечеловеческое значение» [Чокин, 1991].

А.Х. Маргулан ушел из этого мира 12 января 1985 года. Он относится к ученым, родившимся в дореволюционную эпоху. Сердцем он из той эпохи, поэтому ему так близок и дорог мир кочевника, со свойственным ему тотемным стилем мышления и трепетным отношением к духу предков, миру мифов и легенд, миру юрты и степных просторов, открытых Космосу.

Академик А.Х. Маргулан оставил огромное научное наследие, по предварительным данным состоящее из 14 томов фундаментальных трудов. Только выпуск полного собрания сочинений позволит оценить титанический труд и понять осуществление грандиозного замысла.

Рожденные гением Первого Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым национальная программа «Мәңгілік ел» и национальная идея «Рухани жаңғыру» явились велением времени. Без трудов А.Х. Маргулана невозможно глубоко и правильно понять национальную идею и характер преобразований, происходящих в наше время. В них заложены духовные и культурные основы казахов, изучение которых и реконструкция в свете современных глобальных реалий и модернизационных процессов в общественных отношениях позволят донести идеи духовной консолидации, общности культурных ценностей [Назарбаев, 2014; 2017].

Алькей Хаканович Маргулан пришел в этот мир с миссией, которую он достойно выполнил. Человек большого ума и сердца сквозь время приходит к нам сегодня своими трудами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маргулан А.Х.* Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алматы: Изд-во АН КазССР, 1961. Т. 1. С. 9-103.
2. *Маргулан А.Х.* Чокан и «Манас»: исследование о Чоканском варианте эпоса «Манас». Под ред. М. Магауина. Алма-Ата: «Жазушы», 1971. 164 с.
3. *Маргулан А.Х.* Собрание сочинений в 14-ти томах. Алматы: «Алатау», 2008а. Т. 5.
4. *Маргулан А.Х.* Собрание сочинений в 14-ти томах. Алматы: «Алатау», 2008б. Т. 6. 494 с.
5. *Маргулан А.Х.* Собрание сочинений в 14-ти томах. Алматы: «Алатау», 2008в. Т. 8. 469 с.

6. Маргулан А.Х. Собрание сочинений в 14-ти томах. Алматы: «Алатау», 2008г. Т. 12. 574 с.

7. Маргулан А.Х. Собрание сочинений в 14-ти томах. Алматы: «Алатау», 2008д. Т. 13. 446 с.

8. Назарбаев Н.А. Предисловие // Маргулан А.Х. Собрание сочинений в 14-ти томах. Алматы: «Атамура», 1998. Т. 1. С. 5.

9. Назарбаев Н.А. «Мәңгілік Ел» - многовековая мечта о независимости Казахстана. 15.12.2014. URL: <http://www.adilet.gov.kz/ru/leaflet/mngilik-el-mnogovekovaya-mechta-o-nezavisimosti-kazahstana> (дата обращения: 01.10.2018).

10. Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания. 12.04.2017. URL: http://www.akorda.kz/ru/special/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (дата обращения: 01.10.2018).

11. Степанов Б. Об идеологических ошибках работников общественных наук Казахстана // Большевик Казахстана. 1947. № 1. С. 34-47.

12. Чокин Ш.Ч. Четыре времени жизни: воспоминания и размышления. Алматы: «Білім», 1998. 432 с.

Сведения об авторе:

Маргулан Дanelь Алькеевна – спецредактор 14-томного «Собрания сочинений А.Х. Маргулана» (г. Алматы, Казахстан); dmargulan@list.ru

Ә.Х. МАРҒҰЛАННЫҢ ӨМІРІ МЕН ҒЫЛЫМИ ҚЫЗМЕТІ. АДАМ ЖӘНЕ ҒАЛЫМ БЕЙНЕСІ

Д.А. Марғұлан

Өлкей Хақанұлы Марғұлан – отандық ғылым тарихындағы өте сирек кездесетін құбылыс, Қазақстан археологиясы мен этнографиясының негізін қалаушы. Ә.Х. Марғұлан өз халқының рухани қасиетін зерттеуде алғашқылардың бірі болды, халық тарихындағы ғасырлар бойы тұнған құпияларды алғашқы болып ашты. Қазақстанның батыс шекарасынан бастап Орталық Қазақстан арқылы отанымыздың солтүстік-шығыс және шығысына дейін ондаған мың шақырымды жүріп өтіп, ол қола және ерте темір дәуірінен бастап кейінгі ортағасырларға дейінгі ескерткіштерді ашып, сипаттады, қазақ халқының салты мен дәстүрін, эпикалық әңгімелерін, аңыздарды, қазақ тайпаларының қоныстанған жерлерін зерттеді.

Түйін сөздер: археология, Ә.Х. Марғұлан, ғылым тарихы, алғашқы, археолог, этнограф, фольклорист

LIFE AND SCIENTIFIC ACTIVITY OF A. KH. MARGULAN. IMAGE OF SCIENTIST AND PERSON

D.A. Margulan

Alkey Kh. Margulan is phenomenon in the history of national science, founder of archaeology and ethnography in Kazakhstan. A.Kh. Margulan was pioneer in the study of spiritual sanctuaries of his people, pioneer for centuries hidden secrets of the history of the people. Having traveled tens of thousands of kilometers across Kazakhstan from its western borders across Central Kazakhstan to the northeastern and eastern limits of our homeland, he discovered and described monuments of material culture from the Bronze Age and early nomads to the late Middle Ages, studied customs and traditions of Kazakhs, epic tales, legends and stories, places of living of Proto-Kazakh tribes.

Keywords: archaeology, A.Kh. Margulan, history of science, pioneer, archeologist, ethnographer, folklorist

REFERENCES

1. Margulan, A. Kh. 1961. In *Valihanov Ch.Ch. Sbranie sochinenii v 5 tomah (Collected works in 5 volumes)*, 1. Almaty: Academy of sciences of KazSSR Publ., 9-103 (in Russian).
2. Margulan, A. Kh. 1971. *Chokan i «Manas»: issledovanie o Chokanskom variante eposa «Manas» (Chokan and «Manas»: a study on the Chokan variant of the epos «Manas»)*. M. Magauin (Ed.). Alma-Ata: «Zhazushy» Publ. (in Russian).
3. Margulan, A. Kh. 2008a. *Sbranie sochinenii v 14-ti tomah (Collected Works in 14 volumes)*. T. 5. Almaty: «Alatau» Publ. (in Russian).
4. Margulan, A. Kh. 2008б. *Sbranie sochinenii v 14-ti tomah (Collected Works in 14 volumes)*. T. 6. Almaty: «Alatau» Publ. (in Russian).
5. Margulan, A. Kh. 2008в. *Sbranie sochinenii v 14-ti tomah (Collected Works in 14 volumes)*. T. 8. Almaty: «Alatau» Publ. (in Russian).
6. Margulan, A. Kh. 2008г. *Sbranie sochinenii v 14-ti tomah (Collected Works in 14 volumes)*. T. 12. Almaty: «Alatau» Publ. (in Russian).
7. Margulan, A. Kh. 2008д. *Sbranie sochinenii v 14-ti tomah (Collected Works in 14 volumes)*. T. 13. Almaty: «Alatau» Publ. (in Russian).
8. Nazarbayev, N. A. 1998. In *Margulan A.Kh. Sbranie sochinenii v 14-ti tomah (Collected Works in 14 volumes)*, 1. Almaty: «Atamura» Publ., 5 (in Russian).
9. Nazarbayev, N. A. 2014. In URL: <http://www.adilet.gov.kz/ru/leaflet/mngilik-el-mnogovekovaya-mechta-o-nezavisimosti-kazahstana> (in Russian).
10. Nazarbayev, N. A. 2017. In URL: http://www.akorda.kz/ru/special/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizatsiya-obshchestvennogo-soznaniya (in Russian).
11. Stepanov, B. 1947. In *Bolshevik Kazahstana (Bolshevik of Kazakhstan)*, 1, 34-47 (in Russian).
12. Chokin, Sh. Ch. 1998. *Chetyre vremeni zhizni: vospominaniya i razmyshleniya (Four times of life: memories and reflections)*. Almaty: «Bilim» Publ. (in Russian).

About the Author:

Margulan Danel A. Special Editor of the “Collected Works of A.Kh. Margulan” in 14 volumes, Almaty, Kazakhstan; dmargulan@list.ru

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 22.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.10.2018.

АКАДЕМИК ӘЛКЕЙ ХАҚАНҰЛЫ МАРҒҰЛАН МҰРАСЫ

© 2018 ж. Ә.М. Манапова

Әлкей Хақанұлы Марғұланның есімі әлемдік ғылымда кең танылған. Ә.Х. Марғұланның бізге қалдырған мұрасы – бұл әлемдік мәдениет қазынасына қосылған теңдесі жоқ мұра. Ә.Х. Марғұлан алғаш рет Сарыарқаны өз бағытымен қамтыған ҚазКСР ҒА Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының ұйымдастырушы және жетекшісі болды. «Ежелгі Қазақстан қалалары мен құрылыс өнерінің тарихынан», «Орталық Қазақстандағы Беғазы Дәндібай мәдениеті» монографияларының баспадан шығуы еліміздің ғылыми өміріндегі аса ірі жаңалық болды. Зерттеушінің Қазақстан археологиясы, архитектурасы, этнографиясы, ежелгі және ортағасырлық тарихы, әдебиет және өнер тарихының басты мәселелеріне арналған 300-ден астам ғылыми және ғылыми танымдық мақалалары жарық көрді. Академик Әлкей Хақанұлы Марғұлан – жан-жақты ғалым. Зерттеген әр салаға өзінің мол мұрасын қосты. Археологиялық мәдени мұраны зерттеуі ең маңыздысы.

Түйін сөздер: археология, Ә.Х. Марғұлан, Орталық Қазақстан, мұра, сәулет, этнография, тас дәуірі, қола дәуірі, металлургия, ортағасыр, қалалар

Таудың биіктігі алыстаған сайын байқалатыны сияқты уақыт өте келе Әлкей Хақанұлының өмір жолы, ғылымда алған орны ұлғая түсуде. Қазақтың белгілі энциклопедист ғалымы, Қазақ КСР Ғылым Академиясының академигі, Қазақстан ғылымына еңбегі сіңген ғылым қайраткері, филология ғылымының және мәдениеттану ғылымының докторы, профессор Әлкей Хақанұлы Марғұлан (1904–1985) алпыс жылдан аса өмірін қазақ халқының тарихын зерттеп, дамытуға археология, этнография, сәулет өнері, өнертану, әдебиет және қазақтың халық ауыз әдебиетінің келелі мәселелерімен айналысты.

Қоғамдық ғылымдардың әртүрлі салаларына қомақты үлес қосқан ғұлама ғалым, өзі зерттеген әр

саланы ұлттық ғылыми дәрежесіне жеткізді, фольклористика, археология, этнография, көне сәулет тарихы т.б. салада қомақты еңбектер қалдырды. Ленинградта іргелі білім алған академик ғалым өзінің бүкіл саналы өмірін ғылымға арнады. Қазақ жерінде сақталған көне ескерткіштер туралы жазылған деректерді терең зерттеп, олардағы мәліметтердің тым аз екенін, елдің, жердің тарихын толықтыратын тек археология екеніне көзі жетті. Ә.Х. Марғұлан археология ғылымының барлық дерлік мәселелеріне тоқталып өтіп, жәнеде өзінен кейінгі зерттеушілерге археология ғылымының дамуы үшін теориялық бағыт бағдар берді. Бұған дейін археолог күрегі тимеген Сарыарқамен мыңдаған шақырым аймақта зерттеу жүргізген ғалым

Орталық Қазақстанда қалыптасып өмір сүрген әртүрлі тарихи кезеңдерден сақталған өркениет ошақтарын ашып, ғылыми айналымға енгізді.

40-жылдардың басынан бастап көне жазба ескерткіштері және қазақ халқының рухани мәдениетін, фольклорын жан-жақты зерттеумен бірге Қазақстан жеріндегі археологиялық ескерткіштер комплексін іздестіру, табу және зерттеу ісін алғашқылардың бірі болып бастады [Библиография ученых Казахстана, 1984].

Археология дегеніміз – бұл өткен заман ескерткіштерін үздіксіз іздеу, заттай мәдениет комплекстерін, ерте замандағы адамдардың іздерін ашу. Өзімнің экспедициямды, адамдармен сұхбатымды, қазба жұмыстарымды, тапқан заттарымды еске алсам – бұл менің өмірімдегі өте бақытты да қуанышты күндерім. Далада еңбектің бағасы, іске және сөзге деген адалдық сыналады. Мұндай өнбейтін жұмысқа шыдам керек дей келе, мен археолог ғалым М.П. Грязнов пен С.И. Руденконың экспедициясына қатыстым, А.Н. Бернштам, С.С. Черников, Л.Р. Кызласов және басқа да еліміздің атақты ғалымдарымен бірге жұмыс істедім. Өзімнің оқушыларым К.А. Ақышев, М.К. Қадырбаев, Х.А. Алпысбаев, А.М. Оразбаевпен жәнеде жас коллегаларым С.М. Ақынжанов, К.М. Байпақов, Л.Б. Ерзаковичпен және басқаларымен де жұмыс істедім - дейді Н.Э. Масановпен сұхбатында.

Ол археологиялық зерттеу жүргізіп, ол жүргізген зерттеулерін қортындыламас бұрын өзіне дейінгі жүргізілген зерттеулерге тоқталып, сараптама жасап отырған. Мысалы ол «Шығыс Бетпақ – даланың тарихи топографиялық фонь», –

деген мақаласында Шу және Сарысу өзендерінің бассейндеріндегі ескерткіштер жөніндегі мәліметтер: академик А.И. Шренк, Ш. Уәлиханов, геодезист Ю.А. Шмид, статист Л.Р. Чермак, тау инженері А.А. Козырев, гидротехник А.П. Соловьев және басқалардың жазбаларында көрсетілген деп жазды [Марғұлан,1950]. Бұдан ғалымның қаншама салалар бойынша мәліметтермен қанық екенін байқауға болады.

Оның негізгі жеткен жетістігі Қазақстанды кейбір зерттеушілер айтқандай тіршіліксіз дала, уақыт өте кейбір көшпенділердің жолы ғана түйісетін аймақ деген тұжырымын жоққа шығаруы болды. Қазақстан жерінде тіршіліктің, көне мәдениеттің болғандығын, бірақ әртүрлі жағдайларға байланысты олар үзіліп, көне қоныстарды құм басқанын ғылыми тұрғыда анықтап, өз зерттеулерімен дәлелдеп берді.

Қазақстанда бір-бірімен тығыз байланысты әр түрлі мәдени шаруашылық типтердің болғандығын да Ә.Х. Марғұлан бірінші рет күн тәртібіне қойып оны жан-жақты зерттеудің қажеттігін әрқашан айтып отырды. Ол кезде Қазақстанның археологиялық зерттеу тұрғысында ғылым үшін берері болымсыз деушілер пікірі басым болғандықтан да, оның бұл саладағы ғылыми зерттеулерінің маңызы аса зор болды. Осындай келелелі мәселелермен айналысқан ғалымды Қазақстандағы археология ғылымының негізін салушылардың бірі деуіміз әбден орынды.

Оның археологияға қызығушылығын 1948 ж. Мәскеу Университетінің археология кафедрасының студент-дипломнигі кезінен таныс болған Л.Р. Кызласов – Ә.Х. Марғұлан жайында жазған

өзінің мақаласында Әлкей Хақанұлы Марғұланды үш қырынан көрсетеді: бірінші және негізгісі туған жеріне және өз халқына берілгендігі, екіншіден ғылымға берілгендігі, үшіншіден даладағы барлау жұмысына батыл кірісіп кететіндігі. Жаратылысынан аттан түспеген ол түйе үстінде сағаттап желе беретін, «тума талантты шабандоз еді», - деп есіне алады. Сонымен қатар: «Речь пойдет не только об ученом человеке Маргулане, но и об его стране — Центральном Казахстане. Удаленные почти на столетия, туда, назад, в конец 40-х годов, оба они — Маргулан и Центральный Казахстан — оказались для меня неразрывно связанными и одинаково памятными. Тогда, в 1948 году, наступал третий сезон моего путешествия в Древнетюркский каганат, в его увлекательнейшую историю, в его чудом сохранившийся быт... В 1946 и 1947 гг. я работал в Туве» [Кызласов, 2004], - деп Орталық Қазақстан мен Ә. Марғұланды бөліп қарай алмайтынын жазды.

Соғыстан кейінгі жылдарда Ә.Х. Марғұланның негізгі ғылыми зерттеу жұмысы көне мәдени ескерткіштерге өте бай, бірақ шын мәнісінде әлі зерттелмей ғылым үшін беймәлім болып келген Орталық Қазақстанмен тікелей байланысты болды.

1946 жылы тікелей Ә.Х. Марғұланның ұйымдастыруымен Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы құрылды. Аты Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы болғанымен экспедиция Қазақстанның басқа аймақтарында да зерттеу жұмыстарын жүргізді. Олар Оңтүстік, Батыс Қазақстан өңірлері. Ә.Х. Марғұланның алғашқы жылғы

есебінен оның ежелгі тарихты өте жақсы білгендігін байқауға болады. Әр ескерткішке жан жақты сипаттама беріп, өзіне дейінгі зерттеушілер еңбектеріне сілтеме жасап салыстырмалы түрде өз ойын жеткізіп отырады. Есепке жалпы шолу жасасақ: тас балбалдар, тастағы таңбалар, архитектуралық құрылыстар, ежелгі елді мекендер жөнінде мәлімет аламыз. Қаратаудың солтүстік жазығынан (ежелгі Созақ, Баба Ата, Құмкент, Шолақ Қорған, Саудакент, Күлтөбе, Ақтөбе және т.б.) ежелгі қала қалдықтары зерттелді деген жолдардан ортағасырлық қалалар мәселесі алғашқы жылдан-ақ ғалымның назарынан тыс қалмағанын көреміз [Маргулан, 1948].

Ә.Х. Марғұланың өз зерттеулерінде кең ауқымды аймақтарды ғана емес, хронологиялық шеңбері мол ескерткіштерді қамтыды. Ол өз зерттеулерінде неолит дәуірінің тұрағын, Беғазы-Дәндібай және андрон мәдениетінің қоныстары мен қорымдарын, ерте көшпенділер археологиялық ескерткіштері мен халықтардың Ұлы қоныс аударуы тұсындағы ескерткіштерді, тас мүсіндер мен тасқа салынған суреттерді, ирригациялық құрылыспен ежелгі керуен жолдарын, VIII–X ғасырлардағы тастан жасалған архитектураның ескерткіштері және ортағасыр қалаларын, XIII–XIV ғғ. мавзолейлер мен XIV–XIX ғғ. қазақ күмбездерін ашты. Әр жылдардағы жұмыс қорытындылары Ғылым Академиясының хабарларында үзбей жарияланып отырды.

Әлкей Хақанұлының көп жылғы еңбегі К. Ақышев, Ә. Оразбаев, М. Қадырбаевтармен бірігіп жазған «Орталық Қазақстанның ежелгі мәдениеті» [Маргулан и др., 1966] атты кітапта қорытындыланды.

1967 ж. осы ұжымдық монография Қазақ КСР ҒА-ның Ш.Ш. Уәлиханов атындағы мемлекеттік сыйлықты иеленді.

Осыдан кейінгі келелі іргелі зерттеу еңбегі көп жылдық зерттеу жұмыстарының жемісті қорытындысы «Орталық Қазақстандағы Беғазы Дәндібай мәдениеті» монографиясы 1979 ж. шықты, бұл кітабы археологиялық ғылыми әдебиеттің алтын қорына енді. Кейін бұл еңбек 1998 ж. ғалымның шығармалар жинағының бірінше томына енді.

Ә.Х. Марғұланның ежелгі заман ескерткіштерінің ішінде тас дәуірі ескерткіштерін зерттеуі кешенді болмағанмен Қазақстанда жүргізілген зерттеулерді саралаған еңбектері мол. Оның 1998 ж. жарық көрген шығармалар жинағының 1 томында тас ғасыры ескерткіштерінің зерттелуіне жан жақты тоқталып, сараптама жасалды. Осы еңбегінде соңғы 40 жыл ішінде Қазақстанда неолит ескерткіштерін ашу мен зерттеуде археологтар көп жұмыс атқарғандығын талдап жазды.

Ә. Марғұланның зерттеулерінің негізгі бағыты қола дәуірі болды. Қола дәуірі ескерткіштері басқа тарихи кезеңдерге қарағанда көбірек зерттелгенімен, көптеген мәселелер әлі де түбегейлі шешіле қойған жоқ. Мұның өзі отандық археология ғылымының үздіксіз дамуын көрсетеді [Құрманқұлов, 2008].

Қазіргі күнде Ә. Марғұланның ғылыми еңбектерінің арқасында сақтар мәдениеті андронов мәдениетінің заңды жалғасы екендігі толық дәлелденсе, бұл екі мәдениеттің арасында Беғазы–Дәндібай мәдениетінің дәнекерлік роль атқаратындығы ғылыми тұрғыда негізделді. Беғазы–Дәндібай мәдениеті әлеуметтік-экономикалық даму деңгейі және

мәдени жетістігінің көрнектілігі жағынан Триполье, Қарасуктан кем қалмайтын Сарыарқадағы тамаша құбылыс. Бұл мәдениетке ғалым Беғазы, Бұғылы, Саңғыру, Айбасдарасы, Дәндібай ескерткіштерін жатқызады. Қола дәуірінің немесе Беғазы–Дәндібай мәдениетінің ескерткіштері шығысы Абыралы тауы мен Шыңғыс жотасынан батысы Ұлытау тауына дейін созылып жатыр. Орталық Қазақстанның қола дәуірін айғақтайтын этап ескерткіштері өзіндік ерекшеліктерімен бөлініп көрінеді, бұл бізге дейін жеткен алғашқы монументалды құрылыс (XII–X және X–VIII ғғ. б.д.д.) деп көрсетті Ә.Х. Марғұлан [Марғұлан, 1979].

Ғұлама ғалым қазақ даласында металлургияның даму тарихына көп көңіл бөліп, ежелгі металлургияның көптеген ескерткіштерін ашты және сипаттамасын берді. Олар: Жезқазған, Саяк, Алабұға, Үрпек, Имантау, Шақпақ, Суық Бұлақ, Атасу. Ол өзінің еңбектерінде қазақ даласы алтын мен мыс елі екендігі туралы ертедегі Геродот, Әл-Идриси, Әбілғазы т.б. еңбектерінде кездестіреміз деп атап көрсетеді.

Орталық Қазақстанның топонимикасында кенге байланысты терминдер көптеп кездеседі: Жезді өзені, Жезқазған, Қазан сынған – кен қорыту кезінде қазан сынған жер, Қалайы қазған, Кенгей, Кенгір өзені, Кен қорытқан, Қорғасынтау, Ұстаның жалы, Темірші тау. Қазіргі уақытта ғалымның сипаттамаларының дәлелі іспетті Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы Жезқазғаннан алпыс шақырымдай жерде Талдысайда металлургия орталығын ашып зерттеуде.

Қола дәуірінен беріқарай келе жатқан тағы бір ескерткіштер тобы, су қоймалары – тоғандар, Ә.Х. Марғұлан

еңбектерінде ерекше орын алған көктемгі суы тез сарқылатын далада егін салуға мүмкіндік беретін бұл құрылыстардың маңызы зор. Қарапайым адам мүлдем көңіл аудармайтын жер бетінде нобай ғана сақталған бұл тоғандарды тауып, зерттеп, жобасын сызып алу тек Ә.Х. Марғұлан сияқты қазақ даласын алақанындай оқи білетін, аңғарымпаз кісінің ғана қолынан келеді. Ол кісі оннан аса тоғандардың сипаттамасын беріп, сызбасын жасады.

Ә.Х. Марғұланды «мұртты қорғандарды» зерттеушілердің алғашқыларының бірі деуімізге оның басшылығымен 1946 ж. археологиялық экспедицияның есебі ретінде жазған мақаласы дәлел бола алады. Экспедиция Қарағанды облысының Ұлытау, Жезқазған, Жаңаарқа аудандары территориясында орналасқан қорғандарды зерттеді. Қорғандар Сарысу, Кеңгір, Жезді, Байқоңыр және Бұланты өзендерінің маңында көптеп кездеседі.

Сарыарқадағы сақтардың өнер туындылары, дүниетанымын көрсететін тасбетіндегі суреттердің ірі тобын Ә.Х. Марғұлан Байқоңыр, Бұланты бойынан, Теректі әулие бұлағының басындағы таулардан тауып зерттеген. Автордың анықтауынша олардың дүниетанымының биік дәрежеде болғаны, өнерінің жетік екені дәлелденген.

Қазақстанның ортағасырлық археология тарихы өте тереңде жатыр. Ортағасырлық ескерткіштерге археологиялық зерттеулер жүргізу арқылы сол уақыттағы халықтардың тыныс-тіршілігінен, сол уақыттың мәдени және саяси өмірінен мол мағұлматтар аламыз. Отандық ғылымда Ә. Марғұланның ортағасырлық ескерткіштерді зерттеулерде алар орны ерекше. Оның

жан-жақты ғылыми-зерттеу еңбектерінде ортағасырлық Қазақстандағы қыпшақтардың этномәдени құрылысы мәселесі жоғары орын алады. Болашақта қазақ халқының этноқұрылымында қыпшақ мәселесі негізгі кілті болатыны сенімді болған Ә.Х. Марғұлан бұл мәселені жан-жақты қарастырып отырды. Шығыстанудың ленинградтық классикалық мектебінен алған білім оның мұсылман әлемінің жазбаша ескерткіштерін араб, парсы, ежелгі түрік жазбаларын түпнұсқадан оқуына мүмкіндік жасады. Ол ортағасырлық Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, Гардизи, ал-Идриси, Бируни, Махмуд Кашгари, Зақрия Казвини, Жамал Кашри, Ауфи және басқа да көптеген авторлардың еңбектерін ғылыми айналымға қосты.

Әлкей Хақанұлы Марғұлан жас ғалымдар мен аспиранттарына тарихи деректерді рет-ретімен қарауға, қол жетерлік барлық жазба ескерткіштерді қамтуға, әр уақыттағы, әртүрлі бағыттағы және кей уақытта бір-біріне қарама қайшы келетін пікірлерді анықтауға әрқашанда жол сілтеп отырды. Ә.Х. Марғұлан қыпшақтануда айқын із қалдырды, - деп баға берді ҚР ҰҒА академигі Б.Е. Көмеков [Күмеков, 2004].

Ә.Х. Марғұлан XIV ғ. бірінші жартысы деп танылған Нұрадағы қыпшақ қабірін ашты. Бұл қыпшақ қабірі жөнінде 1959 ж. жан-жақты зерттеп, [Марғұлан, 1959] келелі мақала жариялады. Ал академиктің басты мақсаты болған ежелгі түркі тақырыбын оның үш оқушысы жалғастырды. С.М. Ақынжанов қыпшақтар жөнінде бағалы еңбек қалдырды, Б.Е. Көмеков араб және парсы деректері бойынша қимақтар мәселесін, А.Ш. Қадырбаев XIII–XIV ғғ. түріктер мен ирандықтар жайында ортағасырлық қытай деректерін сөйлетті.

Ә. Марғұлан қазақ жеріндегі тас мүсіндерді де ғылыми тұрғыда түбегейлі зерттеді. Ол тас мүсіндерді тауып, көзімен көріп, қолымен ұстап, бұл жөнінде саликалы ой айтып, ғылыми тұжырым жасады. Сөйтіп, бұл ескерткіштердің қазақ халқының көне замандарда осы өңірді мекендеген ата-бабаларының мұрасы екендігін ғылыми тұрғыдан дәлелдеп берді. Сыртқы құрылысы бойынша тас мүсіндер екі түрде кездеседі; бір тобы граниттен жасалған төрт бұрышты тас шарбақтың күншығыс жиегінде, екінші тобы үйген тас обалардың күншығыс жақ етегінде. Ғұлама ғалым ежелгі мал өсіруші тайпалардан қалған жоғарыдағы тас мүсіндерді егжей-тегжейлі зерттей келе, олардың даму тарихын екі кезеңге бөледі. Ә. Хақанұлының айтуынша, мұның бірі VII–VIII ғғ. Түркі қағанаты дәуірінде орнатылған тас мүсіндер, екіншісі VII–XIII ғғ. Орталық Қазақстанды мекендеген Қыпшақ тайпаларынан қалған ескерткіштер.

Академик Ә. Марғұлан Қазақстанның ортағасырлық қалаларын зерттеудің негізін қалаушылардың бірі болды. Археолог-ғалым басқарған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы (ОҚАЭ) 1946–1950 жж. Орталық Қазақстанда, Оңтүстік Қазақстанда, Талас, Шу өңірлерінде және Батыс Қазақстанда археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізді.

Орталық Қазақстанда жүргізген археологиялық зерттеулердің барысында 60-тан аса ортағасырлық қалалар мен бекіністер т.б. ескерткіштер ашылды. Олардың 10-ға жуығы Есіл өзенінің бассейнінде, 9-ы Нұраның бассейнінде, 10-ы Сарысудың жағасында, 10-ы Кеңгір өңірінде, 4-і Жезді өзенінің жағасында, 10-ы Ұлытаудың оңтүстік беткейінде,

1-і Ақтауда, 1-і Мойынты өзенінің жоғарғы ағысында, 3-і Қарқаралы тауында, 2-і Баянауыл ауданында орналасқан [Марғұлан, 1978].

Ортағасырлық керуен жолдарын зерттеуде Ә. Марғұланның еңбегі көңіл аударарлық. Оның бір зерттегені Бетпақдала бойымен өтетін бірнеше керуен жолдары. Бетпақдала – Қазақстанның оңтүстігі мен орталық Қазақстан арасында жатқан байтақ шөл дала. Мұның ішінде белгілілері «Хан жолы», «Қарқаралы жолы», «Уанас жолы», «Жетіқоңыр жолы», «Сарысу жолы». Бұлардың барлығы бұрын оңтүстік өлкелермен Орталық Қазақстанды, Ертіс бойын, Күнбатыс Сібірді байланыстырып, олардың арасында мәдени, сауда қарым-қатынастарын күшейтуде маңызды болған жолдар [Марғұлан, 1949].

Ғалым Тараздан шыққан керуен жолы Оққұм, Қызылқорғанды басып өтіп, Болаттауға барғанда Қарқаралы мен Хан жолдарына қосылған дейді. Бұл пікірді Б.Е. Көмеков те қолдайды. Ал М. Елеуов қолдай отырып, кимақ жолының бағытын былайша көрсетеді: Тараздан солтүстікке бет алған кимақ жолы Қоңыртөбе, Шөлтөбе, Кавакеттегі елді мекендер арқылы Қонысбай, Оққұм, Төрткүл, Ынтымақ, Шаруашылық, Байжантөбе қалары мен елді мекендерінен өтіп, Ұланбел өткеліне барғанда, Шу керуен жолын кесіп өтіп Шудың оң жағасына шыққан, онан әрі Қызылтүз шатқалы, Ұзынтау, Ақбастау, Саркөл шатқалдары арқылы өтіп Болаттауға барғанда, Хан жолы мен Қарақаралы жолына қосылған [Елеуов, 1999].

Академик Ә. Марғұлан Уанас, Жетіқоңыр жолдары туралы былай дейді: «Уанас және Жетіқоңыр жолдары оңтүстіктегі Отырар, Түркістан және Созақ қалаларынан басталған. Созақтан бірге шыққан бұл жол Шу өзеніндегі Тайөткел (не

Көкмұрынтай) өткеліне жеткенде екіге бөлінген: бір жол Жетіқоңыр құмдарына қарай бет алса, ал екінші жол (Уанас) Сарысу, Есіл, Нұра өзендері алқабына Ертістің Төменгі ағысына дейін жалғаса берген» [Маргулан 1949].

Оның 1950 ж. шыққан «Ежелгі Қазақстан қалалары мен құрылыс өнерінің тарихынан» деген еңбегі ортағасырлық Қазақстанның, нақтылай түссек Жетісудан Оралға дейінгі қалалар жөніндегі бірінші еңбек болды. Осы келелі еңбегінде ғалым: «археологиялық материалдар VI–VIII ғғ. Орта Азия мен Қазақстанда қалыптасқан қоныстарды типтерге бөлуге негіз болды. Қоғамдық және тұрғын үйлердің қираған құрылыстарына қарап қоныстарды 6 түрге бөлді. Олар: сауда және қолөнер қоныстары, әскери қамал, керуен сарайлар, жер шаруашылық қоныстары болды. Мұндай қоныс түрлері бір-біріне құрылыс техникасы жағынан ұқсас болғанымен, салу жоспарлары және өлшемдерінде айырмашылықтар болды», -деп қорытты [Маргулан, 1950a]. Сонымен қатар, осы еңбекте Қазақстандағы құрылыс өнерінің даму тарихы да сараланған [Маргулан, 1950a].

Ә.Х. Марғұлан алғашқы болып, отырықшылық мәдениеттің және қалалық мәдениеттің бұрын ғылымда айтылмағын куәларын тауып жаңалық ашты. Ә.Х. Марғұланның этнография саласындағы еңбектеріне келетін болсақ оның әр жылдары жарияланған этнографиялық мақалаларымен қоса қазақтың қолөнері жөніндегі еңбектері ерекше. Бірнеше жыл этнография бөлімін басқара отырып Ә.Х. Марғұлан этнография ғылымының дамуын көп ықпал етті.

Академик Ә.Х. Марғұланның көпқырлылығымен-зерттеу қызметінде ортағасырлық Қазақстандағы қып-

шақ этномәдени қауымының өзекті мәселелері маңызды орын алды. Ә.Х. Марғұлан қазақ фольклорын, оның ішінде қазақтың тарихи жыр-аңыздарына сүйеніп тарих пен этнографияны өзара бір-бірімен тығыз байланыстырып, кешенді тұрғыдан зерттеді. Ол көптеген этнографиялық экспедициялар нәтижесінде қазақ халқының рухани мәдениетіне жататына баяғы заманнан бері келе жатқан көптеген тарихи жыр, аңыздарды, хикаяларды жинап, тарихи тұрғыдан ғылыми құндылығын талдады.

Қазақстанның өнері мен мәдениет тарихының мәселелеріне де Әлкей Хақанұлы ерекше назар аударды. «Қазақтың халықтық қолөнері» атты іргелі еңбегі – этнографиялық және өнертану саласындағы ғылыми ізденістердің тоғысқан тұсы, көп жылдық экспедициялық сапарлардың нәтижесі. Онда қазақтың тұрмыстық заттары жүйелі түрде зерттеліп, олардың жасалуы мен жетілдірілуі көрсетіледі. Шын мәнінде, бұл қазақ қолөнерінің энциклопедиясы, халықтық көркем шығармашылықтың аса көрнекті туындысы. Туған жерге, туған елге деген махаббат оның бүкіл өмір бойына нәр алған таусылмас қайнар бұлағы болды.

Ә. Хақанұлы қазақ халқының этнографиясына байланысты еңбектерінің бірі 1985 жылы жарық көрген ірі монографиялық еңбегі «Ежелгі жыр аңыздары» [Марғұлан, 1985]. Бұл еңбекте ол алғаш рет халықтың жыр-аңыздарын тарихи дерек есебінде пайдаланды.

Ә.Х. Марғұлан археологиямен этнографияны және ауыз әдебиетімен ұштастыра отырып зерттеулер жүргізді. Оның тағы да көңіл бөліп, Қазақстан ғылымы үшін керек екенін түсінген саласы антропология

ғылымы. Қазақстандағы антропологиялық зерттеулердің негізгі шешімдері жеке ғылыми баяндама ретінде Халықаралық конгресстер мен конференцияларда және симпозиумдарда баяндалды. Мысалы 1964 ж. Москва қаласында, 1968 ж. Токио және Киото қаласында өткен Халықаралық конгреске академик Ә.Х. Марғұлан да қатысты. Осындай естеліктерге қарап ғұлама ғалымның Қазақстан ғылымында тағы да бір саланың дамып, өркендеуіне үлкен үлес қосқанын көреміз.

Жас кезінен – ақ ғылым жолын таңдаған Әлкей Хақанұлы оған өте беріліпкеткендігі сонша, тіпті демалыс уақытында да өзінің зерттеулерімен айналысты. Ол кешкісін уақытында қолына домбыра алып күй ойнайтын, өзінің сүйікті әнін салатын. Осы уақытта көз алдына шексіз сары дала мен ежелгі қалалар өтіп жатқандай болатын еді. Әлкей Хақанұлының қолжазбасын оқығанда көзге түсетіні даланың бейнесі елестейді. Ол өзінің көшпенділер тіршілігіне таңқалысын жасырмайтын. Туған жерге, өз халқына деген ыстық сезімі, әдемілікке құштарлығы жоғары еді [Марғұлан Д.А., 1996], - деп еске алады ғалымның қызы Дәнел Әлкейқызы.

Әлкей Хақанұлының қазақ халқының мәдениеті мен тұрмысын, әдет-ғұрпын, салт-санасын жан-жақты терең білгірлігі, көшпенділік өмірдің қыр-сырына қанықтығы оның эпикалық жанрдағы зерттеулерінің жан-жақтылығы мен ғылыми тереңдігінің басты кепілі болды. Ә. Марғұлан тарих, археология, этнография, әдебиет және өнер тарихынан 300-ден астам ғылыми зерттеу жұмысының, 100 ден астам энциклопедиялық мақалалардың авторы. Ә.Х. Марғұланның жұмыс стиліне тән ерекшеліктердің бірі –

оның бірнеше проблеманы зерттеу ісін қатар жүргізуінде. Ол проблемалардың әрқайсысын орындау үшін ондаған ғалымдар көп жылдарын жұмсаған болар еді. Ә.Х. Марғұлан Академияда және Тарих институтында ол он жылдан аса Ш.Ш. Уәлиханов (1961–1972) жайлы материалдарды жүйелеумен айналысты, КСРО мұражайы материалдарын қопарып, Ш. Уәлиханов қаламынан шыққан 300-ге жуық еңбектер тапты. Ол сол еңбектерді өңдеп, жүйелеп, қателерін түзетіп басып шығарған. Нәтижесінде Ш. Уәлихановтың 150 жылдығына арналған 1958 жылы Ш. Уәлихановтың таңдамалы шығармалар жинағы басылып шықты.

Ә.Х. Марғұлан үлкен ғылыми, педагогикалық еңбекті ұйымдастыру ісімен де ұштастыра біледі. Ол көп жылдар бойы этнография бөлімін басқарды, қазақ халқының шығу тегі туралы үйлестіру кеңесін басқарды, онымен бірге Қазақ КСР тарихының барлық басылымдарында редколегия мүшесі болды, Қазақ КСР ҒА Тарих, археология және этнография институтының ғылыми советінің, маманданған докторлық және кандидаттық диссертациялар қорғау советінің мүшесі болды.

Ә.Х. Марғұлан – дүние жүзі ғалымдарының сан алуан жиындарында, конгресстер мен симпозиумдарда ғылыми баяндамалар жасады. Әсіресе шығыстанушылардың XXV конгресінде «Орталық Қазақстанның қола дәуірі мәдениетінің жаңа ескерткіштерінің ашылуы» [Марғұлан, 1960], VII–VIII антропология және этнография ғылымының дүниежүзілік конгресінде жасаған «Қазақ киіз үйі», «Қазақстанның исламға дейінгі архитектурасы» атты баяндамалары ғылымға қосан үлкен үлес ретінде

жоғары бағаланып, ғалымдар назарын бірден аударды. Ә. Хақанұлы шетелдік шығыстанушы, археолог және этнограф ғалымдармен тығыз байланыс жүргізді. Оның ғылыми еңбектерінің бірқатары шет тілдеріне де аударылды.

Ә.Х. Марғұлан отанымыздағы көптеген ғылыми мекемелермен тығыз байланыс жасауға көп көңіл бөлді. Оны Москва, Ленинград, Новосибирск, Ташкент, Фрунзе және Душанбе қалаларына сан рет диссертациялық жұмыстарға оппоненттікке шақырған.

1946 жылы КСРО Ғылым академиясының Қазақ филиалы Қазақ КСР Ғылым академиясына айналды да, республиканың көрнекті ғұлама ғалымы Ә.Х. Марғұлан академияның корреспондент-мүшесі, ал 1958 жылы толық мүшесі болып сайланды. 1960 жылы оған профессор атағы берілді [Библиография ученых Казахстана, 1984].

Әр жылдары еңбегіне қарай марапатталды: 1942 ж. Қазақ КСР Жоғары Советі грамотасымен; 1944 ж. Қазақ КСР Жоғары Кеңесі грамотасымен; 1945 ж. «1941–1945 жж. Ұлы Отан соғысындағы ерлік еңбегі үшін» медалімен; 1955 ж. Қазақстан ЛКЖО Орталық Комитетінің Құрмет грамотасымен; 1964 ж. Қазақ КСР Жоғарғы Кеңесі Құрмет грамотасымен; 1967 ж. «Орталық Қазақстанның көне мәдениеті» атты монографиясы үшін

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Қазақ КСР ҒА-ның сыйлығына ие болды.

Осы жылы Ленин орденімен; 1970 ж. «Ерлік еңбегі үшін. В.И. Лениннің туғанына 100 жыл толуы құрметіне» медалімен; 1973 ж. Қазақ КСР Жоғарғы Кеңесінің Құрмет Грамотасымен; 1974 ж. Еңбек Қызыл Ту орденімен марапатталды. Ал 1982 ж. Қазақ КСР Мемлекеттік сыйлығының лауреаты атанды. 1984 ж. Халықтар достығы орденімен марапатталды.

1991 ж. 28 тамызда ҚазКСР Министрлер кабинетінің № 496 “Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтын құру” жөнінде қаулысы шықты. 1991 ж. 6 қыркүйекте Археология институты жөнінде ҚазКСР ҒА Президиумының қаулысы қабылданды. Қаулы бойынша жаңа құрылған Археология институтына Қазақстан археологиясының негізін қалаушылардың бірі белгілі ғалымы археолог, тарихшы, филолог, этнограф – республикалық ғылым академиясының академигі Әлкей Хақанұлы Марғұланның есімі берілді. Қазақстан Республикасы Үкіметтің 2004 жылғы 4 ақпандағы № 136 қаулысымен бекітілген Академик Ә.Х. Марғұланның 100 жылдық мерейтойын өткізу жөніндегі іс-шаралар жоспары бойынша 2004 жылы орнатылуға тиіс ескерткіш 2008 ж. қаңтар айында Ұлттық Ғылым академиясының бас ғимаратының жанына орнатылды.

ӘДЕБИЕТ

1. Байпақов К.М., Ақышев К.А. Қазақ археологиясының атасы // Қазақ тарихы. 1994. № 2. 7-10-бб.
2. Библиография Ученых Казахстана. А.Х. Марғұлан. Алма-Ата: Наука, 1984. 67 с.
3. Елеуов М.Е. Шу Талас өңірлерінің ортағасырлық қалалары мен мекендері (VI–XIII ғ. басы): тарих ғыл. докт. ... автореф. Алматы, 1999. 19 б.
4. Күмеков Б.Е. А.Х. Марғұлан как кипчаковед // История цивилизации и духовной культуры кочевников: матер. междунар. конф. Павлодар: ПГУ им. С. Торайғырова, 2004. 28-31-бб.
5. Кызласов Л.Р. А.Х. Марғұлан. К портрету ученого и человека // Ғұлама. Тағдыр. Тағылым (Әлкей Марғұлан туралы естелік мақалалар, деркті әңгімелер, очерктер, өлең арнаулар). Павлодар, 2004. 19-26-бб.

6. Құрманқұлов Ж., Байғунаков Д. Қазақстанның қола дәуірі (зерттелу тарихы мен негізгі мәселелері). Алматы: «Кие», 2008. 192 б.
7. Марғұлан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) // Известия АН КазССР. Сер. историч. 1948. Вып. 4. С. 119-144.
8. Марғұлан А.Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак-дала // Вестник АН КазССР. 1949. № 1 (46). С. 68-79.
9. Марғұлан А.Х. Из истории городов строительного искусства древнего Казахстана. Алматы: изд-во АН КазССР, 1950а. 125 с.
10. Марғұлан А.Х. Историко-топографический фон восточной Бетпак-Далы // ВАН КазССР. 1950б. № 6. С. 61-72.
11. Марғұлан А.Х. Раскопки погребения воина XIV века в долине р. Нуры // ТИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 248-261.
12. Марғұлан А.Х. Открытие новых памятников культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана // XXV Международный конгресс востоковедов: доклады делегации СССР. М., 1960. С. 10-11.
13. Марғұлан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
14. Марғұлан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с.
15. Марғұлан Ә.Х. Ежелгі жыр аңыздар. Алматы: «Жазушы», 1985. 368 б.
16. Марғұлан Д.А. Методологические проблемы исторической науки и научное творчество А.Х. Марғұлана // Методы научного познания. Алматы, 1996. С. 108-121.

Автор туралы мәліметтер:

Манапова Әлия Мерекеқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, директорының орынбасары, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы, Қазақстан); merekeevna@mail.ru

НАСЛЕДИЕ АЛЬКЕЯ ХАКАНОВИЧА МАРГУЛАНА

А.М. Манапова

Имя Алькея Хакановича Маргулана широко известно в мировой науке. Наследие, оставленное нам А.Х. Маргуланом – это бесценный вклад в сокровищницу мировой культуры. А.Х. Маргулан был организатором и руководителем Центрально-Казахстанской археологической экспедиции АН КазССР, которая первой покрыла своими маршрутами Сарыарку. Выход в свет таких монографий, как «Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана», «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана», явилось крупным событием в научной жизни страны. Всего перу исследователя принадлежит более 300 научных и научно-популярных публикаций, посвященных важнейшим проблемам археологии, архитектуры, этнографии, древней и средневековой истории, истории культуры и литературы Казахстана. Академик Алькей Хаканович Маргулан – разносторонний ученый. В каждый предмет своего изучения он вносил весомый вклад. Особенно важным является изучение археологического культурного наследия, оставленное А.Х. Маргуланом.

Ключевые слова: археология, А.Х. Маргулан, Центральный Казахстан, наследие, архитектура, этнография, каменный век, бронзовый век, металлургия, средневековье, города

HERITAGE OF ALKEY MARGULAN

A.M. Manapova

The name of Alkey Margulan is widely known in the world science. The heritage, left to us by A.Kh. Margulan, is invaluable contribution to the treasury of the world culture. A.Kh. Margulan was organizer and head of Central Kazakhstan archaeological expedition of the Academy of Sciences of KazSSR, the first which covered Saryarka with its routes. Publication of such monographs as “From the history of cities and civil engineering of the ancient Kazakhstan”, “Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan”, was large event in the scientific life of the country. In total more than 300 scientific and popular scientific publications devoted to the major problems of archaeology, architecture, ethnography,

ancient and medieval history, history of culture and literature of Kazakhstan belong to the pen of the researcher. Academician Alkey Margulan is versatile scientist. He brought powerful contribution in each subject of the research. His contribution to studying the archaeological cultural heritage is especially important.

Keywords: archaeology, A.Kh. Margulan, Central Kazakhstan, heritage, architecture, ethnography, Stone age, Bronze age, metallurgy, Middle ages, cities

REFERENCES

1. Baipakov, K. M., Akishev, K. A. 1994. In *Qazaq tarihy*, 2, 7-10 [in Qazaq].
2. *Bibliografiya Uchenyh Kazahstana. A.Kh. Margulan (Bibliography of Scientists of Kazakhstan. A.Kh. Margulan)*. 1984. Alma-Ata: “Nauka” Publ. [in Russian].
3. Eleuov, M. E. 1999. *Shu Talas onirlerinin ortagasyrlyq qalalary men mekenderi (VI–XIII g. basy): tarih gyl. dokt. ... avtořef (The medieval towns and settlements of Shu and Talas (VI–XIII century begining): thez. of the Doctor of History)*. Almaty [in Qazaq].
4. Kumekov, B. E. 2004. In *Istoriya civilizacii i duhovnoj kul'tury kochevnikov (The history of civilization and spiritual culture of nomads)*. Pavlodar: Pavlodar State University named S. Toraygyrov Publ., 28-31 [in Russian].
5. Kyzlasov, L. R. 2004. In *Gulama. Tulga, Tagdyr. Tagylym (Alkey Margulan turaly estelik maqalalar, derkti angimeler, ocherker, olen arnaular) (Memories, documentary stories, essays, poems about Alkey Margulan)*. Pavlodar, 19-26 [in Russian].
6. Kurmankulov, J., Baygunakov, D. 2008. *Qazaqstannyn qola dauiri (zerteluu tarihy men negizgi maseleleri) (Kazakhstan in Bronze Ages (History of Studying and Basic Problems))*. Almaty: «Kie» Publ. [in Qazaq].
8. Margulan, A. Kh. 1948. In *Izvestiya AN KazSSR. Ser. istorich. (News of the Kazakh SSR. Ser. History)*, 4, 119-144 [in Russian].
9. Margulan, A. Kh. 1950a. *Iz istorii gorodov stroitel'nogo iskusstva drevnego Kazahstana (From the history of the cities of construction art of ancient Kazakhstan)*. Almaty: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. [in Russian].
10. Margulan, A. Kh. 1950b. In *Vestnik AN KazSSR (Bulletin of the Kazakh Academy of Sciences)*, 6, 61-72 [in Russian].
11. Margulan, A. Kh. 1960. In *25-yi Mezhdunarodnyj kongress vostokovedov: doklady delegacii SSSR (25th International Congress of Orientalists: reports of the delegation of the USSR)*. Moscow, 10-11 [in Russian].
12. Margulan, A. Kh. 1979. *Begazy-Dandybaevskaya kul'tura Central'nogo Kazahstana (Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. [in Russian].
13. Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. 1966. *Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazahstana (The ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. [in Russian].
14. Margulan A.Kh. 1985. *Ejelgi zhyr anyzdar (The ancient jyr anyzdar)*. Almaty: “Jazushy” [in Russian].
15. Margulan, D. A. 1996. In *Metody nauchnogo poznaniya (Methods of scientific knowledge)*. Almaty, 108-121 [in Russian].

About the Author:

Manapova Aliya M. Candidate of Historical Sciences, Deputy Director, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; merekeevna@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 22.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.10.2018.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БОТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2018 г. В.Ф. Зайберт, А. Оутрам

В статье кратко изложены основные результаты и перспективные направления изучения ботайской культуры коллективом Международной комплексной казахстанско-британской археологической экспедиции. Особое внимание в статье уделено освещению большой работы, проведенной западными учеными под руководством Алана Оутрама на поселении Ботай по анализу археозоологических, химико-физических и биологических источников из культурного слоя памятника.

Ключевые слова: археология, Ботай, археозоология, геохимия и геофизика, доместикация лошади, генетика человека и животных

Большим международным коллективом ученых – археологов и представителей естественных наук на предстоящие годы поставлены масштабные задачи дальнейших исследований ботайской культуры (энеолит, Урало-Тобольское междуречье). Прежде всего, это связано с принципиальным обновлением концепции возникновения и развития государства и общества Казахстана, активно развивающегося в мировом экономическом и культурном пространствах.

В последние два десятилетия в стране реализовалась беспрецедентная по масштабам и финансовым вложениям государственная программа по изучению и сохранению историко-культурного наследия Казахстана. Сотни и тысячи объектов и артефактов пополнили фонды музеев, архивов и библиотек. Данные

источники являются значительным потенциалом для написания новой истории Казахстана. Если использование литературных и архивных письменных источников (на различных языках народов Евразии) не создает особых сложностей отечественным исследователям, то введение в научный оборот данных археологии в свете исторического контекста требует специальной методологии реконструирования и моделирования хозяйственно-культурных типов и духовно-мировоззренческих аспектов. С большим воодушевлением научная и культурная общественность страны приняла и активно работает над современной государственной программой «Рухани жаңғыру». Конечной целью синтеза археологических и историко-культурных источников является доведение последних до уровня этнографических и полу-

чение представлений о путях трансформации археологической культуры в этнографическую.

История – это жизнь людей в обществе, отдельных личностей во всем многообразии их причинно-следственных связей, в определенной окружающей среде в прошлом и настоящем. Исторический процесс образует пласт истории как остаточную систему причинно-следственных связей, заключенную в материальных, письменных и духовных источниках. Чтобы изучать историю, необходимо применять методологию, позволяющую раскрыть в ретроспективном порядке результаты исторического процесса, идущего от настоящего к будущему и восстановить «настоящее» или, как говорят археологи, «древнюю поверхность» определенного хронологического пласта [Зайберт, 2009].

Мировая историческая наука выработала многообразные методы и принципы анализа. Задача исследователя – применить их в своей практике для получения объективных результатов. Изучение ботайской культуры на современном этапе с привлечением ученых ведущих мировых центров и исследовательских учреждений в последние 20 лет дало существенный эффект в деле познания процессов, связанных с одомашниванием лошади, формированием многоотраслевой степной экономики и основных закономерностей взаимодействия социумов и окружающей среды. Взаимодействие с зарубежными специалистами было организовано на основе взаимного научного интереса руководителя ис-

следований Ботая В.Ф. Зайберта и профессора Эксетерского университета (Великобритания) археозоолога Алана Оутрама. Между ними установилось и определенное разделение труда – первый разрабатывает вопросы историко-культурных закономерностей, второй проводит инструментальные естественнонаучные исследования на основе самых последних мировых достижений науки и техники в различных областях знаний. Это уникальное взаимодействие позволяет в разы усилить историческую верификацию культурных образований и их природно-экологический и сакральный контексты.

Вот как характеризуются Аланом Оутрамом многолетние казахстано-британские исследования ботайской культуры: «Ботай уже длительное время считается ключевым объектом в понимании доместикации лошади и происхождения пастбищных обществ в Центральной Азии. Под динамичным руководством профессора Виктора Зайберта исследования на Ботае также включали сотрудничество со многими международными учеными, в том числе из Германии, США, Великобритании, России, Франции, Дании, Китая и Литвы. Многие из вовлеченных специалистов являются лидерами в своих областях и применяют передовые методологии для своей работы в Казахстане. В некоторых случаях Ботай был предметом самого первого применения совершенно новых подходов и методов в мире. Памятник вдохновил на значительный уровень исследований и этому способствовал открытый подход Виктора Зайберта к

сотрудничеству. Обширное наследие исследований на Ботае заключается не только в его несомненном археологическом значении, но и в связях между разными учеными и в новых подходах, которые этому способствовали. Ботай также был центром обучения молодого поколения археологов. Виктор Зайберт подготовил много сотен казахстанских студентов, также в работу на Ботае были вовлечены зарубежные студенты, магистранты и докторанты» [Outram, 2017].

Исследования на поселении Ботай стартовали в 1980 г., а с 1991 года, с провозглашением независимости, международные исследования на Ботае значительно расширились [Зайберт, 2009]. Основные направления исследований изложены в рамках перекрестных тем и методологий: зооархеологии; микроморфологии почв, геохимии и геофизики; археоботаники; определения диеты из изотопов и остатков; определения ДНК.

Исследования в области зооархеологии. В 1990-х годах ряд исследователей зооархеологов Дэвид Энтони и Доркас Браун (колледж Хартвик, США); Норберт Бенеке и Анжела фон ден Дриш (Германия), Марша Левин (Кембридж, Великобритания) и Сандра Олсен (Музей естественной истории Карнеги, США) опубликовали обзорные статьи на тему изучения зооархеологической коллекции Ботая в широком контексте дебатов о приручении лошадей.

Кроме традиционных хорошо известных естественнонаучных методов мы, пытаясь установить доказательства практики верховой езды в Ботае, разработали новые палеопато-

логические методы. Участники экспедиции Д. Энтони и Д. Браун выработали новый метод, предназначенный для определения износа, который может вызвать скол на первом премоляре, для доказательства использования лошади для верховой езды. Рассматривались также возможные патологии, которые могли развиться в позвоночном столбе лошади в результате воздействия всадника. Д. Энтони и Д. Браун поддерживали теорию одомашнивания лошади в период до ботайской культуры с полным всадническим использованием животных [Anthony, Brown, 2011].

Следующее десятилетие стало началом новых зооархеологических исследований командой Алана Оутрама – Робина Бендри (Винчестер, Великобритания) и Алексея Каспарова (РАН, Россия). Р. Бендри разработал два новых критерия для определения степени износа, включая модели износа на передней части премоляров, а также костную патологию диастемы [Bendrey, 2007]. Команда исследователей смогла применить это к остеологическим коллекциям на Ботае и обнаружила доказательства обоих типов патологии [Outram et al., 2009]. Таким образом, ботайские лошади, вероятно, использовались для верховой езды. Хотя точная хронология и характер коневодства в ботайской культуре, безусловно, все еще могут обсуждаться, эти направления исследований значительно увеличили ценность зооархеологических доказательств того, что ботайские лошади были одомашнены [Outram et al., 2014; 2015].

В настоящее время международные зооархеологические исследования включают в себя геометрический морфометрический (GMM) анализ эмалевых складок в конских зубах как индикатор происхождения или породы (Хелана Райан (Эксетер, Великобритания), Леонид Чинделевич (Симон Фрейзер, Канада), работающие с Аланом Оутрамом)). Было продемонстрировано, что этот метод эффективен и выявляет различия между некоторыми современными породами лошадей [Seetah et al., 2014].

Микроморфология почв, геохимия и геофизика. На Ботае мы видим, что все лошади были, скорее всего, умерщвлены в процессе массового забоя.

Наличие большого количества в древнем навозе следов в виде микроскопической структуры почвы и ее химического состава позволили найти множество доказательств того, что лошадиный навоз присутствовал в культурном слое и составлял базовые структуры жилищ [French, Kousoulakou, 2003]. Работая с командой Оутрама, Айви Оуэнс (Кембридж и Эксетер, Великобритания) продолжила исследования микроморфологии почв в Ботае.

Как геофизические, так и геохимические исследования могут быть исключительно полезны при определении корральных особенностей. Команда Олсен, работавшая на поселении ботайской культуры Красный Яр в 2000 г., определила потенциальный загон, обнаруженный в магнитометрической съемке в виде трапецевидной оболочки [Olsen et

al., 2006], которая имела также повышенный уровень фосфора. В 2008 г. команда провела магнитную съемку с помощью флуоггейтной градиометрии на поселении Ботай. Этот крупномасштабный анализ сопровождался некоторыми геохимическими разрезами и регистрацией моделей эрозии почвы. Позднее раскопки, проведенные командой Зайберта и Оутрама, подтвердили наличие жилого комплекса с загонем. Четкое присутствие элементов загона является убедительным свидетельством животноводства.

Археоботаника. Прямые доказательства эксплуатации одомашненных культур в северных степях Казахстана в доисторический период исключительно ограничены [Outram, 2015]. До недавнего времени было проведено очень мало систематического просеивания почвенных отложений осадков для извлечения обугленных археоботанических остатков. В 2011 г. Ботай стал объектом одной из первых таких программ в регионе, когда известный археоботаник Мартин Джонс (Кембридж, Великобритания) привлек значительную группу исследователей для совместной работы с командами В. Зайберта и А. Оутрама на раскопках поселения Ботай. Ключевыми сотрудниками из Кембриджа были Гидре Мотузайте-Матузевичюте Кин, Эмма Лайтфут и Синьи Лю. Мартин Джонс особенно интересовался поиском доказательств использования проса [Jones et al., 2011]. Этот транс-евразийский обмен должен был включать торговые пути через степь, но необходимо было установить, что это за маршрут.

Работа по-прежнему продолжается, но обширный отбор проб не дает никаких доказательств существования отечественных сельскохозяйственных культур, некоторые ограниченные данные имеются об использовании дикорастущих растений [Jones et al., 2016]. Команда М. Джонса также взяла образцы почвы для изучения фитолитов, присутствующих на этом участке. Образцы почвы могут быть протестированы на наличие биомаркера миллицина, который указывает на присутствие проса [Arnaud et al., 2016]. В 2017 г. Э. Ананьевская (Вильнюс, Литва, ранее Эксетер), работавшая с Гидре Мотузайте-Матузевичюте Кин (Вильнюс, ранее Кембридж), взяла образцы для тестирования на миллицин.

Определение диеты из изотопов и остатков органики. Предметом исследований являлась также реконструкция рациона жителей Ботая. Костные материалы были проверены на соотношение содержания изотопов углерода и азота. Эти исследования провели Томсен О'Коннелл (Кембридж, Великобритания) и Роберт Хеджес (Оксфорд, Великобритания). Высокие уровни трофиков были показаны во многих образцах из доисторической степи, включая Ботай, что свидетельствует о высокой зависимости жителей от продуктов животного происхождения с дальнейшим ее усилением от пресноводного рыболовства [O'Connell et al., 2003].

Стенки неглазурованных керамических сосудов поглощают жировые остатки, которые могут сохраняться исключительно хорошо в течение тысячелетий. Полудегради-

рованные, абсорбированные липидные остатки животных жиров трудно химически отделить друг от друга, но некоторые различия могут быть сделаны путем проведения расширенного анализа с помощью специфического разделения соединений и установления стабильных изотопных отношений углерода. Этим процессом можно выделять жиры свиней, лошадей и жвачных животных, а также мясо и молочные жиры жвачных. Предположение, что ботайцы ели мясо лошади было логичным, а доказательство потребления молока кобылы имеет большое значение для решения споров о приручении лошадей. Проблема заключалась в том, что с помощью только соотношения изотопов углерода не различить мясо лошади и молочные жиры. В итоге был разработан совершенно новый метод, в котором использованы углерод и водородные стабильные изотопные отношения. Этот новый метод хорошо показал себя на современных образцах и также оказался успешным в определении конского молока на фрагментах керамики Ботая [Stear, 2008]. Доеение является явным свидетельством того, что лошади Ботая были обьежены [Outram, 2014]. Ботай был также первым археологическим подтверждением водородно-устойчивых соотношений изотопов в липидных остатках.

В 2017 г. А. Оутрам взял образцы зубного исчисления из костей скелета человека, найденного на Ботае, для отправки д-ру Николь Бойвин и Шеван Вилкин (Макс Планк, Йена, Германия) для протеомического анализа. Присутствие белка в потребля-

емой людьми пише проявляется тем, что он накапливается и сохраняется в останках зубов и может быть идентифицирован с помощью новых методов масс-спектрометрии.

Древняя ДНК. В последние годы генетические исследования были усовершенствованы за счет разработки методов высокопроизводительного упорядочения следующего поколения. С 2015 г. Людовик Орландо (Geogenetics, Копенгаген, а теперь CNRS, Тулуза) работает с В Зайбертом и А. Оутрамом для сбора генетических образцов лошадей из Ботая и других объектов для сравнения в границах центрально-азиатской степи. Однако в 2017 г. обнаружение редких новых останков человека означало возможность объединения этих исследований с геномикой человека. Известный специалист Эске Уиллерслев (Копенгаген и Кембридж) присоединился к работе по отбору проб. Открытие новых человеческих останков также привело Аврама к тому, чтобы привлечь своего коллегу по остеoarхеологии Катриона Маккензи. Геномная работа осуществилась быстро и результаты были опубликованы. Таким образом, в Ботая проведена значительная работа для определения геномики древнего человека, местной фауны.

Выводы. Таким образом, поселение Ботай – невероятно важный объект, который является центром ключевой дискуссии ученых всего мира. Емкое, цельное, совокупное, многовекторное понятие «история» в обиходе общества расчленяется в процессе познания самой истории или исторического контекста на ряд

предметов исследования: «культуро-рогенез» - как глобальный процесс адаптации общества в окружающей среде, выработка систем жизнеобеспечения [Массон, 1981]; «антропо-рогенез» [Захарук, 1976, с. 6–10]; «этно-рогенез» [Токарев, 1964, с. 48–59]; «палеогенезис» [Gaunitz, 2018]; «полито-рогенез» и др. [Чубарьян, 1989]. Каждый предмет исследования основан на формировании у ученых не только общепрофессиональных знаний, но и специальных, специфических навыков, принципов и методик анализа источников.

Культура древних племен и народов Казахстана складывалась и развивалась на фоне грандиозных изменений природного и социального характера, происходивших в каменном веке (палеолит–мезолит–неолит) на обширной территории. В целом, древнюю историю можно образно представить как гигантскую Человеческую лабораторию, где на протяжении многих тысячелетий через практику, мысль, ошибки, достижения, анализ, синтез, взлеты, падения, совершенствования и деградации происходит моделирование Человека, человеческого «Я» как отражение социального состояния. «Мы» – часть Природы, вышедшая из нее, но не порвавшая с ней. Именно поэтому «потребности человека социально обусловлены и культура «отвечает» на них как система социальных связей, причем отвечает не однозначно, а в разных исторических условиях по-разному» [Хотинский, 1977].

Наконец, важную роль в формировании культуры играет окружающая среда, которая в процессе

жизнедеятельности людей преобразуется в культурный и сакральный ландшафт, означающий установление биосоциальных, сакральных и профанных отношений.

Комплексные исследования археологических памятников в ряде регионов Казахстана показали, что развитие древних социумов происходило, с одной стороны, в сложной взаимосвязи с окружающей средой, с другой, – в многочисленных переплетениях сфер материальной и духовной жизни внутри общественного организма.

Современные методы исследования позволяют с достаточно высокой точностью выявить сезонность хозяйственной или производственной деятельности человека, а также время забоя скота, период захоронения умерших и т. д. Отсюда вытекает возможность создания модели хо-

зяйственной и социально-духовной жизни древнего социума в рамках календарного годовичного цикла. Лишь понимание древними людьми значения формирования производственного цикла по временам года обеспечивало стабильность социума, его воспроизводство и развитие как устойчивой системы в пространстве и во времени. Этап формирования календарного цикла в древних культурах и можно, пожалуй, связывать с началом пути к цивилизации. Складывание календарного цикла происходило в среде первых земледельцев и скотоводов. Это мы видим на примере долинных цивилизаций Востока, раннеклассовых обществ Средиземноморья, а также в реконструированных хозяйственно-культурных типах степной Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зайберт В.Ф.* Ботайская культура. Алматы: «КазАкпарат», 2009. 576 с.
2. *Захарук Ю.Н.* Историзм: проблемы археологии и этнографии // Историзм археологии: методические проблемы: тез. докл. конф. М., 1976. С. 6-10.
3. *Левин М.* Истоки конного хозяйства на евразийской степи // Поздняя доисторическая эксплуатация евразийской степи. Левин М., Рассамкин Ю., Кисленко А., Татаринцева Н. (ред.). Кембридж: Институт Макдональда, 1999. С. 5-58.
4. *Левин М.* Изучение критериев раннего приручения лошадей // Следы предков: исследования в честь Колина Ренфрю. Джонс М. (изд.). Кембридж: Институт Макдональда, 2004. С. 115-26.
5. *Массон В.М.* Основные направления культурно-исторического процесса // Становление производства в эпоху неолита и бронзы: по материалам Южного Туркменистана. М.: «Наука», 1981. С. 35-48.
6. *Токарев С.А.* Проблемы типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 48-59.
7. *Хотинский Н.А.* Голоцен Северной Евразии: опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата (К X Конгрессу YNAUA (Великобритания, 1977); 8). М.: «Наука», 1977. С. 13-16.
8. *Чубарьян А.О.* Опыт мировой истории и идеологии обновления // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., 1989. Вып. 1. С. 7-17.

9. Arnaud F., Poulenard J., Giguet-Covex C., Wilhelm B., Révillon S., Jenny J.P., Revel M., Enters D., Bajard M., Fouinat L., Doyen E. Erosion under climate and human pressures: An alpine lake sediment perspective // *Quaternary Science Reviews*. 2016. 152. P. 1-18.
10. Bendrey R. New methods for the identification of evidence for bitting on horse remains from archaeological sites // *JAS*. 2007. 34 (7). P. 1036-1050.
11. French C., Kousoulakou M. Geomorphological and micromorphological investigations of palaeosols, valley sediments and a sunken floored dwelling at Botai, Kazakhstan // Levine M.A., Renfrew C., Boyle K.V. (eds). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*. Cambridge: McDonald Institute, 2003. P. 105-114.
12. Jones M.A., Hunt H.A., Kneale C.A., Lightfoot E.M., Lister D.I., Liu X.I., Motuzaite-Matuzeviciute G.I. Food globalisation in prehistory: The agrarian foundations of an interconnected continent // *Journal of the British Academy*. 2016. 4. P. 73-87.
13. O'Connell T., Levine M., Hedges R. The importance of fish in the diet of Central Eurasian peoples from the Mesolithic to the Early Iron Age // Levine M., Renfrew C., Boyle K. (eds) *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2003. P. 253-268.
14. Olsen S.A., Bradley B., Maki D., Outram A. Community organization among Copper Age sedentary horse pastoralists of Kazakhstan // Peterson D.L., Popova L.M., Smith A.T. (eds) *Beyond the steppe and the sown: Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology*. Leiden: Brill, 2006. P. 89-111.
15. Outram A.K., Stear N.A., Bendrey R., Olsen S., Kasparov A., Zaibert V., Thorpe N., Evershed R.P. The earliest horse harnessing and milking // *Science*. 2009. 323 (5919). P. 1332-1335.
16. Outram A.K. *Animal Domestications* // *Oxford Handbook of the Archaeology and Anthropology of Hunter-Gatherers*. Cumming V., Jordan P., Zvelebil M. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 749-763.
17. Outram A.K. *Pastoralism* // *The Cambridge World History, Vol. II: A World with Agriculture, 12,000 BCE – 500 CE*. Barker G., Goucher C. (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 161-185.
18. Seetah K., Cucchi T., Dobney K., Barker G. A geometric morphometric re-evaluation of the use of dental form to explore population differences in horses (*Equus caballus*) and its potential zooarchaeological application // *JAS*. 2014. 41. P. 904-910.
19. Stear N.A. Changing patterns of animal exploitation in the prehistoric Eurasian steppe: an integrated molecular, stable isotope and archaeological approach. Unpublished PhD Thesis. University of Bristol, 2008.

Сведения об авторах:

Зайберт Виктор Федорович – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ «Археология и степные цивилизации», Казахский национальный университет им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); zaibert_ku@mail.ru

Оутрам Алан – доктор археологии, профессор, Эксетерский университет (г. Эксетер, Великобритания)

**ҚАЗІРГІ КЕЗЕҢДЕГІ БОТАЙДА ЖҮРГІЗІЛГЕН
АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР**

В.Ф. Зайберт, А. Оутрам

Мақалада халықаралық кешенді Қазақстан-Британ археологиялық экспедициясының ұжымымен Ботай мәдениетінің зерттелуіндегі басты нәтижелер мен басты бағыттары айтылады. Онда негізінен Алан Оутрамның жетекшілігімен батыс ғалымдарының Ботай қонысының мәдени қабаттарынан археозоологиялық,

химиялық, физикалық, биологиялық сараптамалар жүргізген үлкен еңбектеріне баса назар аударылған.

Түйін сөздер: археология, Ботай, археозоология, геохимия, геофизика, жылқының доместикациясы, адам және жануарлардың генетикасы

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF BOTAY CULTURE AT THE PRESENT STAGE

V.F. Zaibert, A. Outram

This article encapsulates the main results and promising directions in the study of Botay culture by the team of international integrated Kazakh-Britain archaeological expedition. Particular attention in the article is paid to the large amount of work done by Western scientists under the leadership of Alan Outram at the Botay settlement on the analysis of archaeozoological and chemical-physical, biological sources from the cultural layer of the monument.

Keywords: archaeology, Botay, archaeozoology, geochemistry and geophysics, horse domestication, human and animal genetics

REFERENCES

1. Zaibert, V. F. 2009. *Botayskaya kultura (Botay culture)*. Almaty: "KazAkpapat" Publ. (in Russian).
2. Zaharuk, Yu. N. 1976. In *Istorizm arheologii: metodicheskie problem: tez. konf. (Historicism of archaeology: methodical problems: proc. conf.)*. Moscow, 6-10 (in Russian).
3. Levin, M. 1999. In Levin, M., Rassamakin, Yu., Kisenko, A., Tatarinceva, N. (eds.). *Pozdnyaya doistoricheskaya ekspluatatsiya evraziiskoi stepi (The late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe)*. Cambridge: Makdonald Institut, 5-58 (in Russian).
4. Levin, M. 2004. In Jones, M. (ed.) *Sledy predkov: issledovaniya v chest Kolina Renfru (Ancestral Trails: Studies in Honor of Colin Renfrew)*. Cambridge: Makdonald Institut, 115-126 (in Russian).
5. Masson, V. M. 1981. In *Stanovlenie proizvodstva v epohu eneolita i bronzy (The formation of production in the era of the Eneolithic and Bronze)*. Moscow, 35-48 (in Russian).
6. Tokarev, S. A. 1964. In *Voprosy filosofii*, 11, 48-59 (in Russian).
7. Hotinskii, N. A. 1977. *Golocen Severnoi Evrazii (The Holocene of Northern Eurasia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Chubaryan, A. O. 1989. In *Vseobshchaya istoriya: diskussii, novye podhody (Universal history: discussions, new approaches)*, 1. Moscow, 7-17 (in Russian).
9. Arnaud, F., Poulenard, J., Giguet-Covex, C., Wilhelm, B., Révillon, S., Jenny, J. P., Revel, M., Enters, D., Bajard, M., Fouinat, L., Doyen, E. 2016. In *Quaternary Science Reviews*, 152, 1-18.
10. Bendrey, R. 2007. In *JAS*, 34 (7), 1036-1050.
11. French, C., Kousoulakou, M. 2003. In Levine, M. A., Renfrew, C., Boyle, K. V. (eds.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*. Cambridge: McDonald Institute, P. 105-114.
12. Jones, M. A., Hunt, H. A., Kneale, C. A., Lightfoot, E. M., Lister, D. I., Liu, X. I., Motuzaite-Matuzeviciute, G. I. 2016. In *Journal of the British Academy*, 4, 73-87.
13. O'Connell, T., Levine, M., Hedges, R. 2003. In Levine, M., Renfrew, C., Boyle, K. (eds.) *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 253-268.
14. Olsen, S. A., Bradley, B., Maki, D., Outram, A. 2006. In Peterson, D. L., Popova, L. M., Smith, A. T. (eds.) *Beyond the steppe and the sown: Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology*. Leiden: Brill, 89-111.
15. Outram, A. K., Stear, N. A., Bendrey, R., Olsen, S., Kasparov, A., Zaibert, V., Thorpe, N., Evershed, R. P. 2009. In *Science*. 323 (5919), 1332-1335.

16. Outram, A. K. 2014. In Cumming V., Jordan P., Zvelebil M. (eds.). *Oxford Handbook of the Archaeology and Anthropology of Hunter-Gatherers*. Oxford: Oxford University Press, 749-763.

17. Outram, A. K. 2015. In Barker, G., Goucher, C. (eds). *The Cambridge World History, Vol. II: A World with Agriculture, 12,000 BCE – 500 CE*. Cambridge: Cambridge University Press, 161-185.

18. Seetah, K., Cucchi, T., Dobney, K., Barker, G. 2014. In *JAS*, 41, 904-910.

19. Stear, N. A. Changing patterns of animal exploitation in the prehistoric Eurasian steppe: an integrated molecular, stable isotope and archaeological approach. Unpublished PhD Thesis. University of Bristol, 2008.

About the Authors:

Zaibert Viktor F. Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Research Institute “Archaeology and Steppe Civilizations”, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; zaibert_ku@mail.ru

Outram Alan. Doctor of Archaeology, Professor, University of Exeter (Exeter, UK)

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 23.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 30.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 06.11.2018.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НУРИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам поселения Шагалалы II)

© 2018 г. М.К. Хабдулина

Статья посвящена актуальным проблемам изучения нуринской (федоровской) археологической культуры эпохи бронзы Казахстана. Приведены некоторые результаты исследования поселения Шагалалы II. Кратко дана история открытия и история изучения памятника. На поселении вскрыто около 2000 кв.м. Выделен «усадебный тип» планировки, при котором в единый комплекс входят жилище и хозяйственная постройка. К числу последних относится гончарная мастерская и двор с колодцами, застроенный крупными хозяйственными ямами для хранения пищевых запасов. Свидетельством обитания на поселении Шагалалы II пришлых с юга земледельческих племен являются архитектура крупных двухярусных жилищ и станковая керамика. Новые радиоуглеродные даты относят нуринскую археологическую культуру к XVIII–XVI вв. до н.э. Этим временем следует датировать культурные контакты населения степной бронзы с южными земледельческими цивилизациями среднеазиатских речных бассейнов.

Ключевые слова: археология, Шагалалы II, эпоха бронзы, федоровская (нуринская) археологическая культура, архитектура жилищ, планировка, станковая керамика

Введение

В настоящее время в изучении эпохи бронзы Казахстана мы наблюдаем два взаимосвязанных процесса: накопление материала, ведущее к открытиям социологического и культурно-генетического характера, и обоснование этих источников в виде формирования новых концепций в вопросах периодизации и хронологии истории андроновской культурно-исторической общности. Меняются представления о структуре андроновского единства, уточняются и наполняются деталями содержание отдельных археологических культур. Активное внедрение метода

радиоуглеродного датирования изменило датировку начальных и заключительных этапов андроновского времени. Нижний хронологический срез опускается до XXIII–XXII вв. до н.э. Новые даты по степной бронзе приводят к синхронизации этапов исторического процесса по всему Старому Свету и сдвигают вглубь начало раннего железного века. В дальнейшем возможно смыкание дат начала раннего железного века степной Евразии с датами Передней Азии (XV–XIII вв. до н.э.). В такой атмосфере лавинообразной информации необходимо подведение некоторых промежуточных итогов для осмыс-

ления масштаба назревших проблемных ситуаций.

Одной из актуальных проблем андроноведения является вопрос о статусе нуринской (федоровской) археологической культуры. Масштабные раскопки поселения Шагалалы II, расположенного на кромке лесостепной и степной полосы Северного Казахстана, предоставляют новые материалы для изучения этой проблемы.

Основная часть

Поселение Шагалалы II расположено на реке Чаглинка и известно в археологии как «чистое» однослойное поселение федоровской (нуринской) археологической культуры [Малютина, 1994]. Памятник был открыт К.А. Акишевым в период целинных экспедиций 1954–1956 гг. В опубликованном им отчете отмечено, что на территории Кокчетавской области [ныне – Акмолинская область – прим. авт.] зафиксированы семь поселений и 15 могильников бронзового века, свыше 100 курганных могильников кочевых племен [Акишев, 1959, с. 15]. На реке Чаглинка им открыты два поселения эпохи бронзы Чаглинка I, II, отсняты их планы [Акишев, 1959, с. 17, 18]. Оба поселения находятся на правом берегу р. Чаглинка, расстояние между ними 100 км.

Поселение Чаглинка I расположено в 50 км севернее г. Кокшетау. Именно это поселение исследовал в 1965–1968 гг. А.М. Оразбаев [Оразбаев, 1970, с. 129–146]. На нем раскопаны шесть из 16 жилищ земляночного типа, получена керамика позднебронзового (саргаринско-алексеевского) облика, выполнена реконструкция жилищ, раскопаны первые колодцы андроновского времени, сделан ана-

лиз палеозоологического материала [Оразбаев, 1970; 1972; Макарова, 1970, с. 269–270].

Поселение Чаглинка II, по описанию К.А. Акишева: «Находится на расстоянии 100 км от первого поселения вверх по течению р. Чаглинки, на том же правом берегу в одном километре на север от с. Кенсутколь (Зерендинский район). Оно расположено в 100 м от берегового обрыва и состоит из 7 впадин – остатков полуземлянок. Каждая впадина занимает площадь от 40 до 160 кв.м. Среди остатков землянок расположены четыре прямоугольные ограды, составленные из врытых на ребро каменных плит. Несомненно, что ограды эти – более позднего времени и сооружены после того, как поселение было заброшено. Поселение, судя по собранным мелким фрагментам керамики, принадлежит к алакульскому этапу андроновской культуры, а ограды – к поздней бронзе» [Акишев, 1959, с. 18].

Предметом нашего изучения как раз является поселение Чаглинка II, названное нами Шагалалы II (оно же Павловка). Памятник находится в 33 км юго-западнее Кокшетау. Географические координаты: N 53°04'32,8", E 69°00'13,5". Ближайший современный поселок – Кеноткель, находится в 1,85 км южнее. С территории памятника видно село Павловка, расположенное в 3,5 км севернее, на левом берегу р. Чаглинки. По наименованию этого села памятник был назван его первым исследователем Т.С. Малютиной – поселение Павловка. Мы предлагаем именовать его поселение Шагалалы II [Хабдулина и др., 2017].

Памятник относится к категории крупных поселений эпохи брон-

зы. Строения его расположены на возвышенной площадке надпойменной террасы правого берега р. Чаглинки. Площадка памятника окружена с запада и юга сопками, с севера и востока руслом реки. Размеры этой территории – 240×180 м. Общая площадь памятника около 40 тыс. кв.м. Река Чаглинка на этом отрезке имеет широкую долину, созданную бесчисленным «меандрированием» русла реки. Видно, что в древности река протекала вдоль подошвы сопки и оставила прогиб, окружающий территорию поселения с запада и юга. Возможно, в эпоху бронзы этот прогиб был использован для отвода воды из основного русла. И в этом случае памятник находился как на острове. О существовании этого водного потока свидетельствует овражное углубление, отходящее от реки на юг с восточной стороны надпойменной площадки. На космоснимке видно, что в углу этого мыса расположены развалы четырех строений, которые при визуальном осмотре не фиксируются [Bonora, Sakenov, 2014, p. 130].

В исследовании памятника выделяются три этапа. Первый – это начало раскопок поселения в 1983 г., вызванное необходимостью изучения поселенческого объекта федоровской культуры, руководитель раскопок Т.С. Малютина; второй был предпринят в 2003 г. из-за размывания прибрежных участков руслом реки Чаглинки, руководитель раскопок Б.М. Хасенова. Третий, современный, этап начался в 2010 г. Поселение Шагалалы II является основным стационарным объектом Есильской археологической экспедиции и учебным полигоном археологической практики для студентов и магистрантов ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Руко-

водитель раскопок С.К. Сакенов. В 2013–2014 гг. отдельный раскоп на памятнике был заложен Итальянской археологической экспедицией, руководитель раскопок Ж.Л. Бонора [Bonora, Sakenov, 2014, p. 116–117].

На западной половине надпойменной террасы выделяется жилая площадка (90×80 м) с двумя компактно расположенными группами жилищ. Южная группа состоит из четырех крупных овалной формы котлованов, расположенных в один ряд. Жилища ориентированы по линии СВ–ЮЗ (рис. 1). Вторая группа крупных котлованов ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Их всего четыре с учетом раскопанных в 1983 г. Эти две группы крупных котлованов разделены пространством в 40–50 м, на котором до раскопок фиксировались небольшие западины округлой формы (рис. 1). Всего по отчету 1983 г. жилая площадка содержит 14 котлованов и 12 бессистемно расположенных каменных оградок от погребальных сооружений конца бронзового века. Котлованы жилищ окружены валом, состоящим из золы. Нами на основании отчетного текста 1983 г. сделан план памятника с нумерацией жилищ (рис. 1). В общую нумерацию не включены два жилища, раскопанные Т.С. Малютиной в 1983 г. Из крупных котлованов частично исследовано жилище № 8.

Раскоп 2010–2016 гг. заложен в центре жилой площадки вне крупных котлованов. На поселении применяется методика сплошного раскопа с исследованием жилищных западин и межжилищного пространства. Всего вскрыта площадь около 2000 кв.м (рис. 1, 2). За все годы работ на поселении Шагалалы II раскопано 10 жилых и хозяйственных сооружений.

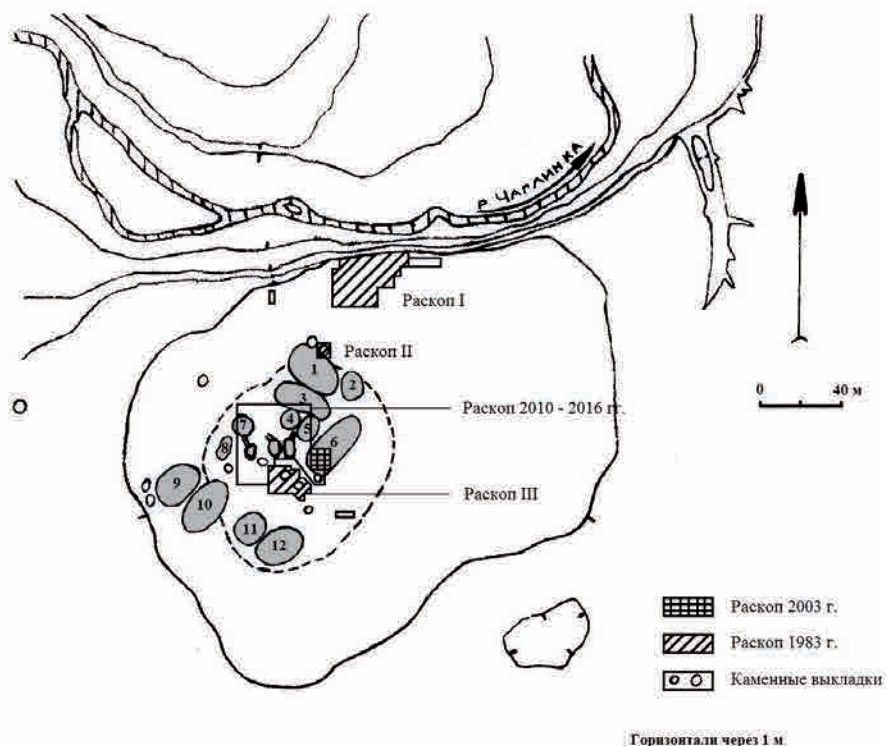

Рис. 1. Поселение Шагалалы II. Топографический план
 Fig. 1. The settlement of Shagalaly II. Topographic plan

Общим для них является каркасно-столбовая конструкция. Обожженные столбы и плахи фиксируются в придонной части всех строений. Размеры и форма котлованов жилищ свидетельствуют о двух типах жилых конструкций.

На исследованной в 2010–2016 гг. площадке открыты две линии строений, разделенные «улицей» шириной 10 м (рис. 2). Южный ряд состоит из трех прямоугольной формы жилищ, ориентированных длинной осью по линии С–Ю [Сакенов, 2015, с. 161]. Два жилища (№№ 1, 2) почти смыкаются длинными стенками. Жилище № 3 находится в 10 м западнее. Межжилищное пространство занято хозяйственными ямами, колодцами.

Здесь же раскопаны четыре погребения. Северный ряд строений составляют две наземные конструкции круглой (жил. № 4) и овальной форм (предварительно назван «объект № 1»). По мнению автора раскопок, эти строения возникли во второй период обитания поселка. В их раскопках обнаружена валиковая керамика.

Между этими рядами открыта гончарная мастерская. Все жилища имеют выходы, направленные на север, в сторону реки. Выходы тамбурные, угловые. Судя по расположению столбовых ямок, все входные тамбуры имели двери шириной 1,1 м. Это документируется подпюточными камнями, обнаруженными в проеме входов у столбов. Плоские круглые

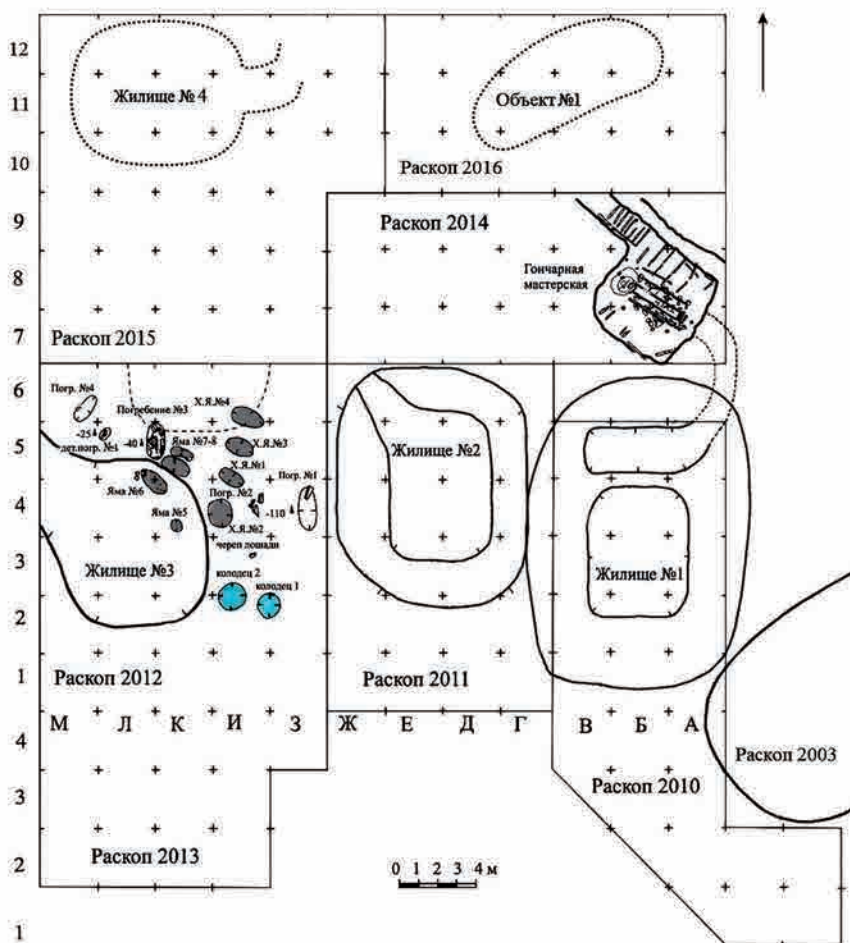

Рис. 2. Поселение Шагалалы II. Сводный план раскопа
 Fig. 2. The settlement of Shagalaly II. Excavation master plan

камни в дверной конструкции жилища № 3 и гончарной мастерской были даже стерты на глубину до 1 см. Все жилища по периметру окружены зольником шириной до 2 м и более. Основные находки фрагментов керамики происходят больше из зольников, чем из заполнения жилищ. Зольники содержат обугленное дерево.

Три жилища (№№ 1–3) относятся к типу полуземляночных, пол находится на глубине 0,8–1,0 м от уровня древней поверхности. Вос-

точнее жилища № 3 расположена хозяйственная площадка. Она включает два колодца и семь хозяйственных ям. Между ними обнаружены четыре могильные ямы.

В интерьере трех жилищ в центре фиксируется очаг в виде скопления камней или золы. Конструкция дымохода обозначена четырьмя столбовыми ямками, расположенными вокруг очага. С.К. Сакенов на основании полевых наблюдений реконструировал конструкцию жилища № 1,

имевшего усеченно-пирамидальную четырехскатную кровлю [Сакенов, 2011, с. 340, рис. 5]. Такая архитектура характерна и для остальных исследованных им жилищ и имеет аналогии в конструкции федоровских жилищ [Зданович, 1988, с. 22; Малютина, 1990, с. 110–111].

Планировочная структура поселения Шагалаы II позволяет высказать некоторые суждения по организации освоенного пространства. В отличие от традиционной плотной застройки, характерной для поселений эпохи средней бронзы Северного Казахстана, здесь наблюдается разреженная, почти усадебная планировка. Об этом свидетельствуют примыкающие к жилищам хозяйственные постройки. Близкое взаиморасположение позволяет объединить их в отдельные автономные комплексы. Наиболее ярким комплексом является жилище № 1 и расположенная к северу от него гончарная мастерская. Гончарная мастерская трактуется как строение, использовавшееся в летний период. У него отсутствует северо-восточная стенка. Именно к ней ведет выход из жилища № 1. Эти два строения составляют единый комплекс. Возможно, продолжением этого комплекса является конструкция, раскопанная севернее гончарной мастерской в 2016 г. Названа С.К. Сакеновым «объект № 1» (рис. 2).

До раскопок эта конструкция имела вид овальной впадины размерами 16×7 м, вытянута по линии З–В. Впадина по периметру окружена зольным валом шириной 1,5–2 м. При зачистке на глубине 40 см выявлено прямоугольное пятно 12×8 м, ориентированное ЮЗ–СВ. В заполнении расчищено скопление каменных плит разных размеров, самые

крупные - 0,5×0,75 м. Под северной стенкой выявлены два зольных пятна с прокалом диаметром 1,5 м. За пределами сооружения, в торцовой стороне, фиксировался мощный зольный слой, вперемешку с обугленным деревом, который первоначально, до раскопок, выглядел как вал. В центральной части противоположной стены также найдено множество скоплений из каменных плит разных размеров, а вдоль стены имеются обугленные бревна, расположенные параллельно и перпендикулярно направлениям стен. За пределами этой стены фиксируется незначительный слой золы.

Керамический материал в основном происходит из зольного слоя и трудно с уверенностью соотнести его именно с этим исследуемым объектом. Автор раскопок реконструирует постройку как легкое наземное строение, стены которого были дополнительно укреплены каменными плитами. Внутри нет центрального очага. Возможно, это строение как-то связано с гончарной мастерской. Тем более, что длинный коридорообразный выход мастерской направлен в сторону этой постройки.

Хозяйственная пристройка существовала и у жилища № 2. Это комплекс строений, расположенных между жилищами №№ 2 и 3. Возможно, эта пристройка была перекрыта общим навесом. Хозяйственный двор включает два колодца глубиной 2 м и семь крупных хозяйственных ям, расположенных в два параллельных ряда. В каждой хозяйственной яме найдена станковая керамика, фрагменты хумов, кости животных. В яме № 6 обнаружена керамическая подставка под хум с нанесенными на его поверхности резными знаками [Са-

кенов, 2014, с. 567, рис. 6]. В яме № 4 найден бронзовый нож и бронзовый наконечник стрелы.

Интерес представляет стратиграфическая позиция жилища № 3 и примыкающей к ней хозяйственной площадки. Судя по плану, на котором яма № 6 находится внутри контуров жилища, а ямы №№ 7 и 8 продолжают общую линию и примыкают к границам котлована № 3, можно утверждать, что жилище № 3 было построено раньше хозяйственной площадки [Сакенов, 2015, с. 161]. Похоже, оно перестало уже функционировать, когда были выкопаны колодцы и хозяйственные ямы. Керамическая гончарная подставка (яма № 6), с нанесенными на ее поверхности знаками, имеет соответствия в слое Намазга VI середины II тыс. до н.э. Это косвенно свидетельствует в пользу более ранней, чем вторая половина II тыс. до н.э., датировки жилища № 3. В целом, можно отметить, что этот комплекс примыкает к жилищу № 2 и является единым с ним.

Таким образом, в планировочной структуре поселения эпохи бронзы Шагалалы II выделяются отдельные комплексы «усадебного типа», включающие жилище и хозяйственные постройки. Исследованные на поселении Шагалалы II жилища относятся к двум типам жилых конструкций. Дома, раскопанные в центре поселения, небольшие по площади - 27–96 кв.м, в то время как дома прибрежной полосы, раскопанные в 1983 г., имеют площадь 162 и 208 кв.м. Они различаются ориентировкой и архитектурой [Хабдулина и др., 2017].

Жилища, исследованные в 1983 г., совершенно уникальны и отличны от степных домостроительных

традиций бронзового века. Дома примыкают друг к другу длинными сторонами и даже имеют общую стенку. Стены их образованы вертикально вкопанными столбами, основание которых закреплено в глубоких канавках. Судя по чертежам – это был сплошной ряд вертикальных столбов [Хабдулина и др., 2017, с. 54, рис. II, 9]. В центре домов на некотором расстоянии от стен зафиксированы внутренние помещения квадратной формы (9×9 м), стены которых также возведены из вертикальных бревен, вкопанных в канавки. Архитектурно это были капитальные, монументальные строения двухярусной конструкции. Нижний этаж использовался как хозяйственный отсек. Верхний ярус – жилой [Малютина, 1990, с. 113] (рис. 3).

Стены домов были оштукатурены. Об этом свидетельствуют фрагменты глиняных плиток, расчищенные под упавшими бревнами. На этих плитках сохранились с одной стороны отпечатки волокон дерева, с другой - следы пальцев от заглаживания. Дома погибли в огне, фиксируются мощные прокалы, уголь. Как отмечено в тексте отчета: «Прокалы так сильны, что почти вся керамика и сосуды на полу оказались ошлакованными, превратились в керамзит» [Малютина, 1987, с. 19]. Столь сильный огонь связан с конструкцией жилищ, построенных из сосновых бревен, давших сильный жар. Сосновые боры и в настоящее время покрывают сопки и горы Кокшетауской возвышенности.

Комплексный анализ нуринской (федоровской) архитектурной традиции осуществлен Т.С. Малютиной по материалам 30 жилых и производственных построек Южного

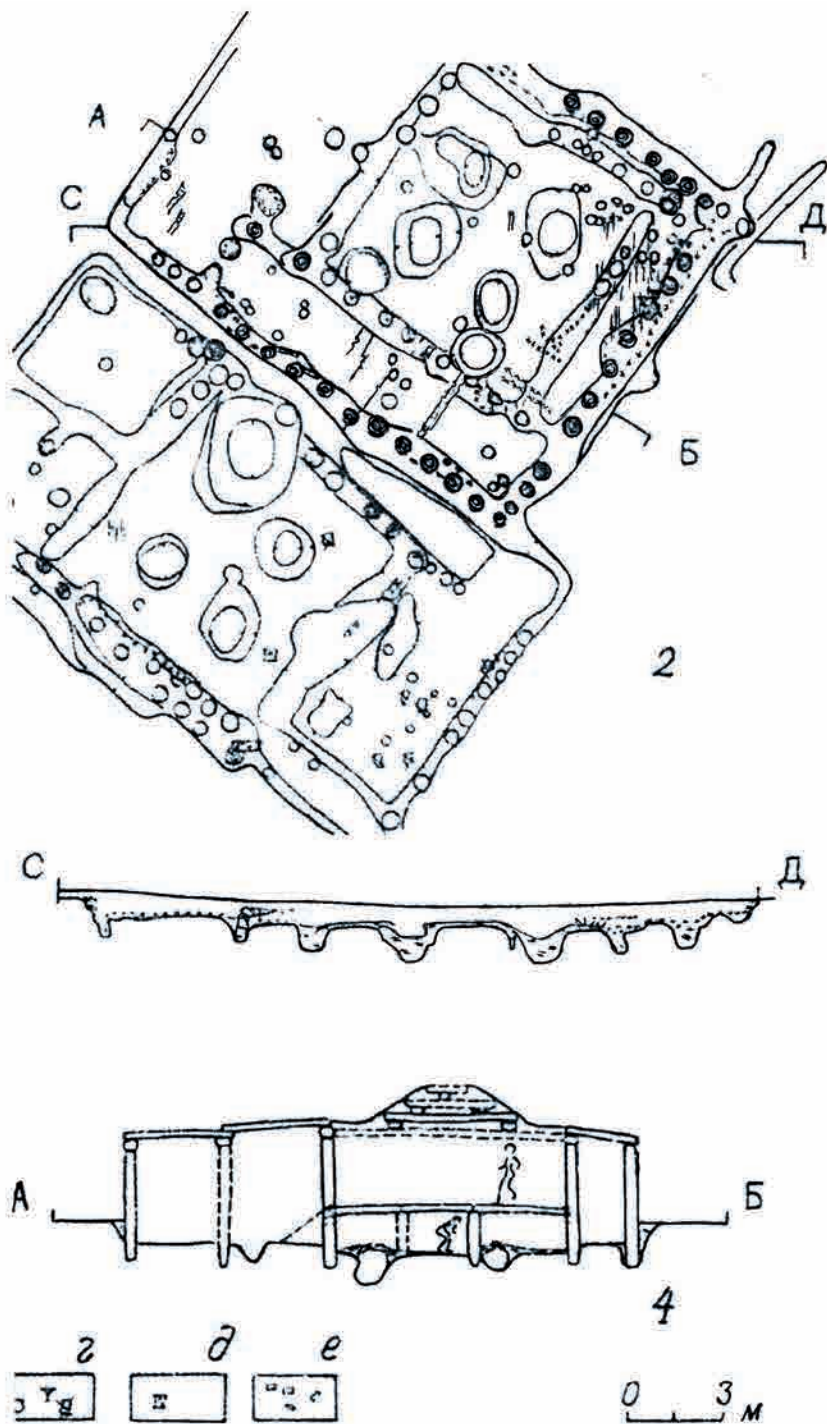

Рис. 3. Архитектура жилищ, исследованных в 1983 г.
(по: [Малютина, 1990, с. 113, рис. 2])

Fig. 3. Architecture of dwellings investigated in 1983
(by: [Malyutina, 1990, p. 113, fig. 2])

Зауралья и Казахстана [Малютина, 1990, с. 100–127]. Она характеризует топографию, планировку поселков, выделяет два типа построек, указывает площадь жилищ каждого типа, подробно описывает ведущие признаки архитектуры и конструкции жилищ и производственных строений: входы, стены, кровля, строительный материал, внутренний интерьер. Новые материалы поселения Шагалалы II дополняют и уточняют указанные характеристики и признаки. На примере планировочной структуры поселений Атасу, Кипель сделан вывод, что производственные площадки имеют подчиненное значение и всегда примыкают к жилищам. Данное наблюдение подтверждается и в планировке поселения Шагалалы II. Важной деталью является многообразие хозяйственных ям, их топография, размеры. Содержимое ям свидетельствует об использовании их как кладовых, емкостей для хранения продукции.

Обнаруженные на поселении жертвенные погребения животных, погребения людей, отдельные захоронения черепов, младенцев на межжилищном пространстве, на территории хозяйственных площадок свидетельствуют о сложной системе ритуалов нуринского населения. Такие детали являются всеобщими и выделены Т.С. Малютиной в качестве одного из признаков федоровской (нуринской) культуры [Малютина, 1990, с. 107].

Общим для всех жилищ поселения Шагалалы II является гибель в огне. Независимо от архитектуры и конструкции все они оставлены из-за пожара. В культурном слое жилищ зафиксированы обожженные бревна и основания обожженных столбов. Все жилища окружены мощными зольниками. Это очень интересная и

загадочная ситуация, которая может свидетельствовать о преднамеренном пожаре. На полу жилищ остались вещи и сосуды, или развалы сосудов. Найдены целые сосуды, поставленные вверх дном (жил. №№ 1, 8). Факт одновременного огня может свидетельствовать об однослойности памятника.

Результаты исследования поселения Шагалалы II позволяют осветить некоторые теоретические аспекты изучения проблем нуринской культуры: такие как современные представления содержания термина нуринская культура, ее датировка и культурогенез. Проблема изучения культурогенеза, в свою очередь, распадается на выяснение истоков генезиса нуринской археологической культуры, территорию ее сложения, механизм проявления контактов, пути и время миграций.

Термин *нуринский* появляется в 1966 г. как название этапа региональной периодизации андроновской культуры [Маргулан и др., 1966]. Уже в то время было понятно, что нуринские керамические комплексы Центрального Казахстана имеют локальное своеобразие, отличающее их от федоровской керамики Южного Зауралья и Сибири. Введение термина «нуринский» для андроновских комплексов центра казахских степей предполагало свои закономерности культурного развития. В дальнейшем термин получил распространение в казахстанской археологии. Были предприняты первые обобщения и характеристики нуринской культуры как особой культуры, отличающейся от федоровской и атасуской [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 30–39; Ткачев, 2003, с. 26–30; 2011, с. 155]. Классических признаков не так уж много. Они представлены комплексом

женских украшений, в орнаментации керамики – «косой» заштрихованный треугольник и желобки, отличия от атасуских комплексов наблюдаются в керамической технологии и металлообработке.

Проблема происхождения нуринской культуры. Масштабные исследования синташтинско-петровских памятников привели к обоснованию концепции происхождения алакульской культуры из синташтинской [Зданович, 2002, с. 45; Григорьев, 2015, с. 122–123]. Алакульская культура рассматривается как отдельная культурная общность, имеющая сходство со срубной культурой. Поэтому, по мнению ряда ученых, более правомерно на территории Южного Приуралья и Зауралья выделение срубно-алакульской общности. То есть, алакульская культура оказалась узким территориальным образованием. На всей остальной территории, известной как территория андроновской общности, распространены федоровские и синкретичные алакульско-федоровские памятники. Из этого следует, что федоровская культура охватывает весь основной ареал андроновской общности. Осмысление такой ситуации началось в 1970-е годы и привело в конце 1990-х гг. к формированию гипотезы – собственно андроновскими считать только федоровские памятники [Стоколос, 1972, с. 132; Корочкова, 2004, с. 207].

Сложилась проблемная ситуация, связанная с содержанием термина «андоновская культурно-историческая общность». Из ее состава были выведены раннеалакульские культуры (синташта, петровка) и ее верхний хронологический диапазон ограничен началом истории общности культур валиковой кера-

мики. Тогда получается, что единственное культурное образование, которое охватывает временные рамки всей андроновской культурно-исторической общности, – это нуринская (федоровская) культура. Поэтому часть исследователей считает правомерным именно нуринскую археологическую культуру считать в качестве андроновской. Остальные компоненты андрона относить к отдельным самостоятельным родственным культурам.

Комплекс признаков федоровской культуры сформирован на сопоставлении и сравнении с признаками алакульских памятников конкретной узкой территории Южного Зауралья и позднее был распространен на весь ареал андроновской общности. Поэтому можно утверждать, что известные нам признаки федоровской (нуринской) культуры – это не истинные, реальные ее черты, это – признаки, искаженные пребыванием и ассимиляцией федоровских (нуринских) племен в инокультурной алакульской среде.

В проблеме происхождения нуринской культуры неоднократно отмечалось, что истоки ее следует искать в энеолите и ранней бронзе Восточного и Центрального Казахстана [Кузьмина, 1994, с. 118]. В литературе обсуждаются несколько моделей культурогенеза нуринских племен.

По концепции А.А. Ткачева нуринская культура сложилась в Верхнем Прииртышье на канайской подоснове, возникшей в XVIII–XVII вв. до н.э. «в рамках энеолитической общности культур геометрической керамики» [Ткачев, 2003, с. 33–34; 2011, с. 157–158]. Отсюда начинается радиальная миграция андроновско-канайского населения, которая привела к появлению памятников с фе-

доровскими чертами на всей территории от Урала до Енисея и далеко на юге, в Средней Азии. В Центральном Казахстане слияние канайских мигрантов с автохтонным населением сформировало нуринскую культуру.

О.Н. Корочковой обоснована модель доандроновского культурогенеза на основе сейминско-турбинского феномена (Рудный Алтай) [Корочкова, 2011]. Возникший на Рудном Алтае самостоятельный очаг сейминско-турбинской металлургии мог стимулировать развитие канайских племен, которые, вне сомнения, оказывались в зоне их культурного воздействия. Это и вызвало активные перемещения андроновско-канайских племен, обладавших более передовыми хозяйственными и культурными достижениями. О федоровской металлообработке, отличающейся от алакульской, пишет С.А. Григорьев. «Федоровские металлурги непосредственно знакомы с сейминско-турбинской металлообработкой» [Григорьев, 2015, с. 344]. Это замечание подкрепляет гипотезу восточно-казахстанского начала культурогенеза нуринских племен.

Предлагается и миграционная модель происхождения федоровской культуры вследствие проникновения древних общин с территории Передней Азии и Южного Закавказья. Маршрут продвижения федоровских племен в Южное Зауралье проходит через Восточный Казахстан и Среднюю Азию [Григорьев, 2000, с. 354].

Это современные теории и модели культурогенеза нуринской общности. Обоснование и дальнейшее развитие любой из предложенных моделей связано с накоплением источников и прежде всего исследованием однослойных поселений. По нашему мнению, таким памятником

является поселение Шагалады II. Главным объектом анализа должны стать стратиграфия жилищ и керамика. Многослойность памятника, несмотря на замечания его исследователей о строительных горизонтах, не вытекает из планиграфии раскопанных жилищ. Присутствие в керамическом комплексе редких экземпляров петровской керамики и валиковой посуды не является чуждым для поселенческой посуды бишкульского типа. Случаи сочетания этих групп керамики в закрытых комплексах неоднократно отмечались исследователями. Гораздо больший интерес вызывает довольно значительный процент среднеазиатской станковой посуды и ее влияние на характеристику нуринской культуры.

В настоящее время мы предполагаем статистическим анализом керамического комплекса, выполненного Т.С. Малютиной по раскопкам 1983 г. Коллекция раскопов 1983 г. содержит более 4000 предметов и состоит в основном из керамики [Малютина, 1987, с. 20]. На дне двух жилищ обнаружены 11 целых сосудов. В керамическом комплексе Т.С. Малютина выделяет две группы керамики: федоровскую (82%) и гончарную среднеазиатскую (12%). Среди федоровской группы посуды Т.С. Малютина вычленяет две подгруппы: «павловскую», сочетающую в себе яркие черты классической федоровки и среднеазиатской гончарной керамики. Вторая подгруппа – это бишкульский тип, известный как бытовая поселенческая посуда нуринской культуры [Зданович, 1988, с. 22, 112–113; Малютина, 1991, с. 151–155].

Присутствие в культурном слое поселений станковой среднеазиатской посуды – распространенное явление в памятниках степной

бронзы. Но чаще гончарная посуда встречается в более поздних комплексах саргаринско-алексеевского времени. В свою очередь, лепная керамика андроновского облика представлена в культурных слоях поселений эпохи бронзы Передней и Средней Азии. Это взаимопроникновение отражает картину исторических контактов степных и южных земледельческих цивилизаций [Кузьмина, 1994, с. 229–231; Массон, 1999, с. 72–77].

Относительно механизма приноса высказываются мнения о торгово-обменных связях. Несколько иную трактовку позволяют высказать материалы поселения Шагалалы II. Три факта культурного слоя Шагалалы II свидетельствуют о непосредственном и длительном проживании здесь представителей среднеазиатских оазисов. Это архитектура жилищ №№ 1, 2 (1983 г.), гончарная мастерская и выделенный Т.С. Малютиной синкретичный «павловский» тип посуды.

Архитектура жилищ, раскопанных в 1983 г., наиболее ярко сочетает в себе традиции домостроительных стандартов степного населения эпохи бронзы и южных земледельческих регионов. К числу первых следует отнести каркасно-столбовую конструкцию, углубление в грунт (0,3–0,5 м), планировку и направление входов. Инокультурные традиции выражены в оформлении интерьера жилищ: выделении специальных хозяйственных помещений с глубокими хозяйственными ямами с глиняными сводами, глиняная штукатурка стен, переносные керамические очажные подставки [Малютина, 1990, с. 104–106, 110–115; Григорьев, 2000, с. 321]. Ярким признаком южного домостроительства является двухярусность жилищ, перекрытие кровли в стиле «чорхо-

на». Столь яркое сочетание свидетельствует о длительном проживании групп земледельческого населения на поселении Шагалалы II.

Не менее уникально открытие отдельной постройки со следами специализированной производственной деятельности – гончарной мастерской. В конструкции каменных емкостей и находках отражен промежуточный технологический процесс по изготовлению станковой керамики из местного сырья. Фрагменты и развалы таких грубо изготовленных сосудов обнаружены внутри постройки [Сакенов, 2015, с. 164, 168].

Это открытие логично объясняет присутствие синкретичной посуды, выделенной Т.С. Малютиной как «павловский» тип. Посуда изящная, тонкостенная, вазовидной формы. Ее происхождение является результатом синтеза двух гончарных традиций: степной нуринской и среднеазиатской древнеземледельческой [Малютина, 1991, с. 154–155]. Такое смешение возможно только при длительном совместном проживании не одного поколения гончаров. Результатом длительных культурных контактов является создание новых образцов посуды, своеобразных «сервизов» смешанного облика, изготовленных для знати нуринского общества. К таким относится «павловская» группа керамики. К кругу аналогичных гончарных опытов принадлежит суперстратный компонент бегазы-дандыбаевской керамики, которую В.Г. Ломан предлагает называть «дандыбаевской» по месту первой находки [Ломан, 2013, с. 250–253].

Эти факты позволяют утверждать местное (степное) изготовление станковой посуды и крупных хумов. Еще одно свидетельство местного

изготовления приведено А.С. Ермолаевой при анализе керамического комплекса могильника Измайловка. В ограде 27 найден станковый кувшин, который имеет «местное глиняное сырье, изготовлен на круге, но не обожжен, просто просушен, поэтому был не транспортабелен. Иными словами, привозной была не посуда, а мастера ее готовившие» [Ермолаева, 2012, с. 110].

В истории нуринской культуры выделяют три периода, каждый из которых характеризуется своими особенностями керамического комплекса [Ткачев, 2011, с. 156–157]. Е.Е. Кузьмина относила поселение Павловка (Шагалалы II) к позднефедоровскому времени [Кузьмина, 1994, с. 238]. Дальнейшие анализы и статистические подсчеты позволяют уточнить внутреннюю хронологию и длительность существования поселения.

По современным данным, нуринская культура датируется второй четвертью II тыс. до н.э. В настоящее время получены большие серии радиоуглеродных дат для всех этапов бронзового века Южного Зауралья и ряда других территорий [Епимахов,

2014, с. 187; Молодин и др., 2014, с. 142, рис. 2]. По ним и, прежде всего, калиброванными датам Лисаковских могильников, алакульский период датируется XVIII–XVI вв. до н.э. В этот же интервал входят федоровские и синкретические алакульско-федоровские памятники [Епимахов, 2014, с. 190, 203].

Заключение

Таким образом, поселение Шагалалы II – интересный памятник, имеющий ключевое значение в изучении степной бронзы и решении многих проблем нуринской археологической культуры. Назревшей проблемой является определение статуса нуринской археологической культуры. Из этого вытекает роль нуринских племен в сложении бегазы-дандыбаевской археологической культуры. Открытия последних лет крупных погребальных сооружений с керамикой нуринской культуры и с архитектурными формами близкими элитным мавзолеям бегазы-дандыбаевского типа – дает основания предполагать генетическую связь нуринской и бегазы-дандыбаевской культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // ТИИАЭ АН Каз ССР. 1959. Т. 7. С. 3-31.
2. Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья: в 2 т. Т. 1. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 241-409.
3. Григорьев С.А. К проблеме формирования алакульской культуры Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. VI всерос. научн. конф. Челябинск: ЮУрГУ, 2015. С. 119-124.
4. Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: изд-во КарГУ им. академика Е.А. Букетова, 2002. 138 с.
5. Епимахов А.В. Динамика коммуникаций бронзового века Урала // Таинство этнической истории древнейших nomadов степной Евразии. Сост. В.А. Новоженков, гл. ред. А.В. Епимахов. Алматы: “Остров Крым”, 2014. С. 125-205.
6. Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы–раннее железо). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 238 с., илл.
7. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: изд-во УрГУ, 1988. 184 с.
8. Зданович Г.Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы: научн. доклад в виде дис. ... докт. ист. наук. Челябинск: Челяб. ун-т, 2002. 55 с.

9. *Корочкова О.Н.* К обсуждению термина «андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова): сб. статей. М.: ИА РАН. 2004. С. 202-211.

10. *Корочкова О.Н.* Взаимодействие культур в эпоху бронзы в среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртыше: факторы, механизмы, динамика: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: ИА РАН, 2011. 37 с.

11. *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: «Вост. литература», 1994. 464 с.

12. *Ломан В.Г.* О культурных типах памятников финала эпохи бронзы Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова. Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 247-259.

13. *Макарова Л.А.* Предварительное сообщение о животных эпохи бронзы поселения Чаглинка // По следам древних культур Казахстана. Ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 201-206.

14. *Малютина Т.С.* Поселение и могильник Павловка. В: Отчет. Полевые археологические исследования УКАЭ в Казахстане в 1982–1983 гг. Челябинск, 1987. С. 3-26., илл. // Архив НИИ археологии им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева.

15. *Малютина Т.С.* Поселения и жилища федоровской культуры Урало-Казахстанских степей // Археология Волго-Уральских степей: межвуз. сб. научн. тр. Ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1990. С. 100-127.

16. *Малютина Т.С.* Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях казахстанских степей // Древности Восточно-Европейской лесостепи: межвуз. сб. научн. тр. Самара: Самарский пединститут, 1991. С. 141-162.

17. *Малютина Т.С.* Федоровская культура Урало-Казахстанских степей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1994. 27 с.

18. *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1966. 435 с.

19. *Массон В.М.* О продвижении носителей культур степной бронзы и процессах культурогенеза в древней Средней Азии // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск–Аркаим, 1999. С. 72-77.

20. *Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.Е.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 136-167.

21. *Оразбаев А.М.* Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. Ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 129-146.

22. *Оразбаев А.М.* Колодцы на поселении Чаглинка (Шагалалы) // Поиски и раскопки в Казахстане. Ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 154-162.

23. *Сакенов С.К.* Археологические работы на поселении Шагалалы II (Павловка) в 2010 году // Маргулановские чтения–2011: матер. междунар. археол. конф. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. С. 335-337.

24. *Сакенов С.К.* Станковая керамика из поселения Шагалалы II (К вопросу о культурных связях племен эпохи бронзы Северного Казахстана и Средней Азии) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. науч. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014. С. 557-567.

25. *Сакенов С.К.* Мастерская на поселении Шагалалы II (Павловка) (предварительные итоги исследования) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. VI всерос. научн. конф. Челябинск: ЮУрГУ, 2015. С. 160-169.

26. *Стоколос В.С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 168 с.

27. *Ткачев А.А.* Бронзовый век Центрального Казахстана: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: ИА РАН, 2003. 50 с.

28. *Ткачев А.А.* К вопросу о соотношении нуринаских комплексов Центрального Казахстана // Маргулановские чтения – 2011: матер. междунар. археол. конф. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 155-159.

29. *Хабдулина М.К., Тлеугабдулов Д.Т., Брынза Т.В., Билялова Г.Д., Кучеров П.Ю.* Исследование памятников бронзового века в Акмолинском Приишимье (Поселение Шагалалы II). Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2017. 192 с.

30. *Bonora G.L., Sakenov S.K.* A Topographical and Stratigraphical Periplous around the Bronze Age Settlement of Shagalaly II (Pavlovka), Akmolinsk region, Kazakhstan // Маргулановские чтения–2014: матер. междунар. научн.-практ. конф. Алматы–Павлодар, 2014. С. 107-131.

Сведения об авторе:

Хабдулина Марал Калымжановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, директор НИИ им. К.А. Акишева, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; mk_khabdulina@mail.ru

НҰРА АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ МӘДЕНИЕТІНІҢ ЗЕРТТЕЛУІНІҢ КЕЙБІР АСПЕКТІЛЕРІ (Шағалалы II қонысының материалдары бойынша)

М.Қ. Хабдулина

Мақала Қазақстандағы қола дәуірінің Нұра (Федоров) археологиялық мәдениетінің зерттелуінің өзекті мәселелеріне арналған. Шағалалы II қонысы зерттелуінің кейбір нәтижелері көрсетілген. Ескерткіштің ашылуы және зерттелу тарихы қысқаша берілген. Қоныста шамамен 2000 шаршы м. аумақ ашылған. Тұрғын үй мен шаруашылық құрылыстарының бірыңғай жүйеге біріктірілген жоспарлаудың «усадьбалық типі» анықталды. Соңғысына қыш-құмыра жасау ұстаханасы, құдықтары бар аула, азық-түлік қорларын сақтауға арналған ірі шаруашылық қамбалары жатады. Шағалалы II қонысын оңтүстіктен келген жер өңдеуші тайпалар қоныстанғандығын екіқабатты тұрғын үйлер мен станок білдіктер айғақтайды. Соны радиометрлік зерттеулер Нұра археологиялық мәдениетін б.д.д. XVIII–XVI ғғ. деп көрсетеді. Қола дәуірінің далалық тұрғындары мен оңтүстіктегі ортаазиялық өзен бассейндерінде қалыптасқан жер өңдеушілер өркениеті арасындағы мәдени байланыстарды осы уақытпен мерзімдеу қажет.

Түйін сөздер: археология, Шағалалы II, қола дәуірі, Нұра археологиялық мәдениеті, тұрғын үйлер архитектурасы, жоспарлау, станок білдіктер

SOME ASPECTS OF STUDYING NURA ARCHAEOLOGICAL CULTURE (based on materials from the settlement of Shagalaly II)

M.K. Khabdulina

The article contains some results of the study of the settlement of the Nura culture of Shagalaly II. Is given a brief history of the discovery and history of the study of the monument. At the settlement, about 2000 sq.m. A “manor type” of planning has been singled out, in which dwelling and economic buildings are included in a single complex. The latter include a pottery workshop and a courtyard with wells, built up with large pits for storing food supplies. The evidence of the inhabitation of the agricultural tribes in the settlement of Shagalaly II from the south is the architecture large two-tier houses and easel ceramics. New radiocarbon dates include the Nura archaeological culture by the XVIII–XVI centuries BC. This time it is possible to date the cultural contacts of the steppe bronze population with the southern agricultural civilizations of the Central Asian river basins.

Keywords: archaeology, Shagalaly II, the bronze Age, Nura cultura, dwelling, ceramics, pottery workshop

REFERENCES

1. Akishev, K. A. 1959. In *Trudy Instituta istorii, arheologii i ehtnografii AN KazSSR (Works of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 7, 3-31 (in Russian).

2. Grigor'ev, S. A. 2000. In *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya (Ancient History of the Southern Trans-Urals)*, I. Chelyabinsk: South Ural State University Publ., 241-409 (in Russian).
3. Grigor'ev, S. A. 2015. In Tairov A.A. (ed.) *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale (Ethnic Interactions in the Southern Urals)*. Chelyabinsk: South Ural State University Publ., 119-124 (in Russian).
4. Evdokimov, V. V., Varfolomeev, V. V. 2002. *Epoha bronzy Central'nogo i Severnogo Kazahstana (The Bronze Age of Central and Northern Kazakhstan)*. Karaganda: Karagandy State University after academician Buketov, E. A. Publ. (in Russian).
5. Epimahov, A. V. 2014. In Epimahov, A. V. (ed.), Novozhenov, V. A. (comp.) *Tainstvo etnicheskoi istorii drevneishih nomadov stepnoi Evrazii (Sacrament of the ethnic history of the oldest nomads of the steppe Eurasia)*. Almaty: "Ostrov Krym" Publ., 125-205 (in Russian).
6. Ermolaeva, A. S. 2012. *Pamyatniki predgornoj zony Kazahskogo Altaya (ehpoha bronzy-rannee zhelezo) (Monuments of the foothill zone of the Kazakh Altay (the Bronze Age — early iron))*. Almaty: Margulan A.Kh. Archaeology Institute (in Russian).
7. Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyy vek Uralo-Kazahstanskih stepej (osnovy periodizacii) (Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes (the foundations of periodization))*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
8. Zdanovich, G. B. 2002. *Uralo-Kazahstanskije stepi v ehporu srednej bronzy: nauchn. doklad v vide dis. ... dokt. ist. nauk (Ural-Kazakhstan steppes in the Middle Bronze Age: scientific report in the form of dis. ... Dr. hist. sciences)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk University (in Russian).
9. Korochkova, O. N. 2004. In Gulyayev, V. L. (ed., comp.) *Problemy pervobytnoj arheologii Evrazii (k 75-letiyu A.A. Formozova) (Problems of the Primitive Archaeology of Eurasia (on the 75th anniversary of A. Formozov))*. Moscow: Institute of Archaeology RAN, 202-211 (in Russian).
10. Korochkova, O. N. 2011. *Vzaimodejstvie kul'tur v ehporu bronzy v srednem Zaural'e i podtaezhnom Tobolo-Irtysh'e: faktory, mekhanizmy, dinamika: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk (The interaction of cultures in the Bronze Age in the middle Trans-Urals and the subtaiga Tobolo-Irtysh: factors, mechanisms, dynamics: thes. dis. ... Dr. hist. sciences)*. Moscow: Institute of Archaeology RAN (in Russian).
11. Kuz'mina, E. E. 1994. *Otkuda prishli indoarii? Material'naya kul'tura plemen andronovskoj obshchnosti i proiskhozhdenie indoirancev (Where did the Indo-Aryans come from? The material culture of the tribes of the Andronovo community and the origin of Indo-Iranians)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
12. Loman, V. G. 2013. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Begazy-dandybaevskaya kul'tura Stepnoj Evrazii (k 65-letiyu J. Kurmankulova) (Begazy-Dandybay culture of the Steppe Eurasia (on the 65th anniversary of J. Kurmankulov))*. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 247-259 (in Russian).
13. Makarova, L. A. 1970. In Kadyrbayev, M. K. (ed.) *Po sledam drevnih kul'tur Kazahstana (In the footsteps of the ancient cultures of Kazakhstan)*. Alma-Ata: Nauka Publ., 201-206 (in Russian).
14. Malyutina, T. S. In Archive of the Akishev, K. A. Institute of Archaeology near Eurasian National University named Gumilev, L. N. (in Russian).
15. Malyutina, T. S. 1990. In Zdanovich, G. B. (ed.) *Arheologiya Volgo-Ural'skih stepej (Archaeology of the Volga-Ural steppes)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 100-127 (in Russian).
16. Malyutina, T. S. 1991. In *Drevnosti Vostochno-Evropejskoj lesostepi (Antiquities of the East European forest-steppe)*. Samara: Samara Pedagogical Institute Publ., 141-162 (in Russian).
17. Malyutina, T. S. 1994. *Fedorovskaya kul'tura Uralo-Kazahstanskih stepej: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk (Fedorov culture of the Ural-Kazakhstan steppes: thes. dis. ... Cand. hist. sciences)*. Moscow: Institute of Archaeology RAN (in Russian).
18. Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. 1966. *Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazahstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: Nauka KazSSR Publ. (in Russian).
19. Masson, V. M. 1999. In *Kompleksnyye obshchestva Central'noi Evrazii v III-I tys. do n.e.: regional'nye osobennosti v svete universal'nyh modelej (Complex Societies of Central Eurasia in the 3rd – 1st millennium BC: regional features in the light of universal models)*. Chelyabinsk–Arkaim, 72-77 (in Russian).

20. Molodin, V. I., Epimahov, A. V., Marchenko, Zh. E. 2014. In *Vestnik NGU (Bulletin of the Novosibirsk State University)*, 13, 3: Archaeology and Ethnography, 136-167 (in Russian).
21. Orazbayev, A. M. 1970. In Kadyrbayev, M. K. (ed.) *Po sledam drevnih kul'tur Kazahstana (In the footsteps of the ancient cultures of Kazakhstan)*. Alma-Ata: Nauka Publ., 129-146 (in Russian).
22. Orazbayev, A. M. 1972. In Akishev, K. A. (ed.) *Poiski i raskopki v Kazahstane (Searches and excavations in Kazakhstan)*. Alma-Ata: Nauka Publ., 154-162 (in Russian).
23. Sakenov, S. K. 2011. In *Margulanovskie chteniya–2011 (Margulan reading–2011)*. Astana: Eurasian National University named Gumilev, L. N. Publ., 335-337. (in Russian).
24. Sakenov, S. K. 2014. In Khabdulina, M. K. (ed.) *Dialog kul'tur Evrazii v arheologii Kazahstana (Dialogue of cultures of Eurasia in archaeology of Kazakhstan)*. Astana: Eurasian National University named Gumilev, L. N. Publ., 557-567. (in Russian).
25. Sakenov, S. K. 2015. In Tairov A.A. (ed.) *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale (Ethnic Interactions in the Southern Urals)*. Chelyabinsk: South Ural State University Publ., 160-169. (in Russian).
26. Stokolos, V. S. 1972. *Kul'tura naseleniya bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya (Culture of the population of the Bronze Age of the Southern Zauralye)*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
27. Tkachev, A. A. 2003. *Bronzovyi vek Central'nogo Kazahstana: avto-ref. dis. ... dokt. ist. nauk (Bronze Age of Central Kazakhstan: thes. dis. ... Dr. hist. sciences)*. Moscow: Institute of Archaeology RAN (in Russian).
28. Tkachev, A. A. 2011. In *Margulanovskie chteniya–2011 (Margulan reading–2011)*. Astana: Eurasian National University named Gumilev, L. N. Publ., 155-159 (in Russian).
29. Habdulina, M. K., Tleugabulov, D. T., Brynza, T. V., Bilyalova, G. D., Kucherov, P. Yu. 2017. *Issledovanie pamyatnikov bronzovogo veka v Akmolinskom Priishim'e (Poselenie Shagalaly II) (The study of monuments of the Bronze Age in Akmola Priishimye (Settlement Chagalala II))*. Astana: Eurasian National University named Gumilev, L. N. Publ. (in Russian).
30. Bonora, G. L., Sakenov, S. K. 2014. In *Margulanovskie chteniya–2014 (Margulan reading–2014)*. Almaty–Pavlodar, 107-131.

About the Author:

Khabdulina Maral K. Candidate of Historian sciences, Associate Professor of the Department of Archaeology and Ethnology, Director K.A. Akishev Research Institute, Eurasian national university named L.N. Gumilev;mk_khabdulina@mail.ru

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 05.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 12.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 19.10.2018.

ОБ УСТРОЙСТВЕ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЖЕТЫСУ

© 2018 г. А.А. Горячев

Настоящая работа посвящена обобщению результатов исследований поселений и вопросов развития хозяйственно-культурных традиций, связанных с производственной деятельностью древнего населения позднебронзового века Жетысу. В истории развития древних культур эпохи бронзы региона на рубеже XIV–XIII вв. до н.э. происходит смена культурных традиций племен андроновского круга в общность культур валиковой керамики. Изменения затрагивают, прежде всего, хозяйственную и социокультурную сферу, что отражается как на характере домостроительства, так и на развитии домашних ремесел и промыслов. В основном исчезают крупные поселения, а на их месте возникают серии меньших по количеству жилищ (до 4–5 домов) поселков. При сохранении культурной преемственности традиций домостроительства андроновского времени изменяются параметры и планировка жилищ каркасно-столбовой конструкции. Население Жетысу вело в эпоху бронзы сложное комплексное хозяйство, что привело к сложению системы хозяйствования с разделением на зоны преимущественного развития земледелия и скотоводства. Выделяются группы родов и племен (памятники бегазинского и кульсайского типа), которые занимают более стабильные экологические ниши горной и предгорной зон Жетысу. Постепенная специализация ремесленного производства и взаимовыгодный товарообмен способствовали благосостоянию населения, увеличению территорий охваченных хозяйственной деятельностью людей, и, как следствие, росту численности населения в этот период и усложнению их социальной системы.

Ключевые слова: археология, Жетысу, горная зона, эпоха бронзы, традиция, культура, поселение, хозяйство, быт, жилище, домостроительство, ремесла, скотоводство, земледелие

Изучение позднебронзовых поселений Жетысу началось в 1980-е гг. археологическими экспедициями Отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова (рук. К.А. Акишев) и КазПИ им. Абая (рук. А.Н. Марьяшев). Исследования проводились преимущественно в горах Джунгарского Алатау в долинах рек Бигаш и Коксу. Получены материалы поселений Бигаш-13 и Талапты-1, которые позволили составить первичное представления об устройстве поселений и жилищ и

культурных традициях позднебронзового времени данного региона [Карабаспакова, 1987, с. 90–101; Марьяшев, Горячев, 1993, с. 5–20]. В 1990-е годы и в начале 2000-х гг. различными экспедициями Института археологии им. А.Х. Маргулана исследования значительно расширились территориально и производились у северных склонов Илейского Алатау (поселения Асы-I, II, Тургень-II, Бутақты-I, III, в ущельях Кайнар и Майбулак), в Шуилейских горах (поселения Серектас-I, II). Были продолжены ра-

боты у северных и западных склонов Жетысуского Алатау, где обследованы новые жилые комплексы Бигащ, Калакай и Тасбас.

В значительной степени решены вопросы культурно-хронологической атрибуции находок, полученных в ходе исследования древних поселений [Марьяшев, Горячев, 2001, с. 112–123; Карабаспакова, 2011; Марьяшев, Фрачетти, 2007, с. 100–105]. Дальнейшие разработки позволили определить характер расселения древних племен позднебронзового века, дать предварительную характеристику традиций домостроительства, детализировать производственные возможности и характер ремесленного производства в различных микрорайонах Жетысу [Горячев, Чернов, 2007, с. 106–119; Горячев, Сараев, 2013, с. 5–18; Горячев, 2013, с. 348–370; Фрачетти и др., 2014, с. 15–22]. Однако большинство вопросов хозяйственно-культурного развития населения Жетысу представлялось в контексте с материалами ранней и средней бронзы или раннего железного века. Специализированных работ, обобщающих материалы позднебронзовых поселений для данного региона, не было.

Изучение древней культуры населения эпохи поздней бронзы региона продолжилось при реализации серии республиканских и международных проектов. По их результатам выяснено, что в эпоху бронзы регион был плотно заселен. Только в предгорной и горной зонах Илейского, Жетысуского Алатау и в Шуилейских горах выявлено свыше 100 поселений эпохи бронзы, значительная часть которых содержала материалы позднебронзового века [Горячев, 2014, с. 84–92]. Накопленный материал позволяет рассматривать вопросы

развития хозяйственных процессов и культурных традиций, связанных с производственной деятельностью древнего населения этого времени самостоятельно, что является основной задачей настоящей публикации.

Переломным моментом в истории развития древних культур эпохи бронзы Жетысу следует считать рубеж XIV–XIII вв. до н.э. [Гасс, Горячев, 2016, с. 113, табл. 2]. Практически повсеместно происходит смена культурных традиций племен андроновского круга в общность культур валиковой керамики. Изменения затрагивают характер домостроительства на поселениях этого периода, прежде всего в материалах памятников предгорной и горной зоны. Исчезают крупные поселения андроновского периода, такие как Бутақты-І, Тургенъ-ІІ, Ынтымак-І и Куйган-І. Зато в их непосредственной близости возникают серии меньших по количеству жилищ (до 4–5 домов) поселков. Исключение составляет поселение Кызылбулак-IV, расположенное в верховьях ущелья Турген, которое насчитывает свыше 20 площадок под жилые строения. На прежних поселениях через определенное время также устраиваются жилища, но значительно меньшие по размерам (от 6×5 м до 8×6 м). Тем не менее, и в этот период сохраняются андроновские традиции устройства каркасно-столбовых конструкций размерами от 10×10 м до 16×11 м, как на поселении Талапты-І.

Значительный археологический материал по жилищам позднебронзового века был получен А.Н. Марьяшевым (Серектас-1, 2) в Шуилейских горах, а также совместно с М. Фрачетти при изучении комплекса многослойных поселений в урочище Бигащ. При раскопках по-

селений Асы-1 (А.Н. Марьяшев) и Асы-2 (К. Чанг, П. Туртеллот) в высокогорной зоне Илейского Алатау были исследованы многокомнатные помещения с каменными основаниями фундаментов стен и многочисленными очагами. Параметры этих строений также выходят за пределы обычных домостроений. Их неполное исследование оставляет вопрос о функциональном назначении подобных жилищ открытым.

Устройство поселений поздней бронзы в Жетысу имело свои особенности. Поверхность участков, которые выбирались для обустройства домов в горной местности, представляли собой ровные площадки близ рек и родников (рис. 1). В случае отсутствия ровных площадок фундаменты домов врезались в склоны с южной экспозицией в 2–3 яруса, а выровненные участки дворов создавались в процессе домостроительства. В предгорной зоне поселения позднебронзового века располагались на высоких лессовидных берегах, иногда останцах горных рек, и (или) врезались в глинистые борта склонов с южной экспозицией. Они состоят из нескольких обычно отдельных усадеб, вытянутых в линию по берегу ручья или речки (рис. 2).

При устройстве поселений на всех этапах выбирались места на выходе из горных ущелий или отдельных саев на высоких надпойменных террасах горных рек и ручьев. Дома располагались на поселениях в виде отдельно стоящих хозяйственных дворов, в 1–2 ряда по абрису надпойменных террас. Следы деревянных изгородей подтверждают наличие ограждающих конструкций по периметру отдельных жилых комплексов. Сооружались они из дерева, земли и камней. В некоторых случаях к жи-

лищам пристраивались хозяйственные постройки.

На территории поселений поздней бронзы Жетысу нормативная глубина сезонного промерзания грунта (суглинки или крупнообломочные и насыпные) составляет большей частью 95–100 см. В геолого-литологическом строении площадок принимают участие аллювиально-пролювиальные отложения верхнечетвертичного возраста, представленные суглинком и галечниковыми грунтами, перекрытыми почвенно-растительным слоем и местами насыпным грунтом. Почвенно-растительный слой – суглинок гумусированный, твердой консистенции, с корнями растений, мощностью 0,3–1,5 м. Суглинок светло-бурого цвета, лессовидной просадочный, твердой консистенции, с включением карбонатов и ракушек, у подошвы слоя – с включением гальки и гравия до 20–30%, мощностью 0,4–2,4 м. Грунтовые воды залегают от уровня жилищ на глубинах от 7–8 м и до более 20 м. Участки жилищ выбирались потенциально не подтопляемые. Данные грунтовые условия в регионе Жетысу соответствуют условиям участка II–A–1 с сейсмичностью 9 баллов. Суглинки проявляют просадочные свойства от дополнительных нагрузок. Грунтовые условия площадки по просадочности сказывались на особенностях устройства фундаментов древних домостроений.

Строительные материалы эпохи бронзы зависели от природно-климатических условий региона. Основные материалы – это дерево, глина с примесью извести, камни, солома. Несущие конструкции жилища выполнены из дерева. Стены устраивались из бревен, горбылей, некоторые частично каменные. Обмазка

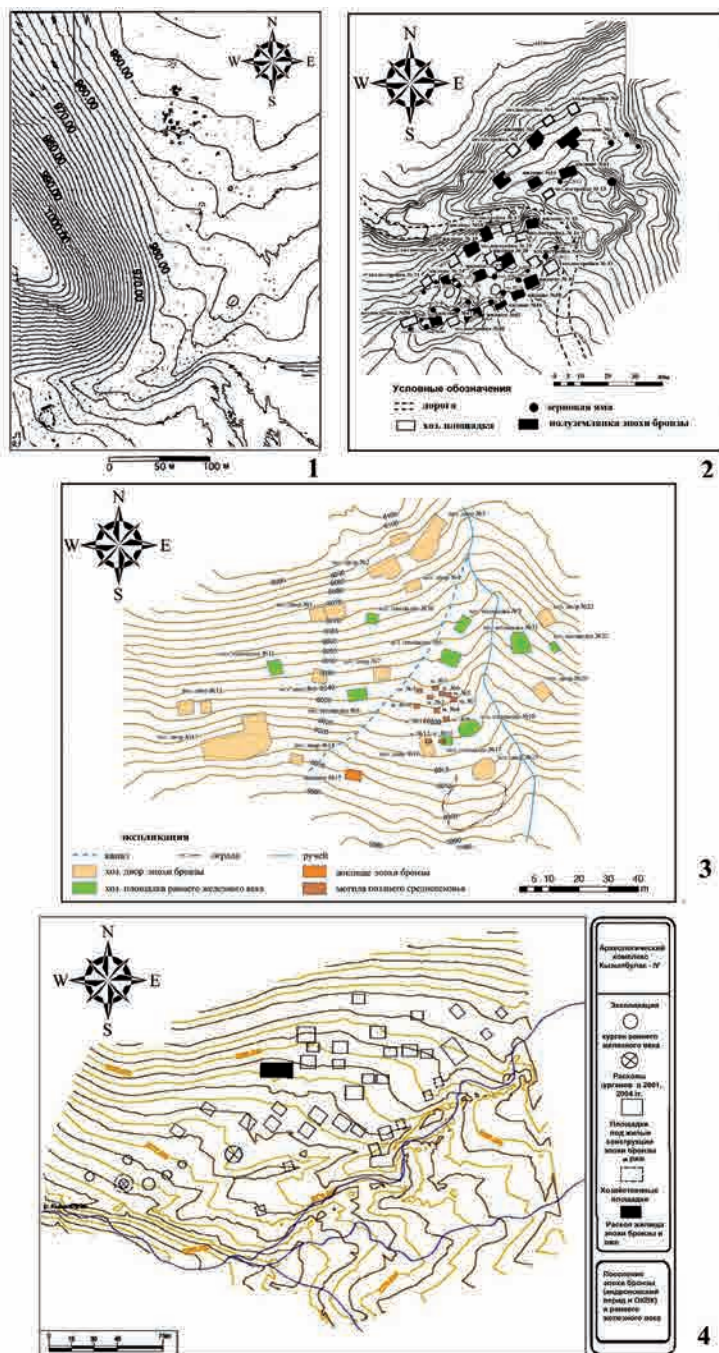

Рис. 1. Топографические планы поселений со слоями поздней бронзы в горной зоне Жетысу. 1 – Бигаши (по: [Марьяшев, Фрачетти, 2007]); 2 – Кольсай-I; 3 – Кокшоки; 4 – Кызылбулак-IV

Fig. 1. Topographic plans of settlements with layers of late Bronze Age in mountain area of Jetyysay. 1 – Bigash (by: [Maryashev, Frachetti, 2007]); 2 – Kolsay-I; 3 – Kokshoky; 4 – Kyzylbulak-IV

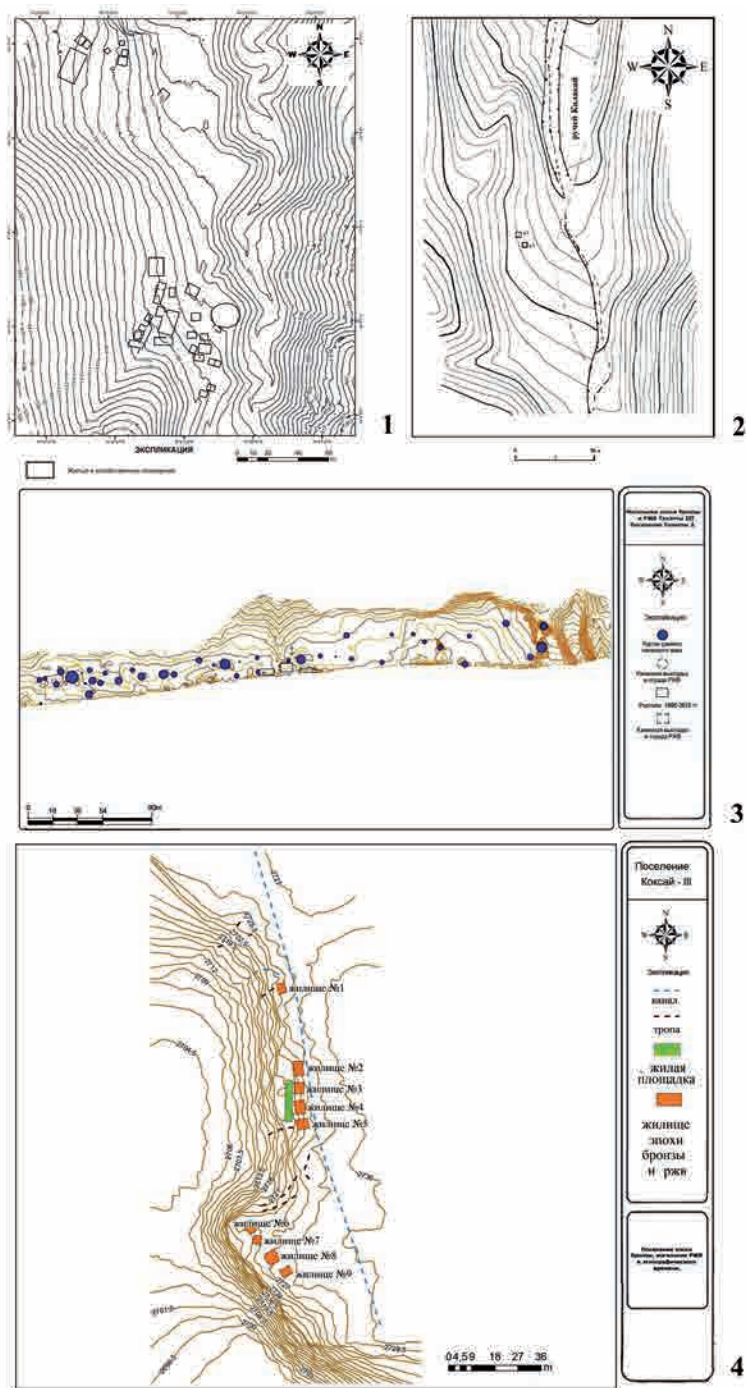

Рис. 2. Топографические планы поселений со слоями поздней бронзы в предгорной зоне Жетысу. 1 – Ынтымак-I; 2 – Калакай-I; 3 – Талапты-I; 4 – Коксай-III

Fig. 2. Topographic plans of settlements with layers of late Bronze Age in piedmont area of Jetysay. 1 – Yntymak-I; 2 – Kalakay-I; 3 – Talapty-I; 4 – Koksay-III

внутреннего и наружного пространства – глина. Полы – щебень, глина, возможно солома. Очаг – грунтовая яма с каменной выкладкой или глинобитным бортом (или без). Верхнее покрытие кровли – шкуры животных, ветви деревьев лиственных пород или солома.

Наиболее исследованными памятниками поздней бронзы в Жетысу являются поселения предгорной и высокогорной зоны Илейского и Жетысуского Алатау – Тургень-II, Кызылбулак-IV и Талапты-I. На их основе произведены реконструкции традиций домостроительства и хозяйственно-культурного развития населения Жетысу в позднебронзовый период.

В высокогорной зоне ущелья Турген два раскопанных жилища поздней бронзы не превышают объемов в 70 кв.м. Соответственно изменилась и внутренняя планировка помещений. Жилище на поселении Тургень-II представляло собой стоянку-мастерскую почти квадратной формы 8,5×8,2 м с коридорообразным выходом (рис. 3, 1, 2). Четырехскатная кровля опиралась на квадратную раму по центру жилища, размерами 1,8×1,8 м, которая служила и световым окном, и отверстием в кровле для выхода дыма от очага. Кровля укладывалась на опорные балки и на несущие перекладины (рис. 3, 3). Основной вход в помещение прямой коридорообразный, длиной 2 м и шириной 1 м, располагался с юго-западной стороны. На выходе из жилища с западной стороны зафиксированы конструкции каменной обкладки небольшой пристройки – загона для скота.

Внутренний объем здания состоит из центрального и боковых коридоров, двух спальных, производ-

ственного и хозяйственного отсеков (рис. 3, 4–6). Центральное помещение вокруг очага заменяется простым коридором, крестообразная планировка в жилищах эпохи бронзы не встречалась ранее не только в Жетысу, но и в пределах всего андроновского ареала. Вероятно, на поселении Тургень-II нами отмечена переходная форма устройства домов от андроновских к традициям культур раннего железного века Северного При Тяньшанья. Набор вещевых материалов однозначно свидетельствует, что здесь проживала семья, специализировавшаяся на кожевенном ремесле и ткачестве [Горячев, Чернов, 2007, с. 106–119].

На поселении Кызылбулак-IV, расположенном в 300 м восточнее, жилище представляло собой однокамерную полуземлянку, размерами 8,4×5,8 м, врезанную в горный склон с южной экспозицией (рис. 4, 1). Вход в жилище расположен с восточной стороны и представляет собой прямой недлинный коридор (1,5×1 м), слегка повышающийся от внутренней части помещения к выходу (рис. 4, 2, 3). Через вход древние жители попадали в центральное помещение с очагом по центру. Очаг округлой формы, диаметром 70 см был обозначен по периметру крупным керамическим котлом без дна. Глубина очага составила 60 см.

У северной стенки жилища в центральном помещении была зафиксирована крупная хозяйственная яма овально-прямоугольной формы, размерами 1×0,85 м. Внутри нее отмечена разделанная туша мелкого рогатого скота (барана). Еще две крупные хозяйственные ямы с заполнением многочисленными фрагментами костей МРС отмечены у южной стенки жилища. Вдоль западной стенки устроены две жилые комнаты. В

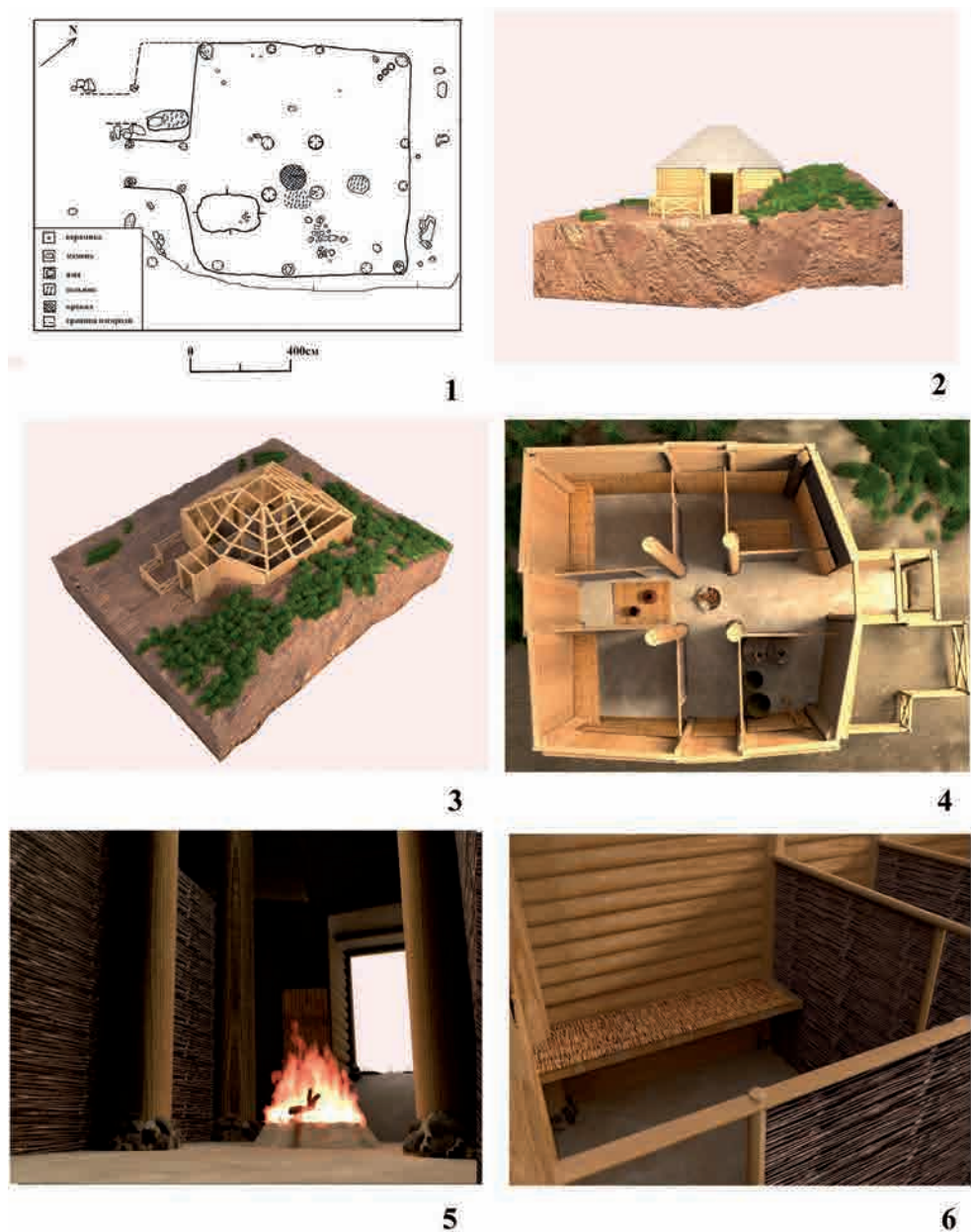

Рис. 3. Графическая реконструкция полуземлянки позднебронзового века археологического комплекса Турген-II. Исполнитель: К.С. Потапов. 1 – план раскопа жилища эпохи поздней бронзы; 2 – внешний вид жилища со стороны ручья Кызылбулак; 3, 4 – устройство столбовых конструкций и стен жилища; 5 – очаг в центральной части помещения; 6 – обустройство спального помещения жилища

Fig. 3. Reconstruction of semi-dugout of late Bronze Age from archaeological complex Turgen-II. Realized Potapov, K. S. 1 – excavations' plan of late Bronze Age dwelling; 2 – dwelling's exterior from stream Кызылбулак; 3, 4 – device of pillar structures and dwelling's walls; 5 – fireplace in the dwelling's center; 6 – arrangement of the sleeping quarters of the dwelling

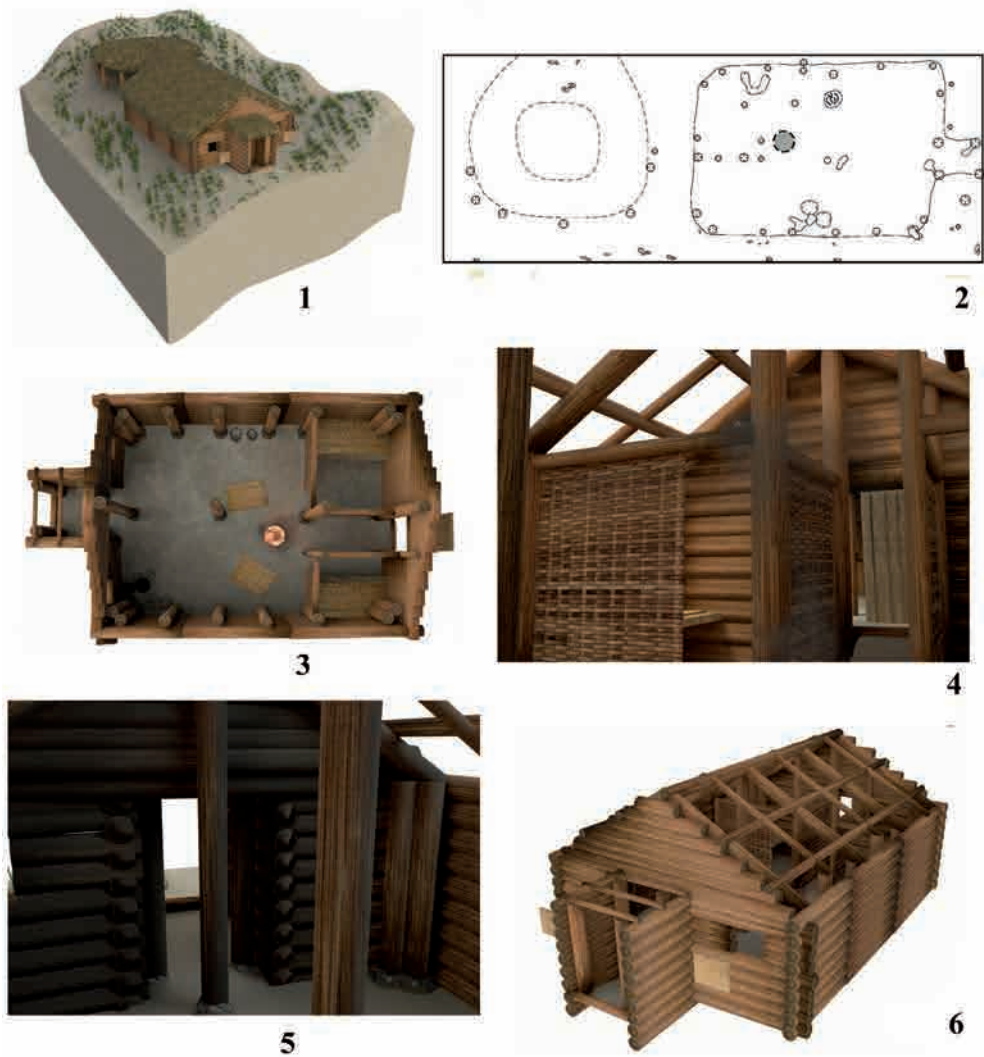

Рис. 4. Реконструкции жилища эпохи поздней бронзы поселения Кызылбулак-IV. 1 – внешний вид жилища с хозяйственной постройкой; 2 – план раскопа жилища поздней бронзы; 3 – внутреннее устройство жилого помещения, вид сверху; 4 – устройство спального помещения; 5 – устройство основного входа в жилище, вид изнутри; 6 – кровельное перекрытие жилища

Fig. 4. Reconstruction of the dwelling of late Bronze Age of the settlement Kyzylbulak-IV. 1 – appearance of the dwelling with housekeeping construction; 2 – the plan of excavation of the dwelling of late Bronze; 3 – the internal device of dwelling, top view; 4 – the device of the sleeping room; 5 – the device of the main entrance to the dwelling, a view from within; 6 – roofing overlapping of the dwelling

одной из них был дополнительный выход, который вел к пристроенной хозяйственной постройке (рис. 4, 4, 5).

Устройство крыши относится к категории двухскатной кровли (рис. 4, б), опирающейся на продольное бревно, лежащее на опорных

столбах, врытых по центру продольной оси помещения [Кузьмина, 1994, с. 78]. Достаточно крупные ветки располагались вертикально и горизонтально. Места соединения этих перекрытий по традиции, вероятно, производились «в лапу». Внешнее и внутреннее дополнительное устройство кровельного перекрытия не устанавливается.

Несколько иные традиции домостроительства представлены в горной зоне Жетысу в материалах поселений Бигаш, Асы-І, ІІ. Жилища также представляли собой полужемлянки каркасно-столбовой конструкции, но основания стен в них сооружены из каменных плит, скрепленных глиняным раствором (рис. 5, 1, 2). Высота их составляла 1–1,2 м, ширина 0,5–0,6 м [Марьяшев, Горячев, 2001, с. 112–116]. Их планиграфия соответствует традициям андроновского жилища на поселении Ынтымак-І в предгорной полосе Илейского Алатау и позднебронзовым поселениям Серектас-І, ІІ в степных Шуилейских горах, однако параметры жилищ значительно меньше, чем на вышеперечисленных памятниках.

Некоторые аналогии в планиграфии, устройстве очага и каркасно-столбовой конструкции жилищ горной зоны Жетысу прослеживаются в материалах поселений Бугулы-ІІ и Суук-Булак в Центральном Казахстане [Маргулан и др., 1966, с. 248–255] и Замараево в Южном Зауралье [Сальников, 1954, с. 246]. Характер очага относится ко второму типу андроновских очагов, широко распространенных в позднебронзовый период [Кузьмина, 1994, с. 80].

Среди находок, полученных из жилищ поздней бронзы в горной зоне Жетысу, встречаются каменные, керамические и костяные орудия тру-

да (рис. 5, 7–28). Большинство из них характеризуют домашние промыслы – обработку кож и ткачество [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 157–175]. Отдельные металлические изделия представлены фрагментами бляшек, бусин, наконечниками стрел и бытовыми инструментами – иглами и проколками (рис. 5, 3–6). Аналогичные инструменты присутствуют в коллекции поселения Мыржык (Центральный Казахстан) [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 57, рис. 29, 9]. В остеологическом материале отмечается преобладание костей мелкого и крупного рогатого скота. Увеличивается количество костных останков лошадей, что фиксирует динамику структуры скотоводческой системы хозяйства древнего населения. Среди другого материала встречаются керамические изделия, бронзовые украшения, костяные наконечники стрел, бляшки из кости.

Большую часть посуды поздней бронзы горной зоны Илейского Алатау составляет неорнаментированная керамика, которая отличается определенным набором форм. Это банки, горшки, миски и чаши (рис. 5, 29–51). Около 15% всей керамики принадлежит орнаментированной посуде. Орнамент в основном размещался в верхней части тулова: по венчику, под венчиком, по шейке. Отмечены косые и вертикальные насечки, ногтевые вдавления, формованный валик, «елочки», зигзагообразные линии из косых насечек, каннелюры, «сеточки» и треугольники. Все эти элементы орнамента встречаются в комбинированном виде. Наиболее распространенными являются косые насечки и сеточки по валику, размещенные по шейке сосудов (более 20% орнаментированной посуды).

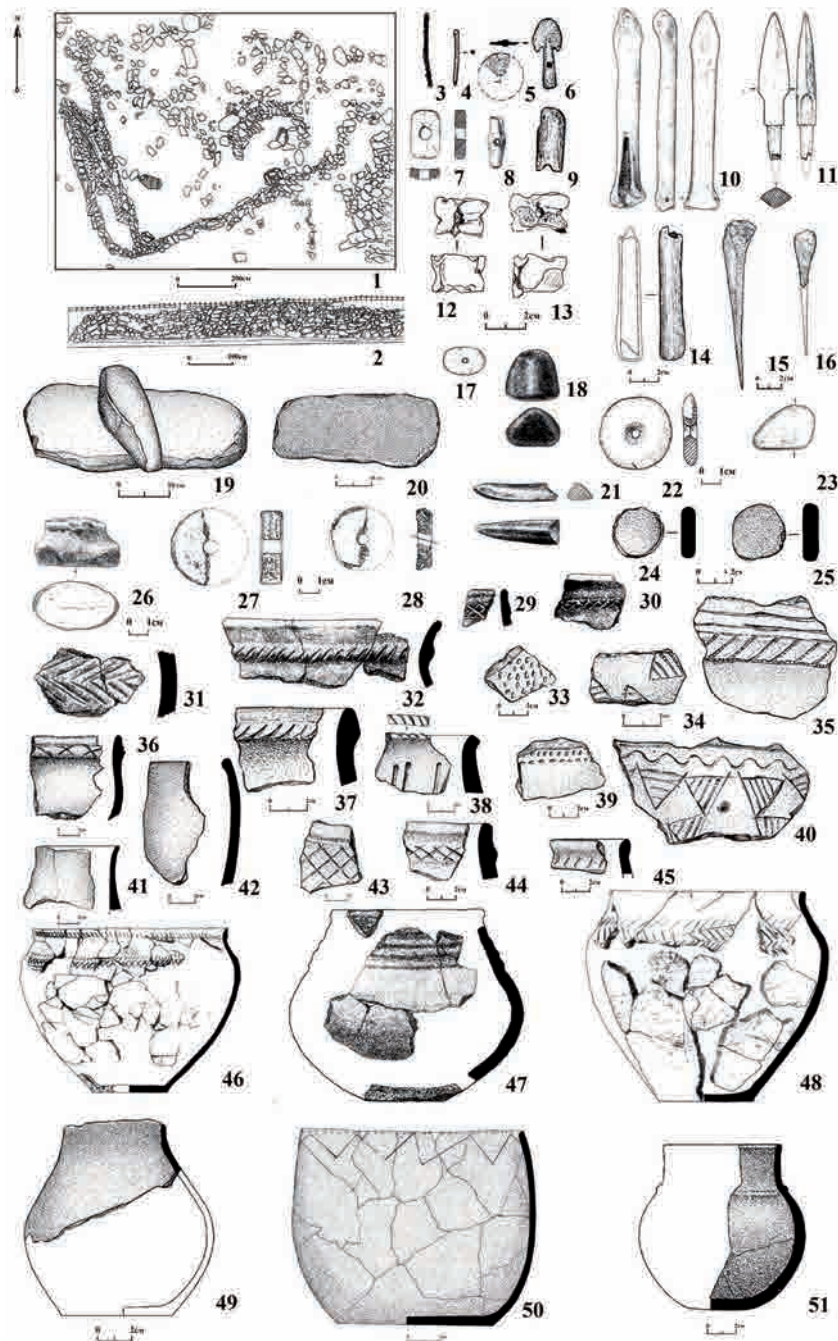

Рис. 5. Материалы поселений поздней и финальной бронзы высокогорной зоны Жетысу. 1 – план жилища эпохи бронзы поселения Асы-I; 2 – разрез каменной стенки жилища эпохи бронзы поселения Асы-I; 3–6 – бронза; 7–16 – кость; 17–23 – камень; 24–51 – керамика

Fig. 5. The materials of the settlements of the late and final Bronze of Alpine zone of Jetyssu. 1 – plan the dwelling of the Bronze Age settlement Asy-I; 2 – section stone-walled dwellings of the Bronze Age settlement Asy-I; 3–6 – bronze; 7–16 – bone; 17–23 – stone; 24–51 – ceramics

По своим параметрам керамика эпохи поздней бронзы комплекса Тургень-II наиболее близка материалам поселения Талапты-I, однако более разнообразна по способам орнаментации. Аналогии подобной керамике можно обнаружить в центрально-казахстанских поселениях саргаринского типа [Маргулан и др., 1966, с. 204–257; Варфоломеев, 1987, с. 60; Ломан, 1987, с. 115–123]. Определенный круг аналогий орнаментальным мотивам прослеживается в материалах поздней бронзы Южного Зауралья [Зданович, 1988, с. 171, табл. 10Г; Костюков и др., 1996, с. 155, 162], Западной и Южной Сибири [Максименков, 1978, с. 183–186; Матвеев, 1993, с. 165; Зах, 1997, с. 68, 69], но наиболее близкие обнаруживаются в горных и степных районах Алтая [Черников, 1960, с. 270; Молодин 1985, с. 96–101, 120; Ситников, 1998, с. 78–81]. Некоторую часть таких сосудов характеризует сильно раздутое тулово и переход к тулову от прямой шейки, либо сразу от венчика, что более характерно для среднеазиатских комплексов, датируемых в пределах XIII–IX вв. до н.э. [Мандельштам, 1968, табл. XXIII, 5, 6, 14, 15]. По совокупности признаков формы и орнаментации посуды керамика позднебронзового этапа горной зоны относится к бегазы-саргаринской группе среди общности культур валиковой керамики степной Евразии [Черных, 1983, с. 89–90, рис. 6; 7].

В предгорной зоне Жетысу конструкции жилищ в виде полуземлянок каркасно-столбовой конструкции продолжают развиваться, как, например, в долине р. Коксу на поселении Талапты-I (рис. 2, 3). Поселение Талапты-I было однослойным и недолговременным. Сохраняются все основные принципы андронов-

ского домостроительства, несмотря на однозначную датировку памятника рубежом II–I тыс. до н.э. по комплексам находок [Марьяшев, Горячев, 1993, с. 17; Горячев, Потапов, 2015, с. 342–351].

Жилище представляло собой полуземлянку каркасно-столбовой конструкции с каменной кладкой по периметру котлована и каменной кладкой внутри жилища, образующей основание северной стенки, высотой 0,7 м (рис. 6, 1). Высота наружных стен – 2,0–2,20 м, высота стен над поверхностью древнего горизонта составляет лишь 1,0–1,2 м. Конструкция наружных стен состояла из опорных столбов и горизонтально расположенных бревен.

Следов перекрытий не было найдено, исходя из этого следует предположить, что скорей всего его не было. Кровля представляется четырехскатной, что определялось природно-климатическими условиями региона – быстрое изменение направления ветров и обильные осадки. Высота вертикальных опорных столбов под квадратной рамой – около 3,0 м. Они располагались по периметру очага. Второй уровень кровли перекрывал квадратную раму и был предположительно двухскатным, с большим световым окном, которое являлось отверстием для дымоотвода и располагалось прямо над очагом. Кровля укладывалась на опорные балки и на основные перекладыны (рис. 6, 2). С внутренней стороны она обмазывалась глиной, а с наружной накрывалась камышом или соломой, это создавало водонепроницаемый защитный слой кровли. Внутренний объем здания состоит из центрального основного помещения, трех спальных двухкомнатных отсеков, а также из вытянутого хозяйственного секто-

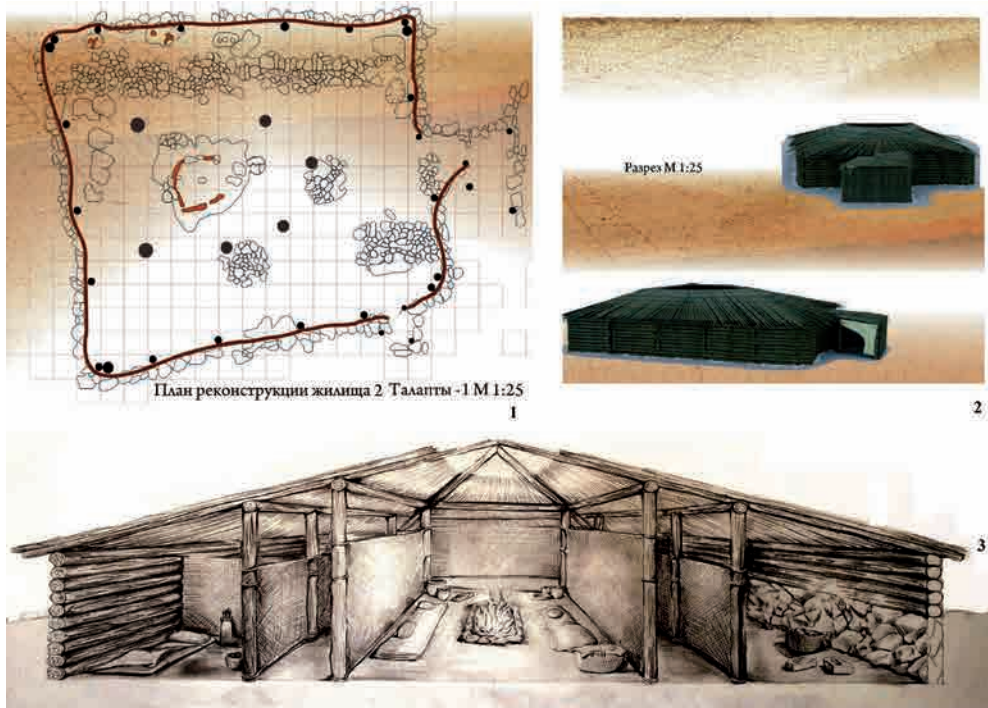

Рис. 6. Графические реконструкции жилища 2 поселения Талапты-1. Исполнитель: К.С. Потапов. 1 – план реконструкции жилища; 2 – макет внешнего вида жилища; 3 – графическая реконструкция жилища эпохи бронзы, вид с восточной стороны

Fig. 6. Reconstructions of dwelling 2 of late Bronze Age of the settlement Talapty-I. Realized Potapov, K. S. 1 – dwelling's reconstruction; 2 – model of dwelling's exterior; 3 – graphic reconstruction of the Bronze Age dwelling, view from the East

ра (рис. 6, 3). Центральное помещение вмещало в себя несколько функций: кухня-столовая и общий зал.

Прямой или «Г»-образный вход устраивался с восточной (северо-восточной) или западной (юго-западной) стороны. В центре жилищ устраивались каменные очаги округлой, овальной и подковообразной форм. Все конструкции стен и четырехскатной крыши выполнялись из деревянных столбов. Деревянные конструкции стен пропитывались растительным раствором и обмазывались глиной. Внутри жилище разделялось на жилую, общую и хозяйственные зоны. Жилая зона располагалась в южной (юго-западной и юго-

восточной) части дома и представляла собой несколько отдельных комнат. Общая зона занимала центральную часть дома вокруг очага. Хозяйственная – располагалась в северной части жилища. Здесь обнаруживаются многочисленные крупные хозяйственные ямы, посуда и орудия труда.

В предгорной и горной зоне Жетысу еще с периода ранней бронзы появляется традиция устройства каменных оснований стен как наружных, так и внутренних [Фрачетти и др., 2014, с. 20]. В жилище 2 таковой оказалась только северная стенка, обращенная к горам. Ее укрепление, вероятно, потребовалось с тем, чтобы предотвратить оплыв стенки во

время весенних паводков, которые регулярно проходили по устьям горных саев, близ которых было устроено поселение. Сами стены и крыши по-прежнему изготавливаются из местных пород деревьев. Основная часть жилищ становится прямоугольной формы, общей площадью 80–120 кв.м, хотя для жилищ общей площадью менее 80 кв.м сохраняется его квадратная планировка.

Найденный материал из жилищ – каменные изделия: зернотерки, песты, точила, терочники, ножи, изделия яйцевидной формы, скребла, мотыга, крышки к сосудам, пряслице, каменное навершие для булавы (рис. 7, 1–6) и костяные наконечники стрел (рис. 7, 7–9). Обилие пестов, мотыг и зернотерок свидетельствует о значительном развитии земледелия у населения предгорных долин региона. В то же время многочисленные кости животных, а также каменные и костяные орудия труда для ловли животных (болас) и обработки кож (ножи, скребла, тупики, ложила и т.д.) говорят, что система хозяйства была комплексной. Основным видом в животноводстве был мелкий (75%) и крупный рогатый скот (20%). Только ~ 5% костей принадлежали лошади.

Основной материал жилищ керамический. Два сосуда обнаружены внутри северной стенки у входа в жилище 2 (рис. 7, 21, 22). Один из сосудов с узкими каннелюрами по шейке и плавной профилировкой тулова был вставлен в сосуд с уступом по плечу. Архаичность форм и необычность местонахождения позволяют считать эти сосуды ритуальными. У остальной посуды в виде горшков округлые плечики, и только на трех из них имелся уступ при переходе от шейки к тулову (рис. 7,

12–20, 23). Сохранились фрагменты двух сосудов с валиками по венчику. Орнамент на сосудах скуден и размещался полосой по шейке сосуда к плечу, в основном это ряды косых и вертикальных насечек, зигзаги, горизонтальные линии, ряды круглых и ромбовидных вдавлений. Много фрагментов орнаментировано каннелюрами по шейке в 2–3 ряда. Изредка встречаются «жемчужины».

В эпоху поздней и финальной бронзы в Жетысу получают развитие хозяйственно-бытовые традиции, характерные для общности культур валиковой керамики. Этот этап в развитии культур бронзового века региона отмечен широкими контактами с населением сопредельных территорий Центрального и Восточного Казахстана, Урала, Алтая, Южной Сибири и Средней Азии, в том числе и Восточного Туркестана. Характер этих контактов мог определяться как миграциями отдельных родоплеменных групп из Центрального Казахстана и Алтая, так и возросшей мобильностью населения. В этом направлении особенно заметно влияние земледельческих оазисов Средней Азии, что показывает распространение характерных форм посуды и отдельных традиций в обустройстве жилищ [Итина, 1977, с. 147–172].

Население Жетысу вело в эпоху бронзы сложное комплексное хозяйство, в котором ведущими направлениями были скотоводство и мотыжное земледелие. В итоге это привело к сложению системы хозяйствования с разделением на зоны преимущественного развития земледелия и скотоводства. Направленность хозяйственного развития была предопределена циклическим изменением климата в сторону аридизации. Эти изменения сопровождались обезвоживанием степей Центрального и

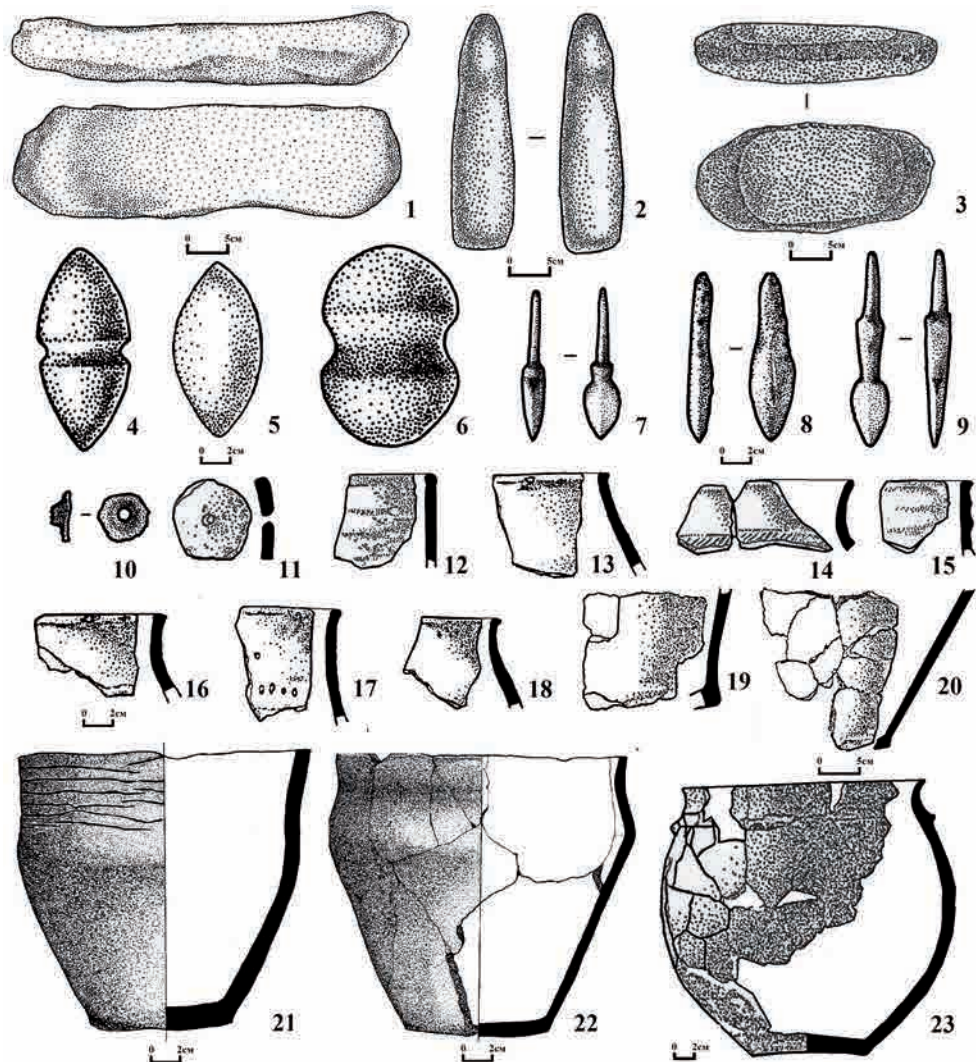

Рис. 7. Находки из жилища 2 поселения Талапты-I. 1-6 – камень; 7-9 – кость; 10 – бронза; 11-23 – керамика

Fig. 7. The artefacts from the 2Th dwelling of Talapty-I. 1-6 – stone; 7-9 – bone; 10 – bronze; 11-23 – ceramics

Восточного Казахстана и оттоком населения в представлявшие более стабильные условия жизнеобеспечения регионы. Смена зон обитания вела к поиску новых форм хозяйствования. Это, в частности, привело к освоению племенами эпохи бронзы районов среднегорья и высокогорных плато, где ведущей отраслью хо-

зяйства становится скотоводство при вертикальном способе кочевания. Развитие данного способа хозяйствования для древних скотоводов происходит в Жетысу еще до появления племен андроновского круга в регионе на основе традиций, заложенных местным населением [Фрачетти и др., 2014, с. 21-22].

В эпоху поздней бронзы в Жетысу складывается самодостаточная экономическая система, которая позволяла стабильно производить необходимое количество продукции для жизнеобеспечения древнего населения. Это стало возможным благодаря достаточно интенсивному развитию поливного земледелия и ремесленного производства.

Жители предгорной зоны региона, как правило, проживали на стационарных поселениях, насчитывающих до 10–12 хозяйственных дворов на выходе из горных ущелий. Практически все эти поселения привязаны к древним водоотводам и ирригационным сооружениям, которые обеспечивали полив близлежащих (на расстояние до 20 км) полей. Жители таких поселков занимались ирригационным земледелием и, судя по многочисленным находкам позднебронзовых кладов, ремесленным производством. Характер инструментов свидетельствует, что, к примеру, в кузнечном ремесле начинается уже процесс специализации на отдельных видах ремесла, как, например, изготовление орудий труда и оружия, ювелирных изделий и т.д. [Аванесова, 1991; Сараев, Горячев, 2013, с. 37–47]. Трудозатраты, которые мастера-ремесленники должны были производить в ходе своей деятельности, исключали возможность для них заниматься чем-либо еще. Разведение домашних животных в предгорной полосе Жетысу играло подсобную роль и чаще всего носило пастушескую форму скотоводства.

Население степных и высокогорных районов региона, где отсутствовали условия и возможности для

занятий земледелием, а порой и даже огородничеством, специализировалось на разведении скота. Но в горной зоне периодически встречаются поселения, которые в своей структуре насчитывают более 10 домов и усадеб. При особенностях скотоводческого хозяйства данная ситуация нерентабельна. Исследования отдельных жилищ на таких поселениях показывают, что часть населения горной зоны также специализировалась на ремесленном производстве. В первую очередь это касается мастеров кожевников и ткачей, поскольку основное сырье в виде шерсти производилось их ближайшими соседями по поселку. Также в горной зоне были развиты добыча и переработка руды (Хантауский, Шатыркольский и Текелийский горнорудные центры) [Берденов, 1998, с. 180–191].

Подобная специализация и взаимовыгодный товарообмен способствовали благосостоянию населения, увеличению территорий охваченных хозяйственной деятельностью людей, и, как следствие, росту численности населения в этот период и усложнению их социальной системы. Социальная дифференциация достигает также более высокого уровня. Выделяются группы родов и племен (памятники биенского и кульсайского типа), которые занимают более стабильные экологические ниши горной зоны и устанавливают контроль над населением предгорной, а возможно, и степной зон. Именно к периоду поздней бронзы следует отнести начало сложения новых хозяйственно-культурных традиций, которые в дальнейшем найдут свое выражение в культуре сакских племен Жетысу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: «Фан» УзССР, 1991. 200 с.
2. *Берденов С.А.* Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. Алматы – Москва: «Гылым», 1998. Вып. 2. С. 180-191.
3. *Варфоломеев В.В.* Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана: сб. научн. трудов. Караганда: изд-во КарГУ, 1987. С. 56–68.
4. *Гасс А., Горячев А.А.* К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник НГУ: Серия история, филология. 2016. Т. 15, № 5: Археология и этнография. С. 85-123.
5. *Горячев А.А.* Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. научн. ст., к 65-летию Ж. Курманкулова. Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 348-370.
6. *Горячев А.А.* Некоторые итоги и перспективы изучения памятников эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау и в Шуилийских горах // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева (г. Алматы, 22–24 мая 2014). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 84-92.
7. *Горячев А.А., Чернов М.А.* Орудия кожевенного ремесла и ткачества из археологического комплекса Тургень-II // История и археология Семиречья. Алматы: ОФ «Родничок», 2007. Вып. 3. С. 106-119.
8. *Горячев А.А., Потапов С.А.* К вопросу о реконструкции жилища эпохи бронзы поселения Талапты-I // Казахское ханство в потоке истории: сб. матер. междунар. научн. конф., посвящ. 550-летию Казахского ханства. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 342-351.
9. *Горячев А.А., Сараев В.В.* К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2015. № 6 (304). С. 5-18.
10. *Зах В.А.* Эпоха бронзы Присалаирья. Новосибирск: Наука, 1997. 129 с.
11. *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: изд-во Уральского ун-та, 1988. 184 с.
12. *Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья во II тыс. до н.э. М.: Наука, 1977. Т. 10. ТХАЭЭ. 240 с.
13. *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата: Гылым, 1992. 244 с.
14. *Карабаспакова К.М.* К вопросу о культурной принадлежности памятников эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Семиречья и их связь с памятниками Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана: сб. научн. трудов. Караганда: изд-во КарГУ, 1987. С. 90-101.
15. *Карабаспакова К.М.* Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола»; Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. 220 с.
16. *Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В.* Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.): межвуз. сб. научн. тр. Самара: изд-во СамГПУ, 1995. С. 156-207.
17. *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. 464 с.

18. Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана: сб. научн. трудов. Караганда: изд-во КарГУ, 1987. С. 115-129.

19. Максименков А.Г. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.

20. Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Труды Таджикской археологической экспедиции института Археологии АН СССР и Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. МИА-145. Л.: Наука, 1968. 184 с.

21. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.

22. Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. С. 5-20.

23. Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Поселения эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургеня и на плато Асы // История и археология Семиречья. Алматы: ОФ «Родничок», 2001. Вып. 2. С. 112-123.

24. Марьяшев А.Н., Фрачетти М. Исследования могильников и поселения у села Бигаши в Восточном Семиречье // История и археология Семиречья. Вып. 3. Алматы: ОФ «Родничок», 2007. С. 100-105.

25. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: изд-во Новосибирского гос. ун-та, 1993. 181 с.

26. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

27. Сальников К.В. Андроновские поселения Зауралья // СА. 1954. Вып. XX. С. 213-252.

28. Сараев В.В., Горячев А.А. Шамсунский клад эпохи поздней бронзы у северных склонов Заилийского Алатау // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2011. № 3. С. 37-47.

29. Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1 // Древние поселения Алтая. Барнаул: изд-во АлтГУ, 1998. С. 71-84.

30. Фрачетти М.Д., Марьяшев А.Н., Доумани П.Н. Поселения горной части Семиречья и вопросы экологии и хозяйства в бронзовом веке // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2014. № 5 (295). С. 15-22.

31. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА. 1960. № 88. 285 с.

32. Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: изд-во Башкирского государственного университета, 1983. С. 81-99.

Сведения об авторе:

Горячев Александр Анатольевич – старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); aga.2805@mail.ru

КЕЙІНГІ ҚОЛА ҒАСЫРДАҒЫ ЖЕТІСУ ҚОНЫСТАРЫНЫҢ ҚҰРЫЛЫМЫ ЖАЙЫНДА

А.А. Горячев

Бұл жұмыс кейінгі қола дәуіріндегі Жетісудағы ежелгі тұрғындардың өнеркәсіптік қызметімен байланысты шаруашылық-мәдени дәстүрлерінің даму мәселелері мен қонысты зерттеу қорытындыларын жинақтауға арналған. Б.д.д. XIV–XIII ғғ. аймақтың қола дәуірінің ежелгі мәдениетінің даму тарихында андроновтық орта тайпаларының мәдени дәстүрінде білікшелі керамика мәдениеті қоғамына ауысу жүрді. Өзгерістер алдымен шаруашылық және әлеуметтік мәдени шенберде, үй құрылысында және де үй колөнері мен кәсіптерінің дамуында көрінеді. Негізнен үлкен қоныстар жойылып, олардың орнына саны жағынан (4–5 үйге дейін) аз қоныстар пайда бола бастайды. Андроновтық кезеңнің үй құрылысы дәстүрінің мәдени сабақтастығын сақтай отырып, үй жобасы және өлшемі тіреулі-қаңқалы құрастыруға өзгерді. Жетісудың

тұрғындары қола дәуірінде күрделі кешенді шаруашылық жүргізді, бұл егіншілік пен мал шаруашылығы басым дамыған аймақтарының қосылуына алып келді. Жетісу тау және тау бөктеріндегі тұрақты экологиялық тау-кен орындарын алып жатқан рулар мен тайпалар топтары (Беғазы және Құлсай түріндегі ескерткіштер) ерекшеленеді. Қолөнер өндірісінің біртіндеп мамандандырылуы және өзара тиімді тауар алмасу халықтың әлауқатының артуын, адамдардың шаруашылықпен айналысатын аумақтарының артуына және соның нәтижесінде осы кезеңдегі халық санының өсуіне, сондай-ақ олардың әлеуметтік жүйесінің күрделенуіне ықпал етті.

Түйін сөздер: археология, Жетісу, таулы аймақ, қола дәуірі, дәстүр, мәдениет, қоныс, шаруашылық, тұрмыс, тұрғынжай, үйқұрылысы, көлөнер, малшаруашылығы, егіншаруашылығы

THE STRUCTURE OF SETTLEMENTS OF JETYSU IN THE LATE BRONZE AGE

A.A. Goryachev

This article is devoted to the generalization of the results of researches of settlements and the development of economic and cultural traditions, which were associated with the production activities of the ancient population of the late Bronze Age in the territory of Jetysu. Historical development of ancient cultures of the Bronze Age in the region at the turn of the XIV–XIII centuries BC, the change of the cultural traditions of tribes of the Andronovo circle in the cultural commonality of Multirole ceramics culture. Modifications have occurred, first of all, in the economic and socio-cultural sphere. As the result the nature of housing construction and the development of household crafts and crafts are changed. In General, large settlements disappear, and in their place there are a series of smaller dwellings (up to 4-5 houses) settlements. During preserving the cultural continuity of traditions in the economy of the Andronovo time the settings and layout of dwellings of frame-pole construction are modified. During the Bronze Age Jetysu population have been kept complex economy, which led to the formation of the system of management with the division into zones of preferential development of agriculture and cattle breeding. There are groups of clans and tribes (monuments of Bien and Kolsay type), who occupied more stable ecological niche of mountain and foothill areas of Jetysu. The gradual specialization of handicraft production and mutually beneficial commodity exchange contributed to the welfare of the population, the increase in the territories covered by economic activity of people, and, as a consequence, the growth of the population during this period and the complexity of their social system.

Keywords: archaeology, Jetysu, mountain zone, bronze age, tradition, culture, settlement, economy, life, dwelling, house-building, crafts, cattle breeding, agriculture

REFERENCES

1. Avanesova, N. A. 1991. *Kul'tura pastusheskih plemen epohi bronzy aziatskoj chasti SSSR (po metallicheskim izdeliyam) (Culture of pastoral tribes of the Bronze Age of the Asian part of the USSR (metal products))*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
2. Berdenov, S. A. 1998. In *Voprosy arheologii Kazahstana (Issues of Kazakhstan archaeology)*, 2. Almaty–Moscow: "Gylym" Publ., 180-191 (in Russian).
3. Varfolomeev, V. V. 1987. In *Voprosy periodizacii arheologicheskikh pamyatnikov Central'nogo i Severnogo Kazahstana (Issues of periodization of archaeological monuments of Central and Northern Kazakhstan)*. Karaganda: Karaganda State University Publ., 56-68 (in Russian).
4. Gass A., Goryachev, A. A., 2016. In *Vestnik Novosibirsk State University: Seriya istoriya, filologiya*, 5, 85-123 (in Russian).
5. Goryachev, A. A. 2013. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Begazy-Dandybayevskaya kultura Stepnoi Evrazii: k 65-letiyu J. Kurmankulova (Begazy-Dandybay culture of Steppe Eurasia: to 65th anniversary of J. Kurmankulov)*. Almaty: "Begazy-Tasmola", 348-370 (in Russian).

6. Goryachev, A. A. 2014. In Baitanayev, B. A., Baipakov, K. M. (eds.) *Voshohzhenie k vershinam arkheologii (Ascension to the crowns of archaeology)*. Almaty: Archaeology Institute after A.Kh. Margulan, 84-92 (in Russian).
7. Goryachev, A. A., Chernov, M. A. 2007. In *Istoriya i arheologiya Semirech'ya (History and archaeology of Semirechye)*. Almaty: Fund "Rodnichok", 106-119 (in Russian).
8. Goryachev, A. A., Potapov, S. A., 2015. In Baitanayev, B. A. (ed.) *Kazhskoe hanstvo v potoke istorii (Kazakh khanate in the flow of history)*. Almaty: Archaeology Institute after A.Kh. Margulan, 342-351 (in Russian).
9. Goryachev, A. A., Saraev, V. V. 2015. In *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk (Izvestiya National Academy of Science of Republic of Kazakhstan)*, 6 (304), 5-18 (in Russian).
10. Zakh, V. A. 1997. *Epoha bronzy Prisaalair'ya (The Bronze Age in Salair Ridge)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyi vek Uralo-Kazhstanskikh stepei (The Bronze age of the Ural-Kazakh steppes)*. Sverdlovsk: Ural Federal University Publ. (in Russian).
12. Itina, M. A. 1977. In *Trudy Horezmskoi arheologo-etnograficheskoi ehkspeditsii (The works of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition)*. Moscow: "Nauka" (in Russian).
13. Kadyrbayev, M. K., Kurmankulov, J. K. 1992. *Kul'tura drevnykh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (po materialam Severnoj Betpak-Daly) (The culture of the Ancient herders and metallurgists of the Sary-Arka (on materials of Northern Betpak-Dala))*. Alma-Ata: "Gylym" Publ. (in Russian).
14. Karabaspakova, K. M. 1987. In *Voprosy periodizatsii arheologicheskikh pamyatnikov Central'nogo i Severnogo Kazhstana (Issues of periodization of archaeological monuments of Central and Northern Kazakhstan)*. Karaganda: Karaganda State University Publ., 90-101 (in Russian).
15. Karabaspakova, K. M. 2011. *Jetysu i Yuzhnyi Kazhstan v epohu bronzy (Jetysu and Southern Kazakhstan in the Bronze Age)*. Almaty: "Begazy-Tasmola"; Institute of archaeology after A. Kh. Margulan (in Russian).
16. Kostyukov, V. P., Epimakhov, A. V., Nelin, D. V. 1995. In *Drevnie indoiranskije kul'tury Volgo-Ural'ya (II tys. do n.e.) (The Ancient Indo-Iranian culture of Volga-Ural (second Millennium BC))*. Samara: Samara State University Publ., 156-207 (in Russian).
17. Kuzmina, E. E. *Otkuda prishli indoarii? Material'naya kul'tura plemen andronovskoj obshchnosti i proiskhozhdenie indoirancev. (Where did Indo-Aryans come from? The material culture of the tribes Andronovo community and the origin of the Indo-Iranians)*. Moscow (in Russian).
18. Loman, V. G. 1987. In *Voprosy periodizatsii arheologicheskikh pamyatnikov Central'nogo i Severnogo Kazhstana (Questions of periodization of the archaeological monuments of Central and Northern Kazakhstan)*. Karaganda: Karaganda State University Publ., 115-129 (in Russian).
19. Maksimenkov, A. G. 1978. *Andronovskaya kul'tura na Enisee (Andronovo culture on the Yenisei river)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
20. Mandelshtam, A. M. 1968. In *Trudy Tadzhijskoi arheologicheskoi ehkspeditsii instituta Arkheologii AN SSSR i instituta istorii im. A. Donisha AN Tadzhijskoi SSR (Proceedings of the Tajik archaeological expedition of the Institute of Archaeology of the USSR and the Institute of history after A. Donish of the Academy of Sciences of the Tajik SSR)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. 1966. *Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
22. Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 1993. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)*, 1, 5-20 (in Russian).
23. Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 2001. In *Istoriya i arheologiya Semirech'ya, (History and archaeology of Semirechie)*, 2. Almaty: Fund «Rodnichok», 112-123 (in Russian).

24. Maryashev, A. N., Frachetti, M. 2007. In *Istoriya i arheologiya Semirech'ya, (History and archaeology of Semirechie)*, 3. Almaty: Fund «Rodnichok», 100-105 (in Russian).
25. Matveev, V. 1993. *Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'e (Irmen culture in the forest-steppe Ob)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. (in Russian).
26. Molodin, V. I. 1985. *Baraba v epohu bronzy (Baraba in the Bronze Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
27. Salnikov, K. V. 1954. In *Sovetskaya arkeologiya (Soviet Archaeology)*, XX, 213-252. (in Russian).
28. Saraev, V. V., Goryachev A. A. 2011. In *Izvestija NAN RK. Series of social Sciences (News of National Academy of Sciences of Republic of Kazakhstan)*, 3, 37-47 (in Russian).
29. Sitnikov, S. M. 1998. *Drevnie poseleniya Altaya (Ancient settlements of Altay)*. Barnaul: Altay State University Publ., 71-84 (in Russian).
30. Frachetti, M. D., Maryashev, A. N., Doumani, P. N. 2014. In *Izvestija NAN RK. Series of social Sciences (News of National Academy of Sciences of Republic of Kazakhstan)*, 5 (295), 15-22 (in Russian).
31. Chernikov, S. S. 1960. *Vostochnyi Kazahstan v epohu bronzy. Materialy i issledovaniya po arkeologii (East Kazakhstan in the Bronze Age. Materials and researches in archaeology)*, 88. Leningrad: "Nauka" (in Russian).
32. Chernyh, E. N. 1983. *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya (Bronze Age of the steppe zone of the Ural-Irtysh interfluve)*. Chelyabinsk: Bashkir State University Publ., 81-99.

About the Author:

Goryachev Alexander A. Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; aga.2805@mail.ru

Мүдделер кактығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер кактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 05.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 12.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 19.10.2018.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ЭПОСУ ОБ АЛПАМЫСЕ И НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ СЮЖЕТУ В ИСКУССТВЕ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ: К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИКИ ВИХРЕВЫХ КОМПОЗИЦИЙ

© 2018 г. Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева

Памятники ранних кочевников Казахстана обладают значительной информативной емкостью, особенно важное значение имеют произведения древнего искусства, изделия, декорированные в скифском зверином стиле.

Ключевые слова: археология, саки, скифы, воины, охота, конское снаряжение, вихревые композиции

Степь для казахов имела свою центральную точку там, где стояла юрта или аул, но постоянные перекочевки передвигали ее в пространстве. ...Пространство, подобно сфере, радиусами расходилось от кочевника в разные стороны, открывая беспредельные горизонты вокруг, но и возвращаясь к нему как к центру вращения.
(*по: Каракузова Ж.К., Хасанов М.Ш.*)

В книге «Алпамыс батыр» из серии «Дорогое наследие», вышедшей в 1981 г. в издательстве «Жалын», есть иллюстрация, созданная известным казахстанским художником Евгением Сидоркиным [Алпамыс батыр, 1981, с. 61.] (рис. 1). На ней показана сцена поединка двух воинов-всадников. Накал борьбы присутствует во всем – в напряженных мускулах спины, плеч, в переплетенных руках, скованных в схватке сильных пальцев; передано эмоциональное состояние скакунов, показанных с раздувающимися ноздрями, в разбросанных предметах вооружения. Но более всего состояние схватки отражает круговое движение, прослеживаемое по позам лошадей.

Художник смог мастерски передать главный принцип происходящего.

В культуре сакского времени круговые композиции присутствуют в материалах разных памятников. Новые находки, в том числе полученные из элитарных погребений Сарыарки, ставят новые вопросы о семантике и функциональном назначении декоративных элементов и художественно оформленных комплексов вооружения и конского снаряжения. К такому относятся, например, железные бляшки узды из раннесакского тасмолинского кургана 3 мог. Тасмола-5: 11 круглых железных бляшек, щиток которых плакирован золотым листом с декором в виде различных сочетаний

Рис. 1. Поединок (по: [Алпамыс батыр, 1981, с. 61]). Художник Е. Сидоркин
Fig. 1. The single combat (by: [Alpamys batyr, 1981]). The artist E. Sidorkin

спиралеобразно-вихревого орнамента [Кадырбаев, 1966, с. 427, рис. 71; 72] (рис. 2, 1–4). Недавние находки в Сарыарке также содержат предметы, декорированные орнаментальным мотивом в виде вихревой розетки. Жертовник № 4 из мог. Бақыбулак (Карагандинская обл., VIII—VII вв. до н.э.) содержал комплекс конского снаряжения, выполненный из бронзы и покрытый фольгой [Бейсенов, 2011; 2017, рис. 3; фото 1, 2] (рис. 2, 5, 6, 9). К ним

можно добавить комплекс случайных находок, обнаруженный в 30 км от с. Баршатак (ВКО, Восточная Сарыарка, конец VII—VI вв. до н.э.). Предполагается, что это приклад раннесакского времени, в составе которого находились бронзовые псалии, удила, пронизи, всего 13 предметов. Семь из них – распределители уздечных ремней и застежка декорированы вихревой композицией [Бесетаев, 2015, рис. 2, 3, 4, 5; Бейсенов и др., 2017, с. 43–44] (рис. 2, 7, 8, 10).

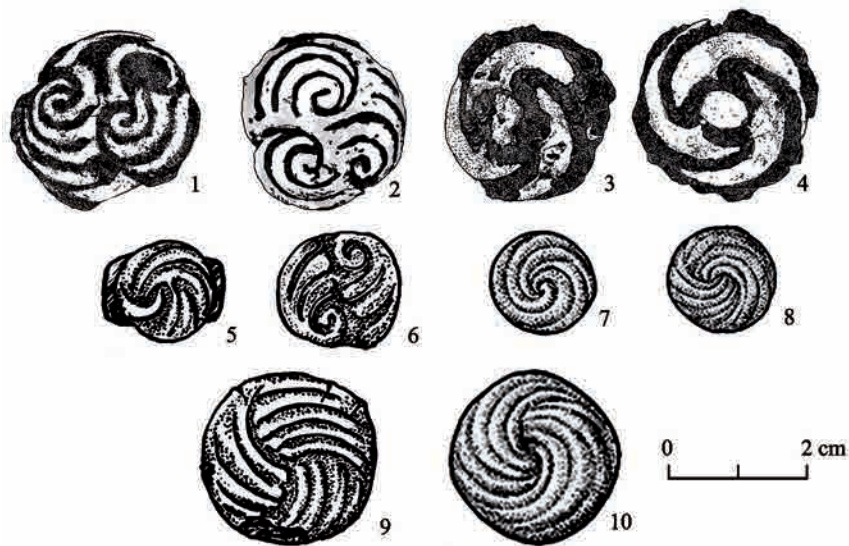

Рис. 2. Мотив вихревой розетки в материалах из Сарыарки. 1–4 – Тасмола-5, к. 3 (по: [Кадырбаев, 1966]); 5, 6, 9 – Бакыбулак, жертвенник № 4 (по: Бейсенов, 2017); 7, 8, 10 – Баршатас (по: [Бесетаев, 2015]).
Исполнители: 1–4 – А. Колесникова; 5–10 – Д. Джанабаев

Fig. 2. The motif of the vortex from Saryarka. 1–4 – Tasmola-5 (by: [Kadyrbayev, 1966]); 5, 6, 9 – Bakybulak (by: [Beisenov, 2017]); 7, 8, 10 – Barshatas (by: [Besetaev, 2015]). The artists is: 1–4 – A. Kolesnikova; 5–10 – J. Janabayev

Общепринятым является тезис о том, что в культуре населения раннего железного века орнаментальные композиции не являлись только декором, нанесенным с эстетической целью, но представляли собой своеобразные знаки-символы. Так, в отношении конского убранства лаконично и емко выразилась Е.Ф. Королькова – роль всадника в идеологии общества ранних кочевников обусловило то, что декор конского снаряжения, конское убранство совмещало утилитарную, декоративную и апотропеическую функции [2012, с. 345].

Предметы конской упряжи с вихревым орнаментом происходят как из погребений, так и из жертвенно-поминальных сооружений. Среди

особенностей памятников раннесаксонской майемерской культуры отмечено совмещение различных способов обозначения лошади в погребальном комплексе: лошади не взнуздывались, сбруя помещалась у головы лошади, в конских подхоронениях, в виде приклада в каменном ящике, на краю каменного ящика (возможно, это некоторым образом перекликается с кладами конской узды в жертвенниках). П.И. Шульга отмечает, что уздечку и седло укладывали рядом с лошадей – у морды, иногда на лежащем рядом баране, плетъ лежала на сбруе или рядом. Как вариант – зафиксировано подхоронение взнузданной и оседланной лошади (VII – нач. VI в. до н.э.) [Шульга, 2016, с. 87]. Жерт-

венники тасмолинской культуры, которые иногда содержат предметы конской узды, по мнению А.З. Бейсенова, можно воспринимать «как свидетельства проведенного обряда жертвоприношения лошади» [2017, с. 88].

Приклады с предметами конского снаряжения (мог. Измайловка, ограда 17, курган 5, ВКО, конец IX - первая половина VIII в. до н.э.; Аржан-2, Тува, вторая половина VII в. до н.э.; Биже, Жетысу, вторая половина VIII–VII в. до н.э. и др.) широко распространены в раннесакское время по всей территории культурной общности ранних кочевников [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978; Бейсенов, Смаилов, 1998; Ермолаева, 2012, с. 74; рис. 58, 1–11, 13–17; рис. 78, 1–4; Ćugunov et al., 2010, Tafel 126–145]. Сбруя, как и оружие, входили в престижно-знаковую систему, маркируя выделившуюся социальную группу воинов-всадников. Вероятно, все эти варианты подхоронения лошадей и комплексов конской упряжи можно считать вариантом воплощения одной и той же идеи, скорее свидетельством совершения определенного обряда, связанного с погребением и поминовением умершего. Они отражают особенности всаднического погребально-поминального обряда.

Судя по находкам кладов/прикладов раннесакского времени в жертвенниках, эти комплексы и сами выкладки из камней - жертвенники, поминальники, связываются с циклом поминальных обрядов [Бейсенов и др., 2017, с. 44]. Так, каменные выкладки, расположенные с западной стороны курганов, связывают с

обрядами прощания с душой умершего, установления связи с потусторонним миром [Тишкин, Шепелева, 2006, с. 68]. А.З. Бейсенов в ареале тасмолинской культуры выявил связь жертвенников с курганами, они имеют округлую или овальную форму, диаметр от 1,5 м до 3–4 м, иногда включают предметы конской узды. Как указывалось выше, А.З. Бейсенов считает их свидетельством проведенного обряда жертвоприношения лошади. Так, комплекс Бакубулак содержит несколько жертвенников (6) [Бейсенов, 2017, с. 88]. Различные элементы погребально-поминальных комплексов Тасмолы - околокурганные жертвенники, изваяния, менгиры, вероятно, можно связать с предшествующей бегазы-дандыбаевской культурой Центрального Казахстана.

Материалы раннесакских памятников (Приаралье – Жетысу – Сарыарка – Алтай – Тува) демонстрируют удивительное сходство произведений древнего искусства, элементов погребальной обрядности из элитных погребений. В числе факторов, обусловивших общность культур, называют близость в целом мифо-ритуального комплекса. Так, в комплексе кургана Аржан-2 о роли лошади в жизни древнего кочевника, о сложности погребально-поминального обряда с участием лошади свидетельствуют могила № 16 с 14 захороненными конями [Ćugunov et al., 2010, Tafel 126–145]. Каждое животное сопровождал определенный стандартный комплекс снаряжения. Кроме того, под курганом были выявлены клады (4) с предметами конского снаряжения. Внекурганные

сооружения, сопровождающие погребения раннескифского времени, связывает с жертвоприношением Д.Г. Савинов [2012].

Таким образом, судя по тому, что жертвенники, приклады и т.п. выявлены как элементы погребальных комплексов, можно предположить, что жертвоприношения, сооружения с прикладами являются частью сложного и продолжительного погребально-поминального цикла. Приклады/клады, возможно, являлись заменой животного (коня). Очевидно, появление подобных комплексов обусловлено усилением значения верхового коня в жизни кочевника, воина, охотника.

Декор конского снаряжения, в том числе в виде вихревой розетки, связан с имевшими огромное значение в жизни скифов/саков войной и охотой [Бейсенов и др., 2017]. В первую очередь, предполагается, что декорирование предметов вооружения, конского снаряжения производилось с целью придать воину, коню какие-то особые необходимые качества, помочь в битве, помочь в преодолении пути. Позже, в период «расцвета» сакской культуры, явное выражение получило декорирование конского снаряжения сценами терзания, нападения хищников на травоядных. Этот сюжет символизировал смерть (жертвы). В целом, посредством сцен нападения/терзания хищниками травоядных передавалась идея возрождения через смерть, цикличности жизни и смерти [Полидович, 2006, с. 360, 370, 371, 373]. Размещение их на предметах вооружения и конском снаряжении воина и охотника актуально. Учитывая «героическую эпоху» ски-

фов/саков, можно предположить, что представление об уподоблении битвы жертвоприношению, существование архаической концепции «битвы-жертвоприношения» [Васильков, 2012, с. 77, 81] бытовало и у кочевников. Тогда и подхоронение коней, конской упряжи и декорирование упряжи погибшего воина, охотника связано с идеей жертвоприношения.

В курганах Пазырыка, например, в сложном убранстве коней были «развернуты ансамбли зооморфных изображений, связанных с актуализацией сюжета терзания жертвенного коня» [Черемисин, 2007, с. 99]. Раскрывая ритуальную практику превращения коня в рогатое животное, Ф. Мец отмечает, мифологические представления, связанные с существованием рогатых лошадей, были распространены чрезвычайно широко. Существенным является то, что автор отмечает героическую составляющую некоторых мифов с участием рогатого коня [Мец, 2013, с. 101].

Очевидно, конь связан с Солнцем. Всеми признается, что конь был «универсальным животным в религиозно-мифологических представлениях и ритуальной практике скифо-сакских народов» [Полидович, 2006, с. 369]. Можно предположить, что спиралевидный завиток в декоре узды раннесакского времени отражает эту «солнечную» природу образа коня.

Другая линия символики декора коня как помощника в охоте и на войне проявляется в сообщениях о тактике ведения боя древних кочевников. Облавная охота, охота вообще, имела большое значение в жизни ко-

чевника, в том числе как своеобразная школа, «тренировка», боевая подготовка воинов. Существовал такой прием облавной охоты, как замыкание в круг конниками местности с животными. После замыкания круга соблюдалась строгая очередность выстрелов, начиная с хана. У кочевников Центральной Азии такая охота имела ритуальный характер [Кушкумбаев, 2001, с. 35–36].

В литературе неоднократно приводились ссылки на описание тактики ведения боя Геродотом и Платоном, из коих следовало, что скифы предпочитали сражаться с врагом, обращаясь в бегство, о преобладании в войске скифов легковооруженной конницы, лучников. Об этом можно судить по описанию сражения войск под предводительством Александра Македонского на берегах Танаиса с кочевыми племенами: Когда все оказались на берегу, он (Македонский) пустил на скифов сначала одну гиппархию чужеземцев и четыре илы солдат, вооруженных сариссами. «Скифы встретили их, окружили на своих лошадях, поразили и скрылись беспрепятственно» [Арриан. IV. 4. 6]. Предполагается использование скифами лавы в качестве основного боевого порядка легковооруженных всадников. Высказано предположение о том, что у скифов костяк конного войска к VI в. до н.э. составляла тяжеловооруженная панцирная конница как ударная сила. Стоит заметить, что, возможно, в восточной части Степи тяжеловооруженные всадники также появились не позднее VI в. до н.э., и в более позднее время известны изображения воинов в панцирных

доспехах [Горелик, 1987; Бейсенов, Джумабекова, 2014]. Предполагается, что эффективным было использование воинов в панцирных доспехах в сомкнутом строю, во главе лавы легковооруженных всадников. В битве при Фате 310/309 г. до н.э. основную роль сыграли «отборные воины», находившиеся в центре боевого строя - тяжеловооруженные всадники, их поддерживала легкая конница [Черненко, 1971, с. 37–38]. О наличии в составе скифского войска отборной конницы, когда царь находится в центре ее, пишет Диодор. Первый ряд сомкнутого строя составляла тяжеловооруженная конница, 2/3 образовывала пехота [Ворошилов, 2010, с. 19, 22]. Скифы и сарматы предстают конниками, использующими тактику прямой таранной атаки [Перевалов, 2010, с. 229, 240].

Об использовании также рукопашной схватки в тактике боевых действий сарматами, вооруженными клинками, свидетельствуют письменные источники и археологические данные [Симоненко, 2009, с. 253–254]. Судя по количественному преобладанию в археологических комплексах наконечников стрел и кинжалов среди предметов вооружения, можно предположить подобную ситуацию у саков. Установлено, что прием окружения неприятельского войска использовался хунну — цель состояла в том, чтобы вывести противника в открытое место и охватить фланги, окружив неприятеля. Боевое построение в виде круга у татар в XVI в. называлось символично — «пляска» [Кушкумбаев, 2001, с. 39]. В целом тактический прием кочевников

XIII–XVI вв. - «хоровод» конных лучников мог применяться, как предполагается, в качестве самостоятельного приема и в составе комбинированных тактических приемов [Бобров, 2016, с. 73]. А.К. Кушкумбаев проследил формирование на базе облавных охот особого военно-охотничьего института внутри кочевого общества [Кушкумбаев, 2001, с. 43].

В элементе декора – спиралевидном завитке, вихревой розетке также можно увидеть скрытое изображение борьбы, поединка (каз. жекпе-жек). В военной организации кочевников особую роль играл институт военных вождей, батыров. Исход битвы определялся поединком батыров. В литературе упоминается прием «волчок» - в схватке батыры стремились в быстром круговом движении выбить копьё из рук противника [Дошжанов, 1983, с. 15].

Ч.Ч. Валиханов приводит свои наблюдения о круговой жертве – айналмак, которая три раза обходит вокруг тяжелообольного. «Айналайн» – «обойду вокруг» – так называют, выражая любовь, например, к ребенку [Валиханов, 1984, с. 211]. Вихревая розетка, спираль, возможно, являлись не только солярной символикой, с течением времени приобретали иное наполнение.

С кругом связана тактика охоты волков: во время облавы стая окружает жертву, волки передвигаются вслед, последовательно нападая на жертву. Атакующие волки строго соблюдают дистанцию друг от друга и от будущей жертвы. Основу нападения составляют самые опытные волки, во внутреннем круге нахо-

дятся лидеры стаи, их окружают менее опытные охотники [Шалыгин, Интернет-ресурс]. Здесь уместно вспомнить принятое в воинской культуре отождествление кочевников с волками (медведями), которые «терзали» слабых («гнали овец»). Любопытный, в каком-то отношении, аналогичный пример поведения прослеживается и у травоядных животных. Получила известность запись с дрона, на которой стадо северных оленей в загонах ходит по кругу. Объяснение этому приводится от лица зоологов: таким образом животное защищается от хищников. В круг выстраиваются не только олени, но и любые другие копытные дикие животные. В центре круга находятся дети и самки [Борискин, 2018].

Таким образом, в мотиве вихревой композиции – декоре конского снаряжения – можно предположить две составляющие: солярную символику коня, его ролью в обрядах жертвоприношения, и отражение тактических приемов конных воинов.

Некоторые элементы охотничьей воинской культуры, обусловленные системой мировоззрения, духовными ценностями общества, проявляются в искусстве, в военной тактике, демонстрируя преемственность на протяжении тысячелетий. А.Х. Маргулан отмечал, что в орнаментальные композиции изделий народного искусства включались и отдельные сюжеты – охоты, единоборства богатыря с хищником и т.д. [1986, с. 87]. Особенно ярко, видимо, это проявляется в таких мотивах казахского орнамента, как шимай - спираль; бітпес – бесконечность. Они, как и мотивы

балдак, спирали, вихревые розетки и др. символизировали движение, неутомимый ход времени, постоянную готовность к перекочевкам [Шевцова, 2007, с. 25], возможно, приобретали

военную «окраску», философское наполнение – вечный круговорот жизни и смерти, схватку на поле боя и борьбу за жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акишев К.А., Акишев А.К.* Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1978. С. 38-63.
2. Алпамыс батыр. Казахский героический эпос в прозаическом пересказе Сейдимбекова А. Перевод с каз. Санбаева С. Художник Сидоркин Е. Алма-Ата: «Жалын», 1981. 112 с.
3. *Арриан Квинт Эптий Флавий.* Индика. Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. Индия и античный мир. М.: «Восточная литература», 2002.
4. *Бейсенов А.З.* Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тез. докл. Круглого стола, посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан. Караганды, 2011. С. 14-20.
5. *Бейсенов А.З.* Тасмолинская культура Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху: коллективная монография. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 59-100.
6. *Бейсенов А.З., Смаилов Ж.Е.* Талдысайские удила раннетасмолинского времени в Центральном Казахстане // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: матер. междунар. археологической конф. Алматы, 1998. С. 271-275.
7. *Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С.* Бляшка с мифологическим сюжетом из Центрального Казахстана // Известия АлтГУ. 2014. № 4. С. 42-46.
8. *Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Дүйсенбай Д.Б., Ахияров И.К.* Вихревые композиции в искусстве саков Центрального Казахстана // Археологія і давня історія України. 2017. Вип. 2 (23). С. 40-58.
9. *Бесетаев Б.* Случайные находки деталей конского снаряжения и воинская поясная гарнитура раннесакского времени из Восточного Казахстана // Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее и будущее: матер. междунар. научн.-практ. конф. «VII Оразбаевские чтения», посвящ. 550-летию образования Казахского ханства, 20-летию Ассамблеи народа Казахстана (28-29 апреля 2015). Алматы: «Қазақ университеті», 2015. С. 252-256.
10. *Бобров Л.А.* Тактический прием «хоровод» конных лучников в военном искусстве кочевников Великой степи XIII–XVI вв. // Средневековые тюркско-татарские государства. 2016. № 8. С. 73-83.
11. *Борискин К.* Зачем олени водят хороводы // Вечерняя Москва. 6 мая 2018 г.
12. *Валиханов Ч.Ч.* Тенкри (бог) // Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата: Главная ред. Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 1. С. 208-215.
13. *Васильков Я.В.* Битва как жертвоприношение (По данным древнеиндийской традиции) // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель: сб. научн. тр. семинара «Теория и методология архаики». Под ред. М.Ф. Альбедиль, Д.Г. Савинова. СПб.: МАЭ РАН, 2012. Вып. V. С. 74-86.

14. *Ворошилов А.Н.* Копьеносцы в войске скифского времени на Среднем Дону // Древности. Харьков, 2005. С. 19-23.
15. *Горелик М.В.* Сакский доспех. В: Пиотровский Б.Б. (отв. ред.) // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука, 1987. С. 110-133, 367-373.
16. *Досжанов Д.* Шелковый путь. Алма-Ата: «Жазушы», 1983. 605 с.
17. *Ермолаева А.С.* Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы–раннее железо). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 238 с., ил.
18. *Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1966. С. 303-433.
19. *Королькова Е.Ф.* Чепраки с полумерлонами: конское снаряжение как элемент сакральной символики // Золото, конь и человек: сб. ст. к 60-летию А.В. Симоненко. Киев: КНТ, 2012. С. 345-352.
20. *Кушкумбаев А.К.* Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.
21. *Маргулан А.Х.* Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата: «Онер», 1986. Т. 1. 256 с.
22. *Мец Ф.* О возможных семантических параллелях «рогатым» лошадям пазырыкской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 1 (7). С. 91-102.
23. *Первалов С.М.* Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов. Комментарий. М.: “Памятники исторической мысли”, 2010. С. 181-300.
24. *Поллидович Ю.Б.* Хищник и его жертва: выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2006. Т. 3. С. 355-398.
25. *Савинов Д.Г.* Идея множественности как залог успешного жертвоприношения // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель: сб. научн. тр. семинара «Теория и методология архаики». СПб., 2012. Вып. 5. С. 49-62.
26. *Симоненко А.В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 328 с., ил.
27. *Тишкин А.А., Шепелева Е.В.* Изучение «поминальных» сооружений пазырыкской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2006. Вып. 2. С. 57-75.
28. *Черненко Е.В.* О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. № 177. С. 35-38.
29. *Черемисин Д.В.* К дискуссии о семантике искусства звериного стиля и реконструкции мировоззрения носителей пазырыкской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3 (31). С. 87-102
30. *Шалыгин А.* Секреты волчьей охоты: охота волчьей стаи была смоделирована на компьютере Учеными США и Испании // National Explorer. URL: http://www.nexplorer.ru/news_12487.htm
31. *Шевцова А.* Казахский народный орнамент: истоки и традиция. М.: Московский фонд «Казахская диаспора», 2007. 240 с., ил.
32. *Шульга П.И.* Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2016. 258 с.
33. *Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010.

Сведения об авторах:

Джумабекова Гульнара Саиновна – ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); gdzhuma@mail.ru

Базарбаева Галия Аппазовна – ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); galiya2002@gmail.com

**АЛПАМЫС ЖЫРЫНА ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЖӘНЕ ЕЖЕЛГІ КӨШПЕЛЛЕР
ӨНЕРІНІҢ ЖЕЛІСІНІҢ КЕЙБІР ПАРАЛЛЕЛДЕРІ: ҚҰЙЫНДЫ
КОМПОЗИЦИЯ СЕМАНТИКАСЫНЫҢ ЗЕРТТЕЛУІНЕ**

Г.С. Жұмабекова, Г.А. Базарбаева

Қазақстанның ежелгі көшпелілерінің ескерткіштері айтарлықтай ақпаратқа ие, соның ішінде ерекше маңызға ежелгі өнері мен сактардың аң стилінде безендірілген бұйымдары жатады.

Түйін сөздер: археология, сактар, скифтер, жауынгерлер, аң аулау, ат-өбзелдері, құйынды композиция

**ILLUSTRATION TO THE EPOSE ABOUT ALPAMYS AND SOME PARALLELS
TO THE FABLE IN THE ART OF ANCIENT NOMADS: TO THE STUDYING THE
SEMANTICS OF VORTEX COMPOSITIONS**

G.S. Jumabekova, G.A. Bazarbayeva

The site of the early nomads of Kazakhstan have a significant informative capacity, especially important are examples of ancient art, products decorated in the Scythian animal style.

Keywords: archaeology, Sakas, Scythians, warriors, hunting, horse equipment, whirling compositions

REFERENCES

1. Akishev, K. A., Akishev, A. K. 1978. In *Arheologicheskie pamyatniki Kazahstana (Archaeological monuments of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 38-63 (in Russian).
2. Alpamys batyr. Kazakh heroic epos in prosaic retelling by Seidimbekov, A. Translated from Kazakh of Sanbayev, S. Artist Sidorkin, E. 1981. Alma-Ata: “Jalyn” Publ. (in Russian).
3. Arrian Kvint Eppiy Flaviy, 2002. *Indika. Bongard-Levin, G. M., Buharin, M. D., Vigasin, A. A. Indiya i antichnyiy mir (India and the ancient world)*. Moscow: «Vostochnaya literatura» Publ. (in Russian).
4. Beisenov, A. Z. 2011. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Sakskaya kultura Saryiarki v kontekste izucheniya etnosotsiokulturnyih protsessov stepnoy Evrazii (Sak culture of Saryarka in the context of the study of the ethnosocial and cultural processes of the steppe Eurasia)*. Karagandy, 14-20 (in Russian).
5. Beisenov, A. Z. 2017. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Kazahstan v sakskuyu epohu (Kazakhstan in the Saka era)*. Almaty: Archaeology Institute after A.Kh. Margulan, 59-100 (in Russian).
6. Beisenov, A. Z., Smailov, J. E. 1998. In *Problemy izucheniya i sohraneniya istoricheskogo naslediya (Problems of studying and preserving historical heritage)*. Almaty, 271-275 (in Russian).
7. Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S. 2014. In *Izvestiya AltGU (News of Altay State University)*, 4, 42-46 (in Russian).

8. Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Duisenbay, D. B., Akhiyarov, I. K. 2017. In Skory, S. A., Gorbanenko, S. A. Boltrik, Yu. V. (eds.). *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archeology and ancient history of Ukraine)*, 2 (23), 40-58 (in Russian).
9. Besetayev, B. 2015. In Kalysh, A. B. (ed.). *Kazhstanskaya arheologiya i etnologiya: proshloe, nastoyaschee i buduschee (Kazakhstan archeology and ethnology: past, present and future)*. Almaty: «Qazaq University» Publ., 252-256 (in Russian).
10. Bobrov, L. A. 2016. In *Srednevekoviye tyurksko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar states)*, 8, 73-83 (in Russian).
11. Boriskin, K. 2018. In *Vechernyaya Moskva (Evening Moscow)*, 6 may 2018 (in Russian).
12. Valikhanov, Ch. Ch. 1984. In *Sobr. soch. v 5 t. (Collected Works)*, 1. Alma-Ata: Glavnaya red. Kazahskoy sovetsoy entsiklopedii, 208-215 (in Russian).
13. Vasilkov, Ya. V. 2012. In Albedil, M. F., Savinov, D. G. (eds.) *Zhertvoprinoshenie v arhaike: atributsiya, naznachenie, tsel (Sacrifice in the archaic: attribution, purpose)*, 5. Saint Petersburg: MAE RAS, 74-86 (in Russian).
14. Voroshilov, A. N. 2005. In *Drevnosti (Antiquities)*. Harkov, 19-23 (in Russian).
15. Gorelik, M. V. 1987. In Piotrovskii, B. B. (ed.). *Tsentralnaya Aziya. Novye pamyatniki pismennosti i iskusstva (Central Asia. New sites of writing and art)*. Moscow: “Nauka” Publ., 110-133, 367-373 (in Russian).
16. Dosjanov D. 1983. *Shelkovyi put (Silk Road)*. Alma-Ata: “Jazushy” Publ. (in Russian).
17. Ermolaeva, A. S. 2012. *Pamyatniki predgornoy zony Kazahskogo Altaya (epoha bronzy – rannee zhelezo) (The sites of the foothill zone of the Kazakh Altay (Bronze Age – Early Iron))*. Almaty: Institute archaeology after A.Kh. Margulan (in Russian).
18. Kadyrbayev, M. K. 1966. In Margulan, A. Kh. (ed.) *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazahstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka”, 303-433 (in Russian).
19. Korolkova, E. F. 2012. In Simonenko A.V. (ed.). *Zoloto, kon i chelovek (Gold, horse and man)*. Kyiv: KNT, 345-352 (in Russian)
20. Kushkumbayev, A. K. 2001. *Voennoe delo kazahov v XVII–XVIII vekah (Military affairs of the Kazakhs in the XVII–XVIII centuries)*. Almaty: Daik-Press (in Russian).
21. Margulan, A. Kh. 1986. *Kazahskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo (Kazakh national applied art)*, 1. Alma-Ata: «Oner» (in Russian).
22. Mets, F. 2013. In Tishkin, A. A. (ed.). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 1 (7), 91-102 (in Russian).
23. Perevalov, S. M. 2010. *Takticheskie traktaty Flaviya Arriana: Takticheskoe iskusstvo; Dispozitsiya protiv alanov. Kommentarii (Tactical treatises by Flavius Arrián: Tactical art; Disposition against Alans. Comment)*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 181-300 (in Russian).
24. Polidovich, Yu. B. 2006. In *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arheologii (Structural and semiotic studies in archaeology)*, 3. Donetsk, 355-398 (in Russian).
25. Savinov, D. G. 2012. In Albedil, M. F., Savinov, D. G. (eds.). *Zhertvoprinoshenie v arhaike: atributsiya, naznachenie, tsel (Sacrifice in the archaic: attribution, purpose)*, 5. Saint Petersburg, 49-62 (in Russian).
26. Simonenko, A. V. 2009. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian horsemen of the Northern Black Sea)*. Saint Petersburg: Faculty philology and art of the Saint Petersburg State University (in Russian).
27. Tishkin, A. A., Shepeleva, E. V. 2006. In Tishkin, A. A. (ed.). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 2, 57-75 (in Russian).

28. Chernenko, E. V. 1971. In Liberov, P. D., Gulyaev, V. I. (eds.). *Problemy skifskoi arheologii (Problems of Scythian archeology)*. MIA, 177, 35-38 (in Russian).

29. Cheremisin, D. V. 2007. In *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 3 (31), 87-102 (in Russian).

30. Shalygin, A. In *National Explorer*. URL: http://www.nexplorer.ru/news__12487.htm (in Russian).

31. Shevtsova, A. 2007. *Kazahskii narodnyi ornament: istoki i traditsiya (Kazakh folk ornament: origins and tradition)*. Moscow: Moscow found «Kazahskaya diaspora» (in Russian).

32. Shulga, P. I. 2016. *Mogilnik ranneskifskogo vremeni Gilyovo-10 v predgoryah Altaya (Early Scythian burial ground Gilyovo-10 in Altay)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. (in Russian).

33. Čugunov, K. V., Parzinger, H., Nagler, A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. *Archäologie in Eurasien* 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010 (German).

About the Authors:

Jumabekova Gulnara S. Leading Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan, gdzhuma@mail.ru

Bazarbayeva Galiya A. Leading Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan, galiya2002@gmail.com

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 23.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 25.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.10.2018.

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС АКЫРТАС

© 2018 г. К.М. Байпаков

Акыртас – недостроенное сооружение из каменных блоков железистого песчаника. На территории памятника хорошо читаются две улицы: одна из них, направлением север–юг, – сквозная, другая, направлением восток–запад, – тупиковая, упирается в глухие айваны. Относительно комплекса Акыртас есть разные мнения: строился как буддийский или несторианский монастырь, караван-сарай или дворец-резиденция. По аналогии планировки, характеру строительной техники некоторые исследователи считают Акыртас дворцом, сооруженным арабскими зодчими в VIII в. Археологические материалы, полученные автором, позволяют датировать начало строительства временем после Атлахской битвы 751 г.

Ключевые слова: археология, Великий Шелковый путь, Акыртас, Касрибас, карлуки, арабы, Арабский Халифат, Кутейба, Атлахская битва, дворец, каменные блоки, карьер добычи камня

Введение. Акыртас – один из наиболее загадочных памятников на территории Таласской долины Казахстана (рис. 1–6). Он находится на трассе Великого Шелкового пути, на участке Чанань-Тянь-Шаньского коридора. Существуют мнения, что остатки этого грандиозного недостроенного каменного сооружения могут быть военной крепостью, несторианским монастырем, караван-сараем, дворцом. В статье рассматриваются эти предположения и предлагается авторское решение данного вопроса.

Описание памятника. Комплекс находится в 40 км восточнее города Тараза, в 6 км южнее ж/д ст. Акчулак, у подножия северных склонов Кыргызского Алатау. Комплекс расположен на старой караванной дороге – Тянь-Шаньском участке Великого Шелкового пути. Современная автомобильная трасса проходит севернее,

это автобан Западный Китай – Западная Европа.

Комплекс памятников, относящихся к разным хронологическим периодам, состоит из могильника, насчитывающего пять сакских или усуньских курганов V–III вв. до н.э., остатков недостроенной постройки из каменных блоков. К комплексу относятся караван-сарай VIII–X вв. и караван-сарай X – начала XIII в., расположенные в 1 км юго-восточнее дворца. В 50 м от каменной постройки расположены остатки караван-сарая XIII–XIV вв. и примыкающая к нему застройка. Прослежена система водоснабжения: два водохранилища и разветвленная система водопроводов из глиняных труб, которые берут начало в родниковых ущельях Узунбулак и Сасузек.

В 200–250 м юго-восточнее постройки из камня на восточном скло-

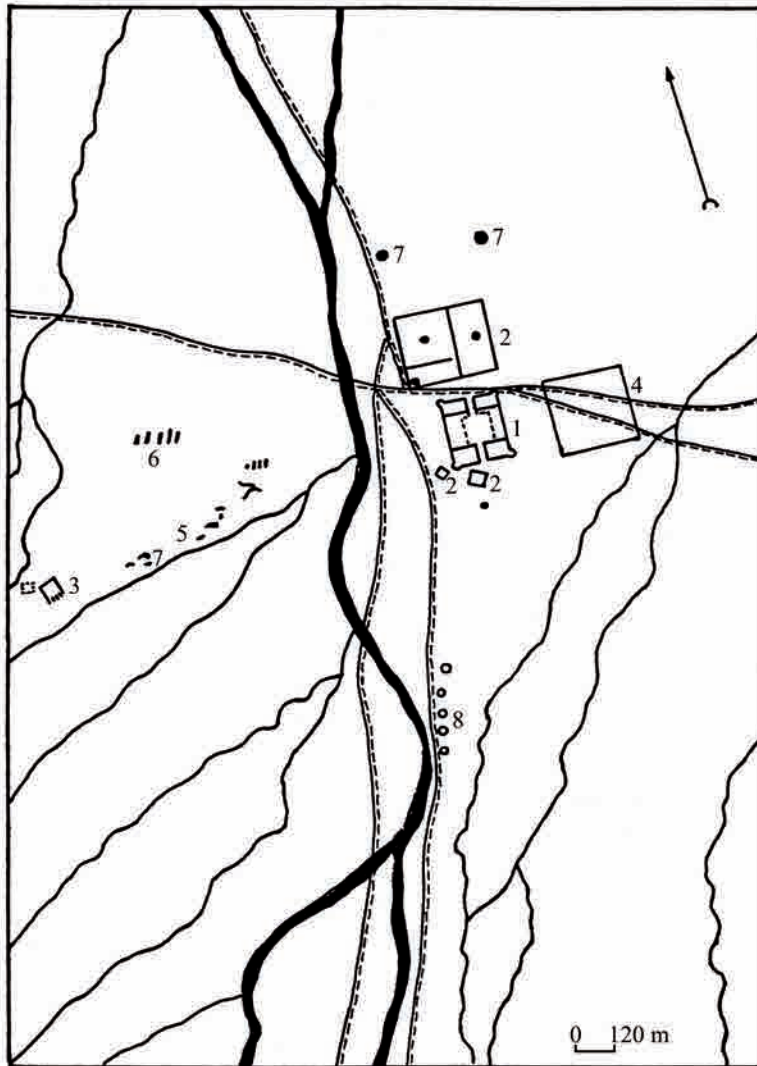

Рис. 1. Комплекс Акыртас. Ситуационный план. 1 – дворцовый комплекс; 2 – жилые постройки; 3 – крепость (рядом с ней замок правителя); 4 – садово-парковая зона; 5 – каменоломня; 6 – глиняные карьеры; 7 – водохранилища; 8 – древние курганы

Fig. 1. Complex Akyrtas. Situational plan. 1 – palace complex; 2 – residential buildings; 3 – fortress (next to it is the castle of the ruler); 4 – landscape gardening area; 5 – quarry; 6 – clay pits; 7 – reservoirs; 8 – ancient burial mounds

не горы Кызылтас находятся карьеры по добыче камня – красного песчаника для постройки дворца и группа карьеров - выше по склону ущелья Узунбулак. На северном склоне горы Кызылтас обнаружены остатки карьера, где добывали глину для изготовления жженных кирпичей. На самой восточной точке горы Кызылтас

обнаружены остатки караульной башни, сложенной из камня.

Дворец. Центром комплекса Акыртас является незавершенная постройка из красных каменных блоков. Комплекс привлекает внимание своей монументальностью, четким прямоугольным планом и мощными крепостными стенами с круглыми башнями

по углам, а также красным цветом каменных блоков, выделяющихся на фоне весенней зелени или желтой выгоревшей травы летом и осенью.

Не случайно, еще в начале XIII в. на Акыртас обратил внимание даосский монах Чань-Чунь. Он принадлежал к «Северной даосской школе ордена Золотой лотос». Его адепты занимались поисками в духовном мире «философского камня» и средства обретения бессмертия. Легенда о том, что даосам известны секреты бессмертия, была популярна в самом Китае и за его пределами. Поэтому Чингисхан пригласил Чань-Чуня к себе в ставку в завоеванных землях.

В сопровождении военного эскорта монголов и в обществе 19 своих учеников осенью 1220 г. Чань-Чунь отправился в путь и прибыл в сентябре 1222 г. в ставку Чингисхана в Бадахшане. Он несколько раз встречался с Чингисханом. Наконец, 11 апреля Чань-Чунь отправился в обратный путь. На долгом пути один из его учеников по имени Ли Чицян вел днев-

ник и отмечал события, описывал местность и достопримечательности, а также записывал все слова учителя.

В дневнике есть следующая запись: «18 числа девятого месяца (3 ноября) мы тронулись вдоль подножья гор на запад, после семи или восьми дней путешествия хребты гор неожиданно повернули на юг. Открылся город, весь выстроенный из красных камней, там виднелись следы древнего военного лагеря. К западу были большие могильные насыпи, которые [расположением] напоминали Доусинь (созвездие большой Медведицы). Проехав через каменный мост и пропутешествовав 5 дней вдоль юго-западных гор, мы въехали в город Сайлань» [Акишев А., 2004]. Нет сомнений: это описание именно Акыртаса, что подтверждается двумя сохранившимися до сих пор топонимами – названиями могильника Жеттытобе (семь бугров) и Сайлань (город Сайрам).

Первые археологические раскопки сооружения Акыртас проведе-

Рис. 2. Акыртас. Караван-сарай. Аэрофото. Фото автора

Fig. 2. Akyrtyas. Caravanserai. Aero photo. Author's photo

ны в 1996 г. международной казахско-французской экспедицией на средства, выделенные акимом Жамбылской области А. Тшановым. Возглавляли экспедицию профессор Университета Сорбонны А. Нортхедж и директор Института археологии им. А.Х. Маргулана НАН РК, д.и.н. К.М. Байпаков. Затем, в 2004-2009 гг. и в 2015 г. на территории комплекса проводились археологические исследования по президентской программе «Мәдени мұра» (Культурное наследие). В 2014 г. этот уникальный памятник был включен в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО [Байпаков, 2012, с. 245-255; Ваираков, 2016; Шарденова, 2010].

Внимание же к Акыртасу проявили уже первые российские исследователи, путешественники, а затем краеведы, ученые СССР и Республики Казахстан. История изучения выдающегося памятника культурного и сакрального наследия насчитывает более 160 лет. Первым, кто обратил внимание на него, был русский художник М.С. Знаменский, который в составе военной экспедиции генерала М.Г. Черняева в 1864 г. осмотрел развалины и сделал зарисовки панорамы Акыртаса и фрагментов его стен [Ивлев, 1989].

В 1867 г. Акыртас обследовал известный ориенталист П.И. Лерх. Он описал памятник, сделал замеры отдельных блоков и привел сведения о развалинах, упоминаемые Чан-Чунем. Вначале исследователь считал Акыртас буддийским монастырем [Лерх, 1870, с. 28-29, 34-39]. Несколькими годами позже серьезные исследования провел здесь геолог Д.Л. Иванов, в статье которого об Акыртасе имеется подробное описание плана сооружения и каменоломни, откуда брались камни для строительства. Он же дал характеристику стеновых блоков и сделал зарисовки

тех из них, которые были орнаментированы [Иванов, 1886, с. 162-167].

В 1890-е гг. Акыртас вновь привлекает к себе внимание. Так, в 1893 г. его посещает известный востоковед В.В. Бартольд. Он приводит легенду о памятнике, распространенную среди местного населения, и интерпретирует его как монастырь христиан-несторианцев. Такая гипотеза стала возможной благодаря рассказам некоторых очевидцев, якобы видевших каменный блок из Акыртаса с изображением рыбы – одним из символов христианства [Бартольд, 1996, с. 37-39].

Член Туркестанского кружка любителей археологии, начальник Аулиеатинского уезда В.А. Каллаур, исследуя Акыртас, обнаружил водопроводные трубы и каменные желоба и пришел к выводу, что вода подводилась к постройке из родников, расположенных в 4-5 км выше – в горных ущельях [Каллаур, 1896, с. 25-27; 1905, с. 29-36].

Для отождествления Акыртаса с конкретным населенным пунктом В.А. Каллаур обратился к письменным источникам Ибн Хордадбеха и Кудама. Именно они приводят в своих дорожниках наиболее подробный реестр городов на участке торгового пути от Тараза до Кулана. Это Нижний Барсхан в 3 фарсах от Тараза, затем через 2 фарсаха Касри-бас (Касрибас), далее в 2 фарсах Куль-Шуб, затем в 4 фарсах Джуль-Шуб, затем Кулан, до которого был путь длиной в 4 фарсаха [Волин, 1960, с. 73-74, 76-77; Каллаур, 1897, с. 1-9]. В.А. Каллаур отождествлял Акыртас с Касрибасом и считал его несторианской постройкой [Каллаур, 1897, с. 1-9].

В.В. Бартольд сопоставлял Касрибас с тюркской крепостью Качар-баши, дважды упоминаемой в Шахнаме, и помещал ее на месте Аулие-Ата (Тараза) [Бартольд, 1964,

с. 281–282]. В советское время интерес к Акыртасу не пропал, в частности, он оказался в поле зрения работ Семиреченской археологической экспедиции (1936–1938 гг.), возглавляемой А.Н. Бернштамом. Считая Акыртас несторианской постройкой, А.Н. Бернштам датировал его XII–XIV вв. [Бернштам, 1949, с. 121].

В 1940, в 1945–1946 гг. Акыртас исследовал Г.И. Пацевич, который в это время возглавлял Джамбулский археологический пункт. Он посвятил памятнику статью, в которой характеризует топографию Акыртаса, приводит описание помещений, двора, оснований колонн во дворе. Он же описывает карьеры, где ломали камни, пишет о водоснабжении. По мнению Г.И. Пацевича, Акыртас датируется временем до IX в. и, скорее всего, является постройкой христиан-несторианцев. Он также согласился с мнением о тождестве Акыртаса с Касрибасом, расположенным на трассе Великого Шелкового пути [Пацевич, 1949, с. 80–85]. Затем Акыртас исследует экспедиция отдела архитектуры при Совете Министров КазССР. Материалы исследований были обобщены в статье архитектора Т.К. Басенова. Он отвергает попытки считать Акыртас буддийским либо несторианским монастырем и предполагает, что Акыртас – дворец-крепость, построенный в VIII–IX вв. [Басенов, 1950, с. 83–89]. Л.Ю. Маньковская, проанализировав план постройки, пришла к выводу, что Акыртас представляет собой недостроенный караван-сарай с центральным двором и малыми дворами разного назначения. По ее мнению, он строился как торговый центр – перевалочный пункт на торговом пути. Исследователь датирует начало строительства не позже X в. и присоединяется к мнению о тождестве Акыртаса и Касрибаса [Маньковская, 1980, с. 65–67].

И, наконец, еще одна попытка объяснения назначения Акыртаса предпринята была немецким исследователем Б. Брентьесом. Он полагает, что Акыртас строился по приказу арабского полководца Кутейбы и называет дату начала строительства – 714–715 гг., когда Кутейба ибн Муслим стал правителем Центральной Азии и перешел в оппозицию центральной власти халифата. Опасаясь за свою судьбу и своей семьи, он вызвал ее к себе. Семья добралась до Мерва, когда Кутейба был уже убит [Brentjes, 1993].

Б. Брентьес отметил сходство архитектуры Акыртаса и ранних монументальных построек Халифата. По его заключению здания, подобные Акыртасу в Казахстане, в Средней Азии неизвестны, а его ближайшая аналогия — дворец Каср аль-Хайр аль-Шарки (Каср аль-Хайр восточный), сооруженный в 728–729 гг., находится в 97 км к северо-востоку от Пальмиры. Характерный принцип планировки зданий – общий для обоих значительно отдаленных один от другого. Он состоит в том, что по сторонам внутреннего двора расположены отдельные «дома», в состав которых входят замкнутые группы помещений, объединенных внутренним двориком и особыми функциями. В омейядском дворце этих групп 12: по 4 на каждой стороне квадратного, слегка перекошенного плана, 7 «домов» – однотипные жилые комплексы с внутренними двориками, окруженными аркадами. Один «дом» состоит из хозяйственных помещений и складов, еще один — в юго-восточном углу — мечеть классического арабского типа, «дома» в остальных трёх углах — это разделенные пополам дворы.

Этот же прием планировки лег в основу крупных дворцовых комплексов аббасидского времени — таких, как Охейдир (вторая половина VIII в.)

Рис. 3. Акыртас. Дворец. Аэрофото. Фото автора

Fig. 3. Akirtas. Palace. Aero photo. Author's photo

и Каср аль-Джисс — здание, в котором исследователи не без основания видят подражание известному «дому правления» в Мерве [Brentjes, 1993, р. 6-7]. Огражденное стенами прямоугольное пространство во всех случаях включает в себе замкнутые группы помещений с внутренними дворами, окружающими общий центральный двор (дворово-айванный центр в Охейдире). С мнением Б. Брентьеса солидарен авторитетный историк архитектуры С.Г. Хмельницкий [1992, с. 214-216].

Следовательно, считают Б. Брентьес и С.Г. Хмельницкий, Акыртас был построен по западно-исламскому образцу. Это подтверждается техникой каменной кладки, имеющей несомненное средиземноморское происхождение. Известно, что ранняя исламская архитектура времени Омейядов черпала свои формы и приемы главным образом из греко-римского наследия. Этим определяется и время постройки — VIII в., время завоевания арабами Средней Азии и Казахстана.

Кутейба ибн Муслим, назначенный в 704 г., был наместником Хорасана и Мавераннахра. Его походы были направлены на восток и северо-восток — на Фергану и Чач, ставший в 714 г. его резиденцией. Отсюда Кутейба двинулся на тюркские города Испиджаб и Тараз. В 715 г. Кутейба был убит по приказу халифа Сулеймана, который подозревал его в сепаратизме. Действительно, есть основания думать, что честолюбивый полководец стремился к независимости от Багдада, и с этой целью переносил свои резиденции на восток. Такой постройкой, не законченной из-за гибели Кутейбы, и было строительство Акыртаса, которое велось в 714-715 гг. Здесь, в максимальной удаленности от Дамаска, он собирался править и отсюда, из стратегически удобного пункта, продолжать походы на восток.

Если это так, пишет С.Г. Хмельницкий, Акыртас — древнейший сохранившийся образец исламской архитектуры в Казахстане и Средней Азии, свидетель ее исламизации.

Этим, видимо, и объясняется сочетание в нем черт сирийско-иракской архитектуры [Хмельницкий, 1992, с. 215].

Результаты исследований, которые, как было отмечено выше, проводились в 1996, 1998, 2004–2009 гг., позволяют высказать ряд новых гипотез и привести конкретные факты. Акыртас представляет собой монументальное сооружение, четырехугольное в плане, стены которого, выложенные из массивных каменных блоков красного песчаника, были возведены на высоту от 1 до 3–3,5 м. Блоки положены в один, два, реже в три–шесть рядов на северной крепостной стене и северо-западной башне. План постройки ориентирован длинными сторонами с севера на юг.

Главная улица соединяет северный и южный входы. Перпендикулярно ей с востока на запад проходит еще одна улица, упираясь в глубокие айваны. Улицы делят постройку на четыре части, из которых три состоят из помещений, расположенных вокруг дворов, а одна (северо-западная)

– свободна от застройки. Центр всей постройки занимает двор, по периметру которого поставлены каменные базы колонн размерами 5×5 м. В южной части двора прослеживаются котлованы двух водоемов – хаузов.

Краткая характеристика четырех частей постройки.

Первая часть состоит из незастроенного квадратного участка размерами 27×27 м и группы помещений, выходящих во дворик размерами 13×18 м. Из них три представляют собой длинные коридорообразные помещения шириной 2,5 м и длиной 18 м.

Вторая часть также состоит из двух – жилой, включающей в себя 12 помещений и три айвана, группирующихся вокруг двора размерами 18×18 м, и второй – хозяйственной, где было устроено пять узких длинных помещений шириной от 2 до 3 м, выходящих во внутренний двор.

Третья часть включает 13 помещений, сгруппированных вокруг двора, который имеет самостоятельный выход наружу.

И, наконец, *четвертая* состоит из жилой части, располагающейся вокруг двора размерами 25×34 м. В ней насчитывается 18 жилых комнат, два айвана и три узких помещения, из которых одно – «П»-образное. Эта часть также имеет самостоятельный выход наружу. Стены сложены из блоков разных размеров. Некоторые из них имеют тщательно обработанные гладкие наружные плоскости, другие еще должны были пройти обработку. Размеры блоков различные: 115×60×60 см, 100×50×50 см, 50×50×50 см, 60×60×50 см с вариантами внутри этих размеров.

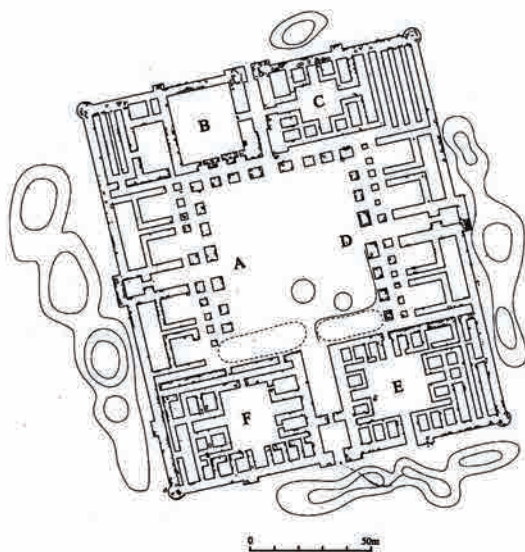

Рис. 4. Акыртас. План дворца (А. Нортхедж)
Fig. 4. Akirtas. Plan of the Palace (A. Northjedge)

Интересна техника кладки стен: они состоят из футляра, который образуют блоки, а внутри между ними заполнение из щебня и глины. Толщина стен колеблется от 5 м у внешних до 3,3-3,5 м внутренних.

Стены дворца были выложены из обработанных блоков красного песчаника на высоту 1-1,3 м. Блоки на угловых башнях были изготовлены не прямоугольными, а закругленными в сечении. При необходимости глыбы красного песчаника выполнялись трапецевидной или треугольной формы со скругленными углами. Блоки наружных стен были уложены в 3-4 ряда.

Планировка недостроенной постройки хорошо читается. Это было сооружение прямоугольное в плане, длинными сторонами расположенное по оси север-юг с небольшой сдвижкой. Размеры его 169×145 м. В центре находился перистильный двор размерами 89×82 м. По периметру двора, кроме южной стороны, планировалось устройство колонн для арочных перекрытий. В настоящее время в перистильном дворе находятся лишь массивные каменные базы под колонны размерами 5×5 м. Южную часть двора замыкают два продолговатых водоема — хауза.

Всю территорию дворца с севера на юг и с запада на восток пересекают две взаимно перпендикулярные улицы. Улица с севера на юг сквозная и выходит на придворцовую территорию. Улочка с запада на восток тупиковая и упирается в глубокие айваны. Пересекающиеся улицы делят территорию дворца на четыре больших части. Таким образом, планировка комплекса многодворная. Во всех угловых частях дворца внутренние дворики занимают центральное положение и окружены со всех сторон группами помещений. И только северо-западная угловая часть дворца свободна от застройки. Данная постройка имела в

южной стене три тамбурных прохода в перистильный двор. Раскопки показали, что северная стена также имеет три тамбурных прохода наружу.

Северо-западная башня. Сохранившаяся высота башни равна шести рядам каменных блоков. Швы заложены мелкими плоскими обколотыми камнями красного песчаника и тщательно заделаны раствором ганча белого цвета, хорошего качества. Горизонтальные швы между рядами примерно 10-15 см, вертикальные — шириной 5-7 см. Первый ряд каменной кладки уложен вертикальными рядами вплотную друг к другу и поставлен прямо на материк. Каменная кладка выведена под землю на глубину 3,1 м от уровня дневной поверхности. Башня книзу расширяется диаметром до 8,5 м, угол наклона приблизительно 25° от вертикали. Блоки, образующие наружную поверхность башни, выведены по толщине в один ряд и выпилены, как уже отмечалось, полукруглыми в сечении.

Возникает естественный вопрос: была ли башня полая внутри либо она была забутована камнем? При такой большой площади башни — элемента дворца, логичным было бы предположить наличие внутрибашенного помещения. Для проверки версии по верху конструкции были заложены три шурфа, все они показали наличие забутовки внутри башни.

Расчищен и изучен парадный въезд во дворец, который находился в середине северной оборонительной стены. Он выделен прямоугольными пилонами, наличием гнезд в кладке блоков для установки, видимо, деревянного порога, а также наличием фигурных каменных блоков. Западный пилон разобран. Восточный пилон находится в хорошей сохранности.

Выяснилось, что нижний ряд каменных блоков является фундаментом под пилон. На нем выводился с отступом в несколько сантиметров

Рис. 5. Акыртас. Угловая башня до раскопок. Фото автора

Fig. 5. Akyrtaş. Corner tower before the excavation. Author's photo

от наружной грани непосредственно сам пилон с уступами и фигурными блоками.

Проводилась зачистка северо-западного блока, который состоит из двух частей. Первая, ближняя к улице, имеет размеры 27×27 м. В нее вел вход с центральной улицы и со стороны айвана – галереи. Здесь в стене

были устроены три узких тамбуровидных входа. В середине западной стены этого большого помещения расчищена ниша на всю поднятую высоту стены, толщиной 1 м.

На поверхности помещения обнаружено несколько блоков. Все это позволяет предположить, что это большое помещение предназначалось для устройства в нем мечети. Блоки, часть из которых лежат на месте, а другие явно вывезенные отсюда, возможно служили базами колонн, которые поддерживали плоскую кровлю. Видимо, мечеть должна была быть столпной (лес колонн).

Именно такие мечети обозначены при раскопках города Кедера (городища Куйрыктобе) в Отрарском оазисе [Байпаков, 2005, с. 74, 129] и на городище Орнек, отождествленного с городом Куль-Шуб и названным в дорожниках Кудамы и Ибн-Хардадбека [Байпаков, 2013, с. 47, рис. 20]. Таким образом, есть достаточно доказательств тому, что Акыртас является

Рис. 6. Угловая башня после раскопок и реставрации. Фото автора

Fig. 6. Corner tower after excavation and restoration. Author's photo

дворцом, и, по нашему мнению, он строился позднее, чем предполагает С.Г. Хмельницкий и, следовательно, строился не Кутейбой.

Если обратиться к событиям VII-VIII вв., связанных с завоеваниями арабами Средней Азии и Казахстана, то следует отметить, что после взятия Тараза в Жетысу, их продвижения до Кулана и Мирки сложилась обстановка, которая беспокоила Китайскую империю, намеревавшуюся подчинить все Жетысу и Среднюю Азию. Противостояния арабов и китайцев привело к их военному столкновению. Оно произошло на Таласе вблизи города Атлах в 751 г. В ходе Атлахской битвы победу одержали арабы, к которым присоединились карлуки.

В 766 г. в управление карлукского джабгу перешло все Жетысу с городами на Великом Шелковом пути с двумя ставками в Таразе и Суябе. Арабо-персидские источники среди городов Карлуков называют Нижний Барсхан, Касрибас, Куль-Шуб, Джуль-Шуб, Мирки, Нускет, Харай-Джуван, Тальхир [Волин, 1960, с. 73, 74, 76-77; Материалы..., 1973, с. 42-43; История Казахстана, 1996, с. 305-314].

Следует отметить, что именно карлуки одними из первых приняли ислам [Бартольд, 1963, с. 268]. Установление тесных связей карлуков и арабов, возможно, привело к тому, что по просьбе карлукского кагана арабы начали строительство для него летней резиденции в предгорьях Кыргызского Алатау. Такие случаи в истории взаимоотношений имеются. Так, по просьбе кагана Хазарского каганата в Византии построили для хазар в первой половине IX в. крепость Саркел [Артамонов, 1958].

Известно, что посол Волжской Булгарии, прибывший в 921 г. в Багдад, передал письмо своего царя халифу ал-Муктадиру. В письме «царь» просил халифа «прислать ему кого-

либо, кто наставил его в вере, преподдал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него кафедру», просит его также о постройке крепости, чтобы «укрепиться в ней от царей своих противников» и согласие было получено [Ковалевский, 1956, с. 13, 121].

Следует поддержать точку зрения о тождестве Акыртаса с городом на Великом Шелковом пути Касрибасом [Байпаков, 2013, с. 47]. Интересна этимология названия Касрибас. Первая часть его - слово «дворец» по-арабски, которое является синонимом термина «айван». Это помещение, открытое со стороны внутреннего двора, кровля которого опирается на колонны. Именно такими были приемные залы во дворцах древней Парфии, Сасанидского Ирана, в средневековых дворцах арабского востока.

Основные функционально-планировочные элементы традиционного исламского дворца включали: летние помещения с бассейном, фонтаном, расположенные на северной стороне; зимние помещения, расположенные с южной стороны; открытый внутренний двор – атриум; айваны, коридоры. Помещения имели высокие потолки.

В омейядских дворцах формировались три зоны: саламалак – это «мужская» зона – место приема гостей; харалан (гаремлан) – женская часть со спальными помещениями, кухней, комнатами для рукоделия; хадамлак – зона с производственными и жилыми помещениями для обслуживающего персонала и охраны. Дворцы возводились на обособленной территории, вдали от городов и других населенных мест, одновременно выполняя функции крепостей.

Структурным планировочным ядром дворца всегда служил «сахн» – открытый внутренний двор атриумного типа. Практически все помещения были ориентированы на двор.

Стена была границей между внешней средой и внутренним пространством дворца. Она укреплялась башнями многоцелевого назначения: оборонительного, наблюдательного, а также для длительного хранения провизии в нишах внутренних стен. Микроклимат здесь образовывал восходящие потоки прохладного воздуха из-под земли. Дворцы были одно- и двухэтажными [Мухамед Забен Хамед Халид, 2001, с. 198].

Первый дворец арабo-исламского мира был возведен в Дамаске (660-661 гг.). Он был построен на месте старого дворца из обработанного камня по приказу халифа Муавия. Второй был построен сыном Муавия – халифом и там строились дворцы в течение VII-XIII вв. Всего было построено 19 дворцов, положивших начало мусульманской дворцовой архитектуре. Среди этих дворцов наиболее совершенными были Каср аль Хайр ал-Гарби (727), Хайр аль-Шарки (727-729) [Мухамед Забен Хамед Халид, 2001, с. 202]. Если сравнить планировку двух этих дворцов, наиболее близок к Акыртасу дворец аль-Хайр аль-Шарки. Интересны интерьеры дворцовых помещений. Великолепно наружное оформление въездов, парапетов, стен, аркат. Поражает своей красотой дворец Хирбеталь-Мфаджар аль Мшатта [Мухамед Забен Хамед Халид, 2001, с. 202, рис. 4].

Следует также сопоставить изолированные узкие и длинные коридорообразные в плане помещения, которые присутствуют в застройке северо-восточного блока – их пять и в северо-западном – их два. Такие же узкие длинные помещения отмечены в застройке комплекса дворца аль-Джафари [Northedge, 1993, fig. 17]. К сожалению, сооружение Акыртас недостроенное, оно никогда не функционировало, не было обжито хотя бы частично. Ни в раскопках, ни вокруг на

поверхности почти нет подъемного материала, который бы позволил обосновать точную дату строительства.

Есть разные точки зрения по поводу хронологии памятника. Мы имеем конкретную вероятную верхнюю дату, опираясь на сообщение Чань-Чуны. В начале XIII в. Акыртас уже был памятником, о нем уже никто не мог ничего конкретно объяснить даосскому монаху: ни жители ближайших Тараза и Сайрама, ни сопровождавшие его монголы, которые наверняка общались с местным населением.

Конкретную дату, которая вытекает из его же определения характера постройки как дворца, во многом аналогичному дворцам арабского мира, дает С.Г. Хмельницкий, связывая его с Кутейбой, который мог в 714-715 гг. начать строить себе и своей семье резиденцию.

По мнению П.И. Лерха и В.В. Бартольда, постройку следует относить к недостроенному буддийскому или несторианскому монастырю. Они ссылались на выбитые рисунки, в частности, рыбы на одном из каменных блоков. Наиболее правдоподобно звучит объяснение Акыртаса как караван-сарая, но тогда можно было бы ожидать сообщение о таком сооружении в арабских и персидских письменных источниках, но их нет. Г.И. Пацевич считает, что эта постройка скорее всего задумана как несторианский монастырь, оперируя тем, что в соседнем Таразе в раннем средневековье проживали христиане и была христианская церковь (несторианская). Строилась она в период до IX в.

Архитектор Т. Басенов определяет Акыртас как дворец-замок и датирует его VII-VIII вв. [Маргулан, Басенов, Мендикулов, 1959, с. 94–96]. А.Н. Бернштам датировал постройку XII-XIV вв. и, определив ее как незаконченное сооружение сирийско-

византийских строителей, находил, что каменные кладки похожи на те, что использовались при строительстве стен городов Крыма. Саму же постройку он связывал с несторианами. Датировку он дал на основании раскопанных мусульманских захоронений. Следовательно, сооружение Акыртас (Юго-Западное Жетысу) является выдающейся постройкой арабской архитектуры. Она появилась здесь благодаря политическим, культурным и религиозным связям Карлукского каганата и Арабского ха-

лифата – древнетюркского и арабского миров.

Заключение. Акыртас все еще остается загадочным монументальным сооружением из камня на территории Казахстана. Сделать выводы о назначении постройки, времени ее сооружения позволят лишь полномасштабные раскопки самой постройки из камня и всех сооружений, входящих в инфраструктуру этого архитектурно-археологического комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акишев А.К.* «Сиюйци» – «Записки о западном крае» даосского учителя Чань Чуня // Тамыр. 2004. № 12 (апрель-июнь). С. 52-71.
2. *Артамонов М.И.* Саркел – Белая Вежа // МИА. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.–Л.: «Наука», 1958. № 62. С. 7-84.
3. *Байпаков К.М.* Городище Куйрыктобе – город Кедер. Алматы: «Баур», 2005. 183 с.
4. *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований ЮККАЭ). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. Кн. I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. 390 с., ил.
5. *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая археология Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. Кн. II: Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в. 516 с.
6. *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Соч. М.: «Наука», 1963. Т. II, ч. 1. С. 23-108.
7. *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По повodu Семиреченских надписей) // Соч. М.: «Наука», 1964. Т. II, ч. 2. С. 265-302.
9. *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Среднюю Азию с научной целью // Соч. М.: «Наука», 1966. Т. IV. С. 21-91.
10. *Басенов Т.К.* О сооружении Тас-Акыр // Известия Академии наук КазССР. Серия архитектурная. 1950. Вып. 2. С. 83-89.
11. *Бернштам А.Н.* Таласская долина (1936–1938 гг.) // ТСАЭ. Материалы и исследования по археологии Казахской ССР. Алма-Ата, 1949. Т. I. (1936-1938 гг.).
12. *Волин С.* Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР. 1960. Т. 8. С. 72-92.
13. *Иванов Л.Д.* К вопросу о некоторых туркестанских древностях // Известия Русского географического общества. 1886. Т. 21. С. 162-167.
14. *Ивлев Н.* Зов Акыртаса // Памятники истории, культуры Казахстана: сб. научн. ст. Алма-Ата: Цент. совет Казахского об-ва охраны памятников, истории и культуры, 1989. Вып. 4. С. 91-93.
15. История Казахстана: с древнейших времен до наших дней. В 5-ти томах. Гл. ред. М.К. Козыбаев. Алматы: «Атамұра», 1996. Т. 1: Казахстан от эпохи палеолита до позднего средневековья. 540 с., ил.: табл.
16. *Каллаур В.А.* Акыр-Тас // ПТКЛИА. Ташкент, 1896. С. 25-27.

17. *Каллаур В.А.* Древние местности Аулиеатинского уезда на старом караванном пути из Тараза (Таласа) в Восточный Туркестан // ПТКЛА. Год первый. Ташкент, 1897. С. 1-9.

18. *Каллаур В.А.* Поездка на Ахир-Тас (Ахур-Таш, Таш-Ахир) // ПТКЛА. Ташкент, 1905. С. 29-36.

19. *Ковалевский А.П.* Посольство Багдадского халифа к царю Волжских Булгар в 921–922 годах // Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков: Изд-во Харьковского госуниверситета им. А.М. Горького, 1956. 345 с.

20. *Лерх П.И.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1870. 40 с.

21. *Маньковская Л.Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX - начало XX в.). Ташкент: «Фан», 1980. 183 с.: ил.

22. *Маргулан А., Басенов Т., Мендикулов М.* Архитектура Казахстана. Алма-Ата: Каз. гос. изд-во, 1959. 171 с.: табл.

23. Материалы по истории киргизов и Киргизии. М.: «Наука», 1973. Вып. I, ч. 2. 280 с.

24. *Мухамед Забен Хамед Халид.* Об истории возникновения дворцовой архитектуры арабо-исламского мира // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2000. № 1. С. 196-208.

25. *Пацевич Г.И.* Ахыр-Таш // Вестник Академии наук КазССР. 1949. № 4. С. 80-85.

25. *Хмельницкий С.Г.* Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX-X веков». Берлин-Рига: «Continent Ltd», 1992. 343 с.

20. *Шарденова З.Ж.* Крепость средневекового Касрибаса // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1. С. 194-201.

21. *Vaipakov K.* Silk Road serial transamination Achievements and perspectives // Silk Road. Arts and Humanities of the Silk Road. Keimyung University, 2016. Vol. II. P. 171-180.

22. *Brentjes B.* Islamic art and architecture in Central Asia // Journal of Central Asia. 1993. Vol. XVI, 1-2. P. 1-239.

23. *Northedge A.* An interpretation of the palace of the Caliph at Samarra (Dar al-Khilafa or Jawsaq al-Khaqani) // Arts orient's. 1993. № 27. P. 143-170.

Седения об авторе:

Байпаков Карл Молдахметович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, директор Государственного музея «Центр сближения культур» (г. Алматы, Казахстан); kbaipakov@mail.ru

АҚЫРТАС АРХИТЕКТУРАЛЫҚ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ КЕШЕНІ

К.М. Байпақов

Ақыртас темірлі құмды тас блоктардан салынып бітпеген құрылыс. Ескерткіш аумағынан екі көше жақсы көрінеді: бірі солтүстіктен-оңтүстікке тіке өтіп кететін, ал екіншісі шығыстан батысқа қарай тұйықталған, жабық айванға тіреледі. Ақыртас кешені жөнінде әртүрлі пікірлер бар: будда немесе несториандық ғибадатхана, керуен-сарай немесе резиденциялық сарай ретінде салынған. Жобалаудың баламасы, құрылыс техникасының сипаты бойынша кейбір зерттеушілер Ақыртасты 8 ғ. араб сәулетшілері салған сарай деп есептейді. Автордың алған археологиялық материалдары құрылыстың басталу мерзімін 751 жыл Атлах шайқасынан кейінгі уақыт деп мерзімдеуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: археология, Ұлы Жібек жолы, Ақыртас, Касрибас, қарлұқтар, арабтар, Араб Халифаты, Кутейба, Атлах шайқасы, сарай, тас блоктар, тас алатын қарьер

ARCHITECTURAL-ARCHAEOLOGICAL COMPLEX AKYRTAS

K.M. Baipakov

Akyrtas is unfinished structure of stone blocks of ferruginous sandstone. On the territory of the monument two streets are well read: one of them, in the north-south direction, is through, the other, in the east-west direction, is dead-ended, it strikes against iwans that have no passages. Concerning the Akyrtas complex there are different opinions: it was built as a Buddhist or Nestorian monastery, caravanserai or palace-residence. By analogy with the layout, nature of construction equipment, some researchers believe the Akyrtas a palace, built by Arab architects in the VIII century. Archaeological materials obtained by the author allow dating the beginning of the construction to the time after the Battle of Artlakh in 751 year.

Keywords: archaeology, Great Silk Road, Akyrtas, Kasribas, Karluks, Arabs, Arab Caliphate, Kuteiba, the Battle of Artlakh, palace, stone blocks, quarry of stone mining

REFERENCES

1. Akishev, A. K. 2004. In *Tamyр*, 12, 52-71 (in Russian).
2. Artamonov, M. I. 1958. In *MIA. Trudy Volgo-Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii (Materials and research on the archaeology of the USSR. Proceedings of the Volga-Don archaeological expedition)*. Moscow-Leningrad: «Nauka» Publ., 62, 7-84 (in Russian).
3. Baipakov, K. M. 2005. *Gorodische Kuyryiktobe – gorod Keder (Kuiryiktobe settlement – the city of Keder)*. Almaty: «Baur» Publ. (in Russian).
4. Baipakov, K. M. 2012. *Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazahstana (po materialam issledovaniy Yuzhno-Kazahstanskoy kompleksnoy arheologicheskoy ekspeditsii). Kn. I: Urbanizatsiya Kazahstana v epohu bronzyi – rannem srednevekovye (Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan (based on research materials of the South Kazakhstan complex archaeological expedition). Book. I: Urbanization of Kazakhstan in the Bronze Age - the early Middle Ages)*. Almaty (in Russian).
5. Baipakov, K. M. 2013. *Drevnyaya i srednevekovaya arheologiya Kazahstana. Kn. II. Urbanizatsiya Kazahstana v IX – nachale XIII vv. (Ancient and medieval archeology of Kazakhstan. Book II. Urbanization of Kazakhstan in the 9th - early 13th centuries)*. Almaty (in Russian).
6. Bartold, V. V. 1963. In *Sochineniya (Collected works)*. Moscow: «Nauka» Publ., т. II, part 1, 23-108 (in Russian).
7. Bartold, V. V. 1964. In *Sochineniya (Collected works)*. Moscow: «Nauka» Publ., т. II, part 2, 265-302 (in Russian).
9. Bartold, V. V. 1966. In *Sochineniya (Collected works)*. Moscow: «Nauka» Publ., IV, 21-91 (in Russian).
10. Basenov, T. K. 1950. In *Izvestiya Akademii nauk KazSSR. Seriya arhitekturnaya (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Architectural Series)*, 2, 83-89 (in Russian).
11. Bernshtam, A. N. 1949. In *TSAE. Materialy i issledovaniya po arheologii Kazahskoi SSR (Proceedings Semirechensk archaeological expedition. Materials and research on the archeology of the Kazakh SSR)*, I. Alma-Ata (in Russian).
12. Volin, S. 1960. In *Novyie materialy po drevney i srednevekovoy istorii Kazahstana. Trudy IIAE AN KazSSR (New materials on the ancient and medieval history of Kazakhstan. Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 8, 72-92 (in Russian).
13. Ivanov, L. D. 1886. In *Izvestiya RGO (Proceedings of the Russian Geographical Society)*, 21, 162-167.
14. Ivlev, N. 1989. In *Pamyatniki istorii, kultury Kazahstana (Monuments of history, culture of Kazakhstan)*, 4, 91-93 (in Russian).

15. Istoriya Kazahstana (History of Kazakhstan), 1. 1996. Kozybayev, M. K. (Ed.). Almaty: «Atamura» (in Russian).
16. Kallaur, V. A. 1896. In *PTKLA (Protocols of the Turkestan circle of archeology lovers)*. Tashkent, 25-27 (in Russian).
17. Kallaur, V. A. 1897. In *PTKLA (Protocols of the Turkestan circle of archeology lovers)*. Tashkent, 1-9 (in Russian).
18. Kallaur, V. A. 1905. In *PTKLA (Protocols of the Turkestan circle of archeology lovers)*. Tashkent, 29-36.
19. Kovalevskiy, A. P. 1956. *Kniga Ahmeda ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu (Book of Ahmed Ibn Fadlan about his journey to the Volga)*. Harkov (in Russian).
20. Lerh, P. I. 1870. *Arheologicheskaya poezdka v Turkestanskiy kray v 1867 g. (Archaeological trip to Turkestan in 1867)*. Saint Petersburg (in Russian).
21. Mankovskaya, L. Yu. 1980. *Tipologicheskie osnovyi zodchestva Sredney Azii (IX nachalo XX v.) (Typological foundations of the architecture of Central Asia (IX beginning of XX centuries))*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
22. Margulan, A., Basenov, T., Mendikulov, M. 1959. *Arhitektura Kazahstana (Architecture of Kazakhstan)*. Alma-Ata: Kaz. gos. izd-vo (in Russian).
23. *Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii (Materials on the history of Kirghiz and Kirghizia)*. 1973. Issue I, part 2 (in Russian).
24. Muhamed Zaben Hamed Halid. 2000. In *Izvestiya NAN RK. Seriya obschestv. nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series)*, 1, 196-208 (in Russian).
25. Patsevich, G. I. 1949. In *Vestnik Akademii nauk KazSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 4, 80-85 (in Russian).
26. Hmelinskiy, S. G. 1992. *Mezhdu arabami i tyurkami (Arhitektura Sredney Azii IX-X vekov (Between the Arabs and the Turks. Architecture of Middle Asia IX-X centuries))*. Berlin-Riga, «Continent Ltd» (in Russian).
27. Shardenova, Z. Zh. 2010. In *Izvestiya NAN RK. Seriya obschestv. nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Series)*, 1, 194-201 (in Russian).
28. Baipakov, K. 2016. In *Silk Road. Arts and Humanities of the Silk Road*. Keimyung University. Vol. II, 171-180 (in English).
29. Brentjes, B. 1993. In *Journal of Central Asia*. Vol. XVI, 1-2, 1-239 (in English).
30. Northedge, A. 1993. In *Arts orient's*, 27, 143-170 (in English).

About the Author:

Baipakov Karl M. Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Kazakhstan, Director of the State Museum «Center for the Rapprochement of Cultures», Almaty, Kazakhstan; kbaipakov@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 22.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 25.10.2018.

**ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ТАС МҮСІНДЕРІ
ТУРАЛЫ ДЕРЕКТЕР
XIX ғ. – XX ғ. БІРІНШІ ЖАРТЫСЫНДАҒЫ САЯХАТШЫЛАР
МЕН ҒАЛЫМДАРДЫҢ ЕҢБЕКТЕРІНДЕ**

© 2018 ж. Ж. Құрманқұлов, Ә.Д. Қасенова

Мақалада жоғарыда аталған мерзім шеңберіндегі Сарыарқа тас мүсіндерін зерттеу тарихы талданады. Ескерткіштерді зерттеу әдіснамалық түрде емес, кездейсоқ сипаттау түрінде жүргізілген. Мүсіндерді арнайы зерттеу бағыты болмағанымен, ол кезең археология ғылымының қалыптасу кезеңімен сәйкес келеді. Тас мүсіндер Сарыарқаның ежелгі және ортағасырлық ескерткіштер тарихының ең маңызды дерек көзі болып табылатыны көрсетілген. Олар осы ескерткіштерді қалдырған адамдардың түрі мен сыртқы келбетін көрсетумен қатар, сол кездің әлеуметтік құрылымы, тұрмысы мен дүниетанымынан мол мағлұмат береді. Сонымен қатар, мақалада Сарыарқаның XIX ғасыр мен XX ғасырдың бірінші жартысы аралығындағы белгілі болған 30-дан астам тас мүсіннің картасы жасалынып ғылыми айналымға енгізілген.

Түйін сөздер: археология, Сарыарқа, Орталық Қазақстан, ғалым, өлкетанушы, тас мүсін, кездейсоқ, жахангер, ескерткіш, сурет, сызба

Сарыарқа тас мүсіндері жайлы алғашқы деректер мерзімі негізінен, XIX ғасырдың екінші жартысымен XX ғасырдың бас кезіне жатады. Олар ғалымдар, жахангерлер, өлкетанушылардың еңбектерінде қамтылған (А.И. Левшин, Ш.Ш. Уәлиханов, Г.Н. Потанин, И.Я. Словоцов, Н.Я. Коншин, И.А. Кастанье және басқалары). Біз қарастырып отырған кезеңдегі Орталық Қазақстан археологиялық ескерткіштерін зерттеу жұмыстары түрлі деңгейде жүргізілді. Көбісі қысқа түрде суреттемелер жазып, ішінара қарындашпен сызбасын сызып, өте аз жағдайда фото кескінін жасаушылар да болды. (Қозы-Көрпеш Баян сұлу мазары мүсіндері).

Солардың бірі географ ғалым, жахангер Г.Н. Потанин «Записки...»

1856 ж. еңбегінде Сарыарқа жерінен кездескен бірнеше тас мүсіндер жайлы төмендегідей құнды деректер қалдырды. Потанинның мәлімдеуінше Темірші тауы маңынан биіктігі 2,1 м шамасы болатын, адамның бет пішіні бейнеленген тас бағанды көрген; ал Қызыл-Рай тауы етегіндегі [қазіргі Ақтоғай ауданына қарасты Қызыларай тау сілемдері болуы мүмкін – *авт. ескертпесі*] Бегазыбұлақ бұлағының жоғары жағынан бірнеше адамдардың бет бейнесі көрсетілген тас бағандар мен төрт бұрышты тас қоршауларды кездестірген [Записки..., 1856, с. 257–258]. Бұл суреттемелерден мүсіндер санын межелей алмаймыз және қай кезең мәдениетіне жататындығын болжау қиын. А.Г. Потаниннің жоғарыдағы тас қоршаулар жайлы жанында тас бағандары бар кейбір

суреттемесі аталған мүсіндерді VII–IX ғасырлардағы көне түріктік мүсіндер болуы мүмкін екенін жоққа шығармайды [Ермоленко, 2004, с. 30, 31, 47, табл. 19].

Сібір әскери гимназия оқытушысы Н.Я. Словцов Батыс-Сібір бөлімі нұсқауымен 1878 жылы Көкшетау уезді аймағына жіберіліп, Орталық Қазақстан жеріндегі кейбір археологиялық ескерткіштерге сипаттамалар жасаған [Словцов, 1881]. Қазіргі Солтүстік Қазақстан облысы Айыртау ауданындағы Шағалалы өзені бойында тұрған екі тас мүсінді және Қопа көлі маңында тұрғызылған жалғыз тас мүсінді И.Я. Словцов қарастырған. Словцов Көкшетау округіндегі Шағалалы өзенінен шамамен 1,0 км болатын Қонысбай өткелі маңындағы Жарқын қыстағы бағытынан бетін батысқа қаратып қолдарын төмен түсіріп келбеті өте көркем қашалған адам кейпіндегі тас мүсіндерді сипаттады. Жансыз тұлғаның төбесіне дейінгі биіктігі 146 см, маңдайына дейін 129 см болатын мүсінің төбесі мен иегінің аралығы 51 см және мойынының жуандығы 119 см екендігін атап кеткен [Словцов, 1881, с. 34].

Қазіргі ғылыми көзқараспен Словцов сипаттамасындағы тас мүсінді қыпшақ дәуірі кезеңіне жатқызуға болады. Қолының салыну қалыбы осыған ұқсас тас мүсін Жіңішке өзені маңындағы қыпшақ ғибадатханасынан да табылған [Ермоленко, 2004, рис. 48, 79, 1]. Мүсіннің бет әлпетінің батысқа бағытталып тұруы күдік тудырады. Негізінен ортағасырлық тас мүсіндерді шығысқа қаратып тұрғызған. Аталған мүсін жанында [автордың айтуы бойынша екі жарым қадамдай жерде – авт. ескертпесі] кішірек біреуі тұрған ол тастың биіктігі 30 см болған

және Словцов бұл тастың бетінің бағыты мен қашалуын және бейнелеу көркемдігін жанындағысына ұқсатқан [Словцов, 1881, с. 34]. Бұл аталған тастарды қыпшақтардың тұрғызуы мүмкін екендігі туралы сенімді молайтады. Себебі бір «ғибадатхана» жанына топтастырып бірнешеуден, кейде екіден тұрғызылған түрлері де кезігеді [Ермоленко, 2004, с. 38].

Үшінші тас мүсін Шағалалы өзеніне таяу Қопа көлінің маңынан Көкшетауға жеткізіліп, уезд басшылығы ғимараты алдында қойылған. И.Я. Словцовтың айтуы бойынша ол мүсін граниттен қашалған және оң қолына құты ұстаған, сол қолында семсері бар жауынгерді бейнелеген. Жансыз тұлғаның биіктігі 166 см, төбесінен иекке дейін 47 см болса, мойын жуандығы 121 см [Словцов, 1881, с. 34]. Тас мүсіннің композициялық құрылымы, көне түріктік мазмұнды сипат беріп VII–IX ғасыр өнер туындысы болғандығын дәлелдейді [Ермоленко, 2004, с. 47].

Сарыарқа даласымен жүріп өткен ғалым В.М. Флоринский Орталық Қазақстан жерінен табылған бірнеше тас мүсіндерге тоқтала келе (дәлірек Қарқара аймағынан) үшеуіне жекелей арнайы қысқаша мәліметтер берген [Флоринский, 1896, с. 43]. Аталған мүсіндердің біреуін өзінің ұсынысы бойынша Томбы университетіне жеткізілгендігіне Флоринский тоқталып өткен [Флоринский, 1896, с. 42, табл. IX]. Бұл тас мүсін бүгінгі күні Томбы университетінің саябағында тұр. Томбы университетінің археологиялық зертханасы аталған мүсінге қатысты тіркеу құжаттамасында Флоринский мәліметіне кереғар хабарлар берілген. Анықтама қағазында тас мүсін Қызылтас тауынан

табылғандығы және тас мүсінді Томбы университетіне тапсыруға ұсыныс жасағандардың бірі Семей облыстық музейінің басшысы Г. Маковецкий – делінген [Барсуков, Интернет-ресурс]. Бұл анықтама бойынша Флоринскийдің аталынған тас мүсінге еш қатыстығы жоқтығы байқалады. Бірақ тас мүсінің сызбасы Флоринскийдің фотосына қарап салынып Я.А. Шердің еңбегінде жарияланғандығын көреміз [Шер, 1966, рис. 108].

В.М. Флоринский өзінің сызбасы бойынша тағы да екі мүсінді сипаттайды. Олар Қараменді өзені бойында [осылай аталатын өзен, қазіргі Ақтоғай ауданының аумағында ағады – *авт. ескертпесі*] төрт бұрышты қоршаулардың ішінде (?) тұрған [Флоринский, 1896, с. 43]. Тас мүсіндердің ұсақ түйіршікті гранит тастан қашалып, біреуін (мұрты барын) ер адамдікі, қасындағысын әйел адамдікі екендігін және екеуінің де ыдыстары көрсетілгендігін аңғарған [Флоринский, 1896, с. 43]. Қараменді өзені бойындағы тас мүсіндердің мәдени-хронологиялық кезеңін Флоринскийдің сипаттамасы бойынша анықтау қиындық туғызады. Себебі, берілген сипаттамасының аздығы ғана емес, қосымша деректері де жоқ және Орталық Қазақстан аумағынан әзірге қоршаулардың ішіне тұрғызылған тас мүсіндер кезікпеді.

Танымал зерттеуші В.П. Никитин 1902 жылғы мақаласында Сарыарқадағы жетіден аса тас мүсіндерге сипаттама берген [Никитин, 1902, с. 103–111]. Автордың айтуы бойынша Етенбұлақ шатқалындағы Атаке Көшкенов қыстауына таяу жерде, тастан қаланған үш мола болғанын, олардың бірінде бет бейнесі бейнеленген тас мүсін тұрғаны жайлы сипатталған. Баянауылдан 4,2 км-дей

жердегі қырдың үстінде де тас мүсін тұрғанын, биіктігі 2,8 м-дей және Әкпетау болысындағы Антеневтің қыстағында адамның бет бейнесі қашалған екі тас мүсін жайлы; Баянауыл болысына қарасты [қазіргі Павлодар облысының Баянауыл, Май ауданында – *авт. ескертпесі*] Кергетан шатқалында орналасқан қорғанның үстінде бет-бейнесі ұсқынсыз қашалған үш тас мүсін қойылғандығы жайлы деректер қалдырған [Никитин, 1902, с. 110–111]. Кергетан шатқалындағы үш тас мүсіні бар қорғанның IX–XIII ғасырлардағы қыпшақ ғибадатханасы екендігіне күмән туғызбайды [Ермоленко, 2004, с. 34–38]. Қалған тас мүсіндердің мәдени-хронологиялық мерзімінің сипаттамасы аздығы мен қосымша дәйектерінің жоқтығына байланысты болжау қиындық туғызады.

Императорлық археологиялық комиссияның тапсырмасы бойынша Ақмола мемлекеттік мүліктер басшысы А.В. Селиванов өзінің іссапары барысында аталған аймақтың көне мұраларымен танысады. Атбасар қаласы маңынан 1894 жылы А. Селиванов екі тас мүсін кездестіреді. Оның бірі топырақ пен тас араластыра үйілген қорғанның жанында тұрған. Қорғандардың орналасқан жері Көкшетау уезіне қарасты Қашаған ауылы маңында және Преображенский ауылынан алты верста [шамамен 6,4 м – *авт. ескертпесі*] жерде деген мәлімет берген [Селиванов, 1896, с. 30]. Селиванов тас мүсінің сұр граниттен жасалғанын, биіктігі 2,12 метрге шамалас, қолдары қарын тұсында, желмен әбден мүжілгені жайлы мәлімет қалдырған [Селиванов, 1896, с. 30]. Композициялық құрылымы бойынша талдар болсақ,

кезінде қорған тәріздес қылып соғылған IX–XIII ғасырлардағы қыпшақ ғибадатханасының жанына қойылған тас мүсінге қарап қыпшақ кезеңінің ескерткіштеріне жатқызуға болады [Ермоленко, 2004, с. 31–35]. А.В. Селивановтың айтуы бойынша Арғалы өзені бойындағы өзге де қорымдар шоғыры маңынан тастан соғылған екі жәшіктің бірінің жанында сұр граниттен жасалынған қисайған қалыпта оң қолында құтысы, сол қолында семсер ұстаған мұртты жауынгер бейнесіндегі тас мүсін болғандығын сипаттайды [Селиванов, 1896, с. 31]. Кейін зерттей келе Арғалы өзені бойындағы тас жәшіктің жанындағы мүсін тас, көне түріктік тас мүсін болып шығады. Біздің байқауымызша ол жерде екі тас қоршаудан тұратын кешен болған сияқты. Ондай кешендер Сарыарқа жерінен өте көп [бүгінгі күні бізге – 24 кешен белгілі – *авт. ескертпесі*] деңгейде кезігеді [Ермоленко, Курманкулов, 2006, с. 68–69].

Орталық Қазақстан жеріндегі бірнеше тас мүсіндер жайлы мәліметтер XX ғ. басындағы Н.Я. Коншин еңбектерінде де кезігеді [Коншин, 1803, с. 32]. Саяси қуғындалып жер аударылған Коншин Семейдегі Орыс география қауымдастығы бөлімінде қызмет атқарып, далалық зерттеу жұмыстарына қатысып тұрды. Оның мәліметі бойынша Темірші болысы [қазіргі Қарағанды облысы – *авт. ескертпесі*] Кеңасу шатқалында орналасқан обаның сырты таспен дөңгеленте қоршалғандығын және жанында биіктігі шамамен 1,06 м адамның бет-пішіні бейнеленген тас мүсін болғандығын айтады. Сонымен бірге Жанысбайқабағы шатқалындағы көлемі кішірек обаның жанында

биіктігі тура сондай 1,06 м болатын тас мүсін жайлы мәлімет қалдырған [Кастанье, 2007, с. 205].

Н.Я. Коншиннің сипаттауынан аңғаратынымыз, басынан кеуде тұсына дейін көрсетілген мүсіндердің екеуінің де обалардың жанында тұрғандығы, аталған мүсіндердің көпшілік жағдайда қорғандарға байланысы бар б.д.д. VII–V ғасыр ерте темір дәуірінің тас мүсіндері болуы мүмкін екендігін білдіртеді [Ермоленко и др., 2016, с. 132]. «Қыпшақ ғибадатханасы» жанына қойылған төртінші тип сияқты қыпшақ кезеңіндегі (IX–XIII ғғ.) мүсіндер болу мүмкін екендігін де қарастырады [Ермоленко, 2004, с. 37].

Тау инженері А.А. Козырев 1904 жылы бірқатар археологиялық жаңалықтар ашты [Козырев, 1905, с. 31–36]. Жер бөлімі министрлігінің жерді өңдеу бөлімінің тапсырмасы бойынша Ақмола облысының оңтүстік аймағында су деңгейін зерттеу бағытында жұмыс жүргізе жүріп, жолай археологиялық зерттеулермен де айналысты. Қазіргі Жаңарқа аудан орталығынан солтүстікке қарай 50 шақырымдай болатын Қараағаш шатқалындағы Шонға қыстағына таяу жердегі биіктігі 3,5 м, диаметрі 10,5 м болатын обаға Козырев қазба жұмысын жүргізеді [Козырев, 1905, с. 31].

Қорғаннан әйел затының мүрдесі табылған. Алтын сырғалармен қатар ұзатылар қазақ қызына тән қаңқасы сәукелеге ұқсас, төбесі сүйірлене біткен, бас киімді безендіруге арналған түрлі алтын жапсырмаларды, кәріптастармен безендірілген алтын салпыншақтар мен қоса әйнек ыдыс тапқан [Акишев, 1983, с. 186–187].

А.А. Козырев обаның үстіне қайта жерлеу мүмкіндігін болжады [Козырев, 1905, с. 36]. Обаның үйіндісін қазу барысында тас мүсін табылған, бірақ Козырев оны сипаттап, суретін салуға мән бермеген. Тас мүсіннің 90 см тереңдікте күлге көміліп жатуы, біздерге бұл жағдайдың кездейсоқтық емес екендігін аңғартады. Козырев аталған обаны IX–X ғасырларда тұрғызылған деп тұжырымдаған [Козырев, 1905, с. 36]. Обадан табылған алтын әшекейлерді кейінірек К.А. Ақышев кейінгі ғұн кезеңімен (III–V ғғ.) байланыстырады [Акишев, 1983, с. 186–187]. Нақтылы қай кезең ескерткіші екендігі дәлелденбесе де А. Козырев алғашқы болып осындай ескерткіштердің қалмақтарға тиесілі еместігін айтқан. Тас мүсінге келсек, ол біздің пайымдауымызша ерте дәуірдікі болуы ықтимал, мүмкін кейіннен қайта жерлеу кезінде екінші рет пайдаланылған сияқты.

XX ғасыр бас кезіндегі Сарыарқа тас мүсіндері жайлы мәліметтердің көпшілігі И.А. Кастанье еңбегінде жинастырылып, толықтырылған. Арғы тегін француздардан алатын ғалым, алғашында мүшелігінде болып, кейіннен Орынбор ғылыми архивтік комиссиясы басшылығы орынбасары қызметін атқара жүріп, Императорлық археологиялық комиссиясынан арнайы қазбалар жүргізу рұқсатнамасын алған. 1910 жылғы «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» атты танымал жұмысына Н.Я. Коншин, В.П. Никитин, А.А. Козырев және басқалардың ізденістерін енгізді. Аталған еңбекте обаның үстіне қойылған тас мүсінді егжей-тегжейлі сипаттап, суретін салған өлкетанушы А.И. Добросмысловтың мәліметін енгізген. Ескерткіш Торғай қаласынан солтүстік-шығысқа қарай шамамен

160 шақырым Қараторғай болысы қазіргі Қостанай облысы № 4 аулының маңындағы Сынтас шатқалында орналасқан. Добросмыслов тас мүсіннің граниттен жасалынғанын және оның өлшемдері жайлы мәлімет қалдырған (ені шамамен 22,2 см, қалыңдығы 17,7 см) [Кастанье, 2007, с. 126, табл. XVI].

А.Н. Добросмыслов обаның биіктігі (4 аршын, яғни шамамен 2,84 м) мен диаметрі (60 аршындай шамамен 42,7 м) және оны көрген кезінде тас мүсін обаның ортасында төменгі жағы жерге жарты аршындай [35,5 см шамасы – авт. ескертпесі] кіріп тұрғаны жайлы мәлімет қалдырған [Кастанье, 2007, с. 126, табл. XVI, рис. 8]. Жоғарыда айтып өткеніміздей, қазіргі уақыттағы зерттеулерде обалардың үстіне қойылған басынан кеуде тұсына дейін көрсетілген орта ғасырлық тас мүсіндермен қатар, ерте темір дәуірі мүсіндері де кезігіп жатады. Заттай айғақтардың мүсін жасалымында жоқтығы және кейінгі сурет сызбасының өте нашар сақталуы аталған мүсіннің қай кезеңге жататындығын мерзімдеуге қиындық тудырады. Сонда да ондай көлемдегі обалардың қатардағы қыпшақ ғибадатханаларына сай еместігіне қарап, айналдыра қазылған оры мен көлеміне қарай ерте темір дәуірі ескерткішіне жатқызуға болады.

И.А. Кастанье жоғарыда аталған «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» еңбегінде XX ғ. бас кезіне өлшемі белгілі тас мүсіндер тізбесін берген. Олардың ішінде оннан астамы Сарыарқа мүсіндеріне жатады [Кастанье 2007, с. 125–126, 204–205]. Құзырында бар барлық тас мүсіндер сызба-суретін автор кестеге түсірген. Кестеге енген Сарыарқалық бес мүсінмен қатар Қозы-Көрпеш Баян-сұлудан төртеу,

Торғай даласынан бір тас мүсін бар [Кастанье, 2007, с. 14–17, табл. XIV].

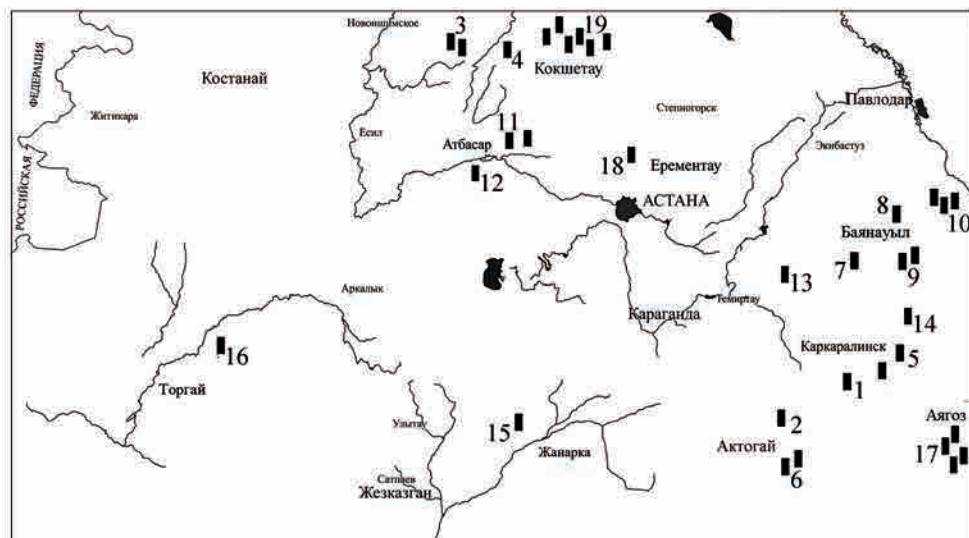
Кастанье өзінің 1911 жылғы «Надгробные сооружения» атты еңбегінде қазақ даласында тас мүсіндерді қорғандардың үстіне тұрғызу тәсілі кең етек алғандығына тоқталып өткен [Кастанье, 1911, с. 10]. Кестелер жүйесінде үстіне бір немесе бірнеше тас мүсін тұрғызылған топырақтан үйілген қорғандар суреттері кезігеді [Кастанье, 1911, IX кесте]. Л.Н. Ермоленко аталған И.А. Кастанье еңбегіне үлкен мән беріп, оны тас мүсіндері бар қыпшақ «ғибадатханасын» ғылыми тұрғыдан сипаттаған ең алғашқы еңбек ретінде бағалады [Ермоленко, Курманкулов, 1992а, 116–117 бб.]. Ермоленко талдауларында бір немесе бірнеше мүсіндері бар қыпшақ ғибадатханалары I-ші тип түріне жатқызылады [Ермоленко, 2004, 34–37 бб.] [Ермоленко, Курманкулов, 2012, 86–94 бб.]. Қорғанның жанына тас мүсінді жалғыздан тұрғызу үрдісі Сақ дәуірі кезеңінде де болғандығын айта кеткен жөн [Ермоленко, Курманкулов, 2011, с. 157; 2015, 30 б.; Курманкулов, Ермоленко, 2014, с. 18; Курманкулов, Касенова, 2014, с. 178; Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 7–16; Бейсенов, 2014, с. 7–14].

Еуразия даласынан сол кезеңде белгілі болған тас мүсіндерді И.А. Кастанье зерделей келе, Моңғолиядан батысқа қарай қазақ даласы арқылы жылжыған бір халықтың қолынан шыққан туынды екендігін меңзеген [Кастанье, 2007, с. 374]. Ізденуші тас мүсіндердің неліктен тұрғызылу тылсымына сұрақ іздеп көреді. Ол мүсін тастарды өлген адамдардың бейнесімен және әруақтық ғұрыппен байланысы бар

деп топшылайды [Кастанье, 2007, с. 374–375].

1924–1928 жылдар аралығында өлкетанушы М.Н. Лентовский Петропавл облысы [қазіргі Ақмола және Солтүстік Қазақстан облыстары – авт. ескертпесі] аумағының археологиялық ескерткіштерін зерттеу барысында бірнеше тас мүсіндерді ғылыми айналымға енгізеді [Лентовский, 1929, с. 11–12]. Автор жеті тас мүсіннің тұрған жері жайлы мәлімет бере келе, Шортанды ауданы Яблоново Макинск болысы жеріндегі бір ғана тас мүсінді қысқаша сипаттаған [қазіргі Ақмола облысы, Бурабай ауданы – авт. ескертпесі]. Профессор П. Преображенский арқылы Көкшетау музейіне жеткізілген бұл тастың басының жартысы сынғандығы және қолдары кеудесінде жатқаны жайлы мәлімет берілген [Лентовский, 1929, с. 11–12]. Лентовскийдің сипаттамасындағы тас мүсін Көкшетау облыстық тарихи-өлкетану музейі жариялаған екі тас мүсіннің екеуіне де ұқсамайды [Боталов, 1996, с. 231–232, рис. 13, 5, 6; Ермоленко, 2004, рис. 1; 2]. М.Н. Лентовскийдің аталған тас мүсіндерге қатысты фотосы мен сурет-сызбасының жоқ болғандығына қарамастан, мүсіндердің алғашында қайда тұрған жерін сипаттауы өз құндылығын жоғалтпайды.

XIX–XX ғасырдың үшінші жартысы аралығындағы авторлар еңбегінде Сарыарқа даласында отыздан аса тас мүсінге қысқаша сипаттама берілген (сур. 1). Қазіргі Қарағанды облысынан (4 дана), Павлодар (7 дана), Ақмола (8 дана), Солтүстік Қазақстан (4 дана), Қостанай (1 дана) және Шығыс Қазақстан облысынан (4 дана).

Сур. 1. XIX ғ. аяғы мен XX ғ. бірінші жартысындағы Сарыарқа өңірінде белгілі болған тас мүсіндер картасы. 1 – Темірші; 2 – Қызыларай; 3 – Шағалалы (2 дана); 4 – Қопа; 5 – Томск; 6 – Қараменді (2 дана); 7 – Етенбұлақ; 8 – Баянауыл; 9 – Ақпеттау (2 дана); 10 – Керегетан (3 дана); 11 – Атбасар (2 дана); 12 – Арғалы; 13 – Кеңасу; 14 – Жанысбайқабағы; 15 – Қараағаш; 16 – Сынтас; 17 – Қозы-Көрпеш Баян-сұлу (4 дана); 18 – Шортанды; 19 – Ақмола және Солтүстік Қазақстан облыстары аумақтарынан белгілі болған тас мүсіндер (6 дана)

1, 2 – ([Записки.... 1856, 257–258 бб.]: бойынша); 3, 4 – ([Словцов, 1881, 34 б.]: бойынша); 5, 6 – ([Флоринский, 1896, 42–43 бб.; Шер, 1966, сызба 108]: бойынша); 7–10 – ([Никитин, 1902, 110–111 бб.]: бойынша); 11, 12 – ([Селиванов, 1896, 30–31 б.б.]: бойынша); 13 – ([Коншин, 1803, 32 б.]); 14, 16, 17 – ([Кастанье, 2007, 205 б.; 126 б., XVI кесте, 8 сур.; 17 б., XIV кесте]: бойынша); 15 – ([Козырев 1905, 31 б.]: бойынша); 18, 19 – ([Лентовский, 1929, 11–12 б.б.]: бойынша)

Fig. 1. Map of Saryarka sculptures known at the end of the 19th and the early 20th Century. 1 – Temir; 2 – Kyzylarai; 3 – Shahalals (2 pieces); 4 – Kopa; 5 – Tomsk; 6 – Karamendi (2 pieces); 7 – Etenbulak; 8 – Bayanauyul; 9 – Akpettau (2 pieces); 10 – Keregetan (3 pieces); 11 – Atbasar (2 pieces); 12 – Argaly; 13 – Kenasu; 14 – Janyusbaykabagy; 15 – Karaahash; 16 – Syntas; 17 – Kozy-Korpesh Bayan-sulu (4 pieces); 18 – Shortandy; 19 – stone sculptures known in Akmolra and North Kazakhstan regions (6 pieces)

1, 2 – (by: [Notes 1856, 257–258 bb.]); 3, 4 – (by: [Slovstov, 1881, 34 b.]); 5, 6 – (by: [Florinsky, 1896, p. 42–43; Sher, 1966, fig. 108]); 7–10 – (by: [Nikitin, 1902, p. 110–111]); 11, 12 – (by: [Selivanov, 1896, p. 30–31]); 13 – (by: [Konshin, 1803, p. 32]); 14, 16, 17 – (by: [Castagne, 2007, p. 205; 126; tabl. XVI, fig. 8, p. 17, tabl. XIV]); 15 – (by: [Kozyrev, 1905, p. 31]); 18, 19 – (by: [Lentovsky, 1929, p. 11–12])

Олардың үшеуін көне түріктік, оның қиындық тудырады. XIX ғ. дерек қыпшақ мүсіндеріне жатқызуға көздерінде ерте темір дәуірі тас болады. Қалғандарының мәдени мүсіндері жайлы ақпараттар *in situ* хронологиясы бойынша мерзімдеу ретінде болуы мүмкін.

ӘДЕБИЕТ

1. Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: Өнер, 1983. 264 с.
2. Бейсенов А.З. Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 7-16.
3. Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник КемГУ. 2014. Вып. № 3 (59). Т. 3. С. 34-40.
4. Барсуков Е.В. Истукан Каркаралинского уезда. URL: <http://www.artefact.tsu.ru/koriya-balballa-1-1> Дата обращения: 19.02.2018
5. Боталов С.Г. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Новое в археологии Южного Урала: сб. научн. тр.

Сер. Южный Урал: Природно-географические факторы и историко-культурные процессы. Челябинск: Рифей, 1996. С. 210-244.

6. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.

7. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Центральнокзахстанские памятники с изваяниями кыпчакского облика // Маргулановские чтения: тезисы. Петропавловск, 1992. С. 116-119.

8. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Оригинальное изваяние из фондов Карагандинского историко-краеведческого музея // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я.А. Шера. Кемерово: РИО КемГУ, 2011. Вып. 25. С. 156-161.

9. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Новое изваяние раннего железного века из Сары-Арки // АЭАЕ. 2012. № 4 (52). С. 86-94.

10. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Погребение раннего железного века с изваянием в долине р. Айбас // Вестник КемГУ. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 29-34.

11. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник КемГУ. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 26-32.

12. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина 1830 // Вестник ИРГО. 1856. Ч. 18. С. 257-258.

13. Кастанье И.А. Надгробные сооружения. Оренбург: Типография Тургайского Областного Правления, 1911. 102 с.

14. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. 2-е изд. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.

14. Козырев А. Раскопка кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // Известия ИАК. 1905. Вып. 16. С. 27-36.

15. Кошкин Н. О памятниках старины Семипалатинской области // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО. Семипалатинск, 1903. Вып. I. С. 1-32.

16. Құрманқұлов Ж., Ермоленко Л.Н. Ежелгі Сарыарқа: тас мүсіндер. Древности Сарыарки: каменные изваяния. Saryarka Antiquities: Stone Statues. Караганды, 2014. 168 с.

17. Лентовский М.Н. Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа КазССР (Инвентаризационный труд). Кокчетав, 1929. 16 с.

18. Никитин В.П. Краткое описание памятников древности Семипалатинской области // Известия ИАК. 1902. Вып. 2. С. 103-111.

19. Селиванов А.В. Производство археологических раскопок в Акмолинской области // Отчет ИАК за 1894 год. 1896. С. 30-31.

20. Словоцков И.Я. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд, Акмолинской области в 1878 г. // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1881. Кн. III. С. 1-55.

21. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.–Л.: Наука, 1966. 138 с.

22. Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни // Опыт славянской археологии. Томск, 1896. Ч. II, вып. 1. С. 3-112.

Авторлар туралы мәліметтер:

Құрманқұлов Жолдасбек – тарих ғылымдарының кандидаты, бас ғылыми қызметкер, А.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); kurmankulov@gmail.com

Касенова Әсемгүл Дауренқызы – ғылыми қызметкер, А.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); asema_94@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗВАЯНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В РАБОТАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И УЧЕНЫХ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Ж. Курманкулов, А.Д. Касенова

В статье изложена краткая история обнаружения каменных изваяний Сарыарки. Хронологические рамки исследования охватывают период с XIX по первую половину XX в. Для этого времени характерно эпизодическое изучение каменных изваяний, без

конкретной методики. Данный процесс по времени совпал с периодом, когда происходило становление археологии как науки. Каменные изваяния Сарыарки являются важным источником по истории древних и средневековых культур региона. В них не только воплощен внешний облик людей прошлых эпох, но и отражена ценная информация о социальной структуре общества, культуре населения, оставившего эти произведения древнего искусства. В работе впервые в научный оборот вводится карта, на которой обозначены места находок около 30 изваяний, происходящих из обширного историко-культурного региона – Сарыарка.

Ключевые слова: археология, Сарыарка, Центральный Казахстан, каменное изваяние, путешественник, краевед, случайная находка, памятник

INFORMATION ABOUT THE PROBLEMS OF CENTRAL KAZAKHSTAN IN THE WORKS OF TRAVELERS AND SCIENTISTS OF THE XIX - THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

J. Kurmankulov, A.D. Kasenova

The article analyzes information about the period of the second half of the 19th – first half of the 20th century in the history of study stone sculptures Saryarka, the collection of information about these monuments was carried out episodically and not methodically. The non-specific nature of the study of sculptures is connected with the fact that this period coincided with the time of formation of archeology as a science. Stone sculptures of Saryarka are an important source on the history of ancient and medieval monuments. They not only embodied the appearance of people of past eras, but also reflected valuable information about the social structure and life of those who left these monuments. The article also introduces into the scientific circulation a map of about 30 sculptures found on the territory of Saryarka in the XIX - first half of the XX century.

Keywords: archaeology, Saryarka, Central Kazakhstan, stone sculpture, random, traveler, local historian, monument

REFERENCES

1. Akishev, K. A. 1983. *Drevnee zoloto Kazahstana (Ancient gold of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Oner" Publ. (in Russian).
2. Beisenov, A. Z. 2014. In Tishkin, A. A. (ed.) *Drevnie i srednevekovye izvayaniya Tsentralnoi Azii (Ancient and medieval sculptures of Central Asia)*. Barnaul: Altay University Publ., 7–16 (in Russian).
3. Beisenov, A. Z., Ermolenko, L. N. 2014. In *Vestnik Kemerovo State University*. № 3 (59). Т. 3, 34–40 (in Russian).
4. Barsukov E.V. *Istukan Karkaralinskogo uezda (Istukan of the Karkaraly district)*. URL: <http://www.artefact.tsu.ru/kopiya-balballa-1-1> (in Russian).
5. Botalov, S. G. 1996. In *Novoe v arheologii Yujnogo Urala: Sb. nauch. Trudov. Ser. Yujnyi Ural: Prirodno-geograficheskie faktory i istoriko-kulturnye protsessy (New in the archeology of the Southern Urals: Nat. scientific tr. Ser. Southern Urals: Natural and geographical factors and historical and cultural processes)*. Chelyabinsk: Rifei Publ., 210-244 (in Russian).
6. Ermolenko, L. N. 2004. *Srednevekovye kamennye izvayaniya kazahstanskih stepei (tipologiya, semantika v aspekte voennoi ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya) (Medieval stone sculptures of the Kazakh steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview))*. Novosibirsk: IAEt SO RAN Publ. (in Russian).
7. Ermolenko, L. N., Kurmankulov, J. K. 1992. In *Margulanovskie chteniya–1992 (Margulan reading–1992)*. Petropavlovsk Publ., 116-119 (in Russian).
8. Ermolenko, L. N., Kurmankulov, J. K. 2011. In *Arheologiya Yujnoi Sibiri. K 80-letiyu Ia.A. Shera (Archeology of Southern Siberia. On the 80th anniversary of Ya.A. Sher)*, 25. Kemerovo: RIO KemGU, 156-161 (in Russian).
9. Ermolenko, L. N., Kurmankulov, J. K. 2012. In *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 4 (52), 86-94 (in Russian).
10. Ermolenko, L. N., Kurmankulov, J. K. 2015. In *Vestnik Kemerovo State University*, 2 (62). Т. 6, 29-34 (in Russian).
11. Ermolenko, L. N., Kurmankulov, J. K., Kasenova, A. D. 2015. In *Vestnik Kemerovo State University*, 1 (61). Т. 3, 26-32 (in Russian).

12. 1856. In Bulletin IRGO, 18, 257-258 (in Russian).
13. Kastan'е, I.A. 1911. *Nadgrobnnye sooruzheniya (Tombstones)*. Orenburg: Printing house of the Turgay Regional Board (in Russian).
14. Kastan'е, I. A. 2007. *Drevnosti Kirgizskoy stepi i Orenburgskogo kraya (The Antiquities of the Kirghiz Steppe and the Orenburg Territory)*. 2th ed. Almaty: Daik-Press (in Russian).
15. Kozyrev, A. 1905. In *Izvestiya IAK (News IAK)*, 16. StPetersburg Publ., 27-36 (in Russian).
16. Konshin, N. 1903. In *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela IRGO (Notes of the Semipalatinsk subdivision of the West Siberian Division IRGO)*, 1. Semipalatinsk Publ., 1-32 (in Russian).
17. Kurmankulov, J., Ermolenko, L. N. 2014. *Ejelgi Saryarqa: tas musinder. Drevnosti Saryarki: kamennye izvayaniya. Saryarka Antiquites: Stone Statues*. Karagandy Publ. (in Kazakh, Russian, English).
18. Lentovskii, M. N. 1929. *Pamyatniki drevnei kultury v yujnoi polovine Petropavlovskogo okruga KazSSR (Inventarizatsionnyi trud) (Monuments of ancient culture in the southern half of the Petropavlovsk District of the Kazakh SSR (Inventory work))*. Kokchetav Publ. (in Russian).
19. Nikitin, V. P. 1902. In *Izvestiya IAK (News IAK)*, 2, 103-111 (in Russian).
20. Selivanov, A. V. 1896. *Proizvodstvo arheologicheskikh raskopok (Akmolinskoi oblasti) Otchet Imperatorskoy arheologicheskoy komissii za 1894 god.* (in Russian).
21. Slovtsov, I. Ia. 1881. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela IRGO (Notes of the West Siberian Division IRGO)*. Kn. III. Omsk Publ., 1-55 (in Russian).
22. Sher, Ya. A. 1966. *Kamennye izvayaniya Semirech'ya (Stone sculptures of Semirechye)*. Moscow–Leningrad: Nauka Publ. (in Russian).
23. Florinskii, V. M. 1896. In *Opyt slavyanskoy arheologii (The experience of Slavic archeology)*, II, 1. Tomsk Publ., 3-112 (in Russian).

About the Authors:

Kurmankulov Joldasbek. Candidate of Historical Sciences, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Kazakhstan; kurmankulov@gmail.com

Kasenova Asemgul D. Research Scientist, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Kazakhstan; asema_94@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 03.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 10.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 17.10.2018.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ И ИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ В ГОРАХ КУЛЖАБАСЫ

© 2018 г. А.Е. Рогожинский, В.В. Тишин

В статье дается новая попытка прочтения древнетюркских рунических надписей Кулжабасы I и II, а также обсуждаются возможности их датировки и атрибуции на основе комплексного анализа имеющихся данных. Авторами анализируются особенности надписей и археологический контекст их обнаружения. Предпринята попытка выделить особенности графического фонда надписей Кулжабасы в общем контексте памятников древнетюркской рунической письменности азиатского ареала. В составе археологического ландшафта гор Кулжабасы обе рунические надписи локализируются в двух обособленных районах концентрации средневековых памятников (зимних стоянок кочевников, могильников, ритуальных оград с изваяниями, петроглифов «престижной» тематики), вблизи крупных стоянок, отмеченных наскальными изображениями однотипных знаков (тамга). Археологический контекст Кулжабасы I позволяет датировать надпись не ранее второй половины VIII в. или IX–X вв. Предполагается принадлежность знаков идентичности одного типа (тамги №№ 1 и 4) племенному объединению карлуков.

Ключевые слова: археология, Жетысу, древнетюркские рунические надписи, археологический контекст, тамга, петроглифы, карлуки

В последнее десятилетие заметен рост публикаций новых находок древнетюркских рунических текстов, происходящих с территории Казахстана, а также специальных работ, посвященных их прочтению и историко-филологической интерпретации. Темпы продолжающихся полевых изысканий не снижаются, и фонд памятников рунической письменности пополняется новыми материалами, создавая предпосылки для издания сводных работ – первых в казахстанской историографии [Базылхан, 2013; Bazilkhan, 2014]. В то же время накопление поискового опыта и совершенствование технологии документирования рунических граф-

фити неизбежно побуждает специалистов возвращаться к уже известным памятникам для детализации и уточнения первичных наблюдений, способствуя одновременно углубленному изучению археологического окружения эпиграфических текстов, выяснению их места в локальном ландшафте. Данная статья есть опыт совместного возвращения археолога и востоковеда-тюрколога к двум памятникам, открытым ранее и не раз уже привлекавшим внимание разных исследователей, – руническим наскальным надписям Кулжабасы I и II в одноименных горах Шу-Илейского междуречья.

Кулжабасы I

Местонахождение и описание. Жамбылская область, Кордайский р-н, в 30 км к северо-западу от ст. Отар; Шу-Илейские горы, южные склоны гор Кулжабасы, ущелье Жаксылыксай, или долина № 3 по принятой нумерации комплекса [Сала, Деом, 2005, рис. 7.1]. Надписи Кулжабасы I (Жаксылыксай I–III, по И.Л. Кызласову [Рогожинский, Кызласов, 2011, с. 330–331]) обнаружены в 2009 г. и опубликованы одним из авторов [Рогожинский, 2010, с. 333–334, рис. 3, 2, 3]. В последующие годы памятник неоднократно дополнительно обследовался А.Е. Рогожинским и документировался. К сожалению, предыдущие прочтения текста, предложенные разными исследователями [Базылхан, 2013, с. 99–100; Bazilkhan, 2014, s. 5–6; Тишин, 2015; 2017, с. 249–252], вынужденно основывались на первичной прорисовке надписи, как оказалось, неточно воспроизводившей ряд рунических знаков одной из строк. Здесь мы публикуем уточненную копию надписи и фотографии памятника (рис. 1; 2).

Надпись нанесена на вертикальную поверхность скалы, ориентированную на запад. У верхнего края, на высоте 1,5 м от подножия скалы, техникой протирки выполнено крупное изображение тамги № 1 в форме V-образной фигуры (30 см) с двумя отходящими влево короткими линиями. Слева от нее и ниже находятся три вертикальные рунические строки.

Знаки прорезаны острым металлическим инструментом; линии тонкие, неглубокие; высота колеблется от 2–3 до 5 см. Нижняя строка (12 см) состоит из 7 знаков (стк. 1); она занимает не патинированный участок скалы и имеет светлый оттенок. Выше

нее вдоль края выступа скалы, слева от тамги, прорезана самая длинная строка (36 см), состоящая из 16 или 17 знаков (стк. 2). Знаки следуют один за другим с примерно равным интервалом и одинаковым отступом от края грани скалы. В средней части надпись разделяет неширокая трещина, за которой строка отклоняется влево, повторяя изгиб выступающей поверхности. Цвет знаков соответствует светло-коричневой патине, покрывающей тамгу № 1. В 15 см справа расположена третья строка (стк. 3) длиной 4,5 см; она состоит из двух знаков, развернутых основанием вправо; цвет патины, как у тамги № 1.

Порядок расположения графити позволяет считать, что рунические строки создавались после нанесения на скалу тамги № 1. Начальные знаки стк. 2 и 3 находятся на одном уровне, на одинаковой высоте от подножия скалы, и по физическим параметрам (высота, глубина и ширина линий) знаки обеих строк весьма похожи. Знаки стк. 1 имеют иные пропорции, и сама строка зримо отделена от стк. 2, хотя вписана с ней в единую вертикаль. Возможно, стк. 1 нанесена на скалу после стк. 2 и 3.

На соседней справа грани скалы в технике выбивки и протирки выполнена тамга № 2 в форме змеи (40 см). При фронтальном обзоре панно тамги №№ 1 и 2 выглядят соразмерными, но тамга-змея занимает более высокую позицию (рис. 1, 1). Левее и выше скалы с тамгами находится плоскость с изображениями всадников-знаменосцев.

Ложе горной долины занимают остатки средневековой стоянки, у скалы с тамгами и надписями заметны руины каменных построек; найдены фрагменты стеклянной, керамической

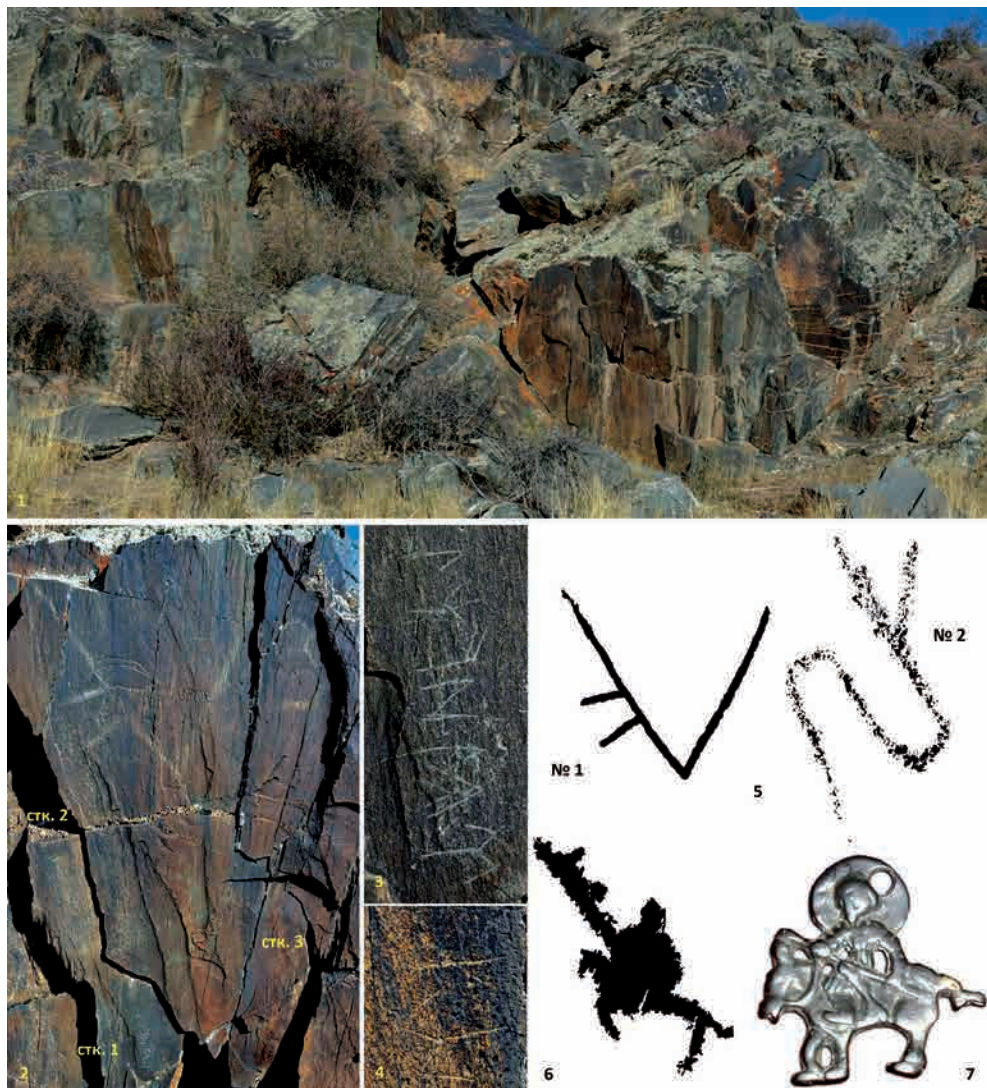

Рис. 1. Кулжабасы, долина 3. 1 – место расположения надписи Кулжабасы I; 2 – расположение тамги № 1 и трех строк надписи; 3 – строка 1; 4 – строка 3; 5 – тамги №№ 1 и 2; 6 – наскальное изображение всадника; 7 – Бляшка с изображением всадника [по: Борисенко, Худяков, 2008].

Fig. 1. Kuljabasy, valley 3. 1 – the location of the inscription Kuljabasy I; 2 – the location of the tamga no. 1 and the three lines of the inscription; 3 – line 1; 4 – line 3; 5 – tamga №№ 1 and 2; 6 – rock art of the rider; 7 – plaque with the image of a rider (by: [Borisenko, Khudyakov, 2008])

гончарной и лепной посуды, трехлопастная бляшка-накладка [Рогожинский, 2010, рис. 3, 1]. По мнению А.И. Торгоева, любезно сообщенному А.Е. Рогожинскому, тройник с фигурными лопастями отличается рядом признаков, не характерных для дан-

ного типа изделий IX–X вв., но имеет близкие аналогии в материалах из мог. Часовенная гора на Енисее [Гаврилова, 1965, с. 73–74, рис. 13, 15], из слоя пожара нач. XIII в. на Краснояреченском городище и в целом относится «к позднекараханидской или

Рис. 2. Кулжабасы I, строка 2. Фото и прорисовка А.Е. Рогожинского, 2018 г.
Fig. 2. Kuljabasy I, line 2. Photo and drawing by A.E. Rogozhinskiy, 2018

уже раннемонгольской группе» предметов. Образцы столовой посуды со стоянки, по мнению В.А. Кольченко и А.А. Нуржанова (устная консультация), находят сходство с керамическим комплексом X–XI вв. и, возможно, IX в. городищ Шуйской долины (Красная речка, Новопокровское) и Кастек в Шу-Илейском междуречье. В целом, комплекс находок не типичен для рядовых стоянок средневековых кочевников этого района.

Некоторые основания для датировки археологического окружения надписей Кулжабасы I дает упомянутая композиция с изображениями знаменосцев. Гравюры сопоставимы с металлическими бляшками (рис. 1, б, 7), изображающими панцирных всадников с дисками (щитами) за спиной, которые «обнаружены на территории распространения культур енисейских кыргызов и кимаков и были характерны для их торевтики в IX–X вв.» [Борисенко, Худяков, 2007, с. 90, рис. 2,

2; 4, 1, 2]. Как показало недавнее исследование [Касанов и др., 2017, с. 115–133], изображения всадников со знаменами, являясь знаковым образом наскального искусства тюркской эпохи, встречаются отнюдь не повсеместно. Изображения знамен и знаменосцев входят в ограниченный круг «престижных» гравюр-маркеров, создававшихся в особо значимых местах и часто – вблизи крупных стоянок, устроенных в наиболее благоприятных для обитания условиях.

В составе комплекса Кулжабасы долина 3 и близлежащие ущелья занимают особое положение: в этом районе зафиксировано множество разновременных крупных стоянок, курганных могильников, ритуальных оград (одна с лицевой стелой, отмеченной тамгой) и средневековых петроглифов. Именно здесь сосредоточено наибольшее количество лучших гравюр тюркской эпохи, включая изображения знаменосцев (долины 2 и 3).

Прочтение и интерпретация надписи Кулжабасы I. Уточненная документация памятника вносит изменения только в стк. 2 (рис. 2); первоначальное воспроизведение знаков стк. 1 и 3 подтверждается.

Текст:

(1) $\text{ᚱ}^2\text{ᚱ}_5 \text{ᚰ} \text{ᚱ} \text{ᚰ} \text{ᚰ} \text{ᚰ}$

(2) $\text{ᚱ}_{15} \text{ᚰ} \text{ᚰ} \text{ᚰ} \text{ᚰ}_{10} \text{ᚰ} (?) \text{ᚰ} \text{ᚰ}_5 \text{ᚰ} \text{ᚰ} \text{ᚰ} \text{ᚰ}$

(3) $\text{ᚱ} \text{ᚰ}$

Транслитерация: (1) r^2t^1Iqk
 $\overset{5}{s} \overset{5}{s} \overset{1}{A} (2) r^2t^1It^1D \overset{5}{\gamma} \parallel l^1M(?) : q \overset{10}{n}$
 $\overset{5}{S} s^2 \gamma I \check{C} (?) n^2 \overset{15}{n} D (3) d^2r^2$

Транскрипция: (1) (ä)r (a)tī (a) q k(e)š a (2) (ä)r (a)tī t(a)ηγ(ī)l m? : q(a)š s(a)γīč n(ä)η (вар.: (e)n(i)η / (e)n(ä)η) (3) (e)d(ä)r

Перевод: (1) имя мужа-воина Ак Кеш (букв. ‘белый колчан’); (2) имя мужа-воина Тангыл; (надежного) сторожа границы удел (вар.: ‘(надежного) сторожа границы метка твоя’ / ‘(надежный) сторож границы, ты сделай метку’) (3) иди (следуй)!

Комментарий.

är atī: стандартная для памятников древнетюркской рунической письменности формула, обозначающая ‘имя мужа-воина’.

aq keš: судя по всему, прочтение этого сочетания может считаться достаточно достоверным, исходя из того, что следующий знак, обозначающий широкий неогубленный гласный, имеет скорее пунктуационное значение [Васильев, 1983, с. 46, 50; Alimov, 2014, s. 26, No 39] (см. также: [Кызласов, 2012, с. 40–41]).

är atī: вновь стандартная формула со значением ‘имя мужа-воина’.

taŋγil: лексема, образованная при помощи аффикса +*GII*, образующего цветовой оттенок, исходя из значения, содержащегося в производящей основе, или аффикса +*GXI*, среди прочих также имеющего функцию

образования названий животных, в основе которых лежат наименования какой-либо части тела, но сам аффикс добавляет семантику белизны [Erdal, 1991, vol. I, p. 97–98, 99]. И для того, и для другого объяснения может быть использован пример зафиксированного в кыргызском языке слова *таң* ‘белое пятно ниже хвоста, под хвостом (у некоторых животных)’ [Киргизско-русский словарь, 1985, с. 203].

Сложно найти объяснение с точки зрения грамматики для интерпретации знака в виде кружка, который имеет относительно небольшие размеры и фактически примыкает к знаку /l/. Допустимо предполагать, что он не имеет отношения к надписи. Знак отчетливо виден, но существенно отличается от остальных графем незначительной глубиной линий, фактически царапин на поверхности скалы. После него начертан словоразделитель, состоящий из нескольких точек.

qaš: здесь допустимо видеть слово *qaš* в значении ‘край, берег, бровка, граница’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 431], ‘the side, edge, summit’ [Clauson, 1972, p. 669], являющееся, очевидно, вторичным после ‘бровь’ [Этимологический словарь, 1997, с. 343–345]. Достоверно это значение фиксируется впервые в памятниках караханидско-уйгурского языка. Так, слово *qaš* известно у Махмуда ал-Кашгару как ‘herhangı bir şeyin kıyısı’ [Divanü, 1985, с. III, s. 152], «‘the side, edge, summit’, etc. (*harf... wa šafıruhu*) of anything» [Clauson, 1972, p. 542], ‘the edge or rim’ [Махмуд ал-Кашгару, 1984, s. 226], ‘край, конец чего-либо’ [Махмуд ал-Кашгару, 2005, с. 853].

Вероятно, однако, оно присутствует в одной из надписей Кочкорской долины (надпись № 4) [Кляшторный, 2003, с. 296; 2006, с. 356]

(см. иначе: [Alimov, 2003, s. 20–21; Alimov, 2014, s. 168–169; Yıldırım et al, 2013, s. 306]).

sayič: чтение предположительно, в том числе из-за сложности интерпретации последнего знака. Слово можно сравнить с зафиксированной в Четвертой Таласской надписи (стк. 1) лексемой *s^l(a)γč-īg* (вин. пад.), которую Р. Алимов трактует как ‘*muhafiz*’, ‘*maiyet*’ [Alimov, 2014, s. 18, 92–93, 94, 96, 97], предполагая здесь отсутствие одной буквы, что подразумевает исходное *s(a)γd(i)č-īg < saydič*, зафиксированное еще в четырех таласских надписях (Тал 2, стк. 1: *s(a)γdičl(a)ri*; Тал 8, стк. 3: *s(a)γd(i)čig*; Тал 10, стк. 3: *s(a)γdiči*; Тал 11, стк. 2: *s(a)γdičl(a)riina*) в значении ‘*güvenilir kimse, muhafiz*’ [Alimov, 2014, s. 66, 68, 111, 122, 123, 126, 128, 186], затем встречающееся уже у Махмұда ал-Қашғарұ в значении *al-sadiq* ‘a true friend’ [Clauson, 1972, p. 806]. Слово восходит к *say* ‘здоровый, верный’, по-видимому, гетерогенному омониму со значением ‘правый’ [Этимологический словарь, 2003, с. 134–136], + *dl*, аффикс, образующий наречия от прилагательных [Erdal, 2004, p. 330], + *(X)č*, показатель диминутива [Erdal, 1991, vol. I, p. 44–47].

Начиная с караханидско-уйгурского времени в текстах встречается также слово *saqčī* ‘сторож, хранитель’ [Радлов, 1911, стб. 257; Древнетюркский словарь, 1969, с. 486], ‘*guard, guardian*’ [Clauson, 1972, p. 806], восходящее к *saq* ‘внимательный, чуткий, настороженный’, ‘осторожный’ и т.д. [Радлов, 1911, стб. 239–240; Древнетюркский словарь, 1969, с. 485–486; Этимологический словарь, 2003, с. 156–158], «‘*awake, alert*, and the like» [Clauson, 1972, p. 803]. Здесь заманчиво допустить какую-то контаминацию двух

основ, *say* и *saq*, что в нашем случае, как и в Четвертой Таласской надписи, позволило бы прочитать даже **sayčī* и предположить самостоятельное происхождение этой формы. Однако известные на основе языкового материала примеры контаминации двух основ показывают именно распространение слова *saq* в том же значении, что и *say* в его фонетических вариантах (каз. *say*, кырг. *soo* и др.), и, соответственно, их равноценное использование, но не наоборот [Радлов, 1911, с. 233, 239–240, 259–260; Киргизско-русский словарь, 1985, с. 124; Этимологический словарь, 2003, с. 158].

nāy: судя по тому, что слово находится в конце фразы, из двух значений лексемы, известных по тюркоязычным памятникам, следует принять его трактовку как имени существительного, обозначающего ‘вещь, предмет, дело; нечто’, или конкретнее ‘вещи, имущество, богатство, средства существования’, что фиксируется в караханидско-уйгурских текстах [Радлов, 1905, стб. 666–667; Древнетюркский словарь, 1969, с. 358; Clauson, 1972, p. 778]. Именно как *al-māl* ‘property, wealth’ слово переводится в стихе, приводимом в словаре Махмұда ал-Қашғарұ, а в Ферганском списке «Кутадгу билиг» это арабское слово стоит в тех контекстах, где в Гератском и Каирском списках написано *nāy* [Mert, 2017, s. 201, 204]. Мы переводим на русский язык при помощи слова ‘удел’, подразумевая абстрактное значение.

С другой стороны, здесь возможно предположить чтение *en-iŋ* или *enā-ŋ*.

Тогда в обоих случаях речь будет идти об известной основе **en-*, впервые достоверно фиксирующейся в составе глагола *enā-* ‘метить’ у

Махмұда ал-Қашғарӣ, но, вероятно, также и в памятниках древнетюркской письменности в общем значении какой-то метки или знака (см. дискуссию в кн.: [Тишин, 2018, с. 104–105]).

При чтении рассматриваемого слова в тексте Кулжабасы I мы находим его с показателем принадлежности 2 лица ед. ч. $+(X)\eta$, либо здесь глагол *enä-* с аффиксом повелительного наклонения 2 лица ед. ч. $-(X)\eta$, зарегистрированного в памятниках древнетюркской рунической письменности в контекстах с адресантами как единственного, так и множественного числа [Erdal, 2004, p. 236–237, 520].

edär: форма $(j)edär-$ ‘искать, гнаться, идти следом’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 162, 164], «to pursue’, primarily in the sense of chasing game or pursuing an enemy; hence more vaguely ‘to follow’» [Clauson, 1972, p. 67] (ср.: [Erdal, 1991, vol. I, p. 115, 310; vol. II, p. 771–772]), в неоформленном повелительном наклонении, что свидетельствует об обращении к объекту в единственном числе.

Замечания к графическому фонду. Памятник тесно примыкает к надписям Таласской и Кочкорской долин, о чем говорят, прежде всего, начертания знака /q/ [Alimov, 2014, s. 25, No. 18]. Начертание /γ/ кроме них сближает его с алтайскими надписями [Alimov, 2014, s. 25, No. 16]. Начертание /n²/ близко к таковому в надписях из местности Ак-Олён [Alimov, 2014, s. 25, No. 15]. Начертание первого знака стк. 2, /r²/ как по дукту, так и пропорциям элементов, в частности длинных боковых отводов, также сближает написание с аналогичными знаками из местности Ак-Олён [Alimov, 2014, s. 26, No. 30].

Необычная форма шестого знака стк. 1 в форме направленной вверх «птичьей лапы», который мы читаем как /š/, в енисейских надписях читается как лигатура /ič/ [Кызласов, 1994, с. 89, 91; Кормушин, 1997, с. 163, 167; 2008, с. 52, 55, 56]; он характерен также для алтайских надписей и турфанских документов на бумаге, где читается как /š²/ [Васильев, 1983, с. 136, табл. 26, стк. 15]. В отдельных текстах с территории Алтая он также читается как /š¹/ [Кызласов, 2003, с. 13].

Четырнадцатый знак стк. 2, интерпретированный нами как лигатура /ič/ ~ /či/, как раз в форме «птичьей лапы», известен по орхонским и енисейским памятникам [Tekin, 1968, p. 22, note 1, p. 24, 31, 45; Tuna, 1994, s. 212–213; Alimov, 2014, s. 27, No. 46], чаще рассматриваясь здесь как аллограф предыдущего знака.

Одиннадцатый знак стк. 2, в форме «крыши», для которого предполагается значение веляризованного шипящего сибиланта /š/, широко распространен в енисейских памятниках, а также встречается в текстах с территории Алтая и Таласской долины, по большей части употребляясь в палатальном ряду [Васильев, 1983, с. 133, табл. 25, стк. 2–4, с. 135, табл. 26, стк. 2, 3; Alimov, 2014, s. 25, No. 24].

Замечательной характеристикой является направление вниз штамба у /η/, встречающееся в нескольких енисейских текстах и одном рукописном турфанском документе [Васильев, 1983, с. 126, табл. 20, стк. 11].

Замечания к датировке и атрибуции. В предлагаемом варианте чтения текст выглядит чрезвычайно бедным с точки зрения синтаксиса. Единственный глагол, составляющий при этом самостоятельную конструкцию (стк. 3), не имеет никаких

дополнительных показателей. За исключением выражения *ār atī*, другие сочетания слов также не содержат никаких грамматических показателей, хотя, например, во второй части фразы в стк. 2 при любом из предложенных вариантов прочтения они кажутся необходимыми, поскольку позволили бы четче разграничить отношения между лексемами.

Следует отметить четкое функциональное распределение графем, обозначающих сибиланты, хотя, безусловно, материал недостаточно репрезентативен в количественном отношении.

Некоторые замечания могут быть сделаны в отношении лексического фонда, опять же при учете возможности перепрочтения текста. Отдельные лексические единицы в тех значениях, которые могут быть предложены для их интерпретации исходя из контекста, находят параллели только в текстах среднетюркского периода, т.е. начиная с караханидско-уйгурского времени. Это касается как предполагаемого слова *qaš* в значении ‘граница’, так и *nān* в его синтаксической функции. Впрочем, каких-либо специфических характеристик текста, позволяющих рассуждать о косвенных датировках, выделить не представляется возможным. Сам текст, если он прочитан правильно, представляет собой типичную «посетительскую» надпись.

Кулжабасы II

Местонахождение и описание. Жамбылская область, Кордайский р-н, в 25 км к северо-западу от ст. Отар; Шу-Илейские горы, горы Кулжабасы, долина 14. Надпись обнаружена в 2012 г. археологом Б.А. Железняковым и Л. Херманном. Ранее предложенные прочтения основывались на фотографиях и прорисовке знаков,

выполненной по снимкам авторов открития Н. Базылханом [Железняков и др., 2013, с. 149–150; Базылхан, 2013, с. 101–102; Bazilkhan, 2014, s. 8–9; Тишин, 2017, с. 253–256]. Позже памятник обследован А.Е. Рогожинским; здесь публикуются документальные материалы, уточняющие облик отдельных графем (рис. 4).

Долина 14 расположена в средней части гор Кулжабасы; в трех смежных долинах 12–14 насчитывается около 20 стоянок XIX – начала XX в., многие из которых, судя по находкам керамики разного облика, осваивались кочевниками I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. и в эпоху бронзы. Обилие выразительных петроглифов тюркского времени тоже выделяет этот район Кулжабасы. Наряду с участком, изобилующим средневековыми петроглифами и стоянками в долинах 3–6, он образует вторую зону наибольшей концентрации памятников тюркской культуры [Sala, Deom, 2016, s. 80–81, graph. 2, 3, pic. 01, 03, 04], в том числе рунической письменности.

В нижней части долины находятся руины одной из крупных казахских зимовок начала XX в. На окружающих скалах есть петроглифы разного возраста и арабографичная надпись, прочтение которой выполнено Н. Базылханом [Базылхан и др., 2013, с. 153, рис. 1]. Примечательны средневековые изображения животных в сходной манере (рис. 3, 3). На правом берегу долины отмечены остатки средневековой стоянки; над площадкой на вертикальной скале выбиты две тамги: № 3 в виде извивающейся змеи и № 4 в форме уголка с окружностью между расходящимися лучами (рис. 3, 1, 2). Тамги крупных размеров (25 и 18 см), выбиты глубоко на шероховатой поверхности камня. Вопросы датировки и этно-

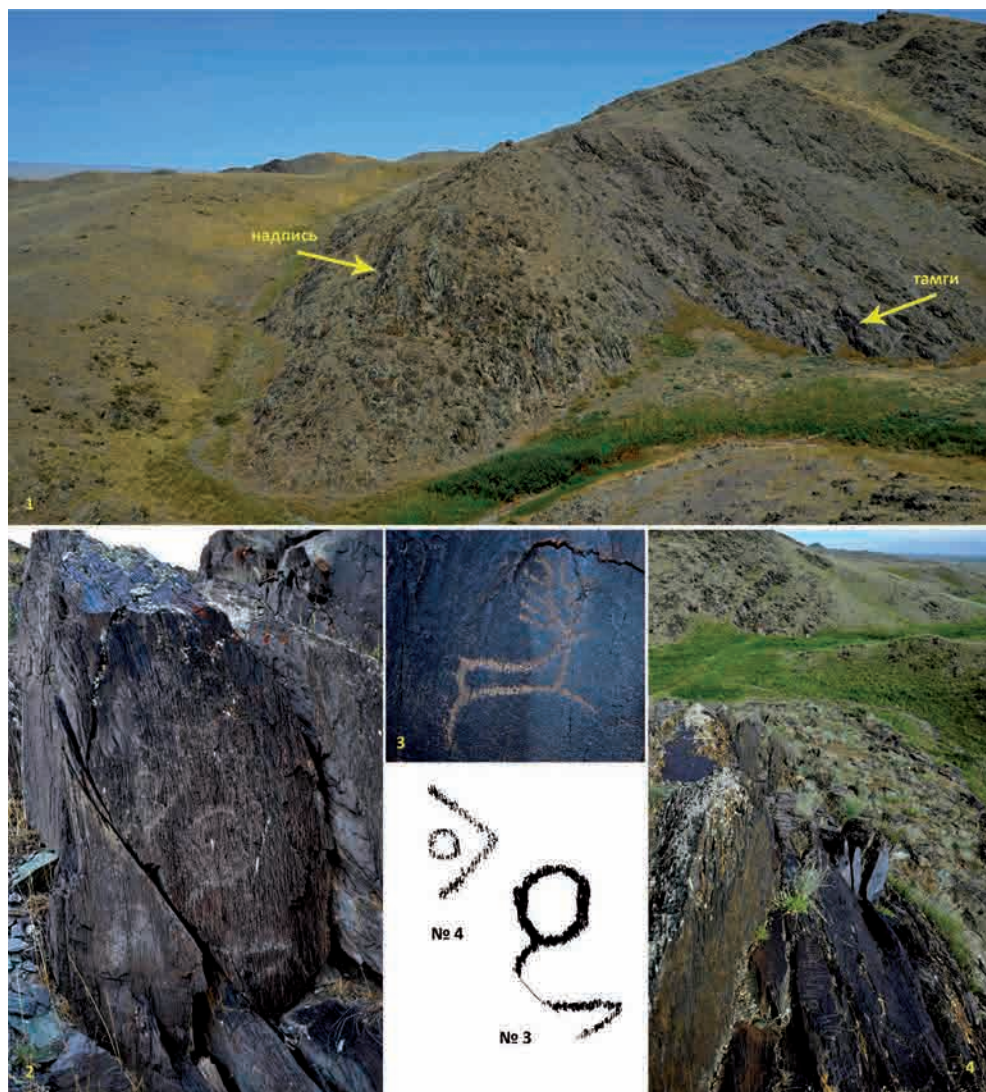

Рис. 3. Кулжабасы, долина 14. 1, 4 – место расположения надписи Кулжабасы II; 2 – тамги №№ 3 и 4; 3 – изображение оленя

Fig. 3. Kuljabasy, valley 14. 1, 4 – the location of the inscription Kuljabasy II; 2 – tamga №№ 3 and 4; 3 – image of a deer

политической атрибуции знаков данного типа уже рассматривались одним из авторов [Рогожинский, 2016, с. 59–60]. Для тамги № 4 (имеет 5–6 разновидностей, в том числе, как тамга № 1) установлен основной ареал, включающий области Жетысу и Алтая, и высказано предположение о ее

связи с карлукским объединением; обоснована датировка этой группы знаков для Жетысу в интервале второй половины VIII/IX–X вв. Недавно отождествление подобных знаков с карлуками поддержано исследованием собрания знаков на Калбак-Таш I [Кубарев, 2018, с. 35–36].

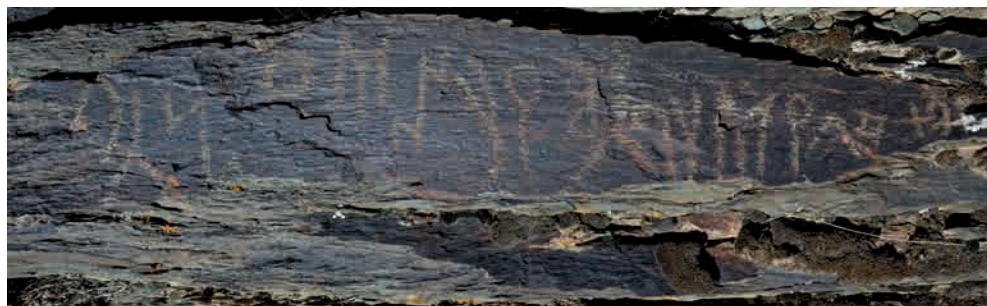

Рис. 4. Кулжабасы II. Фото и прорисовка А.Е. Рогожинского, 2018 г.

Fig. 4. Kuljabasy II. Photo and drawing by A.E. Rogozhinskiy, 2018

ляющийся в модальном значении возможности или долженствования действия. Последний неизвестен для орхонских памятников, однако фиксируется в Карабалгасунской надписи и далее в енисейских текстах [Erdal, 2004, p. 242–244]. Употребление формы на *-mš* в сочетании с формой на *-GAj* зафиксировано лишь в контексте со служебными глаголами *är*- и *bol*-, позволяющими обозначить будущее совершенное время [Erdal, 2004, p. 270, 272].

čökjäk-in: глагол *čök*- ‘опускаться, становиться на колени’, ‘*прям. и перен.* опускаться, падать’ [Древнетюркский словарь, 1968, с. 154], «‘to kneel down’, esp. of a camel, but also of human beings, and more vaguely ‘to sink, subside, collapse’, and the like» [Clouston, 1972, p. 413–414] + **(X)jAK* – аффикс, образующий отглагольные имена, судя по немногочисленному материалу, абстрактного значения [Gabain, 1950, s. 75; Древнетюркский

словарь, 1968, с. 655; Clouston, 1972, p. 462: *tutyak*; Кононов, 1980, с. 91]. Возможно, вслед за сэром Дж. Клоузоном его следует считать формой аффикса *-jOK* (*-jUK?*). Он известен только с периода древнеуйгурских буддийских текстов, где обозначает прошедшее очевидное время (претерит), в других текстах (манихейских, караханидско-уйгурских) – это причастие совершенного действия или имя с абстрактным значением, в отдельных случаях, когда субстантивируется, обозначает объект действия [Erdal, 2004, p. 22, 74, 240, 266–268, 300–301]. В текстах на брахми морфема *-jOK* (*-jUK?*) употребляется после широкого /ä/, что может быть фактором, влияющим на делабиализацию аффиксального гласного, поскольку в южно-сибирских тюркских языках получила развитие форма *-čXK* [Erdal, 2004, p. 300, note 489] (см. иначе: [Сравнительно-историческая грамматика, 1988, с. 362–367]). В нашем

случае чтение исходной формы слова должно выглядеть скорее как **čökjök*, хотя это не отражено в написании, поскольку исходя из употребления слогового знака /^ük/ ~ /k^ü/, подразумевающего огубленный гласный в соседстве со смычным, его можно было бы ожидать и в аффиксе. Употребление слова *čökä* ‘коленипреклонение’ [Древнетюркский словарь, 1968, с. 154–155; Clauson, 1972, р. 414], по-видимому, заставляет предполагать, что идентифицированная нами форма должна быть не идентичной ему с точки зрения лексического значения, а обозначать, скорее, объект действия глагола.

В этом случае здесь допустимо читать *čökjäk-i-n* и видеть +Xn – показатель винительного падежа, добавленный к посессивной форме 3 лица ед. ч. [Erdal, 2004, р. 185–186; Кормушин, 2008, с. 188] (ср. ниже *enči-g*). В контексте, однако, остается неясным, с кем связана форма посессива – с собственно субъектом действия, который обозначен субстантивированным причастием (*ägidmiš*), или следующим словом, возможно, являющимся частью конструкции из двух существительных, выступающей при предлагаемой интерпретации как однородное сложное дополнение.

Точно также здесь можно видеть показатель инструментального (орудно-совместного) падежа, имевшего форму +(X)n (в орхонских и древнеуйгурских буддийских текстах) или +(I)n в манихейских текстах [Erdal, 2004, р. 175–177]. Между тем, и показатель винительного падежа для 3 лица в древнетюркских текстах никогда не подвергался лабиализации [Erdal, 2004, р. 186]. В нашем случае мы не можем быть уверены в качестве аффиксального гласного, однако, если он имел огубленный характер, читалось бы **čökjökün*.

Ввиду неопределенности мы сохраняем условное **čökjäkin*. При такой трактовке посредством инструментального падежа может быть отражено значение образа действия [Erdal, 2004, р. 378–379].

är-im: *är* ‘муж’, ‘мужчина’, + +(X)m – аффикс принадлежности 1 лица ед. ч. Никакие иные чтения вроде формально допустимого **čökj(ä)k (e)n(ä)r(i)m* не могут получить обоснования с синтаксической точки зрения. Предпочтительнее не интерпретировать второй знак (№ 15) как показатель посессива, поскольку, например, в Таласских надписях и надписях Кочкорской долины для обозначения аффикса принадлежности 1 лица, как единственного, так и множественного числа, используется «канонический» знак для обозначения /m/ (№ 3) [Alimov, 2014, s. 27].

enči-g: наличие отдельно выписанных согласных *n*² и *č* должно подразумевать гласный между ними, поскольку для сочетания этих звуков есть специальный знак *нč*, если только не предполагать здесь какое-то исключение, которое предположительно можно читать в енисейской надписи Туба I (E 35, стк. 2) [Yıldırım et al, 2013, s. 98–99] и алтайской Ялбак-Таш XVIII [Кызласов, 2003, с. 67]. Это допущение предоставляет, по-видимому, единственную возможность интерпретировать данное слово. Это должно быть отыменное имя деятеля, образованное при помощи аффикса +*čI*, с показателем винительного падежа +(X)G, которое, по-видимому, согласуется с отмеченным выше глаголом *je:r-*. Замечания о слове *en* см. выше.

Таким образом, мы можем видеть здесь определительную конструкцию *är-im enči-g*, выступающую целиком в качестве дополнения, од-

нородного в этой функции предыдущему слову. Использование в препозиционном определении лексемы с показателем принадлежности широко известно в памятниках древнетюркской рунической письменности [Конов, 1980, с. 214]. Формально *är-im* может выступать в роли подлежащего, а *enci-g* – в качестве дополнения. Однако такая интерпретация предполагает значительные синтаксические трудности.

Замечания к графическому фонду. С позиций палеографии примечательно употребление в одном тексте двух вариантов написания графемы с фонемным значением /m/, что, в частности, известно, например, для Первого и Второго Таласских памятников [Батманов, 1971, с. 9, рис. 1, 2, с. 10; Yıldırım et al, 2013, s. 284; Alimov, 2014, s. 208; Alimov, 2017, s. 135]. С этой территориальной группой памятников древнетюркской рунической письменности надпись Кулжабасы II сближает именно написание /m/, но вместе с тем не характерный для этой группы слоговый знак /^ok/ ~ /k^o/, направленный влево, что зафиксировано только в надписи Ак-Олён [Alimov, 2014, s. 26, No 37, s. 228, 229]. Наиболее выделяющейся чертой является форма очертаний /r²/, находящая ближайшую параллель также в надписях из местности Ак-Олён [Alimov, 2014, s. 26, No. 30].

Написание знака в форме «крыши» /š/ также роднит надпись с памятниками енисейского бассейна, Алтая и Таласской долины. Употребление «традиционной» /m/ в ее начертаниях находит параллели опять же в надписях группы Ак-Олён [Alimov, 2014, s. 24, No. 8]. Для ряда енисейских памятников также характерно употребление двух знаков, содержащих фонему /m/ (ср.: [Alimov, 2014, s. 21]),

один из которых, употребляющийся наряду с традиционным монозвучным знаком, обозначает, возможно, слоговое сочетание /mI/ ~ /Im/ или /mA/ ~ /Am/ [Кызласов, 1994, с. 120–121, табл. XXIII: В].

Интересными чертами рассмотренной надписи являются редкое левонаправленное начертание /g/ [Васильев, 1983, с. 110, табл. 10, стк. 2, 11, с. 111, табл. 10, стк. 15], а также наличие двух разных, зеркально противоположных начертаний /n²/.

Замечания к датировке и атрибуции. Если предложенное нами прочтение надписи верно, следует отметить ее возможный религиозный подтекст. Читаемый текст является синтаксически очень сложным, перегруженным глагольными формами. Одним из важнейших моментов является наблюдаемое употребление субстантивированной формы причастия прошедшего времени на *-mİš*, выступающего как подлежащее, и употребление глагольной формы будущего времени на *-GAj*. Последнее позволяет лишь формально охарактеризовать надпись как более позднюю в сравнении с орхонскими памятниками.

Если правильно определен аффикс *-jAK*, выступающий как алломорф **-jUK*, здесь можно видеть либо отражение диалектных особенностей автора надписи, либо скорее трактовать обусловленность такого написания вариативностью самого произношения *-jOK* ~ *-jUK*, т.е. подразумевающего только огубленные гласные, не получившие графического обозначения в связи с отсутствием в тюркских языках самого варианта с широким неогубленным гласным.

Выводы

Археологическое окружение рунических надписей из Кулжабасы

даёт повод предположить, что обе они связаны своим местонахождением с долговременными средневековыми стоянками, отмеченными парами однотипных тамг и серий петроглифов в долине 3, которые относятся к числу «престижных» символов-маркеров. Однако функциональную и временную связь всех компонентов нельзя принять безоговорочно. Если последовательность нанесения на скалу тамги № 1, а затем трех рунических строк Кулжабасы I признать очевидной, то создание тамги можно рассматривать как *terminus post quem* для надписи, или считать оба события одновременными. В таком случае принадлежность типа тамги №№ 1 и 4 карлукскому объединению, как сказано выше, может служить прямым основанием для датировки рунической надписи в долине 3 не ранее второй половины VIII в. или даже IX–X вв., принимая во внимание находки караханидского облика из близлежащей стоянки. К сожалению, временная связь надписи Кулжабасы II с атрибутированными тамгами у стоянки в долине 14 вероятна, но остается гипотетической.

* * *

Р. Алимов, указав на близость графического фонда памятников древнетюркской рунической письменности Восточного и Юго-Восточного Казахстана с памятниками на территории Кыргызстана, для последних отмечал наиболее тесную связь с надписями Алтая, откуда они и должны были распространяться на Тянь-Шань. В свою очередь, графический фонд памятников Алтая пополнялся из двух источников: с территории Енисейской долины и Монголии [Алимов, 2014, с. 22–23]. При этом надписи из местности Ак-Олён гораздо ближе примыкают к енисей-

ским надписям [Алимов, 2014, с. 18]. Уточнение датировки надписей Таласской долины оказалось возможным, по мнению С.Г. Кляшторного, благодаря привлечению археологических данных [Кляшторный, 2003, с. 289–293; 2006, с. 349–354], в то время как определенные выводы о времени создания надписей Кочкорской долины и местности Ак-Олён сделаны на основании атрибуции сопровождающей их «омегаобразной» тамги, связываемой некоторыми исследователями с племенами тюркского круга [Алимов, 2014, с. 34–41]. Впрочем, такое отождествление является дискуссионным.

Если принять за нижнюю хронологическую границу времени создания надписей Таласской долины период первой половины VIII в., это даст ориентиры для определения времени формирования графического фонда лишь одного из очагов распространения памятников древнетюркской рунической письменности на территории современных Кыргызстана и Казахстана. Учитывая генетическую близость, но не идентичность в палеографическом отношении таласским надписям текстов Кочкорской долины, местности Ак-Олён и Западного Жетысу, а также памятников с территории Алтая и долины р. Енисей, возможно предположить, что в эти районы древнетюркская письменная традиция проникала сравнительно позднее и, вероятно, с разных направлений – с Таласа и Алтая, – ввиду чего сам графический фонд формировался под влиянием нескольких традиций. С другой стороны, гораздо более логичным кажется, что именно Таласская долина должна рассматриваться здесь как крайняя западная точка распространения древнетюркского рунического письма, куда оно

должно было проникать как раз через территорию Западного Прииссыккуля (Кочкорская долина, Ак-Олён) и Шу-Илейского междуречья, соответственно с восточного направления. Это кажется более логичным, учитывая именно определенную самобытность графического фонда таласских надписей по сравнению с памятниками других географических групп, имеющих между собой гораздо больше общего. Это отнюдь не означает, что памятники одних групп обязательно должны быть признаны более ранними, других – более поздними относительно друг друга. Такой под-

ход слишком упрощал бы реальную ситуацию, допускающую сосуществование на протяжении какого-то времени нескольких локальных традиций, графические особенности которых формировались уже под влиянием факторов, непосредственно связанных с каждой из местностей. Сказать что-то определенное можно будет только при расширении источниковой базы – как за счет качественной обработки материала уже известных надписей, так и за счет введения в научный оборот новых находок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батманов И.А.* Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе: Илим, 1971. 66 с.
2. *Базылхан Н.* Древнетюркские надписи с территории Казахстана // Российская тюркология. 2013. № 2 (9). С. 95–105.
3. *Базылхан Н., Железняков Б.А., Хермани Л., Жамбулатов К.* Находка памятника древнетюркской письменности в горах Кульжабасы (предварительное чтение) // Мәдени ықпалдастық және өркениеттер бірлігі: V халықаралық тюркология конгресі баяндамалар жинағы. Түркістан: Қ.А. Ясауи атындағы халықаралық Қазақ-түрік университеті, 2013. Б. 664–669.
4. *Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Типология бронзовых бляшек с изображением всадников и лошадей в тюркских кочевниках Центральной Азии раннего средневековья // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири: сб. научн. тр. Под ред. В.И. Соёнова, В.П. Ойношева. Горно-Алтайск: Агентство по историко-культурному наследию, 2007. Вып. 6. С. 75–98.
5. *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М.: «Наука», 1983. 146 с.
6. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.–Л.: «Наука», 1965. 145 с.
7. *Гуркин С.В.* Кыпчаки и кимаки в IX – первой трети XI вв. // Донская археология. 2001. № 3-4. С. 24–37.
8. Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Темишева, А.М. Щербака. Л.: «Наука», 1969. XXXVIII. 714 с.
9. *Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К.* Проблема иконографических истоков половецкой скульптуры и особенное кыпчакское изваяние из урочища Кызлы // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2013. № 3 (289). С. 155–164.
10. *Железняков Б.А., Базылхан Н., Херманн Л.* Новый памятник древнетюркской письменности в горах Кульжабасы (предварительное чтение) // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2013. Вып. 3(289). С. 147–155.
11. *Касанов З.И., Кан Г.В., Рогожинский А.Е.* Символы тюркской эпохи. Алматы: ТОО «Service Press», 2017. 304 с.

12. Киргизско-русский словарь (Кыргызча-орусча сөздүк): в двух кн. / сост. К.К. Юдахин. Фрунзе: Сов. энциклопедия, 1985. Кн. 2: Л–Я. 480 с.
13. *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
14. *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: «Наука», 2006. 591 с.
15. *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: «Наука», 1980. 170 с.
16. *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: «Наука», 1997. 303 с.
17. *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: «Наука», 2008. 342 с.
18. *Кубарев Г.В.* Раннесредневековые тамги Калбак-Таша I и их исторический контекст // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Горно-Алтайск, 2018. С. 33–39.
19. *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М.: Вост. лит-ра, 1994. 327 с.
20. *Кызласов И.Л.* Новости тюркской рунологии. М.: Гуманитарий, 2003. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-таш (Горный Алтай). 112 с.
21. *Кызласов И.Л.* Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (в кратком изложении) // Историко-культурное наследие и современная культура: сб. матер. междунар. научн.-практ. семинара (г. Алматы, 30 ноября 2012). Алматы: «Service Press», 2012. С. 40–44.
22. *Махмұд ал-Қайсарӣ.* Дивъан Лугāt ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой; индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
23. *Махмұд ал-Қайсарӣ.* Дивъан Лугāt ат-Турк (Свод тюркских слов) / пер. с арабск. А.Р. Рустомова; под ред. И.В. Кормушина; прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустомова. М.: Вост. лит-ра РАН, 2010. Т. 1. 461 с.
24. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Тип. Имп. АН, 1905. Т III. Ч. 1. Стб. 1–1260.
25. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Тип. Имп. АН, 1911. Т. IV. Ч. 1. Стб. 1–1116, 107 с.
26. *Рогожинский А.Е.* Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. матер. междунар. научн. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 329–344.
27. *Рогожинский А.Е.* Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей Казахской степи // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): матер. междунар. конф. Под ред. В.В. Боброва. Кемерово, 2016. С. 53–63.
28. *Рогожинский А.Е., Кызласов И.Л.* Руническая надпись ущелья Жаксылыксай (Семиречье) // Маргулановские чтения – 2011 (г. Астана, 20–22 апреля 2011). Астана, 2011. С. 330–334.
29. *Сала Р., Деом Ж.-М.* Наскальные изображения Южного Казахстана. Алматы: «Лаборатория геоархеологии», 2005. 150 с.
30. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: «Наука», 1974. 767 с.
31. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: «Наука», 2006. 908 с.
32. *Тишин В.В.* Древнетюркские рунические надписи из Восточного и Юго-Восточного Казахстана (Койтубек, Тамгалы, Актерек, Кулжабасы I, Кулжабасы II) //

Историческая мозаика Евразии: сб. ст. к 70-летию Д.Д. Васильева / сост. Т.А. Анисеева, А.Д. Васильев, О.М. Курникова, Т.А. Филиппова. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2017. С. 244–259.

33. Тишин В.В. К прочтению древнетюркской рунической надписи Кулжабасы I из Жетысу // Комплексный подход в изучении природы, общества и человека: сб. докл. междунар. научн. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося ученого-этнолога С.М. Абрамзона (г. Бишкек, 16–17 мая 2015). Отв. ред. М.А. Зенько-Немчинова, С.С. Иванов Бишкек, 2015. С. 133–138.

34. Тишин В.В. Некоторые вопросы изучения тамг кочевников Центральной Азии древнетюркского времени // Труды Института востоковедения РАН. 2018. Вып. 7. Тюркские кочевники в Азии и Европе (Цивилизационные аспекты истории и культуры). С. 101–113.

35. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~«Г») и «Қ» (~«Қ» ~«К»). Вып. первый. М.: «Языки русской культуры», 1997. 368 с.

36. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~«Г») и «Қ» (~«Қ» ~«К»). М.: «Индрик», 2000. Вып. второй. Отв. ред. Г.Ф. Благова. 261 с.

37. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / отв. ред. Г.Ф. Благова. М.: Восточная литература РАН, 2003. 446 с.

38. Alimov R. Koçkor'daki Türgeş Yazıtları // İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2003. Sayı 1. S. 13–43.

39. Alimov R. Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme. Konya: Kömen Yayınları, 2014. (5), 262 s.

40. Alimov R. Talas Yazıtları: İşaret Kadrosuyla İlgili Bazı Düzeltmeler (2. Talas Yazıtı Örneğinde) // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten. 2017. Cilt. 65. Sayı 1. S. 129–144.

41. Bazilkhan N. Kazakistan'da Bulunan Göktürk Yazıtları Hakkında // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. 2014. Sayı 3/2. S. 1–12.

42. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. XLVIII, 989 p.

43. Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991 (Turcologica. Bd. 7). Vol. I–II. XIV, 874 p.

44. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston: Brill, 2004 (Handbook of Oriental Studies, Section 8 Uralic & Central Asia. Vol. 3). XII, 575 p.

45. Gabain A. (von) Alttürkische Grammatik. Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. Mit vier Schrifttafeln und sieben Schriftproben. 2. verbesserte Auflage. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. XVIII, 357, [18] S.

46. Maḥmūd al-Kāshyārī. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk) / ed. and transl. with Introduction and Indices by R. Dankoff in collaboration with J. Kelly. Cambridge, Mass.: Harvard University Office of the University Publisher, 1982. Pt. I. XI, 416 p.

47. Mert A. Kutadgu Bilig Nüshalarının Eskiçillik Açısından Karşılaştırılması // BİLİG Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi. 2017. Sayı 80. S. 179–215.

48. Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. XXXV, 841 S.

49. Sala R., Deom J.-M. Spatial analysis of the Kuljabasy Archaeological Complex // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района. Алматы: ТОО «Litera», 2016. С. 73–87.

50. Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington; The Hague: Mouton & Co, 1968. 419 p.

51. *Tuna O.N.* Eski Doğu Türk Yazısında Kullanılan Ligatürler ve Bunlarla İlgili Bazı meseleler Hakkında // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1990. Ankara, 1994. S. 207–222.

52. *Yıldırım F., Aydın E., Alimov R.* Yenisey–Kırgızistan Yazıtları ve Irk Bitig. Ankara: BilgeSu, 2013. 512 s.

Сведения об авторах:

Рогожинский Алексей Евгеньевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-реставрационная лаборатория ТОО «Остров Крым», (г. Алматы, Казахстан); alexeyro@hotmail.com

Тишин Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии РАН (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Российская Федерация); tihij-511@mail.ru

КӨНЕ ТҮРКІ РУНИКАЛЫҚ ЖАЗУЛАРЫ ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ ҚҰЛЖАБАСЫ ТАУЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ МӘНМӘТІНДЕРІ

А.Е. Рогожинский, В.В. Тишин

Мақалада Құлжабасы I және Құлжабасы II көне түркі руникалық жазуларын жаңа тұрғыда оқудың талпынысы беріледі және жинақталған мәліметтерді сараптаудың негізінде оларды мерзімдеу мен белгілеудің мүмкіндіктерді талқыланады. Авторлар жазулардың ерекшеліктері мен оларды табудың археологиялық мәнмәтінін сараптайды. Құлжабасы жазуларының графикалық қорларының көне түркі жазба ескерткіштерінің жалпы мәнмәтіндегі азиаттық таралу аймағындағы ерекшеліктерін көрсетуге ұмтылыс байқалады. Құлжабасы тауларының археологиялық ландшафтының құрамындағы екі руникалық жазбалар ортағасырлық ескерткіштердің оқшауланған ауданында (көшпенділердің қыстауларында, обаларда, мүсіндері бар жерлеу қоршауларында, «беделді» тақырыптардың петроглифтері), біртегісті белгілермен (тамға) тасқа салынған бейнелермен белгіленген ірі қоныстарға жақын болуымен ерекшеленеді. Құлжабасы I археологиялық мәнмәтіні жазуды VIII ғ. екінші жартысынан кейін немесе IX–X ғғ. деп мерзімдеуге мүмкіндік береді. Қарлұқтардың тайпалық бірлестігінің бір типті белгілерімен бірегейлікке жатқызылады деген ұйғарымға келеді.

Түйін сөздер: археология, Жетісу, көне түркі руникалық жазулары, археологиялық мәнмәтін, тамға, петроглифтер, қарлұқтар

OLD TURKIC RUNIC INSCRIPTIONS AND ITS ARCHAEOLOGICAL CONTEXTS IN THE KULZHABASY MOUNTAINS

A.E. Rogozhinskiy, V.V. Tishin

This article proposes a new translation of two Old Turkic runic inscriptions Kuljabasy I and Kuljabasy II, and discusses some possibilities of their dating and attribution based on a comprehensive analysis of the available material. The analysis is based not only on individual characteristics of the inscriptions but also takes into consideration the archaeological context of their location. The article aims to identify typical graphical features of Kuljabasy inscriptions, in the general context of Old Turkic runic writing monuments of the Asian area. Within the archaeological landscape of the Kuljabasy Mountains, both runic inscriptions are localized in two separate areas of concentration of medieval monuments (such as winter camps of nomads, burial grounds, ritual fences with statues, petroglyphs of “prestigious” themes), near large settlements marked with petroglyphs of similar signs (tamga). The archaeological context of Kuljabasy I allows dating the inscription no earlier than the second half of the 8th century or 9–10th centuries. Based on presented analysis it can be assumed that the identity signs of the same type (tamga № 1 and 4) belong to the Karluk tribal association.

Keywords: archaeology, Jetyusu, Old Turkic runic inscriptions, archaeological context, tamga, petroglyphs, Karluk

REFERENCES

1. Batmanov, I. A. 1971. *Talasskie pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti (Talas monuments of ancient Turkic writing)*. Frunze: Ilim (in Russian).
2. Bazyľhan, N. 2013. In *Rossijskaja tjurkologija (Russian Turkology)*, 2 (9), 95-105 (in Russian).
3. Bazyľhan, N., Zheleznjakov, B. A., Hermani, L., Jambulatov, K. 2013. In *V International Congress of Turkology*. Turkestan: Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University Publ., 664–669 (in Russian).
4. Borisenko, A. Ju., Hudjakov, Ju. S. 2007. In Soyonov, V. I., Oynoshev, V.P. (ed.). *Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledija narodov Juzhnoj Sibiri (The study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia)*, 6. Gorno-Altajsk, 75–98 (in Russian).
5. Vasil'ev, D. D. 1983. *Graficheskij fond pamjatnikov tjurkskoj runicheskoj pis'mennosti Aziatskogo areala (opyt sistematizacii) (Graphic fund of monuments of the Turkic runic writing of the Asian area (experience of systematization))*. Moscow: «Nauka» (in Russian).
6. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrga kak istochnik po istorii altajskih plemyon (Burial Kudyrga as a source on the history of the Altay tribes)*. Moscow–Leningrad: «Nauka» (in Russian).
7. Gurkin, S. V. 2001. In *Donskaja arheologija (Don archaeology)*, 3-4, 24-37.
8. *Drevnetjurkskij slovar' (Ancient Turkic dictionary)*. 1969. Nadeljaeva, V. M., Nasilova, D. M., Tenisheva, Je. R., Shherbaka, A. M. (ed.). Leningrad: «Nauka», XXXVIII (in Russian).
9. Ermolenko, L. N., Kurmankulov, J. K. 2013. In *Izvestija NAN RK. Ser. obshhestv. nauk. (Proceedings of the National Academy of Sciences. Social Science Series)*, 3 (289), 155-164 (in Russian).
10. Zheleznjakov, B. A., Bazyľhan, N., Hermann, L. 2013. In *Izvestija NAN RK. Ser. obshch. i gum. nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. A series of social sciences and humanities)*, 3 (289), 147-155 (in Russian).
11. Kasanov, Z. I., Kan, G. V., Rogozhinskiy, A. E. 2017. *Simvoly tjurkskoj jepohi (Symbols of the Turkic era)*. Almaty: TOO «Service Press» (in Russian).
12. *Kirgizsko-russkij slovar' (Kyrgyz-Russian Dictionary)*. 1985. Frunze: Sov. Jenciklopedija (in Russian).
13. Klyashtorny, S. G. 2003. *Istorija Central'noj Azii i pamjatniki runicheskogo pis'ma (History of Central Asia and the monuments of runic letters)*. Saint Petersburg: Philology faculty Saint Petersburg State University (in Russian).
14. Klyashtorny, S. G. 2006. *Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti i jetnokul'turnaja istorija Central'noj Azii (Monuments of ancient Turkic writing and the ethnocultural history of Central Asia)*. Saint Petersburg: «Nauka» (in Russian).
15. Kononov, A. N. 1980. *Grammatika jazyka tjurkskih runicheskikh pamjatnikov VII–IX vv. (The grammar of the language of Turkic runic monuments of the VIIth–IXth centuries)*. Leningrad: «Nauka» Publ. (in Russian).
16. Kormushin, I. V. 1997. *Tjurkskie enisejskie jepitafii. Teksty i issledovanija Turkic Yenisei epitaphs. Texts and studies*, Moscow: «Nauka» Publ. (in Russian).
17. Kormushin, I. V. 2008. *Tjurkskie enisejskie jepitafii: grammatika, tekstologija (Turkic Yenisei epitaphs: grammar, textual)*. Moscow: «Nauka» Publ. (in Russian).
18. Kubarev, G. V. 2018. In *Znachenie prirodnogo i kul'turnogo nasledija v sovremenom obshhestve (The value of natural and cultural heritage in modern society)*. Gorno-Altajsk, 33-39.
19. Kyzlasov, I. L. 1994. *Runicheskie pis'mennosti evrazijskikh stepej (Runic writing Eurasian steppes)*, Moscow: Vost. lit-ra Publ. (in Russian).
20. Kyzlasov, I. L. 2003. *Novosti tyurkskoj runologii (News of Turkic Runology)*, 1 (in Russian).

21. Kyzlasov, I. L. 2012. In *Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennaja kul'tura* (Historical and cultural heritage and modern culture). Almaty: Service Press, 40-44 (in Russian).

22. Maḥmūd al-Ḳāshgarū. 2005. *Dūvān Lugāt at-Turk*. Aujezova, Z.-A. M. (per., predisl. i komment.); Jermersom, R. (indeksy), Almaty: Dajk-Press Publ.

23. Maḥmūd al-Ḳāshgarū. 2010. *Dūvān Lugāt at-Turk* (Svod tjurkskih slov) Rustamova, A. R. (per. s arabsk.); Kormushina, I. V. (red.); Kormushina, I. V., Poceluevskogo, E. A., Rustamova, A. R. (prim.). Moscow: Vost. lit-ra RAN, 1 (in Russian).

24. Radlov, V. V. 1905. *Opyt slovarja tjurkskih narechij* (Experience dictionary of Turkic dialects), III, Ch. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1–1260.

25. Radlov, V. V. 1911. *Opyt slovarja tjurkskih narechij* (Experience dictionary of Turkic dialects), IV, Ch. 1, Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1–1116 (in Russian).

26. Rogozhinskiy, A. E. 2010. In *Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo nasledija Kazahstana. Nauchnye chtenija pamjati N. Je. Masanova* (The role of nomads in shaping the cultural heritage of Kazakhstan. Scientific readings in memory of N.E. Masanov). Almaty: Print-S Publ., 329-344 (in Russian).

27. Rogozhinskiy, A. E. 2016. In Bobrov, V. V. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Central'noj Azii* (problemy interpretacii i sohraneniya) (Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)). Kemerovo, 53-63 (in Russian).

28. Rogozhinskiy, A. E., Kyzlasov, I. L. 2011. In Margulanovskie chtenija – 2011 (Margulan Readings - 2011). Astana, 330-334 (in Russian).

29. Sala, R., Deom, Zh.-M. 2005. *Naskal'nye izobrazhenija Juzhnogo Kazahstana* (Rock paintings of South Kazakhstan). Almaty: «Laboratorija geoarheologii» (in Russian).

30. Sevortyan, Je. V. 1974. *Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov* (Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na glasnye) (Etymological dictionary of Turkic languages (common Turkic and inter-Turkic bases for vowels)). Moscow: «Nauka» Publ. (in Russian).

31. *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Prattjurkskij jazyk-osnova. Kartina mira prattjurkskogo jetnosa po dannym jazyka* (Comparative historical grammar of Turkic languages. Pra-Türkic language basis. Picture of the world of the pra-Türkic ethnos according to the language). 2006. Tenishev, Je. R., Dybo, A. V. (ed.). Moscow: «Nauka» Publ. (in Russian).

32. Tishin, V. V. 2015. In Zen'ko-Nemchinova, M. A., Ivanov, S. S. (ed.). *Kompleksnyj podhod v izuchenii prirody, obshhestva i cheloveka* (An integrated approach to the study of nature, society and man). Bishkek, 133-138 (in Russian).

33. Tishin, V. V. 2017. In Anikeeva, T. A., Vasil'ev, A. D., Kurnikova, O. M., Filipova, T. A. (sost.). *Istoricheskaja mozaika Evrazii* (Historical mosaic of Eurasia). Moscow: PROBEL-2000, 244-259 (in Russian).

34. Tishin, V. V. 2018. In *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN* (Proceedings of the Institute of Oriental Studies RAS), 7, 101-113 (in Russian).

35. *Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov: Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie leksicheskie osnovy na bukvy «K» (~«G») i «K» (~«Ḳ») (~«K»)*. Vypusk pervyj (Etymological dictionary of Turkic languages: General Turkic and inter-Turkic lexical bases on the letters «K» (~«G») i «K» (~«Ḳ») (~«K»). 1997, 1. Moscow: “Jazyki russkoj kul'tury” Publ. (in Russian).

36. *Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov: Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie leksicheskie osnovy na bukvy «K» (~«G») i «K» (~«Ḳ») (~«K»)* (Etymological dictionary of Turkic languages: General Turkic and inter-Turkic lexical bases on the letters “K” (~“G”) and “Ḳ” (~“G”) (~“K”). 2000. Moscow: “Indrik” Publ., 2 (in Russian).

37. *Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na bukvy «L», «M», «N», «P», «S»* (Etymological dictionary of Turkic languages: General Turkic and inter-Turkic lexical bases on the letters «L», «M», «N», «P», «S»). 2003. Blagova, G. F. (ed.). Moscow: Vostochnaja literatura RAN (in Russian).

38. Alimov, R. 2003. In *İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 1, 13–43 (in Turkish).
39. Alimov, R. 2014. *Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme*. Konya: Kömen Yayınları, 5 (in Turkish).
40. Alimov, R. 2017. In *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten*, Cilt. 65, Sayı 1, 129–144 (in Turkish).
41. Bazilkhan, N. 2014. In *Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi*, 3/2, 1–12 (in Turkish).
42. Clauson, G. 1972. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, XLVIII (in English).
43. Erdal, M. 1991. *Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon*. Wiesbaden: Harrassowitz (Turcologica. Bd. 7), I–II, XIV (in English).
44. Erdal, M. 2004. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill (Handbook of Oriental Studies, Section 8 Uralic & Central Asia. Vol. 3), XII.
45. Gabain, A. (von) 1950. *Alttürkische Grammatik. Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. Mit vier Schrifttafeln und sieben Schriftproben. 2. verbesserte Auflage*. Leipzig: Otto Harrassowitz, XVIII, 357.
46. Maḥmūd al-Kāshārī. 1982. *Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk) / ed. and transl. with Introduction and Indices by R. Dankoff in collaboration with J. Kelly*. Cambridge, Mass.: Harvard University Office of the University Publisher, I. XI.
47. Mert, A. 2017. In *BİLİG Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi*. 2017, 80, 179–215 (in Turkish).
48. Rybatzki, V. 2006. *Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung*. Helsinki: Yliopistopaino Oy, XXXV.
49. Sala, R., Deom, J.-M. 2016. In *Antiquities Jetysu. Monuments of archeology of Jambyl region*. Алматы: «Litera», 73–87.
50. Tekin T. 1968. *A Grammar of Orkhon Turkic*. Bloomington; The Hague: Mouton & Co.
51. Tuna O.N. 1994. In *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten*. Ankara, 207–222 (in Turkish).
52. Yıldırım, F., Aydın, E., Alimov, R. 2013. *Yenisey-Kirgizistan Yazıtları ve Irk Bitig*. Ankara: BilgeSu (in Turkish).

About the Authors:

Rogozhinskiy Alexey E. Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Scientific and Restoration Laboratory of “Ostrov Krym” LLP, Almaty, Kazakhstan; alexeyro@hotmail.com

Tishin Vladimir V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Mongolian Studies, Buddhismology and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude, Russia; tihij-511@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 22.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 25.10.2018.

КОГДА ПРЕКРАТИЛ СУЩЕСТВОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД ШАВГАР ИЛИ НОВЫЕ ДАННЫЕ К ХРОНОЛОГИИ ВЕРХНИХ СЛОЕВ ГОРОДИЩА ШОЙТОБЕ (Туркестанский оазис)

© 2018 г. Е.А. Смагулов, П.Н. Петров, А.А. Ержигитова

Начало системных археологических работ на городище Шойтобе (Туркестанский оазис) ознаменовалось существенным пополнением новыми данными по хронологии верхнего строительного горизонта (ВСГ). Стратиграфические и топографические исследования, начатые на городище, окончательно убеждают в том, что город, существовавший на этом месте, прекратил свое существование в первое десятилетие XIV в. Это городище по всем основным параметрам единственное в регионе, которое может быть соотнесено с историческим городом Шавгар, средневековой столицей округа. Об этом красноречиво свидетельствуют как комплекс глазурованной керамики, так и нумизматическая коллекция, полученная в ходе раскопок на шахристане.

Ключевые слова: археология, городище, культурный слой, строительный горизонт, керамический комплекс, шахристан, фалс, дирхам, монета, Кайдуиды, Угеиды, Чагатаиды

В связи с переносом административного центра Южно-Казахстанской области в г. Туркестан его стационарные памятники историко-культурного наследия – городища, мавзолеи, некрополи и т.п. приобретают новое значение. Сакральные объекты духовной культуры и истории народа с большой вероятностью могут оказаться в зоне освоения новых территорий под строительные нужды со всеми вытекающими последствиями. В то время как повсеместно наблюдается повышенный интерес к памятникам истории и археологии, новые перспективы г. Туркестан могут повлечь и новые угрозы памятникам его прошлого. А если учесть, что границы Зон охраны памятников, будь то святой мазар или

средневековое городище, определялись многие десятилетия назад, когда точно документировать территориальные масштабы памятников порой было невозможно, то эти угрозы становятся и вовсе реальными. Зачастую уже утвержденные Зоны охраны, которые закреплены «Госактами землепользования», фактически включают лишь небольшую часть памятника, оставляя его основную площадь вне охранной Зоны. Поэтому над большей частью памятников нависает угроза «законного» уничтожения. Одним из таких крупнейших памятников является городище Шойтобе (координаты: 43°14'33.272"; 68°01'45.568"). Городище расположено в 6,5 км к ЮВ от мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави (рис. 1).

Рис. 1. Аэрофото городища Шойтобе. Фото авторов
Fig. 1. Aerial photo of the site of Shoytobe. Author's photo

Со времен работ ЮКАЭ (под руководством А.Н. Бернштама) здесь вполне аргументированно локализуется исторический город Шавгар, отождествляемый со столицей вилайата, центром общественно-политической жизни в этом регионе в IX–XII вв. В связи с разработкой нового Генплана г. Туркестан как административного центра области, у Шойтобе есть перспектива со временем оказаться в непосредственной близости к центру новой агломерации и стать ее оригинальной достопримечательностью, или утратить большую часть своей территории. Учитывая эту перспективу, Туркестанской археологической экспедицией (ТАЭ) Института археологии им. А.Х. Маргулана начаты стационарные археологические исследования этого городища.

По данным историографии региона наиболее трудно решаемым

оказался вопрос локализации средневековых городов Яссы и Шавгара. Эти топонимы и города волею исследователей оказались взаимоувязаны. По сведениям арабо-персидских средневековых письменных источников столицей округа, расположенного между Отраром и Саураном, называется город Шавгар. При его локализации обычно приводят сведения географа X в. Аль-Истахри, который писал: «...от Кадара [главный город округа Фараб – прим. авт.] до Шавагара день пути. От Шавагара до Сабрана [Саурана – прим. авт.] легкий дневной переход» [Агеева, Пацевич, 1958, с. 94]. Опираясь на подобные сведения, основоположник среднеазиатской медиевистики академик В.В. Бартольд поместил город Шавгар «приблизительно» на месте современного города Туркестан. При этом он отметил, что «...к сожалению, не найдено каких-либо остатков

этого поселения» [Бартольд, 1965, т. III, с. 520]. Не знакомый с реальной топографией Туркестанского района, В.В. Бартольд был очень осторожен в своих локализациях. В другом месте он писал, что Шавгар «...по местоположению приблизительно соответствует нынешнему городу Туркестан» [Бартольд, 1965, т. III, с. 225; 1968, т. V, с. 117]. Поэтому при рассмотрении вопросов локализации известных в регионе городов Шавгар, Яссы и Туркестан недостаточно опираться только на скудные данные письменных источников. Тем более, на их трактовку специалистами не знакомыми с реальной топографией конкретной местности.

Первый археолог, реально изучивший в 1928 г. окрестности мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави, усомнился в предположениях В.В. Бартольда. Основатель среднеазиатской археологической школы Михаил Евгеньевич Массон отметил отсутствие на городище Туркестан (Ески Туркестан) археологических слоев и материалов ранее XII в. Эти слои он предполагал лишь на территории к югу от мавзолея, где он и локализовал поселение Яссы, «упоминаемое в исторической литературе с эпохи монгольского завоевания» [Массон, 1929, с. 40; Умняков, 1929, с. 32]. Значит поблизости от мавзолея не остается места для локализации еще одного крупного города, так что для исторического Шавгара надо было искать другое место расположения.

Первые сплошные археологические обследования Туркестанского района, проведенные ЮКАЭ, позволили более конкретно локализовать Шавгар письменных источников. В 6 км к ЮВ от городища Туркестан было обнаружено городище Шойтобе (рис. 1). Ряд топографических при-

знаков и отсутствие на поверхности памятника массовых находок, датированных временем, когда упоминания о Шавгаре исчезают со страниц письменных источников (XIII–XIV вв.), позволили отождествить городище Шойтобе с остатками исторического города Шавгар. А.Н. Бернштам вполне обоснованно и конкретно поместил Шавгар на городище Шойтобе. Он писал по этому поводу: «Чуй-тобе [Шойтобе – прим. авт.] имеет большее право претендовать на родство с Шавгаром-Ясы и по характеру подъемного материала, и по плану сравнительно с городищем, где стоит мавзолей [т.е. с городищем Ески Туркестан – прим. авт.]. Последнее следует рассматривать в связи с монголо-тимуридским Туркестаном» [Бернштам, 1950, с. 81]. Эту локализацию поддержали Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич [Агеева, Пацевич, 1958, с. 94–95] и первоначально К.М. Байпаков [Байпаков, 1994, с. 293–294].

При этом А.Н. Бернштам, похоже, совершал другую ошибку, отождествляя города Яссы и Шавгар. Ранее А.И. Добросмыслов однозначно писал, что на месте нынешнего Туркестана в домонгольское время находилось незначительное поселение Яссы [Добросмыслов, 1912, с. 108]. А по уточнению И.И. Умнякова М.Е. Массон считал, что на месте Туркестана нужно искать остатки города Яссы, но не в районе мавзолея или цитадели позднесредневекового периода, а несколько южнее [Умняков, 1929, с. 32]. В дальнейшем находки в обнажениях культурного слоя под холмом Культобе (в 500 м к югу от ханаки Ходжи Ахмеда Ясави) подтвердили это предположение. Появились аргументы для точной локализации ранних слоев на юго-восточной окраине обширной территории позднесредневекового

городища Ески Туркестан [Сенигова, Бурнашева, 1977, с. 54].

Но лишь стратиграфические исследования, проведенные здесь в начале 1980-х гг., вскрыли толщу культурных наслоений, датируемых от середины I тыс. н.э. до начала XIV в., и тем самым окончательно было установлено, что город Яссы-Туркестан имел самостоятельную историческую судьбу и его древнему и раннему этапу соответствует археологический комплекс слоев под холмом Культобе на юго-восточной окраине городища Ески Туркестан, т.е. позднесредневекового Туркестана [Смагулов, 1988; 1994, с. 268–273]. Здесь археологическими исследованиями последних лет открыто здание замка и часть крепостной стены древней цитадели, получен комплекс древнейших находок, и тем самым нижняя граница стратиграфической шкалы Культобе может быть «отодвинута» в I–II вв. н.э. (или же II–I вв. до н.э.?). Верхнюю хронологическую границу существования древней цитадели можно связать с находками кушанских монет середины II в. н.э. [Смагулов, 2013; Смагулов, Ержигитова, 2013, с. 60–75].

Естественно, что теперь не остается сомнений в локализации города Шавгар на городище Шойтобе, поскольку в районе нет другого археологического памятника, подходящего на роль «столичного» города округа. Имеющиеся археологические материалы и наблюдения не противоречат этому предположению.

Анализ подъемного материала с городища показал, что город здесь сформировался в VII–VIII вв. и дожил до XI–XII вв. [Байпаков, 1994, с. 294]. Однако К.М. Байпаков в последнее время изменил ранее принятую им точку зрения [Байпаков, 1986, с. 26] и предпринял попытку, опровергая

А.Н. Бернштама, локализовать Шавгар на месте городища Торткуль 1 на р. Карачик [Байпаков, 2004, с. 40–43]. При этом автор опирается на ошибочные представления о том, что городище Торткуль 1 по своим основным параметрам более значительно, чем городище Шойтобе. Простое сопоставление этих параметров обоих городищ говорит в пользу Шойтобе как более значимого средневекового городища [Смагулов, 2017, с. 160–161]. А если упомянуть руины бани-хаммам, обнаруженной у основания «цитадели», то шансы Шойтобе оказаться развалинами именно «столичного» города оказываются более значительными.

К тому же, возможно, недостаточно детальная публикация новых материалов по Шойтобе могла способствовать формированию представления о том, что слой IX–XII вв. здесь практически отсутствует, а топография памятника и облик материальной культуры верхнего слоя «аналогичны городищу Кок-Мардан в Отрарском оазисе и Жуантобе на средней Арыси» [Байпаков, 2004, с. 41]. Но имеющиеся и вновь полученные реальные археологические материалы и наблюдения противоречат этим выводам.

Топография. В настоящее время топографически наиболее выразительная часть городища Шойтобе представляет собой двухъярусный бугор неправильной овальной формы, вытянутый с запада на восток, размерами 400×275 м (рис. 1). (Условимся называть эту часть «шахристаном»). Примерно в середине южной стороны возвышенности шахристана поднимается мощный бугор цитадели городища. Он также несколько вытянут по оси с запада на восток и имеет площадь в основании 190×135 м, высотой до 12 м. Верхняя площадка плоская, диаметром около 60 м.

С севера и запада вокруг цитадели - пониженная территория, заливаемая ныне вешними тальми и дождевыми водами. Далее расположены участки с массивами застройки шахристана и по всему внешнему периметру (1200 м) его просматриваются развалы крепостной стены с регулярно расположенными небольшими холмиками, вероятно, руинами крепостных башен. С наружной стороны крепостной стены устроен крепостной ров. Следы его хорошо фиксируются в топографии памятника.

Таким образом, шахристан охватывает основной холм/цитадель городища с востока, севера и запада. Более плотная застройка наблюдается в ее восточной части, здесь она высотой – 3,0–3,5 м, а площадь 170×150 м. То есть здесь более мощные культурные отложения.

Обследование окрестностей Шойтобе и анализ крупномасштабных аэрофотоснимков местности показал, что с северной, северо-восточной, южной сторон к стенам шахристана примыкают возвышенные участки неправильной формы со следами застройки. Они прослеживаются во все стороны на расстояние 200–600 м от стен шахристана. Эта территория, по всей видимости, не имела самостоятельной системы укреплений. В 600 м и 1200 м к востоку от центра цитадели Шойтобе эти возвышенности более выражены. На них можно поднимать редкие здесь фрагменты керамики. Более многочисленны находки подъемной керамики на местности в 400–500 м к ЮВ от стен шахристана. Здесь наблюдается скопление разновысоких и разноплановых по конфигурации холмов явно искусственного происхождения на участке четырехугольной формы размерами 400×380 м. Высота их составляет от 1,0 до 3,0 м.

На этой территории есть пониженные незастроенные участки.

Первоначально, около 20 лет назад, мы характеризовали этот участок как «городище Шойтобе II», полагая, что только здесь локализуются слои XIII–XIV вв. [Смагулов, 1999, с. 75, 78, рис. 1]. Теперь же, после проведенных дополнительных наземных обследований, использования дрона для аэрофотофиксации, анализа ставшей доступной космосъемки, мы убеждаемся, что площадь застройки вокруг всего шахристана Шойтобе была в несколько раз обширней и охватывала основное городище практически со всех сторон, занимая территорию площадью примерно 1000×900 м (рис. 2).

Нами была предложена рабочая гипотеза, что после разгрома города (хорезмшахом?) и последовавшего монгольского завоевания региона выселившиеся жители основали новое поселение вокруг развалин старого города. Это поселение просуществовало недолго в рамках второй половины XIII – начала XIV в., а потом, в условиях обострившейся в регионе дестабилизации политической обстановки, жители переселились в быстро росший в это время (XIV–XV вв.) город Яссы (Туркестан). Как известно, некоторое достаточно краткое время после монгольского завоевания города Средней Азии не имели крепостных стен. Что мы и видим на данном поселении. По требованию монгольских правителей в покоренных странах разрушались крепостные стены городов, так как это облегчало управление «взнузданными народами».

Проверить эту гипотезу можно только с помощью нового цикла археологических исследований. Для этого на восточной окраине шахристана разбит раскоп № 4. Общая площадь его 20×15 м. Он расположен так, что

Рис. 2. Космоснимок окрестностей Шойтобе с примерными границами городища XIII–XIV вв.

Fig. 2. Space photograph of the neighborhoods of Shoytobe with approximate boundaries of the ancient settlement of the XIII–XIV centuries

охватывает склон холма до основания и участок 15×15 м внутренней застройки. При снятии на этом участке первого штыка были зафиксированы следы оснований двух тандыров. Еще два тандыра и слабо выраженные глинобитные и сырцовые стены 6–7 помещений зафиксированы при снятии второго штыка. Сохранность стен и внутренних конструкций в помещениях, ограниченность площади раскопа (только два помещения попали в рас-

коп полностью), не позволяют полно и в деталях представить планировку застройки на этом «пристенном» участке городища по уровню ВСГ. Но совершенно ясно, что здесь мы имеем застройку вполне ординарными жилыми комплексами (жилищами) из 2–3 помещений, вплотную пристроенных к крепостной стене. В основном помещении жилища была обширная суфа, занимавшая большую часть пола помещения, с тандыром в ней. Внутри, у

входа в помещение устраивалась площадка, зачастую вымощенная целыми или обломками жженных квадратных кирпичей. Под вымосткой в центре площадки делался ташнау – небольшой колодец с устьем, перекрытым кирпичом, для слива грязной воды. Тандыр (диаметр по основанию 0,60–0,75 м) устраивался так, что один его бок был у края суфы и в нем делалось или круглое отверстие-поддувала, или же небольшая топка в виде арочного отверстия на уровне пола. Топились они «по-черному»; дымоходы в суфах отсутствуют. Стенки тандыров были высотой до 0,5–0,6 м и изнутри они «украшены» врезанными гребенкой линиями. Вход в это центральное жилое помещение вел через небольшую прихожую, которая использовалась для хранения дров и всякого хозяйственного инструментария. Здесь же устраивались ямы-хранилища, закрома. Другая кладовка обычна за зад-

ней стеной жилой комнаты. То есть перед нами жилища, тип которых окончательно сложился в XIV в. и стал основным в южной части Золотой Орды. Эти жилища существовали вплоть до нового времени и хорошо известны по раскопкам в Отраре, Туркестане, Сауране, Хорезме [Смагулов, 2010, с. 174–180].

При расчистке помещений была получена небольшая коллекция изделий из бронзы, кости, керамики (рис. 3). Самой массовой категорией находок были фрагменты разнообразных бытовых керамических сосудов. Керамический комплекс Шойтобе включает большое количество форм сосудов, отличающихся по материалу основы и технике орнаментации.

При упорядочивании шойтобинского керамического комплекса мы взяли за основу принципы и подходы систематизации массового керамического материала, разработанные и апробированные Н.М. Булатовым и Г.А. Федоровым-Давыдовым на материалах Нижнего Поволжья [Булатов, 1968, с. 95–109; Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 195] и примененные Г.В. Шишкиной в классификации глазурованной керамики Согда [Шишкина, 1979, с. 9–12]. Вся полученная из ВСГ Шойтобе керамика относится по составу основы черепка к классу лессово-глиняной или красноглиняной. Кашинные черепки нами не встречены в достаточном количестве, чтобы говорить о заметном присутствии в керамическом комплексе этого класса посуды. Хотя свидетельств местного производства красноглиняной глазурованной посуды уже получено предостаточно.

Рис. 3. Шойтобе, раскоп 4. Некоторые из находок 2018 г. ВСГ

Fig. 3. Shoytobe, excavation 4. Some of the finds from 2018. Upper construction horizon

Работа над керамикой Шойтобе только начата и сам комплекс пока не настолько массовый, что бы делать на основе его анализа широкие обобщающие выводы, но уже можно заключить, что красноглиняная керамика составляет основную массу бытовой керамической посуды, бывшей в употреблении жителями Шойтобе. Черепки в изломе имеют красно-коричнево-желтый цвет. Глина хорошо отмучена. Обжиг ее хороший, ровный по всей поверхности излома. В составе глины встречаются различные примеси.

По форме глазурованные сосуды – это блюда, различного типа чаши и тарелки, кувшины, светильники. Сосуды покрывались прозрачной свинцовой поливой. Окраска свинцовых полив, как известно, достигалась примесями главным образом окислов меди и железа, добавляемых в разных пропорциях и сочетаниях с другими веществами. По цвету глазури выделяются колористические отделы, а по технике исполнения декора/орнаментации характеризуются различные декоративные группы (или семейства). Тот или иной цвет красок и глазури достигался использованием в разных пропорциях особых минеральных красителей.

Есть основания предполагать, что придание сосуду того или иного цвета, которое достигалось окрашиванием, прежде всего, глазури (желтый, зеленый, красноватый, белый) было обусловлено стремлением сделать глиняные сосуды хотя бы по внешнему виду похожими на дорогую посуду из драгоценных металлов (золота, серебра), полудрагоценных минералов (нефрита, хрусталя, малахита и т.п.) и драгоценного фарфора. Городское население разного статуса и достатка стремилось и в этом подражать социальным верхам, которым были до-

ступны аутентичные предметы роскоши, индикаторы социального статуса. Глазуровались в основном сосуды столового назначения – блюда, блюдца, разного рода чашечки, кувшины и светильники.

Традиционно в Средней Азии производство глазурованной посуды оставалось в сфере ближневосточной гончарной традиции, хотя в послемонгольское время все сильнее стало проявляться влияние китайских ремесленных центров. Это относится как к технологической стороне, так и к художественному оформлению сосудов. Интересно, что в это время в обиходе одной семьи могли быть сосуды, изготовленные в разных художественно-технологических традициях, в которых глазурь и орнамент решены в различных цветовых гаммах.

В практически синхронных комплексах на сосудах открытых форм (блюда, чаши) можно различать две разные орнаментальные композиции – «зонная» и «концентрическая». В первом случае рисунок орнамента располагается в зонах, как бы расходящихся из центра дна. Концентрическая композиция предполагает небольшую круглую орнаментальную розетку в центре и 2–3 орнаментальных ленты вокруг неё. Такое разнообразие в художественно-декоративном облике массовой глазурованной керамики, естественно, говорит о многочисленности гончарных мастерских и разнообразии гончарных традиций, в которых они работали.

Наиболее многочисленна и выразительна группа керамики с гравировкой по белому ангобу и подглазурной росписью оттенками коричневого и зеленого цветов. Прозрачная глазурь при этом может быть различных желтоватых или зеленоватых оттенков. Для этой группы сосудов наи-

более характерна, если не исключительна, концентрическая композиция орнамента внутренней поверхности.

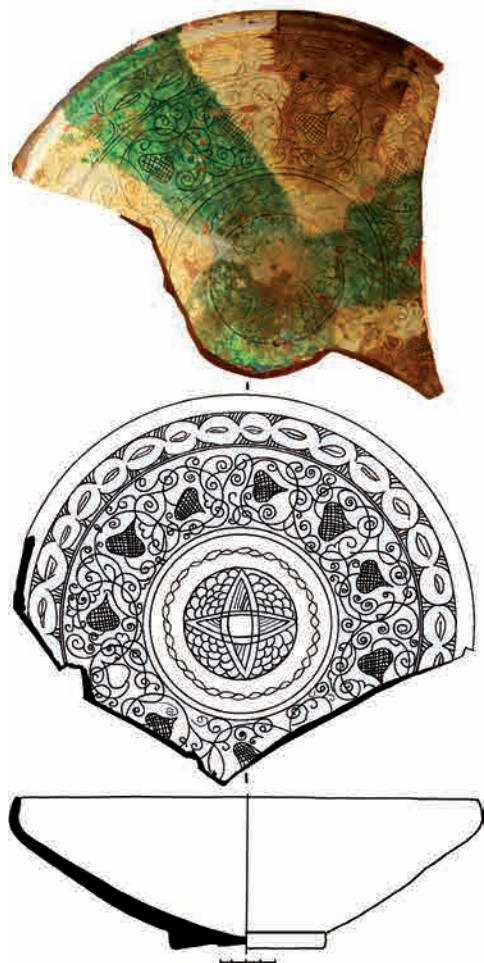

Рис. 4. Глазурованное блюдо из ВСГ Шойтобе

Fig. 4. Glazed dish from the upper building horizon Shoytobe

Наиболее показательное большое археологически целое блюдо (32 см в диаметре, высотой 10 см) (рис. 4). Оно на дисковидном поддоне и снаружи белый ангоб покрывает одну треть борта. На внутренней поверхности в центре расположена небольшая круглая розетка с четырех-лучевой фигурой,

вокруг которой - «чешуйчатое» заполнение. Четырех-лучевая крестовидная фигура в центре розетки весьма распространенный орнаментальный мотив в декоре шойтобинской глазурованной керамики (рис. 5). Ее окружает почти гладкая лента. Лишь по её середине обозначена «перевитая веревочка». Эту ленту окаймляет узкая гладкая полоска, которая отделяет от нее основную широкую орнаментальную ленту, плотно заполненную растительными завитками. Они в «ритме ислими»¹ образуют подобие чередующихся спиральных медальонов с заштрихованным листом в центре. Внешняя орнаментальная лента также отделена узкой гладкой полоской и заполнена ритмично чередующимися овальными фигурами на заштрихованном фоне.

«Четырехсторонность» круглому орнаментальному полю этого блюда придает крест, который широкими нарочито небрежными зелеными полосами перечеркивает всю поверхность блюда. Этот же мотив как бы намечен еще и широкими желто-коричневыми полосами в четырех секторах креста. Нельзя не отметить, что эта «крестовая» цветная орнаментальная тема как бы противоречит «растительной» теме главного концентрического пояса и всей прочерченной концентрической композиции. Но их объединяет четырех-лучевая фигура в центре всей орнаментальной композиции гравированного узора. Нельзя не заметить, что эта центральная орнаментальная фигура, по сути, состоит из двух наложенных друг на друга заостренно-листовидных/вытянуто-овальных элементов (рис. 4). Подобный элемент очень распространен в центральных розетках многих декоративных групп глазурованной керамики ВСГ Шойтобе (XII–XIII вв.) и

преимущественно в гра-
вированных по ангобу
орнаментах (рис. 5). Но,
например, на керамике из
ВСГ Кара-тобе он практи-
чески не известен [Сма-
гулов, 2011, с. 379–386,
рис. 70–80], как и на кера-
мике Чача [Брусенко, 1986,
с. 74]. А на глазурованной
керамике Согда этот мо-
тив хорошо известен, но
в иных композициях, и
трактуются исследователя-
ми как изображение рыбы
[Шишкина, 1979, с. 60].
Здесь рисунок рыбы уже
в X в. предельно схемати-
зируется и превращается в
вытянутый заостренный с
обоих концов овал, в лин-
зовидную фигуру [Шиш-
кина, 1979, табл. LXVIII,
4, 5, 6] (рис. 6).

В связи с публика-
цией оригинального блю-
да с рыбами из собрания
Государственного музея
Востока (г. Москва) се-
мантику и иконографию
этого образа достаточно
подробно рассматривала
Н.Ю. Вишневская [Виш-
невская, 2009, с. 338–341]. В частно-
сти, автор характеризует сюжет двух
рыб головами в противоположные
стороны на блюде (в круге) как усто-
явшуюся и широко распро-
страненную иконографическую схему. Из-
ображения двух рыб в средневековом
декоративном искусстве традиционно
трактуются как раннехристианский
символ. Общеизвестно, что образы
рыб встречаются в обширном регионе
распространения христианских идей

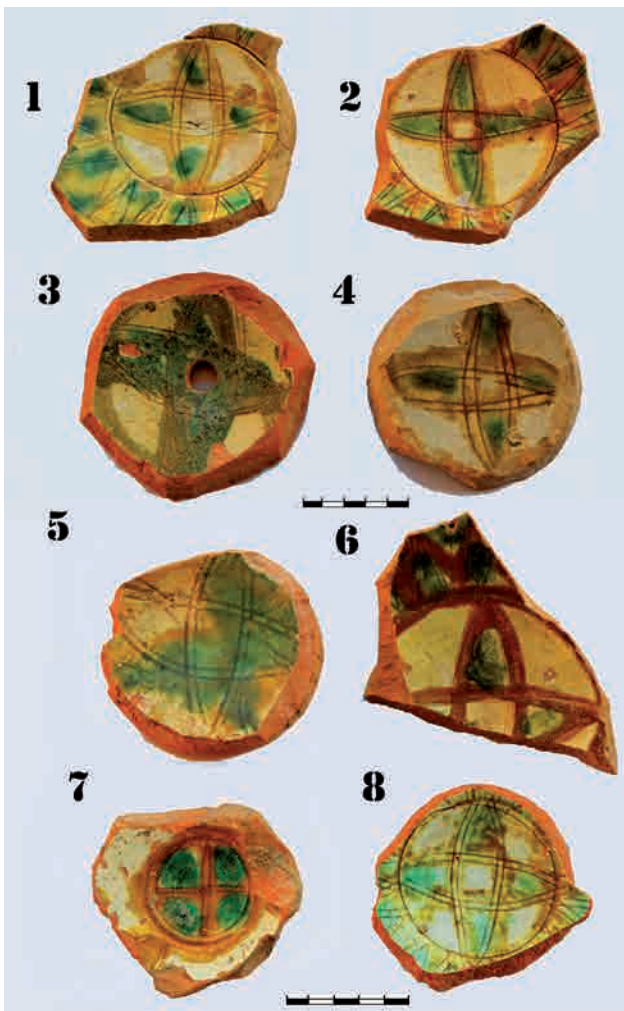

Рис. 5. Донца с крестообразным мотивом из ВСГ
Fig. 5. Vessel bottoms with cruciform motif from the upper
building horizon

и связаны с евангельскими сюжета-
ми евхаристических трапез. Причем
изображение рыб ожидаемо эволю-
ционирует от вполне реального до
предельно стилизованного [Виш-
невская, 2009, с. 338–339]. При этом
упоминается мнение Г.В. Шишкиной,
что уже с X в. в керамическом декоре
Средней Азии вытянутые остроконеч-
ные листовидные фигуры по сути это
предельно стилизованное изображе-
ние рыб [Шишкина, 1979, с. 60].

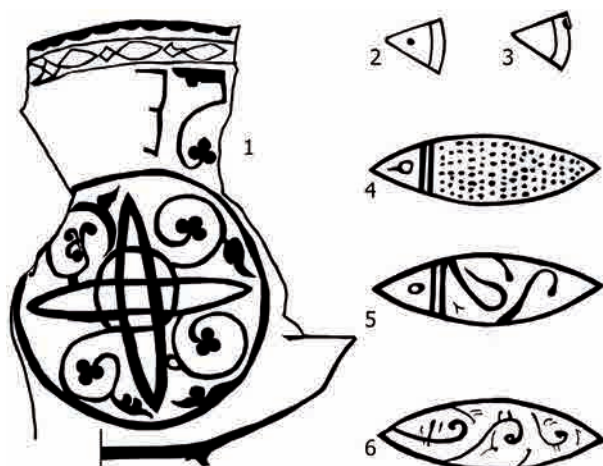

Рис. 6. Изображения рыб на керамике Согда
(по: [Шшишкина, 1979])

Fig. 6. Images of fish on ceramics Sogd
(by: [Shishkina, 1979])

Керамика Шойтобе не была в стороне от общерегиональных трендов. И здесь мы встречаем стилизованные изображения рыб, но в другой весьма популярной композиции: четыре рыбки крестообразно головами к центру. Композиция образует в декоре чаши центральную розетку, прочерченную по белому ангобу под желтой глазурью (рис. 7, 3)². Здесь розетка близка реконструируемой Н.Ю. Вишневской (рис. 8) [Вишневская, 2018, с. 31, рис. 15, 1, 2].

По ее предположению, иконографические схемы с рыбами и связанные с ней идеи «могли быть привнесены в такие крупные среднеазиатские центры ремесла и торговли как Самарканд, Бинкент (Ташкент), Мерв и др.» [Вишневская, 2009, с. 238]. Но также вполне возможно, что «христианские сюжеты» в среднеазиатской орнаментике могли вырабатываться и широко распространяться на местной почве, подготовленной веками доисламской культуры, в которой был не малый христианский акцент [Буряков

и др., 1998, с. 9-10; Железняков, 2003, с. 260–276; 2010, с. 264–273]. В тоже время, достаточно реалистичное изображение рыб, в том числе двух рыбок, расположенных головами в противоположные стороны (рис. 9, 8–10, 12), и трех рыбок головами к центру (рис. 9, 11) нередко встречаются на джучидских монетах XIII–XIV вв. и даже XV в.

Так или иначе, а сюжет с рыбами получил широкое распространение не только при украшении керамических блюд, но и проник в декор других категорий бытовых предметов. Было ли это связано с изначальной семантикой этих изображений или просто приносящим потребителям продукции эстетическое наслаждение изображением сейчас установить однозначно невозможно, но на монетах Поволжского региона в основном идентифицируется рыба осетр, которой было много и в Волге, и на Дону. Несомненно, благожелательный смысл был у этой композиции и на бронзовых зеркалах (рис. 10). Поэтому необходимо отметить факт широкого распространения этих изображений на разных предметах материальной культуры в XIII–XIV вв. на значительных территориях Монгольских государств.

Исходя из вышеприведенных наблюдений и соображений, можно обосновать предположение, что крестообразный символ из двух наложенных листовидных элементов в декоре глазурованной керамики Шойтобе – одна из предельно стилизованных иконографических схем «с рыбами». Тогда широкое распространение крестообразной розетки из двух

листовидных элементов в керамическом декоре Шойтобе можно трактовать как местный специфический символ в контексте общехристианской семантики³. Широкое использование этого элемента в такой предельно схематизированной форме предполагает, что смысл этого символа, скорее всего, уже давно был забыт не только населением, но и мастерами, расписывающими керамику. А учитывая чрезвычайную его распространенность в предельно стилизованной форме в местной керамике, можно

считать этот символ сугубо местным «изобретением», придававшим керамике местную специфику, т.е. характерную стилистику оформления.

Другим привнесенным элементом саманидской эпохи в среднеазиатское орнаментальное наследие считается присутствие «птичьих сюжетов» в декоре глазурованной керамики. В этой связи в глазурованной керамике Шойтобе особый интерес представля-

Рис. 7. Рыбы в центре дна на глазурованной керамике.
1, 2 – керамика из городища Ески Туркестан, XV в.;
3 – чаша из ВСГ Шойтобе, конец XIII в.

Fig. 7. Fish in the center of the bottom on glazed ceramics.
1, 2 – ceramics from the settlement of Eski Turkestan, XV century;
3 – a bowl from the upper building horizon of Shoytobe, end of the 13th century

ет фрагмент дна чаши на кольцевом поддоне, внутренняя поверхность которой была покрыта белым ангобом, по которому тонкими черными линиями была изображена стоящая птица в профиль⁴. Рисунок сохранился почти полностью. Одно крыло показаноходящим от спины, над головой изображен хохолок, ножки оканчиваются тремя коготками. Птичка слегка окрашена зеленовато-коричневым цветом

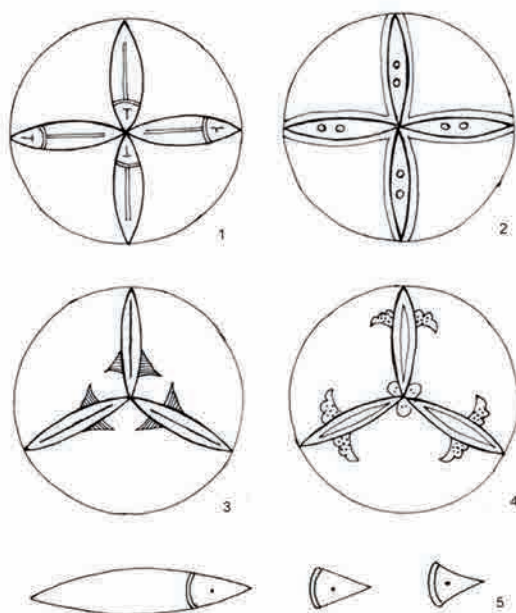

Рис. 8. Варианты композиционных схем с рыбами (по: [Вишневецкая, 2018])

Fig. 8. Variants of compositional schemes with fish (by: [Vishnevskaya, 2018])

и, похоже, на этом донце она была не одна. Рядом, ниже, возможно был рисунок другой птички (рис. 11, 5).

Аналогии именно такому изображению птицы в оформлении среднеазиатских средневековых глазурованных сосудов нам не известны. Считать этот сюжет «привнесенным» в X–XII вв. в репертуар керамистов-художников, значит не учитывать глубину местных художественных традиций. Нам известны местные изображения птиц на керамике доисламского периода. И если их не всегда можно воспринимать как элементы декора, то они, во всяком случае, свидетельствуют об особой семантической насыщенности этого образа в идеологии местного населения (рис. 11, 1–4). Отсюда один шаг до того, чтобы образ птицы появился в IX–X вв. на местной глазурованной

керамике. Изображения птицы в различных вариациях многочисленны в декоре глазурованной керамики Чача (Ташкентская область) X–XII вв. Только в публикации Л.Г. Брусенко приводится более десятка таких рисунков [Брусенко, 1986, табл. 45–46]. В то время как изображения рыб здесь, видимо, редки. В этой работе упомянуты два случая изображения рыб, но не приведено не одного четкого рисунка.

Изображения птиц встречаются изредка на монетах Караханидов конца X – начала XI в. (рис. 9, 14)⁵ [Камышев, 2004, с. 157], но наиболее часто и активно изображения птиц начали появляться на монетах Хулагуидов (рис. 9, 6) и Джучидов XIII в. (рис. 9, 1–4), переместившись затем на медные монеты в XIV в. (рис. 9, 5). В данном случае семантику изо-

бражения каждого вида птиц (иногда удастся по характерным признакам установить видовую принадлежность птицы) проследить невозможно. Вероятно, чаще всего эти изображения были самостоятельными в рамках общей тенденции моды. Но сюжет с легендарной птицей Гаррудой также существовал на монгольских монетах. Надо отметить, что такого изобилия различных зооморфных изображений, в том числе и «виньеток» (рис. 9, 13) до монгольского завоевания на монетах никогда не было.

Другой массовой группой керамики являются изделия, чаще это небольшие блюда с желтой прозрачной поливой и гравировкой под ней. Техника нанесения орнамента подобна вышеописанной на керамике с зеленой поливой. Характерна зонная компоновка – центральная розетка, широкая

Рис. 9. Рыбы и птицы на монетах X, XIII–XV вв. Джучиды: 1, 3–4, 7–9, 13 – Булгар, конец XIII – начало XIV в.; 5 – Мохши, 743/1343 г. – личный фотоархив П.Н. Петрова; 2 – Булгар, конец XIII (Z/111188); 10 – пул XIV в. (Z/34540); 11 – пул Хорезма (Z/119586); 12 – пул нач. XV в. (Z/73017). Ильханы: 6 – Астарабад, Аргун хан, 691 г.х. (Z/). Караханиды: 14 – Испиджаб, 400 г.х.

Fig. 9. Fish and birds on coins X, XIII–XV centuries. Juchids: 1, 3–4, 7–9, 13 – Bulgar, end of XIII – beginning of the XIV century; 5 – Mohshi, 743/1343 – personal photo archive of P.N. Petrov; 2 – Bulgar, end of XIII (Z / 111188); 10 – XIV pool. (Z / 34540); 11 – the pool of Khorezm (Z / 119586); 12 – pool beginning of XV century. (Z / 73017). Ilkhans: 6 – Astarabad, Argun Khan, 691 AD (Z /). Karakhanids: 14 – Ispijab, 400 GH

Рис. 10. Рыбы на бронзовом зеркале XIV в. из могильника Танбалы (Сузакский р-н, Туркестанская обл.)

Fig. 10. Fishes on a bronze mirror of the 14th century from Tanbaly cemetery (Suzak district, Turkestan region)

средняя полоса и более узкая по краю. Центральная розетка чаще всё та же крестообразная фигура из листовидных элементов, средняя полоса пуста, а крайняя лента заполнена поперечными косыми штрихами. Глазурь расцвечена зелеными, коричневыми пятнами. Здесь нет буйства растительных элементов, завитков, листьев, цветков – все достаточно строго и сухо, а художественный эффект достигался за счет мерцания и переливов желтого цвета в зеленый и светлоричневый.

Многочисленна красноглиняная керамика с зеленой свинцовой глазурью, в которой различается несколько подвидов по типу глазури и способу нанесения орнамента.

Керамика с зеленой поливой с подглазурной росписью ангобом. Рисунок на этой посуде наносился ангобом, толщина слоя которого образует невысокий рельеф под тонким слоем поливы. Там, где прозрачная зеленая полива ложится на красное тесто, она приобретает коричневый цвет; там, где полива приходится на светлый ангоб, она дает зеленый, порой почти травянистый оттенок. Свообразны

сосуды, а это опять же, сосуды открытых форм с красновато-коричневым фоном и росписью белыми, зеленым ангобными красками. За счет толщины накладываемого слоя линий рисунок получался слегка выпуклым, что придавало узору особую глубину.

Раскопы, начатые на жилых массивах, расположенных за древними крепостными стенами, дали керамику совершенно аналогичную комплексу ВСГ шахристана. Красноглиняная керамика, покрытая глазурью зеленого, желтого, коричневого цветов, а также бесцветной поливой представлена, в основном, чашами на кольцевом или коническом поддоне со сферическим туловом, округлым венчиком, слегка загнутым вовнутрь или отогнутым наружу, и тарелками на кольцевом или коническом поддоне со сферическим туловом, переходящим в вертикальный или полочковидный бортик.

Неполивная керамика станкового изготовления покрыта бежевым, желтоватым, розовым ангобом. Как и в ВСГ городища Каратобе (древний Сауран), преимущественно особая форма кувшинов украшена ангобной росписью, для этого использовался ангоб более интенсивного цвета – ярко-коричневый, красный, черный в комбинации с прочерченными по сырой глине линиями, ограничивающими обычно горизонтальные пояски [Смагулов, 2011, с. 375, рис. 64]. Роспись по плечикам - в виде заштрихованных поясков и вертикальных зигзагообразных линий. Горизонтальные и вертикальные пояски заполнены или зигзагообразной линией, или «веревочкой». Присутствует орнаментация, выполненная прочерченными по еще непросохшей глине линиями (горизонтальные пояски, «арки» и пр.).

На глазурованной посуде использовались прозрачные бесцветные поливы и окрашенные в светло-

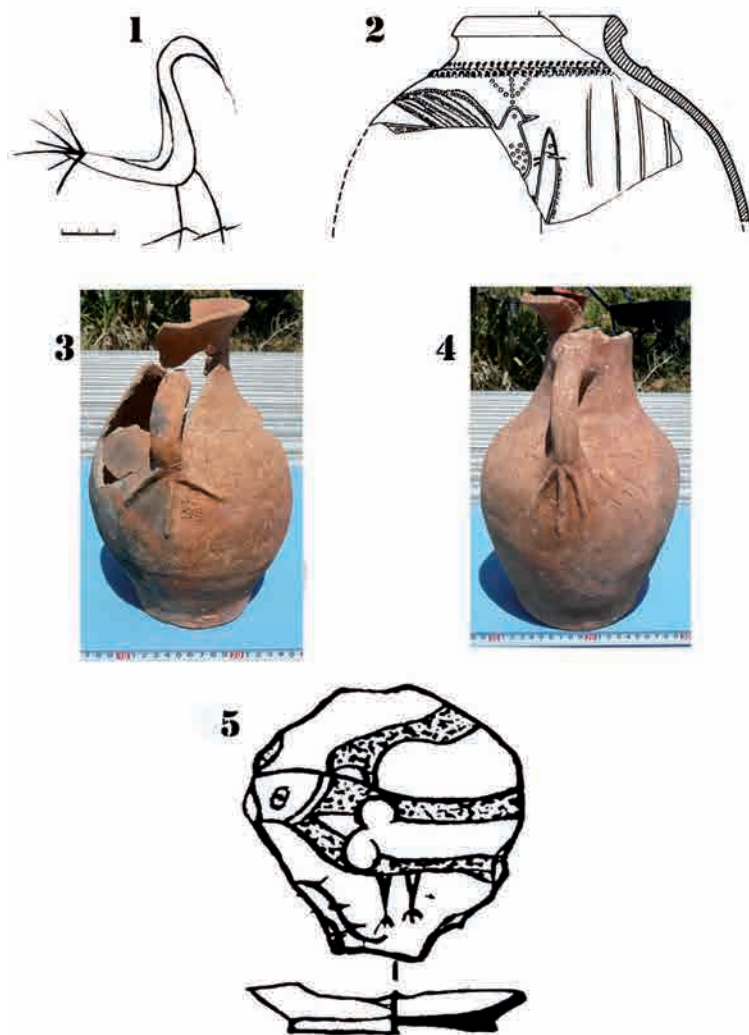

Рис. 11. Мотив птицы на керамике Туркестанского оазиса. 1, 2 – граффити на хумах городища Сидак, VIII в.; птичьи лапы на керамике могильника Шага, V–VII вв.; 3 – птица на донце чаши из ВСГ Шойтобе, XIII в.

Fig. 11. The bird motif on the ceramics of the Turkestan oasis. 1, 2 – graffiti on the hums of the Sidak settlement, VIII century; bird's paws on ceramics of the Shaga cemetery, V–VII centuries; 3 – a bird at the bottom of a bowl from upper building horizon of Shoytobe, XIII century.

зеленый, светло-желтый или интенсивно синий цвета. Под синей поливой фиксируется роспись кистью черной краской. Под бесцветной глазурью по белому фону темным прочерчены линии орнамента и нанесены пятна зеленого и желтоватого цвета. Под желтой поливой орнамент прочерчен тонкими

четкими линиями, они выделяются коричневым цветом; то же самое под поливой зеленого цвета. Встречены фрагменты с рисунком орнамента по белому фону интенсивно синим под прозрачной бесцветной поливой.

По особенностям декоративного оформления глазурованной керамики,

собранной на холмах, окружающих шахристан Шойтобе, ее можно отнести к XIII–XIV вв. Именно этим временем датируется на средней Сырдарье керамика с аналогичными морфологическими и декоративными признаками [Акишев и др., 1987, с. 160–167; Смагулов, 2011, с. 378–386].

Другой категорией массового материала, полученного при исследовании Шойтобе, является нумизматическая коллекция (таблица 1). Она делится на две части – монеты, полученные при расчистке слоя в раскопе № 4 (12 экз.), в раскопе № 3 (2 экз.), и подъемный материал, собранный как на шахристане городища, так и на окружающих шахристан холмах (15 экз.)⁶. Условия нахождения монет, как из раскопа, так и с дневной поверхности городища, позволяют атрибутировать их как относящиеся к верхнему строительному горизонту, самому последнему этапу интенсивной жизни города на этом месте.

Общая характеристика состояния найденных монет из меди/бронзы такова – сильно корродированные, причем, не только поверхность, но и объем. Иногда монеты не имеют металлического ядра. Поскольку все экземпляры (кроме серебряных дирхамов) сильно повреждены коррозией и зачастую значительно истончены, то их весовые характеристики не фиксировались, поскольку они не являются объективными показателями норм чеканки или длительности обращения. По причине сильных повреждений поверхности и надписей некоторые монеты определить было невозможно, а некоторые удалось атрибутировать лишь по характерным палеографическим особенностям написания отдельных сохранившихся букв, по особенностям легенд и по диаметру. Тем не менее, из 29 экз. удалось атрибутировать 24 шт., т.е. ~82%.

Самой ранней находкой является саманидский(?) фалс, точная атрибуция которого невозможна из-за плохого состояния его поверхности. Шесть медных посеребренных дирхамов Отрара времени правления Мунке хана и чуть позднее (до 662/1264 г.) маркируют определенный период монгольского владычества. Среди монет обнаружился один серебряный дирхам – фракция, битый на монетном дворе Отрар в 670/1268 г. (рис. 12, б).

Следующими по времени чеканки монетами оказались медные фалсы Отрара, битые в 1285–1291 гг. Длительность их нахождения в обращении не известна, однако, судя по совместным находкам этих фалсов с более поздними монетами, они обращались и в начале XIV в. Младшей по времени выпуска находкой оказались медные посеребренные дирхамы Отрара 707/1307–1308 г. с наследной тамгой Дувы (рис. 12, в) [Петров, Белтенев, 2016, с. 216–218]. Значительные изменения в постановке знаков собственности на монетах произошли примерно в 707–708/1307–1309 годах, т.е. вскоре после смерти хана Дувы (706/1306–1307 г.). С этого года и в течение последующих трех лет практически все монетные дворы начинают выпускать монету теперь уже только с наследной тамгой Дувы, тамга же Кайду практически полностью исчезает с монет. Именно поэтому медные посеребренные дирхамы аш-Шаша/Ташканда с наследной тамгой Кайду относятся нами к выпускам до ~707 г.х. (таблица 1, №№ 13, 14). Возможно, период перехода на тамгу Дувы для каких-то территорий продлился до 709/1309–1310 г. Тип монет с тамгой Кайду и калимой на другой стороне указанного размера (таблица 1, № 14), битый на монетном дворе Ташканд, ранее нам встречался (рис. 12,

Таблица 1 Монеты Шойтобе из раскопок 2018 г.
Table 1 Shoitobe coins from the excavations of 2018

№	Металл	Д, мм / вес, г	Монетный двор	Год, г.х.	Эмитент и иные сведения	Место находки (р. – раскоп)
<i>Великая Монгольская империя</i>						
1	АЕ/АР	39,2	[Отрар]	[649-662]	анонимный	Р. 3
2	АЕ	21	-	-	-	Р. 3
3	АЕ/АР	41,1	[Отрар]	[649-662]	анонимный	Р. 4, ВСГ
<i>Государство Чагатаидов</i>						
4	АЕ	20,2	[Отрар]	[684-690]	анонимный, тамга Дувы	Р. 4, ВСГ
5	АЕ	20,5	-	-	-	Р. 4, ВСГ
6	АР	18,4- 19,5 / в=1,24	Отрар	670	анонимный, тамга Дувы	Р. 4, ВСГ, 2 яр.
7	АЕ	25,8	[Отрар]	[698]	анонимный, тамга Кайду	Р. 4, ВСГ, 2 яр.
8	АЕ/АР	23,1- 23,5	[Отрар]	[707]	анонимный, тамга Дувы	Р. 4, ВСГ, 2 яр.
9	АЕ/АР	28,5	[Отрар]	[707]	анонимный, тамга Дувы	Р. 4, ВСГ, 2 яр.
10	АЕ/АР	23,8- 24,6	[Отрар]	[707]	анонимный, тамга Дувы	Р. 4, ВСГ, 2 яр.
11	АЕ/АР	25	[Отрар]	[707]	анонимный, тамга Дувы, форма мон. не круглая	Р. 4, за ст. пом. 1 (сев. часть) ВСГ
12	АЕ/АР	26,5	[Отрар]	[707]	анонимный, тамга Дувы	Р. 4, ВСГ
13	АЕ/АР	28,6	аш-Шаш	до 707	анонимный, тамга Кайду	Р. 4, за ст. пом. 1 (сев. часть) ВСГ
14	АЕ/АР	27	Ташканд	до ~707	анонимный, тамга Кайду, калима	Р. 4, ВСГ, верхн. строит. период
<i>Саманиды?</i>						
15	АЕ	23,5	-	X век	утрачен, двойной удар?	За креп. стеной р. 4, подъемный материал
<i>Государство Чагатаидов</i>						
16	АЕ	21,5	[Отрар]	[684-690]	анонимный, тамга Дувы	За креп. стеной р. 4, подъемный материал. Двойной удар?

17	АЕ	25,6	-	-	-	Находка в 120 м к СЗ от р. 4, подъемный материал
18	АЕ	26,5-24,2	-	-	утрачен, подтреугольной формы, вырезана из монеты	Находка в 120 м к СЗ от р. 4, подъемный материал
19	АЕ	19,6	[Отрар]	[684-690]	анонимный	Находка в 120 м к СЗ от р. 4, подъемный материал
20	АР	21,5-22 / в=2,00	[Тараз]	[686]	анонимный, 3 или 4 тамги. Дирхам	Подъемный материал
21	АЕ/АР	25-24	[Отрар]	[707]	анонимный, [тамга Дувы]	Подъемный материал
22	АЕ/АР	27-26,5	[Отрар]	[707]	анонимный, [тамга Дувы]	Подъемный материал
<i>Великая Монгольская империя</i>						
23	АЕ/АР	26,2	[Отрар]	[649-662]	вырезана серединка монеты	Находка в 120 м к СЗ от р. 4, рабад, подъемный материал
24	АЕ/АР	41×38	[Отрар]	[649-662]	с эпитетом «хани»	Подъемный материал
25	АЕ/АР	41×38	[Отрар]	[649-662]	С отверстием, согнут с 2-х сторон	Подъемный материал
26	АЕ/АР	43	[Отрар]	[649-662]	обломан пополам, металлического ядра нет	Подъемный материал
<i>Не установлено</i>						
27	АЕ	27,3	-	-	-	Цитадель
28	АЕ	27,2-25	-	-	тамги не видно, калима, тип неизвестен	Место находки не указано, подъемный материал
29	АЕ	30	-	-	тамги не видно, надписи утрачены	Подъемный материал

АР – серебро; АЕ – медь/бронза; АЕ/АР – медь посеребренная

Рис. 12. Некоторые из монетных находок с Шойтобе. Чагатаидское государство: (нумерация по табл. 1 в тексте) 6 – дирхам, фракция, Отрар, 670/1268 г.; 20 – дирхам, Тараз, [686] г.х.; 11 – медный посеребренный дирхам, Отрар, [707] г.х.; 14 – медный посеребренный дирхам, Ташкент, до 707–709 г.х.; А и Б – фото монет Ташкента из фотоархива П.Н. Петрова

Fig. 12. Some of the coin finds from Shoytobe. Chagataid state: (numbering according to Table 1 in the text) 6 – dirham, fraction, Otrar, 670/1268 g.; 20 – dirham, Taraz, [686] GX; 11 – silver plated dirham copper, Otrar, [707] GX; 14 – copper silver plated dirham, Tashkent, up to 707–709; A and B – photo of coins from Tashkent from archive of Petrov P.N.

А–Б), но название монетного двора не удавалось однозначно прочесть. На найденном на Шойтобе экземпляре хорошо просматривается название монетного двора (на фотографии из-за малого рельефа надписи видно не очень четко). Описание публикуется нами впервые: № 14. Ташканд, анонимный, тамга Кайду. Год не указан. АЕ/АР (рис. 12, 14).

Л.с. В центре поля в круговом ободке – тамга Кайду,

над тамгой – سكة / ؟

под тамгой – تاشكند

Между ободком и краем монеты – круговая легенда видна крайне фрагментарно. Внешнего ободка не видно.

О.с. В поле картуша (тройной ободок: внешний и внутренний – линейные, средний – точечный):

в четыре строки калима رسول / الله / لا / الله / محمد

В верхнем строительном горизонте Шойтобе следует отметить практически исключительное присутствие монет Чагатаидского ханства с небольшой примесью медных посеребренных дирхамов Отрара середины XIII в. – продукции монетного двора Великой Монгольской империи. Причем, одна из таких монет была обрезана в круг так, что на ней оказалась читаема только калима таййиба (таблица 1, № 23). То есть монета была выведена из сферы обращения и превращена в мусульманский амулет. Это могло быть сделано значительно позднее времени обращения таких медных посеребренных дирхамов, например, в

период после 670/1268 г. Что означает – присутствие целых отрарских медных посеребренных дирхамов Мунке хана (таблица 1, №№ 1, 3) в ВСГ может быть связано не только с их тезаврацией в процессе их обращения. Такие монеты чеканились в очень значительных количествах, их массовая тезаврация была обусловлена нападением Алгу на Отрарский оазис в начале 660-х гг.х., поэтому находки населением отдельных монет и кладов спустя 10–30 лет после трагических событий начала 660-х гг.х. могли быть обычным явлением. В то же время, нельзя исключать возможность утраты этих монет в ходе их обращения, т.е. в середине XIII в., что вполне вероятно, учитывая географическую близость Отрара.

Таким образом, ВСГ городища Шойтобе насыщен монетами середины XIII – первого десятилетия XIV в., что однозначно указывает на существование этого населенного пункта в период монгольского владычества как минимум в течение 60 лет. Представляется естественным доминирование среди находок продукции отрарского монетного двора (17 монет Отрара из 29 найденных, т.е. ~59 %), тем не менее, этот факт следует отметить особо. Отсутствие монет других регионов более поздних периодов (после 707 г.х.) означает, что примерно в период с 707 по 710/ с 1306–1307 по 1309–1310 гг. данный населенный пункт перестал существовать. Был ли он отстроен на новой территории с сохранением прежнего названия, как это не редко практиковалось монголами, нам пока неизвестно.

Во второй половине первого десятилетия XIV в. после прихода к власти хана Дувы эпоха господства Угедеидов (Кайдучичей) в государстве закончилась, начался активный

передел собственности в пользу представителей дома Чагатаидов. Этот передел сопровождался разрушением экономики государства благодаря частым набегам потомков Дувы на владения Угедеидов, уничтожением подконтрольных им городов и населенных пунктов. Это прекрасно иллюстрируется, например, прекращением работы монетного двора Отрар в первом десятилетии XIV в. Так в настоящее время известен самый младший год чеканки серебряных и медных посеребренных дирхамов Отрара – 707/1307–1308 г. Возобновление работы монетного двора Отрар произошло лишь через 20 лет. В первое десятилетие пали такие оплоты экономики владений Кайдучичей, как Бухара, Шаш, Самарканд и др. Были оставлены только владения потомка Кайду – Шаха.

Вычислить владения Кайдучичей по памятникам нумизматики не сложно – по присутствию тамги Кайду и его родственников на монетах. Отрар всегда входил в личные владения Кайду, на его монетах никогда не появлялось никаких иных тамг, кроме собственной – ханской. Поэтому не удивительно, что клад из Отрара с младшей монетой 705/1305–1306 г., клад из Культобе (средневекового Яссы) с младшей монетой 706 г.х. и огромный клад из Мамаевки 1893 г. оказались невостребованными их владельцами. Причина «невостребованности» кладов населением (при практически одновременном их сокрытии в разных населенных пунктах) связана, как мы полагаем, с экстраординарными событиями – с нападениями потомков Дувы на эти территории, их разграблением и гибелью (или угоном в рабство) людей. Причем, установлено, что постройки цитадели на археологическом памятнике Культобе

(средневековый город Яссы), где был найден клад, были уничтожены пожаром [Смагулов, 2008, с. 106-114; Петров и др., 2014, с. 146]. На Отраре также в ходе археологических раскопок жилого дома (горизонт относится к периоду середина XIII – первая половина XIV в.) установлено, что он разрушен сильным и внезапным пожаром. И это также укладывается в общую картину агрессивных действий потомков Дувы. Синхронизация пожара в Яссы со следами пожара, обнаруженного в ходе раскопок на Отраре, привела Е.А. Смагулова к за-

ключению, что Отрар тоже был сожжен в первом десятилетии XIV в. [Смагулов, 1997, с. 168]. В ряду уничтоженных населенных пунктов, судя по полученным нами данным, стоит и населенный пункт, находившийся на месте археологического памятника Шойтобе – старая столица вилайата, город Шавгар. Датировку гибели города в первом десятилетии XIV в. не опровергает керамика, и устанавливает нумизматический источник – монеты с этого археологического памятника.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта AP05133405).

Примечания

1 – Бесконечно извивающаяся ветвь с ритмично отходящими в разные стороны закрученными в валюты ветвями.

2 – На (рис. 7, 1–2) приведены изображения рыб в центральных декоративных розетках керамических блюдов XV в. из слоев городища Ески Туркестан.

3 – Нам представляется очевидным отличие этого элемента от древнего символа в виде двух «перевитых» овалов, так же имевшего распространение в репертуаре местных мастеров росписи керамики [Шишкина, 1979, табл. LXX-25, 30-37].

4 – Данный фрагмент обнаружен в мусорной яме связанной с ВСГ шахристана Шойтобе [Смагулов, 2017, с. 193].

5 – Выражаем искреннюю признательность А.М. Камышеву, предоставившему для публикации фотографию монеты из своего архива.

6 – В целях минимизации потерь металлических артефактов из раскопок каждый вскапываемый слой и прослойка предварительно сканировались ручным металлодетектором марки X-TERRA750. Тем же инструментом систематически обследовалась дневная поверхность городища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Е.И., Пацевич В.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ. 1958. Т. 5. С. 33-215.

2. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата: Наука, 1987. 256 с.

3. Байпаков К.М. Городище Чуйтобе // Свод памятников истории и культуры. ЮКО. Алматы: Каз. Энциклопедия. 1994. С. 293-294.

4. Байпаков К.М. О локализации средневекового города Шавгара // Transoxiana. History and culture. Ташкент: изд-во Р.Элинина, 2004. С. 40-43.

5. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата: Наука, 1986. 256 с.

6. Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Сочинения. М., 1965. Т. III. 706 с.

7. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. М., 1968. Т. V. 759 с.

8. Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1950. Вып. 2. № 67. С. 59-99.

9. Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII вв. Ташкент: Фан, 1986. 122 с.

10. Булатов Н.М. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов (по материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ) // СА. 1968. № 4. С. 95-109.
11. Буряков Ю.Ф., Жукова Л.И., Проскурин В.Н. К истории христианства в Средней Азии // К истории христианства в Средней Азии. Ташкент: Узбекистон, 1998. С. 5-46.
12. Вишневецкая Н.Ю. Глазурованное блюдо X в. из Самарканда с изображением рыб // ARNEOLOGIA ABRAHAMICA. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. Ред. Л.А. Беляев. М: «Индрик», 2009. 456 с.
13. Вишневецкая Н.Ю. Глазурованная керамика Средней Азии конца VIII – начала XIII века в собрании Государственного музея Востока. Каталог коллекции. Отв. ред. Е.С. Ермакова. М.: ГМВ, 2018. 154 с.
14. Добросмыслов А. Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент: Ташкент: эл. пар. типо-лит. О.А. Порцева, 1912. 204 с.
15. Железняков Б.А. Находки предметов с иконографическими изображениями из Жетысу (несторианство, манихейство) // Известия МОН РК. Сер. общ. 2003. № 1. С. 260-276.
16. Железняков Б.А. Проблемы изучения вопросов распространения несторианства в Азии до XV в. // Известия НАН МОН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1 (274). С. 264-273.
17. Камышев А.М. Нумизматические источники // Источниковедение Кыргызстана (С древности до конца XIX в.) Бишкек: Илим, 2004. С. 148-163.
18. Массон М.Е. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда в г. Туркестане // Известия Среднеазиатского географического общества. 1929. Т. XIX. 46 с.
19. Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. Казахстан. Алматы, 2014. 264 с.
20. Петров П.Н., Белтенев Ж.М. Продукция монетного двора Отрар во время междоусобиц первого десятилетия XIV века // Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования: матер. междунар. научн.-методич. конф. «VIII Оразбаевские чтения» (г. Алматы, 1–2 апреля 2016 г.). – Алматы: Казак университеті, 2016. С. 216-218.
21. Сенигова Т.Н., Бурнашева Р.З. Новые данные о городище Туркестан // Известия АН КазССР, сер.обществ.наук. 1977. № 2. С. 49-55.
22. Смагулов Е. Сколько лет Туркестану? // Памятники истории и культуры Казахстана. Алма-Ата, 1988. Вып. 3. С. 93-97.
23. Смагулов Е.А. Городище Куль-тобе // Свод памятников истории и культуры Казахстана. ЮКО. Алматы: Каз. Энциклопедия. 1994. С. 268-271.
24. Смагулов Е.А. Городище Шой-тобе // Города Туркестана. Алматы: изд-во, 1999. С. 71-82.
25. Смагулов Е.А. К истории происхождения и развития жилища “отрарского типа” // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. научн. тр. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. Ч. 1 (гл. ред. Н.А. Томилов). С. 174-180.
26. Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2011. 436 с.
27. Смагулов Е.А. Из истории кангуйской архитектуры: здания крестообразной планировки // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр. / гл. ред.: С.Г. Боталов, отв. ред.: Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: Издат. центр ЮурГУ, 2013. С. 495-520.
28. Смагулов Е.А. Древний Туркестан: штрихи к историческому портрету. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. 2017. 341 с.
29. Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Архитектурно-археологический комплекс цитадели древнего Ясы (Туркестан) // Археология Узбекистана. 2013. № 1 (6). С. 60-75.
30. Умняков И.И. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация. 1920–1928 гг. Ташкент, 1929. 40 с.
31. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989. С. 133-248.

32. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент: Фан, 1979. 165 с.

33. Z / № - интернет база данных www.zeno.ru и номер монеты в базе.

Сведения об авторах:

Смагулов Ербулат Акижанович – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); az_sultan2015@mail.ru

Петров Павел Николаевич – кандидат исторических наук, профессор РАЕ, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); prp@zmail.ru

Ержигитова Айсулу Аскарровна – заведующая отделом археологии, Туркестанский областной историко-краеведческий музей (Казахстан, г. Шымкент); aisulu6767@mail.ru

**ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ШАУҒАР ҚАЛАСЫ ҚАЙ КЕЗДЕ ӨМІР СҮРУІН
ТОҚТАТТЫ: ШОЙТӨБЕ ҚАЛАШЫҒЫНЫҢ (ТҮРКІСТАН АЙМАҒЫ)
ҮСТІҢГІ ҚАБАТЫНЫҢ МЕРЗІМІНЕ БАЙЛАНЫСТЫ ЖАҢА МӘЛІМЕТТЕР**

Е.Ә. Смағұлов, П.Н. Петров, А.А. Ержігітова

Шойтөбе қалашығында (Түркістан оазисі) басталған жүйелі археологиялық зерттеу жұмыстары үстіңгі құрылыс қабатының мерзімделуіне байланысты жаңа деректермен толықты. Қалашықта басталған стратиграфиялық және топографиялық зерттеулер, осы жерде орналасқан қаланың XIV ғ. бірінші онжылдығында өмір сүруін тоқтатқанын дәлелдейді. Негізгі параметрлері бойынша тек осы қала ғана аумақтың ортағасырдағы астанасы - тарихи Шауғар қаласына деуге лайықты. Бұған, шахристанда қазба барысында табылған шытырмалы қыш ыдыстар және нумизматикалық кешендері дәлел.

Түйін сөздер: археология, қалашық, мәдени қабат, құрылыс қабаты, керамикалық кешен, шахристан, фалс, дирхам, тиын, кайдудтер, үгедейліктер, шағатайлықтар

**WHEN THE MEDIEVAL CITY OF SHAUGAR HAD DEFUNCT: NEW DATA BY
THE CHRONOLOGY OF THE UPPER LAYERS OF THE SHOY-TOBE SITE
(TURKESTAN OASIS)**

E.A. Smagulov, P.N. Petrov, A.A. Erjigitova

We started system archaeological works on the settlement of Shoi-Tobe (near the city of Turkestan). As a result, new data on the history of the upper construction horizon were obtained. Stratigraphic, numismatic, and topographic studies finally convince that the medieval city ceased to exist in the first decade of the XIV century. This settlement is the only one in the region that can be correlated with the historical city of Shavgar, the medieval capital of the district. This is evidenced by the complex of glazed ceramics, and numismatic collection obtained during excavations in shahristan.

Keywords: archaeology, settlement, cultural layer, construction horizon, ceramic complex, shahristan, fals, dirham, coin, Qaiduids, Ögedeids, Chaghatayids

REFERENCES

1. Ageeva, E. I., Pacevich, V. I. 1958. In *Trudy Instituta Istorii, arheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 5, 33-215 (in Russian).

2. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1987. *Otrar v XIII–XV vekah (Otrar in the XIII–XV centuries)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

3. Baipakov, K. M. 1994. In *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury. Yuzhno-Kazahstanskaya oblast' (Code of monuments of history and culture. South Kazakhstan region)*. Almaty: Kaz. Enciklopediya Publ., 293-294 (in Russian).
4. Baipakov, K. M. 2004. In *Transoxiana. History and culture*. Tashkent: "Elinin, R." Publ., 40-43 (in Russian).
5. Baipakov, K. M. 1986. *Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Yuzhnogo Kazahstana i Semirech'ya (Medieval urban culture of South Kazakhstan and Semirechye)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Bartol'd, V. V. 1965. In *Sochineniya (Writings)*, III. Moscow (in Russian).
7. Bartol'd, V. V. 1968. In *Sochineniya (Writings)*, V. Moscow (in Russian).
8. Bernshtam, A. N. 1950. In *Izvestiya AN KazSSR. Seriya arheologicheskaya (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. archeol.)*, 67, 2, 59-99 (in Russian).
9. Brusenko, L. G. 1986. *Glazurovannaya keramika Chacha IX–XII vv. (The glazed ceramics of Chach IX–XII centuries)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
10. Bulatov, N. M. 1968. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)*, 4, 95-109 (in Russian).
11. Buryakov, Yu. F., Zhukova, L. I., Proskurin, V. N. 1998. In *K istorii hristianstva v Sredney Azii (To the history of Christianity in Central Asia)*. Tashkent: "Uzbekiston" Publ., 5-46 (in Russian).
12. Vishnevskaya, N. Yu. 2009. In Belyaev, L. A. (ed.) *ARHEOLOGIA ABRAHAMICA. Issledovaniya v oblasti arheologii i hudozhestvennoy tradicii iudaizma, hristianstva i islama (Research in the field of archaeology and artistic tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
13. Vishnevskaya, N. Yu. 2018. In Ermakova, E.S. (ed.) *Glazurovannaya keramika Sredney Azii konca VIII – nachala XIII veka v sobranii Gosudarstvennogo muzeya Vostoka. Katalog kollektsii (The glazed ceramics of Central Asia of the end of the VIII – beginning of the XIII century in the collection of the State Museum of the East. The catalogue of collection)*. Moscow (in Russian).
14. Dobrosmyslov, A. 1912. *Goroda Syrdar'inskoy oblasti (The cities of the Syr-Darya region)*. Tashkent: "Portsev, O. A." Publ. (in Russian).
15. Zheleznyakov, B. A. 2003. In *Izvestiya MON RK. Ser. obsch. News of the MES RK. Social sciences series*, 1, 260-276 (in Russian).
16. Zheleznyakov, B. A. 2010. In *Izvestiya MON RK. Ser. obsch. News of the MES RK. Social sciences series*, 1 (274), 264-273 (in Russian).
17. Kamyshev, A. M. 2004. In *Istochnikovedenie Kyrgyzstana (s drevnosti do konca XIX v.) (The source study of Kyrgyzstan (from Antiquity to the End of the XIX Century)*. Bishkek: "Ilim" Publ., 148-163 (in Russian).
18. Masson, M. E. 1929. In *Izvestiya Sredneaziatskogo geograficheskogo obschestva (News of the Central Asian Geographical Society)*, XIX (in Russian).
19. Petrov, P. N., Baipakov, K. M., Voyakin, D. A. 2014. *Monetnoe delo i denezhnoe obraschenie v Velikoy Mongol'skoy imperii, gosudarstvah Chagataidov i Dzhuchidov. Kazahstan (The monetary business and money circulation in the Great Mongolian Empire, the states of the Chagatayids and the Juchids)*. Almaty (in Russian).
20. Petrov, P. N., Beltenov, Zh. M. 2016. In *VIII Orazbaevskie chteniya (8th Orazbayev reading)*. Almaty: "Qazaq Universiteti" Publ., 216-218 (in Russian).
21. Senigova, T. N., Burnasheva, R. Z. 1977. In *Izvestiya AN Kaz.SSR, ser.obschestv. nauk (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Social sciences series)*, 2, 49-55 (in Russian).
22. Smagulov, E. 1988. In *Pamyatniki istorii i kul'tury Kazahstana (Monuments of history and culture of Kazakhstan)*, 3. Alma-Ata, 93-97 (in Russian).
23. Smagulov, E. A. 1994. In *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Kazahstana. Yuzhno-Kazahstanskaya oblast' (Code of monuments of history and culture. South Kazakhstan region)*. Almaty: Kaz. Enciklopediya Publ., 268-271 (in Russian).
24. Smagulov, E. A. 1999. In *Goroda Turkestana (The cities of Turkestan)*. Almaty 71-82 (in Russian).
25. Smagulov, E. A. 2010. In Tomilov, N. A. (ed.) *Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of archaeological and ethnographic studies)*, 1. Kazan: Institute of History Sh. Marjani AN RT, 174-180 (in Russian).
26. Smagulov, E. A. 2011. *Drevniy Sauran (Ancient Sauran)*. Almaty: "ABDI Company" Publ. (in Russian).

27. Smagulov, E. A. 2013. In Botalov, S. G., Kradin, N. N., Lyubchanskiy, I. Eh. (eds.) *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikacii kul'tury evraziyskih gunnov (Hun forum. Problems of the origin and identification of the culture of the Eurasian Huns)*. Chelyabinsk: South Ural State University Publ., 495-520 (in Russian).

28. Smagulov, E. A. 2017. *Drevniy Turkestan: shtrihi k istoricheskomu portretu (Ancient Turkestan: touches to the historical portrait)*. Almaty: Archaeology Institute after A.Kh. Margulan (in Russian).

29. Smagulov, E. A., Erjigitova, A. A. 2013. In *Arheologiya Uzbekistana (Uzbekistan archaeology)*, 1 (6), 60-75 (in Russian).

30. Umnyakov, I. I. 1929. *Arhitekturnye pamyatniki Sredney Azii. Issledovanie. Remont. Restavraciya 1920–1928 gg. (Architectural monuments of Central Asia. Study. Repairs. Restoration. 1920–1928)*. Tashkent (in Russian).

31. Fedorov-Davydov, G. A., Bulatov N. M. 1989. In *Sokrovishcha sarmatskih vozhdov i drevnie goroda Povolzh'ya (Treasures of Sarmatian leaders and ancient cities of the Volga region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 133-248 (in Russian).

32. Shishkina, G. V. 1979. *Glazurovannaya keramika Sogda (Glazed ceramics of Sogd)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

33. Z / No - Internet database www.zeno.ru and the number of the coin in the database.

About the Authors:

Smagulov Erbolat A. Candidate of Historical Sciences, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; az_sultan2015@mail.ru

Petrov Pavel N. Ph.D. (history), A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; ppn@zmail.ru

Erjigitova Aisulu A. Head of the Department of Archaeology, South Kazakhstan Regional Museum of Local History, Shymkent, Kazakhstan; aisulu6767@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.07.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 31.07.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 07.08.2018.

К ВОПРОСУ О СЕМИОТИКЕ ПРОСТРАНСТВА СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА КАСТЕК: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРТЕФАКТОВ

© 2018 г. А.А. Нуржанов

В эпоху тюркского каганата и последующих этнокультурных и государственных образований с тюркоязычной политической доминантой процесс урбанизации в маргинальных зонах оседло-земледельческой культуры все более усиливался. В домонгольскую эпоху здесь прочно складывается локальный урбанистический комплекс с общемусульманскими стандартами и эталонами в его средневековом воплощении, пестрым многоязычием и этнической ассимиляцией согдийцев и различных тюркоязычных народов в рамках Караханидского государства, которое являет собой образец средневековой урбанизированной культуры. Также на материалах артефактов, найденных в ходе раскопок, произведена реконструкция некоторых ритуальных и повседневных практик, характерных для городской культуры средневековых тюрков Жетысу. Функциональный анализ артефактов доказывает, что утилитарные предметы и действия в традиционной культуре пронизаны символами и существуют в равной степени как предмет быта, и сакральное произведение искусства городской культуры тюрков.

Ключевые слова: археология, Жетысу, средневековье, семиотика пространства, средневековая урбанистика, тюрки, карлуки, караханиды, тюркская городская культура, религия, цивилизация, сакральные артефакты

В тюркской культуре феномен города многогранен, полифункционален и имеет свою социокультурную специфику. Интересным представляется вопрос кросс-культурного взаимодействия средневековых тюркских городов на социально-экономические, военно-политические и религиозные импульсы тюркских государств как уникальной этнокультурной среды.

Семиотика, как комплекс методологий, применяемых в социогуманитарных науках, исследует знаковые системы, культурные коды, системы коммуникаций, мировосприятие. Пространство средневекового города является, кроме всего прочего, знаковой системой культурных смыслов, воплощенных в архитектуре, то-

понимике и производимых артефактов. Функционируя как пространство урбанизированной идентичности, средневековый город вырабатывает социокультурные импульсы, отражающие и формирующие тот уникальный тип культуры, семантику и семиотику которого исследуют археологи, историки, культурологи и т.д.

На сегодняшний день междисциплинарное исследование ментальной культуры, воплощенной в материальной культуре, артефактах, ритуальных комплексах и сакральных памятниках, является одним из самых перспективных направлений гуманитарного познания. Изучение истории ментальностей актуально также и в силу константности базовых меха-

низмов человеческого мышления, в течение тысячелетий циркулирующего по каналам культуры и детерминированных закономерностями функционирования человеческой психики. С другой стороны, интерпретация материальной культуры исключительно как знаковой системы – не всегда продуктивна. Эпистемологические конфликты такого рода ведут к смене парадигм, в частности, исследования культурогенеза последовательно прошли через антропологический, семиотический, лингвистический, онтологический и др. повороты.

Ментальная и материальная культуры горожан тюркских каганатов, с одной стороны, прошла несколько этапов своей эволюции, с другой, как и любая культура, развивалась в активном взаимодействии и взаимовлиянии с культурами других народов, как родственных кочевых, так и оседлых (согдийская, китайская). Оба эти процесса нашли отражение в археологическом материале. Древние тюрки, объединив, пусть и на короткий период, большую часть Евразии в рамках Первого Тюркского каганата, способствовали активизации межкультурных и межэтнических контактов.

Образование и развитие тюркских городов Средней Азии и Казахстана, при всех общих закономерностях, не было шаблонным, имело свои особенности. Структура средневековых городов также не была единой и зависела от объективных условий процесса градообразования. Этот вывод особенно важен и справедлив для средневекового Казахстана, где формирование городских центров происходило в условиях исторически сложившегося взаимодействия оседло-земледельческого и кочевого населения, что сказалось на топографии и типах городов, своеобразии го-

родской культуры. В известных древнетюркских «рунических» памятниках на р. Орхоне (эпитафии Кюльтегина, Бильге-кагана и Тоньюкука) употреблены собственно тюркские термины: «балык» – город, «балыкдакы» – горожане, «барк» – здание.

В первые десятилетия VII в. на трассе Великого Шелкового пути, переместившегося в Южный Казахстан и Жетысу, появились города. Некоторые из них сформировались как ставки тюркских каганатов, другие были основаны согдийцами как торговые фактории. Доля оседлого и городского населения увеличивалась вплоть до начала XIII в. То есть, на протяжении шести–семи столетий в рамках таких государств, как Тюркский, Западно-Тюркский, Тюркешский, Карлукский, Караханидский каганаты характерно сочетание скотоводства и земледелия, сопровождающееся ростом и расширением последнего, появлением селений и городов.

Жетысу занимает Шу-Балхашский бассейн, средняя высота которого колеблется в пределах 300–400 м над уровнем моря, наиболее низкое место – низовья р. Шу. Продольная ось Шу-Балхашского междуречья проходит через низовья Шу-Балхаш, оз. Алаколь и через Жонгарские ворота уходит в Западный Китай, к озеру Эби-Нор.

К югу от реки Иле начинается Илейский/Заилийский Алатау. Западная часть между правым берегом р. Шу и песками, окаймляющими нижнее течение р. Иле, называется Шу-Илейскими горами, отдельные части которых носят название Кулжабасы, Хантау, Козыбасы. Они имеют многочисленные перевалы, удобные для колесного транспорта. Через Кордайский перевал проходит дорога, соединяющая Илейскую и Шуйскую

долины. Еще один путь проходит через перевал Кастек, соединяя долину Иле с котловиной Иссык-Куля и долиной Шу.

Шу-Илейская долина на протяжении нескольких столетий была центром городской культуры Тюркских государств. Последнее доказывалось топонимическими и гидронимическими наименованиями, сохранившимися трансформированное звучание имен первых каганов (ататюрков) – основателей древнетюркского государства. Так, имя первого кагана – Бумыня (кит. Тумыня) сохранилось в гидрониме р. Иле, протекающей ныне по территории Западного Китая и Казахстана и впадающей в озеро Балхаш. Этот гидроним, несомненно, реконструируется как «эль-эли» или «иль-или» рунических надписей в смысле «племя», союз племен, государство. Более того, Н.Я. Бичурин имя Или Бумыня напрямую связывает с названием семиреченской реки и комментирует это так: Или-хан – значит «хан с реки Или» [Бичурин, 1950, с. 227]. После смерти Бумыня в 552 г. престол тюркского эля занимает его сын Коло, правивший всего год (ум. в 553 г.), но успевший принять имя Исиги-хана [Бичурин, 1950, с. 28, прим. 4], лакаб (престольное имя) связываем с гидронимом Исик-Есик (оз. Иссык). От следующего гидронима, реки Кеген, происходит лакаб Мукан-хана (время правления 553–572 гг.) – младшего брата Есиги-хана. Его имя известно как Муюй (Мухан)-хан Кигин [Бичурин, 1950, с. 227–228].

Перевал Кастек издревле служил для связи долин р. Шу и Иле. Упоминание об этом перевале сохранилось в источниках XV в., описывающих поход Тимура. В 1375 г. армия Тимура из долины Иле шла в Атбаш

через перевал Кара-Касман (Кастек).

Средневековое городище Кастек-1 находится в 2,5 км от с. Кастек, на левом побережье р. Кастек у подножья горы Суыктобе. Географические координаты: 43°03'03,54»С; 75°59'09,11»В, на высоте 1296 м над уровнем моря. Городище расположено на месте выхода горной речки из горных теснин на относительно широкую часть возвышенных прилавок, образующих возвышенное плато, при этом река еще сохраняет стремительность своего течения, создавая своеобразный звуковой фон местности.

Центральная часть памятника представляет собой несколько возвышенный над общей поверхностью подчетыреугольный участок, ориентированный углами по сторонам света. Общая площадь городища составляет 30 га. Цитадель размерами по линии С–Ю – 210 м, В–З – 150 м, что составляет 4 га. Он обнесен крепостной стеной, которая выглядит как оплывший вал толщиной до 15 м, высотой до 4 м. По гребню вала видны впадины и всхолмления на месте оборонительных башен. В топографии городища выделяются 14 башен и 32 крупных домовладения, располагавшихся внутри стен, имеется и значительное число других построек, расположенных, главным образом, вдоль реки. Вокруг вала с трех сторон, кроме восточной, прослеживается ложбина бывшего рва глубиной 0,5–2 м и шириной 3–4 м. Восточной стороной город располагался на высоком берегу реки, остатков построек на нем не зафиксировано. Въезды находятся напротив друг друга в середине стен.

Общая площадь раскопа составила 5000 кв.м. Раскопано: два тюрко-карлукских слоя, относящихся ко второй половине VII – первой половине X вв., а также три строительных гори-

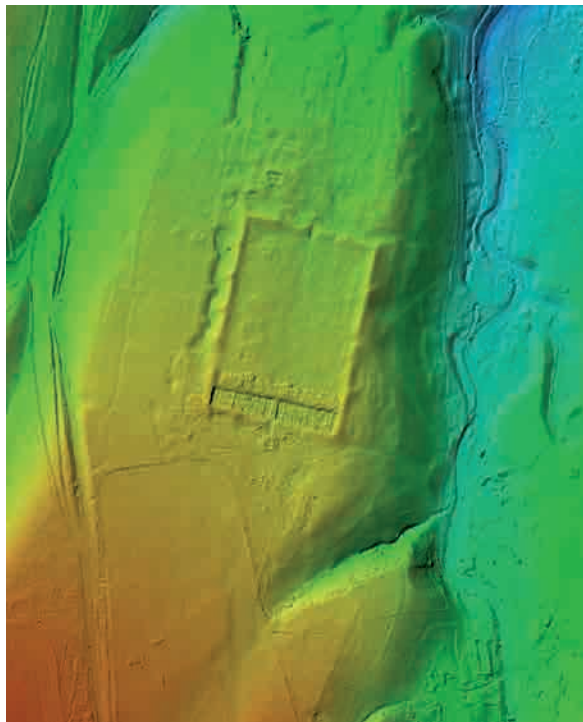

Рис. 1. Городище Кастек.
Снимок предоставлен Дин Яном

Fig. 1. Kastek settlement. Photo by Ding Yan

зонта, относящихся к Караханидскому периоду (вторая половина X – первая половина XIII вв.) (рис. 1; 2).

У юго-восточной стены расположен глиняный алтарь с двумя полуовальными ступенями (рис. 3). На верхней плоскости алтаря – углубление в виде чаши из обожженной глины диаметром 40 см. Поверхность чаши украшена наклонными прорезанными линиями. С двух сторон от нее находятся два шишковидных выступа диаметром около 8 см. На полу вблизи алтаря – очаг диаметром 52 см. У входа в помещение стоял керамический сосуд с отбитым верхом. Вдоль северной стены расположена суфа шириной 80 см. Помещение 1 объединяется проходами с помещениями 2 и 3.

Семиотика повседневности исследована в найденных на территории средневекового города Кастек артефактах. В полевом сезоне 2018 г. было найдено большое количество уникальных находок. Особенно выделяются: шахматная фигура; хирургические инструменты; ритуальные сосуды; предметы вооружения; ножи и др. Кратко охарактеризуем предметы.

Шахматная фигура вырезана из слоновой кости. Изготовлена как зооморфная стилизация птицы Рух (аналог фигуры «слон»). Это свидетельствует не только об интенсивных экономических контактах жителей настоящего региона с другими оседло-земледельческими цивилизациями, но и о наличии игровой культуры и распространности игры в шахматы у тюрков средневековья.

Хирургические инструменты (скальпель и пинцет). Тюркская этномедицина включала в себя хирургические технологии. Можно предположить, что здесь производились хирургические операции вскрытия и зашивания мягких тканей, о чем свидетельствует отверстие для медицинской нити (изготавливавшейся, скорее всего, из кожи животных) на макушке пинцета.

Ритуальные сосуды, герметичные изнутри, с нефункциональным сливом у ручки, представляющие ценность, как артефакты материальной культуры, воплощающие обратную зеркальность инобытия и, скорее всего, использовавшиеся в сакральных практиках (рис. 4). В сосуде заключен семиотический код, характерный

Рис. 2. Городище Кастек. Раскоп. Вид с востока. Фото А.А. Нуржанова
Fig. 2. Kastek settlement. Excavation. View from the east. Photo by Nurzhanov A.A.

для всего, что сообщается с «иными мирами», где все становится зеркально обратным (разбитая в погребении ритуальная чаша восстанавливается, покойный сидит на быке задом наперед, с невестой во время свадебных обрядов общаются через ее отражение в зеркале и т.д.).

Предметы вооружения представлены наконечниками копий, дротиков, стрел (рис. 5). По функциональному назначению копьё относится к колющему древковому оружию ближнего боя. Длина оружия от 15 до 20 см, длина пера 8–15 см, диаметр втулки 3–4 см. Втульчатая часть орудия имеет «сомкнутый шов». Копьё было неременной принадлежностью тяжеловооруженного всадника, принадлежало к излюбленному и одному из основных видов оружия средневековых кочевников. В арабских письменных источниках особо отмечается, что копьё тюрок короткое и полое. А

короткие копьё пронзают с большей силой и более легки для ношения.

По этнографическим данным копьё (туу, найза) играло определенную роль в погребально-поминальном обряде казахов и киргизов. Наряду с любимым конем и одеждой оно выступало в качестве временного заместителя покойного. На сороковой день сквозь кошму юрты продевалось копьё или деревянный шест с привязанным белым или красным платком (либо собственным знаменем умершего), что указывало на траур. После окончания траура копьё преломлялось. На могиле копьё не устанавливались.

Ножи. Относятся к одной из наиболее массовых категорий сопроводительного инвентаря. Все ножи достаточно однотипны: однолезвийные, черешковые, спинка прямая, а лезвие иногда вогнуто. Ширина лезвия 1,5–2 см, длина 12–14 см. При

Рис. 3. Городище Кастек. Ритуальное помещение карлукского периода.
Фото А.А. Нуржанова

Fig. 3. Kastek settlement. The ritual room of the Karluk period. Photo by Nurzhanov A.A.

переходе к черешку имеется выступ с одной, либо с двух сторон.

Наконечники стрел. Железные наконечники стрел относятся к черешковому и делятся по типу и форме пера. Наиболее распространенными являются трехлопастные наконечники с различной формой пера. Трехлопастные наконечники с небольшими изменениями (в конце I – начале II тыс. н.э. становятся более массивными) применялись в течение всей второй половины I тыс. н.э. Часть из них имеет отверстия в лопастях, как считается для усиления вращения стрелы в полете. О попадании крутящейся тюркской стрелы сообщается и в письменных источниках. Многие наконечники снабжены полыми шариками, свистунками, каждый из которых, как известно, мог служить муфтой, а также производил прон-

зительный свист при полете стрелы. Как правило, свистунками оснащены трехлопастные наконечники. Интересной является находка рогов и останков диких копытных животных, что свидетельствует о практиках охоты среди местной аристократии.

У северо-восточной стены расположен глиняный алтарь с двумя полуовальными ступенями. На верхней плоскости алтаря – углубление в виде чаши из обожженной глины диаметром 40 см. Поверхность чаши украшена наклонными прочерченными линиями. С двух сторон от нее находятся два шишковидных выступа диаметром около 8 см. На полу вблизи алтаря – очаг диаметром 52 см. У входа в помещение стоял керамический сосуд с отбитым верхом. Вдоль северной стены расположена суфа шириной 80 см. Помещение 1 объединяется проходами с помещениями 2 и 3.

Рис. 4. Городище Кастек. Ритуальный сосуд. Фото А.А. Нуржанова

Fig. 4. Kastek settlement. The ritual vessel. Photo by Nurzhanov A.A.

Глиняные двух- и трехступенчатые алтари известны на средневековых памятниках Средней Азии, Южного Казахстана и Юго-Западного Жетысу. Археологические исследования показали, что подобные алтари могли использоваться по-разному: на одних возжигался огонь, на других устанавливались скульптурные изображения, символы богов, возлагались дары, производились воскурения. Форма жертвенников нишеобразных или арочных очертаний, подобная форме двухступенчатого алтаря из Кастек-1, объясняется единой с нишами символикой [Нуржанов, Терновая, 2014, с. 312–316].

Присутствие в материалах городища Кастек-1 двухступенчатого алтаря, предназначенного для воскурений, найденные в непосредственной близости от него предметы: керамический сосуд с семенами конопли, небольшой керамический сосуд-цедилка с отверстиями в тулове, культовый сосуд с носиком в виде головы волка (или собаки), медный котелок с

растительным орнаментом и другие предметы, помогают в какой-то степени реконструировать сакральные обряды и религиозные представления жителей Жетысу в VIII–IX вв.

К отличительным признакам оформления алтаря из архитектурного комплекса Кастек-1 относятся шишковидные выступы, расположенные с двух сторон от углубления чаши. Выступы на разных жертвенниках имеют значение рогов, которые были одной из самых сакральных частей алтаря.

На памятниках джетыасарской культуры площадь одной из жилых секций служила культовым или общественным помещением. В середине таких помещений находились напольные очаги. К очагам овальной формы примыкали прямоугольные площадки с двумя шишковидными выступами. Очаги меньшего размера были встроены в центре полов джетыасарских склепов второго типа. Они имели прямоугольную, круглую или нишеобразную форму. Нередко в передней части очагов или перед ними помещали прямоугольные в плане плитки из обожженной глины с двумя трехступенчатыми пирамидками на концах. Перед плитками находились курильницы на высокой нож-

Рис. 5. Городище Кастек. Наконечники стрел. Фото А.А. Нуржанова

Fig. 5. Kastek settlement. The arrowheads. Photo by Nurzhanov A.A.

ке, но нигде не было зафиксировано непосредственной связи курильниц с «алтариками» [Левина, 1996, с. 27, 81, 249].

Парные выступы отмечены в оформлении алтаря из помещения культового комплекса, открытого на цитадели раннесредневекового городища Сидак в Южном Казахстане. Е.А. Смагулов сравнил выступы с плитками-«алтариками» из джеты-асарских склепов и с «очажными подставками» или «шашлычницами», оформленными изображениями голов рогатых животных [Смагулов, 2005, с. 489]. Появление «очажных подставок» относится к первому этапу культуры Каунчи, т. е. к первым векам до н.э. Находки подобных вещей встречаются также на памятниках раннего средневековья. В жилых помещениях городища Куйрыктобе X–XI вв. на площадках в «верхней» части напольных очагов расположены пирамидальные шишечки, предположительно имеющие значение «рогов» жертвенника [Байпаков, Терновая, 2005, с. 150].

В жилом комплексе X в. городища Джанкент в помещении 6 к стенке прямоугольного очага была приставлена керамическая «очажная подставка» с изображением двухголового барана. В площадке очагов перед подставками были вкопаны керамические сосуды, заполненные спекшейся золой [Зиливинская, 2013, с. 103–105].

В глиняном ступенчатом алтаре из Кастек-1 воплощены представления о трех ступенях мироздания. С «нижним миром» соотносится напольный очаг, со «средним» и «верхним» мирами – две ступени жертвенника. В данном случае архитектура является текстом культуры, прочесть который могут адепты этой культуры.

Знаковая система, закодированная в устройстве этого алтаря, диктуется не только его архитектурой, но и функциональностью. Исходя из устройства жертвенника-алтаря, можно предположить, что он использовался для воскурений. В соседнем помещении 2 был найден керамический сосуд с семенами конопли.

Об обрядах воскурения конопли есть сведения в письменных источниках [Геродот, 1972, с. 205]. Археологические подтверждения имеются в материалах Пазырыкских курганов (VI–III вв. до н.э.) [Руденко, 1952, с. 243]. По мнению Н.В. Полосьмак, небольшой медный котелок из Пазырыка использовался как переносная курильница для воскурения конопли, либо других галлюциногенов. Подобные медные котелки были обнаружены на Памире и в Индостане, встречаются также в памятниках ранних кочевников Южной Сибири (Тува, Минусинская и Кузнецкая котловина), в Семиречье [Полосьмак, 2006]. К интересным находкам на городище Кастек-1 относится медный котелок, украшенный растительным орнаментом. Таким образом, мы видим, что алтарь воплощает свою сакральную функцию портала в другие миры не только архитектурно (три ступени мироздания), но и с помощью психоактивных растений, воскуряя которые, служители культа становились психопомпами и проводниками в сферы сакрального. Семиотическая система здесь действует в едином комплексе материального и ментального.

Ментальная и материальная культуры горожан тюркских каганатов, с одной стороны, прошла несколько этапов своей эволюции, с другой, как и любая культура, развивалась в активном взаимодействии и взаимовлиянии с культурами других

народов, как родственных кочевых, так и оседлых (согдийская, китайская). Оба эти процесса нашли отражение в археологическом материале.

В пору тюркского каганата и последующих этнокультурных и государственных образований с тюркоязычной политической доминантой этот процесс все более усиливался. В домонгольскую эпоху здесь прочно складывается локальный урбанистический комплекс с общемусульманскими стандартами и эталонами в его средневековом воплощении, пестрым многоязычием и этнической ассимиляцией согдийцев и различных тюркоязычных народов в рамках Караханидского государства, которое являет собой образец средневековой урбанизированной культуры.

Важный пласт культурного наследия связан с Казахским ханством, его культурой, базировавшейся на традициях кочевого быта и культуре городов и селений сырдарьинско-семиреченского региона. Возникновение культуры города и степи в Казахском ханстве – одно из ярких явлений культурогенеза Казахстана.

Историко-археологическое исследование средневековых городов Юго-Восточного Казахстана позволяет реконструировать процессы

взаимоотношений различных культурных традиций, расширить базу доказательств того, что территория Казахстана была одним из центров историко-культурного синтеза, взаимодействие кочевого и оседлого населения привело к взаимообогащению культур. Именно в недрах такого симбиоза лежат многие достижения культуры народов Казахстана.

Таким образом, семиосфера средневекового города Кастек представляет собой гетерогенное пространство, генерирующее самые разные сегменты культуры (аутентичной, заимствованной, синкретичной), воплощенные как в архитектуре города, так и в артефактах, обнаруженных на его территории. Средневековый город Кастек много веков являлся одним из центров Западно-Тюркского и Карлукского каганатов и Караханидского государства. Функциональный анализ артефактов, полученных в результате историко-археологических исследований, доказывает, что в этом регионе существовал оазис городской культуры тюркских государств. Здесь города и степь, земледелие и скотоводство развивались в едином политическом, хозяйственно-экономическом и социокультурном комплексе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байтаков К.М., Терновая Г.А.* Религии и культы средневекового Казахстана. Алматы: Изд-во «Баур», 2005. 236 с.
2. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.–Л.: изд-во АН СССР. 1950. 382 с.
3. *Геродот.* История в девяти книгах. / Перевод и примеч. Г.А. Стратановского. 4 кн. Л.: Наука, 1972. 600 с.
4. *Зиливинская Э.Д.* Очаги жилого комплекса на городище Джанкент // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гуманитар. наук. 2013. № 3 (289). С. 100–109.
5. *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья (в первом тысячелетии н.э.). М.: Вост.лит., 1996. 398 с.
6. *Нуржанов А.А., Терновая Г.А.* К вопросу об обрядовой практике жителей Жетысу (Семиречья) в VIII–IX вв. // Труды «IV» XX Всероссийского археологического съезда. Казань: «Отечество», 2014, Т. 2. С. 312–316.

7. *Полосьмак Н.В.* Жизнь и смерть пазырыкцев Укока: междисциплинарные исследования материалов из Пазырыкских курганов с «замерзшими» могилами на плато Укок, Горный Алтай (конец IV – III в. до н.э.) // Вестник истории, литературы, искусства. 2006. Т.3. с.7-18.

8. *Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 268 с.

9. *Смагулов Е.А.* Исследования доисламского храмового комплекса на городище Сидак // Культурное наследие Казахстана. Открытия, проблемы, перспективы. Алматы: Вестник КазНПУ им. Абая, 2005. С. 486-491.

Сведения об авторе:

Нуржанов Арнабай Абишевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); arnabai@mail.ru

**ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚАСТЕК ҚАЛАСЫНЫҢ АУМАҚТЫҚ
СЕМИОТИКАСЫ ТУРАЛЫ МӘСЕЛЕГЕ:
АРТЕФАКТІЛЕРДІ ФУНКЦИОНАЛДЫ ТАЛДАУ**

А.А. Нұржанов

Мақалада ортағасырлық Қастек қаласына семиотикалық талдау жасалған. Түрік қағанаттары дәуірі кезінде отырықшы қала мәдениеттерінің шеткі аумақтарында кенттену үрдістерінің дамуы көрсетіледі. XIII ғасырға дейін бұл аумақтарда мұсылман дінінің қабылдауына байланысты, соғды түрік халықтары арасындағы мәдени-этникалық қарым-қатынастар урбанизацияның басты өркениетін көрсетеді. Артефактілерді талдау арқалы Жетісу түріктерінің ғұрыптық және күнделікті өмір салттарына талдау жасалды. Артефактілерді талдау барысында халықтардың рухани дүниесінде заттардың ерекше орын алғандығы белгілі болып отыр.

Түйін сөздер: археология, Жетісу, ортағасыр, аумақтық семиотика, ортағасырлық кенттену, түріктер, қарлұқтар, қараханидтер, түріктердің қала мәдениеті, дін, өркениет, сакралды артефактілер

**TO THE QUESTION ABOUT SEMIOTICS OF THE SPACE
OF THE KASTEK SETTLEMENT:
FUNCTIONAL ANALYSIS OF ARTIFACTS**

A.A. Nurzhanov

The article provides a semiotic analysis of the urban space of the medieval city of KasteK. In the era of the Turkic Kaganate and subsequent ethnocultural and state formations with a Turkic political dominant, the process of urbanization in the marginal zones of the sedentary agricultural culture intensified. In the pre-Mongol era, the local urban complex with general Muslim standards and standards in its medieval incarnation, motley multilingualism and ethnic assimilation of Sogdians and various Turkic-speaking peoples within the Karakhanid state, which is a model of medieval urbanized culture, is firmly established. Also on the materials of artifacts found during the excavations, reconstruction of some ritual and everyday practices characteristic of the urban culture of the medieval Turks Zhetysu was made. The functional analysis of artifacts proves that utilitarian objects and actions in traditional culture are imbued with symbols and there are equally, both everyday objects and sacred works of art of the urban culture of the Turks.

Keywords: archaeology, Jetysu, Middle Ages, semiotics of space, medieval urbanism, Turks, Karluks, Karakhanids, Turkic urban culture, religion, civilization, sacred artifacts

REFERENCES

1. Baipakov, K. M., Ternovaya, G. A. 2005. *Religii i kul'ty srednevekovogo Kazakhstana. (Religions and cults of medieval Kazakhstan)*. Almaty: «Baur» Publ. (in Russian).
2. Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshih v Sredney Azii v drevniye vremena (Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times)*, 1. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
3. Gerodot. 1972. *Istoriya v devyati knigakh. (The history in nine books)* / Translation and footnotes Stratanovsky, G. A. 4 kn. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
4. Zilivinskaya, E. D. 2013. In *Izvestiya Akademii nauk Kazakhstana (News of the National Academy of Sciences of Kazakhstan. Ser. societies. and humanity. Sciences)*, 3 (289), 100-109 (in Russian).
5. Levina, L. M. 1996. *Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya (v pervom tysyacheletii n.e.) (Ethnocultural history of Eastern Aral (in the first millennium AD))*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
6. Nurzhanov, A. A., Ternovaya, G. A. 2014. In *Trudy «IV» 20th Vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda (Proceedings of the “IV” of the XX All-Russian Archeological Congress)*, 2. Kazan: “Otechestvo” Publ., 312-316 (in Russian).
7. Polos'mak, N. V. 2006. In *Vestnik istorii, literatury, iskusstva (History Bulletin of literature, art)*, 3, 7-18 (in Russian).
8. Rudenko, S. I. 1952. *Gornoaltayskiye nakhodki i skify (Altai finds and Scythians)*. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
9. Smagulov, Ye. A. 2005. In *Kul'turnoe nasledie Kazakhstana. Otkrytiya, problemy, perspektivy (Cultural heritage of Kazakhstan. Discoveries, problems, prospects)*. Almaty: Bulletin Kazakh National Pedagogical University named Abay, 486-491 (in Russian).

About the Author:

Nurzhanov Arnabay A. Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; arnabai@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 22.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 25.10.2018.

**В.С. ГЕЙНЦЕЛЬМАН И ЕГО ПРОГРАММА РЕМОНТА
МАВЗОЛЕЯ ХОДЖИ АХМЕДА ЯСАВИ
в 1906–1908 гг.**

© 2018 г. Ю.А. Ёлгин

Обсуждение ремонта мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане в 1906–1908 гг. – наименее известная страница в истории изучения памятника. Главенствующая роль в этой дискуссии принадлежит докладу гражданского инженера В.С. Гейнцельмана на имя Туркестанского генерал-губернатора по результатам обследования мавзолея в апреле 1906 г. Намеченные им меры по ремонту и сохранности туркестанского памятника в то время осуществить не удалось, но доклад Гейнцельмана стал программным документом, предвосхитившим почти всё, сделанное на мавзолее Ясави археологами, инженерами, архитекторами-реставраторами в XX в. Впервые в данной статье анализируются основные положения программы масштабного ремонта, изложенные В.С. Гейнцельманом в его докладе, а также в ряде других документов.

Ключевые слова: мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, В.С. Гейнцельман, Д.И. Субботич, Н.И. Гродеков, А.А. Бобринский, Императорская археологическая комиссия, ремонт, смета, купола, своды, конструкции

Осмотр мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане в апреле 1906 г. – это второе значительное исследование памятника в начале XX в. после экспедиции Н.И. Веселовского, состоявшейся в 1905 г. Обследовал памятник по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора Д.И. Субботича чиновник особых поручений по строительной части при нём В.С. Гейнцельман. Несмотря на то, что меры по изучению и сохранности мавзолея, намеченные по результатам этого обследования, были осуществлены лишь в самой малой степени, по своему научному, историческому значению и общественному резонансу, как мы полагаем, доклад В.С. Гейнцельмана о командировке в г. Туркестан превосходит работы Н.И. Веселовского.

Факты биографии. В.С. Гейнцельман был вторым [после А.Л. Бонуа – прим. авт.] архитектором-профессионалом дореволюционного Туркестана.

Он является автором ряда проектов известных зданий в Ташкенте и других городах Туркестанского края. Родился Вильгельм Соломонович 4 августа 1851 года в Одессе [Вавилова, 2014] [по другим данным в 1852 г. – прим. авт.] [Барановский, 1893, с. 76]. В 1876 г. поступил на 4 курс Строительного училища (Института гражданских инженеров) Министерства внутренних дел в Санкт-Петербурге [Барановский, 1893, с. 76]. Выпущен в июне 1878 г. по окончании полного курса и удостоен звания Гражданского инженера с правом производить работы по строительной части, «при чём за блестящие успехи занесён на

Рис.1. В.С. Гейнцельман (1851–1922)
(по: [Голендер, 2007])

Fig.1. V.S. Heinzelman (1851–1922) (by:
[Golender, 2007])

серебряную доску училища» [Барановский, 1893, с. 76]. Высочайшим указом от 15 сентября 1878 г. определён на службу по военно-народному управлению Туркестанского генерал-губернаторства в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора и утверждён в чине коллежского секретаря с назначением с того же числа Младшим инженером Строительного отделения Сыр-Дарьинского областного [далее СДО – прим. авт.] правления. Прибыл к месту назначения в Ташкент 2 февраля 1879 г. [Вавилова, 2014]. По Постановлению городской Думы Ташкента от 2 апреля 1884 г. избран Ташкентским городским архитектором, 24 апреля 1884 г. приказом по военно-народному ведомству зачислен в распоряжение Туркестан-

ского генерал-губернатора без содержания от казны и «оставлением в должности городского архитектора» [Вавилова, 2014]. 1 января 1887 г. назначен чиновником особых поручений по строительной части при Туркестанском генерал-губернаторе [Вавилова, 2014].

В год, когда В.С. Гейнцельман приступил к работе, началось активное обсуждение ремонта мавзолея Ясави. Немного позже должно было состояться первое знакомство В.С. Гейнцельмана с этим памятником. В докладе Строительного комитета СДО правления от 2 ноября 1882 г. «О поддержании ремонтom мечети Хазрета [мавзолея Ясави – прим. авт.] и минарета в г. Туркестане» говорится, что ему поручается осмотреть мавзолей и «определить, какие работы требуются» [ЦГА РУз., ф. И-17, оп. 1, д. 19184. лл. 9–9 об.]. Но он этого не смог выполнить «по болезни», а затем и вовсе «был уволен от службы» [ЦГА РУз., ф. И-17, оп. 1, д. 19184. лл. 9–9 об.].

В 1903 году в г. Туркестане сооружается новая «каменная» церковь Николая Угодника. Стройку курирует В.С. Гейнцельман, теперь уже именитый туркестанский инженер и архитектор. Неизвестно, заинтересовал ли его величественный тимуровский памятник, находящийся на обозримом расстоянии от православного храма. Скорее всего, нет. Полагаем, сказалось почти индифферентное отношение к местному архитектурному наследию, присущее инженерам и архитекторам, служившим в Туркестанском крае до революции.

Точка зрения В.С. Гейнцельмана на мавзолей Ясави изменилась в 1906 г. в результате волевого решения Туркестанского генерал-губернатора Д.И. Субботича, отправившего его в

г. Туркестан для обследования туркестанского памятника и изучения вопроса об его безотлагательном ремонте. На столь энергичные и скорые меры Главного начальника края подвигло одно неприятное происшествие. 11 февраля 1906 г. из усыпальницы мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави была похищена верхняя часть одного из шести подсвечников [так долгое время в обиходе и литературе называли бронзовые светильники – сакральный дар Тимура мавзолею – прим. авт.].

Командировка в г. Туркестан.

5 апреля 1906 г. В.С. Гейнцельман получил предписание Туркестанского генерал-губернатора отправиться в г. Туркестан. 12 апреля он выехал к месту командировки и 17 апреля вернулся в Ташкент. На другой день по результатам осмотра мавзолея Ясави он сделал обстоятельный письменный доклад Туркестанскому генерал-губернатору Д.И. Субботичу [далее «Доклад» - прим. авт.].

Д.И. Субботич доклад Гейнцельмана прочёл с особым вниманием. Генерал Субботич слыл человеком либеральных убеждений, за что, считается, поплатился карьерой в Туркестанском крае. За три с половиной месяца до отставки с поста Туркестанского генерал-губернатора (15.08.1906) он успел организовать официальную переписку с различными инстанциями по вопросу реализации проектов В.С. Гейнцельмана. Её продолжил сменивший Субботича генерал Н.И. Гродеков.

После ознакомления с «Докладом» Д.И. Субботич в мае 1906 г. обратился в ИАК с письмом непосредственно к её председателю графу А.А. Бобринскому с просьбой о финансовой поддержке и, выражаясь современным языком, о «научно-

исторической экспертизе» проекта В.С. Гейнцельмана [ЦГА РУз., ф. Р2810, оп. 1, д. 15, л. 10]. Инициатива туркестанских властей ИАК была воспринята весьма положительно. Но ИАК, будучи учреждением придворного типа, обладала всеми свойствами чиновной бюрократии. Через год в письме к Туркестанскому генерал-губернатору (теперь уже Н.И. Гродекову) от 22.05.1907 г. граф А.А. Бобринский сообщает, что проект Гейнцельмана находится на рассмотрении ИАК. ИАК сделала специальный запрос по этому делу архитектору А.И. Горохову, «который провёл 3 месяца в г. Туркестане в 1904 г.» [так значится в документе – прим. авт.] [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 42 об.]. В результате подобных действий В.С. Гейнцельману пришлось защищать некоторые очевидные положения «Доклада» от критики, исходящей от совершенно различных групп – от администрации в лице военных губернаторов СДО, до историков, выступавших по линии ИАК.

В конце концов, идею ремонта мавзолея Ясави в 1906–1908 гг. окончательно заболтали. 7 декабря 1908 г. В.С. Гейнцельман был уволен от службы в администрации губернаторства согласно его просьбе [Вавилова, 2014]. Генерал-губернатор Туркестана Н.И. Гродеков ещё раньше (08.03.1908) вышел в отставку по состоянию здоровья. Безотлагательный, казалось бы, ремонт мавзолея Ясави в рамках программы, разработанной В.С. Гейнцельманом, ждал своего ещё почти 20 лет. Но вопрос это в наши дни содержит важный историографический аспект, и должен быть рассмотрен с точки зрения последующих археологических и историко-архитектурных исследований. Рамки

данной статьи не позволяют дать его анализ в полном объёме. Остановимся на ряде ключевых моментов.

О пространственных блоках.

Пространственный замысел зодчих, проектировавших мавзолей Ясави, моментально захватил воображение чиновника особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе. «Первый взгляд на этот план, – пишет В.С. Гейнцельман, – что здание построено с громадным запасом прочности и устойчивости, рассчитанный на вечное существование [все подчёркивания в тексте доклада сделаны генерал-губернатором Субботичем – прим. авт.]. Благодаря строго обдуманному расположению масс строения, распор сводов, частью весьма значительный, преодолевается легко, можно сказать, шутя. При этом изысканы [так в документе. – прим. авт.] неуклюже толстые стены» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 12].

В.С. Гейнцельман был в высшей степени профессионалом. Ему было достаточно взглянуть на план сооружения, чтобы представить себе в общих чертах его конструктивный замысел и объёмно-пространственную композицию. Мавзолей Ясави В.С. Гейнцельман называет «высшим проявлением зодчества». Именно это впечатление цельности, логики и гармонии пространственного замысла мавзолея в Туркестане ввело в заблуждение опытного строителя. Чёткое членение плана на восемь пространственных блоков навело В.С. Гейнцельмана на мысль о полной их самостоятельности. С этой точки зрения он смотрел на архитектуру здания в целом, представлял себе основу его конструктивной схемы, объяснял причины деформаций и появления трещин в стенах и сводах, обрушене второстепенных

куполов. Однако ровно через полстолетия после доклада Гейнцельмана в ходе археологических вскрытий и архитектурных зондажей выяснилось, что самостоятельность эта весьма относительна. И она не есть панацея от разрушительных воздействий времени и природных явлений, на что немало уповал В.С. Гейнцельман.

Как и предполагал В.С. Гейнцельман, по-разному нагруженным частям мавзолея Ясави соответствовали разные фундаменты. Но конструктивная мысль на исходе царствования Тимура уже отставала от смелого пространственного замысла, воплощавшего сакральную сущность суфийского храма в Ясах: «Комбинируя в одном здании различного веса части, – пишет Л.Ю. Маньковская, – строители ещё не ставили задачу их конструктивной изоляции, хотя и опирали их на разные фундаменты» [Маньковская, 1963, с. 8].

Архитектоника памятника такова, что в композиционно обособленных помещениях, что ясно читается на плане, конструкции и архитектура решались в взаимозависимости помещений друг от друга и от положения данного помещения в плане. Иначе говоря, «В стенах смежных помещений шло перераспределение усилий работы арочных, сводчатых и купольных конструкций, которыми определяется тектоническая структура памятника» [Маньковская, 1962, с. 97]. Боковые помещения, особенно стены коридоров, разделяющих здание на пространственные блоки, в этом случае играют роль контрфорсов для стен казандыка, несущих громадный купол. Получается, разделённые композиционно, пространственные блоки неразрывны конструктивно (всё здание до уровня II–III этажей сложено вперевязку) [ЦГА РУз., ф. P2810,

оп. 1, д. 16, лл. 6–7]. Некоторые помещения не отделены от казандыка и южного портала осадочными швами, в результате чего проседание этих, наиболее тяжёлых, частей привело к появлению широких трещин в стенах [Маньковская, 1962, с. 97–98; 1963, с. 8]. Эти трещины по-своему заменили разрезные швы.

Фундаменты.

Доклад

В.С. Гейнцельмана построен так, что почти все его положения неизменно вытекают одно из другого. Это обусловлено комплексным характером суфийского храмового сооружения, каким является мавзолей Ясави, где все составляющие объединены сакральным пространством центрального купольного зала и взаимосвязаны и конструктивно, и функционально. Поскольку разным частям здания соответствуют разные фундаменты, вопрос о грунтах и основаниях под ним также рассматривается Гейнцельманом сквозь призму идеи о самостоятельности пространственных блоков мавзолея.

Высоко оценивая архитектуру мавзолея Ясави, В.С. Гейнцельман находит в нём едва ли не единственный, но самый существенный недостаток – неудовлетворительное качество или даже отсутствие фундаментов [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 12]. Преодоление этого изъяна станет лейтмотивом инженерно-практической составляющей доклада Гейнцельмана и почти столетие будет оставаться основной проблемой ремонтно-реставрационных мероприятий по сохранению туркестанского памятника.

Обследование мавзолея Ясави в апреле 1906 г. включало одно из первых вскрытий его подземных частей («откопку фундамента», по выражению В.С. Гейнцельмана). Выявив

неглубокое залегание фундаментов или их отсутствие, В.С. Гейнцельман объяснил это особенностями местной лёссовой почвы. Через полстолетия выяснилось, что, действительно, большинство стен мавзолея не имеют древних фундаментов. Основанием для них послужил слоистый лёссовый грунт, прослеживаемый на глубину 0,5–1,5 м, «который исследователи считают результатом заливки траншей фундаментов жидкой глиной толщиной по 1–2 см» [ЦГА РУз., оп. 1, д. 16, л. 5]. То, что В.С. Гейнцельман, а впоследствии и другие, считали фундаментами в современном понимании, было булыгой, пересыпанной трамбованной землёй, подбутовкой булыжником, смешанной с кирпично-булыжной массой, кирпичным боем под наиболее древними стенами [Маньковская, 1962, с. 98.]. На что В.С. Гейнцельман не обратил внимания – это ослабление основания стен многочисленными 2–3-ярусными погребениями вокруг мавзолея, отсутствие гидроизоляции подошвы стен и спланированного водоотвода от здания [ЦГА РУз., ф. Р2810, оп. 1, д. 16, л. 10].

В разной плотности грунтов и «невнимании» к фундаментам В.С. Гейнцельман видел одну из главных причин деформаций и разрушений. Но из контекста «Доклада» следует, что с этим он также связывает и исключительно оригинальную идею конструктивной схемы и пространственного замысла мавзолея Ясави. «Мудрый строитель, – пишет он, – несомненно, знал и предвидел это, и предпринял меры, чтобы по возможности ослабить дурные последствия неравномерной осадки. Он разъединил отдельные части шестью узкими коридорообразными помещениями [таковым также сле-

дует считать и проходы в казандык в щипцовой стене южного портала по сторонам от парадного входа – прим. авт.], и рассчитывал на то, что каждая отдельная часть, безвредно для другой, может совершить свою осадку. Испорченные этой осадкой незначительные своды коридоров легко и недорого можно было восстановить» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 12 об.]. Из исследования Гейнцельмана вытекает также и другая, не менее важная мысль, которую в 1950-х гг. детализировал выдающийся реставратор Б.Н. Засыпкин, что конструктивный замысел был рассчитан на дальнейшее уплотнение грунтов,, превращение их в жёсткий монолит под давлением огромной инертной массы стен и южного пештака [Ёлгин, 2013, с. 144.; ЦГА РУз., ф. Р2406, оп. 1, д. 344, л. 7].

Выдвинув идею самостоятельности пространственных блоков, а также сделав многочисленные замеры трещин в стенах, иногда весьма значительных, В.С. Гейнцельман определил, что стены мавзолея в основном сохраняют вертикальное положение и счёт осадку «безвредной для отдельных частей строения» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 12 об.].

В основном прочность здания у инженера-профессионала не вызвала тревоги. По вопросу укрепления оснований он не внёс никаких предложений. Своё мнение в отношении фундаментов под мавзолеем Ясави В.С. Гейнцельман подтвердил годом позже в письме в Канцелярию Туркестанского генерал-губернатора от 19.07.1907 г.: «Архитектор Горохов решительно восстал от подведения фундаментов под стены всей мечети. Относительно данного обстоятельства должен сказать, что по докладу моему подведение фундаментов не

предположено и возражение не вполне понятно» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 51].

Полагаем, и прагматик Гейнцельман, и менее компетентный Горохов, отдавали себе отчёт, что в первые годы XX в. кардинальное вмешательство в подземные конструкции мавзолея Ясави было нереальным по техническим и финансовым соображениям.

Пештак. В.С. Гейнцельман установил, что уклон стен казандыка внутрь достигает 5 вершков (ок. 22 см). Это, по его мнению, предусмотрено при проектировании, чтобы погасить распор гигантского купола [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 13].

Эта часть здания, как он писал в первой части доклада [генерал-губернатор не преминул подчеркнуть это место вертикальной чертой на полях – прим. авт.], опасений не вызывает [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 13 об.]. Между тем с казандыком связан конструктивно гигантский южный портал (пештак), состояние которого инженер признал (несмотря на трещины) удовлетворительным наряду с куполами казандыка, гурханы и даже мечетью, давшей наибольшую осадку [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 14]. Во второй части «Доклада» В.С. Гейнцельман пишет о южном портале: «Задняя часть пештака под кровлей имеет в щипцовой стене две крупные трещины. Может быть, они произошли от давнишней осадки; но может также быть, что причина кроется в громадном своде пештака с его значительным распором. У устья портала распор этот уничтожается с громадным избытком высокими стенами с башнями» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, лл. 15–20].

Южный портал мавзолея Ясави В.С. Гейнцельман характеризовал как «наиболее величественную часть всего сооружения». «Обрушение пештака, – пишет он, – было бы связано с обрушением свода над казанлыком и гибелью большей части храма» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, лл. 15–21]. Здесь [Гейнцельман нередко противоречит себе – прим. авт.] положение о самостоятельности пространственных блоков отходит на второй план. Словно позабыв о высказанной им же мысли о «безопасности» пештака, В.С. Гейнцельман тут же пишет: «Надо <...> исследовать причину отклонения южной стены около башни портала [имеется в виду левый пилон пештака – прим. авт.] и предпринять соответствующие меры» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 15 об.].

Для укрепления южного портала он предлагает установку связей, «сечение которых должно быть весьма значительное ввиду громадности расширяющейся массы». На это потребовалось бы 300 пудов железа, что очень дорого и связано с большой трудоёмкостью работ. К тому же, считает В.С. Гейнцельман, железные связи нецелесообразны, поскольку «они будут удлиняться и сокращаться, потому что не защищены от перемены температуры» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 15]. В итоге он предлагает сделать связи деревянными. Но осуществил бы В.С. Гейнцельман эту меру, – вопрос спорный.

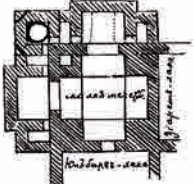
Мечеть. Со слабостью грунтов, их якобы продолжающимся движением и отсутствием надёжного основания В.С. Гейнцельман связывал угрожающее состояние пространственного блока (СЗ угол здания мавзолея), в котором находится мечеть. В.С. Гейнцельмана волновал

вопрос, продолжается ли осадка здания. Северо-западный угол сооружения, по его словам, «...не успокоился после ремонта 1885 г.» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 13 об.]. В западной [В.С. Гейнцельман ошибочно называет её южной – прим. авт.] стене фиксирует, несмотря на установленные за 20 лет до этого контрфорсы, значительное отклонение наружу, достигающее 10 вершков (ок. 45,5 см) [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 12 об.].

Тем не менее, несмотря на аварийное состояние мечети, работы по ней в докладе В.С. Гейнцельмана были поставлены в ряд второстепенных мер по сохранности мавзолея. В то же время это были весьма кардинальные действия. Чтобы доходчиво объяснить суть своего предложения, В.С. Гейнцельман в тексте доклада набросал простенькую схему, которую назвал «эскизом» и снабдил её краткими комментариями: «По наружной стороне Малой мечети возводится массивная пристройка, показанная на эскизе слабошраффированную [заштрихованной – прим. авт.]. Её надо скомпоновать в духе старой постройки и выполнить из такого же материала при высоте примерно 2/3 высоты старого здания. Предупреждая дальнейшие движения, такая пристройка может служить полезным расширением здания» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 14 об.].

Сооружение этой «пристройки», на наш взгляд, самая неудачная мысль в докладе В.С. Гейнцельмана. Предложение инженера, вроде бы, рационально. Но вынужденность его и искусственность очевидны, так как оно идёт вразрез с архитектурной сводчатых конструкций мечети и всего комплекса и разрушает гармонию

№ 2. Во втором этаже строится два просторных помещения в просторных сводах.
 № 3. Клад сводов в древней каменной кладке, под которой лежит своды овалы выделанные в кирпичу, коня и медальону, разрушению. При выборе сводов кладки имеет в виду Я. Вакселя обстоятельство: овалы уклон боковины по- вышенности и следовательно расширивать их удовлетвори- тельной реконст. Во виду этого, казанат-ба, подводящих материю овалу под кровлю и куполы бить древесно-цементные перекрытия или руберойды, покрывши ихско-сопавши алаша. При крупном разрушене сводов, при действительной высоте конструкции, работа эта потребовала бы тысячекрат- ных затрат. Со стороны приближенной к востоку, вероятно, может быть открыта стена высотой в 20-30 тысяч рублей.
 Если сводов нет, то, если опираются края фланжа кровли на стену, должна возникнуть возможность сводов от- дельных конструкций. Другой отсвеч, что каменную кладку можно возвести сводов сразу и двукратно, но в виду этого. Малые своды перекоды вать постепенно, а не сразу и в то же время. Но-же самое можно доу- стинуть и для кровли, подя, конечно, это нежелательно, потому что кровль покрывается в такую сумму, как и просторно.
 Во втором этаже предлагается следующая работа: 1. В виду признания первоначального двукратного, кладки аб- зорности в со-западную часть сводов. Постройка вк 1885 году конструирована, каменную, не достигают и не саркофагичности с кирпичом.

показывает расширение сводов. Клад израсходована отдаленные стены, пристройка может обойтись

но можно сделать, если из выходящих фланжей показывать сводов. Но выходящих сторонах каменную кладку возводить массивная пристройка, покрывая ее сводом каменную кладку. Во видо старой постройки и выходящих из него-же материалы, при высоте постройки 3/4 высоты старой сводов. Прируководств доделанных сводов, малая пристройка может обойтись

Рис. 2. Фрагмент доклада В.С. Гейнцельмана Туркестанскому генерал-губернатору. 1906 г. (по: [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828])

Fig. 2. The fragment of the report V.S. Heinzelman to Turkestan Governor-General. 1906 (by: [TsGA of RUz., f. I-1, op. 12, d. 828])

ческий образ храма. «Полезное расширение здания» за счёт «пристройки на деле означало бы фактическую ликвидацию мечети с точки зрения функциональной и архитектурной. Один из двух проёмов, соединяющих «пристройку» с мечетью, на схеме показан на месте михраба, т.е. он подлежал уничтожению.

О сводах. Больше беспокойство, чем трещины во внешних

стенах, у инженера Гейнцельмана вызвали своды. В большинстве из них он нашёл трещины как результат неравномерной осадки разных частей здания. Эти трещины, пишет он, «...характера опасного, и даже часто угрожающе-немедленным обрушением» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 14]. Далее он приводит случай, когда мальчик-туземец, играя на крыше мавзолея, провалился через свод в «Алим-хане» [халим-хану – прим. авт.] и ушибся насмерть [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 13 об.]. «За остальные своды, – пишет он дальше, – как уже было доложено, нет возможности ручаться и нет основания думать, что с ними невозможны такие же катастрофы, как со сводом Алиа-хана» [это место Д.И. Субботич отчеркнул вертикальной чертой слева на полях – прим. авт.] [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 14].

Сводам мавзолея Ясави В.С. Гейнцельман в «Докладе» уделил немало места. Большинство из них

он признал аварийными. Это притом, что все второстепенные своды, как считает В.С. Гейнцельман, поздние, перекадывались в течение 500 лет существования памятника [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 14]. Предвидя их неравномерную осадку, авторы планировочного и конструктивного замысла мавзолея как бы подразумевали разрушение и периодическое возобновление второстепенных сво-

дов, жертвуя их целостью для сохранности подкупольных конструкций казндыка, гурханы и мечети.

Все мероприятия по ремонту мавзолея Ясави В.С. Гейнцельман разделил на две категории: работы «неотложно необходимые» и работы второй очереди. Первым пунктом в перечне мероприятий значится «немедленная перекладка аварийных сводов» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 14]. В письме в Канцелярию Туркестанского генерал-губернатора от 10.06.1907 г. он уточняет: «...переложить в первую нужно своды над зиарет-ханой [коридор между мечетью и гурханой – прим. авт.], над Аблай-хана, Алиа-хана [коридоры – прим. авт.], над коридором у Ак-Сарая и в самом Ак-Сарае» [думаем, имеется в виду Большой Ак-Сарай – прим. авт.]. Остальные своды предполагалось переложить» в ближайшем будущем» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 14].

О кровле. «Другой враг целостности сводов, – пишет В.С. Гейнцельман, – отсутствие надлежащей кровли». Поэтому, считает он, «...прочные своды подвергаются порче, и вообще здание [мавзолея] не защищено от разрушительного воздействия сырости и мороза» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 14].

Устройство новой кровли – наиболее рациональный и действенный момент программы ремонта мавзолея Ясави, изложенной детально и конкретно в «Докладе» и повторенной в письме его в Канцелярию Туркестанского генерал-губернатора от 10.06.1907 г. В нём изготовление кровли В.С. Гейнцельман отнёс к категории «необходимых и неотложных работ» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 51 об.].

Если перекладку сводов В.С. Гейнцельман допускал возможным делать поэтапно, то устройство кровли должно быть, по его мнению, единовременным действием, иначе она «получится менее прочною» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 14 об.]. Однако, как это сделать при *постепенном восстановлении сводов и куполов*, являющихся несущей частью для внешней оболочки кровли? В.С. Гейнцельман предложил учитывать два обстоятельства при устройстве новой кровли: слабый уклон большинства поверхностей [добавим сюда и высокий парапет по периметру крыши, задерживающий сток атмосферной влаги – прим. авт.] и «невозможность рассчитывать на удовлетворительный ремонт» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 14]. Материалом, необходимым для новой кровли, В.С. Гейнцельман счёл «древесно-цементное покрытие или рубероид, покрытый глино-саманной смазкой». Работы по устройству кровли оценивались до 30 тыс. руб. [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 14].

Конструкции надо изучать! Осознание архитектурной ценности сводов и куполов мавзолея Ясави и проблема их безотлагательного ремонта и восстановления закономерно привело В.С. Гейнцельмана к убеждению, что подкупольные конструкции памятника, их форму, архитектурно-художественную природу и технику выполнения нужно изучать.

Даже первоочерёдные ремонты сводчатых и купольных перекрытий, утверждает В.С. Гейнцельман, должны сопровождаться исследованием их конструкции. Оно не может обойтись без изготовления подробных и точных чертежей. «Это необходимо, – пишет он, – как для поддержания здания в будущем, так и ввиду важ-

ности его в научном отношении» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 15 об.]. Предлагая первоочередные противоаварийные меры, В.С. Гейнцельман высказывает важную мысль, что без разборки сводов сверху, без лесов снизу невозможно определить характер их разрушений [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 14]. Сам предстоящий ремонт мавзолея Ясави В.С. Гейнцельман рассматривает как одну из возможностей архитектурно-археологического исследования памятника [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 13].

Если в «Докладе» тема изучения конструкций обозначена одним–двумя тезисами, то в 1908 г. она становится основным содержанием письма В.С. Гейнцельмана в Канцелярию Туркестанского генерал-губернатора (26.01.1908). С этой проблемой им увязываются все теоретические и практические вопросы предстоящего ремонта. Он считал, что без выяснения особенностей и состояния сводчатых и подкупольных конструкций составление точной сметы ремонта невозможно [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 59]. «Как бы тщательно ни было проведено исследование сооружения, – пишет В.С. Гейнцельман, – всё же при такой археологической древности можно с уверенностью ожидать, что при [начале] производства работ окажется немало непредвиденных и потому и немалых отступлений от сметы» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 59 об.]. Архитектурно-археологическое изучение конструкций, по мнению Гейнцельмана, сводит эти риски к минимуму. Полемизируя с неизвестным оппонентом, он пишет, что сумму в 7000 тыс. руб., запланированную для этих целей, «находит [отнюдь] не преувеличенной» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 59 об.].

Полагаем, авторитет В.С. Гейнцельмана в администрации Туркестанского края был достаточно высок. Чиновник особых поручений умело доводил свои идеи и проекты до власть предержащих. В письме Исполняющего должность Туркестанского генерал-губернатора Министру Внутренних дел от 26.04.1908 г. говорится, что составление точной сметы возможно только после «обнажения и разборки» конструкций и составления чертежей, вследствие чего Военный губернатор Сыр-Дарьинской области «...признал необходимым исследовать конструкции здания, размер повреждений и составить соответственные чертежи, на что исчислил расход в 2000 руб. с лишком».

Следует заметить, что многие положения «Доклада» стали фигурировать в официальной переписке по ремонту мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Чиновники всех уровней и ведомств приводили целые фрагменты почти дословно, приспособлявая их, однако, к своим ведомственным интересам. Вопрос о необходимости изучения конструкций мавзолея занимал их особенно, поскольку давал возможность тянуть с утверждением сметы на ремонт. В письме на имя Туркестанского генерал-губернатора от 09.01.1908 г. подписанном Исправляющим должность Военного губернатора Сыр-Дарьинской области и Областным инженером полковником Габбиным говорится: «Имеющиеся технические и другие документы выяснили полную невозможность составить сколько-нибудь правильно обоснованную на ремонт мечети [мавзолея Ясави – прим. авт.] смету» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 56]. Мысль Гейнцельмана об изучении конструкций конкретизируется и переводится в практическое русло.

Организация архитектурных обмеров выдвигается на первый план. Полковник Габбин имеющийся на то время иконографический материал по мавзолею счёл недостаточным и намечал произвести обмер здания в целом и в деталях. В упомянутом письме он перечислил всё, необходимое для производства обмеров вплоть до верёвок и чертёжных принадлежностей [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 56]. Кое в чём он шёл дальше Гейнцельмана в своих письмах. Например, он предлагал «...собрать на месте все сведения об имеющихся по близости материалах» [по мавзолею Ясави – прим. авт.] [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 56 об.].

На обмеры мавзолея у В.С. Гейнцельмана имелся иной, чем у Н.И. Веселовского, взгляд. Он пишет: «...имеются некоторые геометрические чертежи, разъясняющие её [мечети; так до революции называли мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави – прим. авт.] размеры; но нет никаких данных о её конструкции; кроме тех, которые видны при наружном осмотре. Между тем, предположенные для восстановления проектные работы требуют сведения о конструкции здания» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 59]. Архитектор, проектирующий здания в духе современных архитектурных стилей, В.С. Гейнцельман чисто эмпирически ищет подход к реставрации средневекового культового сооружения. «Перед разборкой каждой части [мавзолея Ясави – прим. авт.], – пишет он, – необходимо в точности изобразить графически для того, чтобы возобновление вполне согласовалось с прежним по внешнему виду» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, лл. 59 об., 60].

Тут же В.С. Гейнцельман переводит изучение конструкций в сугубо

практическое русло. Во время ремонта мавзолея Ясави, считает он, должен присутствовать опытный и надёжный техник с жалованьем не менее 100 руб. в месяц. Перед началом разборки конструктивных узлов должен быть инженер. Он же необходим и для «поверки сделанного техником чертежа важной формы разобранной части и для указания разборки» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 59 об., 60]. После разборки инженер, по выражению В.С. Гейнцельмана, должен был «констатировать факты» и составлять сметы или «поверять сметы, составленные техником». Он же обязан был осуществлять контроль за началом и, по мере необходимости, за ходом работ [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 60].

Приоритет изучению конструкций отдавался не только по причине их аварийного состояния, хотя предложенные им меры и очень приблизительно рассчитанная стоимость ремонтных работ планировались на обеспечение «безопасности здания», т.е. воссоздание подкупольных конструкций. Он пишет: «Для восстановления прежнего облика и блеска богатства и красоты его [мавзолея – прим. авт.] отделки потребовались бы более значительные средства, но нет практической необходимости в выполнении этой работы» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 15 об.].

Говоря о затратах на предстоящий ремонт, В.С. Гейнцельман счёл нужным заметить: «Эту сумму, по местным понятиям и условиям, надо, конечно, признать крупной; но по сравнению со стоимостью здания и его культурного, исторического, научного и художественного значения сумма эта кажется ничтожной. Между тем ею достигается благополучие здания на долгое время» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 12, д. 828, л. 15 об.].

Оценивал мавзолей Ясави В.С. Гейнцельман исключительно как действующий памятник. Акцент в предполагаемом ремонте делается на обеспечение безопасности богослужения и на соблюдение соответствующих ритуалов поклонения могиле святого.

Вместо резюме. «Доклад» – это, по сути, одна из немногих профессионально разработанных программ по спасению конкретного памятника. Одновременно это и архитектурно-теоретическое исследование. В нём, казалось бы, инженерно-строительный аспект превалирует над историческим. Однако Гейнцельман-инженер подспудно ощущает недостаточность последнего для выбора тактики и методов масштабного ремонта, того, что можно назвать «погружением в эпоху», необходимым реставратору монументального средневекового сооружения. И Гейнцельман-архитектор через весь свой доклад, от первой страницы до последней, проводит

мысль о непреходящей архитектурной, исторической и научной ценности мавзолея Ясави.

В результате трёхдневного «общения» с памятником, В.С. Гейнцельман, тогда ещё далёкий от археологии и истории архитектуры, с первого подхода выявил и разглядел очень многое, что осталось вне поля зрения художника и архитектора академической выучки, работавших в г. Туркестане три месяца незадолго до его командировки. В.С. Гейнцельман тогда не мог знать, что мавзолей Ясави не единовременная постройка, что его сооружение делится на три основных строительных периода. Но он сразу выхватил то исключительно важное, на выявление и уяснение чего после революции ушли годы и десятилетия археологических и историко-архитектурных исследований. В первые годы XX в. он высказал предположения, ставшие ключевыми вопросами в деле реставрации мавзолея через 50 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барановский В.Г. Юбилейный сборник о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища). 1842–1892. СПб.: Ин-т гражданских инженеров, 1893. 406, XII с.
2. Вавилова Т. В.С. Гейнцельман [Электронный ресурс] URL: <https://mytashkent.uz/2014/04/03/v-s-gejntselman/>
3. Голендер Б.А. Мои господа ташкентцы. История города в биографиях его знаменитых граждан. Ташкент, 2007. 264 с.
4. Ёлгин Ю.А. Археологические и историко-архитектурные исследования мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави: вторая половина XIX в. – середина 1950-х годов: (Очерки и материалы). Алматы, 2013. 225 с.
5. Исследование, укрепление и реставрация памятника «Ахмад Ясеви» в г.Туркестане // ЦГА РУз., ф. P2406, оп. 1, д. 344.
6. Маньковская Л.Ю. К изучению приёмов среднеазиатского зодчества конца XIV в.: (Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви) // ИЗУ. 1962. Вып. I. С. 93–142.
7. Маньковская Л.Ю. Исследование архитектурного комплекса-мавзолея Ахмада Ясави в городе Туркестане и вопросы его реставрации: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Ташкент: изд-во АН УзССР, 1963. 18 с.
8. Маньковская Л.Ю. К истории изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане // ЦГА РУз., ф. P2810, оп. 1, д. 15.

9. Маньковская Л.Ю. Ремонты и реставрация мавзолея Ахмада Ясави в городе Туркестане Казахской ССР // ЦГА РУз. Ф. Р2810, оп. 1, д. 16.

10. О неисправности мечети Хазрета Ахмета Ясави в г. Туркестане и о продаже 2-х подвечников // ЦГА РУз. Ф. И-1, оп. 12, д. 828.

11. О разрушении памятника, выстроенного Тамерланом в 1390 г. // ЦГА РУз., ф. И-17, оп. 1, д. 19184.

Сведения об авторе:

Ёлгин Юрий Андреевич – научный сотрудник, НИИ археологических исследований, Южно-Казахстанский государственный университет им. М.О. Ауезова (г. Шымкент, Казахстан); yolginuriy@gmail.com

В.С. ГЕЙНЦЕЛЬМАН ЖӘНЕ ОНЫҢ 1906–1908 ЖЖ. ҚОЖА АХМЕТ ЯССАУИ КЕСЕНЕСІН ЖӨНДЕУ БАҒДАРЛАМАСЫ

Ю.А. Ёлгин

Түркістан қаласындағы Қожа Ахмет Яссауи кесенесін 1906-1908 жж. жөндеу жөніндегі талқылау ескерткішті зерттеу тарихының ақтаңдақ беттерінің бірі. Аталмыш пікіргаласта 1906 жылдың сәуір айында ескерткішті зерттеудің қорытындылары бойынша азаматтық инженер В.С. Гейнцельманның Түркістан генерал-губернаторының атына жасаған баяндамасы басты рөл атқарады. Түркістандағы ескерткішті жөндеу және сақтау бойынша жасаған ұсыныстарын сол тұста іске асыруға мүмкіндік болмады, алайда Гейнцельманның баяндамасы ХХ ғасырдағы Яссауи кесенесінде жұмыс жасаған археолог, инженер, архитектор-қалпына келтірушілердің бағдарламалық құжаттары болды. Мақалада тұңғыш рет В.С. Гейнцельманның баяндамасында баяндалған ауқымды жөндеу жұмыстары және бірқатар өзге құжаттарда кездесетін негізгі қағидағдарлары сарапталады.

Түйін сөздер: Қожа Ахмет Яссауи кесенесі, В.С. Гейнцельман, Д.И. Субботич, Н.И. Гродеков, А.А. Бобринский, Императорлық археологиялық комиссия, жөндеу, смета, күмбез, құрылым

W.S. HEINZELMANN AND HIS PROGRAM FOR REPAIR OF MAUSOLEUM OF KHOJA AHMED YASAWI IN 1906–1908

Yu.A. Yolgin

Discussion of repair of the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi in Turkestan in 1906 – 1908 years is the least studied page in the history of the monument study. The leading role in this discussion belongs to the report of W.S. Heinzelmann, civil engineer, addressed to Turkestan Governor-General on the mausoleum study results in April 1906. At that time his intended actions to repair and preserve the Turkestan monument failed, but Heinzelmann's report was a program document, anticipating almost everything done on the Yasawi mausoleum by archaeologists, engineers, architects-restorers in the XX century. For the first time this article analyzes the main provisions of the large-scale repair program stated by Heinzelmann in his report, as well as in a number of other documents.

Keywords: Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi, W.S. Heinzelmann, D.I. Subbotich, N.I. Grodekov, A.A. Bobrinski, Imperial archaeological committee, repair, cost account, domes, arches, constructions

REFERENCES

1. Baranovski, V. G. 1893. *Yubilejnyj sbornik o deyatel'nosti byvshih vospitannikov Instituta grazhdanskix inzhenerov (Stroitel'nogo uchilishcha) (Jubilee volume about activity of former pupils of Civil engineers institute (Building academy))*. Sankt-Petersburg: Institute of Civil Engineers Pub. (in Russian).

2. Vavilova, T. *W.S. Heinzelmann*. URL: <https://mytashkent.uz/2014/04/03/v-s-gejntselman/> (in Russian).

3. Golender, B. A. 2007. *Moi gospoda tashkentcy. Istoriya goroda v biografiih ego znamenitih grazhdan (My gentlemen are Tashkent. The history of the city in the biographies of its famous citizens)*. Tashkent (in Russian).

4. Yolgin, Yu. A. 2013. *Arheologicheskie i istoriko-arhitekturnye issledovaniya mavzoleya Hodzhi Ahmeda Yasavi: vtoraya polovina XIX v. – seredina 1950-h godov: (Ocherki i materialy) (Archaeological and historical-architectural studies of the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi: Second half of XIX c. – middle of 1950s: (Outlines and materials))*. Almaty (in Russian).

5. Central State Archive Uzbekistan, fund P2406, inv. 1, dossier 344 (in Russian).

6. Mankovskaya, L. Yu. 1963. *Issledovanie arhitekturnogo kompleksa-mavzoleya Ahmada Yassavi v gorode Turkestane i voprosy ego restavratsii: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya (Study of architectural complex – the Mausoleum of Ahmed Yasawi in Turkestan and issues of its restoration: thes. of Candidate of Art history)*. Tashkent: UzSSR Academy of Sciences (in Russian).

7. Mankovskaya, L. Yu. 1962. In *Iskusstvo zodchih Uzbekistana (Art of Architects of Uzbekistan)*, I, 93-142 (in Russian).

8. Mankovskaya, L. Yu. In *Central State Archive Uzbekistan*, fund P2810, inv. 1, dossier 15 (in Russian).

9. Mankovskaya, L. Yu. In *Central State Archive Uzbekistan*, fund P2810, inv. 1, dossier 16 (in Russian).

10. In *Central State Archive Uzbekistan*, fund И-1, inv. 12, dossier 828 (in Russian).

11. In *Central State Archive Uzbekistan*, fund И-17, inv. 1, dossier 19184 (in Russian).

About the Author:

Yolgin Yuri A. Researcher at the Institute of Archaeological Research, South Kazakhstan State University named M.O. Auezov, Shymkent, Kazakhstan; yolginuriy@gmail.com

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.06.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 02.07.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 09.07.2018.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ РАХАТ в 2018 г.

©2018 г. Е.А. Джасыбаев, Д.В. Ожерельев, Т.Б. Мамиров

В статье изложены результаты полевых исследований 2018 г., проводившихся на многослойной стоянке Рахат. Данный объект является уникальным для изучения древнего периода Жетысу и близлежащих регионов, так как памятники с сохранившимся культурным слоем эпохи палеолита в регионе единичны. Проведенные международной командой работы позволили проследить мощность культуросодержащих отложений и показали наличие восьми культурных слоев сохранившихся *in situ*. Памятник имеет большой научный потенциал и перспективу исследований. Археологические материалы показывают, что человек впервые появился здесь в конце среднего – начале верхнего палеолита и в дальнейшем посещал это место неоднократно на протяжении нескольких тысяч лет. Несмотря на незначительную каменную коллекцию, становится ясно, что инвентарь из разных слоев делает возможным проследить изменения археологической культуры каменного века второй половины позднего плейстоцена на территории северных предгорий Тянь-Шаня. Это, в свою очередь, позволяет с максимальной долей достоверности проводить исследование погребенных материалов с возможностью создания локальных либо более масштабных периодизационных схем появления и развития верхнепалеолитических индустрий (культур, комплексов) Азии. Стоянка Рахат является вторым стратифицированным памятником позднего палеолита всего Юго-Восточного Казахстана, на которой начаты и будут продолжены комплексные научные исследования.

Ключевые слова: археология, каменный век, палеолит, стратиграфия, каменные орудия, культура, индустрия, каменное расщепление, каменное сырье, раскопки

В июне 2018 г. совместной исследовательской группой Государственного историко-культурного музея-заповедника «Иссык» и Института археологии РАН проводились разведочные раскопки стоянки Рахат. Памятник был обнаружен в 2006 г. Тогда же была получена первая информация по стратиграфии стоянки, собрана значительная коллекция находок [Мамиров, 2007; Ожерельев, 2007; Артюхова, 2010;].

Стоянка Рахат расположена в 8 км к ЗЮЗ от г. Есик (Енбекши-

казахский р-н, Алматинская обл., N 43°21,481', E 077°22,679'). Абсолютная высота памятника 952 м над у.м. Памятник находится на правом берегу одноименной реки при выходе ее из ущелья в предгорную зону (рис. 1). Река Рахат является предгорной по типу рекой, имеющей родниковое питание. При выходе из гор ущелье реки расширяется, и река распадается на несколько русел. Одно из этих русел проходит прямо возле правого берега, частично подмывая его высокий борт. Геоморфологическая пози-

ция стоянки связана с лессовидными суглинками, покрывающими на данном участке террасовидные уступы хребта Иле Алатау. Эта форма рельефа, присущая предгорьям хребта, получила наименование «прилавки» [Додонов, 2002; Кусаинов, 2017]. «Прилавки» формировались в плейстоценовое время, являются характерной формой рельефа Иле Алатау. «Прилавки» включают два террасовидных уступа (ступени) – верхний (1200–1700 м над у.м.) и нижний (900–1200 м над у.м.). Согласно этому расчленению стоянка Рахат связана с нижними «прилавками», в месте, где они непосредственно переходят в верхний уступ «прилавков».

Обнаружение стоянки фактически стало счастливой случайностью. Долгое время здесь добывались суглинки, следствием чего стало частичное обнажение лессовидных отложений правого берега р. Рахат. В настоящее время памятник имеет вид карьера по добыче глин с высокой

вертикальной стеной, достигающей 13 м. В разные годы на памятнике производились научные изыскания, заключавшиеся в сборе подъемного материала, небольших зачистках отдельных участков в обнажении разреза (сборе, выявленного в ходе зачисток археологического материала, отборе образцов на анализы) [Мамиров, 2007; Бексеитов и др., 2016]. Однако, до сих пор отсутствовало конкретное представление о полной стратиграфии памятника и его датировке. Объект историко-культурного наследия с каждым годом подвергался разрушению в результате продолжения работ по разработке глины местным населением, а также при естественном разрушении стен карьера. Исходя из этого, было принято решение по археологическому обследованию памятника путем закладки траншеи и шурфа на одном из участков обнажения.

В результате этих работ была исследована толща лессовидных су-

Рис. 1. Вид на долину р. Рахат в месте расположения одноименной стоянки. Фото авторов

Fig. 1. View of the valley of river Rahat at the location of the same name site. Author's photo

глинков мощностью 13 м. При помощи траншеи и зачистки борта памятник изучался на глубину от 0 до 11,3 м. Начиная с глубины 11,3 м, что соответствует современной поверхности дна карьера, был заложен шурф размерами 1×2 м. Глубина шурфа составила 1,7 м. Дальнейшие работы в шурфе были приостановлены на уровне слоя речного аллювия (рис. 2). Таким образом, была стратиграфически изучена вся культуросодержащая толща отложений памятника, включающая 13 м. В кратком виде стратиграфия стоянки Рахат может быть описана следующим образом: 1 – современный дерновый слой (0/0,1 м); 2 – современная почва темно-коричневого цвета (-0,1/-1,9 м); 3 – суглинок коричневатый, плотный, в верхней части более коричневый, поскольку прокрашен современной почвой, к нижней части светлеет, приобретая постепенно более серый цвет (-1,9/-4,05). Контакт с нижележащим слоем нечеткий; 4 – суглинок серовато-коричневый, значительно опесчаненный, пористый (-4,05/-7,8 м). На глубине -6,0/-7,5 м более серый, включает культурные слои 1–3. На глубинах -7,5/-7,8 м наблюдается постепенный переход к нижележащему слою; 5 – суглинок коричневый, неопесчаненный, плотный (-7,8/-9,4 м). Нижний контакт нечеткий; 6 – суглинок серовато-коричневый, значительно опесчаненный, пористый (-9,4/-10,4 м). Содержит находки культурного слоя 4. Нижний контакт постепенный; 7 – суглинок коричневатый, слегка опесчаненный, с включением мелкой слабоокатанной гальки (-10,4/-11,80 м). Содержит находки культурных слоев 5–7. Нижний контакт постепенный; 8 – суглинок коричневый, неопесчаненный, более глинистый по сравнению с

вышележащим слоем (-11,8/-12,2 м). Количество гальки увеличивается. Содержит культурный слой 8. Нижний контакт нечеткий; 9 – суглинок серовато-коричневый с признаками оглеенности, слегка опесчаненный (-12,2/-13,0 м). Количество гальки увеличивается. Нижний контакт четкий; 10 – галечно-валунные отложения с глинистым заполнителем (с глубины -13,0 м).

При дальнейших раскопках стоянки на значительных площадях стратиграфия и количество культурных слоев могут быть уточнены и скорректированы в сторону большей детализации. Но уже на данный момент понятно, что в изученной толще выделяется современная почва, а также два горизонта, которые предварительно можно охарактеризовать как погребенные позднелепесточные почвы. Это два слоя серовато-коричневых суглинков (глубины – -6,0/-7,5 м; -9,4/-10,4 м), содержащих культурные слои 1–4. Так как исследовался борт карьера, который имеет неровную форму, площадь вскрытия всех культурных слоев различная. Максимальная площадь – до 2,5 кв.м.

Культурные слои представляют собой погребенные уровни обитания с четкой вертикальной локализацией либо незначительным рассеиванием находок по высоте. За исключением слоя 8, каждый слой содержит угли. В слое 1 были обнаружены прокалы и углистые пятна. В слое 4 был обнаружен очаг. Точную форму очага определить пока невозможно, так как значительная его часть уходит в борт восточной стенки. Но, по всей видимости, он имеет подокруглые очертания, с центральной, более мощной частью и с периферийными участками. В разрезе очаг близок к линзовидной

Рис. 2. Раскопочные работы на стоянке Рахат в 2018 г. На фотографии отмечены ступенчатая траншея, зачистка борта обнажения и шурф

Fig. 2. Excavation work at the Rakhat site in 2018. The photo shows a stepped trench, stripping of the exposure and pit

форме. Максимальная его мощность достигала 15 см в центральной части. Заполнение очага – угли, углистая масса черного и темно-серого цветов. В очаге встречаются отдельные каменные находки (пренуклеус, отщепы) (рис. 3).

Всего во всех слоях была обнаружена 121 находка, включая также каменные изделия, полученные при промывке грунта из культурных слоев. Орудий немного, всего 3 ед.: скребок, оформленный на истощенном микронуклеусе, двойной боковой скребок и фрагмент первичной пластины с ретушью. Первичное расщепление представлено двумя пренуклеусами, нуклевидным обломком, отщепами (27 экз.), пластинчатым отщепом, пластиной, пластинкой, микропластиной, различного рода обломками (35 экз.), техническим сколом т.н. «таблеткой» и многочисленными чешуйками (рис. 4, 1–7). Исходя из категориальной представ-

ительности инвентаря, на стоянке проводился полный цикл расщепления сырья и изготовления орудий. В трех слоях были получены частичные сборки между собой каменных изделий (ремонт).

В качестве сырья использовался широкий спектр горных пород и минералов. Подавляющее большинство изделий выполнено на местном сырье, происходящем из галечника р. Рахат. Это порфириды, диориты, риолиты различных цветов и оттенков с низким изотропным составом. Использовалось также более пластичное сырье – эффузивы серого цвета, близкие по качеству к песчаникам, и зеленоватого цвета порода, напоминающая кремнь. Это сырье, видимо, происходит из русла реки, но встречается оно здесь крайне редко. Кроме того, в коллекции имеются предметы из кремня различных цветов, которые явно приносились на стоянку из других мест.

Рис. 3. Очаг из слоя 4 и его разрез после полной расчистки.
Значительная часть очага уходит в восточную стенку

Fig. 3. The hearth from layer 4 and it's incision after complete stripping.
A significant part of the hearth goes into the eastern wall

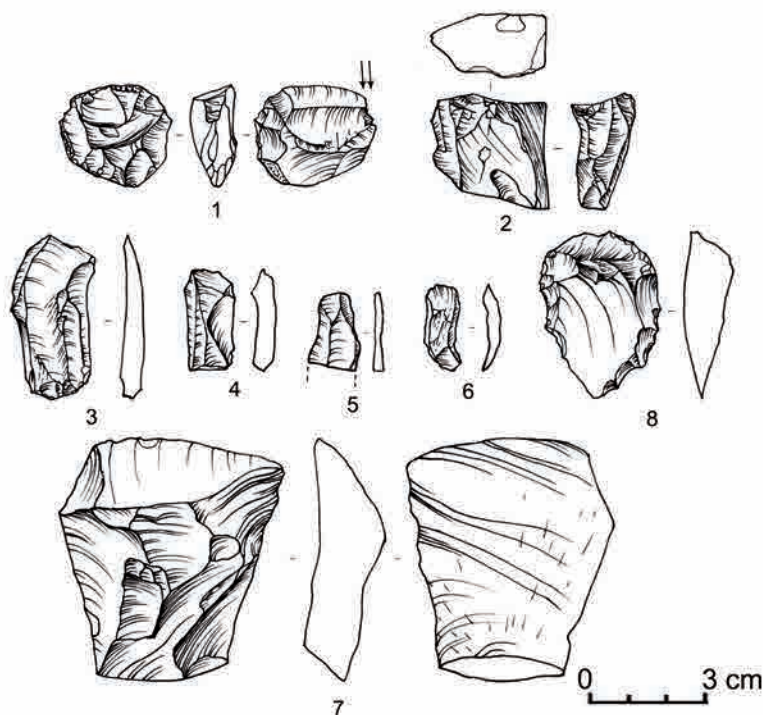

Рис. 4. Каменные изделия стоянки Рахат: 1 – микронуклеус-скребок (слой 5); 2 – нуклидный обломок (слой 2); 3 – пластина (слой 2); 4 – пластинка (слой 3); 5 – обломок пластинки (слой 1); 6 – микропластина (слой 2); 7 – отщеп (слой 7); 8 – скребок (слой 5)

Fig. 4. Stone products of the Rakhat site: 1 – microneucleus-scraper (layer 5); 2 – nuclide debris (layer 2); 3 – blade (layer 2); 4 – blade (layer 3); 5 – a fragment of a blade (layer 1); 6 – microblade (layer 2); 7 – flake (layer 7); 8 – scraper (layer 5)

По предварительным данным, стратиграфии, характеру культурных слоев, облику каменной индустрии памятник может быть сопоставлен со стоянкой Майбулак (Жамбылский р-н, Алматинская обл.), расположенной в 44 км к западу от города Алматы, возраст которой составляет порядка ~40–25 тысяч лет [Ожерельев, 2005; 2012; Таймагамбетов, Ожерельев, 2008; 2009; Feng et al., 2011; Fitzsimmons et al., 2017].

Памятник имеет большой научный потенциал и перспективу исследований. Значение его, в частности, заключается в том, что он содержит минимум два горизонта, которые можно характеризовать как

погребенные плейстоценовые почвы. Это, в свою очередь, дает возможность проводить подробные палеогеографические исследования. В почвах содержатся культурные слои превосходной сохранности *in situ* с различными объектами, характерными для верхнепалеолитических стоянок. Основные периоды ее обживания увязываются с благоприятными климатическими условиями межледниковий. Северные предгорья Иле Алатау и во времена последних оледенений представляли собой природно-климатические оазисы, притягивавшие людей верхнего палеолита богатством растительного, животного мира и обильными источ-

никами воды. Археологические материалы стоянки указывают на то, что человек впервые появился здесь в конце среднего – начале верхнего палеолита и в дальнейшем посещал это место неоднократно на протяжении нескольких тысяч лет. Несмотря на незначительную каменную коллекцию, становится ясно, что инвентарь из разных слоев делает возможным проследить изменения археологической культуры каменного века второй половины позднего плейстоцена северных предгорий Тянь-Шаня. Это в свою очередь позволяет с максимальной долей достоверности проводить исследование погребенных материалов с возможностью создания локальных либо более масштабных периодизационных схем появления и

развития верхнепалеолитических индустрий (культур, комплексов) Азии. На стоянках Рахат и Майбулак предварительно устанавливаются с одной стороны тенденции развития каменной индустрии ранних этапов верхнего палеолита, свойственных другим регионам Европы и Азии. В то же время выявляются особенные признаки, которые могут в какой-то мере помочь понять культурные и поведенческие принципы развития верхнего палеолита Центральной Азии. Таким образом, стоянка Рахат является вторым стратифицированным памятником позднего палеолита всего Юго-Восточного Казахстана, на которой начаты и будут продолжены комплексные научные исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артюхова О.А.* Проблемы позднего палеолита Казахстана // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1. С. 3-8.
2. *Бексейтов Г.Т., Оспанов Е.Б.* Исследования на позднепалеолитической стоянке Рахат в Семиречье // Новые методы исследования в археологии: матер. междунар. научн.-практ. конф. Алматы: Қазақ университеті, 2016. С. 163-167.
3. *Додонов А.Е.* Четвертичный период Средней Азии. М.: ГЕОС, 2002. 250 с.
4. *Кусаинов С.А.* Четвертичная геология (основы и методы исследования). Алматы: Қазақ университеті, 2017. 330 с.
5. *Мамиров Т.Б.* Новые материалы по палеолиту Юго-Восточного Казахстана (по данным разведочных работ 2006 года) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: матер. 47 рег. археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3–4 апреля 2007 г.). Новосибирск, 2007. С. 27-28.
6. *Ожерельев Д.В.* Археологические работы экспедиции КазНУ им. аль-Фараби по изучению памятников каменного века в Казахстане в 2004 году // Вестник КазНУ. Сер. историч. 2005 № 3 (38). С. 100-111.
7. *Ожерельев Д.В.* Открытия палеолита в предгорьях Заилийского Алатау (Юго-восточный Казахстан) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: матер. 47 рег. археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3–4 апреля 2007 г.). Новосибирск, 2007. С. 33-35.
8. *Ожерельев Д.В.* Новейшие открытия палеолитических памятников в Юго-восточном Казахстане // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 182-191.
9. *Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В.* Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы: Қазақ университеті, 2009. 256 с.
10. *Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В.* Изучение стратифицированной стоянки Майбулак в Жетысу (Юго-восточный Казахстан) в 2004–2007 гг. // Мирас. 2008. № 1. С. 70-85.
11. *Fitzsimmons K.E., Iovita R., Sprafke T., Glantz M., Talamo S., Horton K., Beeton T., Alipova S., Bekseitov G., Ospanov E., Deom J.-M., Sala R., Taimagamбетov J.* 2017. A chronological framework connecting the early Upper Palaeolithic across the Central Asian piedmont. *Journal of Human evolution.* 113. 107-126.

12. Feng Z.-D., Ran M., Yang Q.L., Zhai X.W., Wang W., Zhang X.S., Huang C.Q., 2011. Stratigraphies and chronologies of late Quaternary loesspaleosol sequences in the core area of the central Asian arid zone. Quatern. Int. 240. 156-166.

Сведения об авторах:

Джасыбаев Ермек Аманжолович – магистр истории, заместитель директора, Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык» (г. Есик, Казахстан); ormik80@mail.ru

Ожерельев Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела археологии каменного века, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); dim_as_oj@mail.ru

Мамиров Талгат Базарбаевич – кандидат исторических наук, директор, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астане (г. Астана, Казахстан); tmamirov@mail.ru

**2018 ЖЫЛҒЫ КӨПҚАБАТТЫ РАХАТ ТҰРАҒЫНДАҒЫ
ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР**

Е.А. Джасыбаев, Д.В. Ожерельев, Т.Б. Мамиров

Мақалада 2018 жылы көпқабатты Рахат тұрағында жүргізілген далалық зерттеулер туралы мәліметтер келтіріледі. Бұл нысан Жетісу және жақын орналасқан өңірлердің ежелгі кезеңі зерттеу үшін бірегей болып табылады, себебі аймақта палеолит дәуірінің мәдени қабаты сақталған ескерткіштері өте сирек. Халықаралық жасақпен жүргізілген жұмыстар орман шөгінділерінің орналасу қуатын бақылауға мүмкіндік берді, сонымен қатар жәдігерлері бүлінбеген сегіз мәдени қабаттың болғанын көрсетті. Ескерткіш үлкен ғылыми әлеуетке және зерттеу болашағына ие. Тұрақтың археологиялық мәліметтері бойынша мұнда жоғарғы палеолиттің басы мен орта палеолиттің соңында алғаш рет адамның пайда болғанын, кейіннен бұл орынға бірнеше мың жыл бойы үздіксіз келіп отырғандығын көрсетеді. Аздаған тас жинақтамасына қарамастан, әртүрлі қабаттардан табылған құрал-саймандар Тянь-Шань тауының солтүстік тоғандық аумағында кейінгі плейстоценнің екінші жартысындағы тас дәуірінің археологиялық мәдениетінің өзгеруін байқауға мүмкіндік береді. Бұл өз кезегінде, жерлеу ғұрпын барынша үлкен үлеспен зерттеуге, Азияның жоғарғы палеолит өнеркәсібінің (мәдениеттердің, кешендердің) пайда болуы мен дамуының жергілікті әлде неғұрлым ауқымды кезеңделу үлгілерін жасауға жағдай туғызады. Рахат тұрағы – кешенді ғылыми зерттеу басталған және одан әрі жалғастырылатын, Қазақстанның бүкіл оңтүстік-шығыс аумағы бойынша кейінгі палеолит дәуіріне тиесілі екінші мәдени қабатталған ескерткіш болып саналады.

Түйін сөздер: археология, тас ғасыры, палеолит, стратиграфия, тас құралдары, мәдениет, өнеркәсіп, тас ыдырату, тас шикізаты, қазбалар

**FIELD RESEARCHES OF THE MULTILAYER MONUMENT
«RAKHAT» IN 2018**

E.A. Jasybayev, D.V. Ozherelyev, T.B. Mamirov

The article contains information about the field research conducted on the multilayer monument «Rakhat» in 2018. This object is unique for studying the ancient period of Jetysu and nearby regions, since the monuments with the preserved cultural layer of the Paleolithic epoch in the region are single. The work carried out by the international team made it possible to trace the thickness of the loess deposits and showed the presence of eight cultural layers, with preserved in situ artifacts. The monument has a great scientific potential and perspective of research. Archaeological materials of the monument indicate that the man first appeared here at the end of the Middle Paleolithic – at the beginning of the Upper Paleolithic and subsequently visited this place repeatedly for several thousand years. Despite the small collection of the stone artifacts, it becomes clear that the inventory from different layers makes it possible to trace the changes in the archaeological culture of the Stone Age of the second

half of the late Pleistocene in the northern foothills of the Tien Shan. This, in turn, allows the study of buried materials with a maximum degree of certainty, with the possibility of creating local or more large-scale periodization schemes for the appearance and development of the Upper Paleolithic industries (cultures, complexes) in Asia. The monument «Rakhat» is the second stratified monument of the late Paleolithic of the entire Southeast Kazakhstan, where comprehensive scientific research has been and will continue.

Keywords: archaeology, the Stone Age, Paleolith, stratigraphy, stone tools, culture, industry, stone cleavage, stone raw materials, excavations

REFERENCES

1. Artjuhova, O. A. 2010. In *Izvestija NAN RK (Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)*, 1, 3-8 (in Russian).
2. Bekseitov, G. T., Ospanov, E. B. 2016. In *Novye metody issledovanija v arheologii (New research methods in archaeology)*. Almaty: “Qazaq universiteti” Publ., 163-167. (in Russian).
3. Dodonov, A. E. 2002. *Cetvertichnyj period Srednej Azii (Quaternary period of Central Asia)*. Moscow: “GEOS” Publ. (in Russian).
4. Kusainov, S. A. 2017. *Cetvertichnaja geologija (osnovy i metody issledovanija) (Quaternary geology (fundamentals and methods of research))*. Almaty: “Qazaq universiteti” Publ. (in Russian).
5. Mamirov, T. B. 2007. In *Arheologija, jetnologija, paleojekologija Severnoj Evrazii i sopredel'nyh territorij (Archeology, ethnology, paleoecology of Northern Eurasia and adjacent territories)*. Novosibirsk, 27-28 (in Russian).
6. Ozherelyev, D. V. 2005. In *Vestnik KazNU. Serija istoricheskaja (Bulletin of the Kazakh National University. Historical series)*, 3 (38), 100-111 (in Russian).
7. Ozherelyev, D. V. 2007. In *Arheologija, jetnologija, paleojekologija Severnoj Evrazii i sopredel'nyh territorij (In Archeology, ethnology, paleoecology of Northern Eurasia and adjacent territories)*. Novosibirsk, 33-35. (in Russian).
8. Ozherelyev, D. V. 2012. In *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii (In Brief reports of the Institute of Archeology)*, 227, 182-191 (in Russian).
9. Tajmagambetov, J. K., Ozherelyev, D. V. 2009. *Pozdnepaleoliticheskie pamjatniki Kazahstana (Late Paleolithic monuments of Kazakhstan)*. Almaty: “Qazaq universiteti” Publ. (in Russian).
10. Tajmagambetov, J., Ozherelyev, D. V. 2008. In *Miras*, 1, 70-85 (in Russian).
11. Fitzsimmons, K. E., Iovita, R., Sprafke, T., Glantz, M., Talamo, S., Horton, K., Beeton, T., Alipova, S., Bekseitov, G., Ospanov, E., Deom, J.-M., Sala, R., Taimagambetov, J., 2017. In *Journal of Human evolution*, 113, 107-126.
12. Feng Z.-D., Ran M., Yang Q.L., Zhai X.W., Wang W., Zhang X.S., Huang C.Q., 2011. In *Quatern. Int.*, 240, 156-166.

About the Authors:

Jasybayev Ermek A. Master of History, Deputy Director, State Historical and Cultural Reserve-Museum “Issyk” (Esik, Kazakhstan.); ormik80@mail.ru

Ozherelyev Dmitry V. Candidate of Historical Sciences, researcher of the Department of Archeology of the Stone Age, Institute of Archeology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); dim_as_oj@mail.ru

Mamirov Talgat B. Candidate of Historical Sciences, Director, Branch of the A.Kh. Margulan Archeology Institute in Astana (Astana, Kazakhstan); tmamirov@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 09.09.2018.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 17.09.2018.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.09.2018.

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О РАННЕЙ ИСТОРИИ АНДРОНОВСКИХ ПЛЕМЕН ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА (по материалам кургана 7 могильника Талдинский-1)

© 2018 г. С.У. Жауымбай, И.А. Кукушкин, А.И. Кукушкин,
Е.А. Дмитриев, О.С. Шохатаев

В статье в научный оборот вводятся материалы кургана 7 могильника Талдинский-1. Исследования проводились археологической экспедицией КарГУ им. Е.А. Букетова в 2018 г. Памятник находится в 93 км юго-восточнее г. Караганды, в 12 км к ВСВ от п. Талды и расположен на относительно ровной площадке левобережья р. Талды (Шетский р-н, Карагандинская обл.). Здесь визуально зафиксировано 18 сооружений двух культурно-хронологических горизонтов: раннеандроновского (петровского/раннеалакульского типа) и позднебронзового (бегазы-дандыбаевского типа). Керамический материал исследованного сооружения, по мнению авторов, характеризует ранний этап петровской культуры. Получены новые сведения о ранней истории андроновских племен на территории Центрального Казахстана. В противовес устоявшемуся мнению о наличии в регионе только памятников позднего этапа петровской культуры, выдвигается аргументированное предположение, о том, что накопленные материалы представляется возможным разделить на два этапа: ранний (собственно петровский) и поздний (аналогичный кулевчинскому), что отражено в керамическом комплексе и инвентаре.

Ключевые слова: археология, Центральный Казахстан, эпоха бронзы, петровская культура, наконечник копья, керамический комплекс, ритуальный сосуд

Ранняя история андроновских племен Центрального Казахстана, несмотря на изученность значительного количества памятников, остается в достаточной мере гипотетичной. Выявленный за предыдущие годы пласт наиболее древних комплексов бронзового века региона (Ащису, Нуртай, Бозенген, Аяпберген, Икпень I и др.) [Ткачев А.А., 2002; Кукушкин И.А., 2006; 2011] объединен наличием керамических сосудов с ребристым плечом. Несмотря на их сходство с северо-казахстанскими памятниками петровского типа, в настоящее время, имеются две гипотезы их генезиса. Согласно доминирующему представлению, появление данных комплексов в Центральном

Казахстане вызвано миграцией носителей петровской культуры (И.А. Кукушкин) [Кукушкин И.А., 2011, с. 109; Кукушкин И.А., Дмитриев, 2018, с. 36]. Иная модель предложена А.А. Ткачевым, считающим, что этот ранний пласт памятников (нуртайская культура) является продуктом имманентного развития автохтонного населения, а некоторая близость обоих блоков комплексов обусловлена единой степной подосновой [Ткачев А.А., 1999, с. 27–28], что было резонно подвергнуто критике [Ткачев В.В., 2007а].

В рамках данной статьи предлагается обратиться к вопросу о появлении петровских комплексов в регионе на материалах кургана 7

могильника Талдинский-1, раскопанного в 2018 г. Памятник находится в Шетском районе Карагандинской области, в 93 км юго-восточнее г. Караганды, в 12 км к ВСВ от п. Талды, в 9 км северо-западнее п. Байбала, в 2,5 км к ЗСЗ от п. Жанажурт и расположен на относительно ровной площадке левобережья р. Талды. На погребальной площадке, вытянутой

с запада на восток, визуально зафиксировано 18 сооружений двух культурно-хронологических горизонтов: андроновского (петровского/раннеалакульского типа) и поздне-бронзового (бегазы-дандыбаевского типа) (рис. 1).

Сооружение 7 до раскопок представляло собой оплывший земляной курган, в полах насыпи которого

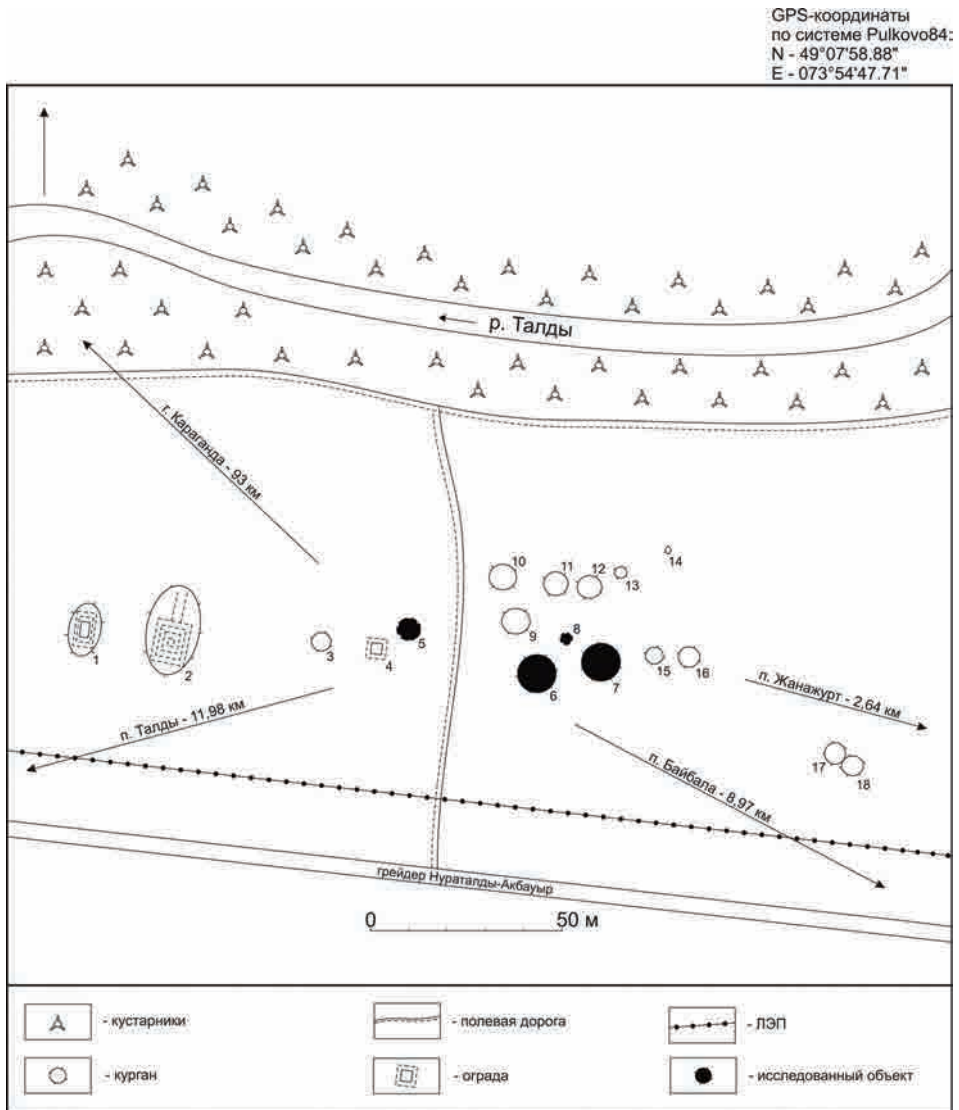

Рис. 1. Ситуационный план могильника Талдинский-1. Исполнитель: А.И. Кукушкин
Fig. 1. Situational plan of the Taldinsky-1 burial ground. Realized Kukushkin A.I.

го визуально зафиксированы отдельные плиты кольцевого ограждения диаметром 10,4 м, установленные на ребро (рис. 2). В процессе снятия насыпи в северной части западного сектора раскопа, на глубине 17 см от условного нуля, обнаружен металлический наконечник копья (рис. 3, 1), а также отдельные разрозненные кости крупного домашнего животного и фрагменты керамики от одного сосуда (выброшены при ограблении могилы) (рис. 4, 4). После снятия насыпи в центральной части подкурганной площадки выявлены границы погребальной камеры в виде грунтовой ямы размерами 3,1×2,8 м, ориентированной длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 2).

При выборке заполнения могилы, на глубине 0,45 м от уровня материка, выявлены истлевшие фрагменты дерева, которые, вероятно, поддерживали перекрытие могилы, состоящее из плит, завалившихся внутрь. В заполнении, на разных уровнях, встречались человеческие кости двух индивидов (неопределенного пола возрастом до 16 лет и мужчины возрастом 20–25 лет) (определение пола и возраста выполнено Ингрид Чичюркайте, Вильнюсский университет), фрагменты керамики от четырех сосудов, а в придонном слое (на глубине 1 м) обнаружены металлические колечковидные бусины (рис. 3, 4), скоба, металлическое изделие (клин?), фрагменты желобчатого браслета, два каменных наконечника стрел, костяное навершие и подвеска из клыка животного (рис. 3, 4).

Металлический наконечник копья (рис. 3, 1) – имеет литую втулку, листовидное перо, ромбический в разрезе стержень и два боковых округлых сквозных отверстия

по низу втулки, а также с одной из сторон отверстие, образовавшееся в результате литейного брака. Общая длина изделия – 21,5 см, длина пера – 12,5 см, максимальная ширина – 4,8 см, длина втулки – 8,5 см, диаметр по устью – 3 см (внешний) и 2,5 см (внутренний).

Металлическая скоба (рис. 3, 2) – длиной 5,3 см, изготовлена из подквадратного в сечении (0,4 см) прута металла. Имеет загнутые концы.

Металлическое изделие (клин?) (рис. 3, 3) – длиной 3,9 см, шириной до 1 см, толщиной до 0,6 см, подпрямоугольное в сечении. Имеет уплощенный рабочий край.

Костяное навершие (рис. 3, 5) – цилиндрической формы, длиной 2,7 см, округлое в разрезе (диаметр нижней части – 2,1 см, верхней – 1,4 см). В верхней половине расположены четыре овальных отверстия, размерами 1×0,7 см.

Каменный наконечник стрелы (рис. 4, 5 (см. *левый*)) – подтреугольной в плане формы (4,7×2,8×0,35 см), с прямым основанием, двояковыпуклый в сечении. Поверхность и края изделия отретушированы.

Каменный наконечник стрелы (рис. 4, 5 (см. *правый*)) – иволистной в плане формы (5,4×1,6×0,7 см), со скругленным основанием, двояковыпуклый в сечении. Поверхность и края изделия отретушированы.

Сосуд 1 (рис. 4, 4) вертикальных пропорций, горшковидный, плечо отделено от тулова выраженным ребром. Шейка короткая, прямая, резко отогнутая наружу, по основанию подчеркнута узким заостренным валиком, завершается скругленным венчиком. Дно плоское. Под венчиком, изнутри, нанесена цепочка равносторонних наклонно заштрихованных треугольников, опущенных вер-

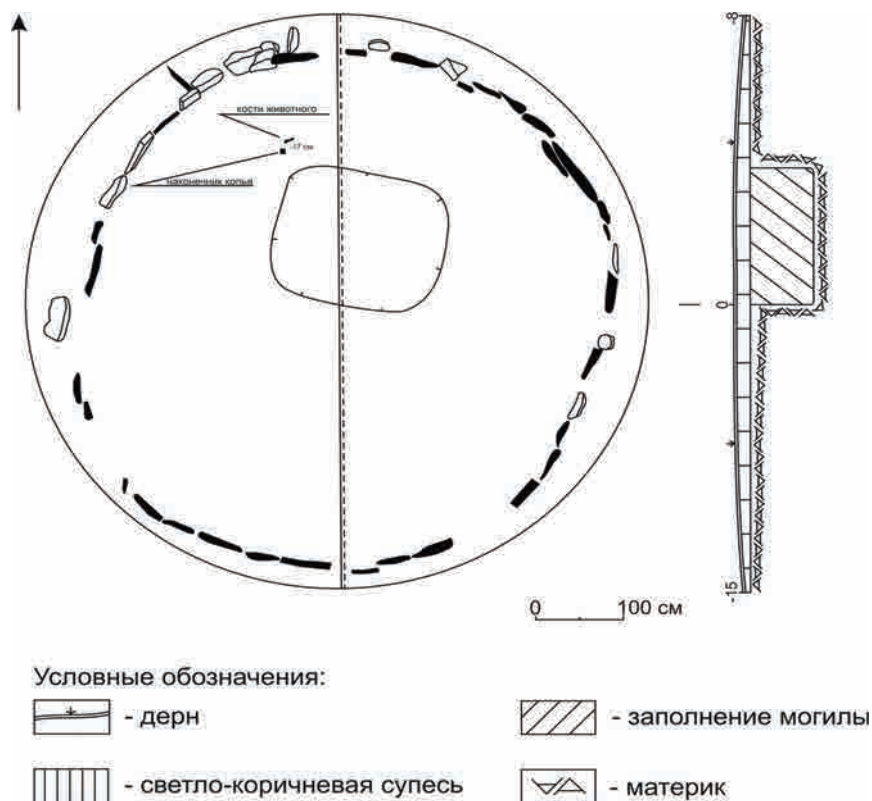

Рис. 2. План и профиль кургана 7 могильника Талдинский-1
Исполнитель: А.И. Кукушкин

Fig. 2. Plan and profile of the mound 7 of Taldinsky-1 burial ground
Realized Kukushkin A.I.

пинами вниз. Под валиком изображены направленные вершинами друг к другу равносторонние наклонно заштрихованные треугольники, образующие между собой свободную от рисунка зигзагообразную полосу в негативе. Ребро оконтурено двумя параллельными горизонтальными резными линиями, ниже которых нанесены треугольные фестоны. Орнамент выполнен гладким штампом. Диаметр устья – 24 см, плеча – 26 см, дна – 10 см. Общая высота сосуда составила 20 см.

Сосуд 2 (рис. 4, 2) горизонтальных пропорций, горшковидный, плечо отделено от тулова выраженным

ребром. Шейка короткая, отогнутая наружу, по основанию подчеркнута узким скругленным валиком, оканчивается скругленным венчиком. Дно плоское. Под венчиком имеется круглое сквозное отверстие (сосуд был частично реконструирован, поэтому судить о возможности наличия второго отверстия можно лишь гипотетически). Валик орнаментирован наклонными отрезками. Плечико покрыто равносторонними наклонно заштрихованными треугольниками, направленными вершинами вверх. Ребро оконтурено двумя каннелюрами, ниже которых, двумя каннелюрами образован валик с аналогичным

Рис. 3. Могильник Талдинский-1, курган 7. Находки.
 Фото Е.А. Дмитриева
 Fig. 3. Taldinsky-1 burial ground, the mound 7. Findings.
 Photo by Dmitriev E.A.

узором. Тулово покрыто наклонно заштрихованными равносторонними треугольниками направленными вершинами вниз. Придонная часть имеет рисунок в виде наклонно заштрихованных равносторонних треугольников, направленных вершинами вверх. Основание узора подчеркнуто двумя каннелюрами, между которыми образовался валик с наклонными вправо отрезками. Рисунок, за исключением изображенного узора на валиках, выполнен мелкозубчатым штампом. Диаметр устья – 9 см, плеча – 11 см, дна – 7 см. Общая высота сосуда составила 7 см.

Сосуд 3 (рис. 4, 1) горизонтальных пропорций, баночной формы (закрытая). Под уплощенным венчиком нанесены две каннелюры, ниже которых изображена горизонтальная «елочка», оконтуренная снизу каннелюрой. Нижняя половина тулова покрыта вертикальной «елочкой», разделенной горизонтальной линией. Причем верхние ряды рисунка, также как и выше изображенного узора,

выполнены оттисками веревочки, а нижние - гладким штампом.

Сосуд 4 (рис. 4, 3) предположительно баночной формы. Имеет уплощенный венчик, ниже которого оттисками гладкого штампа нанесен узор.

Обнаруженный наконечник копья, согласно типологии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, принадлежит к разряду КД-36 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 80–81, рис. 47]. Данные наконечники хорошо известны по материалам петровских могильников Ащису (Центральный Казахстан) [Кукушкин И.А., 2011, рис. 2, 1], Бектениз (Северный Казахстан) [Зданович, 1983, с. 56], Кривое Озеро (Южное Зауралье) [Виноградов и др., 2017, рис. 108]. Все они характеризуются такими признаками, как листовидное перо, ромбический или округло-ромбический стержень, и отличаются от синташтинских изделий (Халвай III [Шевнина, Логвин, 2015, рис. 17, 1] Танаберген II, Жаман-

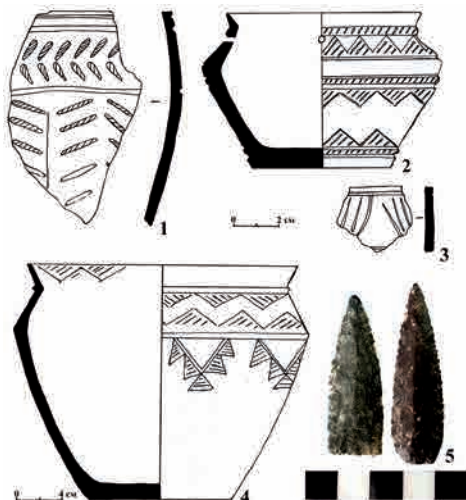

Рис. 4. Могильник Талдинский-1, курган 7. Находки.
 Фото Е.А. Дмитриева
 Fig. 4. Taldinsky-1 burial ground, the mound 7. Findings.
 Photo by Dmitriev E.A.

Каргала 1 [Ткачев В.В., 2007б, рис. 9, 1, рис. 23, 3] и др.) наличием цельнолитой втулки. Определенное сходство петровских наконечников копий можно обнаружить и с изделием из Ростовкинского клада [Дегтярева, Нескоров, 2015, рис. 1, 1], однако, имеется отличие в форме пера.

Не противоречат культурной атрибуции обнаруженные в кургане 7 могильника Талдинский-1 металлическая скоба, украшения и два каменные наконечника стрел с усеченным основанием, широко известные в петровских [Зданович, 1988, с. 138] и реже в синташтинских комплексах [Ткачев В.В., 2007б, с. 188].

Особо интересным представляется керамический комплекс сооружения 7. Горшковидные сосуды имеют ребро при переходе от шейки к тулову и характерный геометрический орнамент, что свойственно гончарной традиции петровцев [Зданович, 1983, с. 60]. К примеру, узор в виде вертикальной «елочки» с разделительными линиями можно назвать типичным для орнаментики [Кузьмина Е.Е., 2008, с. 98], имеющим близкие аналогии в посуде бабинской культуры [Смирнов, Кузьмина Е.Е., 1977, с. 29–32, рис. 9; Литвиненко, 2011, рис. 3, 32, 34, 39, 40, рис. 5, 29, 34, 35, рис. 6, 28, 31]. В значительной степени архаичной выглядит и техника нанесения рисунка на одной из банок (рис. 4, 1), представляющая собой оттиск веревочки. Наличие внутреннего ребра под венчиком на двух горшках характерно для абашевской и синташтинской посуды, исчезающей в последующее время [Ткачев В.В., 2007б, с. 271].

Аналогии миниатюрному сосуду со сквозными отверстиями (рис. 4, 2) имеются в синташтинских древностях, где они предназначались для об-

рядовой практики [Виноградов, 2011, с. 50, 53, рис. 14], являются «визитной карточкой абашевской культуры» [Кузьмина О.В., 1992, с. 22]. В Центральном Казахстане известен только один такой сосуд, происходящий из могильника Сатан [Евдокимов, 1981].

В хронологическом плане еще Г.Б. Здановичем было отмечено, что в Центральном Казахстане известны только позднепетровские памятники, а в качестве погребальных камер использовались преимущественно каменные ящики [Зданович, 1988, с. 136]. Идея различия между северо-казахстанскими и центрально-казахстанскими памятниками была хорошо проработана А.А. Ткачевым, который на основании некоторых специфических признаков выделил самостоятельную нуртайскую культуру [Ткачев А.А., 1999]. Думается, петровцы появляются в регионе довольно рано, о чем могут свидетельствовать некоторые синташтинские реминисценции в металле [Кукушкин И.А., 2007, с. 46], гончарстве (внутреннее ребро, некоторая абашоидная вуаль в керамике Талдинского-1, нанесение орнамента веревочкой), а сделанные ранее выводы базировались на имевшемся в то время фактическом материале. В этом ракурсе хотелось бы выдвинуть еще одно предположение (которое, как и вышесказанное требует проведения основательной аналитической работы в данном направлении). На горшечных сосудах сооружения 7 могильника Талдинский-1 в месте перехода от шейки к плечу имеется перегиб, что принципиально отличается от известных авторам материалов Центрального Казахстана, где ранее известен был плавно изогнутый переход (к примеру, экземпляры,

проиллюстрированные в работах: Ткачев А.А., 1999; Кукушкин И.А. и др., 2016). Эта особенность посуды, обнаруженной в кургане 7, более характерна для синташтинских сосудов [Генинг и др., 1992, рис. 32, 1–8, 10, 13 и т.д.; Аркаим ..., 2002, рис. 20, 6; 24, 3; 25, 2, 5 и т.д.]. Думается, посуда с резким перегибом характерна для раннепетровских памятников региона, а со сглаженным плавным переходом - для поздних (нуртайских по А.А. Ткачеву), соответствующих кулевчинской петровке сопредельных территорий [Кукушкин И.А., Дмитриев, 2018, с. 36].

Необходимо также обратить внимание на определенный разницей в терминологии раннеандроновского периода. С нашей позиции, такие дефиниции как петровский и раннеалакульский, взаимозаменяемы и синонимичны друг другу, как, например, покровские и раннесрубные древности. В свою очередь, кулевчинские памятники могут быть соотнесены с позднепетровским временем или

с завершающим этапом раннеалакульской стадии развития культуры. Актуальность данной конкретизации определяется также размытостью границ между поздней петровкой/ранним алакулем и собственно алакулем, где материалы памятников зачастую могут совмещать признаки как раннего алакуля в его поздней стадии, так и характеристики классического периода.

Таким образом, полученный в ходе исследования сооружения 7 могильника Талдинский-1 материал, безусловно, дал новые сведения о ранней истории андроновских племен Центрального Казахстана. Выдвинутые в рамках данной статьи предположения требуют основательной проверки, а сама работа является лишь первым шагом по введению в научный оборот неопубликованных раннепетровских материалов региона, накопленных в ходе исследований последних пяти лет.

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта AP05131774).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника) / Сост. Д.Г. Зданович. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. Кн. 1. 216 с.
2. *Виноградов Н.Б.* Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
3. *Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Медведева П.С.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: АБРИС, 2017. 400 с.
4. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
5. *Дегтярева А.Д., Нескоров А.В.* Ростовкинский клад бронзовых изделий эпохи бронзы (культурная интерпретация) // ВИАЭ. 2015. № 3 (30). С. 32–41.
6. *Евдокимов В.В.* Отчет об археологических исследованиях на территории Карагандинской области летом 1980 года. Караганда, 1981. Архив Сарыаркинского археологического института: оп. 2, д. 1827. 139 с.

7. *Зданович Г.Б.* Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник.* Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1983. С. 48-68.

8. *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.

9. *Кузьмина Е.Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринТА, 2008. 358 с.

10. *Кузьмина О.В.* Абашевская культура в лесостепном Волго-Урале: учебное пособие. Самара: изд-во Самарского гос. ун-та, 1992. 128 с.

11. *Кукушкин И.А.* Могильник Аяпберген – раннеандроновский памятник Центрального Казахстана // *Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья.* Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. Вып. 2. С. 50-69.

12. *Кукушкин И.А.* Археологические исследования могильника Ащису. Курган 1 // *Историко-культурное наследие Сарыарки.* Караганда: изд-во КарГУ, 2007. С. 40-64.

13. *Кукушкин И.А.* Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан) // *РА.* 2011. № 2. С. 103-109.

14. *Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.* Раннеалакульские древности могильника Танабай (по материалам кургана 4) // *ВИАЭ.* 2018. № 2 (41). С. 28-40.

15. *Кукушкин И.А., Ломан В.Г., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А.* Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды I (эпоха бронзы) // *Уральский исторический вестник.* 2016. № 4 (53). С. 85-92.

16. *Литвиненко Р.А.* Культурный круг Бабино: название, таксономия и структура // *КСИА.* 2011. Вып. 225. С. 108-123.

17. *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 82 с.

18. *Ткачев А.А.* Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // *ВИАЭ.* 1999. № 2. С. 22-29.

19. *Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.

20. *Ткачев В.В.* К вопросу о памятниках нуртайского типа Центрального Казахстана // *Кадырбаевские чтения: матер. междунар. научн. конф.* Под ред. А.А. Бисембаева. Актобе: ПринТА, 2007а. С. 41-44.

21. *Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007б. 384 с.

22. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

23. *Шевнина И.В., Логвин А.В.* Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. VII. Астана: филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 248 с.

Сведения об авторах:

Жауымбай Сагындык Убайұлы – кандидат исторических наук, профессор кафедры Археологии, этнологии и отечественной истории, КарГУ им. академика Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан)

Кукушкин Игорь Алексеевич – ведущий научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт, КарГУ им. академика Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан); sai@ksu.kz

Кукушкин Алексей Игоревич – докторант PhD, КарГУ им. академика Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан); tatarlandia@mail.ru

Дмитриев Евгений Анатольевич – младший научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт, КарГУ им. академика Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан); yevgenii1992@mail.ru

Шохатаев Олжас Саятович – PhD, старший преподаватель кафедры Истории Казахстана, КарГУ им. академика Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан)

**ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АНДРОНОВ ТАЙПАЛАРЫНЫҢ ЕРТЕ
ТАРИХЫ ТУРАЛЫ ЖАҢА МӘЛІМЕТТЕР**

(Талды 1 қабірі 7 қорғанның материалдары бойынша)

**С.У. Жауымбай, И.А. Кукушкин, А.И. Кукушкин,
Е.А. Дмитриев, О.С. Шохатаев**

Аталған мақала шеңберінде ғылыми айналымға ҚарМУ археологиялық экспедициясымен 2018 ж. Талды-1 қорымындағы 7-ші қорғанға жасалған зерттеу нәтижелері кіргізіледі. Орталық Қазақстан территориясындағы андронов тайпаларының ерте тарихы туралы жаңа мәліметтер алынды. Ескерткіш Қарағанды облысының Шет ауданында, Талды к. 12 км шығыс-солтүстік-шығысқа қарай, Талды ө. оң жағалауындағы салыстырмалы түзу алаңда орналасқан, онда көзге көрінетін екі мәдени-хронологиялық көкжиектің 18 құрылысы тіркелген: ертеандрондық (петровтық / ертеалакөлдік типтегі) және соңғықоғалық (беғазы-дәндібайлық типтегі). Қыстық материал, авторлардың пікірінше, петровтық мәдениеттің ерте кезеңін сипаттайды (ол ішкі қабырғасы тәжік астында екенін, суреті жіпше, ғұрыптық ыдысы абашоидтік кескінде екенін, ірі жер шұңқырларының және жерлеу құралдарының бар екенін көрсетеді). Өңірде тек соңғы кезеңнің ескерткіштерінің бары туралы тұрып қалған пікірге қарсы салмақ ретінде, аргументтелген болжамды көзқарас шығарылып жатыр, демек, жинақталған ертеандрондық материалдар петров мәдениетін екі кезеңге бөлуге мүмкіндік береді: ерте (яғни петровтық) және соңғы (кулевчиндікке ұқсас), ол қыштық кешенде және заттық құрал-жабдықтарда көрсетілген.

Түйін сөздер: археология, Орталық Қазақстан, қола дәуірі, петров мәдениеті, найзаның ұшы, қыштық кешен, ғұрыптық ыдыс

**NEW INFORMATION ABOUT THE EARLY HISTORY OF THE ANDRONIAN
TRIBES OF CENTRAL KAZAKHSTAN**

(based on the materials of the mound 7 of Taldinsky-1 burial ground)

**S.U. Jauymbay, I.A. Kukushkin, A.I. Kukushkin,
E.A. Dmitriev, O.S. Shokhatayev**

Within the framework of this article, the results of the studies carried out on the mound 7 of the Taldinskiy-1 burial ground in 2018 by the archaeological expedition of the Karaganda State University are introduced into the scientific circulation. New information about the early history of Andronovo tribes in the territory of Central Kazakhstan is obtained. The monument is located in the Shetsky district of the Karaganda region, 93 km southeast of the city of Karaganda, 12 km east-northeast of the village of Taldy and is located on a relatively flat area on the left bank of the river. Taldy, on which 18 structures of two cultural-chronological horizons were visually fixed: the early Andronovo (Petrovo / early Alakul type) and the late bronze (Begazy-Dandybaev type) horizons. Ceramic material, according to the authors, characterizes the early stage of Petrovsky culture (which is reflected in the presence of an internal rib under the whisk, patterning with a rope, Abashevo appearance of a ritual vessel, the presence of a large soil pit and funeral equipment). In contrast to the established opinion on the presence of only the late-stage monuments in the region, a well-founded assumption is advanced that the accumulated early Andronovo materials can be divided into two stages of Petrovo culture: early (Petrovo) and late (similar to Kulevchinsky), which is reflected in the ceramic complex and objects inventory.

Keywords: archaeology, Central Kazakhstan, Bronze Age, Petrovo culture, spearhead, ceramic complex, ritual vessel

REFERENCES

1. Zdanovich, D. G. (ed.). 2002. *Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika) (Arkaim: necropolis (according to the materials of the mound 25 of the Bolshekaragansky burial ground))*. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. Publ., vol. 1. (in Russian).
2. Vinogradov, N. B. 2011. *Stepi Yuzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e. (pamyatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa) (The steppes of the Southern Urals and Kazakhstan in the first centuries of the 2nd millennium BC. (monuments of Sintashta and Petrovsky type))*. Chelyabinsk: «Abris» Publ. (in Russian).
3. Vinogradov, N. B., Degtyareva, A. D., Kuz'minykh, S. V., Medvedeva, P. S. 2017. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoje Ozero v Yuzhnom Zaural'e (Burial ground of Krivoje Lake of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: «ABRIS» Publ. (in Russian).
4. Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta: arkheologicheskie pamyatniki arijskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepej (Sintashta: archaeological sites of the Aryan tribes of the Ural-Kazakhstan steppes)*. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. Publ. (in Russian).
5. Degtyareva, A. D., Neskorov, A. V. 2015. In *Vestnik arkheologii, antropologii i ehtnografii (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography)*, 3(30), 32-41 (in Russian).
6. Evdokimov, V. V. 1981. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii Karagandinskoj oblasti letom 1980 goda. (Report on the archaeological research in the Karaganda region in the summer of 1980)*. Karaganda. Archive of the Saryarka Archaeological Institute, op. 2, d. 1827 (in Russian).
7. Zdanovich, G. B. 1983. In *Bronzovyi vek stepnoj polosity Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya. Mezhvuzovyy sbornik (The Bronze Age of the steppe belt of the Ural-Irtysh interfluve. Interuniversity collection)*. Ufa: Bashkirsk. University Publ., 48-68 (in Russian).
8. Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyy vek Uralo-Kazakhstanskikh stepej (osnovy periodizatsii) (The Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes (the foundations of periodization))*. Sverdlovsk: Ural. university Publ. (in Russian).
9. Kuz'mina, E. E. 2008. *Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoj kul'turnoj obshhnosti (Classification and periodization of the monuments of the Andronovo cultural community)*. Aktobe: «PrintA» Publ. (in Russian).
10. Kuz'mina, O. V. 1992. *Abashevskaya kul'tura v lesostepnom Volgo-Ural'e: uchebnoe posobie (Abashevskaya culture in the forest-steppe Volga-Ural region: a text-book)*. Samara: Samara State University Publ. (in Russian).
11. Kukushkin, I. A. 2006. In Merts, V. K. (Ed.) *Izuchenie pamyatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ya (Study of the archaeological monuments of Pavlodar Irtysh)*. Pavlodar: NPF «EHKO» Publ., 2, 50-69 (in Russian).
12. Kukushkin, I. A. 2007. In *Istoriko-kul'turnoe nasledie Saryarki (Historical and cultural heritage of Saryarka)*. Karaganda, 40-64 (in Russian).
13. Kukushkin, I. A. 2011. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archeology)*, 2, 103-109 (in Russian).
14. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2018. In *Vestnik arkheologii, antropologii i ehtnografii (Bulletin of archeology, anthropology and ethnography)*, 2 (41), 28-40 (in Russian).
15. Kukushkin, I. A., Loman, V. G., Kukushkin, A. I., Dmitriev, E. A. 2016. In *Ural'skij istoricheskij vestnik (Ural Historical Bulletin)*, 4 (53), 85-92 (in Russian).
16. Litvinenko, R. A. 2011. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief reports of the Institute of Archeology)*, 225, 108-123 (in Russian).
17. Smirnov, K. F., Kuz'mina, E. E. 1977. *Proiskhozhdenie indoirantsev v svete novejskikh arkheologicheskikh otkrytij (The origin of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological discoveries)*. Moscow: «Nauka» Publ. (in Russian).

18. Tkachev, A. A. 1999. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of archeology, anthropology and ethnography)*, 2, 22-29 (in Russian).
19. Tkachev, A. A. 2002. *Tsentral'nyj Kazakhstan v epohu bronzy (Central Kazakhstan in the Bronze Age)*, p. 1. Tyumen': «TyumGNGU» Publ. (in Russian).
20. Tkachev, V. V. 2007a. In Bisembaev, A. A. (ed.) *Kadyrbaevskie chteniya (Kadyrbaev readings)*. Aktobe: «PrintA» Publ., 41-44 (in Russian).
21. Tkachev, V. V. 2007b. *Stepi Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe ehpokh srednej i pozdnej bronzy (The steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the turn of the Middle and Late Bronze Age)*. Aktobe (in Russian).
22. Chernykh, E. N., Kuz'minykh, S. V. 1989. *Drevnyaya metallurgiya Severnoj Evrazii (sejminsko-turbinskii fenomen) (Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Seima-Turbian phenomenon))*. Moscow: «Nauka» Publ. (in Russian).
23. Shevnina, I. V., Logvin, A. V. 2015. *Mogil'nik epohi bronzy Halvay III v Severnom Kazahstane. Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana (The cemetery of the Bronze Age Halvay III in Northern Kazakhstan. Materials and research on the archeology of Kazakhstan)*, vol. VII. Astana Publ., (in Russian).

About the Authors:

Jauymbay Sagyndyk U. Candidate of historical sciences, professor of the Department of Archeology, Ethnology and National History, Karagandy State University of the name of academician Ye.A. Buketov, Karagandy, Kazakhstan

Kukushkin Igor A. Leading Researcher, Saryarka Archaeological Institute, Karagandy State University of the name of academician Ye.A. Buketov, Karagandy, Kazakhstan; sai@ksu.kz

Kukushkin Alexey I. PhD doctoral student, Karagandy State University of the name of academician Ye.A. Buketov, Karagandy, Kazakhstan; tatarlandia@mail.ru

Dmitriev Evgeniy A. Junior researcher, Saryarka Archaeological Institute, Karagandy State University of the name of academician Ye.A. Buketov, Karagandy, Kazakhstan; yevgenii1992@mail.ru

Shokhatayev Oljas S. Senior lecturer, Department of History, Karagandy State University of the name of academician Ye.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 19.09.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 26.09.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 03.10.2018.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ в 2018 г. (предварительное сообщение)

© 2018 г. А.А. Бисембаев, А.И. Хаванский, М.Н. Дуйсенгали,
А.М. Мамедов, Н.М. Баиров, В.А. Амелин

В статье изложены результаты раскопок памятников гуннского времени (Уилский р-н, Актюбинская обл.), а также результаты исследования разрушенного погребения у г. Актобе. В объекте № 15 (склепообразном «святилище») могильника Акбулак II было исследовано погребение воина с железным мечом без перекрестья, бронзовым уздечным набором и фибулой. В объекте 27 (гантелевидный курган) могильника Акбулак III выявлено погребение 1 в яме с подбоем. Погребение содержало останки погребенного с большим количеством украшений. Также в погребении находился бронзовый сосуд с носиком, поддоном и зооморфной ручкой. В разрушенном погребении у г. Актобе были обнаружены золотые вещи, выполненные в гуннском полихромном стиле, серебряная поясная пряжка. В целом получена представительная коллекция артефактов по вооружению, украшениям, конскому снаряжению и бытовым предметам. Исследованные комплексы укладываются в период второй половины II в. н.э. – IV в. н.э.

Ключевые слова: археология, Западный Казахстан, гунны, погребальный обряд, гуннский полихромный стиль

Гунно-сарматский период, или эпоха Великого переселения народов, представляет собой яркий отрезок истории. Он имеет широкий территориальный охват (от границ Китая до Испании) и эпохальный результат – падение Западной Римской империи. Это время привлекает внимание исследователей по всему миру. В статье даются предварительные результаты полевых исследования памятников гуннского времени в Актюбинской области.

Данные полевые исследования являются логическим продолжением проекта «Пространственный анализ

и архитектоника памятников гунно-сарматского периода Актюбинской области (II–IV вв. н.э.)». Первым этапом было проведение дешифровки космических снимков в программе SASPlanet. Положительной чертой данной программы является ее общедоступность, набор карт различного масштаба, а главное – спутниковых снимков высокого разрешения. В рамках камерального этапа было проведено детальное изучение космических снимков Уилского и Хобдинского районов с предварительным разделением их на условные участки-полигоны.

После анализа космических снимков было проведено натурное обследование выявленных объектов. Обследование состояло из осмотра территории памятника, сбора подъемного материала, определение GPS-координат объектов, описание памятника и проведение тахеометрической съемки. Сопоставление результатов анализа космоснимков и натурального обследования показало, что некоторые детали объектов фиксируются только на космоснимках. Так, кольцевой ров, особенно мелкий, может практически не фиксироваться визуально, между тем на материале космического наблюдения рвы четко выделяются от окружающего рельефа более темным оттенком. Также валы и рвы подквадратных склеповых объектов («святилищ») могут выделяться на окружающей местности на 10 см и слабо читаться в рельефе. Однако на космических снимках они распознаются за счет разницы цветов.

По итогам полевых работ результаты анализа космических снимков получили практически 100% подтверждение на местности. Была проведена детальная тахеометрическая съемка на 10 погребально-поминальных полях (могильниках) и отдельных объектах. Общее число выявленных объектов (курганов, гантелевидных курганов, склепообразных «святилищ») превысило 250 [Дуйсенгали и др., 2018, с. 237–241].

Летом 2018 г. для полевых стационарных исследований были выбраны могильники Акбулак I–III, расположенные в Уилском районе Актюбинской области. Материалы интересующего нас времени были исследованы в могильниках Акбулак II, III. Для изучения были выбраны объекты разных типов.

В объекте № 15 (склепообразном «святилище») могильника Акбулак II было исследовано погребение 1 (рис. 1).

Погребение совершено в грунтовой яме. Верхний контур подовальный, размеры 2,6×0,7 м, ко дну яма приобретает прямоугольную форму и размеры 2,2×0,7 м. Яма ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Глубина ямы составляла 1,65 м от уровня материка. В заполнении ямы найдены отдельные бронзовые бляшки и фрагменты деревянного перекрытия, перемещенные землеройными животными. На дне находился костяк взрослого человека. Погребенный покоился вытянуто на спине, руки вдоль тела. Головой был ориентирован на север с отклонением к СЗ. Справа от погребенного лежал железный меч. Тип меча – без перекрестья со штыревидным насадом для ручки. В районе ручки находился халцедоновый диск диаметром 35 мм и несколько фрагментов железных пластин подквадратной формы. Вероятно, рукоять меча была деревянной, а железные пластины были накладками на рукоять. Длина меча *in situ* без рукояти составляла 90 см. Меч находился в деревянных ножнах, окрашенных в красно-оранжевый цвет.

В районе левого локтевого сустава – сильно корродированные железные предметы (возможно детали узды). У левой локтевой кости – уздечный набор. Он включал в себя два бронзовых кольца диаметром 4,5 см с бронзовыми зажимами для крепления ремней, две бронзовых лавролистных пластинки-накладки размерами 6,5×1,8 см. Рядом находилось скопление полушаровидных бляшек диаметром 17 мм. Некоторые бляшки были прикреплены к кожаной ленте шириной 13 мм. Прикрепление осуществлялось посредством бронзовых скобочек, припаянных к внутренней поверхности бляшек. Контекст находок заставляет предположить, что бляшки служили украшением ремней

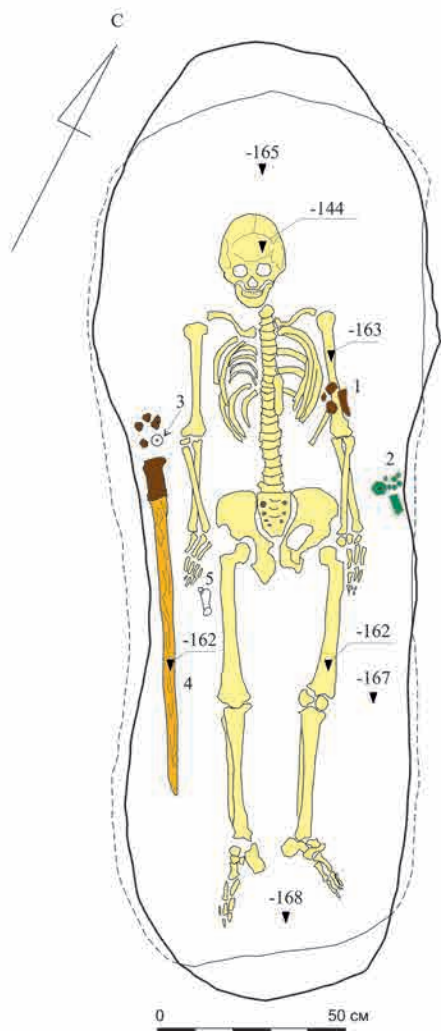

Рис. 1. Мог. Акбулак II, объект № 15 (склепообразное «святилище»), п. 1. 1 – фрагменты железных предметов; 2 – бронзовый уздечный набор; 3 – навершие меча; 4 – железный меч в деревянных ножнах; 5 – бронзовая фибула

Fig. 1. Burial ground Akbulak II, object no. 15 (crypt-shaped "sanctuary"), burial. 1. 1 – fragments of iron objects; 2 – bronze bridle set; 3 – the pommel of the sword; 4 – iron sword in wooden sheath; 5 – bronze brooch

узды. У ладони правой руки находилась бронзовая фибула (рис. 2). Тип фибулы – лучковая с пластинчатым приемником, без орнамента.

Культурно-хронологическая атрибуция. Погребальный обряд (узкая яма, положение погребенного вытянуто на спине с ориентировкой на север), инвентарь (меч без перекрестья с халцедоновым навершием, фибула, уздечный набор) свидетельствует о принадлежности данного погребения к гунно-сарматской культуре [Боталов, 2009, с. 171–199]. Данное погребение входит в круг гунно-сарматских комплексов Западного Казахстана [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 65–121]. Наиболее полные аналогии находятся в мог. Целинный I, курган б (положение погребенного головой на север с отклонением к СЗ, меч без перекрестья с халцедоновым навершием, в ножнах красного цвета [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 99–101, рис. 33]. И в том же могильнике в сооружении 13 (это также склепообразное «святилище», погребение находится в ЮЗ части, такой же тип меча) [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 90, рис. 30, 1–6; с. 102].

Хронологическую позицию дают следующие предметы. Лучковая фибула со слегка прогнутой узкой спинкой, сплошным пластинчатым приемником и удила с бронзовыми зажимами на кольцах позволяют да-

Рис. 2. Бронзовая фибула из погребения, мог. Акбулак II, объект № 15. Фото А.А. Бисембаева

Fig. 2. Bronze brooch from burial, burial ground. Akbulak II, object no. 15. Photo by Bisembayev A.

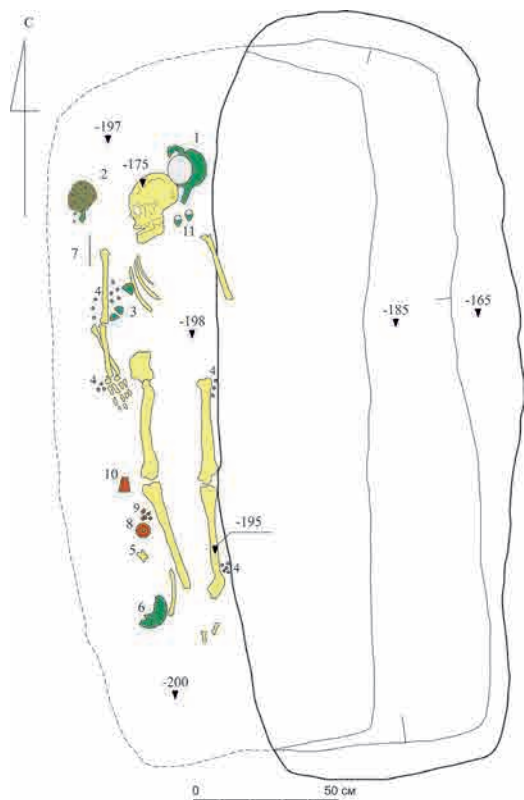

Рис. 3. Мог. Акбулак III, объект № 27 (гантелевидный курган), погребение 1. 1 – бронзовый сосуд; 2 – остатки кожи и скопление бронзовых бляшек; 3 – бронзовые колокольчики; 4 – скопления каменных бусин; 5 – альчик; 6 – фрагменты бронзового зеркала; 7 – бронзовая игла; 8 – округлое керамическое пряслице; 9 – фрагменты железа; 10 – коническое керамическое пряслице; 11 – калачиковидные серьги

Fig. 3. The burial ground. Akbulak III, object no. 27 (dumbbell-shaped mound), burial 1. 1 – a bronze vessel; 2 – remains of skin and accumulation of bronze plaques; 3 – bronze bells; 4 – clusters of stone beads; 5 – alchik; 6 – fragments of a bronze mirror; 7 – bronze needle; 8 – rounded ceramic spindle; 9 – iron fragments; 10 – conical ceramic spindle; 11 – “kalachikovidnye” earrings

тировать это погребение второй половиной II–III вв. (ранний этап по С.Г. Боталову) [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 199].

В объекте 27 (гантелевидный курган) могильника Акбулак III выявлено погребение 1 в яме с подбоем (рис. 3). Входная яма подпрямоугольной формы. Размеры 2,65×0,8 м. Ориентирована по линии С–Ю. Стенки относительно ровные, вертикально спускаются ко дну. Вдоль восточной стенки располагается ступенька, шириной 0,3–0,5 м и высотой 0,5 м, плавно спускающаяся ко дну. В западной стенке располагался подбой, длиной 2,45 м и шириной 0,6 м от западного края входной ямы. Высота подбоя от дна составляла 90 см. На дне находился костяк взрослого человека. Сохранность костей плохая. Поза – вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на север. Череп повернут лицевой частью на запад, имеет следы искусственной деформации.

У теменной части черепа находился бронзовый сосуд с носиком-сливом, зооморфной ручкой и кольцевым поддоном (рис. 4). Ручка в сечении округлая, диаметром 8 мм, выполнена в виде фигурки животного. Ноги животного служат основанием ручки, исполнены схематично, отдельные детали не выделены. Животное имеет короткий хвост, круглые выпуклые глаза, вытянутую морду и небольшой выступ на голове, скорее всего рога. Таким образом, ручка изображает, скорее всего, барана или другое животное из семейства парнокопытных. Высота сосуда 15 см, диаметр устья – 11,5 см, диаметр дна – 8 см, высота зооморфной ручки – 10 см.

В районе черепа выявлены две бронзовых калачиковидных серьги, полых внутри со стеклянными вставками. В районе стоп – фрагменты разбитого плоского зеркала. Рядом – альчик и керамическое пряслице грибовидной формы. В районе кисти правой руки находилось скопление

Рис. 4. Бронзовый сосуд из погребения 1, мог. Акбулак III, объект № 27.
Фото А.А. Бисембаева

Fig. 4. Bronze vessel from grave 1, could. Akbulak III, object no. 27.
Photo by Bisembayev A.

каменных бусин. У правой плечевой кости – бронзовая игла (1,5×110 мм). В районе локтевого сустава правой руки – три бронзовых колокольчика и скопление каменных бусин. Там же зафиксированы две сердоликовых 14-ти-гранных бусины с продетыми в них бронзовыми проволочками. В районе правого коленного сустава – пряслице конической формы.

Культурно-хронологическая атрибуция. Погребение в узкой яме с подбоем в западной стенке, северная ориентировка покойного свидетельствует о гунно-сарматской принадлежности погребения [Боталов, 2009, с. 171–199]. Причем инвентарь позволяют предположить женский пол костяка. Погребение с подбоем в западной стенке – характерная черта женских гунно-сарматских захоронений [Боталов, 2009, с. 178]. Аналогичные сердоликовые 14-ти-гранные бусины с подвесками в виде проволочек встречены в кургане 71 могильника Целинный I [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 115–117, рис. 37, 9–14]. Датируют комплекс калачиковидные серьги со вставками (IV–V вв.) и 14-ти-гранные бусы с продетыми в них спиральными проволочками (III–V вв.) [Бота-

лов, 2009, с. 204]. Точных аналогов бронзовому сосуду пока не найдено. В целом, можно датировать этот комплекс III–IV вв. (поздний этап по С.Г. Боталову).

Другие значимые находки были сделаны в результате исследования разрушенного погребения в песчаном карьере на окраине г. Актобе. В июне 2018 г. в Центр исследования, реставрации и охраны историко-культурного наследия Актюбинской области поступила информация, что в карьере на северной окраине г. Актобе при добыче песка было разрушено захоронение, содержащее золотые вещи. Сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана, «Центра...» и Актюбинского историко-краеведческого музея оперативно было проведено исследование погребения.

Погребение располагалось на северной окраине г. Актобе, в песчаном карьере в 2,5 км к ЮВ от моста через р. Илек на северном участке объездной автотрассы. При обследовании на местности было выяснено, что погребение находилось на высоте 3,2 м от дна карьера и на глубине 3,5 м от дневной поверхности. При добыче песка ковшом погрузчика кости и вещи были «вынуты» практически полностью и находились в куче песка на дне карьера. От ямы фактически сохранилась только западная стенка и юго-западный угол. После обнаружения костей работы были остановлены.

Опрос оператора погрузчика показал, что череп вывалился с северной стороны погребения, а кости ног – с южной, из чего можно заключить, что ориентировка погребенного была северной. Каких-либо надмогильных конструкций не было.

Далее с помощью сита было выполнено просеивание грунта и сбор находок. Также была проведена

зачистка стенки карьера и выявлены остатки могильной ямы. Ситуация осложнялась песчаным грунтом, который постоянно осыпался. Несмотря на это, *in situ* в южной части ямы был выявлен череп лошади, а в северной – небольшая часть седла (?), не разрушенная техникой. Собранные находки типологически можно разделить на несколько категорий (рис. 5):

- мелкие полушарные бляшки с пуансонным орнаментом по краю;

- крупные полушарные бляшки. В центре имеют выпуклость, которая по краю также окружена выпуклостями, что создает цветочный орнамент;

- халцедоновое навершие меча;
- накладка на навершие меча, обтянутая золотой фольгой, украшенная перегородчатой эмалью;

- серебряная рамочная поясная пряжка с двумя скобками для крепления к ремню;

- бронзовая рамочная поясная (?) пряжка;

- бронзовая круглая рамочная пряжка (2 экз.);

- фрагменты золотой фольги.

Общее количество фрагментов – более 100, вероятно они были частью обкладки какого-то крупного предмета (седла?). Украшены мелким пу-

Рис. 5. Предметы из разрушенного погребения у г. Актобе. Фото А.А. Бисембаева
Fig. 5. Artifacts from the destroyed burial near Aktobe. Photo by Bisembayev A.

ансонными орнаментом в виде треугольников.

- «П»-образные бронзовые накладки с позолотой и вставками из драгоценных камней (2 экз.);

- пластины прямоугольные со вставками из драгоценных камней (2 экз.);

- лавролистные золотые накладки с орнаментом в виде уголков (2 экз.);

- золотые наклейки в виде геральдического щита с орнаментом в виде кругов внутри (2 экз.).

Аналогии и культурно-хронологическая атрибуция. «П»-образные наклейки, обтянутые золотой фольгой со вставками из драгоценных камней, находят практически полные аналогии в могиле VIII у с. Новогригорьевка [Засецкая, 1994, с. 201, табл. 5, 13, 1]. Халцедоновое навершие с круглой накладкой, покрытой золотой фольгой, с цветной перегородчатой эмалью имеет аналогию в могиле IX у с. Новогригорьевка [Засецкая, 1975, табл. VIII; 1994, с. 199, табл. 3, 8]. В последнем случае навершие выполнено из янтаря. Мелкий пуансонный орнамент в виде треугольников широко встречается на различных золотых предметах гуннского времени [Засецкая, 1975, табл. I, II, V, VII, VIII]. В целом данные вещи изготовлены в гуннском полихромном стиле [Засецкая, 1994, с. 68–75]. Таким образом, в песчаном карьере близ г. Актобе было исследовано элитное захоронение гуннского времени. Предварительно оно может быть датировано III–IV вв.

Заключение. Начатые в начале текущего столетия планомерные разведки на территории соседней – Западно-Казахстанской области, в ее восточных, примыкающих к Актю-

бинской, районах, а так же первые раскопки в 1990–2000-х гг., показали перспективность поиска памятников начала нашей эры на границе зоны сухой степи и полупустыни, их многочисленность, высокую вариативность наземных сооружений, и соответственно, значительную информативность для такого сложного и пока слабоосвещенного периода, как II–IV вв. [Боталов, Бисембаев, 2002, с. 108–116]. Исследование прямоугольных объектов, с возвышающимися курганообразными сооружениями у входа, в могильнике Сарытау (Хромтауский р-н, Актюбинская обл.), сначала в 1992 г., а затем в 2007 г., позволило получить интересные материалы по системе постройки подобных сооружений, а также были получены бронзовые и железные колокольчики, ювелирные изделия, четко отражающие культурно-хронологическую принадлежность исследованных комплексов [Бисембаев, Дуйсенгали, 2008, с. 99–101; 2009, с. 28–34].

В результате планомерных и целенаправленных исследований, а также в результате случайных находок в Западном Казахстане пласт памятников гуннского времени пополнился новыми важными материалами. Изученные памятники показали значимость изучения территории Западного Казахстана для выяснения вопросов культурогенеза эпохи Великого переселения народов. Были исследованы различные типы объектов (простые курганы, гантелевидный курган, склепообразное «святилище»). Получена представительная коллекция артефактов по вооружению, украшениям, конскому снаряжению и бытовым предметам. В целом исследованные комплексы укладываются в период второй половины II в. н.э. – IV в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бисембаев А.А., Дүйсенғали М.Н. Новые материалы гуннского времени с территории Актюбинской области // УАВ. 2008. Вып. 8. С. 99-101.
2. Бисембаев А.А., Дүйсенғали М.Н. К вопросу о гуннских погребальных памятниках в Западном Казахстане // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2009. № 1. С. 28-34.
3. Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2009. 706 с.
4. Боталов С.Г., Бисембаев А.А. Новые материалы по культуре гуннов Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана: сб. научн. ст. Уральск, 2002. Вып. 1. С. 108-116.
5. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 266 с.
6. Дүйсенғали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М. Предварительные итоги исследования погребально-поминальных комплексов поздней древности бассейна р. Уил // Маргулановские чтения–2018. Духовная модернизация и археологическое наследие: сб. матер. Междунар. научн.-практич. конф. Алматы–Актобе, 2018. С. 237-241.
7. Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л.: Аврора, 1975. 80 с.
8. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 224 с.

Сведения об авторах:

Бисембаев Арман Ауганович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан), представитель Института в Западном Казахстане; abissembaev@mail.ru

Хаванский Алексей Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); Arkaim01@yandex.ru

Дүйсенғали Мейрам Нурланович – и.о. директора Актюбинского областного историко-краеведческого музея (г. Актобе, Казахстан); duseinglimeiram@mail.ru

Мамедов Аслан Маликович – директор Центра исследования, реставрации и охраны историко-культурного наследия (г. Актобе, Казахстан); mamedovaslan@mail.ru

Баиров Нурсултан Майлибаевич – научный сотрудник отдела «Археология и этнография», Актюбинский областной историко-краеведческий музей (г. Актобе Казахстан); nmbaigov91@mail.ru

Амелин Виктор Алексеевич – научный сотрудник отдела «Археология и этнография», Актюбинский областной историко-краеведческий музей (г. Актобе, Казахстан); vityaga2706@mail.ru

**2018 ЖЫЛҒЫ АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫНДАҒЫ ҒҰН КЕЗЕҢІНІҢ
ЕСКЕРТКІШТЕРІН ЗЕРТТЕУ
(алдын-ала есеп)**

**А.А. Бисембаев, А.И. Хаванский, М.Н. Дүйсенғали, А.М. Мамедов,
Н.М. Баиров, В.А. Амелин**

Мақалада Қазақстан ғұн кезеңінің ескерткіштеріне (Ойыл ауданы Ақтөбе облысы) жүргізілген қазба жұмыстары, сондай-ақ Ақтөбе қаласындағы қираған кабірді зерттеудің нәтижелері баяндалған. Ақбұлақ II қорымындағы № 15 нысанада (сағана тәрізді «гибататхана») айқышсыз темір семсерлі, қола жүген жиынтығы бар және фибулалы жауынгердің кабірі зерттелді. Ақбұлақ III қорымындағы 27 нысанда

(гантелге ұқсас қорған) шұңқырға жүген жабдықтары көмілген 1 қабір анықталды. Қабірге шүмегі, тұғыры және зооморфтық тұтқасы бар қола ыдыс қойылған. Ақтөбе қаласындағы қираған қабірден ғұндық полихромдық нақышта орындалған алтын заттар, белбеу айылбасы табылды. Жалпы алғанда қару-жарық, әшекейлер, ат әбзелдері мен тұрмыстық бұйымдар бойынша артефактілердің қомақты жиынтығы алынды. Зерттелген кешендер II ғ. екінші жартысы – IV ғ. кезеңге жатқызылады.

Түйін сөздер: археология, Батыс Қазақстан, ғұндар, жерлеу рәсімі, ғұн полихромды стилі

RESEARCH OF MONUMENTS OF THE HUN TIME IN THE AKTOBE REGION IN 2018 (preliminary report)

A.A. Bissembaev, A.I. Khavansky, M.N. Duisengali, A.M. Mamedov,
N.M. Bairov, V.A. Amelin

The article describes the results of the excavation of monuments of the Hun time in the Wil district of the Aktobe, as well as the results of the research of the destroyed burial near the city of Aktobe. In object no. 15 (the crypt-like “sanctuary”) of Akbulak II burial ground, the burial of a warrior with an iron sword without crosshairs, a bronze bridle set and a fibula was investigated. In object 27 (the dumbbell burial mound) of Akbulak III burial ground, burial 1 in a pit with a fault was revealed. The burial contained the remains of the buried with many ornaments. Also in the burial was a bronze vessel with a spout, pallet and zoomorphic handle. In the ruined burial near Aktobe gold objects were found in the Hunnish polychrome style (pads with inserts of precious stones, plaques with ornament, chalcedony pommel of a sword with a gold overlay with cloisonne enamel), silver belt buckle. In general, a representative collection of artifacts for armament, decorations, horse equipment and household items has been obtained. On the whole, the complexes studied are within the period of the second half of the 2nd century AD – IV AD.

Keywords: archaeology, Western Kazakhstan, Huns, funeral rite, Hun polychrome style.

REFERENCES

1. Bissembaev, A. A., Duisengali, M. N. 2008. In *Ufimskii arheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)*, 8, 99-101 (in Russian).
2. Bissembaev, A. A., Duisengali, M. N. 2009. In *Izvestiya NAN RK (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)*, 1, 28-34 (in Russian).
3. Botalov, S. G. 2009. *Gunny i tyurki (Huns and Turks)*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ. (in Russian).
4. Botalov, S. G., Bissembaev, A. A. 2002. In *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana (Questions of history and archeology of Western Kazakhstan)*, 1, 108-116 (in Russian).
5. Botalov, S. G., Gutsalov, S. Yu. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepy. (Gunno-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppe)*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ. (in Russian).
6. Duisengali, M. N., Mamedov, A. M., Bairov, N. M. In *Margulanovskie chteniya–2018 (Margulan readings–2018)*. Almaty – Aktobe, 237-241 (in Russian).
7. Zasetskaya, I. P. 1975. *Zolotyie ukrasheniya gunnskoj epohi (Golden jewelry of the Hun era)*. Leningrad: “Avrora” Publ. (in Russian).
8. Zasetskaya, I. P. 1994. *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepy v gunnskuyu epohu (konets IV–V vv.) (The culture of the nomads of the South Russian steppes in the Hun era (end of 4–5 in AD))*. Saint Petersburg: “Ellips” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Bisembaev Arman A. Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan, representative of the A.Kh. Margulan Archeology Institute in Western Kazakhstan; abisseмбаев@mail.ru

Khavansky Alexey I. Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; Arkaim01@yandex.ru

Duisengali Meiram N. Acting director, Aktobe regional museum of local lore, Aktobe, Kazakhstan; duisenglimeiram@mail.ru

Mamedov Aslan M. Director of the Center for Research, Restoration and Protection of Historical and Cultural Heritage, Aktobe, Kazakhstan; mamedovaslan@mail.ru

Bairov Nursultan M. Research associate of the department “Archeology and Ethnography”, Aktobe regional museum of local lore, Aktobe, Kazakhstan; nmbairov91@mail.ru

Amelin Viktor A. Research associate of the department “Archeology and Ethnography”, Aktobe regional museum of local lore, Aktobe, Kazakhstan; vityara2706@mail.ru

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.08.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 03.09.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.09.2018.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ КУЛЬТОБЕ АРЫССКОМ, МОГИЛЬНИКАХ КУЛЬТОБЕ И КЫЛЫШЖАР в 2016–2017 гг.

© 2018 г. А.Н. Подушкин

Статья посвящена анализу материалов новых археологических комплексов городища Культобе арысского, катакомб могильников Культобе 2 и Кылышжар, полученных в результате работ 2016–2017 гг. Приводится полная характеристика находок, освещаются вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности изучаемых памятников, которые позволяют связать их с государством Кангюй и датировать I в. до н.э. – III в. н.э.

Ключевые слова: археология, Южный Казахстан, арысская культура, катакомбные погребения, сарматы, Кангюй, культобинское письмо

Регион Южного Казахстана – это контактная зона, на которой две с лишним тысячи лет назад начала складываться городская культура, и которая была объектом местожительства и миграции многочисленных племён кочевников. Кроме всего, Южный Казахстан располагался на одной из ветвей Великого Шёлкового пути, что определяло его особый статус в мировой транзитной торговле между государствами западного мира и цивилизациями Древнего Востока. Особый интерес в этом плане представляют археологические объекты первых веков до н.э. – первых веков н.э., когда история региона была связана с первыми союзами племён и государственными объединениями (Канцзой-Кангюй, сюнну, азиатские сарматы).

Археологический отряд Южно-Казахстанского государственного педагогического университета в полевых сезонах 2016–2017 гг. продолжил исследования объектов периода

государства Кангюй. Стационарным раскопкам подверглись эталонное городище Культобе арысской культуры Южного Казахстана, а также два могильника – Культобе 2 и Кылышжар. Публикация посвящена основным результатам этих работ в контексте общего анализа археологического материала, историко-культурных и хронологических интерпретаций.

1. Раскопки памятников археологии

Городище Культобе арысское расположено в пойме реки Арысь, на её левом берегу, вблизи старого русла (Ордабасинский район, ЮКО), в 4 км к СЗ от пос. Сарыарык. Объект представляет собой двухчастное городище с рабодом. Цитадель памятника практически уничтожена паводковыми водами р. Арысь, оставшаяся часть представляет собой небольшой сегмент с обрывистым юго-западным склоном. В разрезе склона отмечены строительные конструкции из пахсы,

трапециевидного кирпича-сырца (части кладки крепостной стены). Рабад городища Культобе имеет неправильную трапециевидную планировку, в центральной и северной частях рабада фиксируется понижение, которое придает ему «П»-образный вид. В южной части рабада отмечены округлые возвышения – судя по всему, это остатки оборонительных башен. Между цитаделью и рабадом отмечена площадка понижения и ров (рис. 1, 1).

В 2017 г. на рабаде городища был заложен новый раскоп размерами 10×5 м, западная часть которого (5×5 м) вскрыта по всей площади на глубину 1,8–1,95 м (уровень основного строительного горизонта периода государства Кангюй I в. до н.э. – IV в. н.э.). Здесь открыты пахсовые стены одного большого жилого помещения прямоугольной планировки, где зафиксирована пахсовая суфа-платформа, в которую помещён стоящий вертикально хум (рис. 1, 2). В результате работ получен большой по объёму и историко-культурной важности археологический материал, включающий в основном керамику различного функционального назначения: хозяйственно-бытовую (восстанавливаемые формы и фрагменты от крупных сосудов – хумов, хумчи, тазиков-тагара) (рис. 2, 1–4, 8), столовую (фрагменты от кувшинов, горшков, чаш) (рис. 3, 1–4) и кухонную посуду (фрагменты от сковород, горшков) (рис. 2, 5–7). Заслуживают внимания хум и кувшин с сарматскими знаками-тамгами, прорисованными по сырой глине до обжига изделий (рис. 3, 1; 4, 1).

Особый интерес представляют две неординарные находки. Одна из них это фрагмент кангюйского (культобинского) письма на керамических кирпичах-таблицах. Он включает 10

хорошо читаемых, шесть частично восстанавливаемых знаков, оформленных в четыре строки (рис. 4, 3). Вторая связана с обнаружением бронзовой монеты, относящейся к Великой Кушанской империи (да-юэчжи китайских источников) (рис. 4, 2). Отметим, что все три находки обнаружены в одном культурном слое (рис. 4).

Могильник Культобе 2 находится на гребневидных лессовых останцах правой надпойменной террасы р. Арысь, в 2,5 км к северу от городища Культобе и представляет собой вариант могильника, сочетающего в себе расположение цепочкой и бессистемного расположения насыпей. Он включает 18 курганов, планировка насыпей которых каплевидная, со смещенной от центра максимальной точкой по высоте; наиболее крутой склон северный, реже – восточный. Насыпи курганов сложены из лёсса, средние размеры курганов могильника Культобе 2: диаметр в основании от 5 до 16 м, высота от 0,5 до 1,5 м.

Курган 2. В юго-западном секторе под насыпью, на глубине 3,4 м открыта «Т»-образная двухчастная катакомба, которая включает узко-траншейный дромос и сводчатую полую погребальную камеру прямоугольной планировки со сглаженными углами. Вся конструкция вытянута по линии С–Ю, на дне камеры открыто потревоженное древними грабителями одиночное погребение женщины среднего возраста (рис. 5). Обряд погребения: труположение на спине изголовьем на ЮВ.

Погребальный инвентарь представлен следующими артефактами:

- кувшин кухонный грушевидной формы с высокой горловиной, выраженными плечиками и вертикальной петлевидной ручкой на тулове сосуда. Изделие выполнено из доста-

Рис. 1. Городище Культобе и внешний вид раскопа 2 на рабаде 2017 г.
Фото автора

Fig. 1. The site of ancient settlement Kultobe and excavation site 2 in Rabad, 2017.
Фото автора

точно грубого теста с примесями песка, шамота, оно носит следы древней реставрации (зафиксированы более 10 высверленных отверстий в стенке сосуда по краям трещин), его поверхность закопчена (свидетельство прямого использования на очаге). Декор отсутствует (рис. 5, 1).

- крышка округлая из необожжённой глины, которая располагалась на венчике кувшина, но затем была смещена вниз (рис. 5, 2).

- железный безлопастной накопечник стрелы (рис. 5, 3), железный стержень неизвестного назначения (рис. 5, 4) и перстень железный с

Рис. 2. Хозяйственно-бытовая и кухонная керамика Культобе арысского
 Fig. 2. Household and kitchen ceramics of the Arys Kultobe

бронзовой выпуклой печаткой, которая представляет собой группу спаянных небольших шариков в виде пирамиды (рис. 5, 5).

- пряжка железная круглая рамчатая с подвижным язычком (рис. 5, 6) и округлая бусина из стекла со сквозным отверстием (рис. 5, 7).

Местонахождение инвентаря следующее: кувшин кухонный керамический находился в вертикальном положении слева от костяка; рядом обнаружена крышка из необожжённой глины (рис. 5, 1–2); железный наконечник стрелы найден у кисти левой руки костяка (рис. 5, 3); железный стержень, перстень, железная круглая пряжка и стеклянная бусина компактной группой располагались в районе таза костяка (рис. 5, 4–7).

Могильник Кылышжар зафиксирован в 1,5 км к ЮЗ от городища Культобе, в непосредственной близости от сегментовидного обрыва правого берега р. Арысь, на лёссовой надпойменной террасе, которая в этом месте по высоте плавно сходит на нет, опускаясь «сверху-вниз» к руслу реки. Насыпи расположены бессистемно, в отдельных группах курганов фиксируется планировка в «цепочку»; в целом могильник Кылышжар протянулся более чем на 1,5 км в направлении СВ–ЮЗ. Могильник включает от 60 до 80 курганов. Планировка насыпей различная: встречены каплевидные, со смещенной от центра максимальной точкой по высоте курганы; наиболее крутой склон северный,

Рис. 3. Столовая керамика Культобе арысского

Fig. 3. Dining ceramics of the Arys Kultobe

реже – восточный. Имеются также округлые насыпи, с пологими, почти не выраженными склонами. Все курганы однородны по составу (сложены из лёсса), их средние размеры от 8–10 до 30 и более метров в основании при высоте от 0,8 до 2,5 м.

В течение полевого сезона 2017 года на могильнике Кылышжар раскопкам подверглись курганы 1 и 2 юго-западной группы насыпей, которая включает более 25 курганов (некоторые насыпи носят следы ограбления в древности).

Курган 1. Почти в центре под насыпью обнаружена погребальная «Т»-образная трёхчастная катакомба «с дромосом с заплечиками», которая конструктивно включает: основной дромос в виде большой грунтовой прямоугольной ямы; малый узкотраншейный дромос, вырезанный в полу основного дромоса; аркообразный проём, связывающий малый дромос с погребальной камерой (проём зало-

жен горизонтальными рядами прямоугольным кирпичём-сырцом); сводчатую полулю погребальную камеру трапезиевидной планировки (в западной стенке камеры, на уровне пола, отмечена вырезанная в лёссе ниша).

Вся конструкция вытянута по линии С–Ю, на дне камеры открыто коллективное погребение, включающее четыре костяка (два мужских, один женский и один девочки-подростка): два из них расположены вдоль северной, восточной стенок камеры, один – в центре и один у места соединения малого дромоса и заложённого кирпичом-сырцом проёма (рис. 6). Обряд погребения: трупоположение на спине изголовьем преимущественно на восток.

В числе иных особенностей обряда отметим факт фиксации остатков прямоугольного деревянного (судя по всему, плетёного) гроба, в котором находился костяк 1, а также – наличие «жертвенной пищи» в виде передней

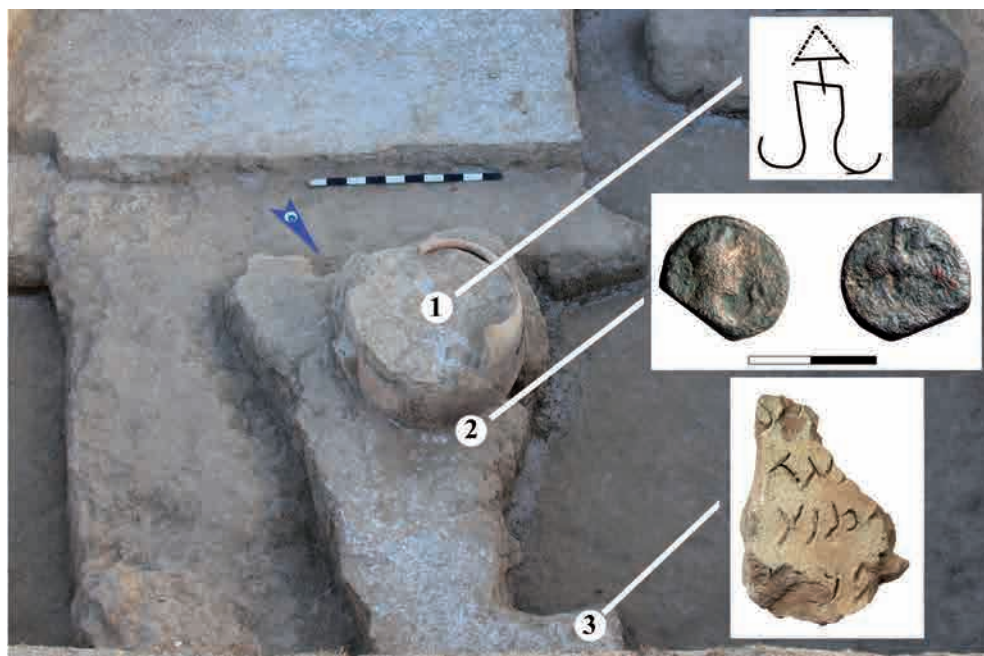

Рис. 4. Раскоп 2 на рабаде городища Культобе, 2017 г.: хум со знаком-тамгой, фрагмент письменности и медная монета

Fig. 4. Excavation 2 on the Rabad of the Kultobe settlement, 2017: hum with a tamga sign, a fragment of writing and a copper coin

части туши овцы (барана) вблизи ног этого костяка (рис. 6).

Погребальный инвентарь представлен следующими артефактами:

- кувшин столовый керамический грушевидной формы с высокой горловиной, выраженными плечиками и вертикальной петлевидной ручкой на тулове сосуда. Изделие выполнено на гончарном круге из качественного теста, хорошего обжига. Сосуд покрыт светло-жёлтым ангобом, а в нижней части украшен светло-коричневым ангобом (рис. 6, 1).

- серебряная пластина-оклад венчика деревянного сосуда; пластина крепилась на венчике посредством серебряных гвоздиков с круглыми шляпками (всего 16 гвоздиков; рис. 6, 3) и серебряная декоративная пластина прямоугольной формы на кожаное изделие с четырьмя штырьками-

фиксаторами и овальной заклёпкой с обратной стороны (рис. 6, 2).

- серьга бронзовая петлевидная из круглой проволоки с окончанием в виде приплюснутой лопатки (рис. 6, 6), две петлевидные бронзовые подвески из прямоугольной в разрезе проволоки с приплюснутыми окончаниями, соединёнными вместе (рис. 6, 4–5) и круглая серебряная ворворка (рис. 6, 7).

Местонахождение инвентаря следующее: кувшин столовый керамический находился в вертикальном положении вблизи задних конечностей костяка 1; у черепной коробки костяка 1, справа, обнаружены серебряная пластина-оклад и декоративная серебряная пластина; бронзовая серьга находилась справа черепной коробки костяка 2; в верхней части черепной коробки костяка 2 найдена

Рис. 5. Могильник Культобе 2. Погребение, инвентарь в катакомбе 2
 Fig. 5. Burial Kultobe 2. Burial, inventory in the catacomb 2

бронзовая ворворка; в районе таза костяка 2 зафиксированы две бронзовые петлевидные подвески (рис. 6).

Курган 2. В центре под насыпью, с незначительным смещением в западный сектор, на глубине 3,5 м от уровня дневной поверхности была обнаружена «Т»-образная трёхчастная катакомба с узкотраншейным дромосом, которая включает узкотраншейный беступенчатый дромос, аркообразный в разрезе лаз, связывающий дромос с погребальной камерой (проем лаза в древности был заложен прямоуголь-

ным кирпичом-сырцом) и сводчатую полую овально-прямоугольной планировки погребальную камеру.

Катакомба вытянута по линии С-Ю, на дне камеры открыто одиночное погребение, сильно потревоженное древними грабителями: разрушенные останки костяка и погребального инвентаря в беспорядке располагались на полу у восточной стенки камеры (рис. 7, I.I).

Обряд погребения (предположительно): труположение на спине. В числе иных особенностей обря-

Рис. 6. Могильник Кылышжар, юго-западная группа курганов. Катакомба 1 (погребение, инвентарь)

Fig. 6. Kylyshjar burial ground, southwestern group of mounds. Catacomb 1 (burial, inventory)

да отметим факт фиксации фрагментов дерева и угля, а также – наличие костных останков от овцы (барана).

Погребальный инвентарь представлен следующими артефактами:

- кувшин столовый керамический грушевидной формы, с выраженной горловиной без ручек. Сосуд выполнен из качественного, почти без примесей, теста, на быстро вращающемся гончарном круге, обжи-

га хорошего. Кувшин декорирован красно-коричневым ангобом, поверх которого в нижней части сосуда, начиная от плечиков, нанесён чёрный ангоб посредством погружения кувшина в ангобную массу (за счёт этой манипуляции образовался ровный пояс, разделяющий два цвета ангоба). Кроме всего, вся поверхность сосуда украшена брызгами насыщенного чёрного ангоба (рис. 7, I.2).

Рис. 7. Могильник Кылышжар, юго-западная группа курганов. Катакомба 2 (погребение, инвентарь)

Fig. 7. Kylyshjar burial ground, southwestern group of mounds. Catacomb 2 (burial, inventory)

- части венчика и боковины крупного кухонного грушевидно-банкообразного горшка без ручек (форма восстанавливается). Сосуд сделан вручную из грубого, с большими примесями дресвы, шамота и растительности теста; обжиг кострового. Нижняя часть горшка покрыта ангобом жёлто-коричневого цвета, внешняя поверхность носит следы использования на открытом огне (закопчена; рис. 7, I.3).

- железные черешковые трёхлопастные наконечники стрел с опущенными и прямыми жальцами (4 экз.) (рис. 7, II.2–4) и железный черешковый двулопастный вильчатый наконечник стрелы (рис. 7, II.5); на черешках всех наконечников отмечены следы от деревянных древков);

- железный черешок кинжала (рис. 7: II.1), круглое каменное на-

вершие от него с отверстием в центре (рис. 7: II.17), две железные скобы (рис. 7: II.6–7) и железные окончания от черешков ножей (кинжалов) (рис. 7: II.8–10);

- крупная круглая железная пряжка с подвижным язычком (атрибут конской экипировки) (рис. 7: II.12), две прямоугольные железные пряжки с подвижным язычком (атрибуты кожаной обуви) (рис. 7: II.18, 20) и круглая железная пряжка без язычка (рис. 7, II.19);

- часть железной втулки с остатками дерева (атрибут ножен кинжала) (рис. 7: II.16) и часть бронзовой декоративной пластины со шляпками от заклёпки (рис. 7: II.13);

- крупная ребристая бусина из египетского фаянса (рис. 7: II.11) и небольшой фрагмент мела (рис. 7: II.15).

2. Вопросы хронологии

В контексте хронологии остановимся на некоторых аналогиях и параллелях археологическому материалу из городища Культобе арысского и катакомб могильника Культобе 2 и Кылышжар. В качестве уверенных хроно-индикаторов выступают нумизматическая находка и несколько значимых артефактов, дающих основание для соответствующих выводов. В их числе железные наконечники стрел, часть кинжала (черешок и каменное навершие рукояти), серебряная обкладка венчика деревянного сосуда, ребристая бусина из египетского фаянса.

Несомненно, самой важной их них является медная монета. Метрические и сюжетно-иконографические составляющие этой монеты позволяют связывать её с множественной эмиссией в недавнем прошлом безымянного кушанского правителя из серии «Soter Megas», которая в свете новых данных принадлежит второму кушанскому царю, сыну основателя империи Куджулы Кадфиза, Вима I Такто, правившему в 80–90 годы I века н.э. [Ртвеладзе, 2002, с. 141-144].

В качестве датирующего материала из катакомб Южного Казахстана однозначно выступают железные черешковые наконечники стрел с «опущенными» и прямыми жальцами, которые широко встречаются в погребальных памятниках сарматов I в. до н.э. – III в. н.э. [Хазанов, 1971, с. 39; табл. XX, 20–21; табл. XXI, 22, 24; Скрипкин, 1990, с. 135-141; рис. 24, 33, 35–36, 54; Мошкова, 1989а, с. 185; табл. 81, 11, 16, 37, 40б; Симоненко, 2010, с. 96-99; рис. 68, 1, 3; рис. 69]. Подобные железные черешковые трёхлопастные наконечники стрел находят аналогии и в среднеазиат-

ских материалах первых веков до н.э. – первых веков н.э. [Литвинский, 1965, с. 77-81; рис. 4; Горбунова, 2000, с. 40-41; рис. 1, 3, 5, 16; рис. 2, 1, 4].

Железные мечи и кинжалы без навершия и перекрестия характерны для конца среднесарматской и всей позднесарматской культуры рубежа – III в. н.э. [Мошкова, 1989б, с. 195-197, табл. 81, 59, 60–61; Симоненко, 2010, с. 46, рис. 29-30; рис. 37: мечи «с рукоятью-штырём» 2-го типа]; зафиксированы они в указанное время и в погребальных памятниках Средней Азии [Обельченко, 1972, с. 57-62, рис. 1; 1973, с. 159-171: курганы 1, 2, 6 и 8 Агалыксайского могильника, могильники близ Самарканда, которые датируются первыми веками до н.э. – первыми веками н.э.; Обельченко, 1978, с. 119-121], Средней Сырдарьи [Максимова и др., 1968, с. 184; рис. 3; табл. IV, 1; 3].

Аналогии серебряной обкладке на венчик деревянного сосуда имеются в материалах могильника Покровка 10 позднесарматского времени (Южное Приуралье, II–III вв. н.э.) [Малашев, Яблонский, 2008, с. 50; рис. 155, 1–3].

К числу других базовых хроноиндикаторов следует отнести большую ребристую бусину из египетского фаянса. Подобные бусины в сочетании с другими изделиями из египетского фаянса в составе наборных ожерелий и ручных браслетов широко распространены в среде сарматов Евразии в I в. до н.э. – III в. н.э. [Алексеева, 1975, с. 25; 1984, с. 237; Мошеева, 2010, с. 152; Литвинский, Седов, 1984, с. 64].

Отметим также уникальный факт местонахождения в одном культурном слое на городище Культобе арысском одновременно трёх значимых в контексте хронологии и куль-

турного наполнения находок (хум с сарматским знаком, медная монета и фрагмент кангюйского письма), который позволяет уверенно датировать их концом I в. н.э. (рис. 4).

Корреляция приведённых выше аналогий и хронологических выкладок позволяют отнести новые археологические материалы из памятников Южного Казахстана ко времени I в. до н.э. – III в. н.э. (возможно, начало IV в. н.э.).

3. Этно-культурные и исторические интерпретации

В региональном и историческом контекстах упомянутые материалы имеют прямое отношение к государству Канцзюй (Кангюй) и иным племенным объединениям (сарматы, сюнну, усунь), входящих в состав Кангюй, или имеющих с ним экономические, политические и культурные контакты. В этой связи заслуживает внимания факт обнаружения монеты чекана Вима I Такто, свидетельствующий о том, что северо-восточные границы Великой Кушанской империи простирались в то время до Кангюй. Это объективно предполагает наличие экономических, культурных, и, возможно – политических контактов между двумя мощными государствами древности. Кроме всего, находка этой монеты важна ещё и тем, что она выступает в роли аргументированного хроно-

индикатора как для строительного горизонта кангюйского периода (хум со знаком), так и для фрагмента культобинского (согдийского, кангюйского) письма на керамических кирпичих-таблицах, обнаруженного здесь же.

Следует отметить, что исследуемые артефакты, полученные из городища Культобе арысского и катакомб могильников Культобе 2, Кылышжар, в этно-культурном плане по нескольким параметрам (обряд погребения, оружие, изделия из египетского фаянса, знаки) уверенно связываются с сарматами. Присутствие как европейских (так азиатских) сарматов на территории Южного Казахстана на рубеже эр и в первые века н.э. в настоящее время в научных кругах казахстанских исследователей не вызывает сомнения [Подушкин, 2000, с. 150-153; 2010, 207-217].

Что касается находки 16-го фрагмента уникальной письменности на обожжённых кирпичих-таблицах городища Культобе арысского, то она интересует нас только в связи с упоминанием в одном из текстов этого письма «людей шатров» (т.е. кочевников), которые имели косвенную причастность к основанию города, причём в качестве этих «людей шатров» вполне могли выступать сарматы [Sims-Williams, Grenet, Podushkin, 2007, с. 1006-1034].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г 1-12, М.: Наука, 1975. 104 с.
2. Алексеева Е.М. Бусы и подвески // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 237-239.
3. Горбунова Н.Г. О вооружении среднеазиатских скотоводов (II (III?) в. до н.э. – V в. н.э.) // РА. 2000. № 2. С. 40-51.
4. Обельченко О.В. Агальксайские курганы // ИМКУ. Ташкент, 1972. Вып. 9. С. 56-72.
5. Обельченко О.В. Курганы в окрестностях Самарканда // Афрасиаб. Ташкент: АН УзССР, 1973. Вып. II. С. 157-172.

6. Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из Согда // СА. 1978. № 4. С. 115-127.
7. Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С. 75-91.
8. Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.: Наука, 1984. 240 с.
9. Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата: Наука, 1968. 258 с.
10. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). М.: Восточная литература, 2008. 365 с.
11. Мошеева О.Н. Египетский фаянс в сарматских погребениях Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. 2010. Вып. 11. С. 147-169.
12. Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989а. С. 177-191.
13. Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989б. С. 191-202.
14. Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан, 2000. 202 с.
15. Подушкин А.Н. Сарматы в Южном Казахстане // Древние культуры Евразии: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 100-летию А.Н. Бернштама. СПб.: ИИМК РАН, 2010. С. 207-217.
16. Ртвеладзе Э.В. Древние и средневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Ташкент, 2002. Т. I. 304 с.
17. Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 328 с.
18. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1990. 299 с.
19. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
20. Sims-Williams N., Grenet F., Podushkin A. Les plus anciens monuments de la langue sogdienne: les inscriptions de Kultobe au Kazakhstan // Academie des Inscripton & Belles. Paris, 2007. С. 1006-1034.

Сведения об авторе:

Подушкин Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры Истории Казахстана и мира, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет (г. Шымкент, Казахстан); p_a_n_alex@mail.ru

**2016–2017 ЖЫЛДАРДАҒЫ АРЫС КҮЛТӨБЕСІНДЕГІ, КҮЛТӨБЕ
ЖӘНЕ ҚЫЛЫШЖАР ҚАБІРЛЕРІНДЕГІ
АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЖҰМЫСТАР**

А.Н. Подушкин

Мақалада арыстық Күлтөбе көне қалашығының жаңа археологиялық кешендерін, Күлтөбе 2 және Қылышжардың жерлеу алаңдарының 2016-2017 жылдардағы жұмыстарының нәтижесінде алынған катакомбаларды талдауға арналған. Табылған олжалардың толық сипаттамасы келтірілген, зерттелетін ескерткіштердің хронологиясы мен этномәдени бірлестігі мәселелері қамтылып, олардың Қаңлы мемлекетімен байланыстыруға және б.д.д. I ғасыр б.д. III ғасырмен мерзімдеуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: археология, Оңтүстік Қазақстан, Арыс мәдениеті, катакомб қабірлері, сарматтар, қаңлы, Күлтөбе жазбалары

ARCHAEOLOGICAL WORK ON THE SITE KULTOBE ARYSS, BURIAL GROUNDS KULTOBE AND KYLYSHJAR IN 2016–2017

A.N. Podushkin

The article is devoted to the analysis of new archeological complexes of the ancient settlement of Kultobe Aryss, the catacombs of the burial grounds of Kultobe 2 and Kylyshjar, obtained as a result of works 2016–2017. A complete description of the artifact material is given, the issues of chronology and ethno-cultural affiliation of the studied monuments are covered, which allow them to be associated with the Kangyu state and the I century BC – III century AD.

Keywords: archaeology, Southern Kazakhstan, Arys culture, catacomb burials, sarmatians, Kangyu, Kultobe writing

REFERENCES

1. Alekseeva, Ye. M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya. Svod arheologicheskikh istochnikov (Antique beads of the Northern Black Sea. Archaeological sources)*, Г1-12. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
2. Alekseeva, Ye. M. 1984. In *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya (Antique states of the Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauka Publ., 237-239 (in Russian).
3. Gorbunova, N. G. 2000. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)*, 2, 40-51 (in Russian).
4. Obelchenko, O. V. 1972. In *Istoriya material'noj kul'tury Uzbekistana (The history of material culture of Uzbekistan)*, 9, 56-72 (in Russian).
5. Obelchenko, O. V. 1973. In *Afrasiab, II*. Tashkent: UzbekSSR Academy of Sciences Publ., 157-172 (in Russian).
6. Obelchenko, O. V. 1978. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 4, 115-127 (in Russian).
7. Litvinskiy, B. A. 1965. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 2, 75-91 (in Russian).
8. Litvinskiy, B. A., Sedov, A.V. 1984. *Kulty i ritualy Kushanskoy Baktrii (The cults and rituals of Kushan Bactria)*. M.: Nauka Publ. (in Russian).
9. Maksimova, A. G., Mershchiev, M. S., Vaynberg, B. I., Levina, L. M. 1968. *Drevnosti Chardary (Antiquities of Chardara)*. Alma-Ata: Nauka Publ. (in Russian).
10. Malashev, V. Yu, Yablonskiy, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priuralya v pozdnesarmatskoe vremya (po materialam mogilnika Pokrovka 10) (Steppe population of the Southern Urals in the Late Sarmatian time (according to the materials of the Pokrovka 10 burial ground))*. Moscow: "Vostochnaya literature" Publ. (in Russian).
11. Mosheeva, O. N. 2010. In *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik (Lower Volga archaeological bulletin)*, 11, 147-169 (in Russian).
12. Moshkova, M. G. 1989a. In *Arkheologiya SSSR. Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Archaeology of the USSR. The steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: "Nauka" Publ., 177-191 (in Russian).
13. Moshkova, M. G. 1989b. In *Arkheologiya SSSR. Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Archaeology of the USSR. The steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: "Nauka" Publ., 191-202 (in Russian).
14. Podushkin, A. N. 2000. *Arysskaya kultura Yuzhnogo Kazakhstana IV v. do n.e. – VI v. n.e. (Arys culture of southern Kazakhstan IV century BC – VI century AD)*. Turkestan (in Russian).
15. Podushkin, A. N. 2010. In Alyokshin, V. A., Kircho, L. B., Sokolova, L. A., Stegantseva, V. Ya. *Drevnie kultury Evrazii (k 100-letiyu A.N. Bernshtama) (Ancient cultures of*

Eurasia (to 100th anniversary of Bernshtam, A. N.). Sankt-Petersburg: Institute of Material Culture History RAN, 207-217 (in Russian).

16. Rtveladze, E. V. 2002. *Drevnie i srednevekovye monety istoriko-kulturnykh oblastey Uzbekistana (Ancient and medieval coins of historical and cultural regions of Uzbekistan)*, I. Tashkent (in Russian).

17. Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian horsemen of the Northern Black Sea)*. Sankt-Petersburg: Faculty of Philology and Arts, St.Petersburg State University; "Nestor History" Publ. (in Russian).

18. Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt (Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect)*. Saratov: Saratov University Publ. (in Russian).

19. Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Sketches of military affairs of the Sarmatians)*. Moscow: Nauka, 172 s. (in Russian).

20. Sims-Williams, N., Grenet, F., Podushkin, A. 2007. In *Academie des Inscription & Belles*. Paris, 1006-1034.

About the Author:

Podushkin Alexander N. Doctor of History, Professor of the Department History of Kazakhstan and the World, South Kazakhstan State Pedagogical University, p_a_n_alex@mail.ru

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 28.05.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 04.06.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 11.06.2018.

ТАҒДЫРЫ ЖҰМБАҚ ҚЫШҚАЛА

© 2018 ж. Д.А. Талеев, М. Елеуов, С. Есенов

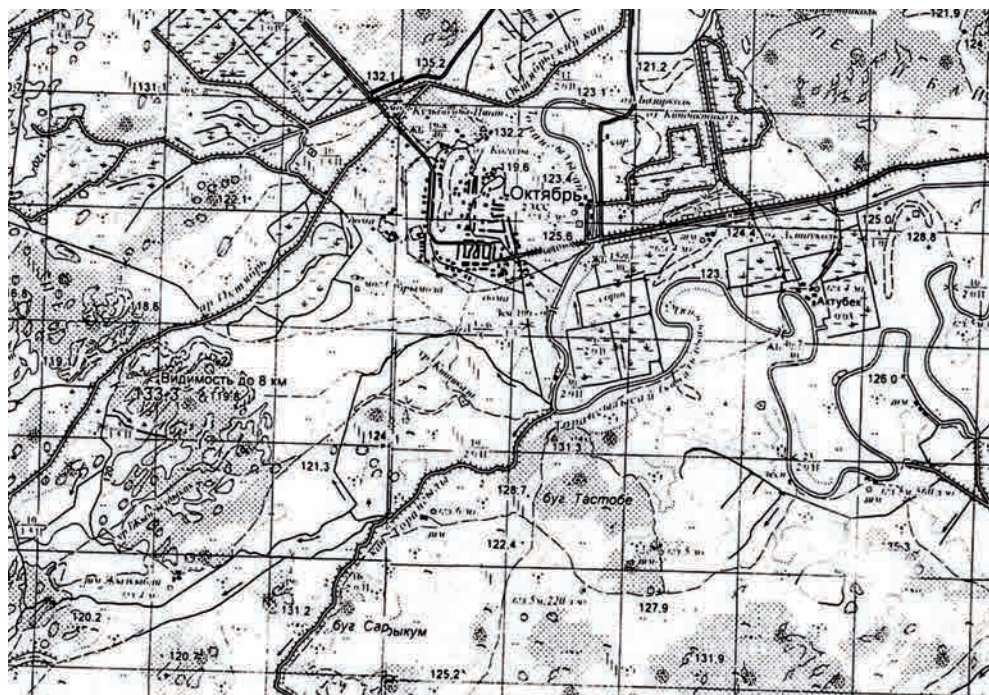
Мақалада Қызылорда қаласынан оңтүстікке қарай 30 км жерде, Қоғалыкөл ауылының маңында орналасқан Қышқала қалашығында 2018 ж. жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесі жайлы мәліметтер баяндалады. Қышқаланың осыған дейінгі археологиялық зерттелу тарихына шолу жасалып, оның деректерден белгілі тарихи қаламен баламалану мәселесі қарастырылған. Қалашықтың тарихи атын анықтауда мамандар арасындағы әртүрлі көзқарастар сараланған. Сондай-ақ көпшілік мамандардың Қышқаланың Сырдарияның көне арнасы Баршындарияның бойындағы Баршынкент қаласының орны деген пікірлеріне сүйене отырып, Баршынкент қаласы туралы сақталған жазба деректердің мәліметтері топтастырылған.

Түйін сөздер: археология, Қызылорда, Көлтоған, Қышқала, Қыштөбе, зерттеу, деректер, баламалау, қазба, барлау, топография

Кезінде ортағасырлық қаланың орны болған Қыштөбе қалашығы Қызылорда қаласынан оңтүстік-батысқа қарай 25 км жердегі Қоғалыкөл ауылының оңтүстігінде 2 км жерде, Сырдарияның сағасы Жаңадарияның оң жағалауында жатыр. Сыртында қорғаныс қабырғалары жоқ, мәдени қабаты 1–2 метрге дейін сақталған қалашық 50 гектарға жуық аймақты алып жатыр (сур. 1). 30 гектар шамасында болатын орталық бөлігі біртұтас және үстінде күйдірілген қыш сынықтары өте көп. Сондықтан болар жергілікті тұрғындар бұл қалашықты Қыштөбе (Қышқала) деп атап кеткен. Ал шеткі аймақтары жеке-жеке жатқан төбешіктерден тұрады. Олар негізінен қалашықтың шығыс және оңтүстік бөлігін алып жатыр. Бұлар шамасы бір кездегі жеке иеліктердің (усадыба) орындары болуы мүмкін.

Қалашықтың географиялық координаттары: С.44°44'27"; Ш.65°11'03", теңіз деңгейінен биіктігі 122 м. Ескерткіштің басым бөлігін бұл күнде шеңге, жыңғыл және сексеуіл басып кеткен.

Қалашықтың зерттелу тарихы шым-шытырық. Олай дейтініміз Қыштөбе зерттеушілерге ХІХ – ғасырдың екінші жартысынан бастап белгілі болғанмен ХХІ ғ. ғылымында ескерусіз қалған. 2011 ж. жарық көрген Қазақстан Республикасының тарихи және мәдени ескерткіштерінің жинағының Қызылорда облысына арналған 504 беттік жинағына еңбей қалған. Тіпті облыстық ескерткіштерді қорғау инспекциясының ресіми тізімінде алынбай келген. Алғаш қалашық жайлы мәлімет Түркістандық археологиямен қызығушылар үйірмесінің белді мүшесі В. Каллаурдың

Сур. 1. Қышқала қалашығы орналасқан аймақтың картасы

Fig. 1. Map of the settlement of Kyshkala

мақаласында айтылады [Каллар, 2011а, с. 245; 2011б, с. 211]. Ол өзінің Перовск уезіндегі 1219 ж. Шыңғысхан талқандаған қалалар жайлы мақаласында Перовскіден 25–30 км жерде Қыс-Кала (Гыш-Кала) жатқаны жайлы айта келіп, оны Жент қаласының орны болуы мүмкін деген болжам жасаған.

1946 жылы С.П. Толстов басқарған Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы (ХАЭЭ) қышқалада [С.П. Толстов бойынша Қыш-төбе – авт. ескертпесі] болып, оның үстінде шашылып жатқан ыдыс сынықтарын, заттарды жинап, картада Қыштөбенің ортағасырлық Асанас пен Женттің аралығында орналасқанын көрсеткен [Толстов, 1948]. Қыштөбені Ә.Х. Марғұлан өзінің ортағасырлық қалалар жайлы монографиясында Сырдарияның төменгі ағысында

болған Барчинкент (Барчинлыкент) Жент пен Жанкенттің аралығында орналасқан деп берген. Сондай-ақ ол қаланың орны Қызылорда мен Шиелінің аралығындағы Қызқала деп көрсеткен [Марғұлан, 1950, с. 76–78]. Қалашықтың орналасқан жері К.А. Ақышпытың жетекшілігімен 1960 жылы жарық көрген Қазақстанның археологиялық картасында Қызылорда қаласынан оңтүстік-батысқа қарай 25 км жердегі жекелеген құрылыстар кирандысы Қызқала деп берілген [Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 225, № 3318].

1960 жылы белгілі әдебиетші Ә. Қоңыратбаев Ғ. Мұсабаевпен бірге Қышқалада бақылау жұмыстарын жүргізген. Ол туралы Ә. Қоңыратбаев өз еңбегінде былай деп жазған: «Қышқала демектің мағынасы онда қыштан салынған кішігірім Сарай

(орда) болған... 1960 жылы біздер бірер метр жерін қазып, күйдірілген кірпіштен жасалған бармақтай сырлы құмыра таптық. Ішіне 25 грамм су кетеді, тұтқасы сынған. Осы төбенің астынан күміс ақша табылған. Сол жерден 1960 жылы мен сор бетіне шығып қалған алтын теңге таптым» [Қоңыратбаев, 1987, 336 б.; 2004, 151 б.]. Сонымен қатар Ә. Қоңыратбаев Қышқаладағы моладан адамның, аттың сүйектері, сырланған көзелер сынығы табылғанын айта келіп: «Бірақ бұл жерде [Қышқаланы айтып отыр – авт. ескертпесі] камалдың ізі жоқ... «Қышқала» деген атау ел аузында жүрген кейінгі сөздер болса керек. Сыр бойында ондай қаланың аты жоқ» – дейді [Қоңыратбаев, 1987, 336 б.]. Қыштөбенің маңындағы Қоғалыкөл ауылының тұрғыны Исламбек ақсақалдың айтуынша Қыштөбеге 1976 жылы Ә.Х. Марғұлан Ә. Қоңыратбаевпен бірге қайта келген. Сол сапарында ішінде мыс теңгелері бар кішігірім құмыра табылған. Құмыраны Ә.Х. Марғұлан өзімен бірге алып кеткен. Бірақ, сол сапары жайлы академик ешқандай жазба мәлімет қалтырмаған. Шамасы Ол кісінің қолжазбасы жарияланбай қалса керек.

Қышқала қалашығында алғашқы археологиялық қазба жұмыстарына 1990 ж. Қызылорда мемлекеттік пединститутың Т. Мәмиев басқарған студенттер тобы мен әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университетінен арнайы шақырылған М. Елеуов пен Д.А. Талеев келіп қатысты [Мәмиев, 1999, 27 б.]. 1990-жылдарда Қышқалада жүргізілген қазба жұмыстарының барысы, онан ашылған құрлыстар, табылған археологиялық заттар Т. Мәмиевтің «Кейінгі ортағасырдағы Арал

өңірінің қалалары (XIII–XVIII ғғ.)» тақырыбына тарих ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін жазған диссертациялық жұмысында қысқаша жазылған [Мәмиев, 2000, 64–69 б.].

Мәмиев Қоғалыкөл ауылынан 2 км оңтүстік–шығыста орналасқан Қышқалада зерттеу жұмыстарын жүргізген кезде оның діни, қоғамдық, азаматтық құрылыстар қирандыларының орны дөңгелек төбелерден тұратынына көңіл аударған. Мысалы, Мәмиев өз есебінде бірінші төбенің диаметрі 200 м, биіктігі 2 м, екінші төбенің диаметрі 300 м, биіктігі 2,5 м ал үшінші төбенің диаметрі 300 м, биіктігі 3 м, төртінші төбенің диаметрі 500 м биіктігі 5 м деп көрсеткен. Олардан табылған қыш кірпіштердің өлшемдері 25×7×12 см, 25×6×27 см. Ол 1992 ж. солтүстіктен оңтүстікке қарай өткен орталық көшесіндегі мешіт және тұрғын үй кешендерінде археологиялық қазба жұмыстарын жүргізді [Мәмиев, 2000, 52 б.]. Қазба барысында табылған жапсырма өрнегі бар плиталардың сынықтары табылды. Онда араб тілінде жазылып көгілдір, ақшыл түспен өрнектер салынған. Қазба барысында көптеген сырлы және сырланбаған ыдыс сынықтары мен шыныдан жасалған ыдыс сынықтары, моншақ үзінділері кездесті.

Сол кезде салынған стратиграфиялық қазба нәтижесі бойынша құрылыс қабаты 60 см тереңдіктен тұрады. Оның жоғарғы 10 см тығыз қабаттан, 7 см ағаш пен қамыс күлі аралас қабаттан, 20 см қамыс, 3,5 см кесек аралас бос қабаттан түзілген. Қазба барысында аршылған үй құрылыстарының топографиясы мен табылған заттар кешенін Отырар қаласының мате-

риалдарымен салыстыра келе автор қалашық XIII–XVIII ғғ. аралығында өмір сүрген деген болжам жасаған. Қазбадан табылған мыс бақырларды Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының мамандары Р.З. Бурнашева мен С. Юсупова зерханалық сараптаудан өткізген [Мәмиев, 2000, 64–68 б.]. Мәмиевтің есебінде қалашықтың қолдан сызылған жобасы, қазбаның жобасы және қазбадан табылған жәдігерлердің суреттері берілген.

Жергілікті тұрғындардың мәлімдеуінше содан кейін де археолог мамандар Қыштөбеде бірнеше рет болған, кішігірім қазба да салынған бірақ, ол туралы ешқандай есеп жоқ. Ең өкініштісі Қызылорда облысының тарихи-мәдени ескерткіштерінің жинағына Қыштөбенің енбей қалғаны. Ескерткіш 1960 ж. жарық көрген Қазақстанның археологиялық картасында бола тұрып, осы күнгі мамандардың назарынан тыс қалған. Жоғарыда берілген қалашықтың сипаттамасы 2018 ж. құрылған Қышқала археологиялық экспедициясының (М. Елеуов) зерттеулері нәтижесі.

Жазба деректері мен баламалану мәселесі

Жазба деректері туралы айту үшін алдымен қалашықтың тарихи атын анықтау, яғни баламалану мәселесіне тоқталу қажет. Көпшілік зерттеушілер Қыштөбені немесе Қышқаланы (Қызқала) ортағасырлық бірсыпыра деректерде кездесетін Баршынкент қаласының орны деп болжаған және оған қарсы пікірлер де болған. Енді соларға қысқаша тоқтала кетелік. В.А. Каллаур 1899 ж. өзі ашқан Қышқаланы Қысқала (Гышқала) деп атап, оны Жент қаласымен баламалаған [Каллаур, 2011б, с. 211], сонымен қатар, ол Жөлектен 80 верст жерде орналасқан Барчинлыг-

кент (Бархалыгкент) қаласы бар деп көрсеткен [Каллаур, 2011а, с. 286].

Қышқаланы Баршынкенттің орны болуы мүмкін деген пікірді алғаш айтқан Ә.Х. Марғұлан болатын. Ол қаланың атауын Алпамыс батыр жырындағы Гүлбаршынның есімімен байланыстырған [Марғұлан, 1950, с. 76–78]. Каллаур Сырдарияның Өзкенттен Сырлытамға дейінгі және одан әрі қарайғы көне арналарына Баршындария деп аталған расталса, онда Барчинлыгкент сол дарияның бойында болуы тиіс [Каллаур, 2011а, с. 211; 2011б, с. 245]. Ондай жағдайда жоғарыда сипатталған Төбесіойық (Қасым ата) қалашығы Барчинлыгкенттің қираған орны болуы мүмкін ғой? деген ой салған. Сондай-ақ В.А. Каллаур Өзгент, Бархалыгкент, Ашнас және Жент қалаларының орналасу ретіне тоқтала келіп: «... Джучи – хан после разрушения Саганака отправился в Узгент, затем в Бархалыгкент, Ашнас и Джент: следовательно, Бархалыгкент должен быть ниже Узгента и по пути в Ашнас» – деген де пікір қалдырған [Каллаур, 2011а, с. 245]. В.А. Каллаурдың бұл пікірімен келісу қыйсынсыз, себебі П. Карпинидің жазғаны бойынша Ианкинт, Бархин және Орнас (Асанас) қалалары осы ретпен орналасқан [Путешествие..., 1993, с. 41].

В.В. Бартольд Қышқаланы Жентпен баламалаған В.А. Каллаурдың пікіріне қосыла отырып [Бартольд, 1965, с. 235], Өзгенттен 7 верст жердегі Каллаур сипаттаған, аумағы 600 қадам келетін шағын бекіністің құландысын [Төбесіойық – авт. ескертпесі] Барчинлыгкенттің орны болса керек дейді [Бартольд, 1965, с. 228]. Ал Императорлық археологиялық комиссияның мүшесі, археолог П. Лерхтің «Ар-

хеологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году» атты еңбегінде Бархалигкенд деген қала Сығанақ пен Өзгент қалаларының аралығында деп көрсетілген [Лерх, 1870, с. VII]. Енді Қышқала мен Баршынкенттің баламалануы жөнінде Ө. Қоңыратбаевтың болжамдарына тоқталсақ: «В.А. Каллаурдың айтуынша Жент қаласының орны—Қышқала (Томарөткел)... Жентікөлдiң батысында Баршыңғылкент, Рабат Туғани қаласы болған». «... Қышқала демектің мағынасы – онда қыштан салынған кішігірім сарай (орда) болған. Сонда қыш көп табылған. Бұл сарайдың орны бар» [Қоңыратбаев, 2004, 336 б.; 1987, 151 б.].

1960 жылы Қышқалада зерттеу жүргізген Ө. Қоңыратбаев Жент пен Баршынкенттің баламалануына тоқтала келіп, олар туралы былайша болжам жасаған: «Сонымен біз Жент екеу болған дейміз. Бірі Қуандарияның сағасындағы ескі хұнн Женті, екіншісі Х ғасырдағы Сейілхандар салған Жент. В.А. Каллаур айтқан Жент – соңғысы болуы тиіс (Томарөткел). Сол сияқты Баршынкенттің орны кесене емес, Қызылқұмда тұрған, Баршындария жағасына салынған Сырлытам болуға тиіс» [Қоңыратбаев, 1987, 344 б.; 2004, 158 б.].

С. Жолдасбайұлы Баршынкент туралы Ө. Қоңыратбаевтың жүргізген зерттеулеріне сүйене отырып: «... сонымен осы Баршындария сағасындағы Сырлытам мазары мен оның жанындағы елді мекенді Баршынкент деген қортындыға келген. Қортындылай келгенде, Баршынкент атының біз жоғарыда келтірген XIII ғ. орта кезіндегі жазба деректерде кездесуі, ертедегі аңыздар мен батырлар жырындағы хабарлар мен сәйкес келуі бұл аймақтағы соңғы

кездегі ел аузындағы кенттің, атының сақталуы, дарияның Баршын аталуы жай нәрсе еместігін байқатады. Олай болғанда оғыздармен қыпшақтар өмір сүрген Баршынкент мекенінің болғандығы сөсіз» деп жазған [Жолдасбаев, 1996, 101 б.].

Қышқаланы тікелей Баршынкент қаласымен баламалаған зерттеушілердің бірі Қорқыт Ата Мемлекеттік университетінің бұрынғы оқытушысы Тәңірберген Мәмиев XX ғ. 90-жылдары онда археологиялық қазба жұмыстарын жүргізген [Мәмиев, 1999, 16 б.; 2000, 27 б.]. К.М. Байпаков Ортағасырлық Қызтөбені Барлыгенд (Баршынкент) деп атап, картада оны Қызылордадан батыста, дарияның оң жағасына орналастырған [Байпаков, 2007, с. 38].

Егер осы пікірлер едәуір нағымды болжам деп қабылдар болсақ, онда Баршынкент туралы мәліметтер жазба деректер XIII ғ. ортасынан басталады. 1245–1247 жылдары аралығында Рим папасының монғолдың ұлы ханы Мөңкеге жіберген елшісі Плато-Карпинидің жолжазбалары әзірге алғашқы болып отыр [Путешествие..., 1993, с. 41]. Жолжазбада Бархим деп берілген қала Шыңғыс хан әскерлеріне ұзақ уақыт берілмегені туралы айтылады. Одан кейін 1253 ж. монғолдың ұлы ханы Мөңкеге елшілікке аттанған армян патшасы Гетумның жолжазбасында Сгнах (Сығанақ), Савран (Сауран), Харчук (Қарашық), Хузақ (Созақ), Асон (Асанас) қалаларымен қатар Парчын (Баршын) қаласының аты да аталады [Извлечения из книги..., 2005, с. 41]. Осы сапар жайлы жазылған К. Ганзакецидің «История армян» атты кітабындағы Парчын

қаласының Барджент (Баршын) болуы мүмкіндігін П.И. Лерх та растайды [Лерх, 1870, с. 11].

Одан кейін XIV ғ. басында жазылған Жамал Қашқаридің «Әлмұхаммед-ас-Сұрақ» («Лұғатқа қосымша») атты еңбегінде кездеседі. Ол Баршынкентте садырлардың садыры, әл-әлам, шейх әл-ислам Хусам әл-илла ва-д-дин Абу-л-Махамед Хамид и ибн Асим әл-Асим әл-Баршылықтан дәріс алғаны турала жазады [История Казахстана..., 2005, с. 155–156]. Шыңғысхан қайтыс болғаннан кейін Баршынкенттің Жент, Хорезім қалаларымен бірге Бату ханның иелігінде болғандығы жайлы осы Жамал Қаршидің кітабында айтылады [История Казахстана в персидских источниках, 2005, с. 120].

Баршынкент қаласы туралы аса құнды деректер Ә. Дербісалиевтің «Қазақдаласының жұлдыздары» атты тарихи-филологиялық зерттеуінде кездеседі. Ғалым бұл еңбегінде Баршынкент қаласында туып-өскен ортағасырлық ғұлама-ғалымдар туралы және Баршынкент қаласына келіп, Сырдарияның төменгі ағысындағы басқада ортағасырлық қалаларда туып өскен ғұламалармен кездескен жат жерліктердің еңбектеріне жан-жақты тоқталып шолу жасаған [Дербісалиев, 1995, 110 б.]. 1273–1274 жылдары Сыр бойындағы қалалар мен онда тұратын халықтардың тарихын хатқа түсіру ниетімен арнайы келген Жамал Қарши болды. Жамал өз дүниесін әуелі Баршынкент жайлы мағлұматтар беруден басталған. Оны ол қала емес мекен (дияр) деп атаған. Соған қарағанда сол кезде Баршынкент шынында да бекіністік дәрежедегі қыстақ қана болған сияқты [Дербісалиев, 1995, 110 б.]. Дияр (мекен) немесе қыстақ қана болғанымен Баршынкент белгілі

мәдениет орталығы болған. Мұнда дуалы ауыз шешендер мен жезтаңдай әншілер, сөз өнерінің белгілі майталмандары ғұмыр кешкен [Дербісалиев, 1995, 111 б.].

Сонымен, деректерде, зерттеушілердің еңбектерінде Бархин (П. Карпини), Парчин (Гетум), Барчканд (Жамал Карши), Барчинлигкент, Барчканд, Барчкенд (Ә. Дербісалиев), Барчин (Жошы теңгелерінде), Ба-эр-чи-ли-Хань, Ба-эрчжень (қытай транскрипциясы бойынша), Барчынлыгенд (Барчкенд), Барчынлыген, Хышт-қала, Баршын, Баргент (В.В. Бартольд), Барлычгенд (К.М. Байпаков), Барчынлыгент (В.М. Жирмунский), Бархалигкент (П. Лерх), Барчынлыгент, Бархалыгкент, Барчинлыкент (В.А. Каллаур), Баргенд, Барчынлыгенд (А.И. Маленин), Баршынкент (Ә. Марғұлан, Ә. Қоңыратбаев, С. Жолдасбайұлы, Т. Мәмиев) аталған қалалардың барлығы бір қаланың әртүрлі аталуы (аты). Ал зерттеушілердің еңбектерінде Қыс-Қала, Ғыш-Қала (В.А. Каллаур), Хыш-қала (В.В. Бартольд), Қыз қала (Археологическая карта Казахстана), Қыш төбе (С.П. Толстов), Қызтөбе (К.М. Байпаков), Қышқала (Ә. Қоңыратбаев), Баршынкент (Т. Мамиев) деп түрліше аталып келген қаланың орны қазіргі Қышқалаға сәйкес келеді.

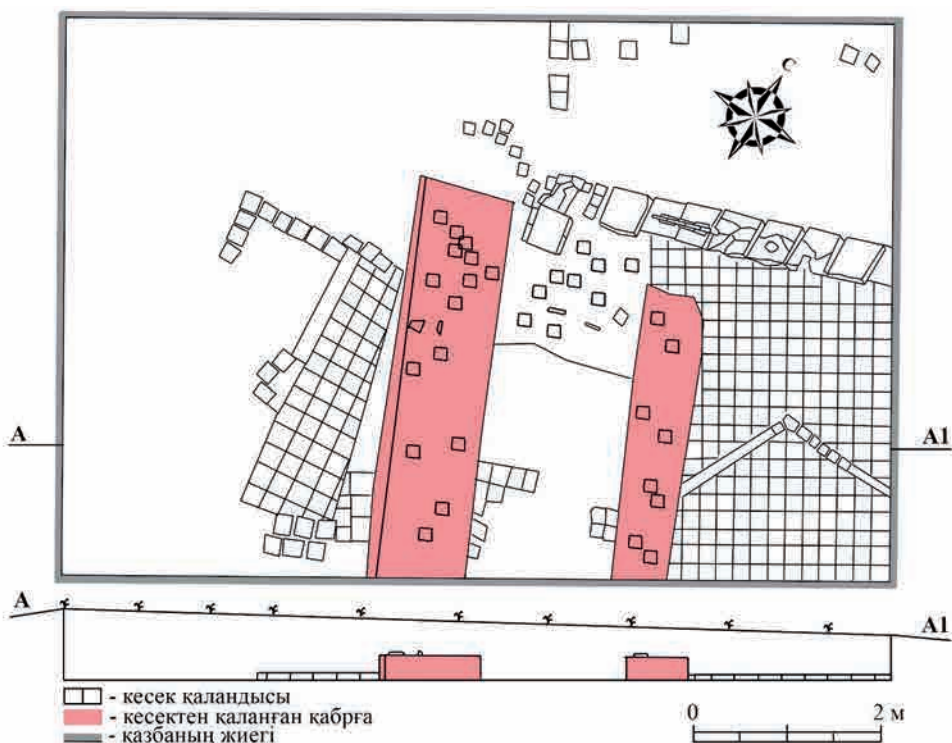
Біз қазіргі Қышқаланың орнын ортағасырлық Баршынкент қаласымен баламалаған Ә.Х. Марғұланның пікіріне қосыла отырып, өз тарапымыздан айтарымыз: біріншіден, П. Карпини Бархин қаласы Жанкент пен Асанас қалаларының аралығында орналасқан деп дұрыс көрсеткен; екіншіден, бұл қаланың орналасқан жері, тарихи құрылымы Ж. Карши болған мекен Барчкандка сай келеді. Барчканд пен Баршынкент екеуі бір қаланың аты.

Қышқалада 2018 жылы жүргізілген қазба жұмыстары

Зерттеудің негізгі мақсаты ортағасырлық Қышқала қалашығында археологиялық қазба жұмыстарын жүргізіп, оның материалдық және рухани мәдениетін, шаруашылық дәстүрін, Әлеуметтік – экономикалық ахуалының негізгі элементтерін археологиялық мәліметтер мен материалр негізінде зерделеу болып табылады.

Қазба қалашықтың екі жерінен салынды. Қазба I ескерткіштің солтүстік-батыс шетін алып жатқан қала бейіті аумағында орналасқан екі биік төбешіктің біріне салынды. Үстінгі жағында күйдірілген кірпіштер мен бір беті сырланған, бетіне өрнек салынған кірпіш сынықтары шашылып жатқан

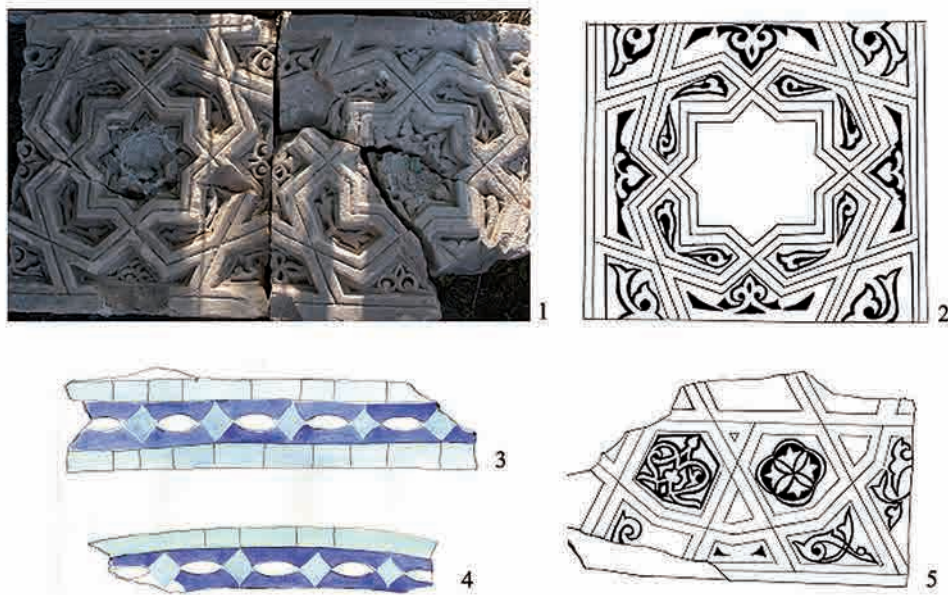
төбешіктің көлемі 30×32 м. Кейін анықталғандай кезінде едіуір келбетті кесененің орны болған төбенің солтүстік-батыс шетінен біз салған (2018 ж.) қазбаның жалпы көлемі 12×12 м (сур. 2). Қазылған тереңдігі 0,25×0,8 м. Жүргізілген қазба барысында қас беті солтүстікке қараған бір кездегі тамаша кесененің қираған орнының бір бөлігі ашылды. Кесененің алдыңғы жағына төселген тікбұрышты кірпіш төсендісінің үстіне құлаған ғимараттың қас бетінің құландысы сол құлаған күйінде бетімен төмен қарап жатыр екен. Аркалы есігінің үстіңгі жағы мен оның шеттерін безендірген төртбұрышты кесіп салынған өрнекті қыш сылақтар мен оның айналасындағы майолика мозайкалары беттерімен төмен қарай жатыр.

Сур. 2. Қазба I. Қазбаның жобасы
Fig. 2. Excavation I. Plan of the excavation

Қабырға қашан құлағанын анықтау мүмкін емес. Өйткені құландының жоғарғы бет жағы мен қабырғалардың кірпіштерін жергілікті халық бірнеше дүркін бұзып алған. Ол баста қала тіршілігін тоқтатқаннан кейін көп ұзамай бұзылған кесененің қыштарын соңғы рет кеңес дәуірінде (1960–1970 жж.) колхоздарды біріктіріп, совхоз құру науқанына байланысты салынған кеңсе, мектеп, клуб құрылыстарына пайдаланған деседі. Ауыл тұрғындары жеке үй салған кезде де көне қала ғимаратарының кірпіштерін пайдаланған. Ғимараттың негізгі қабырғалары мен оның қандай көлемде болғанын анықтау мүмкін болмады. Себебі, осы жылы салынған қазба ғимараттың алдыңғы ауласы мен оның үстіне құлаған құландыларды аршумен шектелінді. Құлаған кірпіш сынықтарынан түзілген биіктігі 1 м, кей тұста одан да биік болатын құландыларды аршу қатты қолбайлау болды. Кесененің құлаған күйі сол

қалпында сақталған бөлігі 8,5×5,5 м көлемді алып жатыр. Негізгі құрылыс материалы ортағасырлық дәстүрлі 26×26×5; 27×27×6 см көлемдегі күйдірілген кірпіштер. Құрылыстың жоғарғы жағы мен есіктің айналасын бетіне кесіп өрнек салған тақталар құрандысы жапсырылған. Өрнектері сегізбұрыш түріндегі мұсылмандық стилдегі және қошқармүйіз иректер түріндегі қазақи өрнектердің комбинациясы. Безендіру тақталарының көлемі бірдей емес, көпшілігі 57×57×8; 50×50×8; 50×51×8 см өлшемде. Арасында 45×45×8 см көлемдегі тақталар да кездеседі. Тақталардың бетіне салынған өрнектер әр тақтаның көлемінде шектелмей көрші тақтадағы өрнектерге ұласып кетеді. Кейбір тақталардың орта тұсында түрлі көлемде салынған көзшелердің орындары қалған. Шамасы көзшелер тақталарға әк слақтарымен дәнекерленген. Олардың орнында қалған әк сылақтары сақталған. Ал

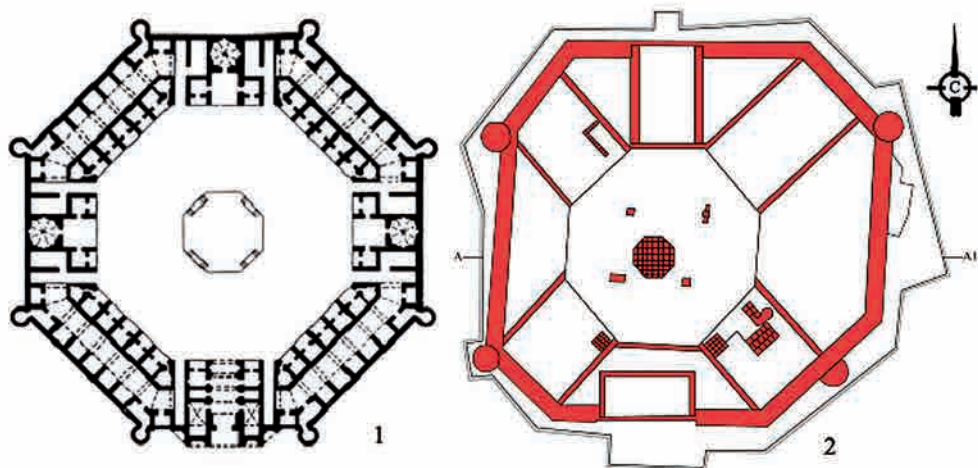
Сур. 3. Қазба 1. Кесененің қас бетін безендірген өрнектер мен мозайкалар
 Fig. 3. Excavation 1. Ornament and mosaics decorated portal part of the Mausoleum

тақталардың шеттері мен есіктің арқаларын безендірген мозайкаларды құрастыруда көк, ақ, сары, жасыл, қалампыр түстес бояулар пайдаланыпты. Төртбұрыш, домалақ, сопақша, ромба тәріздес, гүл тәріздес келген өрнектер әк сылағының бетіне құрастырылған. Арасында араб жазулары стиліндегі өрнектер де жиі кездеседі. Тұтас композициялық көріністі байқау мүмкін болмады. Өйткені, әк сылақтар ұзақ уақыт бойы әсер еткен ылғал және ыстық ауа мен үстінен әсер еткен қатты қысымның салдарынан күлдіреп кеткен. Бет жағын безендіруде мозайкадан басқа әртүрлі өлшемдегі және әртүрлі формадағы тақталар да қолданылған (сур. 3). Ғимаратын ішкі қабырғалары мен арканың беттері әк сылағының бетіне орналастырылған түрлі-түсті және түрлі пішінді жапсырмалармен қапталған. Құрылысқа арнайы өлшемде және қажетті пішінде әдейілеп жасалған кірпіштер де пайдаланылған. Олардың арасында бетіне кесіп салынған геометриялық нақыштары бар кірпіштер де кездеседі.

Қазба 2 қала шахристанының шығыс бөлігінде, қазіргі ауыл тұрғындарының қорымы орналасқан жерден 0,6 км шығыста жатқан төбелерінің біріне салынды. Төбенің оңтүстік-шығыс бөлігіне солтүстіктен оңтүстікке қарай бағыттала салынған қазбаның бастапқы көлемі 12×10 м. Қазба барысында ашыла бастаған құрылысты толық ашу мақсатында қазба 2 батыс жағынан 14×12 м қазба қосылып, қазбаның көлемі 26×22 м дейін үлкейтіліп, ол 1–1,2 м тереңдікке дейін қазылды.

Қазба барысында сегіз бұрышты құрылыс нысаны толығымен ашылды (сур. 4). Ашылған нысанының сыртқы

құрылысы әртүрлі ұзындықтағы сегіз қабырға мен төрт мұнарадан тұрады. Төменгі жағы 27×27×6; 26×26×5 см көлемдегі күйдірілген кірпіштен қаланған сыртқы қабырғалардың ені 1 м, сақталған биіктіктері 10–60 см. Шығыс қабырғаның ұзындығы 6 м, сақталған биіктігі 20–60 см. Қабырғаның іргетасы өзге қабырғалармен салыстырғанда біршама жақсы сақталған. Оңтүстік-шығыс қабырғаның ұзындығы 10,8 м сақталғын биіктігі 5–30 см. Қабырғаның орталық бөлігінде ең төменгі бір қатар кесек қаландысы ғана сақталған. Осы қабырғаның сыртына қарай құлаған күйдірілмеген кесектен өрілген қабырғаның 4×1×1 м көлемдегі құландысы жатыр. Оңтүстік қабырғаның ұзындығы 9,5 м, сақталған биіктігі 10–30 см, қабырғаның ізі толығымен көрініп тұр, батыс шетінде жеті мен төрт қатарға дейін кірпіш қаландысы сақталған. Оңтүстік-батыс қабырғаның ұзындығы 13 м, сақталған биіктігі 10–30 см, қабырғаның ізі толығымен көрініп тұр, ортасында екі қатар, батыс бұрышында жеті қатар кірпішке дейін сақталған. Батыс қабырғаның ұзындығы 4,6 м, қабырғаның ізі толығымен көрініп жатыр, ортасында екі қатар, екі шетінде жеті қатарға дейін кірпіш қаландысы сақталған. Батыс, солтүстік-батыс қабырғаның ұзындығы 11,9 м, қабырғаның оңтүстік шетінде 2 м ұзындықта алты қатар кірпіш қаландысы ғана сақталған, қалған бөлігі толығымен бұзылып кеткен. Солтүстік қабырғаның жалпы ұзындығы 14,6 м, қабырғаның қақ ортасында 2,6 м келетін қақпасы бар. Қақпадан шығысқа қарай жатқан қабырғаның төмегі бөлігінде 4–8 қатарға дейін қаланған қалдығы сақталған. Қабырғаның қалған бөлігінің кей жерлерінде бір қатар кірпіш қаландысы ғана қалған.

Сур. 4. Қазба 2. Қазбаның жобасы мен оған ұқсас ғимараттың жобасы.
1 – Иран. Амин-Абад керуен сарайы; 2 – Қышқала, қазба 2. Ғимараттың жобасы

Fig. 4. Excavation 2. Plan of the excavation and its analogy.
1 – Iran, Amin-Abad caravanserai; 2 – Kyshkala, excavation 2. Plan

Құрылыстың сыртқы барлық қабырғаларының ені 1 м болып келеді және олардың ішкі–сыртқы жиектері күйдірілген бүтін (көлемі $27 \times 27 \times 5$) кесектерден өріліп, ортасы кесек сынықтарымен, қою лай араластыра отырып толырылған.

Жоғарда аталғандай құрылыстың төрт бұрышында тұрғызылған дөңгелек мұнаралары бар. Құрылыстың шығыс мұнарасы шығыс және солтүстік–шығыс қабырғаларының түйіскен жерінде орналасқан, диаметрі 1,9 м, биіктігі 10–20 см. Мұнараның ең төменгі 2–3 қатар кесек қаландысы ғана сақталған. Оңтүстік мұнара оңтүстік қабырғаның бойында, шығыс бұрышынан 3,3 м аралықта орналасқан, диаметрі 1,7 м, биіктігі 40 см. Мұнараның ең төменгі алты қатар кесек қаландысы сақталған. Кесектерінің орналасу жағдайына қарағанда сыртына қарай сырғи құлағандығы байқалады. Батыс және оңтүстік–батыс қабырғаларының түйіскен жерінде орналасқан,

диаметрі 1,6 м, биіктігі 20 см, мұнараның ең төменгі 2–3 қатар кесек қаландысы сақталған. Солтүстік мұнара солтүстік–батыс және солтүстік қабырғаларының түйіскен жерінде орналасқан, диаметрі 1,8 м, биіктігі 30 см. Мұнараның ең төменгі төрт қатар қаландысы сақталған.

Барлық мұнаралардың сырқы жиектері арнайы дайындалған көлемі $20 \times 20 \times 10$ см келетін, жартылай иілген күйдірілген кірпіштермен өріліп, ортасы кесек сынықтармен толтырылған. Арнайы дайындалған кесектер үшбұрышты қалыпта және бір қырын доғалдау қылып шеңбер тәрізді құрылысты өруге ыңғайлы етіп құйылған.

Ашылған нысанның қабырғаларына ішкі жағынан жапсарлас етіп салынған бірнеше бөлменің наубайы көрінеді. Нысанның ішкі жағы толық ашылып бітпегендіктен ішкі құрылыстарының ерекшеліктері мен бөлмелер саны анықталған жоқ. Қазіргі жағдайда құрылыстың ашылған бөліктерінен шамамен 10

бөлменің орны байқалады. Құрлыс нысанының тең ортасында аумағы 12×12 м келетін сегіз қырлы ашық алаң және осы алаңның құрлысына сәйкес келетін аумағы 2,5×2,5 м күйдірілген кірпіш төселген сегіз қырлы еденің орны сақталған.

Қабырғалары тең есес сегіз бұрышты төрт мұнаралы бұл құрылыстың қандай ғимараттың орны болғаны әзірге белгісіз. Қазбадан қыш ыдыстардың сынықтары өте сирек кездескеніне қарағанда бұл ғимарат есте тұрғын үй қалдығы емес. Ша-

масы мұсылман үлгісіндегі қандайда бір діни кешеннің, немесе қоғамдық құрылыстың орны болуы мүмкін. Бұл қазба толық аяқталмаған. Сондықтан алдын ала болжам жасау жансақ болар еді. Дегенмен, біз қазған ғимараттың жобасы Ирандағы Амин-Абад керуен-сарайына (XVI–XVIII ғғ.) ұқсас. Бірақ, оның көлемі үлкен және бұрыштары тең, мұнаралары да көп. Барлық бұрыштарында мұнаралары бар [Всеобщая история искусств, 1961, с. 95].

ӘДЕБИЕТ

1. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1960. 450 с.
2. *Дербісалиев Ә.* Қазақ даласының жұлдыздары (тарихи-филологиялық зерттеу). Алматы: «Рауан», 1995. 141 б.
3. *Байпақов К.М.* Огузы, туркмены и селджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2007. № 1 (253). С. 35-61.
4. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Наука, 1963, 763 с.
5. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 3. К истории орошения Туркестана. М.: Наука, 1965, 713 с.
6. Всеобщая история искусств. Т. II, кн. 2. Искусство средних веков. М.: Искусство, 1961. 1028 с.
7. *Жолдасбайұлы С.* Жетісу тарихы (XVI–XVIII ғғ.). Тарихи және полеоэтнологиялық зерттеу. Алматы: Қазақ университеті, 1996. 300 б.
8. Извлечения из книги Киракос Гандзакци: История Армении // Извлечения из письменных источников о средневековых городах Сауран и Сыганак / Автор предисл. и сост. М. Елеуов. Туркестан: МКТУ им. Ходжа Ахмета Ясави, 2005. 96 с.
9. История Казахстана в персидских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. I. 416 с.
10. *Каллаур В.А.* Древние города Сыганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингис ханом в 1219 году // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана. Авторы предисл. и сост. Елеуов М., Бахтыбаев М.М. Туркестан: “Туран”, 2011а. 447 с. илл.
11. *Каллаур В.А.* Древние города, крепости и курганы на реке Сыр-Дарье, в восточной части Перовского уезда // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана. Авторы предисл. и сост. Елеуов М., Бахтыбаев М.М. Туркестан: “Туран”, 2011б. 447 с. илл.
12. *Қоңыратбаев Ә.* Қазақ эпосы және Туркология. Алматы: Ғылым, 1987. 368 б.
13. *Қоңыратбаев Ә.Қ.* Жент және Баршынкент // Қоңыратбаев Ә. Көп томдық шығармалар жинағы. Алматы: Мер Сал Баспа үйі, 2004. Т. 2. Түріктану және шығыстану мәселелері. 518 б.
14. *Марғұлан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1950. 123 с.
15. *Мәмиев Т.* Кейінгі орта ғасырлардағы Арал өңірінің қалалары (XIII–XVIII ғғ.): тарих ғыл. канд. ... дис. Алматы, 1999. 151 б.
16. *Мәмиев Т.* Қызылорда облысының археологиялық ескерткіштері. Алматы: «Рауан», 2000. 48 б.

17. Путешествие в Восточные страны ПIANO Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы: Ғылым, 1993. 248 с.

18. Толстов С.П. По следам древнехорезмской экспедиции. М. – Л.: издат-во. АН СССР 1948. 323 с.

Авторлар туралы мәліметтер:

Талеев Дөкей Абдикеримович – тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); doc19_59@mail.ru

Елеуов Мадияр – тарих ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті (Алматы қ., Қазақстан); madiareleuov@mail.ru

Есенов Сырым – докторант, аға ғылыми қызметкері, ҚР Ұлттық музейі (Астана қ., Қазақстан); syrgym.e@mail.ru

ЗАГАДОЧНАЯ СУДЬБА ГОРОДА КЫШКАЛА

Д.А. Талеев, М. Елеуов, С. Есенов

В статье изложены результаты археологических раскопок 2018 г., проведенных на городище Кышкала. Памятник расположен близ с. Когалыкол, в 30 км к югу от г. Кызылорды. В работе приводится краткий обзор по истории археологического исследования памятника, рассмотрен вопрос о его локализации известной по письменным источникам. В определении исторического названия городища были проанализированы разные взгляды специалистов. Кроме того, опираясь на мнение многих исследователей, отождествлявших город Кышкала с Баршынкентом, расположенным на берегу древнего русла Сырдарьи – Баршындарие. Собраны также письменные сведения о городе Баршынкент.

Ключевые слова: археология, Кызылорда, Колтоган, Кышкала, Қыштобе, исследование, источники, локализация, раскопки, разведка, топография

MYSTERIOUS HISTORY OF KYSHKALA

D.A. Taleev, M. Eleuov, S. Esenov

The article presents the results of archaeological excavations in 2018, carried out at the ancient Kaskala. The monument is located near the village of Kogalykol, 30 km South of Kyzylorda. The paper provides a brief overview of the history of archaeological research of the monument, the question of its localization known from written sources. In determining the historical name of the settlement were analyzed different views of experts. In addition, based on the opinion of many researchers mapped the city Kaskala with Barshynkent, located on the Bank of the ancient bed of the Syr Darya – Barshyndariya. Also collected written information about the city Barshynkent.

Keywords: archaeology, Kyzylorda, Koltogan, Kyshkala, Kyshtobe, research, sources, localization, excavation, exploration, topography

REFERENCES

1. *Arheologicheskaya karta Kazahstana (Archaeological map of Kazakhstan)*. 1960. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).

2. Derbisaliev, A. 1995. Kazak dalasynyn juldyzdary (tarihi-filologiyalyk zerteu). Almaty: “Rauan” Publ. (in Kazakh).

3. Baipakov, K. M. 2007. In *Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. nauk (News of the National Academy of Sciences of Kazakhstan. Ser. societies. sciences)*, 1 (253), 35-61 (in Russian).

4. Bartol’d, V. V. 1963. *Sochineniya (Writings)*, 1. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

5. Bartol’d, V. V. 1965. *Sochineniya (Writings)*, 3. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

6. *Vseobshchaya istoriya iskusstv (The general history of art)*, II, kn. 2. 1961. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
7. Joldasbayuly S. 1996. *Jetisu tarihy (XVI–XVIII.)*. Tarihi jane poleochnologiyalyk zertteu. Almaty: “Qazaq University” Publ. (in Kazakh).
8. In *Iz vlecheniya iz pis'mennyh istochnikov o srednevekovyh gorodah Sauran i Syganak. (Extracts from written sources about the medieval cities of Sauran and Syganak)*. 2005. Comp. M. Eleuov. Turkestan: International Kazakh-Turkey University named Hoja Ahmet Yasavi (in Russian).
9. *Istoriya Kazahstana v persidskih istochnikah (History of Kazakhstan in Persian sources)*, I. 2005. Almaty: “Daik-Press” Publ. (in Russian).
10. Kallaur, V. A. 2011a. In *Protokoly zasedaniy i soobshcheniy chlenov Turkestanskogo kruzhka lyubitelej arheologii. Istoriko-kul'turnye pamyatniki Kazahstana (Protocols of meetings and reports of members of the Turkestan circle of archaeology lovers. Historical and cultural monuments of Kazakhstan)*. Comp. Eleuov, M., Bahtybayev, M. M. Turkestan: “Turan” Publ. (in Russian).
11. Kallaur, V. A. 2011b. In *Protokoly zasedaniy i soobshcheniy chlenov Turkestanskogo kruzhka lyubitelej arheologii. Istoriko-kul'turnye pamyatniki Kazahstana (Protocols of meetings and reports of members of the Turkestan circle of archaeology lovers. Historical and cultural monuments of Kazakhstan)*. Comp. Eleuov, M., Bahtybayev, M. M. Turkestan: “Turan” Publ. (in Russian).
12. Konyratbayev, A. 1987. *Kazakh eposy jane Turkologiya (Kazakh epos and turkology)*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Kazakh).
13. Konyratbayev, A. K. 2004. In Konyratbayev, A. K. *Kop tomdyk shygarmalar jinagy (Multivolume collected works)*, 2. Almaty: Mer Sal Baspa Publ. (in Kazakh).
14. Margulan, A. Kh. 1950. *Iz istorii gorodov i stroitel'nogo iskusstva drevnego Kazahstana (From the history of cities and the building art of ancient Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
15. Mamiev, T. 1999. *Keiingi orta gasyrlardagy Aral onirinin qalalary (XIII–XVIII cc.) (Late medieval cities of Aral (XIII–XVIII cc.))*: dis. ... Cand. Histor. Sciences. Almaty (in Kazakh).
16. Mamiev, T. 2000. *Kyzylorda oblysynyn arheologiyalyk eskertkishi (Archaeological sites of Kyzylorda region)*. Almaty: “Rauan” Publ. (in Kazakh).
17. *Puteshestvie v Vostochnye strany Plano Karpini i Gil'oma de Rubruka (Travel to the Eastern countries of Plano Carpini and Guillaume de Rubruk)*. 1993. Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).
18. Tolstov, S. P. 1948. *Po sledam drevnekhorezmiskoj ehkspedicii (In the wake of the ancient expedition)*. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

About the Authors:

Taleev Dokey A. Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute (Almaty, Kazakhstan); doc19_59@mail.ru

Eleuov Madiyar. Doctor of Historical Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; madiareleuov@mail.ru

Esenov Syrym. PhD student, senior researcher, KR National Museum, Astana, Kazakhstan; syrym.e@mail.ru

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 09.10.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 16.10.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 23.10.2018.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕЩЕРЕ ТУТТЫБУЛАК-I в 2018 г.

© 2018 г. Б.А. Байтанаев, А.А. Горячев, Т.А. Егорова,
А.А. Ергешбаев, А.Б. Байтанаева, Е.Б. Байтанаев

Настоящая работа посвящена результатам исследований в пещере Туттыбулак-I, полученных в полевом сезоне 2018 г. Раскоп был заложен в северной и западной частях памятника и углублен по всему периметру (90 кв.м) на глубину 2,2 м с целью выявления древних слоев. Были расчищены очажные ямы металлургических мастерских раннего средневековья и монгольско-тимуридского времени. В слоях на глубине 40–85 см обнаружены заклады средневековых монет, керамической посуды, инструментов и изделий кузнечного ремесла. На глубине 1,00–1,20 м зафиксированы фрагменты керамической посуды, наконечники стрел эпохи бронзы и раннего железного века. Под скальной плитой в центре пещеры найдены фрагменты нижней челюсти и тазовых костей скелета человека. В пределах раскопа нами исследованы культурные слои от бронзового века до позднего средневековья. В эпоху бронзы пещера, следует полагать, служила временным пристанищем для охотников и собирателей. В раннем железном веке она начинает использоваться для выплавки железа и крицы. Наиболее активно как мастерская по выплавке металла она использовалась в раннем средневековье и караханидский период. Пещера продолжала использоваться периодически как мастерская в течение всего позднего средневековья вплоть до рубежа XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: археология, Каратау, ущелье Боралдай, пещера, стоянка, металлургия, мастерская, очажная яма, дымоход, орудия труда, монеты, наконечники стрел, керамика, эпоха бронзы, ранний железный век, раннее средневековье

В полевом сезоне 2018 г. продолжено изучение пещеры Туттыбулак-I, где были зафиксированы следы хозяйственной деятельности людей раннего железного века и средневековья [Байтанаев и др., 2017, с. 76–108]. Пещера расположена в 300 м вверх по течению одноименного ручья от места слияния с рекой Боралдай по северо-восточному склону горы Улькентура. Пещера в плане подовальной формы с арочным сводом, ориентирована по оси ЮВ–СЗ, в длину 32 м. Свод поднимается на высо-

ту до 10 м (у входа – 6 м). Пространство её состоит из двух частей: грота и пещерного зала, размерами 18 м в длину, в ширину на входе – 7 м, в центральной части – 10 м, у грота – 7,5 м. Гротовая часть расположена в глубине: 10 м в длину, 7,5 м в ширину, в конце плавно сужается до 3,5 м (рис. 1, 1, 2).

Изучение пещеры началось в 2015 г. Боралдайским отрядом Института археологии им. А.Х. Маргулана. В 2016–2017 гг. произведены археологические раскопки центральной

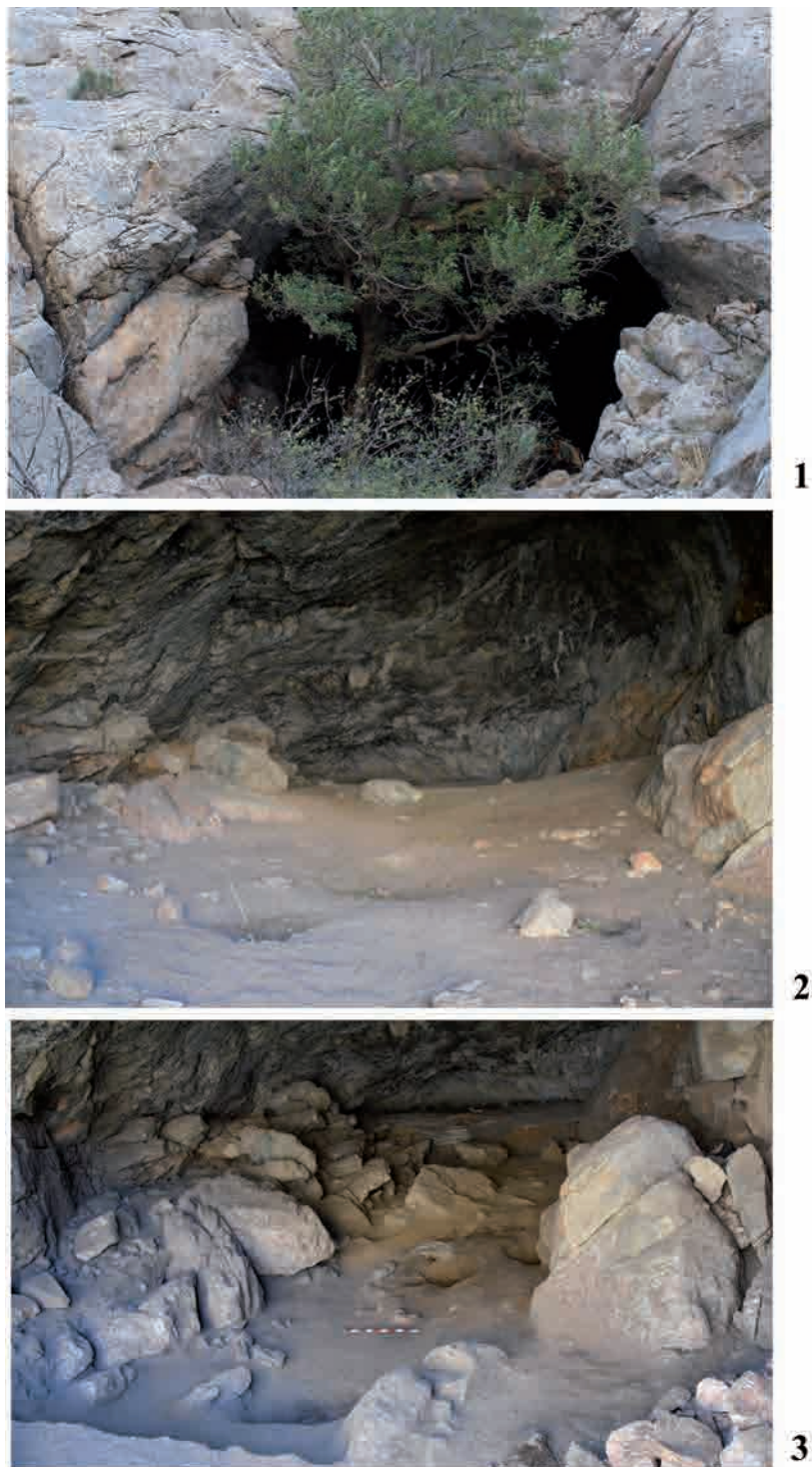

Рис. 1. Пещера Туттыбулак-I. 1 – вход в пещеру; 2 – внутренний вид пещеры; 3 – раскоп по уровню 0,80–0,85 м. Фото авторов

Fig. 1. Cave Tuttybulak-I: 1 – the cave; 2 – interior view of the cave; 3 – excavation site at the level of 0,80–0,85 m. Author's photo

части пещеры на глубину до 1,00 м. В результате были выявлены фрагменты металлургических конструкций (очажные ямы, дымоходы и т.д.) и получен обширный материал, который позволил определить период использования пещеры как производственной мастерской по выплавке железа от раннего железного века, раннего и позднего средневековья (IV–XVII вв.) [Байтанаев и др., 2017, с. 146–151]. Следующим этапом исследований - в полевом сезоне 2018 г. - была расчистка внутреннего помещения пещеры: заложен раскоп в северной и западной частях пещеры, где вскрыты четыре квадрата (3×3 м) общей площадью 36 кв.м, на глубину 1 м (рис. 2, 1). Кроме того, по всей площади (90 кв.м) раскоп углублен до 2,2 м с целью обнаружения и фиксации следов использования пещеры в более ранние исторические периоды.

Ход работ сопровождался фотофиксацией и съемкой тахеометром. Первичная микро топография выполнялась с частотой в 1 м, что дало возможность построить топографическую модель с шагом горизонталей 0,2 м. Фиксация каменных блоков позволяла иметь представление о процессе освоения пространства пещеры, последующего наложения каменными плитами, отколовшихся от стен, и освоения этого следующего уровня в организации коридоров, разнообразных очагов и дымоходов. Плановая ректификация проводилась на основе ортофотографий, выполненных с каждого нового слоя. С помощью графической программы Photoshop отректифицированные фотографии на основе схем в AutoCAD дали развернутое представление о положении камней и воздухоотводов различных уровней, что позволило собрать цельную картину освоения пещеры.

Еще одним этапом исследований были съемка планов и разрезов и взятие из них образцов для изучения методом рентгеновской дифрактометрии. Для лабораторных исследований были взяты образцы почв из контрольного разреза с глубин 0–2,20 м, из центральной очажной ямы и иных объектов. Все вместе позволило выявить картину послойного заполнения пространства пещеры.

При расчистке квадратов А4 и А3 на глубину 0,40–0,45 м были зафиксированы многочисленные фрагменты керамики позднего средневековья и кости животных (рис. 2, 3). В квадрате А4 в его центральной части отмечены контуры очажной ямы диаметром около 2 м. Внутреннее заполнение ямы составляла рыхлая пестрая супесь черного и кирпичного цвета, по контуру которой прослеживался слой известкового заполнения белого цвета. При зачистке квадратов А2 и Б2 в северной части пещеры были отмечены каменные очажные конструкции с обширным керамическим материалом, фрагментами костей животных и металлическим шлаком. В северном углу и центральной части квадрата А2 обнаружены три массивные каменные плиты материкового характера, которые ограничивали пространство входа в пещеру северным углом квадрата А2 и западным углом квадрата Б2. За пределами камней в западной части квадрата А2 на глубине 0,15–0,20 см обнаружен материковый грунт, содержащий значительное количество обломанных каменных плиток.

В квадрате Б2 вдоль северо-восточной стенки от западного угла и материковых каменных плит выявлена каменная кладка из крупных валунов, уложенных по периметру крупной очажной ямы. В восточном углу

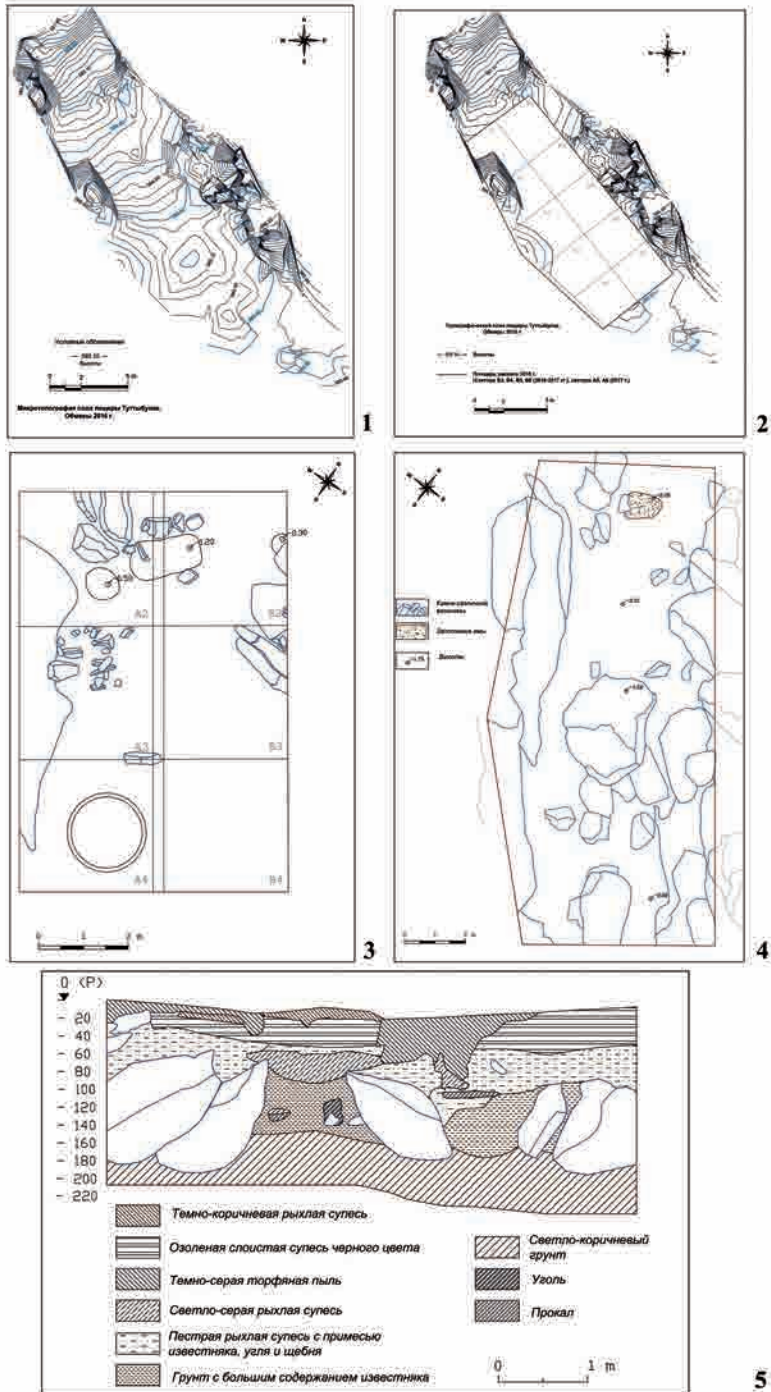

Рис. 2. Пещера Туттыбулак-1. Планы, 2018 г. 1 – план пола пещеры до начала раскопок; 2 – план раскопа; 3 – план раскопа по уровню 0,40–0,45 м; 4 – план раскопа по уровню 2,20 м; 5 – стратиграфический разрез

Fig. 2. Tuttybulak-I cave. Topographic material of 2018: 1 – the floor plan of the cave before excavation; 2 – the plan of the excavation; 3 – plan of the excavation on level 0.40–0.45 m; 4 – the plan of the excavation on the level 2.20 m; 5 – stratigraphic section

квадрата и его южной части расчищены крупные каменные блоки. Западную и центральную части квадрата Б2 занимала очажная яма овальной формы размерами 1,7×0,8 м и глубиной 1,2–1,4 м. Заполнение ямы составляла рыхлая супесь черно-серого цвета с углем, фрагментами костей животных, шлака и, возможно, литейной формы.

При зачистке этих же квадратов (А2, А3, А4, Б4) по уровню 0,80–0,85 м были полностью открыты скальные блоки и обнажения с северо-западной и юго-восточной линий раскопа, которые создавали проход вглубь пещеры шириной 3 м (рис. 1, 3). Также на этом уровне фиксировались очажные ямы, воздуховоды к ним и дымоходы. В квадрате Б4 была выявлена глубокая очажная яма восьмерковидной в плане формы размерами: 2,4 м в длину, 0,8–1,2 м в ширину, глубиной 1,2–1,4 м. Внутри нее зафиксированы крупные каменные плиты, установленные на ребро. По периметру ямы обнаружены камни, уложенные плашмя, укреплявшие стены. С восточного угла ямы прослеживается канал, заполненный золой, древесным углем и фрагментами жженных костей мелкого и крупного рогатого скота. Длина канала 1,5 м, ширина 0,40 м. Юго-восточной стенкой его являлись скальные блоки. Канал соединял эту яму с другой, расположенной южнее на 1 м, округлой формы, диаметром 1,2 м, шириной 0,50 м.

В квадрате А2 у дна очага, обнаруженного на предыдущем уровне, зафиксирован воздуховод, ведущий в южном направлении к стенке скального блока, вдоль которого он шел через квадрат А3, где к нему примыкала небольшая восьмеркообразная очажная яма, ориентированная по

оси СЗ–ЮВ. Длина ямы 1,4 м, диаметры расширений 0,50 м, глубина 0,25–0,30 м. От основного очага она была отделена каменной перегородкой, сложенной из относительно небольших камней, уложенных плашмя в 1–2 слоя. Длина каменной перегородки составила 0,80 м. Здесь зафиксированы многочисленные фрагменты керамической посуды.

В квадратах А3 и А4 обнаружена крупная восьмеркообразная в плане очажная яма, ориентированная по оси СЗ–ЮВ. Общая длина конструкции - 2,2 м и ширина - от 0,8 до 1,2 м. По её периметру сохранились отдельные наиболее крупные каменные плиты, между которыми она и была устроена. Глубина сохранившейся части ямы 30–35 см. В ее заполнении расчищена округлая форма (чушка) для выплавки железа, образовавшаяся из шлака, щебня и глины. С северо-западной стороны к яме был проложен воздуховодный канал, шириной 0,40 м, шедший вдоль скального блока на расстояние в 3 м. С юго-восточной стороны проложен канал шириной 0,40 м, который выходил к общему дымоходу, устроенному вдоль северо-западной стены к отверстию на стыке потолка и стенки пещеры. Заполнение дымоотвода – зола, древесный уголь и кальцинированные кости животных.

Центральный дымоход пещеры устроен за пределами квадратов А4 и А3 между крупным скальным блоком и северо-западной стенкой пещеры и представлял собой конструкцию, сложенную из крупных каменных плит, установленных на материковый грунт пещеры. Из канала, расположенного в квадрате А4, дым поступал в отводной канал длиной примерно 5 м и шириной 40–60 см. До выхода вдоль стенки пещеры сверху

он перекрывался крупными плитами, щели между которыми, вероятно, конопатились глинистым раствором, следы которого обнаружены в заполнении дымохода. Пространство между дымоходом из глубины пещеры, исследованном в 2017 г., и центральным дымоходом было перегородено крупными камнями. Каждый из дымоходов отводил дым к отдельным отверстиям в потолке пещеры.

На уровне 80–85 см периодически встречались фрагменты керамической посуды раннего железного века. Особенно высокая плотность находок этого времени зафиксирована в квадратах Б2 и А3.

С целью обнаружения более древних слоев обживания пещеры по всему периметру раскоп был увеличен на глубину до 1,20 м в северо-восточной и до 2,20 м в юго-западной ее частях. Обнажился в значительной степени крупный каменный блок, отвалившийся от потолка и юго-западной стенки пещеры, который был использован в РЖВ и средневековье как стенка дымохода в центральной части пещеры. Его параметры: длина – 9,5 м, ширина – 2 м, высота (раскопанная часть) – 3,2 м. Основное заполнение этого пространства составлял супесчаный суглинок кирпичного цвета с небольшим количеством костных останков животных и фрагментов керамики раннего железного века. На уровне квадратов А4 и Б4 в заполнении стали встречаться отдельные крупные фрагменты керамики бронзового века.

После расчистки раскопа по общему уровню был зафиксирован завал крупных каменных плит по всему периметру пещеры (рис. 2, 4). В пространстве между каменными плитами в центральной части и вдоль восточной стены обнаружены

многочисленные фрагменты костей животных – от мелких грызунов до КРС и лошадей. Отмечен фрагмент челюсти человека с зубами. В квадрате Б4 найдены наконечники стрел из бронзы и железа. В квадратах А2 и Б2 высота северо-западной стенки составила 0,80 м, юго-восточной – 1,20 м. Западный угол квадрата А2 и северный Б2 завалены каменными плитами, отколовшимися от стен и потолка пещеры. В квадратах А3 и Б3 северо-западная стенка высотой 1,60 м, юго-восточная – 1,50 м, пространство относительно свободное от камней. У крупных каменных блоков вдоль юго-запада и северо-востока стенок фиксируются углубления от дна очажных ям средних веков. Пространство квадратов А4 и Б4 защищает крупная плита, отколовшаяся от северо-западной стенки, размерами 3,6×3 м. Свободным остается небольшой проход с юго-западной стороны пещеры. Высота северо-западных стенок квадрата Б4 и А4 – 1,50 м, юго-восточных – 1,80 м.

В квадрате Б5 зафиксирован завал крупных каменных плит размерами от 2×1 м до 2,5×1,2 м. В квадрате А5 плиты завала меньших размеров от 1×0,4 до 1,2×0,8 м. Высота стенок квадратов: северо-запад – 1,80 м, юго-запад – 1,90 м. Пространство квадратов А6 и Б6 в большей степени закрыто крупными плитами юго-восточной стенки и в центральной части размерами до 2,5×1,6 м. В коридорах между ними фиксируются фрагменты плитняка краснокирпичного цвета. Из этой породы в основном изготовлены дымоходы для очажных ям, идущие вдоль юго-западной стенки пещеры.

Материал, обнаруженный в разных слоях раскопа, представлен металлургическим шлаком, метал-

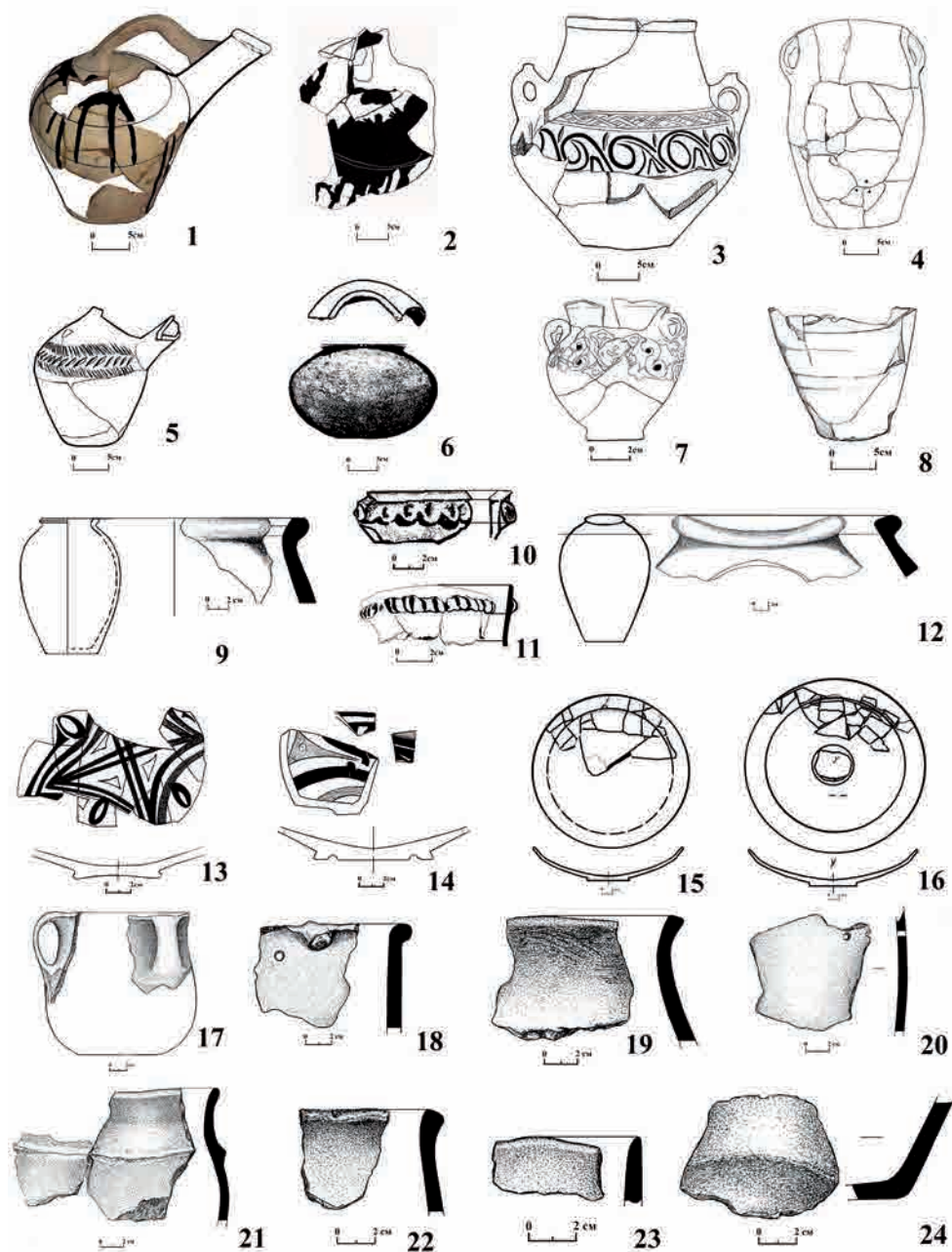

Рис. 3. Пещера Туттыбулак-I. Керамика, раскоп 2018 г. 1-16 – фрагменты средневековой керамики; 17-20 – фрагменты керамики раннего железного века; 21-24 – фрагменты керамики эпохи бронзы

Fig. 3. Cave Tuttybulak-I, ceramics from the excavation of 2018. 1-16 – fragments of Medieval ceramic; 17-20 – fragments of ceramic of the Early iron age; 21-24 – fragments of ceramics of the Bronze age

лическими окалинами, железными и бронзовыми наконечниками стрел различных эпох, керамикой, костяными и каменными инструментами. Наиболее многочисленную серию составляют фрагменты средневековых керамических сосудов (рис. 3, 1–16). Она представлена в основном кухонной и тарной посудой. Керамические обломки составляют различные части сосудов котлов, кувшинов, горшков, хумов, хумчи, чаш и блюд.

Крупная тарная посуда представлена фрагментами стенок, венчиков хумов и хумчей. Венчики валикообразные, крупный хум имеет резко отогнутую наружу закраину горловины. Боковина одного из этих крупных сосудов имела рисунок равнобедренного треугольника. Наиболее значительными находками, позволяющими датировать объекты на данном уровне, являются фрагменты водоносного кувшина из квадрата А2, обнаруженные в заполнении и стенках очажной ямы глубиной 50 см. Сосуд орнаментирован резьбой «ёлочка». Подобная посуда относится к монгольско-тимуридскому времени (XIII–XV вв.). В квадрате А4 обнаружены фрагменты крупного котла с ручками, орнаментированного по плечу резными завитушками (спиралями), характерного для караханидского и раннемонгольско-тимуридского времени (XII–XIII вв.).

Серия керамической посуды в разбитом состоянии зафиксирована при зачистке крупного каменного блока на глубине от 0,50–0,80 м. В частности, найден заклад крупных фрагментов горшковидного сосуда с ручками и двух водоносных сосудов, орнаментированных «брызгами» черного и сиреневого цвета раннесредневекового периода (VIII–IX вв.). Аналогии данным сосудам имеются

в материалах каунчинской культуры, в частности, в Арыском бассейне [Байпаков, Подушкин, 1989, с. 116–117].

Глазурованная керамика в комплексе разновременная. Среди материалов сезона 2018 г. присутствуют детали чаши и ручка от кружки с белофонной поливой и зеленой краской по глазури. В заполнении квадратов А2 и Б2 найдены части трех блюд с белой поливой (2 шт.) и растительно-геометрическим орнаментом зеленого цвета (1 экз.). Эта посуда местного производства и импорта. Относится к караханидскому времени (X–XIII вв.). Тем же временем датируется небольшая поливная ваза с грубым тестом и ярко-желтой и зелено-коричневой, местами черной поливой. Аналогичные формы встречаются на средневековых городищах Средней Азии и Южного Казахстана [Смагулов, 2011, с. 387].

Кухонная посуда представлена разнообразием форм деталей и размеров горшковидных сосудов. Вся керамика выполнена на гончарном круге. Их объединяют широкое горло, в меру раздутое тулово и особенная по составу глина, насыщенная добавками-отошителями в виде шамота и дресвы, придавая сосудам особую огнеупорность. Сосуды с низкой и отогнутой наружу закраиной, но чаще встречаются с высокой горловиной и прямой или отогнутой наружу закраиной, различной в сечении, иногда подтреугольной, иногда закругленной. Встречен сосуд с двумя небольшими петлеобразными вертикальными ручками с выступом наверху. Ручки закреплены в средней части горловины. Сосуд украшен завитковым крупнофигурным орнаментом по выступающей части тулова. Аналогии этим горшкам – в мате-

риалах Отрара, где они датированы X–XI вв. [Акишев и др., 1972, с. 103, рис. 58, 1–11].

Кувшины – один из наиболее распространенных видов посуды. Они представлены крупными «водоносными» формами, а также небольшими столовыми кувшинчиками. Плоские широкие коленчатые ручки несколько приподняты по центру, прикрепляются к горловине и плечикам. Один из таких небольших сосудов украшен прочерченным «елочным» орнаментом. Среди кувшинов различаются широкогорлые, средних размеров и небольшие узкогорлые сосуды, от которых найдены фрагменты узких горловин. У таких сосудов обычно сильно выпуклый корпус, пластинчатая изящная ручка и профилированная высокая горловина. Среди находок 2018 г. выделяются кувшины с узкой горловиной, установленной не строго вертикально вверх, а расположенной на выпуклом плечике сосуда, т.е. она ориентирована в сторону от вертикальной оси тулова, а пластинчатая (или овальная) с желобками ручка прикреплена под венчиком горловины и соединяет ее с верхней частью тулова до горловины – 2,5 см, высота горловины – 5–6 см, диаметр дна – 9–10 см, высота сосуда – 25–30 см. Почти все кувшины этой формы украшены своеобразным орнаментом, нанесенным темно-коричневым и темно-бордовым ангобом. По форме такие кувшины напоминают чайники, но они изготовлены на круге и явно не предназначались для использования на огне. Можно предположить их использование как специальных водоносных сосудов в обрядовой практике. Найден фрагмент такого сосуда традиционной формы, сделанный из теста с большим содержанием мелкотолчёной

древесы и растительных примесей. Черепок в изломе коричневого теста. Такие сосуды исследователи определяют как «кумган» [Акишев и др., 1972, с. 92, рис. 52, 3].

Простые кувшины чаще всего изготовлены на гончарном круге из глины с примесью песка. В изломе черепок красноватый. Снаружи, как правило, сосуды облицованы светлым ангобом. Обычен орнамент в виде прочерченного по тулову линейно-волнистого узора, в нашем случае прочерчено несколько линий по тулову и вокруг основания горловины. Встречаются фрагменты крупных кувшинов с высокой цилиндрической горловиной. Диаметр горловины – 4–6 см. Коленчатые ручки с выпуклой (или желобчатой) спинкой верхним концом прикреплены у края горловины, а нижним – в верхней части корпуса. Плечики у кувшинов широкие, скругленные, ко дну тулова плавно сужаются. Корпус грушевидный или вытянуто-округлой формы. Аналогии данным сосудам встречаются в материалах X–XII вв. городищ среднего течения Сырдарьи [Агеева, Пацевич, 1958, рис. 107]. Известны подобные сосуды и в материалах средневековых городищ Средней Азии, датируемых X–XI вв. [Урманова, 1953, с. 131, рис. 7, 6–9].

Горшки – кухонные – имеют невысокую горловину диаметром 13–15 см с прямым или отогнутым наружу венчиком. Встречены ручки небольшие вертикальные, возможно от горшков. Найдены фрагменты ярко орнаментированного сосуда. Низкая прямая цилиндрическая горловина диаметром 18 см орнаментирована пояском, состоящим из наклонных пальцевых вдавлений. Среди обломков встречен фрагмент основания чирага с обломанной ручкой. Черная

блестящая полива характеризует его как караханидского времени.

Керамика раннего железного века фиксируется в основном в слоях от 0,80 до 1,10 м в глубину и представлена посудой бытового назначения – фрагментами горшков, кувшинов, чашек и мисок, изготовленных лепным способом из глины серо-черного и кирпичного цвета (рис. 3, 17–20). Наиболее крупные фрагменты принадлежали горшковидному сосуду с вертикальными налепными ручками. Подобные формы сосудов встречаются в ближайшей округе у северных склонов Каржантау [Байтанаев, 2011, с. 77–79]. Наиболее выразительные их формы отмечены среди посуды позднесакских племен Жетысу [Акишев, Кушаев, 1963, табл. XI; Горячев, Егорова, 2015, с. 90–99].

Керамика бронзового века отмечена нами большей частью в центральной части пещеры на глубине 1,00–1,20 м, в отдельных случаях встречается на глубине 1,80–2,00 м (рис. 3, 21–24). Она представлена преимущественно фрагментами крупных плоскодонных сосудов баночной и горшковидной форм. Ряд фрагментов имеет характерные налепные валики под венчиками и по тулову. Данные признаки известны в соседних регионах для поселенческой керамики позднебронзового периода [Марьяшев, Горячев, 2017, рис. 5; 6]. Характерно, что сосуды с валиком на переходе от шейки к тулову в долине реки Коксу (поселение Талапты-1) найдены в одном комплексе с костяными наконечниками стрел листовидной формы [Марьяшев, Горячев, 1993, с. 15–17]. Аналогичный по форме бронзовый наконечник стрелы найден в центральной части пещеры под каменной плитой на глубине 1,20 м (рис. 4, 18). Дати-

ровка памятника финальным этапом эпохи бронзы приемлема и для всех находок бронзового века из пещеры Туттыбулак-1.

Костные остатки из раскопа 2018 г. составляют фрагменты расколотых костей крупного и мелкого рогатого скота. Также обнаружены части челюсти мелкого рогатого скота. Некоторые кости в комплексе обгоревшие. Значительную часть костных останков составляют астрагалы мелкого и крупного рогатого скота, которые отмечены на разных уровнях раскопа. Наиболее интересной находкой является предмет в виде костяного миниатюрного кольца с орнаментом, который принято считать пуговицей (рис. 4, б). Эти изделия выточены из кости и имеют форму в разной степени уплощенного конуса с отверстием по оси. На найденном экземпляре из пещеры Туттыбулак-1 имеется гравированный орнамент с основным элементом – «циркульными кружками». Поясок по вертикальной поверхности, между парами кольцевых линий, заполнен большим кружком, по бокам которого размещены по две пары мелких спаренных циркульных кружочков. Орнаментированная пуговица небольших размеров: диаметром 14 мм, высотой 8 мм, отверстие 7 мм.

Такие миниатюрные изделия из кости часто встречаются в слоях различных городищ X–XII вв. Средней Азии. Начало традиции следует отнести к VIII в. [Смагулов, 2011, с. 250]. Эти изделия А.Н. Бернштам определил как пуговицы, публикуя находки из памятников Жетысу, и отнес их к X–XII вв. [Бернштам, 1950, с. 129, табл. LXXI]. Данная функциональная атрибуция подобных находок была обоснована Н.Ю. Вишневской [Вишневская, 2001, с. 108]. Они

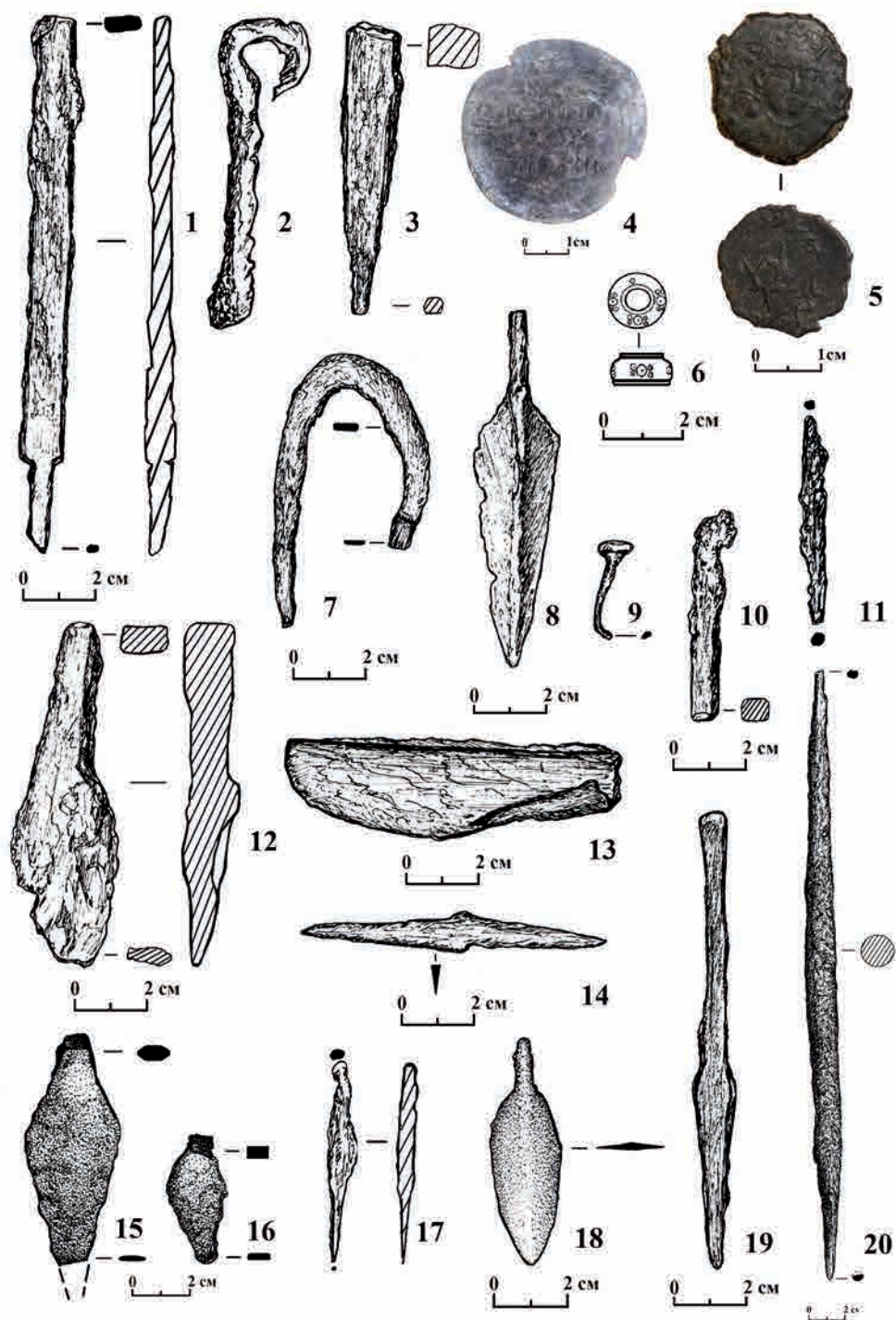

Рис. 4. Пещера Туттыбулак-I. Находки из раскопа 2018 г. 1-3, 7-17, 19, 20 – железо; 4, 5 – медные монеты; 6 – кость; 18 – бронза

Fig. 4. Cave Tuttybulak-I. Findings from the excavation in 2018. 1-3, 7-17, 19, 20 – iron, 4, 5 – copper coins; 6 – bone; 18 – bronze

известны в различных коллекциях восточно-европейских памятников хазарского и золотоордынского времени. Исследователи связывают распространение костяных пуговиц с византийским импортом, или же считают их появление как результат развития среднеазиатской костюмной традиции [Флерова, 2001, с. 103].

Значительную серию находок при исследовании пещеры Туттыбулак-I составили металлические изделия и орудия труда (рис. 4). В ходе раскопок в различных слоях были обнаружены средневековые фрагменты металлических пластин, наконечники стрел и гвоздь (рис. 4, 11, 15, 16), а также бронзовый (рис. 4, 18) и железный (рис. 4, 17) наконечники стрел древних периодов. Значительная их часть получена при расчистке двух закладов в гроте пещеры на глубину 50–70 см. Основную группу этих находок составляют инструменты и изделия кузнечного ремесла, аналоги которых широко известны в материалах Южного Казахстана и Жетысу от раннего средневековья и до монгольско-тимуридского времени [Савельева и др., 1998, табл. 24–28; Байпаков и др., 2005, с. 19–24].

Особый интерес представляют две монеты из закладов. Более древняя монета (рис. 4, 5) была найдена в центральной части зала пещеры у северо-восточной стенки между скальными плитами. Она представляет собой медный фельс VIII в. правителей Чача [Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 210], размерами 2,1×1,9 см.

На монете изображен портрет правителя в три четверти оборота вправо, в окружении точечного ободка. Отличительной чертой портрета является его головной убор – тиара. Трапециевидный головной убор разделен перекрещивающимися линия-

ми на сегменты, в центре которых точкой обозначено изображение драгоценных камней или жемчуга. Справа от лица правителя изображена звезда. С оборотной стороны изображена тамга в окружении согдийской легенды. Легенда читается с внутренней стороны монетного кружка справа налево и состоит из четырех слов. В реконструкции А.В. Кузнецова надпись гласит: «Сатачари тудун Чачский правитель» [Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 211]. Монета изготовлена в технике чеканки.

Вторая монета была обнаружена среди железных инструментов в закладе внутри грота пещеры (рис. 4, 4). Она представляет собой так называемый медный «черный дирхем» монгольско-тимуридского периода середины – второй половины XIII в. [Петров и др., 2014, с. 83, фототаблица 5]. Монета округлая, диаметром 4 см. В правой нижней части имеется трапециевидный выруб, размерами 8×4×5×4 мм. Легенда с выпускными сведениями размещена по центру монеты внутри двух круговых ободков.

Среди находок в раскопе центральной части пещеры под скальной плитой на глубине 1,10–1,20 м был обнаружен трёхгранный железный наконечник стрелы плохой сохранности (рис. 4, 17). Он имеет плоский черешок (сохранился фрагмент длиной 2 см), в нижней части перо имеет трехлопастное сечение. Длина пера 6 см. Судя по местонахождению и форме изделия, оно может относиться к раннему железному веку. Наконечники подобного типа для Северного Притяньшанья датируются в пределах VI–V вв. до н.э. [Иванов, 2017, с. 45].

Другие наконечники стрел, найденные как в раскопе, так и в закладе, несмотря на типологическую

разницу относятся к монгольско-тимуридскому периоду. В закладе рядом с монетой монгольско-тимуридского времени обнаружен черешковый трёхлопастной наконечник стрелы, близкий по форме к более древнему (рис. 4, 8). Размеры изделия 10 см, длина пера составляет 7,5 см, черешок (частично обломан) 2,5 см.

Два других изделия найдены на глубине 0,40–0,50 м в квадратах А-3 и А-4 (рис. 4, 15, 16). Они также относились к категории черешковых, однако сохранились только сильно коррозированные ромбовидные перья наконечников. Размеры их 7,5 (8) см и 4,2 (4,5) см. Их форма наиболее типична именно для средневековых наконечников стрел Южного Казахстана и Жетысу [Савельева и др., 1998, табл. 28; Байпаков и др., 2005, с. 90]. Среди остальных железных изделий определены фрагмент удил, ножи различных форм, гвозди, долота, тесла, проколки и другие инструменты мастеров кузнечного ремесла. Находки подобных закладов расширяют функциональное назначение

пещеры. Здесь не только выплавляли металл, но как минимум с караханидского и монгольско-тимуридского времени пещеру использовали как мастерскую по изготовлению орудий труда и оружия.

Основное заполнение пространства пещеры по контрольному разрезу с глубины 1,20 до 2,00 м составляет плотный суглинок с щебнем и фрагментами мелких камней, слюды и плитняка (рис. 2, 5). Этот факт дает основание предположить, что в пределах раскопа нами исследованы культурные слои от бронзового века до позднего средневековья. В эпоху бронзы, следует полагать, пещера служила временным пристанищем для охотников и собирателей. В раннем железном веке в ней начинают выплавлять кричное железо. Наиболее активно как мастерская по выплавке металла она использовалась в раннем средневековье и караханидский период. Пещера продолжала функционировать как мастерская периодически в течение всего позднего средневековья вплоть до XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 147-157.
2. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: изд-во «Наука» КазССР, 1972. 216 с.
3. Акишев К. А., Кушаев Г.А. Саки и усунь долины реки Или. Алма-Ата: изд-во «Наука» КазССР, 1963. 310 с.
3. Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы: «Credo», 2005. 188 с.
5. Байтанаев Б.А. Древности Бургулюка. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. 224 с.
6. Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Сараев В.В., Шаяхметов А.Х., Ергешибаев А.А., Бейсенов Н.Б. Новые памятники раннего железного века Южного Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 340 с.
7. Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Сараев В.В., Шаяхметов А.Х. Археологические исследования памятников раннего железного века в предгорьях Каратау и у северных склонов хребта Каржантау // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2017. № 1 (311). С. 143-159.
8. Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА. 1950. № 14. 249 с.
9. Вишневецкая Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н.э. – начало XIII в. н.э.). М: Восточная литература, 2001. 175 с.

10. Горячев А.А., Егорова Т.А. Поселения раннего железного века в ущелье Бутаковка (на юго-восточной окраине города Алматы) // Сакская культура Сары-Арки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти К.А. Акишева. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 90-99.

11. Иванов С.С. Новые находки бронзовых наконечников стрел эпохи ранних кочевников на территории Кыргызстана // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2017. № 1 (311). С. 38-58.

12. Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы изучения поселений эпохи бронзы Северного Припьянья // Электронный научный журнал "edu.e-history.kz". 2017. № 3. URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/723>

13. Савельева Т.В., Зиняков Н.М., Воякин Д.А. Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья. Алматы: Ғылым, 1998. 128 с.

14. Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2011. 436 с.

15. Урманова М.Х. Раскопки на центральном бугре городища Варахша в 1953 г. // Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР. 1956. Вып. VIII. С. 127-143.

16. Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло (по материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). СПб.: «Алетейя», 2001. 256 с.

17. Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: Изд-во «ФАН» АН РУз, 2006. 238 с.

Сведения об авторах:

Байтанаев Бауыржан Абишевич – доктор исторических наук, академик НАН РК, директор, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); baitanaev@mail.ru

Горячев Александр Анатольевич – старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); aga.2805@mail.ru

Егорова Татьяна Александровна – специалист-филолог, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); ega.0108@mail.ru

Ергешбаев Азамат Адилевич – научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); aza.kz.85@mail.ru

Байтанаева Асель Бауыржановна – бакалавр-художник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); bait_asel@mail.ru

Байтанаев Елнар Бауыржанович – инженер, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); ebaitanaev@mail.ru

2018 ЖЫЛҒЫ ТҮТТЫБҰЛАҚ-І ҮҢГІРІНДЕГІ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

**Б. Ә. Байтанаев, А.А. Горячев, Т.А. Егорова, А.А. Ергешбаев,
А.Б. Байтанаева, Е.Б. Байтанаев**

Мақала 2018 ж. далалық маусымда Тұттыбұлақ-І үңгірінде жүргізілген зерттеудің қорытындысына арналған. Қазба ежелгі қабатты табу үшін 2,2 м тереңдікте барлық (90 м²) периметрі бойынша ескерткіштің солтүстік және батыс бөлігінде жүргізілді. Монғол-Темір заманы мен ерте ортағасырдың темір шеберханасының ошақ шұңқыры тазаланды. 40–85 см тереңдіктегі қабаттан ортағасырлық қыш ыдыс, тиындар, ұсталық қолөнердің заттары мен құрал жабдықтары шықты. 100–120 см тереңдікте қыш ыдыстың сынықтары, қола және ерте темір дәуірінің оқтарының сүңгілері кездесті. Үңгірдің ортасындағы жартасты плитаның астынан адам қаңқасының жамбас сүйектері мен астыңғы жақ сүйегінің сынықтары табылды. Бақылау сызығы бойынша үңгірдің 120 см-ден 200 см-ге дейінгі тереңдіктегі аумағы негізінен тығыз шебен және кішкентай тас сынықтары, слюдамен толған. Бұл қазба кезінде біздің қола дәуірінен бастап кейінгі ортағасырларға дейінгі мәдени қабатты зерттегенімізді негіздей түседі. Қола дәуірінде үңгір аңшылар мен жинаушылардың уақытша тұрағы болғанын байқауға болады. Ерте темір дәуірінде темір балқыту үшін пайдалана бастады. Ерте ортағасыр мен қараханид кезеңінде метал балқытатын

шеберхана ретінде көбірек қолданылды. Ол шеберхана ретінде кейінгі ортағасыр кезеңінде, тіпті XVII–XVIII ғғ. дейін қолданылуын жалғастырды.

Түйін сөздер: археология, Қаратау, Боралдай үңгірі, үңгір, тұрақ, металлургия, шеберхана, ошақ шұңқыры, түтіндік, еңбек құралы, тиындар, оқ сүңгілері, қыш, қола дәуірі, ерте темір ғасыры, ерте ортағасыр

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES IN CAVE TUTTYBULAK-1 IN 2018

**B.A. Baitanayev, A.A. Goryachev, T.A. Egorova, A.A. Ergeshbayev,
A.B. Baitanayeva, E.B. Baitanayev**

This article is devoted to results of researches in the cave of Tuttybulak-I in the field season of 2018. The excavation site was laid in the Northern and Western parts of the monument and deepened around the perimeter (90 m²) to a depth of 2.2 m in order to identify Ancient layers. The pits of metallurgical workshops of the early Middle Ages and Mongol-Timurian time were cleared. In the layers at depth of 40–85 cm deposits of medieval pottery, coins and tools and products of blacksmithing were found. At a depth of 100–120 cm fragments of ceramic dishes, arrowheads of the Bronze age and the Early Iron Age were recorded. Under the rock slab in the center of the cave fragments of the lower jaw and pelvic bones of the human skeleton were discovered. Dense loam with crushed stone and fragments of small stones, mica and limestone are the main filling of the space of the cave in control pit from depth of 120 to 200 cm. This fact gives reason to assume that we have investigated the cultural layers from the Bronze Age to the late Middle Ages. It is believed that the cave to have served as a temporary refuge for hunters and gatherers in the Bronze Age. In the Early Iron Age it began to be used for smelting iron and bloom. It was most actively used as a metal smelting workshop in the early middle ages and the Karakhanid's period. It continued to be used periodically as a workshop throughout the late Middle Ages until the turn of the XVII–XVIII centuries.

Keywords: archaeology, Karatau, Boralday gorge, cave, standing, metallurgy, workshop, hearth pit, chimney, tools, coins, arrowheads, ceramics, Bronze Age, Early Iron Age, early Middle Ages

REFERENCES

1. Ageeva, E. I., Patceвич, G. I. 1958. *In Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnographii Akademii Nauk KazSSR (Writing of Institute of history, archaeology and Ethnography of Academy of Sciences of KazSSR)*, 5, 147-157 (in Russian).
2. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1972. *Drevnii Otrar (topografiya, stratigrafiya, prespektivy) (Ancient Otrar (topography, stratigraphy, prospects))*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Kishev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Saki I usuni doliny reki Ili (Saka and Wusun tribes of Ili valley)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Baipakov, K. M., Savelieva, T. M., Chang, C. 2005. *Srednevekovye goroda I poseleniya Severo-Vostochnogo Jetysu (Towns and settlements in Middle Ages in North-East Semirechie)*. Almaty: "Credo" Publ. (in Russian).
5. Baitanayev, B. A. 2011. *Drevnosti Burguluka (Ancient times of Burguluk)*. Almaty: Institute of Archaeology after A.Kh. Margulan (in Russian).
6. Baitanayev, B. A., Goryachev, A. A., Saraev, V. V., Shayakhmetov, A. Kh., Ergeshbayev, A. A., Beisenov, N. B. 2017. *Noviepamyatniki rannego zheleznogo veka Uzhnogo Kazakhstana (New monuments of the Early Iron Age in South Kazakhstan)*. Almaty: Institute of Archaeology after A.Kh. Margulan (in Russian).
7. Baitanaev, B. A., Goryachev, A. A., Saraev, V. V., Shayakhmetov, A. Kh. 2017. *In Izvestiya NAN RK. (News of National Academy of Sciences of P Republic of Kazakhstan. Series of social Sciences)*, 1 (311), 143-159 (in Russian).
8. Bernshtam, A. N. 1950. *Trudy Semirechenskoj arheologicheskoi ekspedicii "Chuiskaya dolina" (The researches of archaeological expedition of Semirechie "The Chuy Valley")*. MIA, 14. Moscow-Leningrad (in Russian).

9. Vishnevskaya, N. U. 2001. *Remeslennyye izdeliya Dzhigerbenta IV BC – XIII AC (Handicraft products of Dzhigerbent IV century BC – XIII century AC)*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
10. Goryachev, A. A., Egorova, T. A. 2015. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Sakskaya kultura v kontexte izucheniya ethnosociokulturnykh processov stepnoy Eurazii (Saka culture of Sary-Arka in the context of researches of ethno-social processes of Eurasian steppe)*. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ., 90-99 (in Russian).
11. Ivanov, S. S. 2017. In *Izvestiya NAN RK (News of National Academy of Sciences of Republic of Kazakhstan. Series of social Sciences)*, 1 (311), 38-58 (in Russian).
12. Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 2017. In Electronic scientific journal “edu.e-history.kz”, 3. URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/723> (in Russian).
13. Savelieva, T. V., Zinyakov, N. M., Voyakin, D. A. 1998. *Kuznechnoe remeslo Severo-Vostochnogo Senirechiya (Blacksmith craft of North-Eastern Semirechie)*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).
14. Smagulov, E. A. 2011. *Drevnii Sauran (Ancient Sauran)*. Almaty: “Abdi kompani” (in Russian).
15. Urmanova, M. Kh. 1956. In *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii AN UzSSR (Writing of Institute of history, archaeology and ethnography of Academy of Sciences of UzSSR)*, VIII, 127-143 (in Russian).
16. Flerova, V. E. 2001. *Reznaya kost' yugo-vostoka Evropy IX–XII vekov: iskusstvo i remeslo (po materialam Sarkela – Beloj Vezhi iz kollekcii Gosudarstvennogo Ermitazha). (Carved bone of southeastern Europe in the 9th – 12th centuries: art and craft (based on Sarkel – Belaya Vezha materials from the State Hermitage Museum collection))*. Saint Petersburg: «Aleteiya» Publ. (in Russian).
17. Shagalov, V. D., Kuznetsov, A. V. 2006. *Katalog monet Chaha III–VIII vv. (Catalogue of coins of Chach III–VIII cc.)*. Tashkent: “FAN” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Baitanayev Bauyrzhan A. Doctor of Historical Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of Kazakhstan, Director, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; baitanaev@mail.ru

Goryachev Alexander A. Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; aga.2805@mail.ru

Egorova Tatyana A. Philologist, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; ega.0108@mail.ru

Yergeshbaev Azamat A. Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; aza.kz.85@mail.ru

Baitanayeva Asel B. Bachelor-artist, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; bait_asel@mail.ru

Baytanayev Elnar B. Engineer, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; ebaitanaev@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.08.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 22.08.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 29.08.2018.

КЛАДЫ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ «АЗРЕТ СУЛТАН»

© 2018 г. Т.М. Жолдасов

В статье приводится краткое описание кладов, которые хранятся в фондах музея «Азрет Султан» (г. Туркестан). Некоторые клады этого собрания были опубликованы ранее Р.З. Бурнашевой. Но нумизматический материал в фондах музея постоянно пополняется, что вызывает необходимость оперативного информирования ученого сообщества. Настоящая публикация выполняет роль справочника по музейнымкладам.

Ключевые слова: археология, Южно-Казахстанская область, г. Туркестан, музей «Азрет Султан», нумизматика, клад, Чингизиды, Чагатаиды, Тимуриды, Шейбаниды, Джаниды

В нумизматическом фонде музея «Азрет Султан» хранятся семь кладов, из которых пять найдены в ходе археологических работ и два клада представляет собой случайные находки. Один из них обнаружен в местности Орангай близ Туркестана при строительных работах частного дома, другой – при земляных работах на городском кладбище г. Туркестан на правом берегу р. Карачик. Некоторые клады этого собрания были опубликованы Р.З. Бурнашевой в статьях и в монографии [Бурнашева и др., 2006, с. 38–53; Бурнашева, 2006].

Клад № 1. Клад Чингизидов, середина XIII в. В 2012 году в музейный фонд были сданы отрарские медные посеребрённые дирхемы в количестве 450 шт. Клад был найден вблизи с. Чаян (Байдибекский р-н, ЮКО) в маленькой пещерке в горах Каратау под каменной плиткой в керамическом кувшине. При предварительном визуальном осмотре выяснилось - перед закладкой клада монеты были обработаны конским жиром, что обе-

спечило их хорошее состояние. Почти у половины монет сохранилось посеребрение. Диаметр монет варьирует между 39–43 мм. Средний вес – 7,7 г.

На многих монетах клада круговые легенды либо не попали на монетный кружок, либо оттиснуты не полностью. На монетах, где фиксируются круговые легенды, они читаются фрагментарно и как правило только с одной стороны. Нередко на разных сторонах одной и той же монеты в круговых легендах встречаются два разных года, как правило соседних.

Чеканка медных посеребрённых медных дирхемов Отрара проводилась 17 лет с 646/1248 по 663/1264–1265 гг. В составе клада присутствуют монеты всех годов чеканки. Все монеты клада имеют не идеальную, но всё же достаточно правильную круглую форму. Монеты однотипны и отличаются тремя вариантами по эпитету («хани», «менгу хани», «йарлы хани») и шестью видами элементных украшений на полях монет. При изучении клада была составлена гистограмма для вы-

явления модального веса монет, где максимум указал вес 7,7 г. Разброс значений веса достаточно большой – от 5,3 до 11 г. Гистограмма показала средний размер – 41 мм.

Самыми распространенными и неоднократно описанными монетами Чагатаидов являются медные посеребрённые дирхемы Отрара середины XIII в. Но, несмотря на это, решены далеко не все вопросы, связанные с их выпуском. Клад был изучен и опубликован в материалах двух конференций [Жолдасов, 2014, с. 448–458; 2015, с. 255–268].

Клад № 2. Чагатаиды, последняя четверть XIII – начало XIV в. В 1980–1982 гг. Туркестанским археологическим отрядом ЮККАЭ были проведены археологические исследовательские работы на памятнике Культобе, где в шестом строительном горизонте был найден клад из 202 серебряных и 87 медных монет. Клад был передан в отдел археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова на атрибуцию. Несмотря на то, что Культобинский клад не самый большой по численности среди чагатаидских серебряных кладов, найденных на территории Средней Азии, в нем представлено большинство действовавших на тот период монетных дворов. В составе клада встречается продукция монетных дворов Алмалыка, Андигана, Отрара, Бухары, Кашгара, Кенжде, Маргинана, Самарканда, Тараза, Ходженда, Шаша и Йанги. Последний монетный двор в списке «Йанги» ранее не встречался среди 18 монетных дворов, действовавших в последней четверти XIII – начала XIV в., выявленных Е.А. Давидович.

Две медные монеты в составе Культобинского клада из собрания музея представляют продукцию монетных дворов Отрара и Фараба. На отрарском медном фельсе указан

698/1298–1299 г., а на фарабской продукции – 699/1299–1300 г. Название Отрар и Фараб в данном случае определяют название города в первом случае, и название области в другом. Несмотря на то, что эти фельсы выпущены в одном городе, они имеют разное оформление, вес и размеры. Хотя разница во времени выпуска составляет всего один год [Бурнашева и др., 2006, с. 38–40].

Культобинский клад атрибутирован и опубликован [Бурнашева и др., 2006, с. 38–40].

Клад № 3. Тимуриды, вторая половина XV в. В 2002 г. на территории Туркестанского городского кладбища, расположенного на правом берегу р. Карачик, землекопами был обнаружен клад медных Тимуридских монет общим количеством около 6200 экз. В 2004 году в фонды нумизматического отдела музея «Азрет Султан» поступили только 4073 монет из клада. Большинство монет относятся к пореформенному анонимному чекану Улугбека 832/1428–1429 г. с указанным названием монетного двора Бухара. Кроме бухарских имеется продукция монетных дворов Андигана, Балха, Херата, Карши, Кашгара, Самарканда, Термеза, Хутталана, Орду и Шахрухий. Следует исправить ошибку Р.З. Бурнашевой в атрибуции монеты из этого клада – автор прочла наименование монетного двора как Дженд, 832 г.х. [Бурнашева, 2006, с. 35], хотя это сильно искаженное написание названия монетного двора *Шахрухийа* того же 832 г.х. В кладе имеются монеты с квадратными и шестигранными надчеканами. Часть монет Карачикского клада в количестве 724 монет была изучена и опубликована Р.З. Бурнашевой [Бурнашева, 2006].

Клад № 4. Конец XV – начало XVI в. В 1998 г. на территории городища Туркестан на берегу вдхр. Тоган

при археологических раскопках был найден клад медных монет в количестве 459 экз. Клад однородный и состоит из монет, чеканенных в Ташкенте. Все монеты по внешнему виду и форме однообразны. Диаметр монет клада колеблется в пределах от 15 до 20 мм. Вес монет от 1,2 до 2,33 г. Техника чеканки, которая выполнялась расплющиванием кусочков медной проволоки, характерна для XVI в. Почти все монеты, кроме одной, на лицевой стороне имеют название монетного двора – Ташкент. Одна монета имеет надпись *чекан Яссы*, без указания года выпуска, а на оборотной стороне содержатся разнообразного вида орнаментальные композиции, образованные различными дугообразными линиями.

Р.З. Бурнашева, которая изучала клад, несмотря на кажущуюся однородность разделила монеты на девять типов по орнаментам оборотной стороны. В связи с этим было высказано предположение, что не все типы монет выпускались одновременно, это происходило в течение какого-то отрезка времени [Бурнашева и др., 2006, с. 45].

Клад целиком состоит из монет одного номинала, средний вес которого равен 1,85 г. Судя по весу, монеты клада могли быть кратной единицей по отношению к медным динарам, употреблявшимся после денежной реформы Кучкунчи-хана, они имели традиционный вес – 5,2 г. Также монеты могли иметь кратное отношение к динарам Ташкента и присырдарьинских городов, отделившимся в самом конце XV или в начале XVI в. отделились и имевшим свое денежное обращение, отдельное от Мавераннахра. Здесь был обнаружен свой весовой стандарт чеканки монет – средний вес 5,7 г., который с достаточной точностью совпадает с 1/3 веса медных динаров второго варианта.

Клад № 5. Шейбаниды, время выпадения 919/1513 г. В начале 2012 г. Б. Халметовым, жителем села Орангай, расположенного в 20 км к СВ от г. Туркестана, во время строительных работ на частном участке был найден клад медных монет. По словам находчика, клад обнаружили при выравнивании земли трактором при строительстве дома. Через несколько дней Б. Халметов принес и предложил приобрести монеты в фонды музея. После очистки монеты были исследованы. Установлено, что весь состав монет принадлежит одному кладу. Сохранность большинства монет плохая. Тем не менее, выявленный рельеф на монетах позволяет атрибутировать клад. Он состоит из 54 медных монет, из них 21 экз. принадлежит чекану Самарканда, а шесть – биты в Бухаре. Самая младшая монета в кладе чеканена в 918/1512 г.х. Отсутствие в кладе монет 919/1513 г. (хотя в 919 г.х. при Кучкунче хане среднеазиатские монетные дворы обильно выпускали чеканную продукцию) дает возможность высказать предположение, что клад был тезаврирован не позднее 919 г.х. В ходе исследования были выявлены типы и варианты 19 монет клада. В составе клада имеется одна монета Мерва и две монеты Яссы. Для остальных монет не удалось достоверно установить названия монетных дворов из-за их плохой сохранности. Клад ранее не публиковался.

Клад № 6. В 1999 г. Туркестанская археологическая экспедиция Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством Е.А. Смагулова начала работу по программе «Туркестанский оазис», и в районе поселка Орангай осуществляла археологические изыскания. В это время на городище Культобе Орангайское у поселка Орангай, что в 20 км к северу от г. Туркестана, при земляных работах в ходе нивелировки трактором терри-

тории случайно был найден клад медных монет. Наиболее вероятно, что он был собран археологами, прибывшими на место его обнаружения, не полностью. В фонды музея «Азрет Султан» поступили 803 монеты. Сохранность монет плохая, на 112 из них не видно следов чекана. На 193 монетах сохранились остатки нечитабельных надписей и неясных изображений. Некоторые монеты клада лишь предположительно отнесены к выпускам Ташкента, Самарканда и Андигана.

Монеты, на которых более или менее сохранились рельефы надписей, можно распределить по монетным дворам Сайрам, Йассы, Ташкент и Самарканд. К чекану Сайрама отнесены 26 монет. Продукция монетного двора Йассы разного типа представлена в кладах 171 экз. В числе монет Йассы встречаются имеющие на о.с. изображения лани среди листовых побегов, которые имеют аналогию с монетами Хисара начала XVI в. Р.З. Бурнашева по схожести типа монеты Йассы с изображением лани относит к этому же времени. Эти монеты не датированы, но среди них встречаются экземпляры с зооморфными изображениями: хищника с изогнутым хвостом, рыбы с эпитетом *фахира*, птицы со словом *фулус*, *адил* и с благопожеланием *عاقبت حير باد* (да будет процветающей его жизнь), – которые позволяют соотносить их с монетными выпусками в пределах XVI в.

В кладах 189 монет относятся к чекану монетного двора Ташкента. Кроме 20 ранее выявленных Р.З. Бурнашевой типов, в составе клада встречаются ещё несколько видов монет, отличающихся от известных типов монет Ташкента. Изображение лани, смотрящей влево, содержат 63 монеты чекана Ташкента, 14 экз. имеют слов *фахира* (славный). У этих монет на о.с. имеется стилизованное изобра-

жение рыб, они продатированы первой четвертью XVI в. [Бурнашева и др., 2006, с. 45]. В кладах 9 экз. принадлежат Дервиш хану, который являлся правителем Ташкента и Туркестана с 1557 по 1578 гг. В составе клада имеются и анэпиграфные монеты с изображением на одной стороне хищного зверя с изогнутым хвостом кверху, а на другой – цветочный орнамент. Замечательной находкой в данном клада является наличие монет, содержащих термин *ширмард* и имя хана, которое, к сожалению, не определяется из-за стертости поверхности монеты.

Среднеазиатский чекан в составе клада представляют монеты Самарканда, содержащие на л.с. слова: *фулус Адил хан, чекан Самарканда* и год цифрами – 996 г.х. На о.с. этих монет читается слово *талман* طالمان, которое встречается на известных монетах Самарканда 997/1586, 999/1591, 1000/1592, 1001/1593 гг. и на монетах Саурана 995/1587 г. [Бурнашева и др., 2006, с. 38–52].

Клад № 7. Джаниды, середина XVII в. В 2000 г. сотрудниками Туркестанской археологической экспедиции были проведены раскопки на бывшей улице «кокандской цитадели». В ходе работ был обнаружен клад серебряных джанидских монет. Весь клад состоит из 75 монет с именами Джанидских ханов Имам Кули, Надир Мухаммад и Абд ал-Азиза. Самое большое количество монет клада (52 экз.) принадлежит чекану Имам Кули хана. Состав клада объясняется тем, что начиная с правления Абд ал-Азиз хана, наблюдается порча пробы серебряных монет. Но, видимо, в первые годы его правления в обращение выпускались монеты 6/10-й пробы. Самое заметное ухудшение пробы монет наблюдается при Субхан Кули хане, поэтому все высокопробные серебряные монеты предыдущих этапов выпадали в клады.

Е.А. Давидович, считающей, что основным критерием для определения монет являются картуши обеих сторон, репертуар монетных надписей и их взаиморасположение, была предложена типологическая классификация монет. Было выделено 11 типов (2, 3, 7, 9, 11–13, 16, 21–23) [Давидович, 1964, с. 21–26]. Р.З. Бурнашева позднее выявила ещё семь типов [Бурнашева, 2006, с. 52–56].

Выпускных сведений на серебряных тангах Абд ал-Азиз хана в кладе не имеется. Они, видимо, утрачены либо не проставлялись. Р.З. Бурнашева предположительно отнесла чеканку монет Абд ал-Азиз хана к первым годам его правления, когда ещё не началась чеканка низкопробных монет с содержанием серебра до 25–26%. Именно в начале третьего этапа на-

блюдается массовое выпадение кладов с джанидскими серебряными монетами, включая и монеты Абд ал-Азиз хана с высоким содержанием серебра, которые чеканились в первые годы его правления. Весь клад хронологически охватывает время между 1611 и 1650 гг. и выпал, видимо, в начале третьего этапа, когда начинается чеканка низкопробных серебряных монет.

Таким образом, в музее хранится семь кладов, датируемых XIII – XVII вв. К сожалению большое количество кладов, находимых населением и археологами в последние годы, проходят мимо музейного собрания, а хотелось бы, что бы и население, и археологи активнее пополняли нумизматические фонды музея «Азрет-Султан» в г. Туркестан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурнашева Р.З. Денежное обращение в городах Южного Казахстана в XV–XVIII вв. (Историко-нумизматическое исследование). Туркестан: изд-во МКТУ им. А. Ясави, 2006. 255 с.
2. Бурнашева Р.З., Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Клады и монеты Туркестана. Алматы, «Баур», 2006. 203 с.
3. Давидович Е.А. История монетного дела Средней Азии XVII–XVIII вв. Душанбе: изд-во АН ТаджССР, 1964. 320 с.
4. Жолдасов Т. Отырар күмістелген дирхемдері және олардың эмиссиясының 646–663 жылдар аралығында түрлі болып келуінің себептері жайлы // Марғұлан оқулары–2014. Астана, 2014. С. 448-458.
5. Жолдасов Т. XIII ғ. екінші жартысындағы Отырар көмбесі туралы // Роль Туркестана в истории Казахского ханства. Туркестан: «Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-мұражайы, 2015. С. 255-268.

Сведения об авторе:

Жолдасов Толкын Маханбетович – хранитель фондов, музей «Азрет Султан» (г. Туркестан, Казахстан); 78_tolhyn@mail.ru

«ӘЗІРЕТ СҰЛТАН» МУЗЕЙІ ҚОРЛАРЫНДАҒЫ АҚША КӨМБЕЛЕРІ

Т.М. Жолдасов

Мақалада «Әзірет Сұлтан» музейінің қорында сақтауға алынған ақша көмбелеріне сипаттама беріледі. Музей қорында жинақталған көмбелердің кей бірі Р.З. Бурнашева тарапынан зерттеліп, мақалалары мен монографиялық еңбектеріне арқау болған. Алайда, музей қорлары үнемі толығып отыратындығын ескере отырып, зерттеуші

ғалымдар қауымын музей қорларындағы жаңа түсімдер жайлы хабарландырып отыру қажет. Мақала музей қорлары жайлы анықтамалық қызмет атқарады.

Түйін сөздер: археология, Оңтүстік Қазақстан облысы, Түркістан, «Әзірет Сұлтан» музейі, нумизматика, көмбе, Шыңғыс әулеті, Шағатай әулеті, Темір әулеті, Шайбан әулеті, Жәни әулеті

TREASURES FROM THE COLLECTION OF THE MUSEUM «AZRET SULTAN»

T.M. Joldasov

This article is devoted to a brief description of the treasures from the storage in the funds of the Museum “Azret Sultan” of Turkestan city. Some treasures of this collection were published By R.Z. Burnasheva in articles and monographs. But the numismatic material in the museum is constantly updated. Therefore, it is important to report new information periodically. This publication plays the role of a reference book on museum’s treasures.

Keywords: archaeology, South-Kazakhstan’s region, Turkestan, museum “Azret Sultan”, numismatics, the treasure, of Chingizids, Chaghatayids, Timurids, Shaybanids, Janids

REFERENCES

1. Burnasheva, R. Z. 2006. *Denezhnoe obrashchenie v gorodah Yuzhnogo Kazahstana v XV–XVIII vv. (Istoriko-numizmaticheskoe issledovanie) (Money circulation in the cities of South Kazakhstan in the XV–XVIII centuries (Historical and numismatic research))*. Turkestan: publishing house of the international Kazakh-Turkish University A. Yasawi (in Russian).
2. Burnasheva, R. Z., Smagulov, E. A., Tuyakbaev, M. K. 2006. *Klady i monety Turkestana (Treasures and coins of Turkestan)*. Almaty: «Baur» Publ. (in Russian).
3. Davidovich, E. A. 1964. *Istoriya monetnogo dela Sredney Azii XVII–XVIII vv. (The history of the monetary business of Central Asia of the XVII – XVIII centuries)*. Dushanbe: publishing house of Tajik SSR Academy of Sciences (in Russian).
4. Joldasov T. 2014. In *Margulan okulary–2014 (Margulan readings–2014)*. Astana Publ., 448-458 (in Qazaq).
5. Joldasov T. 2015. In *Rol Turkestana v istroii Kazahskogo hanstva (The role of Turkestan in the history of the Kazakh Khanate)*. Turkestan: «Aziret Sultan» State Historical and Cultural Museum-Reserve Publ., 255-268.

About the Author:

Joldasov Tolkin M. Curator, Museum «Azret Sultan», Turkestan, Kazakhstan;
78_tolhyn@mail.ru

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 08.08.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 15.08.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 22.08.2018.

КЛАДЫ МЕДНЫХ МОНЕТ ДИНАСТИИ ШЕЙБАНИДОВ НА ТЕРРИТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА

© 2018 г. А.М. Камышев, А.О. Брагин

Авторы рассмотрели вопросы, связанные с находками кладов медных монет на территории Кыргызстана, обращавшихся в XV – начале XVI в. Цель статьи - введение в научный оборот новых типов медных монет династии Шейбанидов и методичное продолжение их последовательной каталогизации. Многие монеты дополнили список ранее известных типов, в частности несущих на себе зооморфные сюжеты. Авторы постарались собрать наиболее полную информацию о таких находках не только из научных публикаций, но и материалов собственных изысканий. Немногочисленные находки хорасанских и ферганских монет с зооморфными сюжетами дают возможность проследить устоявшиеся культурно-эстетические воззрения тюркоязычных народов. Публикация этих кладов дает основу для восстановления деталей и закономерностей денежного обращения в периферийных владениях Шейбанидов.

Ключевые слова: археология, Кыргызстан, Шейбаниды, нумизматика, медные клады, типы монет, ферганские города, зооморфные сюжеты, фулус, средневековая восточная нумизматика, денежное обращение

Обращение медных монет XV – первой четверти XVI в. детально исследовала Е.А. Давидович, но по ряду причин она не включила клад не мавераннахрского происхождения в свою фундаментальную монографию, полагая, что другие регионы Средней Азии будут изучены в будущем по мере поступления местного кладового материала [Давидович, 1983, с. 10]. Из Кыргызстана ею использован лишь Ошский клад, найденный в 1953 г. [Массон, 1960, с. 110–124]. В начале XXI в. стало известно о находках на территории Оша по крайней мере пяти кладов монет этого времени [Кочнев, 1998, с. 42–43].

В 1969 году в Ошский краеведческий музей поступило 1069 монет из клада, найденного в с. Мады. Основная масса монет отчеканена в Бухаре и Самарканде между 898 и

907 г.х., несколькими десятками представлены монеты Андигана и Ташкента, и единичными экземплярами Хисара, Герата, Балха, Шаша и Ахси. Самая «молодая» монета Бухары 911 г.х. [Шпенёва, 1987, с. 66–68; 2000, с. 104].

В 1997 году в Бишкек для изучения доставили клад из 980 медных монет, найденных в с. Чангыт Джалал-Абадской области Кыргызстана. Судя по годам на монетах (наиболее поздние отчеканены в 913/1507–08* году) [*Ранее время изъятия монет из обращения определялось по единственной монете в кладе, из-за плохой сохранности ошибочно датированной 927/1521–1522; детальное изучение клада позволяет пересмотреть эту датировку], время его сокрытия выпадает на беспокойный, насыщенный социальными потрясениями

период истории. В конце XV века в ходе непрекращающихся междоусобиц наследники амира Тимура, разбравшие обширные владения своего предка на уделы, сменяли друг друга в столичном Самарканде чуть ли не ежегодно.

В Чангытском кладе преобладают выпуски Самарканда и Бухары, на третьем месте – монеты Андигана, бывшего в то время центром удельной Ферганы, в состав которой входил и район обнаружения клада. Продукция монетных дворов Ташкента и Хисара в кладе насчитывает около двух десятков, а монеты Хутталаяна, Кеша, Герата, Шаша, Ахси и Яссы представлены единичными экземплярами [Камышев, 2002, с. 52].

Крупный клад медных монет начала XVI в., разбросанный селевым потоком по руслу сухой реки в Ляйлякском районе Баткенской области, был найден тремя детьми в 2000 г. Тогда юные краеведы разделили собранные медные кружочки между собой, но лишь один, повзрослев, догадался привезти монеты на определение специалистам в Бишкек. О первоначальном количестве монет в кладе можно судить приблизительно: доля одного из находчиков, представленная для изучения, составляет 2358 монет, а в 2011 г. на месте обнаружения клада с помощью металлоискателя поднято дополнительно ещё 587 монет. Монеты разобраны по месту и времени изготовления с указанием их количества в кладе, проиллюстрированы, измерены и взвешены, 883 экз. из-за плохой сохранности остались неопределёнными. Время сокрытия клада установлено по двум типам самаркандских монет с крайним годом выпуска 923 г.х. [Камышев, 2013, прил. 4].

Ляйлякский клад, относящийся по своему составу к седьмому этапу по периодизации Е.А. Давидович [Давидович, 1983, с. 301], представлен монетами среднеазиатского региона почти за столетний период истории. Судя по значительному количеству монет Ахси и Андигана 910–920 г.х., ранее учеными не зафиксированными, клад формировался в Ферганском уделе. Политическая обстановка в Фергане того времени была напряженной. Отданная в управление Шейбаниду Абу-л-Фатху Джанибек-султану в 910 г.х., она через шесть лет вновь отвоёвывается Тимуридами, а ещё через четыре года возвращается обратно под управление Шейбанидов. Столь крупные накопления, включающие монеты чекана более двух десятков городов, находящихся в руках враждующих между собой группировок, вряд ли связаны с межрегиональной торговлей, скорее всего, это военная добыча или армейская казна. Об этом свидетельствуют и десятки монет Герата и Кундуза, отчеканенные ещё до разграбления этих городов Шейбаниханом. Особый интерес в кладе вызвали монеты ферганских городов с зооморфными сюжетами [Камышев, 2011, с. 12–14] и ранее неопубликованные монеты Сайрама и Яссы [Камышев, 2012, с. 340–345].

Крупный клад медных монет найден при посадке деревьев в Аксыйском районе Джалал-Абадской области осенью 2011 г. Часть клада в количестве 220 монет привезена на определение в Бишкек. Из-за слабой сохранности и плотных окислов, покрывающих монеты, большая часть монетных типов осталась неопределённой. При беглом осмотре из партии были отобраны 20 наиболее со-

хранившихся экземпляров, которые после очистки удалось разложить по типам, отсканировать и взвесить. Пару недель спустя родственник находчика привез ещё 37 экз., которые он самостоятельно очистил кислотой, уничтожив при этом практически все монетные надписи. Из этой партии типологически определены лишь три монеты. Еще одна часть клада в количестве 2128 экз. была доставлена в Бишкек в канун 2013 года, из которых удалось атрибутировать 1021 экз. [Камышев, 2013, с. 51–58]. Остатки этого клада в количестве 464 экз. авторам удалось обработать в октябре–ноябре 2016 г., из них надежно атрибутированы 280 экз. и еще 38 отнесены к чекану Ахси и Андигана без определения типа (табл. 1). Фотоизображения некоторых монет клада представлены на рис. 1, 2. Последние монеты не внесли заметных дополнений в уже опубликованную часть Аксыйского клада. Самыми ранними монетами остались отчеканенные в Самарканде в 785 г.х., а к наиболее «молодым» монетам Бухары и Ахсы с годом 920 г.х. добавилась разновидность Самаркандской монеты (тип 25в), ранее в публикациях не зафиксированная. От типа 25 «а» и «б» она отличается орнаментом вокруг центрального ободка и реконструируемым годом выпуска как 920 г.х. Среди разнообразия монетных дворов в Аксыйском кладе выявлены ранее не отмеченные в публикациях монеты Вахша, Шапуркана, Бадахшана, Карши и Термеза (атрибуция выполнена А.О. Брагиным). Как и в первой части клада, где отмечены саманидский и караханидский фельсы, во второй выявлен стертый толстый монетный

кружок, предположительно Кашгарский дирхам конца XII в. Повышенный процент наличия монет Ферганских городов Андигана и Ахси, а главное — почти одновременность выпадения из обращения с Ляйлякским кладом, позволяет нам предположить о происходивших значительных социально-политических потрясениях в этом регионе в конце первой четверти XVI в., вызвавших массовое сокрытие кладов населением.

Найденные в южных областях Кыргызстана крупные клады шейбанидской меди XV – начала XVI в. значительно дополнили ранее известный специалистам перечень монетных типов, особенно с зооморфными сюжетами. Введены в научный оборот новые монетные типы, продолжена каталогизация шейбанидской медной монеты, показано их многообразие, а также отмечено мастерство столичных резчиков матриц и, как правило, низкий его уровень в периферийных частях империи. Немногочисленные находки хорасанских и ферганских монет с зооморфными сюжетами дают возможность проследить устоявшиеся культурно-эстетические воззрения тюркоязычных народов, уходящие своими корнями в древнюю культуру сибирского звериного стиля. Публикация этих кладов дает основу для восстановления денежного обращения в периферийных владениях Шейбанидов.

Выявление новых комплексов медных монет, содержащих описанные типы, а так же единичных экземпляров позволит в дальнейшем подтвердить, дополнить и уточнить сделанные в ходе исследования выводы.

Рис. 1. Атрибуция некоторых монет из кладов Кыргызстана. 10 – Самарканд, 920? г.х.; 22 – монетный двор? (Бухара?), 917 г.х.; 54 – Хисар, б/д, надчекан не реконструируется; 55 – Хисар, б/д., надчекан «бито [в] Хисаре»; 58 – Ташканд, б/д.; 60 – Термез, б/д.; 66 – Бадахшан, б/д; 71 – Балх, 916 г.х.; 68 – Кундуз, б/д., надчекан «Самарканд»; 74 – Балдат Марв, 917 г.х.; 61 – Термез?, б/д.; 76 – монетный двор не известен

Fig. 1. Attribution of some coins from the treasures of Kyrgyzstan. 10 – Samarkand, 920? AN; 22 – Mint? (Bukhara?), 917 AN; 54 – Hisar, b/d, the countermark is not reconstructed; 55 – Hisar, b/d., “Bito [in] Hisar” code; 58 – Tashkent, b/d.; 60 – Termez, b/d.; 66 – Badakhshan, b/d; 71 – Balkh, 916 AN; 68 – Kunduz, b/d, Samarkand countermark; 74 – Baldat Marv, 917 AN; 61 – Termez ?, b/d.; 76 – Mint unknown

Рис. 2. Атрибуция некоторых монет из кладов Кыргызстана 77 – монетный двор не известен; 62 – Термез?, 919 г.х.; 72 – Карши, 9xx г.х.; 78 – монетный двор не известен, 913 г.х.; 79 – монетный двор не известен, 9x9 г.х.; 80 – медная монета без атрибуции

Fig. 2. Attribution of some coins from the treasures of Kyrgyzstan 77 – the mint is not known; 62 – Termez?, 919 AN; 72 – Karshi, 9xx AN; 78 – the mint is not known, 913 AN; 79 – the mint is not known, 9x9 AN; 80 – copper coin without attribution

Таблица 1

Типы монет Аксийского клада, часть 2

Table 1

Types of coins of the Aksiysky treasure, part 2

№	Тип	Год, г.х.	Количество монет в клада	В том числе	
				без надчекана	с надчеканом
<i>Самарканд</i>					
1	6	823	1	1	-
2	9б	897	11	1	10
3	10б	901	5	-	5
4	13	906	3	1	3
5	17б	907	17	7	10
6	19	911	1	-	1
7	20	914	4	2	2
8	22	917	7	4	3
9	22а	917	1	-	1
10	25в	920	3	3	-
11	29	918	17	14	3
12	39	б/д	7	1	6

Бухара

13	3	832	2	-	2
14	4а	89х	3	-	3
15	5б	897	6	1	5
16	5в	897(?)	1	1	-
17	5а	910	1	-	1
18	8	907	1	1	-
19	11	9хх	1	1	-
20	13	916	2	2	-
21	14	917	3	2	1
22	14а	917	1	1	-
23	15	91х?	2	2	-
24	16	919	8	5	3
25	16а	919	19	16	3
26	21	б/д	15	3	12
27	26	920	1	1	-

Ахси

28	2	910	1	1	-
29	2а	910	1	1	-
30	3	910	2	2	-
31	5	б/д	7	6	1
32	6	б/д	25	25	-
33	9	б/д	9	8	1
34	10	920	5	4	1
35	12	б/д	4	4	-
36	13	б/д	37	37	-
37	14	910	9	9	-
38	15	907 ?	2	2	-
39	16	920	4	4	-
40	17	б/д	1	1	-

Андиган

41	4б	8хх	2	-	2
42	7	б/д	4	4	-
43	9	б/д	2	2	-
44	10	б/д	2	2	-
45	11	б/д	2	2	-
46	12	б/д	3	3	-

Хисар

47	7а	918-17	11	6	5
48	7б	б/д	2	1	1
49	8	91х	1	1	-
50	9	б/д	1	-	1
51	16	б/д	2	1	1
52	21а	890	2	2	-
53	22	б/д	1	1	-
54	23	б/д	1	-	1
55	24	б/д	1	-	1

Ташканд

56	2	89х	1	1	-
57	5	б/д	1	1	-
58	13	б/д	1	1	-

Термез

59	1	832	1	1	-
60	3	xxx	1	1	-
61	4	б/д	1	1	-
62	5	919	1	1	-

Фаркат

63	5	б/д	1	-	1
----	---	-----	---	---	---

Хутталан

64	4	б/д	1	1	-
65	7	б/д	2	2	-

Бадахшан

66	2	б/д	1	1	-
----	---	-----	---	---	---

Кундуз

67	2	б/д	1	-	1
68	5	б/д	1	-	1

Кеш

69	2	б/д	2	1	1
----	---	-----	---	---	---

Яссы

70	1	б/д	1	1	-
----	---	-----	---	---	---

Балх

71	10	916	1	1	-
----	----	-----	---	---	---

Карши

72	5	9xx	1	1	-
----	---	-----	---	---	---

Кашгар

73	1	858	1	-	1
----	---	-----	---	---	---

Мерв

74	8a	917	1	1	-
----	----	-----	---	---	---

Неопределенные монетные типы

75	3	919	2	-	2
76	32	б/д	1	1	-
77	33	б/д	1	-	1
78	34	???	1	1	-
79	35	9x9	1	1	-
80	-	Конец XII в.	1	1	-

Примечание: в иллюстрациях монеты помещены под теми же номерами, что и в таблице. Обозначение: б/д – без года.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Давидович Е.А.* История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV – первой четверти XVI в. в Мавераннахре). М.: Наука, 1983. 359 с.
2. *Камышев А.М.* Нумизматическое наследие Кыргызстана. Альбом. Бишкек: Национальный Банк Кыргызской Республики, 2002. 128 с.
3. *Камышев А.М.* Новые типы и разновидности шейбанидских монет Ахсикета и Андигана // Нумизматика. 2011. № 2 (май). С. 12-14.
4. *Камышев А.М.* Новые типы шейбанидских монет Яссы и Сайрама // Древности Отрара и Отрарского оазиса Казахстана и Евразии: матер. междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 40-летию ЮККАЭ (Шаульдер, 18–19 октября 2011 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. С. 340-345.

5. *Камышев А.М.* Клады медных монет Тимуридов и Шейбанидов. Самарканд: МИЦАИ, 2013. 176 с.

6. *Кочнев Б.Д.* Средневековый Ош в свете нумизматики // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек: «Мурас», 1998. С. 42-43

7. *Массон М.Е.* Клад медных монет XV века из Оша // Эпиграфика Востока. 1960. Т. XIII. С. 110-124.

8. *Шпенёва Л.Ю.* Новые клады медных монет XV – начала XVI в. из Ферганы // Вторая нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. М., 1987. С. 66-68.

9. *Шпенёва Л.Ю.* Клад медных тимуридских монет из села Мады Ошской обл. // Ош и Фергана в исторической перспективе. Бишкек: «Мурас», 2000. Вып. 3. С. 103-104.

Сведения об авторах:

Камышев Александр Михайлович – кандидат исторических наук, преподаватель, Кыргызско-Российский университет (г. Бишкек, Кыргызстан); sakmih@mail.ru

Брагин Андрей Олегович – аспирант, Центр исследований истории Золотой Орды, Институт истории им. Ш. Марджани, г. Казань (г. Санкт-Петербург, Россия); rasmir@mail.ru

КЫРГЫЗСТАН АУМАҒЫНДАҒЫ ШЕЙБАНИДТЕР ӘУЛЕТІ ЖЕЗ ТИЫНДАРЫНЫҢ КӨМБЕЛЕРІ

А.М. Камышев, А.О. Брагин

Мақала авторлары Қырғызстанда табылған көмбелердегі XV және XVI ғасырдың басында айналымда болған жез тиындар мәселелерін қарастырады. Мақала мақсаты Шейбанидтер әулетінің жез тиындарының жаңа түрлерін ғылыми айналымға енгізу және жүйелі зерттеулер арқылы каталогтау болып табылады. Көптеген тиындар бұрыннан белгілі тиын түрлерінің тізімін толықтырады, мысалға зооморфты сюжеті бар тиындарды атап өтуге болады. Авторлар осындай олжалар туралы толыққанды ақпараттарды ғылыми жарияланымдардан ғана емес, жеке ізденістерінің материалдары арқылы жинастыруға тырысқан. Зооморфты сюжеті бар хоросандық және ферғаналық тиындардың азын-аулақ табылғандары түркітілдес халықтардың мәдени-эстетикалық танымдарын бақылауға мүмкіндік береді. Көмбе материалдарын жариялау шейбанидтер иеліктерінің шеткері аймақтарындағы ақша айналымының кейбір тұстары мен заңдылықтарын қалпына келтіруге негіздеме бола алады.

Түйін сөздер: археология, Қырғызстан, шейбанидтер, нумизматика, жез көмбелер, тиын түрлері, Ферғана қалалары, зооморфты сюжеттер, фулус, ортағасырлық шығыс нумизматикасы, ақша айналымы

HOARDS OF COPPER COINS OF SHAYBANID DYNASTY IN THE KYRGYZSTAN

A.M. Kamyshev, A.O. Bragin

The article touches upon the issues related to the finds of copper coin hoards on the territory of Kyrgyzstan circulating in the 15th - early 16th centuries. The purpose of the article is to introduce new types of copper coins of the Shaybanid dynasty into the scientific circulation and methodically continue their sequential cataloging. Many coins have enlarged the list of previously known types, in particular, bearing zoomorphic plots. The authors tried to collect the most complete information about such finds not only from scientific publications, but also on the materials of their own research. The few finds of Horasan and Fergana coins with zoomorphic plots make it possible to trace the established cultural and

aesthetic views of the Turkic-speaking peoples. The publication of these hoards provides the basis for restoring the details and regularities of money circulation in the peripheral possessions of the Shaybanids.

Keywords: archaeology, Kyrgyzstan, Shaybanids, numismatics, copper hoard, types of coins, Fergana cities, zoomorphic stories, fulus, medieval east numismatics, monetary circulation

REFERENCES

1. Davidovich, E. A. 1983. *Istoriya denezhnogo obrashcheniya srednevekovoy Sredney Azii (mednye monety XV – pervoi chetverti XVI v. v Maverannahre) (The history of monetary circulation in medieval Central Asia (copper coins of the 15th century – the first quarter of the 16th century in Maverannahr))*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
2. Kamyshev, A. M. 2002. *Numizmaticheskoe nasledie Kyrgyzstana. Al'bom. (Numismatic heritage of Kyrgyzstan. Album)*. Bishkek: National Bank of the Kyrgyz Republic (in Russian).
3. Kamyshev, A. M. 2011. In *Numizmatika (Numismatics)*, 2 (May), 12-14 (in Russian).
4. Kamyshev, A. M. 2012. In Baipakov, K. M. (ed.) *Drevnosti Otrara i Otrarского oazisa Kazahstana i Evrazii (Antiquities of Otrar and the Otrar oasis of Kazakhstan and Eurasia)*. Almaty: Archaeology Institute after A.Kh. Margulan, 340-345. (in Russian).
5. Kamyshev, A. M. 2013. *Klady mednykh monet Timuridov i Sheybanidov (Treasures of Timurid and Sheibanid copper coins)*. Samarkand: MICAI (in Russian).
6. Kochnev, B. D. 1998. In *Izucheniye drevnego i srednevekovogo Kyrgyzstana (Study of ancient and medieval Kyrgyzstan)*. Bishkek: «Muras» Publ., 42-43 (in Russian).
7. Masson, M. E. 1960. In *Epigrafika Vostoka (Epigraphic of the East)*, XIII, 110-124 (in Russian).
8. Shpenyova, L. Yu. 1987. In *Vtoraya numizmaticheskaya konferenciya (Second numismatic conference)*. Moscow, 66-68 (in Russian).
9. Shpenyova, L. Yu. 2000. In *Osh i Fergana v istoricheskoy perspective (Osh and Fergana in historical perspective)*, 3. Bishkek: «Muras» Publ., 103-104 (in Russian).

About the Authors:

Kamyshev Alexander M. Candidate of Historical Sciences, Lecturer, Kyrgyz-Russian University, Bishkek, Kyrgyzstan; sakamih@mail.ru

Bragin Andrey O. Post-graduate student, Sh. Mardzhani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: rasmir@mail.ru

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.08.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 22.08.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 29.08.2018.

ПЕРЕАТТРИБУЦИЯ ОДНОЙ ИЗ МОНЕТ САЙРАМСКОГО КЛАДА 2013 г.

© 2018 г. А.О. Брагин

В результате целенаправленного поиска аналогов тимуридских серебряных монет, которые были встречены и изучены в Сайрамском кладе 2013 г., обнаружена возможность уточнения атрибуции одного из типов монет клада. В заметке описывается серебряная танга с сохранившимся названием монетного двора, тип которой совпадает с описанным в каталоге «Сайрамский клад тимуридских монет» под №№ 199, 200. Ранее авторами каталога эти две монеты были отнесены к монетному двору *Бакуйя*, но обнаруженный экземпляр позволяет изменить эту атрибуцию и отнести тангу к выпускам монетного двора Салмас.

Ключевые слова: археология, Сайрамский клад, нумизматика, XIV–XV вв., Тимуриды, амир Тимур, каталог, монетные легенды, монетный двор, танга, серебро, уточнение атрибуции

В ходе планомерной работы по изучению монетного дела и денежного обращения династии Тимуридов, был выявлен в одной из коллекций России интересный экземпляр тимуридской танга. Монета, имея неполный прочекан поля и следы обращения, все же сохранила на себе информацию о наименовании монетного двора. Чтение названия эмиссионного центра не вызвало затруднений – Салмас. Местоположение этого монетного двора локализуется в Иране, в провинции Западный Азербайджан. При последующем сравнении с описанными монетами Сайрамского клада были найдены похожие экземпляры, а именно №№ 199, 200 [Байтанаев и др., 2014, с. 47, фото на с. 559].

Составляя каталог монет Сайрамского клада [Байтанаев и др.,

2014а; 2014б; 2015] на этапе группировки серебряных монет, отчеканенных в *Бакуйе*, авторами со знаком вопроса в этот раздел были добавлены два экземпляра под номерами №№ 199, 200. Общий стиль оформления монетного поля и наличие в легенде оборотной стороны отдельно стоящего слога *ку* между второй и третьей строкой, был трактован как часть наименования монетного двора *Баку*. Но непрочекан описываемых экземпляров, двойной удар на одном из них (№ 199), наличие надчеканов султана Шахруха, а так же отсутствие в доступных публикациях и нумизматической литературе описания этого типа монет заставило авторов с долей сомнения отнести к идентификации названия монетного двора. Это сомнение заставило обратиться к целенаправленному поиску и изучению этого типа монет.

Цель данного исследования – уточнение атрибуции двух экземпляров тимуридских серебряных танга, ранее опубликованных в каталоге монет Сайрамского клада, найденного в 2013 г. в ходе раскопок на территории Сайрамского района г. Шымкента. Поиск танга интересующего типа был таки обнаружен, что и позволило в точности установить выпускные сведения монет из клада.

Приведем описание-реконструкцию монетных легенд изучаемого экземпляра (рис. 1, А).

А. Махмуд хан и амир Тимур. Салмас. Танга. AR, В=5,67 г, Д=24,7–27,8 мм.

Л.с. В поле сложного картуша – калима и наименование монетного двора:

لا اله الا الله / محمد / ضرب سلماس / رسول الله

По четырем сторонам – имена четырех халифов (основанием к внешнему ободку):

[ابوبكر] / عمر / عثمان / علي

О.с. В центре поля сложного фигурного картуша – легенда:

ر تيمور ركان / [و] / خلد الله ملكه / سلطان [محمود خان] / امير

В нижнем секторе – виньетка («плетенка»).

В малых сегментах – композиция из трех точек.

В крупных сегментах – надпись: не читается.

Сравнение штемпельных оттисков фиксирует идентичность оборотных сторон опубликованных двух монет и описываемого экземпляра. Л.с. № 199 (рис. 1, 199) является одноштемпельной с Л.с. обнаруженной монеты (рис. 1, А). Именно на-

Рис. 1. А – Салмас, Махмуд хан и амир Тимур, танга; 199 и 200 – продукция монетного двора Салмас из каталога монет Сайрамского клада, отнесенная к чекану Бакуйи(?)

Fig. 1. A – Salmas, Mahmoud Khan and Amir Timur, Tanga; 199 and 200 – products of the Salmas mint from the Sairam treasure coin catalog, referred to the Bakuii mintage (?)

личие названия монетного двора на монете (рис. 1) и утрата его на экземпляре № 199 позволяет нам отнести эту серию к чекану монетного двора Салмас. Монета № 200 (рис. 1, 200) имеет другой штемпель Л.с., но ее связь через штемпель О.с. с монетой (рис. 1, А) и экземпляром № 199 (рис. 1, 199) так же указывает на выпуск в Салмасае.

Хочется отметить одно немало важное наблюдение относительно веса самих монет, которое требует дальнейшего более подробного изучения. Экземпляр № 199 весит 5,56 г, что очень близко к весу 5,67 г описываемого в данной статье. Вес монеты № 200 существенно выше и составляет 6,11 г. В разделе каталога Сайрамского клада, посвященного монетам Салмасае, приведены серебряные танга другого типа (№ 979 – В=5,53 г; № 980 – В=5,66 г; № 981 – В=5,79 г; № 982 – В=5,63 г), но вес всех четырех экземпляров тяготеет к норме

5,72 г (мискал и 4/3 данга мискала, т.е. танга без 1/12 части). Существование монеты с пониженным значением веса может свидетельствовать о факте одновременного существования нескольких весовых норм чеканки танга или о появлении как минимум еще одного номинала непосредственно на данном монетном дворе.

Исправление неточности первичного определения монет является важным аспектом планомерной работы нумизматов по систематизации и дальнейшей обработке монетного материала, чеканенного в эпоху амира Тимура и первых Тимуридов. Проведенный анализ и поиск информации по раннему монетному чекану амира Тимура позволяет сделать вывод об актуальности поднятой темы для дальнейшего изучения монетного дела и денежного обращения при амире Тимуре и Тимуридах в конце XIV – начале XV в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байтанаев Б.А., Брагин А.О., Петров П.Н.* Сайрамский клад тимуридских монет. Каталог: кн. 1. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014а. 812 с.
2. *Байтанаев Б.А., Брагин А.О., Петров П.Н.* Сайрамский клад тимуридских монет (предварительные итоги) // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. Междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014б. С. 406-412.
3. *Байтанаев Б.А., Брагин А.О., Петров П.Н.* Сайрамский клад тимуридских монет. Каталог: кн. 2: Надчеканы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 372 с.

Сведения об авторе:

Брагин Андрей Олегович – аспирант, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Санкт-Петербург, Россия); rasmir@mail.ru

САЙРАМ КӨМБЕСІНЕН 2013 ЖЫЛЫ ТАБЫЛҒАН ТИЫННЫҢ БІРІН ҚАЙТА АТРИБУЦИЯЛАУ

А.О. Брагин

Сайрам көмбесінен 2013 жылы табылған тимуридтар кезеңімен мерзімделетін күміс тиындардың баламаларын мақсатты түрде іздеу нәтижесінде көмбедегі тиындардың бір түрінің атрибуциясын нақтылауға мүмкіндік туындап отыр. Мақалада

ақша сарайының атауы сақталып қалған күміс теңге сипатталады, бұл өз кезегінде «Тимурид тиындарының Сайрам көмбесі» каталогындағы 199 және 200 нөмерлерімен берілген тиын түрлеріне ұқсас. Әуелде каталог авторлары бұл екі тиынды *Бақуя* ақша сарайына жатқызған болатын, бірақ та табылып отырған тиын үлгісі аталмыш атрибуцияны өзгертіп, теңгенің соғылған жері Салмас ақша сарайына жатқызуға мүмкіндік беріп отыр.

Түйін сөздер: археология, Сайрам көмбесі, нумизматика, XIV–XV ғғ., Тимуридтар, әмір Темір, каталог, тиын аңызы, ақша сарайы, теңге, күміс, атрибуцияны нақтылау

NEW ATTRIBUTION ONE OF THE COINS OF THE SAIRAM'S TREASURE 2013

A.O. Bragin

In the treasure of 2013 from Sairam there was one type of coins of Timur with the missing name of the mint. The authors attributed these coins products *Bakuya*. But one copy of this coin was found in a private collection in Russia. He retained the name of the mint – *Salmas*. The study of the Metrology of the coins in Timur's time in *Salmas* allowed us to assume the existence of minting coins of different value.

Keywords: archaeology, Sairam treasure, numismatics, XIV–XV centuries, Timurids, Amir Timur, catalogue, coin legends, mint, *Tanga*, silver, specification of attribution

REFERENCES

1. Baitanayev, B. A., Bragin, A. O., Petrov, P. N. 2014a. *Sairamskii klad timuridskikh monet. Katalog: kn. I. (Sairam treasure of Timurid coins. Catalog: book. 1)*. Almaty: Archaeology Institute after Margulan A.Kh. (in Russian).

2. Baitanayev, B. A., Bragin, A. O., Petrov, P. N. 2014b. In Baitanayev, B. A. (ed.) *Voskhozhdenie k vershinam arheologii (Climbing to the heights of archaeology)*. Almaty: Archaeology Institute after Margulan A.Kh., 406–412 (in Russian).

3. Baitanayev, B. A., Bragin, A. O., Petrov, P. N. 2015. *Sairamskii klad timuridskikh monet. Katalog: kn. II: Nadchekany (Sairam treasure of Timurid coins. Catalog: book. 2: Achievements)*. Almaty: Archaeology Institute after Margulan A.Kh. (in Russian).

About the Author:

Bragin Andrey O. Post-graduate student, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; rasmir@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.07.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 31.07.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 08.08.2018.

О БУЛГАРСКИХ ДИРХАМАХ XIII в. С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛЬВА И СОЛНЦА

© 2018 г. А.И. Бугарчёв

В статье рассматриваются болгарские монеты с изображением льва и солнца, чеканившиеся во второй половине XIII в. Приводятся сведения топографического и метрологического характера. Автор проводит аналогии с чеканкой монет в Золотой Орде в XIV в. и в Иране в XVI–XIX вв.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Булгар, дирхам, лев и солнце, денежное обращение

Булгарское денежное обращение XIII – начала XIV в. является уникальным явлением в средневековой мусульманской нумизматике. Такого большого разнообразия сюжетов, помещённых на серебряных монетах болгарских монетных дворов [далее – МД – прим. авт.], нет ни в одном средневековом регионе Востока. На местных дирхамах и их фракциях можно увидеть изображения животных, птиц и рыб, и даже человека, а также различных орнаментов и цветов.

Аналогичное явление наблюдалось несколько позднее, в медной чеканке позднесредневекового Ирана. Однако в Иране фулусы с изображениями чеканились на протяжении трёх с половиной веков – от XVI до середины XIX вв. и на огромной территории – от Кандагара на востоке до Багдада на западе [Бугарчёв, 2005, с. 71–72; Pool, 1887, 224, 61]. Количество монетных дворов в Иране превышало 50. Также можно при-

вести примеры из среднеазиатской нумизматики XIV–XV вв., времён существования династий Тимуридов и Шейбанидов [Давидович, 1983].

В Булгарском вилайате XIII–XIV вв. временные рамки чеканки монет с указанием монетного двора ограничиваются примерно 70-ю годами – со второй половины 1260-х до середины 1320-х гг. Территориально Волжско-Камский регион также не сопоставим с Персидской державой. Из местных монетных дворов по нумизматическим данным известны всего три монетных двора – Булгар, Биляр и Керман, причём в чеканке последнего известен только один тип* [*Под термином «тип» здесь принимаются два внешних параметра: композиционное оформление и содержание легенд на каждой из сторон монеты (см. по: [Петров, 2010, с. 126])] [Сингатуллина, 2003, № 215], в чеканке Биляра – четыре типа [Сингатуллина, 2003, №№ 216, 218, 219, 220]. Основная масса монет чекани-

лась на МД Булгар или без указания МД. Тем не менее, за указанные 70 лет в регионе было выпущено около 200 типов монет. Самым полным их каталогом на сегодняшний день является монография Альфиры Закиулловны Сингатуллиной [2003], в которой изданы нумизматические материалы из фондов четырёх крупнейших музеев РФ: Национального музея Татарстана, Государственного Эрмитажа, Государственного Исторического музея, Государственного музея изобразительных искусств.

За прошедшие после выхода в свет монографии годы в джучидской нумизматике были открыты новые типы, в том числе с изображениями змея-зиланта, двуглавой птицы, сидящей собаки и несколько анепиграфных типов. Наряду с уникальными типами, присущими только болгарской нумизматике XIII в., встречаются монеты с популярными сюжетами. Одним из таких сюжетов в средневековой исламской нумизматике является изображение льва и солнца. Мы можем видеть их на монетах различных мусульманских династий XIII–XIV вв.: у Ильханов, в нумизматике Сельджуков Рума и т.д.

В Золотоордынском государстве сюжет со львом и солнцем встречается в чеканке Сарая [Евстратов, Гумаюнов, 2005, с. 106, фототабл. 17, 41–42], время чеканки – 691–697 гг. х., Уека [Евстратов, Гумаюнов, 2005, с. 109, фототабл. 19, 60–62], время выпуска – 699–700 гг.х., а также на пулах Азака [Френ, 1832, Tab. XII, б], которые чеканились с 733/1332 г. Присутствует данный сюжет в двух вариантах и в болгарской нумизматике. В каталоге А.З. Сингатуллиной они приводятся под № 74–74А и №№109–110 [Сингатуллина, 2003, с. 89, с. 96]. В данной статье речь бу-

дет идти, в первую очередь, о дирхамах №№ 74–74А.

Приведём описание монеты.

Анонимная, без указания места и года чеканки.

Л.с. Ободок двойной точечный.

В поле монеты «двуногая» тамга Менгу-Тимура с правым положением перекладки, справа и слева от тамги - по орнаменту.

О.с. Ободок двойной точечный.

В центре поля - изображение шагающего влево зверя (льва) с опущенным хвостом. Над спиной животного полное солнце в виде человеческого лица. На некоторых экземплярах над хвостом помещена звёздочка (в дальнейшем этот вариант обозначается С/74А). Известен вариант со львом, шагающим направо, при этом хвост животного поднят (в дальнейшем – С/74).

Впервые данный тип был опубликован в статье А.З. Сингатуллиной при описании Альменевского клада [Сингатуллина, 1985, с. 83], где присутствовал 1 экз. При описании III Болгарского клада Г.А. Фёдоров-Давыдов описал 6 экземпляров с подобным изображением [Фёдоров-Давыдов, 1986, с. 61, № 24]. Наиболее полная информация, касающаяся монет С/74–74А, была приведена в монографии А. З. Сингатуллиной. Здесь указывались вес и места хранения 15 экземпляров, прорисовки и фотография. Прорисовки лицевой и оборотной сторон монеты были приведены в статье А.Г. Мухамадиева [Мухамадиев, 2007, с. 94]. В 2013 г. при издании Балымерского клада были выделены 9 экземпляров со львом и солнцем [Рева, Тростьянский, 2013, с. 9]. В базе данных ZENO помещены фотографии 5 монет, причём одна из них – Z/64397 – происходит из Балымерского клада.

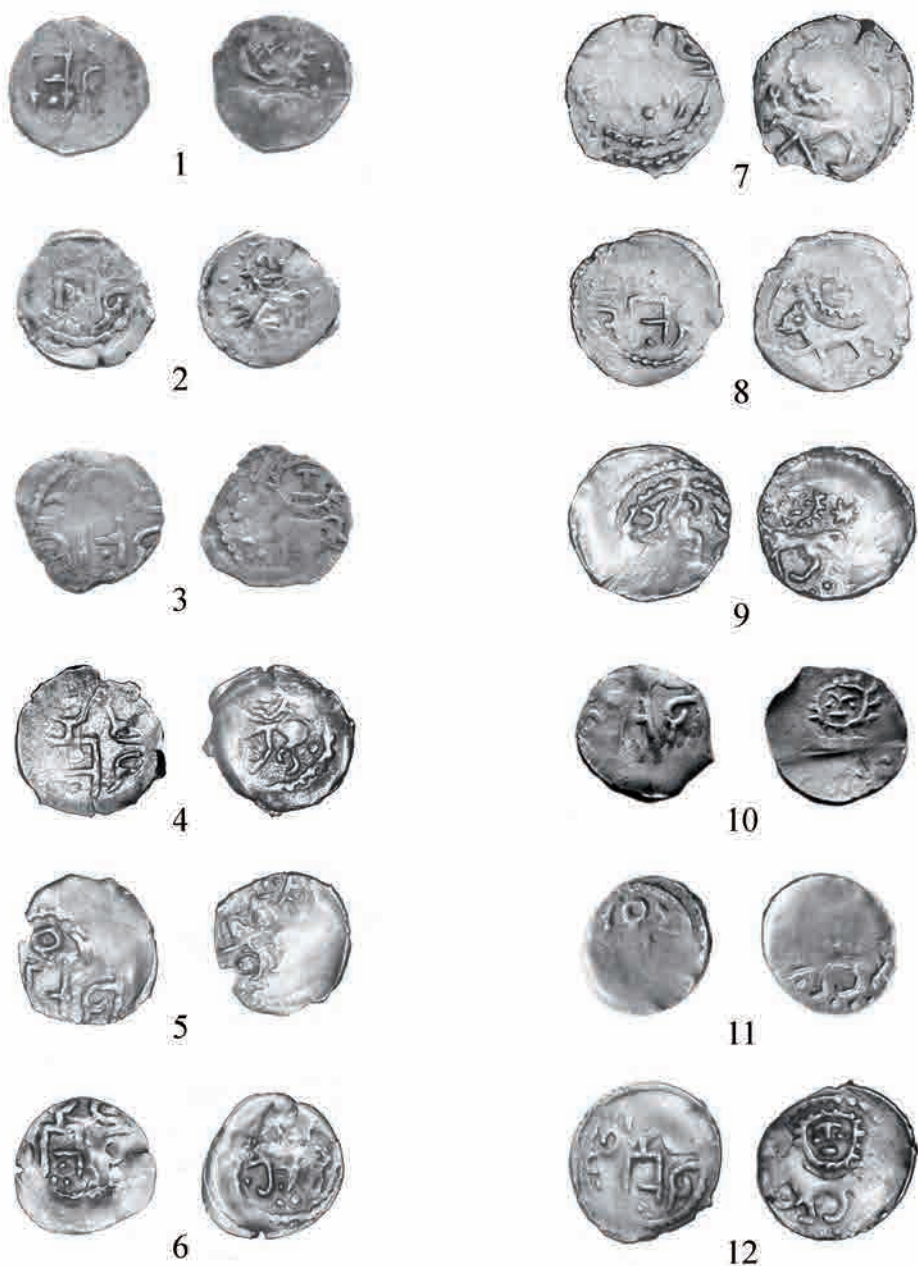

ТАБЛИЦА / TABLE

1 - 0,43 г; 2 - 0,51 г; 3 - 1,01 г; 4 - 0,49 г;
5 - 0,50; 6 - 0,51 г; 7 - 1,21 г; 8 - 1,29 г;
10 - 0,66 г; 11 - 0,66 г; 12 - 1,21 г.

По имеющемуся материалу можно рассмотреть данный тип по трём параметрам.

1. *Время чеканки.* Дата выпуска на монетах отсутствует, однако они встречаются в составе трёх кладов – Альменевском, III Болгарском и Балымерском (см. выше). По материалам кладов устанавливается время производства болгарских монет со львом и солнцем – это период 665–672/1267–1274 гг. [Бугарчев, Петров, 2018, с. 132].

2. *Место чеканки.* Монетный двор не указан. По мнению А.Г. Мухамадиева, данный тип чеканился в Казани [Мухамадиев, 2007, с. 91]. Однако доказательства этому утверждению не приводятся. Данные топографии находок единичных экземпляров указанного типа очень скудные – 1 монета весом 1,25 г найдена в Лаишевском районе Татарстана, другая, весом 0,50 г – в Спасском районе Татарстана. Клады, в составе

которых присутствовал болгарский тип «лев-солнце», были найдены в Балымерах (вблизи от Булгара), в с. Альменево (Чувашия) и в III Болгарском кладе [Бугарчев, Петров, 2018, с. 84–86, 93–95]. В целом можно сказать, что описанный выше тип монеты со львом и солнцем чеканился на территории бывшей Волжской Болгарии на неуказанном МД.

3. *Метрология.* Нами были собраны сведения о весовых параметрах 47 экземпляров С/74А, как кладовых, так и единичных. На основе этой информации построена гистограмма с шагом 0,03 г (рис. 1).

Мода_{max} 0,60±0,02 г (14,96% от всех приведённых в гистограмме монет).

Весь метрологический материал можно разложить на два блока: на диапазон веса 0,43–0,70 г приходится 31 дирхам, от 0,78 до 1,54 г – 15 дирхамов. Такой большой разброс значений веса (от 0,43 до 1,54 г) не по-

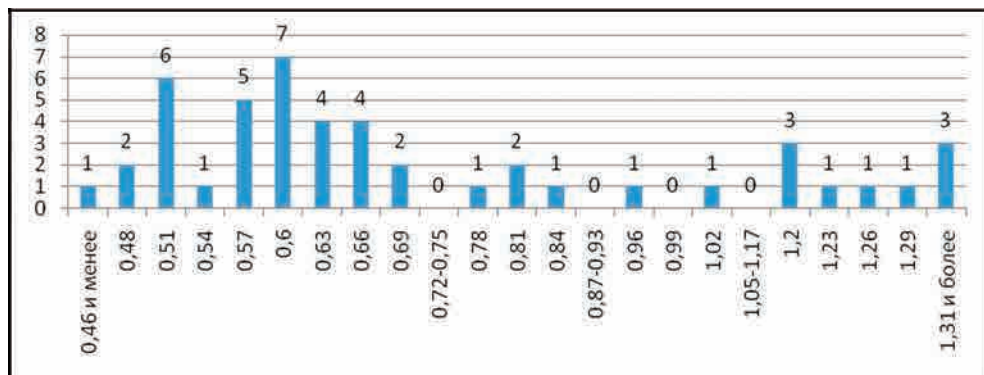

Рис. 1. Зависимость количества монет С/74 А от значения их веса. Учтено 47 экз. (каталог А.З. Сингатуллиной – 15 экз.; Балымерский клад – 9 экз.; фонды Болгарского музея-заповедника – 2 экз.; Зено – 4 экз.; Альбом, аукцион 9, № 338 – 1 экз.; архив автора – 16 экз.). Шаг 0,03 г

Fig. 1. Dependence of quantity of coins of C/74 A on value of their weight. 47 copies are considered (A.Z. Singatullina's catalog – 15 copies; The Balymer treasure – 9 copies; funds of the Bulgarian memorial museum – 2 copies; Zeno – 4 copies; Album, auction 9, No. 338 – 1 copy; archive of the author – 16 copies). Step of 0,03 g

зволяет говорить об одном номинале монет «Лев и солнце». Визуально монеты весом от 0,43 до 1,29 г не разделяются. Можно только отметить, что на дирхамах весом 1,44 и 1,53 г лев шагает направо [Сингатуллина, 2003, № 74]. Безусловно, чеканка указанных монет осуществлялась «эль-марко», то есть из определённого веса серебра выпускалось определённое количество монет без выравнивания веса каждого экземпляра.

Позднее сюжет со львом и солнцем несколько измененно повторяется на типе №№ 109–110 [Сингатуллина, 2003, с. 141]. Здесь на лицевой стороне помещена «трёхногая» тамга, которая датируется довольно узким промежутком времени 686–690/1287–1291 гг. [Рева, 2011, с. 65–67]. Вес 13 экз. находится в диапазоне 1,06–1,39 г, средний вес 11 экз. (без учёта крайних значений) – 1,30 г. В отличие от эмиссии 1267–1274 гг., данные монеты чеканились по указанному весу, близкому значению 1,30 г.

В следующем XIV веке в Золотой Орде в большом количестве выпускались пулы с изображением льва и солнца, но уже без тамги. В 733/1332–1333 г. в Азаке, а с 737/1336–1337 г. в течение нескольких лет на МД Сарай было отчеканено большое количество медных монет. Сейчас существует мнение, что в

1340-х гг. пулы со львом и солнцем и указанием МД Сарай выпускались и в Булгарском вилайате.

В XVI в. сюжет со львом и поднимающимся у него за спиной солнцем с человеческим лицом становится популярным в Сефевидском государстве. На протяжении трёх с лишним веков медные монеты с данным изображением чеканились на многих персидских МД: Абу-Шехр, Астрабад, Баку, Бендер-Аббас, Бехбехан, Хамадан, Гянджа, Демавенд, Ереван, Зенджан, Исфахан, Казвин, Кандагар, Кашан, Керман, Кум, Мазендеран, Мешхед, Нахичевань, Панахабад, Решт, Сари, Султанабад, Табаристан, Тебриз, Тегеран, Урум, Хой, Шемаха, Шираз и Ширван. Из простого перечисления мест производства фулусов со львом и солнцем видно, что данный сюжет был очень востребован в персидской медной чеканке.

В конце XIX века в сюжет добавилась одна деталь – лев «взял» в лапу саблю. Такое изображение стало гербом шахского Ирана, использовавшимся как на медных динарах, так и на серебряных риалах вплоть до революции 1979 г.

Таким образом, сюжет «лев и солнце», кроме раннезолотоордынского времени, использовался на монетах различных восточных государств более восьми веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бугарчёв А.И.* Медный чекан Кандагара XVI–XVIII веков под персидским владычеством // XIII Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2005. С. 71–72.
2. *Бугарчев А.И., Петров П.Н.* Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой четверти XIV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с., илл.
3. *Давидович Е.А.* История денежного обращения средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1983. 360 с.
4. *Евстратов И.В., Гумаюнов С.В.* Вес, размер и достоинство серебряных монет, чеканенных в Сарае и Укеке в XIII – начале XIV века // Труды Международных

нумизматических конференций. Саратов 2001, Муром 2003. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 103-129.

5. Мухамадиев А.Г. Монеты древней Казани // Средневековая археология евразийских степей: матер. Учредит. съезда Междунар. конгресса (г. Казань, 14–16 февраля 2007 г.). Казань: Институт истории АН РТ, 2007. Т. II. С. 90-95.

6. Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация: сб. статей. Казань: изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. Вып. 3. С. 121-149.

7. Рева Р.Ю. Улус Джучи в 686–690 гг.х. // XVI Всероссийская нумизматическая конференция. СПб.: изд-во ГосЭрмитажа, 2011. С. 65-67.

8. Рева Р.Ю., Тростьянский О.В. Балымерский клад джучидских монет XIII века // Нумизматика Золотой Орды. Казань, 2013. № 3. С. 8-15.

9. Сингатуллина А.З. Альменевский клад золотоордынских монет XIII века // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 3. М., 1985. С. 79-89.

10. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: «Заман», 2003. 192 с.

11. Степанов О.В., Бугарчëв А.И. Новые монеты Булгарского чекана // XVI Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2011. С. 62-65.

12. Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб., 1832. 80 с.: XVII табл. ил.

13. Pool R.S. Catalogue of coins of the Shahs of Persia in the British Museum. London, 1887.

14. AlbumSt. Auction 9, Dec. 11, 2010. 96 p.

15. Z / № - итернет база данных www.zeno.ru.

Сведения об авторе:

Бугарчëв Алексей Игоревич – лаборант, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); Abugar.61@rambler.ru

АРЫСТАН ПЕН КҮН БЕЙНЕЛЕНГЕН XIII ғ. БҮЛҒАР ДИРХАМДАРЫ ТУРАЛЫ

А.И. Бугарчев

Мақалада XIII ғ. екінші жартысында соғылған арыстан мен күн бейнеленген булғар ақшалары қарастырылады. Топографиялық және метрологиялық сипаттағы мәліметтер келтіріледі. Автор XIV ғасырдағы Алтын Ордада және XVI-XIX ғасырларда Иранда соғылған ақшалардың ұқсастықтарын келтіреді.

Түйін сөздер: археология, Алтын Орда, Булғар, XIII ғ., дирхам, арыстан, күн, ақша айналымы

ABOUT BULGAR DIRHAMS OF THE 13th cent. IMAGE OF THE LION AND SUN

A.I. Bugarchev

In article the Bulgar coins with the image of a lion and the sun minted in the second half of the 13th century are considered. Data of topographical and metrological character are provided. The author draws analogies to stamping of coins in the Golden Horde in the 14th century and in Iran the 16–19th centuries.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Bulgar, 13th century, dirham, lion and sun, monetary circulation

REFERENCES

1. Bugarchev, A. I. 2005. In *XIII Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya (All-Russian numismatical conference)*. Moscow, 71-72 (in Russian).

2. Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2018. *Monetnye klady Bulgarskogo vilayata XIII – pervoy trety XIV vv. (Coin Hoards of 13th – the first Third of 14th centuries from Wilayat Bulghar)*. Kazan (in Russian).
3. Davidovich, E. A. 1983. *Istoriya denezhnogo obrascheniya srednevekovoy Sredney Asii (History of monetary circulation of medieval Central Asia)*. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
4. Evstratov, I. V., Gumayunov, S. V. 2005. In *Trudy Mezhdunarodnyh numizmaticheskikh konferencij (Proceedings of the International Numismatic Conferences)*. Saratov 2001, Murom 2003. Moscow, 103-129 (in Russian).
5. Mukhamadiev, A. G. 2007. In *Srednevekovaya arheologiya evraziyskikh stepey (Medieval archaeology of the Eurasian steppes)*, II. Kazan: Institute of Archaeology Academy of Sciences RT Publ., 90-95 (in Russian).
6. Petrov, P. N. 2010. In *Zolotoordinskaya zivilizaciya (Golden Horde Civilization)*, 3. Kazan: “Fan” Publ., 121-149 (in Russian).
7. Reva, R. U. 2011. In *XVI Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya (XVI All-Russian numismatic conference)*. St. Petersburg, Hermitage Publ., 65-67 (in Russian).
8. Reva, R. U., Trostyanskiy O. V. 2013. In *Numizmatika Zolotoy Ordy (Golden Horde Numismatic)*, 3, 8-15 (in Russian).
9. Singatullina, A. S. 1985. In *Vestnik MGU (Bulletin of Moscow State University)*, 3, 79-89 (in Russian).
10. Singatullina, A. S. 2003. *Juchidskie moneti povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid coins of the Volga region towns in XIIIth cent.)*. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).
11. Stepanov, O.V., Bugarchev, A. I. 2011. In *XVI Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya (XVI All-Russian numismatic conference)*. St. Petersburg, Hermitage Publ., 62-65 (in Russian).
12. Fren, K. M. 1832. *Monety hanov Ulusa Juchieva ili Zolotoy Ordy s monetami raznyh inyh muhamedanskikh dinastiy v pribavlenii (The coins of the khans of Ulus Jochi, or the Golden Horde, with the coins of other Muslim dynasties in the Supplement)*. St. Petersburg (in Russian).
13. Pool, R. S. 1887. *Catalogue of coins of the Shahs of Persia in the British Museum*. London.
14. AlbumSt. Auction 9, Dec. 11, 2010. 96 p.
15. Z / № - www.zeno.ru .

About the Author:

Bugarchev Alexey I. Institute of Archeology named after A.Kh. Khalikov, Kazan, Russia; Abugar.61@rambler.ru

Мүдделер кақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер кақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 07.06.2018.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 14.06.2018.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 21.06.2018.

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ–2018

© 2018 г. А.Б. Уразова, Г.А. Ахатов, А.А. Бисембаев,
Т.Б. Мамиров, Н.Т. Бидагулов

Работа Международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения–2018. Духовная модернизация и археологическое наследие» проходила в стенах Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова 19–20 апреля 2018 г. Организаторы конференции: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Актюбинский областной историко-краеведческий музей, Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, Оренбургский государственный педагогический университет и Международный институт Центральноазиатских исследований ЮНЕСКО.

Ключевые слова: археология, конференция, международное участие, актуальные проблемы, современное состояние казахстанской археологии

Результатом многолетнего сотрудничества и достигнутых договоренностей стало проведение 19–20 апреля 2018 года в Актюбинском региональном государственном университете им. К. Жубанова Международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения–2018. Духовная модернизация и археологическое наследие». Это традиционная научно-практическая конференция Института археологии им. А.Х. Маргулана, где озвучиваются результаты полевых и лабораторно-аналитических исследований за прошедший год. По объективным причинам регулярность проведения данного мероприятия в последние годы была нарушена, несмотря на то, что потребность в такой конференции ощущается все острее.

Работа конференция проходила в рамках мероприятий по Государственной программе «Рухани жаңғыру

(Духовная модернизация)», «Сакральная география Казахстана», а также была посвящена 20-летию столицы Казахстана – Астане. Организаторы конференции: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Актюбинский областной историко-краеведческий музей, Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, Оренбургский государственный педагогический университет и Международный институт Центральноазиатских исследований ЮНЕСКО.

В конференции приняло участие 50 исследователей из 15 городов, в том числе из шести городов Казахстана – Астаны, Алматы, Караганды, Костаная, Уральска, Шымкента, девяти городов ближнего зарубежья – Еревана, Казани, Москвы, Оренбурга, Самарканда, Самары, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Уфы и Челябинска.

На пленарном заседании было заслушано семь докладов, посвященных проблемам современной археологии, ее состоянию и перспективам развития. Пленарное заседание с приветственным словом открыл заместитель акима Актюбинской области Е.Ж. Нургалиев. Далее выступил проректор Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова, доктор исторических наук, профессор Р.А. Бекназаров, представивший обзор проводимых археологических исследований в регионе, актуальных, насущных вопросов древней и средневековой истории. Доклад дочери академика А.Х. Маргулана, основателя казахстанской археологии, Д.А. Маргулан был посвящен воспоминаниям об отце.

Директор Института археологии им. А.Х. Маргулана, академик НАН РК Б.А. Байтанаев (г. Алматы) выступил с докладом о значимости статьи главы государства Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», о проекте «Духовные святыни Казахстана» или, как говорят ученые, «Сакральная география Казахстана». Руководитель ведущего научного учреждения Республики в области археологии акцентировал свое внимание на сакральных объектах нашей страны, которые имеют тысячелетнюю историю и глубочайшие истоки. Они многообразны и различаются по содержанию и своим типологическим характеристикам. Современное состояние сакральных объектов неоднородно в разных регионах страны. В связи с этим, важной задачей является составление единого реестра, в котором сакральные объекты будут распределены в соответствии с историко-культурными ареалами.

С.Г. Бочаров, кандидат исторических наук, представитель Института археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, выступил с докладом, отражающим результаты исследований последних лет на городище Болгар, а также достижения археологов Татарстана на современном этапе развития науки.

С докладом «Великий Шелковый путь: инновации в археологии» выступил директор Международного Института Центральноазиатских исследований, кандидат исторических наук Д.А. Воякин. Казахские специалисты совместно с коллегами из Китая и Кыргызстана совершили своеобразный прорыв: к уже имеющимся в Списке всемирного культурного наследия ЮНЕСКО добавились еще 33 объекта – компонента серийной транснациональной номинации «Шелковый путь: сеть маршрутов Чанъань-Тянь-Шанского коридора». На сегодняшний день параллельно с работой по подготовке номинационных досье новых коридоров Шелкового пути на первый план выходят исследования прикладного характера, включающие такие направления деятельности, как: ребрендинг посредством изучения и использования объектов наследия; создание виртуальной и дополненной реальности; сохранение и использование археологических объектов на базе разработки концепций археологических парков, в основе которых лежит не принцип статичности, а принцип изменчивости; реституция – возвращение историко-культурных ценностей с использованием новейших информационных технологий; широкий доступ к архивным материалам посредством веб-технологий.

Доклад доктора исторических наук Ж.К. Таймагамбетова был по-

священ результатам международных археологических экспедиций Национального музея РК по исследованию палеолита Казахстана за 2015–2017 гг. Совместно с Институтом археологии и этнографии СО РАН продолжают исследования стратифицированной позднепалеолитической стоянки Ушбулак, материалы которой позволяют представить начальные этапы позднего палеолита Восточного Казахстана и Сибири. Совместные исследования с Тюбингенским университетом (Германия) и Национальным исследовательским Институтом культурного наследия Нара (Япония) нацелены на поиск новых стратифицированных палеолитических памятников. В результате данного направления работ были открыты памятники в Восточном и Южном Казахстане.

Доцент кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, директор НИИ археологии им. К.А. Акишева М.К. Хабдулина (г. Астана) посвятила свой доклад результатам изучения средневекового городища Бозок, расположенного в черте столицы Казахстана. Это первый поселенческий объект степной зоны Казахстана, на котором проводятся масштабные раскопки. В докладе прозвучало описание особенностей топографии и планиграфии городища и то, что семантика планиграфии определяет функциональное назначение памятника – как элитной ставки, культового центра древнетюркской эпохи. Открытие и исследование городища Бозок подтверждает глубокие исторические корни г. Астаны.

Представитель Армении, кандидат филологических наук Торк Далаляна попытался по новому осмыслить известные сообщения античных авторов, касающиеся скифских племен на территории Казахстана.

Доклад директора НИИ «Археология и степные цивилизации» КазНУ им. аль-Фараби, доктора исторических наук, профессора В.Ф. Зайберта (г. Алматы) был посвящен феномену энеолитической ботайской культуры Северного Казахстана, где важным аспектом является специфическая экономическая направленность, связанная с развитием коневодства.

Заключительным докладом пленарного заседания стало выступление научного сотрудника Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН А.И. Нечвалоды, посвященное изучению древнего и средневекового населения Казахстана по данным антропологической реконструкции лица по черепу. Всего на заседании было заслушано 11 докладов и приветствий.

Торжественность пленарному заседанию придало чествование археологов-юбиляров, получивших заслуженное признание среди ученых Казахстана и стран ближнего и дальнего зарубежья, как профессионалов своего дела, внесших огромный вклад в изучение истории и культуры народов Центральной Азии – Ж. Курманкулова и А.С. Ермолаевой.

В дальнейшем работа конференции продолжилась заседанием первого круглого стола на тему: «Сакральная география Великого Шелкового пути». Работа секций велась параллельно.

В рамках работы первой секции, в которую были включены две подсекции: «Изучение археологических культур эпохи камня и палеометаллов» и «Археологические исследования памятников кочевой цивилизации» были представлены доклады, освещающие проблемы каменного, бронзового, раннего железного веков и периода средневековья.

В докладе В.И. Ташака (г. Улан-Удэ) был представлен анализ древних святилищ Западного Забайкалья. Исходя из таких признаков, как способы организации пространства культового объекта, а также степени изменения природного элемента при его использовании в ритуально-культовых целях, разработана типология этих памятников. Отмечено, что по таким параметрам в Забайкалье выделены ландшафтные и ландшафтно-рукотворные типы святилищ. Последние разделены на круговые, секторные и линейные по форме организации пространства объекта.

В докладе археолога из Института археологии им. А.Х. Маргулана А.А. Горячева отражены результаты изучения Тургенского культурно-ландшафтного комплекса, действовавшего, по заключению специалиста, в бронзовом и раннем железном веках. Такие выводы стали возможными благодаря планомерным многолетним исследованиям группы под руководством А.А. Горячева в Илейском Алатау.

В докладе ведущего научного сотрудника Института археологии им. А.Х. Маргулана А.С. Ермолаевой отражены основные результаты исследования металлопроизводства на поселении Талдысай в эпоху бронзы. На территории Жезказган-Улытауского горно-металлургического центра (ГМЦ) с начала 1990-х гг. исследуется поселение Талдысай, основанное населением, специализирующимся в медеплавильном и меднолитейном производствах. В медеплавильном производстве у металлургов Сарыарки в горно-металлургических центрах Северо-Бетпакалинского и Жезказган-Улытауского регионов в эпоху бронзы использовались два типа теплотехнических сооружений: наземные и шахтные, в отличие от южноу-

ральской металлургии этого периода. В теплотехнических сооружениях шахтного типа, углубленных в землю на 2 и более метров, с длинными горизонтальными дымоходами и воздуховодами в стенках ям, происходил передел сульфидной медной руды. Талдысайские теплотехнические сооружения наземного типа имеют сходство с конструкциями печей в разных регионах Евразии: на укрепленных поселениях синташтинской культуры на Южном Урале (Россия), на поселении срубной общности Червонэ озеро 3 Картамышского археологического микрорайона Донецкого горно-металлургического центра (Восточная Украина). В Талдысайском металлургическом очаге был представлен полный цикл металлопроизводства, включающий в себя выплавку меди из руд и металлообработку, состоящую из различных литейных и кузнечных операций, а также приготовление тиглей, льячек, литейных форм, каменных орудий для обработки металла.

Специалистом по изучению технологии ювелирных украшений раннего железного века О.В. Аникеевой (г. Москва) были рассмотрены пять предметов, найденных в захоронении знатной женщины в кургане 1 могильника Филипповка 1. Отмечено, что все украшения были изготовлены в ремесленном центре ахеменидского Ирана одновременно или в весьма узкий период. Комплекс датируется IV в. до н.э., но все признаки свидетельствуют о длительности бытования этих предметов в кочевнической среде, поэтому дата их изготовления может лежать в пределах V в. до н.э.

Типология и проблема культурно-хронологической интерпретации курганов с «усами» была представлена в докладе И.В. Грудочко (г. Челябинск), где рассматривалось несколько кон-

цепций, которые отражают различные позиции авторов по этим вопросам: М.К. Кадырбаева, А.З. Бейсенова, С.Г. Боталова. Была предложена схема, которая описывает центральное сооружение комплекса в зависимости от расположения насыпей и использования курганов более древних эпох.

Деятельность Бориса Николаевича Гракова в 1930-е годы в Западном Казахстане и Восточном Оренбуржье была рассмотрена в докладе А.А. Евгеньева (г. Оренбург). Исследователь осветил значение рекогносцировочных работ 1930 г. для составления археологической карты Казахстана. Выявлены основные направления и проблемы возглавляемой Б.Н. Граковым Южно-Уральской новостроечной экспедиции 1933 г. Определено место проведенных Б.Н. Граковым исследований в разработке проблем позднего бронзового века, а также эпох раннего железа и средневековья.

В докладе А.А. Ковалева (г. Санкт-Петербург) приведены данные о находках оленных камней, захороненных в вертикальном положении в подкурганых могилах Синьцзяна. По мнению автора, обнаружение этих захоронений подкрепляет его гипотезу, высказанную в 2000 году о синьцзянском происхождении оленных камней западного региона, поскольку таким же образом была захоронена и Усть-Лабинская стела на Северном Кавказе.

Доклад А.Д. Таирова (г. Челябинск) был посвящен рассмотрению вопросов происхождения, хронологии и развития зеркал с валиком по краю диска раннесарматского времени, автором было высказано предположение о пути распространения зеркал-погремушек на Южный Урал.

Доклад Е.А. Купцова (г. Оренбург) был посвящен горитам и колча-

нам ранних кочевников Южного Урала с наборным и плетеным корпусом. На основании материалов погребений и случайных находок V–IV вв. до н.э. рассматривались особенности конструкции данной категории снаряжения конных лучников.

Доклад костанайских археологов А.В. Логвина и И.В. Шевниной посвящен геометрическим ритуальным комплексам («геоглифы») Тургай, приведено описание объектов и рассмотрены методы их исследования. Упомянуто, что всего за период 2007–2017 гг. при изучении космоснимков обнаружено 88 «геоглифа», из которых зафиксирован в соответствии с методикой полевых исследований 61 объект. Памятники сооружены из: курганообразных насыпей (69) и валов (2). Обзор аналогий, данные OSL и AMS анализов дают возможность предварительно отнести тургайские «геоглифы» к разряду ритуально-сакральных объектов, бытовавших в промежуток времени между эпохой финальной бронзы и первыми веками нашей эры.

В докладе Я.А. Лукпановой (г. Уральск) «Элитарные погребения курганного комплекса Таксай» дается полное описание памятника, выявленного в 2012 г. Отмечается, что памятник состоит из пяти групп. С момента открытия отрядом Западно-Казахстанского центра истории и археологии под руководством Я.А. Лукпановой в период до 2017 г. были исследованы три комплекса – Таксай-1–3. Здесь были выявлены разновременные захоронения раннего железного века, относящиеся к представителям элиты древнего общества. По анализу конструктивных особенностей курганов, обряда, инвентаря, высказано предположение о том, что могильник принадлежал родственным племенам, оставившим свои захоронения в Казахском Приуралье.

Работа второй секции, включавшей в себя три подсекции: «Археологическое изучение древней и средневековой урбанизации», «Этноархеологические исследования древних и традиционных обществ» и «Антропология, древнее искусство и архитектура, новые подходы и инновационные методы в археологии» началась с доклада М.Д. Калменова (г. Уральск) об археологических работах полевого сезона 2014 г. на средневековом городище Жайык. Этот объект является одним из наиболее значимых в регионе. Исследования проводились путем привязки нового раскопа к выявленным конструкциям раскопов предыдущего сезона на самом городище. Были вскрыты гражданские постройки и гончарная печь, датируемые по выявленным археологическим материалам XIII–XIV вв.

Доклад Е.А. Смагулова (г. Алматы) и А.А. Ержигитовой (г. Шымкент), в течение многих лет изучающих Древний Туркестан, посвящен обзору итогов исследования Культобе за последние годы. Определено время строительства и первоначальных строительных периодов цитадели (первые века н.э. – IV в. н.э.).

Далее были заслушаны доклады А.А. Нуржанова (г. Алматы) касательно средневековых городов, Ж. Курманкулова и Ж. Утубаева (г. Алматы) об археологических исследованиях на поселении Бабиш-Мулла 7, проводившихся в период 2015–2017 гг. В сообщении П. Харламова (г. Оренбург) прозвучали новые данные, полученные в результате анализа защитного вооружения населения Волго-Уралья IX–XIV вв. В выступлении Е. Нечвалоды (г. Уфа) продемонстрирован анализ композиции на ритуальном серебряном кубке из ГонурДепе. В сообщении Г.С. Джумабековой (г. Ал-

маты) нашли отражение результаты исследования воинского снаряжения и костюма сакского времени в целом, отразившиеся в предметах мелкой пластики Казахстана и востока Евразии. Доклад палеоантрополога Е. Китова (Алматы–Москва) был посвящен анализу искусственных повреждений, зафиксированных на скелетах, датируемых ранним железным веком и происходящих из могильников, исследованных в Восточном Казахстане.

Второй день конференции начался с заседания второго круглого стола, где проходило бурное обсуждение новой редакции проекта Закона Республики Казахстан «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия», подготовленного Министерством культуры и спорта Республики Казахстан. В расширенном заседании приняли участие археологи со всех регионов страны, международные эксперты, а также сотрудники Министерства культуры и спорта Республики Казахстан. Работа секционных заседаний была продолжена после круглого стола.

В первой секции было заслушено 10 докладов, во второй – четыре. Результаты десятилетней работы казахстанско-американской экспедиции на поселениях бронзового века в Восточном Жетысу представлены ассистентом профессора Назарбаев Университета Паулой Д. Дюпной (Doumani Diuou, P.) (г. Астана). Краткая история изучения дает новые сведения о раскопках на поселениях Бигаши, Тасбас и Дали.

В докладе заведующего кафедрой археологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева У.У. Умиткалиева (г. Астана) были представлены результаты, полученные при изучении памятников эпохи бронзы и сакского времени на

Участники Международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения–2018»

Participants of the International Scientific and Practical Conference “Margulan readings–2018”

могильнике «Кырыкунгир», расположенном в Абайском районе Восточно-Казахстанской области. Исследования проводились в рамках археологической практики студентов в период 2014–2017 гг.

По окончании докладов участники конференции перешли к обсуждению результатов конференции, принятию резолюции и обращения участников круглого стола по обсуждению проекта Закона Республики Казахстан «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия».

В рамках Международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения–2018» были заключены меморандумы о сотрудничестве между Институтом археологии им. А.Х. Маргулана и Международным Институтом Центральноазиатских исследований, между Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан и Международным Институтом Центральноазиатских исследований.

Сведения об авторах:

Уразова Асель Бейбутовна – старший научный сотрудник, Актюбинский областной историко-краеведческий музей (г. Актюбе, Казахстан); urazova-asel@mail.ru

Ахатов Газиз Аманжолович – старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК (г. Алматы, Казахстан); g_akhatov@mail.ru

Бисембаев Арман Ауганович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК (г. Алматы, Казахстан); abissembaev@mail.ru

Мамиров Талгат Базарбаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК (г. Алматы, Казахстан); tmamirov@mail.ru

Бидагулов Нурбол Торгаевич – старший научный сотрудник, Актюбинский областной историко-краеведческий музей (г. Актобе, Казахстан); bidagulov82@mail.ru

МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ–2018

**Ә.Б. Уразова, Г.А. Ахатов, А.А. Бисембаев,
Т.Б. Мамиров, Н.Т. Бидагулов**

2018 жылы 19-20 сәуір аралығында Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік мемлекеттік университетінде «Рухани жаңғыру және археологиялық мұра. Марғұлан оқулары – 2018» атты халықаралық ғылыми-практикалық конференция өтті. Конференция ұйымдастырушылары: А.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі, Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік мемлекеттік университеті, Орынбор мемлекеттік педагогикалық университеті, ЮНЕСКО халықаралық ортаазиялық зерттеулер институты.

Түйін сөздер: археология, конференция, халықаралық қатысу, өзекті мәселелер, қазақстандық археологияның қазіргі кездегі жағдайы

MARGULAN READINGS–2018

**A.B. Urazova, G.A. Akhatov, A.A. Bisembaev,
T.B. Mamirov, N.T. Bidagulov**

On April 19–20, 2018 in Aktobe Regional State University named of K. Jubanov there took place the International scientific and practical conference “Margulan readings–2018. Spiritual modernization and archaeological heritage”. Organizers of conference: the Institute of Archaeology after A.Kh. Margulan, Aktobe Regional Local History Museum, the Aktobe Regional State University named of K. Jubanov, the Orenburg State Pedagogical University and the International institute of Central Asian researches of UNESCO.

Keywords: archaeology, conference, international participation, actual problems, current state of the Kazakhstan archaeology

About the Authors:

Urazova Assel B. Aktobe Regional Historical Local History Museum, Aktobe, Kazakhstan; urazova-asel@mail.ru

Akhatov Gaziz A. A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; g_akhatov@mail.ru

Bissembaev Arman A. Candidate of Historical Sciences. A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; abissembaev@mail.ru

Mamirov Talgat B. Candidate of Historical Sciences. A.Kh. Margulan Archeology Institute, Astana, Kazakhstan; abissembaev@mail.ru

Bidagulov Nurbol T. Aktobe Regional Historical Local History Museum, Aktobe, Kazakhstan; bidagulov82@mail.ru

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

© 2018 г. А.А. Горячев

В статье освещены основные жизненные и творческие вехи известного археолога – Алексея Николаевича Марьяшева, покинувшего этот мир в марте 2018 г. Несмотря на возраст и тяжелую болезнь, А.Н. Марьяшев продолжал выезжать в экспедиции, совершать восхождения, делать новые открытия в изучении наскального искусства.

Ключевые слова: археология, А.Н. Марьяшев, петроглифы, восхождения, экспедиции, ученики, горы, альпинизм

12 марта 2018 года казахстанская наука и спорт понесли невосполнимую потерю – ушел из жизни Алексей Николаевич Марьяшев – один из первых альпинистов Казахстана, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана. Несмотря на тяжелую болезнь и солидный возраст, он не собирался на покой. За полгода до смерти он совершил свое последнее открытие – обнаружил группу петроглифов в Хантау; за три недели до этой даты – в возрасте 84 лет совершил свое последнее восхождение; за три дня – подробно обсудил планы исследований по Хантаускому проекту и наметил экспедиции, в которых примет непосредственное участие. Но его внезапно не стало...

Алексей Николаевич Марьяшев родился 4 декабря 1933 года в г. Алма-Ате. Его воспоминания о детстве, прошедшем в трудные послевоенные годы, были наполнены юмором сквозь дымку легкой грусти. Голодное послевоенное детство, работа матери

врачом в местах заключения для выживания за бесплатный паек семье; юность, полная романтики покорения горных вершин Заилийского Алатау, многие из которых в 1951–1953 гг. взяты впервые вместе с друзьями (Кайрактас, Карнизная, Восходитель, Кошка, Дальний, Октябрь, Жастар, Узловая, Первомайский), на другие проложены новые маршруты. Все это найдет отражение в его рассказах и воспоминаниях. Как и то, что позже председатель федерации альпинизма М.Э. Грудзинский по сведениям, сообщенным Алексеем Николаевичем, составил схему вершин Каргалинки и Аксяя, а в 1961 г. после полета Ю. Гагарина поручил назвать его именем новую вершину. А.Н. Марьяшев с другом С. Кудериным предложили назвать именем Гагарина вновь покоренный ими один из пиков центральной части Каргалинской подковы, и с тех пор он носит имя первого космонавта. Любовь к горам Алексей Николаевич пронес через всю свою жизнь, побывав в различных уголках Зем-

*Марьяшев Алексей Николаевич
(1933–2018)*

*Alexey N. Maryashev
(1933–2018)*

ного шара. В память о легендарном альпинисте один из пиков (4000 м) в Карагалинском хребте, между вершинами Октябрь и Каргалинский, назван именем А.Н. Марьяшева.

В 1957 году А.Н. Марьяшев окончил историко-филологический факультет Казахского государственного педагогического института [ныне – Казахский национальный педагогический университет имени Абая – прим. авт.]. В 1957–1971 гг. Алексей Николаевич преподавал историю, русский язык и литературу, первый учебный год в школе села Кугалы Талды-Курганской [ныне Алматинской – прим. авт.] области, затем – в школах Алма-Аты. Беспокойное творческое начало, однако, взяло верх и с 1961 г. А.Н. Марьяшев стал совмещать учительский труд с работой тренера по альпинизму в вузах и спортивных клубах, а в 1971 г. окончательно расстался со школой и ограничился тренерской работой в спортивном клубе Алма-Атинского домостроительного комбината.

Благодаря альпинизму, произошла встреча Алексея Николаевича с наскальными рисунками. Интерес к ним, годы учения и становления привели в археологию. Обнаруживая многочисленные петроглифы в разных местах Тянь-Шаня и Семиречья, он все более интересовался памятниками наскального искусства, а с 1968 г. всерьез занялся их фиксацией и изучением. В 1970 г. в журнале «Природа» вышла его первая публикация «Петроглифы Иссык-Куля», а в 1971 г. в «Вестнике Академии наук КазССР» – статья «Древние наскальные рисунки Чулакских гор».

В 1970-е гг. в составе археологической экспедиции под руководством Мира Касымовича Кадырбаева А.Н. Марьяшев начинает свою научную карьеру с изучения памятников древнего наскального искусства хребта Каратау. Результатом явилась совместная научная работа, в которой были предложены методы и систематика датировки наскальных рисунков древнего Казахстана, получившая признание в отечественной науке.

В эти же годы в составе археологической экспедиции Института «Казпроектреставрация» А.Н. Марьяшев руководит раскопками цитадели городища Туркестан, ныне реконструированной и входящей в комплекс музейного комплекса мавзолея Ходжа Ахмета Ясави. В 1975–1978 гг. проводит обследование, систематизацию и учет древних петроглифов урочища Тамгалы. В серии научных статей, а позднее и в монографической работе вместе с А.Г. Максимовой и А.С. Ермолаевой, доказывает высокую научную и культурную значимость памятника.

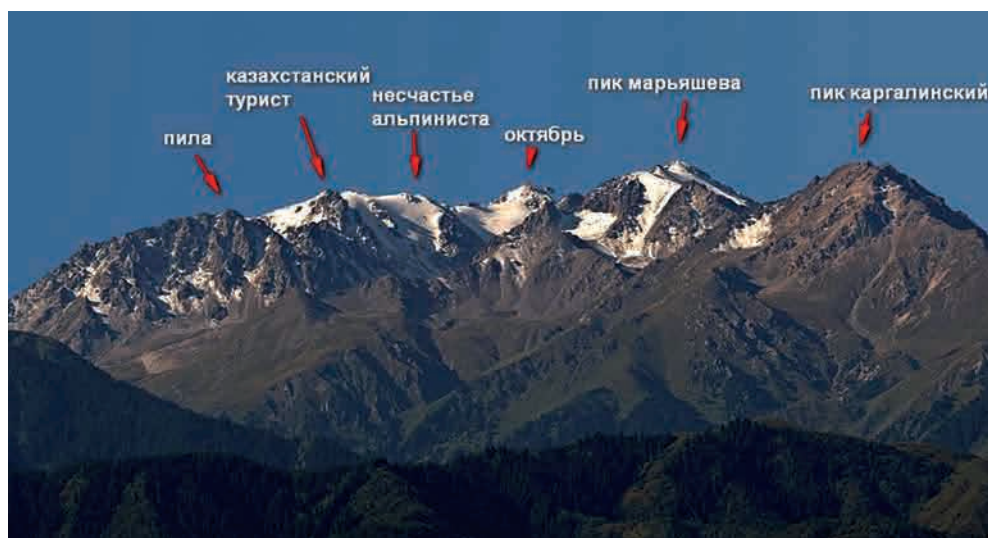
Тогда же в Новосибирске состоялась успешная защита А.Н. Марья-

яшевым кандидатской диссертации по теме: «Наскальные изображения Южного Казахстана». Выдающимся достижением в отечественной археологии является открытие А.Н. Марьяшевым в 1981 г. археологического комплекса памятников долины реки Коксу в районе хребта Ешкиолмес. Наиболее значительным материалом археологического комплекса Ешкиолмес являются петроглифы. Это самое крупное скопление петроглифов в Казахстане (свыше 15 тыс.), которое представляет яркое и самобытное искусство местного населения от эпохи бронзы до средневековья. Его изучение позволило А.Н. Марьяшеву разработать основные принципы периодизации и хронологии наскальных изображений Южного Казахстана и Семиречья, ввести петроглифы в качестве источника знаний по истории и культуре древних племён Казахстана. В 1995 году в Сибирском отделении РАН он защитил докторскую диссертацию «Наскальные изображения Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья. Вопросы хронологии, ин-

терпретации и эволюции наскального искусства». Изучению петроглифов Казахстана и Средней Азии Алексей Николаевич посвятил все 40 лет своей научной жизни.

С 1981 по 1991 гг. Алексей Николаевич Марьяшев преподавал древнюю историю и археологию в Казахском педагогическом институте им. Абая. Перейдя на работу в Институт археологии им. А.Х. Маргулана, он продолжает читать лекции в различных вузах. А затем длительное время (1990–2000 гг.) преподает и ведет практические семинары по краеведению и туризму в университете «Туран», за которые он удостоивается профессорского звания.

Через его руки прошли десятки молодых талантливых ребят, которые после встречи с ним избрали историческую науку и археологию своей профессией. Многие начинающие специалисты, даже не учившиеся у А.Н. Марьяшева, считают его своим наставником. Большинство своих публикаций он писал в соавторстве с ними, щедро делясь опытом. Алек-

*Пик Марьяшева
Maryashev peak*

сей Николаевич стремился сразу после полевого сезона опубликовывать материалы, привлекая и обучая молодежь видеть и понимать результаты исследований.

В 1980–1990-е гг. помимо работ над проблемами петроглифования Центральной Азии (исследования памятников наскального искусства хребтов Каратау и Тарбагатай, региона Семиречья и Восточного Казахстана, Центрально- и Северо-Тянь-Шаньских гор), А.Н. Марьяшев активно занимался изучением памятников эпохи бронзы Семиречья. Под его руководством были открыты первые древние поселения региона (Талапты и Куйган), исследованы погребально-поминальные традиции андроновских племен Семиречья. Одним из главных открытий А.Н. Марьяшева является выделение своеобразных погребальных памятников эпохи бронзы кульсайского типа в высокогорной зоне Заилийского и Кунгей Алатау.

В 1990–2000-е годы А.Н. Марьяшев руководил исследованиями целой серии международных экспедиций, в том числе и по проекту INTAS (1999–2001). В результате этих работ впервые были проведены социально-экономические реконструкции развития древних племен эпохи бронзы Семиречья в отдельных микрорегионах (Тургень-Асы, Серектас, Баянжурек). Результаты научных изысканий по проекту позволили поднять изучение древних культур эпохи бронзы южных регионов Казахстана на новый международный уровень решения исследовательских задач.

Среди отечественных научных программ наиболее масштабными были исследования по программе «Культурное наследие» по проектам «Свод памятников истории и куль-

А.Н. Марьяшев за фиксацией петроглифов в возрасте чуть старше 75
Maryashev A.N. for fixing petroglyphs aged slightly over 75

туры Алматинской области» (2004–2008) и «Памятники наскального искусства Южного Казахстана и Жетысу». Совместно с коллегами и учениками Ю.А. Мотовым, А.А. Горячевым, С.А. Потаповым по Своду было обследовано свыше 2500 памятников истории, археологии и архитектуры. Открыты целые серии памятников наскального искусства, древних поселений и могильников. В Жетысу на сегодняшний день известно свыше 100 археологических комплексов бронзового века.

Рассматривая петроглифические скопления как святилища – «храмы под открытым небом», А.Н. Марьяшев уделял большое внимание раскрытию семантики их мотивов и образов. Он связывал наскальное искусство с мифо-ритуальными пред-

ставлениями их создателей. Впервые обратил внимание на особую архитектонику археологических комплексов близ древних петроглифов. Эти исследования дали ему возможность значительно пополнить представления об эволюции наскального искусства от эпохи бронзы до средневековья и этнографического времени.

Алексей Николаевич Марьяшев – автор свыше 30 монографий

и более 70 статей по самым различным проблемным вопросам древней и средневековой истории и археологии Казахстана и Центральной Азии. Неустанный исследователь, первооткрыватель, романтик, «презревший грошовый уют»...

Светлая память и огромная благодарность большому Ученому и Учителю останется в наших сердцах навсегда!

Список основных публикаций А.Н. Марьяшева

Монографии:

- Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 232 с. (в соавт. с Кадырбаевым М.К.).
- Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Онер, 1985. 144 с. (в соавт. с Максимовой А.Г., Ермолаевой А.С.).
- Наскальные изображения в горах Ешки-Ольмес. Алма-Ата: Гылым, 1991. 80 с. (в соавт. с Рогожинским А.Е.).
- Наскальные изображения Саймалы-Таша. Алма-Ата: КазНИИИНКИ, 1992. 110 с. (в соавт. с Мартыновым А.И., Абетековым А.К.).
- Felsbilderim Siebenstromland // Repertoire des petroglyphesd' Asie Centrale. Paris, 1998. 146 с. (в соавт. с Goryachev A.A., Potapov S.A.).
- Наскальные изображения Семиречья. Алматы: Фонд «XXI век», 2002. Изд. 2-е. 264 с. (в соавт. с Горячевым А.А.).
- Наскальные изображения в горах Ешкильмес. Алматы: Фонд «XXI век», 2005. 226 с. (в соавт. с Байпаковым К.М., Горячевым А.А., Потаповым С.А.).
- Новые петроглифы Каратау. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; «Кумбез», 2007. 128 с. (в соавт. с Байтанаевым Б.А., Байпаковым К.М.).
- Петроглифы Баян-Журека. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2008. 200 с. (в соавт. с Байпаковым К.М.).
- Петроглифы Малого Каратау и западной оконечности Киргизского Алатау. Алматы: «Археологическая экспертиза», 2013. 120 с. (в соавт. с Байпаковым К.М.).
- Древности Кулжабасы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 150 с. (в соавт. с Железняковым Б.А.).
- Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 204 с. (в соавт. с Бейсеновым А.З.).

Статьи и публикации:

- Древние наскальные рисунки Чулакских гор // Вестник АН КазССР. 1971. № 9. С. 65-69.
- Каратауские колесницы // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 128-145 (в соавт. с Кадырбаевым М.К.).
- Новые петроглифы урочища Тамгалы // Вестник АН КазССР. 1979. № 8. С. 50-54 (в соавт. с Ермолаевой А.С., Мотовым Ю.А.).
- «Звериный» стиль в петроглифах Казахстана (опыт классификации) // Скифосибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 121-123 (в соавт. с Рогожинским А.Е.).
- Культовые сюжеты в петроглифах эпохи энеолита и бронзы // Маргулановские чтения-1990: материалы конференции. М.: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 1992. С. 212-222 (в соавт. с Потаповым С.А.).

- Вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. С. 5-19 (в соавт. с Горячевым А.А.).
- Памятники кульсайского типа в горной зоне Семиречья // История и археология Семиречья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 1999. С. 44-56 (в соавт. с Горячевым А.А.).
- Long Term Occupation and Seasonal Settlement of Eastern Eurasian Pastoralist sat Begash, Kazakhstan // Journal of Field Archaeology. 2006. 32 (3), 221-242 (в соавт. с Frachetti M.D.).
- Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века в урочище Ой-Джайляу // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. С. 101-109 (в соавт. с Горячевым А.А.).
- Итоги изучения памятников эпохи бронзы Жетысу // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011): сб. научн. статей, посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 313-337 (в соавт. с Горячевым А.А.).
- New discoveries at Kulzhabasy in Kazakhstan (Otar, Djambul Oblys) // INORA. 2013. № 65, 1-6 (в соавт. с Hermann L., Zheleznyakov B.).
- Поселения горной части Семиречья и вопросы экологии и хозяйства в бронзовом веке // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2014. № 5 (297). С. 15-22 (в соавт. с Фрачетти М.Д., Думани П.Н.).
- Древние поселения и могильники хребта Ешкюльмес // История и археология Семиречья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. Вып. 5. С. 91-111 (в соавт. с Горячевым А.А., Потаповым С.А.).

Сведения об авторе:

Горячев Александр Анатольевич – старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); aga.2805@mail.ru

ҰСТАЗДЫ ЕСКЕ АЛУ

А.А. Горячев

Мақалада 2018 жылы наурызда өмірден озған танымал археолог – Алексей Николаевич Марьяшевтің өмірі мен мұрасының негізгі кезеңі қарастырылады. Өзінің егде тартқан жасы мен денсаулығына қарамастан А.Н. Марьяшев экспедицияларға шығуды, биіктерге шығу мен тасқа жазылған өнердегі жаңа ашуларын жалғастырып келді.

Түйін сөздер: археология, А.Н. Марьяшев, петроглифтер, биікке шығу, экспедиция, шәкірттер, таулар, альпинизм

MEMORY OF THE TEACHER

A.A. Goryachev

The article highlights the main life and creative milestones of a famous archeologist – Alexei Nikolaevich Maryashev., who left this world in March 2018. Despite his age and serious illness A.N. Maryashev continued to go on expeditions, climb, make new discoveries in the field of rock art.

Keywords: archaeology, Maryashev A.N., petroglyphs, climbing, expeditions, students, mountains, mountaineering.

About the Author:

Goryachev Alexander A. Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; aga.2805@mail.ru

ҰЛАҒАТТЫ ҰСТАЗ – ЖОЛДАСБЕК ҚҰРМАНҚҰЛОВҚА 70 ЖЫЛ

© 2018 ж. А.Е. Ержанова, Ж.Р. Утубаев, А.Д. Касенова

Мақалада Жолдасбек Құрманқұловтың өмір жолы, шығармашылық кезеңі мен өнегелі ұстаз ретінде тәрбиелеп отырған шәкірттері жайында сөз қозғалады. Жолдасбек Құрманқұлов студент кезінен археологиялық қазба жұмыстарына араласып, ғылым жолында сара жолын салған білікті ғалым. Ұйымдастырушылық қабілеті мен экспедиция уақытындағы қырағылығы жастарды тәрбиелеуде үлкен жетістіктерге жетелегені айтылады. Көптеген қола, сақ кезеңі ескерткіштерін, сақ және қыпшақ уақытындағы тас мүсіндердің ашылуына, Орталық Қазақстан аймағындағы тас бетіндегі суреттердің тарихта өз орнын табуға септігін тигізген археолог ретінде баға беріледі. Ұлытау өңірінде орналасқан ертедегі металлургиялық қонысы Талдысайды, Теректі Әулие аймағындағы тас бетіндегі суреттерді, Ұлытау, Кішітау, Терісаққан аймағындағы қыпшақ және сақ кезеңіне жататын тас мүсіндерін зерттеп, зерделеуде. Сонымен қатар, Сырдарияның төменгі ағысындағы ескерткіштерді (Шірік рабат, Бәбіш мола, Баланды және т.б.) зерттеудегі ғылыми табыстары сөзге тиек болады.

Түйін сөздер: археология, Ж. Құрманқұлов, экспедиция, институт, қола, сақ, тас мүсіндер, қоныс, қорым, тас бетіндегі суреттер, шәкірт

Археолог-ғалым Жолдасбек Құрманқұлов еліміздің аса көрнекті археологтарының бірі (1 сур.). Жолдасбек аға өзінің балалығын Созақ қалашығында өткенін айтушы еді. Туған жеріндегі мектеп қабырғасында білім алып, 1966 жылы Алматы қаласында орналасқан С.М. Киров атындағы Қазақ Мемлекеттік Университетінің тарих факультетіне түсіп, археологиялық экспедицияларға қатысқанын майын тамза отырып айтып беретін. 1971 жылы Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институтының Археология секторына орналасқан күннен бастап Мир Қасымұлы Қадырбаевтың шәкірті ретінде далалық қазба жұмыстарына қатысады. Сол кезден бері Жолдас-

бек аға қаншама аймақты зерттеумен келеді.

1991 жылы Археология секторы Ә.Х. Марғұланның аты берілген Археология институтына айналды. Жолдасбек аға 1990-2010 жылдар аралығында «алғашқы қауым» бөлімінің меңгерушісі, 1997–2005 жылдар аралығында Археология институты директорының ғылым жөніндегі орынбасары қызметін атқарды. Ғалым қазіргі кезеңге дейін ғылыми зерттеулер жүргізіп, ғылыми-ұйымдастырушылық саласында да көп еңбек сіңірді. 1988 жылы Кемерово қаласында «Поселения и могильники эпохи бронзы Северной Бетпақдалы» атты тақырыбында диссертация қорғап, тарих ғылымдарының кандидаты

Сур. 1. Атасуда. С. Ишангалидің жеке архивнен
Fig. 1. Atasu. From the personal archive of S. Ishangali

атағына ие болды. Өзінің ғылыми жұмыс жазуда жетекшілік еткен ғалым-археолог А.И. Мартыновтың көп еңбегі барын, сонымен бірге қола дәуірі мен қазба жұмыстарын жүргізу жайлы ғылыми еңбектері барын айта отырып, сол кітаптарды оқуға кеңес беретін (2 сур.).

Жолдасбек Құрманқұловтың 200-ден астам ғылыми еңбегі бар, соның ішінде сегізі ғылыми монографиялар. Ғылыми еңбектері шет тілінде, орыс және қазақ тілдерінде жарияланған. Ғалым Сырыарқа, Ақтөбе, Қызылорда облысы, Алтай, Жетісу аймақтарына жүргізілген экспедицияларға қатысып, өз үлесін қосқан ғалымның бірі. Ә.Х. Марғұлан, М.Қ. Қадырбаев, С.М. Ақынжанов басқарған Орталық Қазақстан экспедициясының жетекшісі.

1970-1990 жылдар аралығында Қарағанды облысындағы Атасу шағынауданындағы Атасу архео-

логиялық кешеніне кіретін қоныстар мен қорымдарды (Атасу, Ақмұстафа, Ақмая, Мыржық) М.Қ. Қадырбаевпен бірге зерттеп, Атасу мен Мыржықтан шахталық, жерүсті және жартылай жерасты пештерін қазба барысында тауып, металлургиямен айналысқан қоныстар екенін еңбектерінде көрсетіп, ғылыми айналымға кіруіне септігін тигізді. Осы ескерткіштерден алынған археологиялық деректер ежелгі металлургияның өз заманында озық болып саналатын технологияларды жетік меңгергенін дәлелдейді. Мұндағы металлургиялық бағыттағы тұрғын үй-өндірістік кешендер б.д.д. II мыңжылдықтың екінші жартысында өмір сүрген, осы іске арнайы маманданған қоныстардың болғанын айғақтайды.

Солтүстік Бетпақдала мен Жезқазған-Ұлытау аймағында ертедегі қоныстардан табылған күрделі мыс балқыту пештері әлемдік

тәжірибеде әлі күнге дейін табылған жоқ. Археологиялық материалдар көрсетіп отырғандай, ертедегі металлургия ошақтары жалпы мыс өндірісі Еуразия кеңістігінде басқаларға карағанда алдыңғы орында болғанын дәлелдейді.

1994 жылдан бастап Ұлытау өңірінде орналасқан ертедегі металлургиялық қонысы Талдысай Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының негізгі археологиялық зерттеу нысанына айналды (А.С. Ермолаевамен бірге). Талдысай қонысы Қарағанды облысы Жезқазған қаласынан 82 шақырым жердегі Ұлытау жазығындағы Талдысай (Бала-Жезді) және Жезді өзендерінің құяр сағасында өзі аттас ауыл шетінен табылған. Талдысай қонысы қола дәуірінде Жезқазған мысын қорытатын орындардың бірі болған. Нәтижесінде, бұл аймақтан ертедегі тұрғындардың қоныстануының екі кезеңі анықталды, соның біріншісі кезеңі металлургия өндірісіне маманданған тұрғындармен байланысты. Екінші кезеңі, б.д.д. II–I мыңжылдықтар тоғысында, мал шаруашылығының кең етек жаюымен сипатталады. Мал шаруашылығы кезеңінің үйлері мен қора-қопсырары, тас дәуірі мен металлургиялық қабаттағы ежелгі құрылыстың үстіне орналасқан.

Теректі Әулие аймағындағы тас бетіндегі суреттерді шәкірті Д. Байтілеумен бірге зерттеді, Ұлытау, Кішітау, Терісаққан аймағындағы қыпшақ кезеңіне жататын тас мүсіндерін (Л.Н. Ермоленкомен) зерттеп, зерделеуде. М.Қ. Қадырбаевпен бірге Батыста Бесоба, Сынтас, Нагорненское, Жалғызоба, Күміссай секілді танымал ескерткіштерді зерттеді. Осы

Сур. 2. Жетекшісі А.И. Мартыновтың 80-жылдық мерей тойында. Ж. Утубаевтың жеке архивнен

Fig. 2. With Martynov A.I. at the celebrations on the occasion of the 80th anniversary of the supervisor. From the personal archive of J. Utubayev

ескерткіш материалдары савромат-сармат мәдениетін зерттеуде маңызды болып табылады.

Тағы бір айта кететін жайт, 2011 жылы Қызылорда қаласындағы Қорқыт Ата университетінің ішінен Археология орталығын ашуға Жолдасбек аға көп үлесін тигізді. 2013 жылы Жолдасбек ағаның қолдауымен Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университетінің 75 жылдық мерейтойы аясында «Ежелгі және ортағасырлық Сыр өркениеті» атты ғылыми-далалық семинар өткізілді. Бұған Қазақстанның көптеген ғылыми орталықтарынан басқа, шетелдік ғалымдар, айта кететін болсақ, Ресейден, Өзбекстаннан, т.б. елдердің мамандары келіп, ескерткіштер жайлы өз ойларымен бөлісті, ізденістерді

ары қарай жалғастыру жобаларын кеңінен сөз қылды.

Сонымен қатар, 2004 жылы Шірікрабат экспедициясын құрып, «Мәдени мұра» бағдарламасы аясында және БҒМ-нің гранттық қаржыландыру жобасы бойынша «Сырдарияның сағасындағы Шірікрабат мәдениетінің ескерткіштері», «Ерте темір дәуірінде Сырдарияның төменгі ағысында мекен еткен тайпалардың әлеуметтік-экономикалық құрылымы (б.д.д. VII–II ғғ.)» секілді зерттеу тақырыптары аясында жұмыстар жүргізіп келеді. Қазіргі таңда осы тақырыпқа сәйкес бірнеше ескерткіштерге зерттеу жүргізіліп, жаңа нысандар ашылу үстінде. Соның ішінде, бірі ерте темір дәуіріне жататын Сеңгіртам 2 қорымы, Қарабас қамалы, Іңкәрқала үй-жайды айтуға болады. 2005-2008 жж. аралығында облыс жеріндегі тарихи-мәдени ескерткіштерін зерттеп Қызылорда облысының Ескерткіштер жинағына көп үлесін тигізді.

Зерттеп жатқан Шірікрабат кешені мен оның айналасындағы жүргізіліп жатқан қазба жұмыстары әлем ғалымдары арасында қызығушылық туғызып, экспедиция жұмысына Римдегі Шығыс және Африка институтының, Болония университетінің мамандары, Мәскеудің Шығыс Мәдениеті және Тарих музейлерінің қызметкерлері, Ресей Ғылым академиясының Н.Н. Миклухо-Маклай атындағы Этнология және антропология институтының ғылыми қызметкерлері келіп қатысып, тығыз қарым-қатынаста жүр. Сонымен қатар, экспедиция жұмысына Қызылорда қаласындағы Қорқыт Ата университетінің студенттері

қатысып, білімдерін жетілдірді. Келген студенттер үнемі ғалым-ұстазбен байланыста болып, өздерінің қызығушылықтарымен бөлісіп тұрды. Ал ағамыз болса, үнемі қолдау көрсетіп, алға жетеледі. Қазіргі таңда олардың алды (Ә.Ә. Тәжекеев) Мәскеудегі аспирантураны бітіріп, тарих ғылымдарының кандидаты ғылыми атағын алып, ғылымға өз үлестерін қосуда.

2000 жылдың басынан қазіргі таңға дейін Сарыарқа аймағындағы тас мүсіндерді қарқынды зерттеу барысында, ғалымдар көп мән бере бермейтін сақ кезеңінің тас мүсіндерін ашты (3 сур.). 2011 жылдан бері Жолдасбек Құрмақұлов әріптесі Л.Н. Ермоленкомен бірігіп 16-ы Сарыарқалық сақ кезеңінің тас мүсіндерін тапқан болатын. Осы

Сур. 3. Үңірек гибадатханасы.
Ж. Утубаевтың жеке архивінен
Fig. 3. The Unirek Sanctuary. From the
personal archive of J. Utubayev

аталған ғалымдардың арқасында Сарыарқа өңірінен әр түрлі кезеңге жататын 200-ден монументалды ескерткіштер: менгирлер, сақ, ерте түркі мен қыпшақ кезеңінің тас мүсіндері белгілі.

Осындай өз зерттеу мектебін қалыптастырған Жолдасбек Құрманқұловтай ғалым-ұстаздың ғылыми мектебіне топтасқан шәкірттері Альбина, Сағындық, Дархан, Жанболат, Алтынай, Жанаргүл, Талғат, Әсем, Айдар сынды жас археологтар құрамы жиналып, ғылыми тәлімгерлік мектебінен өтіп, тәжірибе жинақтауда. Археолог-ғалым «Мәдени мұра» бағдарламасы басталған кезде Талдысай қонысына осы бағдарлама аясында қазба жұмыстарын тереңірек зерттеуге мүмкіндікке қол жеткізді. Алғашқы жылдары Қарағанды қаласындағы мәдениет бөлімімен байланысып, Талдысайдағы қазба жұмыстарын жүргізуге қаржы бөлуіне себепші болған да Жолдасбек аға болатын. Қола дәуірін зерттеуімізге ұстаздық көмегін аямай, ғылым жолына түсуімізге мұрындық болған ұстазымыз 2004 жылдан бастап Қызылорда облысында жүргізілетін қазба жұмыстарына етене араласып, жас мамандармен бірігіп, жүргізе бастады. Қызылорда аймағындағы сақ кезеңінің ескерткіштерін зерттеуге Жанболатты баулыса, Қола дәуіріне маманданып жүрген Альбинаны Талдысай кешеніне қазба жұмыстарын жүргізуге табыстады. Бұл – ұстаздың шәкіртке салған салмағы әрі сыны мол өмір жолында ширатуы еді. Мәдени мұра аясында берілген мемлекеттік гранттарды игеру кезінде жастар тобын Жолдас аға археология саласындағы қоныс, қорым қазу әдісін, барлау

жұмыстарының қыр-сырымен таныстыра жүріп, Дарханды тас бетіндегі суреттерді оқуға, Сағындықты қола дәуірінің қорымдарын қазуға баулыса, Әсемді тас мүсіндерді ажыратып, мерзімдеуге, Жанаргүлді керамиканың технологиясын зерттеуге бағыт бағдар беріп, әрқайсысының ғылыми жұмыстарының орбуіне өз үлесін қосып келеді.

Ұстаздың тағы бір, баршамыздың бойымызға сіңірген жақсы қазақы қасиеті туралы айтпай кетуге болмайды. Ол қазба жұмысы барысы кезінде, кешкісін жұмыс аяқталғаннан кейін барша жастарды жинап алып, алау жағып, самаурынға шай қойғызып, қызықты жастық шақтың әңгімелерін, түнгі жұлдыздар, мейірімділік пен қамқорлық жайлы аңыздар айтып беру болатын. Қазіргі таңда, біздей шәкірттері әкеміздей болған Жолдасбек ұстаздың дәстүрін жалғастырудамыз.

Сол жылдары өте жас көрінген ұстазымыз, ғалым, бірегей археолог Жолдасбек Құрмақұлов қазіргі таңда 70-ке келіп, ел атасына айналды. Асыл ұстазымыз, ғылым жолындағы әкеміз бола білген Жолдасбек Құрманқұлұлы өмірдің тал түсінде, ғылым мен бақыттың шуақты нұрына бөленіп жүр. Бұл – адам өмірінің елеулі кезеңі, сыйы да, сыны да мол биік белес. Өзінің бұл биігінен әркім-ақ артына бір қайырылып, өткен өмір жолына ой жіберіп, көз тастамақ: жарты ғасырдан астам уақыт қалай өтті, осындай биікке қалай жетті? Бұл сұраққа да Жолдасбек аға жауап іздеп, ойлана қараған шығар. Расында, сол кезеңнің жартысын алып қарасақ шығармашылық ізденістер, үйрену мен өрлеумен өткен жылдар; қарапайым ел тарихын зерттеушісінен ел таныған

Сур. 4. Ұлытау өңіріндегі Дүзен ескерткішінде. Ж. Құрманқұловтың жеке архивнен
Fig. 4. On the Duzen sites in the Ulytau. From the personal archive of J. Kurmankulov

ғалымға айналдырған, көпшілікке танымал еткен жылдар. Ғалымның өсу жолындағы ойлары мен сыры да, қуаныштар мен табыстар да, тіпті кейбір шығармашылық сәтсіздіктер де осында.

Қайта құру кезеңінде археология саласының тоқырағанына қарамастан Орталық Қазақстан аймағында далалық барлау жұмыстарын жүргізіп, азды-көпті қазба жұмыстарын жүргізу көптің қолынан келе бермейтін істердің бірі. Қадырбаев Мир Қасымұлының жанында жүріп көптеген өнегелі істері мен ол кісінің байсалдылығын бойына сіңіре білген Жолдасбек Құрманқұлов қазіргі таңда осы «ұлы қасиетті» айналасындағы жастарға дарытуда. Сонымен қатар немерелері үшін қазыналы қария, құрметті ата.

«Мықтылардың мықтысы – ұстаз» дер едік. Себебі ұстаз шәкірт бойына білімді, адами қасиетті, тәрбиені сіңіреді, ұстаз ұлағаты –

шәкіртке өмірлік соқпақ. Шығыс даналығында «Атаңнан ұстаз ұлық» дейді. Сондай білікті де, білімді, ұлық ұстаздардың бірі – Жолдасбек Құрманқұлов (4-сур.). Ол кісінің мейірімі, бауырмалдығынан мен әлі күнге дейін жылылық аламыз. Алғашқы Алматыға келген жылдары тұрмыс тапшылығын көріп, қиналған шақтарымызда Жолдасбек аға өз үйін беріп, ғылым жолында қиындықтарға мойымауды үйрететін. Жаны – жайсаң, жүрегі – жомарт, көңілі – кең ағай ауылының алыстығын, ата-анамыздың қасымызда жоқтығын байқауға тырысатын. Ғылым жолында ұстаз бола білетін Жолдасбек аға өмір жолында әке де бола білсе, жұбайы Гүлихан тәте болса ағаның қанатының астындағы шөжелеріне ана бола білді. Кей кездері ол кісілерді шынымен көп балалы отбасы ма деп те қаласың, себебі үнемі үйінен ағаның ізбасарлары мен шәкірттерін кездестіруге болады. Сонымен

қатар «Сендер тәтті жеп, бір жасап қалсын дедім» – деп мейрам күндері қалтасынан ақша шығара салып, дүкенге жіберіп, «кәнекей, дастархан жайып, бір-бірімізге жақсы-жақсы тілектер айтайық» - деп отыратыны

тағы бар. Содан болар қазірге дейін біздің бөлімде мейрам күндері шағын дастархан болса да жайылып, азды-көпті атап өтетін салт қалыптасты десек жаңсақ айтпаған болармыз.

Жолдасбек Құрманқұловтың соңғы бес жылдағы негізгі еңбектері*

Монографиялар:

- Комплекс памятников в урочище Талдысай. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. Т. 1. 400 с., ил. (в соавт. с Артюховой О.А., Ермолаевой А.С., Ержановой А.Е.).
- Баланды (Буланды) памятник античности. Книга-альбом. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 148 с. (в соавт. с Утубаевым Ж.Р.).
- Древности Сарыарки: каменные изваяния. Книга-альбом. Караганды: «CredosLtd С», 2014. 168 с. (в соавт. с Ермоленко Л.).
- Чирикратская культура Восточного Приаралья // Казахстан в сакскую эпоху: коллективная монография. Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 191-210 (в соавт. с Утубаевым Ж.Р.).
- Кипчакские святилища Сары-Арки. Книга-альбом. Астана: КазНИИК, 2017. 162 с. (в соавт. с Ермоленко Л.Н., Касеновой А.Д.).

Мақалалар:

- Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник КемГУ. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 26-32 (в соавт. с Ермоленко Л.Н., Касеновой А.Д.).
- Предварительное сообщение о раскопках на могильнике Сенгир-там 2 в 2016 году // Актуальные проблемы археологии Евразии: сб. матер. междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы, 2016. С. 283–285 (в соавт. с Утубаевым Ж.).
- An Old Turkic Statue at Borili, Ukytau Hills, Central Kazakhstan: Cultural Realia // Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2016. Т. 44, вып. 4. С. 102-113 (в соавт. с Ермоленко Л.Н., Соловьевым А.И.).
- Бәбіш молла қалашығы // Ана тілі. 10–16 наурыз, 2016. № 10 (1320). Б. 11 (в соавт. с Утубаевым Ж.).
- Ancient cities of eastern aral sea region // European research: Innovation in science, education and technology. London. United kingdom. 13–14 September 2017. С. 35–39 (в соавт. с Утубаевым Ж.).
- Anthropomorphic figurines from Chirik-rabat complex // Sciences of Europe. (Praha, Czech Republic). 2017. Vol. 1, no. 19, 33–37 (в соавт. с Утубаевым Ж.).
- Новые исследования на памятнике Чирик-Рабат // Цивилизации Великого Шелкового пути из прошлого в будущее: перспективы естественных, общественных, гуманитарных наук: матер. конф., организ. МИЦАИ. Самарканд, 2017. С. 397–413 (в соавт. с Утубаевым Ж.Р.).
- Шірік Рабат қалашығындығы ортағасырлық үй-жайға жүргізілген зерттеу жұмыстары // Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран: матер. Междунар. научн.-метод. конф. «IX Оразбаевские чтения», приуроч. к 95 летию А.М. Оразбаева. Алматы, 2017. С. 158–160 (в соавт. с Утубаевым Ж., Суиндиковой М.).

Некоторые итоги исследования на городище Чирик Рабат // Отан тарихы. 2017. № 3 (79). С. 90-101 (в соавт. с Утубаевым Ж.).

Некоторые результаты исследования 2015–2016 гг. на могильнике Сенгир-там 2 // Рухани жаңғыру және археологиялық мұра. Марғұлан оқулары-2018: Халықар. ғыл.-практ. конф. матер. жинағы (2018 жыл 19–20 сәуір). Ақтобе–Алматы, 2018. С. 283-291 (в соавт. с Утубаевым Ж.).

Археологические исследования «кургана с усами» Унирек 2 в Шетском районе // Рухани жаңғыру және археологиялық мұра. Марғұлан оқулары-2018: Халықар. ғыл.-практ. конф. матер. жинағы (2018 жыл 19–20 сәуір). Ақтобе–Алматы, 2018. С. 291-295 (в соавт. с Утубаевым Ж., Касеновой А.).

*Примечание от ред.: Основной список публикаций на период до 2013 г. опубликован в сборнике: Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. научн. ст., к 65-летию Ж. Курманкулова. Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 32–42. Сост. А.Д. Касенова.

Авторлар туралы мәліметтер:

Ержанова Альбина Ергешбайқызы – аға ғылыми қызметкер, А.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); erjanova_a@mail.ru

Утубаев Жанболат Раймқұлұлы – аға ғылыми қызметкер, А.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); utubaev_z@mail.ru

Касенова Асемгүль Дауренқызы – ғылыми қызметкер, А.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); asema_94@mail.ru

К ЮБИЛЕЮ УЧИТЕЛЯ: Ж. КУРМАНКУЛОВУ 70 ЛЕТ

А.Е. Ержанова, Ж.Р. Утубаев, А.Д. Касенова

Статья посвящена характеристике основных вех в науке Ж. Курманкулова. Ж. Курманкулов – известный в стране и за ее пределами исследователь. Впервые он принял участие в экспедиции еще будучи студентом. Впоследствии, обладая замечательными организационными способностями, он смог заинтересовать и увлечь археологией молодежь. Жолдасбек Курманкулович известен в науке как специалист в области изучения статуарных памятников сакского и кипчакского времени. Станы его экспедиции разворачивались для изучения памятников эпохи бронзы, раннего железа. В перечне его интересов также присутствуют и наскальные изображения. География его исследований широка – это степи Сарыарки, Мугалжар, Приаралья. Мелодия застывших эпох находит отражение в названиях местностей, где расположены памятники, изучавшихся с его участием: Теректы Аулие, Улытау, Кишитау, Терисаккан, Ширак Рабат, Бабиш Мола, Баланды и многие другие.

Ключевые слова: археология, Ж. Курманкулов, экспедиция, институт, бронза, саки, изваяния, поселение, могильник, петроглифы, ученики

TO THE ANNIVERSARY OF THE TEACHER

A.E. Erjanova, J.R. Utubayev, A.D. Kasenova

The article tells about the life of Joldasbek Kurmankulov, his students, as well as his creative years and his students. Joldasbek Kurmankulov – a qualified scientist who has been involved in archaeological excavations since his student years. Organizational abilities and vigilance during the expedition led to great achievements in the education of young people. Many bronze, Saka monuments of the era, stone sculptures of Saka and Kipchak and archaeological finds in the Central Kazakhstan region helped to find their place in history. The settlement of miners metallurgists Taldysay (A.S. Ermolaeva), petroglyphs Terekty Aulie,

kitechakovs Ulytau, Kishitau and Terisakkan (L.N. Yermolenko) are studied in the tenth anniversary. Another thing is that in Chiram-Rabat and Babish-Mola, in the Karmakshinsk district, the Kyzylorda region.

Keywords: archaeology, J. Kurmankulov, expedition, Institute, Bronze Age, Saka period, stone sculptures, settlement, petroglyphs, mentors

About the Authors:

Erjanova Albina E. Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; erjanova_a@mail.ru

Utubayev Janbolat R. Senior researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; utubaev_z@mail.ru

Kasenova Asemgul D. Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; asema_94@mail.ru

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 07.10.2018.

ВСЛЕД ЗА ЗОЛОТЫМ ОЛЕНЕМ... (к юбилею А.С. Ермолаевой)

© 2018 г. Т.Н. Лошакова

В статье обозначены основные вехи творчества юбиляра – А.С. Ермолаевой. Еще в студенчестве Антонина Сергеевна решила стать археологом. В череде полевых сезонов с участием юбиляра исследовались различные эпохи древней истории Казахстана. В настоящее время Антонина Сергеевна успешно занимается разработкой вопросов, связанных с изучением металла и металлопроизводства на поселениях Сарыарки. География археологических интересов юбиляра широка и охватывает пространство от Алтая до Каспия.

Ключевые слова: археология, А.С. Ермолаева, археолог, памятники

Есть ли в обычной жизни романтики?
Кто они? Где? И какие они?
Да те, кто живут по макушку счастливые
Мечтами, любимым своим трудом,
Те, кто умеет найти красивое
Даже в будничном и простом.

Э. Асадов

В 1968 г., Усть-Каменогорская киностудия сняла фильм о работе археологической экспедиции Ф.Х. Арслановой, в которой принимали участие студенты Усть-Каменогорского пединститута. На архивных кадрах мелькают лица студентов, среди которых легко узнать Антонину Сергеевну Ермолаеву. Это был первый опыт археологических исследований, первые шаги, которые стали началом долгого профессионального пути.

Родилась Антонина Сергеевна на кордоне Чанды (в наст. вр. Бескарайгайский р-н, ВКО). Детство было таким же, как у всех: семья, школа, друзья. Но, судя по рассказам Антони-

ны Сергеевны, именно в семье было привито трудолюбие, серьезное отношение к делу, ответственность.

В 1966 г., выдержав большой конкурс, Антонина Сергеевна поступает в Усть-Каменогорский педагогический институт на исторический факультет, который блестяще окончила в 1970 г. После окончания Института была работа в средней школе поселка Богенбай, в государственном архиве Усть-Каменогорска, на кафедре философии строительно-дорожного Института. Но все это было лишь жизненной необходимостью, а сердце стремилось к археологии, которой удавалось посвящать лишь летние месяцы.

Тогда проводились исследования в Центральном Казахстане археологической экспедицией, которой руководил М.К. Кадырбаев. Работы велись на поселениях Тагыбайбулак, Атасу, а также памятниках на реке Илек – могильниках Бесоба и Сынтас. Большой этап работ был посвящен исследованиям в зоне строительства Шульбинской ГЭС в 1977 г. Затем были работы в Мангышлакской области в составе экспедиции проектной группы «Казреставрация» в качестве археолога. В тот год осуществлялись обмерные работы на некрополях Сенек и Шопан-ата. Но интерес к археологии был настолько велик, что в перерыв, в самую жару, Антонина Сергеевна исследовала окрестности, осматривая памятники археологии. Позже были работы в урочище Тамгалы, где с А.Г. Максимовой исследовали курган и совместно с А.Н. Марьяшевым изучали знаменитые петроглифы. И хотя особый интерес у исследователя вызывали памятники кочевников, работать приходилось на памятниках разных периодов – на крепостной стене средневекового городища Туркестан, на комплексах петроглифов в Чулакских горах и в Джунгарии, на палеолитической стоянке Лахути 2 и городище Хульбук в Таджикистане, участвовать в археологических разведках в Казахстане.

Попасть на работу в отдел археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР было в ту пору нелегко, и для Антонины Сергеевны это стало возможным только в 1979 г. Несмотря на огромный опыт, на первых порах она могла работать только лаборантом в ЮКАЭ. Начиная с 1981 г., Антонина Сергеевна руководила работами отрядов Шульбинской, Центрально-Казахстанской, Семиреченской, Восточно-Казахстанской ар-

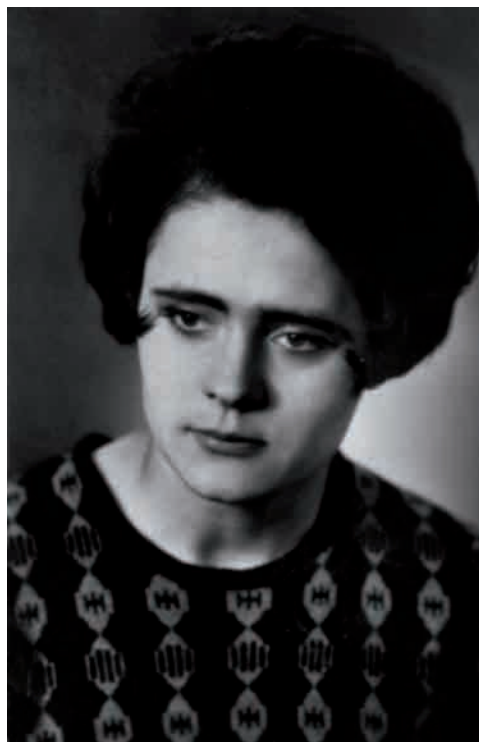

Рис. 1. Антонина Сергеевна Ермолаева
Fig. 1. Antonina S. Ermolaeva

хеологических экспедиций. В 1983 г. становится хранителем особой кладовой ИИАЭ, хранителем экспозиции в музее археологии и позже, в 1985 г., хранителем фондов музея. В штат ИИАЭ Антонина Сергеевна была зачислена только в 1984 г., где до сих пор и работает вот уже 39 лет.

За это время было совершено немало увлекательных экспедиций, исследовалось большое количество интересных памятников – могильники Измайловка, Тарасу, Берел, Аралтобе, Иманкара, поселения Аиртау, Токсанбай, Талдысай, Серектас и др.

Список трудов у юбиляра внушительный – более 60 работ, в числе которых монография, книги-альбомы, участие в коллективных монографиях, а также статьи, изданные в Казахстане, ближнем и дальнем зарубежье.

На самом деле этапы любой трудовой биографии выглядят доволь-

но сухо. В реальности же это увлекательные полевые сезоны и интересные их результаты, встречи с разными людьми, смешные истории, но прежде всего тяжелый труд. Так сложилось, что проводить археологические раскопки Антонине Сергеевне приходится в основном в регионах с нелегким климатом: жара днем и холод ночью, бесконечная роза ветров в Западном и песчаные бури в Центральном Казахстане, все это она стойко переносит. Когда начинаются сильные ветра на поселении Токсанбай так, что даже глаза открыть порой невозможно и хочется в палатку, потому что только там и можно вздохнуть, Антонина Сергеевна продолжает упорно расчищать раскоп, бесстрашно лезет на самый крутой склон и даже мои напоминания о ждущих дома детях ее не останавливали.

Впервые на поселение Токсанбай на Устюрте Антонина Сергеевна, вместе с З. Самашевым, приехала в 1997 г. и с тех пор, на протяжении многих лет, работала на памятнике. Многоуровневое поселение, со сложными строительными конструкциями, алтарными нишами, технологическими очагами было сложным в исследовании, но очень интересным. Многометровые напластования культурных слоев, в которых странным образом перемешались предметы, относящиеся к разным культурам, вызывали много вопросов, но и в благодарность за упорство в исследовании дарили необычайные находки – псалии, впервые найденные на этой территории, навершие в виде головы лошади, керамика со сложным орнаментом. Изучая материалы поселения, именно Антонина Сергеевна сделала предположение, что на формирование токсанбайского культурного феномена повлияли носители иванобугорской культуры, памятники которых были

выделены А.Т. Синюком и В.Д. Березуцким в Доно-Волжском регионе [Синюк, Березуцкий, 2001].

О поселении Талдысай хочется сказать особо. На этом памятнике Антонина Сергеевна работает много лет. Совместно с челябинским археологом И. Русановым ею была реконструирована печь и экспериментально опробован способ плавки меди. В ее рассказах об исследованиях на Талдысае меня всегда поражало как легко и с какой увлеченностью она говорит о химических процессах, о сульфидных и окисленных рудах, шлаках, плавках... И в этом проявляется характер Антонины Сергеевны, которая всегда глубоко вникает в проблему и дотошно изучает материал. Поэтому с ней можно говорить о памятниках практически любой археологической эпохи, ну, может, за исключением палеолита, хотя в арсенале Антонины Сергеевны и участие в экспедициях В.А. Ранова, исследовавшего памятники древнекаменного века в Таджикистане. В ее рассказах о памятниках, на которых она работала или бывала, можно всегда услышать, что это «очень интересно».

Антонине Сергеевне можно позавидовать в том, что ей довелось поработать с людьми, которые сейчас уже стали легендами археологии Казахстана, и вклад в науку их бесспорен – К.А. Акишев, А.Г. Максимова, Ф.Х. Арсланова, А. Чариков, М.К. Кадырбаев, К.М. Байпаков, А.Н. Марьяшев, Ю.А. Мотов, С.А. Берденов, Т.М. Тепловодская, З. Самашев, Ж. Курманкулов, Э.Ф. Кузнецова.

Творческий путь ученого – это всегда вопросы и поиск на них ответа. Немногие, преодолев трудности, остаются в науке и становятся признанными специалистами. Антонина Сергеевна из числа тех, кто, несмотря на тяготы 1990-х, все же осталась преданной археологии.

В жизни каждого человека есть люди, которые оказывают заметное, подчас решающее, влияние на формирование его профессиональных качеств, характера и мировоззрения. И особенно, как мне кажется, счастлив тот, кому встретился человек, умеющий принести не только знания, но еще любовь и доброту. Мне очень повезло! Вот уже 19 лет я имею возможность совместно работать и учиться у внимательной, обаятельной женщины, оптимистки и прекрасной души человека. У неё есть все – талант, душевная теплота, ум, чуткость, терпение, неиссякаемая энергия и оптимизм.

После трудового дня в поле, коротая вечерами время, мною было услышано много рассказов и историй, веселых и поучительных. А еще меня поразил ее торт на сковороде, который она пекла на Аралтобе, практически из ничего. С удовольствием вспоминаю, как на поселении Токсан-

бай в 1999 г., приехав тогда на неделю, мы чистили и резали овощи на борщ ночью, под светом фар грузовика, потому что днем не было времени, а позже также ночью жарили шелпеки. Там же на Токсанбае читали интервью ее дочери Даны, где она рассказывала, что хочет быть археологом, а «мама говорит, только через ее труп». И во всем, что не происходит, всегда Тоня находит положительный момент и с юмором все комментирует. Это в ней меня всегда восхищает.

Энергии и внимания Антонины Сергеевны хватает не только на семью, где выросли две замечательные дочери и сейчас подрастает внучка, но и на коллег. В ее кабинете, за чашкой чая, за беседой всегда ощущаешь душевное тепло и поддержку. Она не скупится поделиться тем, что знает и умеет.

Восхищение вызывает ее большое доброе сердце. Собаки, которых

Рис. 2. С журналистами из Жезказгана на поселении Талдысай.
Фото А.Е. Ержановой. 2002 г.

Fig. 2. With journalists from Jezkazgan on Taldysay. Photo by A.E. Erjanova, 2002

*Хочу быть археологом
С диагнозом «по фазе»,
Чтобы врачи за голову,
Узнав, хватались сразу.*

*Хочу быть археологом,
Науке быть полезною,
Чтоб жизнь прожить свою
Назло всем интересную...*

(И. Тарасова)

Рис. 3. В редкие часы досуга на Устюрте. Фото Т.Н. Лошаковой, 2015 г.

Fig. 3. At the rare leisure hours on the Ustyurt. Photo by T. Loshakova, 2015

она подбирает, лечит и устраивает в хорошие руки, птицы у Института, которых она подкармливает, летучие мыши и жабы на Аралтобе, удавы на склонах Устюрта, любая живность всегда находит у нее защиту, на всех у нее находятся силы и внимание.

В том самом, фильме, снятом в 1968 г., Фирая Хабибуловна, рас-

сказывая о раскопках и показывая находки, говорит школьникам о том, что нужно изучать и знать историю, и тогда золотой олень поведет их за собой и откроет им свои тайны. Антонина Сергеевна, как мне кажется, однажды избрав путь, идет за своим золотым оленем, и много тайн древних уже открыто, и сколько еще впереди...

ЛИТЕРАТУРА

1. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2001. 192 с.

Список основных публикаций А.С. Ермолаевой

Монография:

Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 238 с. Отв. ред. З. Самашев.

Книги-альбомы:

Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: «Онер», 1985. 143 с. (в соавт. с Максимовой А.Г., Марьяшевым А.Н.).

Древние сокровища Казахского Алтая. Алматы: «Онер», 2008. 200 с. (в соавт. с Самашевым З., Куц Г.А.).

Поселение Талдысай – памятник древней металлургии. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 132 с. (в соавт. с Курманкуловым Ж., Ержановой А.Е.) (на каз. и рус. яз.).

Разделы в коллективных монографиях:

Памятники эпохи бронзы // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: изд. «Наука» АН КазССР, 1987. С. 24-63 (в соавт. с Максимовой А.Г.).

Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: изд. «Наука» АН КазССР, 1987. С. 64-94.

Характеристика раскопанных объектов нижнего слоя поселения Талдысай // Комплекс памятников в урочище Талдысай. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. Т. 1. С. 135-167 (в соавт. с Ержановой А.Е.).

Казахский Алтай в I тысячелетии до н.э. // Казахстан в сакскую эпоху: коллективная монография. Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 101-156 (в соавт. с Самашевым З., Джумабековой Г.С.).

Исследования поселения Мыржык // Археологические исследования в северной Бетпақдале: коллективная монография. Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 37-67 (в соавт. с Бейсеновым А.З., Курманкуловым Ж.).

Статьи:

Курганы Бесобы и Сынтаса // АО-1976. М.: «Наука», 1977. С. 515-516 (в соавт. с Кадырбаевым М.К., Курманкуловым Ж.К., Воронцовой Г.Г.).

Новые петроглифы урочища Тамгалы // ВАН КазССР. 1978. № 8. С. 50-55 (в соавт. с Марьяшевым А.Н., Мотовым Ю.А.).

Памятники кимаков левобережья Иртыша // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. докл. обл. научн. конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск: ОмГУ, 1984. С. 143-144 (в соавт. с Арслановой Ф.Х.).

Исследования в Восточном Казахстане на левом берегу Иртыша // АО-1984. М.: «Наука», 1985. С. 509-510.

Поселение древних металлургов VIII–VII вв. до н.э. на Семипалатинском правобережье Иртыша // Вопросы археологии Казахстана. Алматы–М., 1998. Вып. 2. С. 39-46 (в соавт. с Ермоленко Л.Н., Кузнецовой Э.Ф., Тепловодской Т.М.).

Токсанбай – памятник древней городской цивилизации в казахской степи // Общественные науки в Синьцзяне. 1998. № 2. С. 18-24 (в соавт. с Самашевым З., Тепловодской Т.М.).

Древнее горное дело и металлургия Восточного Казахстана (начало работ по Казахско-Германскому проекту) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2004. Вып. 3. С. 154-170 (в соавт. с Берденовым С., Самашевым З., Штолльнером Т., Черны Я., Ермолаева А., Куц Г.).

Костяные псаии с поселения Токсанбай. К вопросу о комплексе колесничих населения Устьурта в эпоху бронзы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 53-55 (в соавт. с Самашевым З., Лошаковой Т.Н.).
К проблемам металлопроизводства эпохи бронзы Казахстана // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (4). С. 481-493.

Сведения об авторе:

Лошакова Татьяна Николаевна – старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Астана, Казахстан); loshakovat@mail.ru

**АЛТЫН БҰҒЫНЫҢ ІЗІМЕН...
(А.С. Ермолаевының мерейтойына)**

Т.Н. Лошакова

Мақалада мерейтой иесі – А.С. Ермолаева шығармашылығының негізгі тұстары көрсетілген. Антонина Сергеевна студенттік кезден-ақ археолог боламын деп шешкен. Ол қатысқан маусымдық жұмыстар барысында ежелгі Қазақстан тарихының түрлі кезеңдері зерттелді. Қазіргі таңда Антонина Сергеевна Сарыарқа қоныстарындағы метал мен метал өндірісін зерттеу мәселелерімен табысты шұғылданып жүр. Оның археологиялық қызығушылықтарының жағырафиялық аясы кең және Алтайдан Каспийге дейінгі аралықты қамтиды.

Түйін сөздер: археология, А.С. Ермолаева, археолог, ескерткіштер

**ON THE MORROW OF THE GOLDEN DEER...
(for the anniversary of A.S. Ermolaeva)**

T.N. Loshakova

The article identifies the main milestones of the hero of the day – A.S. Ermolaeva. Even in the studentship, Antonina S. decided to become an archaeologist. In a series of field seasons with the participation of the hero of the day, various eras of the ancient history of Kazakhstan were explored. Currently, Antonina S. is successfully engaged in the development of issues related to the study of metal and metal production in the settlements of Saryarka. The geography of the archaeological interests of the hero of the day is wide and covers the area from Altay to the Caspian Sea region.

Keywords: archaeology, A.S. Ermolaeva, archaeologist, monuments

REFERENCES

1. Sinyuk, A. T., Berezuckii, V. D. 2001. *Mostishchenskij kompleks drevnih pamyatnikov (epoha bronzy – rannii zheleznyi vek) (Mostischensky complex of ancient monuments (Bronze Age – Early Iron Age))*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University Publ. (in Russian)

About the Author:

Loshakova Tatyana N. Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Astana, Kazakhstan; loshakovat@mail.ru

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ДРЕВНОСТИ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ УЧЕНОГО (к юбилею К.М. Карабаспаковой)

© 2018 г. М.В. Бедельбаева

В статье очерчены основные вехи жизненного пути Культай Мухамедьевны Карабаспаковой – археолога, музейного работника, преподавателя. Ее имя хорошо знакомо профессионалам – исследователям проблем эпохи бронзы Евразии. В юности, познав романтику поиска в геологических экспедициях, Культай Мухамедьевна мечтала стать историком, археологом. Своими учителями она считает К.А. Акишева и Г.Б. Здановича. Основные научные интересы К.М. Карабаспаковой связаны с изучением эпохи бронзы Жетысу и Южного Казахстана.

Ключевые слова: археология, К.М. Карабаспакова, Жетысу, эпоха бронзы, археологическая культура, научные исследования, университет, музей

Культай Мухамедьевна Карабаспакова родилась 14 сентября 1948 г. в городе Целиноград (Астана) в семье служащего. Отец – Карабаспаков Мухамедья Карабаспакович, 1910 года рождения, начинал железнодорожным рабочим, впоследствии был направлен для обучения в г. Москву, после чего успешно начал карьеру руководящего работника, завершив ее в должности первого секретаря горкома партии г. Акмолинска. Мать – Исмагулова Гульсум Исмагуловна, 1920 года рождения, была домохозяйкой и воспитывала пятерых детей.

В 1955 г. К.М. Карабаспакова пошла в первый класс СШ № 1 в Акмолинске, а после окончания восьмого класса в Гурьеве (Атырау) поступила в медицинское училище, где обучалась с 1963 по 1966 годы и закончила его с отличием. Далее с

1966 по 1970 годы в ее жизни была работа медицинской сестрой сначала в Гурьеве, а после в Целинограде. За это время начинающий медик попробовала себя во всех направлениях: снимала электрокардиограммы, ассистировала стоматологу, познавала терапию, но постепенно теряла интерес к профессии, осознав неизменный алгоритм оказания медсестринской помощи, без творчества и новизны. «Не мое», – решила она и последующие два года успешно отработала техником-геологом во всесоюзной комплексной изыскательной экспедиции № 31 института «Гидропроект». Запись в трудовой книжке в эти годы: «За достигнутые высокие производственные показатели в соревновании в честь 50-летия Ленинского плана ГОЭЛРО объявить К.М. Карабаспаковой благодарность». И поощрение

*Рис. 1. Культай Мухамедьевна
Карабаспакова.
Фото В.Г. Ломана, 2018 г.*

*Fig. 1. Kultay M. Karabaspakova.
Photo by V.G. Loman, 2018*

это не единственное – помимо благодарностей фото передовика было занесено на доску почета, что свидетельствовало не только о том, что ее ценило начальство, но уважал и коллектив. Возможно и продолжился бы ее жизненный путь в геологии, но, случайно, будучи проездом в Караганде в череде будней полевых экспедиций, прочла сообщение в газете об открытии исторического факультета в новом университете и решила воплотить свою мечту стать археологом. На вступительных экзаменах в КарГУ сдавала только один предмет – «История СССР» и, получив «отлично», сразу была зачислена в вуз, где обучалась с 1972 по 1977 годы.

Из воспоминаний юбиляра: «Сидя на лекциях вместе с Виктором Варфоломеевым [ныне к.и.н., доцент кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории КарГУ им. академика Е.А. Букетова – прим. авт.] и обсуждая с ним полученную

информацию, я очень любила задавать лекторам уточняющие вопросы, которые зачастую воспринимались ими как отвлекающие и провокационные, за что не раз была изгнана из аудиторий» [из личной беседы с К.М. Карабаспаковой – прим. авт.]. Во время обучения специализировалась по археологии. Уже на первом курсе ей довелось слушать лекции именитых ученых, мэтров археологии – Лии Яковлевны Крижевской [специалист по археологии эпохи камня из Ленинградского отделения Института археологии – прим. авт.]; Геннадия Борисовича Здановича [специалист по эпохе бронзы – прим. авт.]; Мира Касымовича Кадырбаева [исследователь археологии раннего железного века – прим. авт.]. Удивительно, что отличница по жизни (и в приложении к «красному» университетскому диплому подавляющее большинство «пятерок») два основных курса по археологии, читаемых Г.Б. Здановичем – «История первобытного общества» и «Основы археологии» – К.М. Карабаспакова сдала на «хорошо». Видимо, это было связано с требовательностью преподавателя, почувствовавшего особый интерес студентки к данным дисциплинам, и желающим показать безграничность процесса познания.

Со студенческих лет она выезжала в археологические экспедиции в Северный и Центральный Казахстан, участвовала в раскопках поселений Саргары, Петровка II, Усть-Кенетай, могильников Алыпкаш, Сатан, Карагаш и др. Именно с этим периодом и связано начало ее активной исследовательской деятельности, а также участие в студенческих научных конференциях.

Дипломную работу «Металлические изделия эпохи бронзы Ка-

захстана» студентка К. Карабаспакова писала под руководством к.и.н. В.В. Евдокимова. Она вспоминает, что была полностью погружена в новизну проблематики, поскольку материала было мало и даже основополагающая работа Н.А. Аванесовой по аналогичной теме к тому времени еще не была издана. Заинтересованность и компетентность в данном вопросе позволили ей даже поспорить с научным руководителем на процедуре защиты, который в своем отзыве оценил работу на «хорошо». Удачей было присутствие М.К. Кадырбаева, который был проездом в Караганде, посетил исторический факультет, поучаствовал в процессе защиты и высоко оценил проделанную работу, сравнив материалы диплома с готовой кандидатской

диссертацией. Такая поддержка вдохновила и аттестационную комиссию, и саму дипломницу.

В 1977 г. сразу после получения диплома с отличием К.М. Карабаспакова осталась работать на одной из кафедр исторического факультета в должности старшего инженера, что по тем временам было большой редкостью и свидетельствовало о перспективности выпускницы и признании ее научного потенциала. С января 1980 г. она работала директором открывшегося при университете музея археологии и этнографии. При ее непосредственном участии в марте 1981 г. была смонтирована первая «пилотная» экспозиция, демонстрирующая не столько подлинные артефакты, сколько историю изучения

Рис. 2. Перед экспедицией. Конец 1970-х гг. Первый ряд (слева-направо) А.П. Мазниченко, А.А.Ткачев, А.Д. Таиров, К.М. Карабаспакова, второй ряд – неизвестный, Л. Тетерина, О. Гуменчук, В.В. Евдокимов, третий ряд – неизвестный, С. Мельник, А.Ю. Чиндин, Б. Токпанов.

Фото из архива музея археологии и этнографии САИ

Fig. 2. Before the expedition. The end of the 1970s. First row (from left to right) Maznichenko, A. P., Tkachev, A. A., Tairov, A. D., Karabaspakova, K. M.; second row – unknown, Teterina, L., Gumenchuk, O., Evdokimov, V. V.; third row – unknown, Melnik, S., Chindin, A. Yu., Tokpanov, B.

Photo from the archives of the Museum of Archaeology and Ethnography SAI

археологических памятников Центрального Казахстана со стендовой подачей фотоматериала и прорисовками. В 1985 г. состоялась официальная церемония открытия новой экспозиции музея, включающей 20 витрин с экспонатами археологии и раздел этнографии. С музеем, прошедшим целый ряд реорганизаций [отдел археологии, лаборатория-музей, музей при исследовательском институте – прим. авт.], деятельность К.М. Карабаспаковой была тесно связана в течение многих лет, вплоть до ухода на пенсию в 2005 г.

Уже в 1981 г. она поступила в целевую аспирантуру по специальности «Археология» при Институте истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР, где обучалась до марта 1986 года. К.М. Карабаспакова вспоминает об этом в своей статье: «В те годы поступить в аспирантуру было большой удачей, поскольку целевые места выделяли крайне редко и мне пришлось несколько лет ждать этой возможности. По завершении сдачи вступительных экзаменов я была приглашена в кабинет К.А. Акишева и он сам предложил мне научное руководство» [Карабаспакова, 2014, с. 56]. С этого момента ее судьба была связана с К.А. Акишевым, которого она считает своим учителем в науке, и с неисследованной ранее темой «Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы», призванной заполнить лакуну в археологии. Благодаря «благословению» К.А. Акишева, Культай Мухамедьевна стояла у истоков бронзоведения Жетысу. Известных к тому времени памятников было мало, большую часть их еще предстояло найти. Так произошло ее дальнейшее становление как самостоятельного исследователя-археолога.

В середине 1980-х гг. она была начальником отряда по исследованию памятников эпохи бронзы Жетысу в составе Семиреченской археологической экспедиции. Это звучит весомо, но на самом деле Культай Мухамедьевне приходилось выполнять функции землекопа, чертежника, экспедитора, повара и она спокойно делала всю эту работу. Результатом этой самоотверженной и плодотворной деятельности стали десятки раскопанных памятников, нередко расположенных в труднодоступной местности. Ею исследованы многие яркие памятники Жетысу – могильники Айдархан, Арасан, Буйен, Талапты 1, 2, Мыншункыр, поселения Буйен, Ащибулак, Теренкара и др. Это недели и месяцы напряженного труда при любых погодных условиях и обстоятельствах. Специфика научного исследования и повседневной работы была абсолютно другая, чем в музее и университете. Необходимо было проявлять больше самостоятельности, принимать порой рискованные решения, брать ответственность на себя и со всем этим достойно справлялась хрупкая женщина.

И вновь цитата из статьи юбилея: «Сейчас я осознаю, что была нестандартна: отчиталась на Ученом Совете о проделанной работе рукописью диссертации, прошла предзащиту, скинула груз с плеч и... пропала. Выпала на последующие годы, занимаясь детьми, семьей, преподаванием. Для меня факт признания моих достижений в науке не был столь важен. Официальный статус значил для меня меньше, чем одобрение К.А. Акишева. Именно по его настойчивой просьбе, высказанной в конце 1990-х гг., я защитила свою диссертацию и искренне благодарна всем коллегам, которые помогли мне в этом»

[Карабаспакова, 2014, с. 58]. Культай Мухамедьевна всегда трепетно и с особой теплотой вспоминает своего учителя, благодаря которому стала настоящим профессионалом в археологии.

В 1998 году К.М. Карабаспакова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «Археология» (07.00.06.) по теме «Племена Семиречья и Южного Казахстана в эпоху бронзы». Работа была выполнена в Институте археологии им. А.Х. Маргулана Академии наук Республики Казахстан. В диссертационном исследовании, используя свои полевые материалы, архивные отчеты и публикации коллег, она тщательно проанализировала и обобщила имеющийся к тому времени комплекс источников. Коллеги-археологи, высоко оценивая рукопись диссертации, отмечали основательность теоретической базы и доскональный разбор накопленных материалов. Это была успешная попытка создания цельной картины бронзового века южного региона – древние культуры рассматривались в контексте их происхождения, развития и характера хозяйственной деятельности населения. К.М. Карабаспакова выделила новую буйенскую (биенскую) культуру эпохи поздней бронзы Жетысу, образовавшуюся в результате миграций и взаимовлияния нескольких культур. Глубина проблематики сочеталась со скрупулезным анализом материала и всесторонней аргументацией. Ее выводы и заключения, подтвержденные временем и новыми исследованиями, органично вписываются в общую канву современного бронзоведения. Благодаря личной инициативе А.З. Бейсенова этот материал был издан через 13 лет после защиты без дополнений

в виде монографии, продолжая оставаться актуальным и интересным, поскольку некоторые проблемы, обозначенные К.М. Карабаспаковой, ждут подобного пытливого исследователя, ведь процесс научного познания бесконечен.

После окончания аспирантуры К.М. Карабаспакова работала старшим преподавателем на кафедре исторического факультета, которая в разные годы называлась по-разному – истории Казахстана; древнего мира; археологии и этнологии; археологии, этнологии и Отечественной истории. Это был большой и важный период в жизни, когда она, обучая студентов, читала курсы по «Основам археологии», археологии Казахстана, средневековой истории Казахстана и спецкурсы по древней истории и археологии. С апреля 2000 г. по декабрь 2003 г. работала доцентом на кафедре археологии, этнологии и Отечественной истории.

Рис. 3. К.М. Карабаспакова и Б.М. Абдрахманова на кафедре истории Казахстана. Начало 1990-х. гг. Фото из архива музея археологии и этнографии САИ

Fig. 3. Karabaspakova, K. M. and Abdrahmanova, B. M. at the Department of History of Kazakhstan. The early 1990s. Photo from the archives of the Museum of Archaeology and Ethnography SAI

Преподавательская деятельность К.М. Карабаспаковой – отдельная тема. Студенты всегда с благодарностью отзывались о ее занятиях, запоминающихся массой информации, аналитикой, эрудицией лектора. Всех удивляло ее уважительное отношение к молодежи; отсутствие назидательности; ее своеобразная манера говорить – медленно, вдумчиво, слегка картавя, как бы предлагая размышлять вместе; лаконичные, но вместе с тем убедительные формулировки и выводы; неординарное видение проблем археологии и древней истории. При всем при этом «дипломники» К.М. Карабаспаковой сталкивались с небывалой требовательностью и даже жесткостью своего научного руководителя. По словам выпускника исторического факультета О. Шарияздина [в настоящее время к.и.н., руководитель археологических фондов и музея Международной тюркской академии, г. Астана – прим. авт.], его дипломная работа «Археологическая карта Шетского района Карагандинской области» далась ему, что называ-

ется, «потом и кровью» – множество консультаций, провокационных вопросов, ценных советов и постоянное совершенствование готового текста. Зато на защите научный руководитель с «открытым забралом» отстаивал отличную оценку для своего питомца, видимо, вспоминая подобный случай из своей биографии.

Вот какими воспоминаниями поделился Н. Смагулов – бывший студент, впоследствии коллега по кафедре, а в настоящее время кандидат исторических наук, руководитель управления анализа Департамента внешнеполитического анализа и прогнозирования МИД РК: «Образ Культар Мухамедьевны в воспоминаниях студенческих лет запечатлелся в самых красочных тонах. Каждый студент в группе, выступая на семинарах или сдавая рефераты, стремился не оплошать, чтобы не подпасть под град ироничных замечаний этого мастера утонченной словесности. Для нее всегда был характерен изящный юмор, от которого частенько становилось дискомфортно ее безответ-

Рис. 4. К.М. Карабаспакова и карагандинские археологи В.В. Варфоломеев и В.Г. Ломан. 2018 г. Фото из архива музея археологии и этнографии САИ

Fig. 4. Karabaspakova, K. M. and archaeologists Varfolomeev, V. V. and Loman, V. G. 2018. Photo from the archives of the Museum of Archaeology and Ethnography SAI

ственным ученикам. Она заставляла человека задумываться над процессом собственного самосовершенствования, при этом не заостряя внимания на недостатках. Наоборот, после общения с ней недостатки волшебным образом превращались в достоинства. Впоследствии, став коллегами, я раскрыл для себя множество удивительных сторон её замечательного характера и, прежде всего, безграничную самоотдачу в работе. Терпеливый и внимательный собеседник, остроумный полемист, всесторонне эрудированный преподаватель, позитивный человек, талантливый педагог – это лишь маленькая толика тех качеств, которые я так хотел бы иметь в своем жизненном багаже, видя положительный для себя пример в лице Культай Мухамедьевны Карабаспаковой» [из личной беседы с Н.К. Смагуловым – прим. авт.].

Доброжелательным и опытным наставником помнят Культай Мухамедьевну и те студенты, кому посчастливилось поработать с ней на археологической практике в ходе исследований поселения финальной бронзы Бугулы I. Это была середина–конец 1990-х гг. – последние годы, когда К.М. Карабаспакова могла выехать в полевые условия. Позднее это стало невозможным из-за тяжелой болезни,

с которой она стойко борется по сей день, не теряя веры в будущее. Стаж ее работы в археологических экспедициях более 30 лет и этот бесценный опыт объясняет филигранную методику раскопок профессионального полевого, высокий профессионализм и неугасимое любопытство к неизвестному.

Еще в студенческие годы среди друзей, а позднее и коллег, ее стали называть «Кыпчачкой» – первоначально за этим стояла принадлежность к родовому подразделению. С годами стало ясно, что подоплека второго имени гораздо глубже и свидетельствует о житейской мудрости и спокойствии Культай Мухамедьевны, умноженных достойным воспитанием и образованием, национальными традициями и уверенностью в себе. К.М. Карабаспакова состоялась и в личной жизни, воспитав двух дочерей.

Цитируя А.З. Бейсенова, следует признать, что: «Эта хрупкая, маленькая женщина сказала свое слово в археологии Казахстана...» [Бейсенов, 2011, с. 6]. Выражая свою признательность и уважение, хочется пожелать Культай Мухамедьевне долгих лет жизни, много света, добра, высокого полёта её утонченного юмора и счастья общения с внуками!

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карабаспакова К.М.* Пример служения науке... // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 56-58.
2. *Бейсенов А.З.* От редактора // Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 5-6.

Список публикаций К.М. Карабаспаковой

Автореферат:

Племена Семиречья и Южного Казахстана в эпоху бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 1998. 26 с.

Монография:

Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Отв. ред. А.З. Бейсенов. 220 с., илл.

Статьи:

Статистическая обработка керамического поселения Саргары // VI Уральская научная студенческая археологическая конференция: тез. докл. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия СССР, 1974. С. 34-35.

Могильник Бийликуль – памятник ранней бронзы Южного Казахстана // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск–Уфа: изд-во Башкирского ун-та, 1983. С. 152-158 (в соавт. с Мотовым Ю.А.).

К вопросу о культурной принадлежности памятников эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Семиречья и их связями с памятниками Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: изд-во КарГУ, 1987. С. 90-101.

Исследования памятников эпохи бронзы в долине р. Биен (северо-восточное Семиречье) // АО-1985. М.: «Наука», 1987. С. 570-571.

Роль инновации в сложении биенской культуры поздней бронзы Семиречья // Проблемы археологии Степной Евразии: тез. докл. – Кемерово: изд-во КемГУ, 1987. Ч. 1. С. 97-101.

Новые памятники эпохи бронзы Восточного Семиречья // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск: б.и., 1988. С. 24-39 (с соавт. с Марьяшевым А.Н.).

Жертвенный баран в системе погребального обряда эпохи бронзы // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск: б.и., 1989. С. 159-160.

Этнокультурные связи населения эпохи поздней бронзы Семиречья (по материалам могильника Арасан) // Первые Маргулановские чтения. Алма-Ата: ИИиЭ им. Ч. Валиханова, 1989. С. 95-97.

Погребальный обряд как палеосоциологический источник (по материалам могильника Кумган II) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнологических источников Западной Сибири. Томск: Том. гос. ун-т им. В.В. Куйбышева, 1990. С. 63-65.

Историко-культурные процессы в Семиречье в эпоху бронзы // Тез. докл. XVI науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, научных работников, аспирантов и студентов. Караганда: изд-во КарГУ, 1991. С. 18-19.

Этнокультурная ситуация в Семиречье в эпоху поздней бронзы // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1991. С. 12-14.

К вопросу о становлении Семиреченского очага металлообработки в эпоху бронзы // Маргулановские чтения. Петропавловск: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 1992. С. 49-51.

К вопросу об изучении древностей эпохи бронзы на территории Семиречья и Южного Казахстана // Букетовские чтения: тез. докл. межвуз. конф. Караганда: изд-во КарГУ им. академика Е.А. Букетова, 1992. С. 147-149.

К проблеме выделения основных центров и периферийных очагов внутри андроновской культурно-исторической общности // Казахстан между Западом и Востоком:

проблемы национальной и всемирной истории. Караганда: изд-во КарГУ им. академика Е.А. Букетова, 2000. С. 52-60.

Пример служения науке... // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 56-58.

Сведения об авторе:

Бедельбаева Марина Васильевна – кандидат исторических наук, заведующая музеем археологии и этнографии, Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан); bmv_1967@mail.ru

**КӨНЕМЕН ЖАНАСУ: ҒАЛЫМНЫҢ ӨМІРБАЯН ЖОЛДАРЫ
(К.М. ҚАРАБАСПАҚОВАНЫҢ МЕРЕЙТОЙЫНА)**

М.В. Бедельбаева

Мақалада археолог, мұражай қызметкері, мұғалім Күлтай Мұхамедқызы Қарабаспақованың өмір жолының негізгі кезеңдері қарастырылған. Оның есімі Еуразияның қола дәуірінің мәселелерін зерттеушілерге жақсы танымал. Жастық шағында геологиялық экспедициялардың ізденістерді ертерек таныған Күлтай Мұхамедқызы тарихшы, археолог болуды армандады. К.А. Ақышев пен Г.Б. Здановичтерді өзінің ұстаздары санайды. К.М. Қарабаспақованың негізгі ғылыми қызығушылықтары Жетісу және Оңтүстік Қазақстан қола дәуірін зерттеумен байланысты.

Түйін сөздер: археология, К.М. Қарабаспақова, Жетісу, қола дәуірі, археологиялық мәдениет, ғылыми зерттеу, университет, мұражай

**TOUCHING TO ANCIENCY: SCIENTIST BIOGRAPHY PAGES
(for the anniversary of K.M. Karabaspakova)**

M.V. Bedelbayeva

The article outlines the main landmarks of the life path of Kultai Mukhamedevna Karabaspakova, an archaeologist, museum worker, teacher. Her name is well known to professional researchers of the Bronze Age of Eurasia. In her youth, having learned the romance of searching in geological expeditions, she dreamed of becoming a historian, an archeologist. She considers K.A. Akishev and G.B. Zdanovich as her teachers. The main scientific interests of K.M. Karabaspakova are associated with the study of the bronze epoch of Jetysu and South Kazakhstan.

Keywords: archaeology, K.M. Karabaspakova, Jetysu, Bronze age, archaeological culture, research scientific, University, museum

REFERENCES

1. Karabaspakova, K. M. 2014. In Baitanayev, B. A., Baipakov, K. M. (Ed.) *Voskhozhdenie k vershinam arheologii: sb. mater. mezhdunar. nauchn. konf. «Drevnie i srednekovye gosudarstva na territorii Kazahstana», posvyashch. 90-letiyu so dnya rozhdeniya K.A. Akisheva (Climbing to the heights of archeology: mater. International scientific conf. “The ancient and medieval states in the territory of Kazakhstan,” dedicated the 90th anniversary of the birth of K.A. Akishev)*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology Publ., 56-58.

2. Beisenov, A. Z. 2011. In Beisenov, A. Z. (Ed.) *Karabaspakova, K. M. Jetysu i Yuzhnui Kazakhstan v epohu bronzy (Jetysu and South Kazakhstan in the Bronze Age)*. Almaty: NICIA «Begazy–Tasmola», A.Kh. Margulan Archaeology Institute Publ., 5-6.

About the Author:

Bedelbayeva Marina V. Candidate of historical sciences, director archaeology and ethnography museum, Saryarka archaeological Institute, Karagandy state university after academician E.A. Buketov, Karagandy, Kazakhstan; bmv_1967@mail.ru

ПУТЕШЕСТВУЯ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ (к юбилею Э.Р. Усмановой)

© 2018 г. М.В. Бедельбаева

Статья посвящена биографии и некоторым результатам работ неординарного и яркого представителя археологического сообщества Казахстана - Э.Р. Усмановой. Сфера ее научных интересов включает изучение андроновской культуры в ритуальном контексте поведения человека, реконструкцию костюма эпохи бронзы. В своей деятельности она в полной мере реализует сочетание археологического и музееведческого интереса, являясь автором ряда музейных экспозиций и куратором выставок.

Ключевые слова: археология, Э.Р. Усманова, эпоха бронзы, Верхнее Притоболье, археологическая культура, реконструкция, музейный проект

Эмма Радиковна Усманова родилась 28 сентября 1958 года в г. Караганде. В 1965–1969 гг. училась в СШ № 59, в 1970 – в школе-интернате г. Москвы, в 1971–1975 гг. - в СШ № 3 в г. Караганде. В 1975 г. поступила на исторический факультет КарГУ, который закончила в 1980 г. В течение года (1980-1981) работала учителем в восьмилетней школе с. Крещеновка Осакаровского района Карагандинской области. Затем работала в историко-краеведческом музее г. Жезказгана старшим научным сотрудником, заведующей отделом досоветского периода. С 1985 г. по настоящее время является научным сотрудником КарГУ им. академика Е.А. Букетова. Участник многих казахстанских и зарубежных научно-исследовательских и археологических экспедиций, руководитель Лисаковской археологической экспедиции, автор четырех монографий и более 100 публикаций по археологии и древней истории Казахстана.

Таковы строки официальной биографии Э.Р. Усмановой. Но... уникальность и многогранность личности Эммы Радиковны, превратности и метаморфозы ее судьбы не позволяют ограничиться лишь этим лаконичным форматом.

В детстве мама Эммы Р.Л. Хуснуллина [историк-античник по образованию, ученица казанского историка А. Шофмана – прим. авт.] подарила Эмме знаковые книги: «Мифы древней Греции» А. Куна и «Аку-Аку» Т. Хейердала. Прочитав их запоем, она начала грезить о великих археологических открытиях. Впервые предметно столкнулась с археологией в кружке Московского Дворца пионеров и школьников, когда ее мама училась в аспирантуре МГУ. Занятия вел известный ученый Борис Григорьевич Петерс – старший научный сотрудник сектора античной археологии Института археологии АН СССР, автор более 100 научных статей и книг по античной, восточной, средневековой и

подводной археологии. В дальнейшем многие из слушателей этого кружка, закончив МГУ, стали известными учеными. Б.Г. Петерс умел разбудить в своих питомцах жажду познания древности и уже в 11 лет Эмма принимает участие в первой экспедиции на раскопках славянского городища в Ступино в Московской области.

Следующим решительным шагом в археологию стал кружок юных археологов во Дворце пионеров г. Караганды, где наставниками школьников был ныне известный российский археолог Геннадий Борисович Зданович, а также студенты истфака В. Варфоломеев, В. Калинин, Н. Иванова, И. Янцен и руководитель археологического кабинета в КарГУ М. Хабдулина.

Поступив на исторический факультет КарГУ, Э. Усманова уже твердо знала, что будет заниматься археологией. Именно университетские преподаватели Г.Б. и С.Я. Здановичи, В.В. Евдокимов смогли поддержать ее стремление и воплотить детские мечты. И, конечно же, экспедиции, манившие романтикой с ранней юности. Еще студенткой Э.Р. Усманова принимала участие в составе ЦКАЭ в исследованиях поселения Атасу, ставшего хрестоматийным памятником Центрального Казахстана. Большую роль в ее археологическом формировании сыграл М.К. Кадырбаев, исследователь с незаурядным мышлением и интеллектом. Позднее это были раскопки поселений Ак Мустафа, Мыржык, Кент, могильников Шет, Ак Мустафа, Сангыру, Атасу. Студенческой археологической практикой в университете в те годы руководил молодой препода-

ватель С.У. Жауымбаев. В 1977 г. под руководством В.В. Евдокимова студенты исследовали поселение Семиозерное (Костанайская обл.) и именно тогда, как считает Эмма Радиковна, ей была передана эстафета изучения памятников Верхнего Притоболья.

Всё складывалось, как видим, вполне удачно для молодого археолога. И тут произошел, на первый взгляд, неожиданный, но при ближайшем рассмотрении – вполне предсказуемый поворот в судьбе. В 20 лет она стала участницей подпольной организации «Юный коммунар», которая была признана органами КГБ антисоветской. К счастью участников группы не осудили, но последствия были: талантливую студентку, обладателя стипендии им. Н.К. Крупской Эмму Усманову лишили именной стипендии, а при распределении не позволили остаться работать в КарГУ – слишком очевидным был диссонанс между поведением будущего молодого-

*Эмма Радиковна Усманова.
Фото Н. Гончаровой, 2008 г*

*Emma Radikovna Usmanova.
Photo by N. Goncharova, 2008*

го специалиста и существовавшими на тот момент реалиями «партийного» исторического факультета.

Так, молодой специалист Усманова получила распределение в маленькую деревушку Крещеновка в Осакаровском районе. Работа в сельской школе потребовала от Эммы Радиковны разносторонних компетенций и позволила пройти хорошую жизненную школу. Показательна запись в ее трудовой книжке, где говорится о преподавании не только истории, но и физкультуры, биологии. Молодая учительница достойно справилась со всеми трудностями и приобрела новых друзей в лице коллег-учителей.

Следующие три года жизни, проведенные в Жезказгане, были насыщены работой в краеведческом музее и, одновременно, в Доме пионеров, где по инициативе Э.Р. Усмановой был открыт кружок «Эх, раскопаем!». В течение трех лет эти ребята участвовали в исследованиях поселений и могильников Атасу, Мыржык, Ак Мустафа. В качестве руководителя детской экспедиции Э.Р. Усманова самостоятельно исследовала бегазинский могильник Уйтас Айдос и курганы средневековых кочевников в Улытауском районе. В рамках кружка Эмма Радиковна воспитала целую когорту романтиков и благодарные бывшие ученики до сих пор остаются самыми надежными её друзьями и единомышленниками, разделяя с ней счастливые минуты жизни и всегда готовые помочь в решении ее проблем.

С 1985 г. по настоящее время Э.Р. Усманова плодотворно работает научным сотрудником музея археологии и этнографии КарГУ им. Е.А. Букетова и среди различных научных исследований приоритетным направ-

лением для неё всегда было и остаётся изучение эпохи бронзы Верхнего Притоболья. Без преувеличения можно сказать, что руководство Лисаковской археологической экспедиции стало основным делом её жизни.

История экспедиции насчитывает более 30 лет. Была сформирована команда единомышленников, зараженных энтузиазмом начальника экспедиции и готовых работать, что называется «не за деньги, а за совесть». В общей сложности Лисаковская экспедиция в разрезе всех лет её деятельности – это около тысячи профессионалов и любителей из Алматы, Астаны, Жезказгана, Караганды, Костаная, Сатпаева, Петропавловска, Москвы, Челябинска, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Уфы, Казани, Калининграда, Днепропетровска, Минска, Киева, Львова, Таллина, Сантьяго де Чили, Копенгагена. Сама Эмма Радиковна считает, что секрет успешных археологических раскопок на берегах реки Тобол, это, прежде всего, команда экспедиции, ее люди, коллеги и волонтеры Лисаковской археологической экспедиции и сама атмосфера города. Как справедливо пишет В.В. Ткачев [к.и.н., доцент, СНС Института степи Уральского отделения РАН, Оренбург, РФ – прим. авт.]: «Это исследовательский проект “с человеческим лицом”... Лисаковская экспедиция обрела международный статус не в результате межгосударственных соглашений, а благодаря духовному единению обычных людей, бескорыстно участвующих в общем благородном деле» [Ткачев, 2013, с. 12].

Отдельного упоминания заслуживает вклад администрации города в исследование древней истории. Городские власти и предприятия, Костанайское управление культуры,

меценаты-бизнесмены и просто жители города Лисаковска всегда организационно (а порой и материально) поддерживали работу экспедиции. По инициативе Э.Р. Усмановой и при личном участии был создан Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья, куратором которого она является и в настоящее время. Заслуженной Эммы Радиковны является то, что ее детище награждено Золотой медалью как лучший музей ближнего зарубежья на Межрегиональном Общественном открытом конкурсе «Музей года Евразия - 2008» (г. Екатеринбург, Россия). Руководство и жители региона по достоинству оценили большой личный вклад Эммы Радиковны в изучение истории родного края – она награждена званием «Почетный гражданин г. Лисаковска», является лауреатом премии «Казына» Костанайского клуба меценатов в номинации «Культурное наследие» (2007).

Научные итоги работы Лисаковской экспедиции состоят в исследовании компактной группы относительно синхронных памятников Верхнего Притоболья, образующих целый археологический микрорайон, связанный с функционированием обособленной производственной структуры. Особенностью изученных памятников является органичное сочетание алакульских и федоровских традиций, что играет определяющую роль в решении андроновской проблемы. С коллекциями работали ученые из США и Великобритании. В научном сообществе по достоинству оценена высокая степень достоверности целой серии радиоуглеродных дат этого памятника, сопряженных с дендрохронологическими исследованиями и другими уточняющими междисциплинарными методами. Комплексность в изучении археологических

объектов характеризует принципы работы Э.Р. Усмановой: это анализ антропологических и остеологических коллекций, вопросы палеодемографии, социокультурные реконструкции, реконструкция костюма эпохи бронзы, варианты интерпретации ритуалов, консервация и реставрация, а также культурологический контекст тысячи артефактов.

Э.Р. Усманова имеет богатый опыт музееведения: является одним из авторов экспозиции музея археологии и этнографии КарГУ им. Е.А. Букетова, автором экспозиций Жезказганского историко-археологического музея, музея-заповедника Сулайман-Тоо (Ош, Кыргызстан), заповедника музея «Улытау». За активную работу в сфере музейной деятельности в 2015 г. Э.Р. Усманова была отмечена нагрудным знаком Министерства культуры и спорта РК «Мәдениет саласының үздігі» («Лучший работник культуры»). В 2016 г. она вошла в состав Казахстанского Национального комитета Всемирного наследия при Национальной комиссии РК по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО (Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры).

Участник множества исследовательских проектов и международных программ, она постоянно совершенствуется в профессиональном и научном плане: стажировалась в Карнеги-музее (г. Питсбург, США, 2004), в Оксфорде (Великобритания, 2004), участник тренинга по консервации и музеологии (г. Хиросима, Япония, 2005), единственная участница из стран СНГ в программе «Сохранение культурного наследия» (США, 2009), участник проекта «Пастушество и доместикация лошади азиатской степи в доисторическое время» (Университет г. Эксетера, Великобритания), ку-

ратор от Казахстана международного проекта по изучению ДНК древнего населения эпохи бронзы (Копенгагенский университет, Музей естественной истории Дании, Центр биогенетики (Дания), Музей Кон-Тики (Норвегия)). Постоянный участник международных Евразийских археологических конгрессов и конференций Европейской Археологической Ассоциации (FICEA Измир, 2007; ЕАА Стамбул, 2014; Вильнюс, 2016; Маастрихт, 2017; Барселона, 2018).

Ее познания в области культурологии, музееведения, дизайна, фотографии, этнографии, семиотики, фольклористики удивляют, а умение использовать эти знания в области археологических реалий ушедших эпох является результатом глубокого анализа, симбиоза научного и популярного жанров и ...безграничной фантазии, без которой немислимо ни одно научное открытие. Знание языков позволяет активно путешествовать и география этих поездок завораживает, с трудом поддаваясь подсчету. Это десятки стран, сотни встреч и знакомств, тысячи фотографий. На основе собственных высококачественных профессиональных снимков она разрабатывает дизайны буклетов и специальных изданий. Одно из таких изданий, подготовленное совместно с журналистом Е.Н. Кузнецовой и фотографами Г. и В. Жувакиными, посвящено исследованию историко-культурного ландшафта Карлага как части архипелага ГУЛАГ.

Особый интерес вызывают ее эссе, написанные в формате воспоминаний, – о М.К. Кадырбаеве, К.А. Акишеве, Е.Е. Кузьминой, Ж. Курманкулове, В.В. Евдокимове. Знаковое место в ее археологической судьбе занимают известные российские ученые из Института востоковедения РАН Д.С. Ра-

евский и Е.В. Антонова, из Института археологии РАН – Н.Я Мерперт. Археологический опыт формировался участием в исследованиях Хорезмской археологической экспедиции (Л.М. Левина, 1993, 1994 гг.), в Термезской экспедиции (Т.К. Мкртычев, 1995 г.). Культурологические познания совершенствовались в Казахском научно-исследовательском институте по проблемам культурного наследия номадов (2009–2011). До сих пор не растает Эмма Радиковна и со своим жезказганским «гнездом», работая куратором в Национальном историко-культурном и природном заповеднике-музее «Улытау».

И везде, где работала и работает Эмма Радиковна, она трудится с большой самоотдачей, креативно, генерирует новые идеи и формы работы. В качестве примера приведем один из её новых успешно состоявшихся проектов – Фестиваль древних технологий и культурных коммуникаций «Desh–Thor» памяти Тура Хейердала, проведенный 3–5 августа 2018 г. в Лисаковске совместно с коллегами из Алматы, Петропавловска, Челябинска, Екатеринбургa.

Закончить эту статью хотелось бы в стиле, более характерном для самой Эммы Радиковны – эмоциональном. Речь пойдет о тех качествах, которые, видимо, предопределила сама судьба, когда мама нарекла будущего учёного именем «Эмма». Это было сделано по просьбе деда Эммы Радиковны, который будучи солдатом Советской армии в годы второй мировой войны попал в плен и прошёл через суровые испытания в одном из самых страшных лагерей для военнопленных в районе города Бохум (Германия). Не ожесточившись сердцем, оставив в нём место для любви и веры в будущее, он привёз из далё-

кой страны это имя для своей первой внучки. И с тех пор, буквы этого имени задают основной алгоритм жизни Эммы Радиковны.

«Э» – энтузиазм; «М» – многогранность; «М» – мудрость;

«А» – аскетизм, в котором проявляется личностный стержень Эммы Радиковны Усмановой – безграничная преданность археологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ткачев В.В.* С любовью вглубь тысячелетий // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты: сб. ст. / Отв. ред. Э.Р. Усманова. Караганда–Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. С. 11-14.

Список основных публикаций Э.Р. Усмановой

Монографии:

Накосные украшения эпохи бронзы Казахстана. Лисаковск, 1999. 64 с. (в соавт. с *Логвиным В.Н.*).

Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда–Лисаковск, 2005. 232 с.

Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда–Лисаковск, 2010. 176 с., ил.

Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты: сб. ст. / Отв. ред. Э.Р. Усманова. Караганда–Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. 336 с.

Статьи на русском языке:

Элитные погребения в обряде племен андроновской общности // Верования и культуры домусульманской Средней Азии. М.: Государственный музей Востока, 1997. С. 63–65.

Женский головной убор и его семиотический статус в древних культурах Евразии. Woman's Headdress and its semiotic status in ancient Eurasian cultures // Historical and Linguistic interaction between Inner Asia and Europe. Hungari, Szeged, 1997. P. 391–400.

Памятники II в. до н.э. – I в. н.э. в урало-казахстанских степях // Приаралье в древности и средневековье. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 151–155. (в соавт. с *Боталовым С.Г.*).

Реконструкция костюма из могильника Дашти-Козы // ВААЭ. 2001. Вып. 3. С. 73–79 (в соавт. с *Потемкиной Т.М.*).

«Мировая Гора» и сакральное пространство в андроновском погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Северная Евразия в эпоху бронзы. Пространство. Время. Культура. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 132–135.

«Андроновская» предтеча текстильных кочевых технологий (по материалам могильников Лисаковский округи) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана: сб. матер. Междунар. научн. конф. (г. Алматы, 23–24 апреля 2009). Алматы: Print-S, 2010. С. 321–328.

Этноархеологическая реконструкция феномена кыстау (зимовки) // Кадырбаевские чтения-201: матер. III Междунар. научн. конф. Актобе, 2012. С. 492–499.

Погребения монгол-буддистов конца XIII – начала XIV в. из Центрального Казахстана // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Пекин: Science Press, 2015. Т. 2. С. 515–523 (в соавт. с *Дремовым И.И., Панюшкиной И.П.*).

Презентация андроновского костюма в экспозиции музея (по материалам могильника Лисаковский эпохи бронзы) // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 289–304.

Бусы из египетского фаянса из казахстанских памятников андроновской общности // История и археология Семиречья. Алматы, 2017. Вып. 5. С. 40–54 (в соавт. с *Лихтер Ю.А.*).

Статьи на иностранных языках:

- Calendar Age of Lisakovsky timbers attributed to Andronovo community of Bronze Age in Eurasia // *Radiocarbon*, 2008. № 50 (3), 459–469 (в соавт. с Panyushkina I.P., Mills B.J., Li Cheng).
- Horses for the dead funerary foodways in Bronze Age Kazakhstan // *Antiquity*, 2011. № 85, 116-128 (в соавт. с Outram A.K., Stear N.A., Kasparov A., Varfolomeev V., Evershed R.P., etc.).
- Frauenkleidung – zum Stand der Textiltechnologie in der Bronzezeit Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. Band I. S. 315-323 (в соавт. с Sylvia Mitschke).
- Dental health, diet, and social transformations in the Bronze Age: Comparative analysis of pastoral populations in northern Kazakhstan // *Quaternary International*, 2014, 1–17 (в соавт. с Ventresca Miller A., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A.).
- Subsistence and social change in central Eurasia: stable isotope analysis of populations spanning the Bronze Age transition // *JAS*. 2014. Vol. 42, 525–528 (в соавт. с Ventresca Miller A., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A., Privat K., Haas K., Rosenmeier M.).
- Dental health, diet, and social transformations in the Bronze Age: Comparative analysis of pastoral populations in northern Kazakhstan // *Quaternary International*. 2014. Vol. 348, 130-146 (в соавт. с Ventresca Miller A., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A.).
- The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen // *JAS*. 2015. Vol. 59. Elsevier Science B.V., Amsterdam. P. 23–34. (в соавт. с Motuzaite Matuzeviciute G., Lightfoot E., Loman V., O'Connell T.C., Voyakin D., Liu X., Svyatko S., Jones M.K.).
- Early indicators to C4 plant consumption in central Kazakhstan during the Final Bronze Age and Early Iron Age based on stable isotope analysis of human and animal bone collagen // *Archaeological Research in Asia*, 1–18. Journal homepage: www.elsevier.com/locate/ara (в соавт. с Ananyevskaya E., Aytqaly A., Beisenov A., Dmitriev E., Garbaras A., Kukushkin I., Loman V., Sapolaite J.).
- Pastoralist Mobility in Bronze Age Landscapes of Northern Kazakhstan: 87Sr/86Sr and $\delta^{18}O$ Analyses of Human Dentition from Bestamak and Lisakovsk // *Environmental Archaeology*, 2017. Published online 31 October 2017: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14614103.2017.1390031> (в соавт. с Ventresca Miller A., Winter-Schuh C., Logvin A., Shevnina I. & Makarewicz C.A.).
- 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // *Nature*. 17 may 2018. Vol 557 # 7705, 369-374. <https://doi.org/10.1038/s41586-018-0094-2> (в соавт. с Peter de Barros Damgaard, Marchi N., Rasmussen S., Peyrot M., Renaud G., Korneliussen T., Moreno-Maya V.J., Pedersen M.W., Goldberg A., etc.).
- Ancient hepatitis B viruses from the Bronze Age to the Medieval period // *Nature*. 17 may 2018. Vol 557 # 7705, 418-423 <https://doi.org/10.1038/s41586-018-0094-2> (в соавт. с Mühlemarm B., Jones Terry C., Damgaard Peter de Barros, Allentoft Morten E., Shevnina I., Logvin A., etc.).

Сведения об авторе:

Бедельбаева Марина Васильевна – кандидат исторических наук, заведующая музеем археологии и этнографии, Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан); bm_v_1967@mail.ru

**УАҚЫТ ПЕН КЕҢІСТІКТЕГІ САЯХАТ
(Э.Р. Усманованың мерейтойына арналған)**

М.В. Бедельбаева

Мақала Қазақстан археология қоғамдастығының аса бір көрнекті өкілі Э.Р.Усманованың өмірі мен ғылыми жұмыстарының нәтижелеріне арналған. Ғалымның ғылыми зерттеу аясына Андронов мәдениетін адамгершілік мінез-құлық жағдайында зерттеу, қола дәуірінің костюмдерін қайта құру кіреді. Оның осы бағыттағы қызметінде археологиялық және мұражайлық қызығушылықтарының бір-бірімен әдемі үйлесімділік тапқанын ғалымның мұражайлық экспозициялар мен көрмелердің тәлімгері болуынан көреміз.

Түйін сөздер: археология, Э.Р. Усманова, қола дәуірі, Жоғарғы Тобыл маңы, археологиялық мәдениет, қайта құру, мұражай жобасы

**TRAVELING IN TIME AND SPACE
(for the anniversary of E.R. Usmanova)**

M.V. Bedelbayeva

The article is devoted to the biography and some results of the work of an extraordinary and bright representative of the archaeological community of Kazakhstan E. R. Usmanova. As a scientist she studies the Andronovo culture in the ritual context of human behavior and reconstructs the clothes of people of the Bronze Age. In her activities archaeological and museological interests are combined – she is the author of a number of museum expositions and exhibitions curator.

Keywords: archaeology, E.R. Usmanova, Bronze Age, Upper Tobolye, archaeological culture, reconstruction, museum project

REFERENCES

1. Tkachev, V. V. 2013. In Usmanova, E. R. (ed.) *Pamyatniki Lisakovskoy okrugi: arkhelogicheskiye syuzhety (The sites of the Lisakovsk area: archaeological scenes)*. Karaganda–Lisakovsk: “Tengri Ltd” Publ., 11-14 (in Russian).

About the Author:

Bedelbayeva Marina V. Candidate of historical sciences, director Archaeology and ethnography museum, Saryarka archaeological Institute, Karagandy State University after academician E.A. Buketov, Karagandy, Kazakhstan; bmv_1967@mail.ru

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 17.10.2018.

ПАМЯТИ Е. Х. ХОРОШ (1957–2018)

© 2018 г. И.В. Ерофеева

В октябре 2018 г. оборвалась жизнь Е.Х. Хорош – высококлассного профессионала-архитектора в сфере изучения, охраны и реставрации памятников истории и культуры на территории нашей страны, целеустремленного и деятельного подвижника идеи бережного отношения к культурному наследию Казахстана, неутомимого труженика, посвятившего любимому делу без преувеличения всю свою жизнь.

Ключевые слова: Е.Х. Хорош, охрана и реставрация памятников истории и культуры Казахстана, историко-культурное наследие

18 октября этого года скоропостижно оборвалась жизнь Елены Христововны Хорош – высококлассного профессионала-архитектора в сфере изучения, охраны и реставрации памятников истории и культуры на территории нашей страны, целеустремленного и деятельного подвижника идеи бережного отношения к культурному наследию Казахстана, неутомимого труженика, посвятившего любимому делу без преувеличения всю свою жизнь.

Закончив в начале 1980-х гг. Алма-Атинский архитектурно-строительный институт, Е.Х. Хорош в течение многих лет проработала сначала в Проектно-конструкторском институте по консервации и реставрации памятников культуры «Казпроектреставрация», затем – в Научно-исследовательском и проектном институте памятников материальной культуры РК, в 2006–2011 гг. – в Казахском научно-исследовательском институте по проблемам культур-

ного наследия кочевников и с 2011 г. до ухода из жизни являлась научным сотрудником Национального историко-культурного и природного заповедника-музея «Улытау».

За весь период своей профессиональной деятельности в этих проектных и научно-исследовательских учреждениях она оставила заметный след во многих важных достижениях нашего государства в деле сохранения и изучения культурного наследия народов страны. Так, в 1980–1990-х гг. в Казахстане впервые развернулись крупномасштабные работы по обеспечению охраны и реставрации памятников истории и культуры, в которых молодой в то время, но очень энергичный и инициативный специалист Е.Х. Хорош приняла деятельное участие. Она, в частности, участвовала в разработке проекта Закона об охране и использовании объектов культурного наследия Республики Казахстан (1992) и в установлении тесного сотрудничества с зарубежными специалистами и международ-

ными организациями в области сохранения материальных памятников. Непосредственно в натуре ею были осуществлены в те годы проекты реставрации трех степных средневековых объектов на территории Карагандинской области – мавзолеев Алашахана, Жоши-хана и Аяк-Камыр и трех памятников XVIII–XIX вв. в городе Уральске (Собор Михаила Архангела, Дом наказного атамана, Дом купца Карева).

Последние годы жизни Елена Христофоровна уделяла немало времени научному изучению истории возникновения и функционирования карагандинских памятников позднесредневековой эпохи, намереваясь посвятить им специальное монографическое исследование.

К концу первого десятилетия существования независимой Республики Казахстан произошли два знаковых события в истории культурной жизни страны – включение в Список всемирного наследия ЮНЕСКО первых памятников истории и культуры, расположенных на территории нашего государства. К этим важным событиям Елена Христофоровна имела самую непосредственную причастность. В 1998 г. она подготовила предварительный реестр памятников Казахстана для включения их в Список всемирного наследия ЮНЕСКО и в последующие несколько лет активно работала над реализацией этой задачи. Два объекта из подготовленного Списка, выполненные под руководством и при прямом участии Е.Х. Хорош, были включены в 2003 и 2004 гг. в Список. Это: «Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави» (г. Туркестан) и «Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы» (Алматинская обл.).

Весомая заслуга Е.Х. Хорош в подготовке первой номинации была

*Елена Хорош. Фото Э.Р. Усмановой
Yelena Khorosh. Photo by E.R. Usmanova*

по достоинству оценена государством: Указом Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева она была отмечена в 2003 г. медалью «Ерен еңбегі үшін» за значительный вклад в социально-экономическое и культурное развитие страны.

Параллельно с работой по вышеуказанным проектам Елена Христофоровна была задействована в международном проекте «Менеджмент, консервация и презентация Тамгалы» и в создании Базы данных по наскальному искусству в Центральной Азии под патронатом ЮНЕСКО. Кроме того, в 2001–2004 гг. она участвовала в проекте ЮНЕСКО-японско-трастового фонда «Сохранение и консервация Отрар тобе, Казахстан» и последующей подготовке стартовых материалов

для включения объектов Отрарского оазиса в Список всемирного наследия ЮНЕСКО как части транснациональной единой номинации «Шелковый путь».

За пятилетний период работы в Казахском научно-исследовательском институте по проблемам культурного наследия номадов с 2006 по 2011 гг. Е.Х. Хорош ярко проявила себя и как самостоятельный и глубокий исследователь памятников степной архитектуры Казахстана. Подготовленные и опубликованные ею за эти годы в изданиях Института научные и научно-популярные статьи получили высокую оценку ведущих казахстанских, российских и европейских специалистов в области истории и культуры народов Евразии, что нашло соответствующее отражение на страницах их монографий и научных статей.

В течение многих лет Е.Х. Хорош являлась участником и ведущим экспертом Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест в Центральной Азии (ICOMOS), а также экспертом Национального комитета по охране нематериального культурного наследия Республики Казахстан.

Несмотря на свою постоянную чрезмерную занятость ежедневной кропотливой работой над различными проектами, она всегда оставалась очень отзывчивым человеком и постоянно оказывала консультативную и иную помощь всем исследователям и реставраторам памятников, нуждавшимся в ней. Елену Христофоровну

отличала глубочайшая преданность делу сохранения памятников и нематериального культурного наследия, идейная принципиальность и порядочность, истинная, а не показная, любовь к своей профессии, доброжелательное и чуткое отношение к людям.

В последние годы жизни она увлеченно работала над подготовкой новой номинации в области нематериального наследия Казахстана, инициированной руководством и сотрудниками Национального историко-культурного и природного заповедника-музея Улытау. В марте 2017 г. подготовленная ею номинация под названием «Традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов» была представлена от имени Республики Казахстан в ЮНЕСКО для включения ее в Список нематериального культурного наследия человечества. Эта номинация будет обсуждаться на 13-й сессии Всемирного комитета по охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, которое состоится в период с 26 ноября по 1 декабря 2018 г. в городе Порт-Луи Республики Маврикий. По решению организаторов будущего мероприятия первое заседание сессии его участники откроют минутой молчания в память о Елене Христофоровне Хорош. Нам же, коллегам и друзьям Елены Христофоровны остается только горько сожалеть о том, что оно будет проходить без участия нашей Лены.

Сведения об авторе:

Ерофеева Ирина Викторовна – кандидат исторических наук (г. Алматы, Казахстан); ierof@mail.ru

Е.Х. ХОРОШТЫ ЕСКЕ АЛУ (1957–2018)

И.В. Ерофеева

2018 ж. қазан айында Қазақстанның мәдени мұрасына қатысты ойлардың алдыңғы қатарлы қайраткері, өз өмірінің барлығын сүйікті ісіне арнаған біздің еліміздің территориясындағы тарих және мәдениет ескерткіштерін зерттеу, сақтау және қайта қалпына келтіру саласындағы жоғарғы дәрежедегі профессионал-сәулетші. Е.Х. Хорош дүниеден озды.

Түйін сөздер: Е.Х. Хорош, Қазақстанның тарих және мәдениет ескерткіштерін сақтау және қайта қалпына келтіру, тарихи-мәдени мұра

TO THE MEMORY OF YELENA KHOROSH (1957–2018)

I.V. Yerofeyeva

In October 2018 the life of Ye. Khorosh was cut short. He was high-class professional architect in the field of study, protection and restoration of historical and cultural monuments on the territory of our country, purposeful and active man of faith of the idea of caring for the cultural heritage of Kazakhstan, tireless worker who dedicated his life to his beloved work without exaggeration.

Keywords: Ye. Khorosh, protection and restoration of historical and cultural monuments of Kazakhstan, historical and cultural heritage

About the Author:

Yerofeyeva Irina V. Candidate of Historical Sciences, Almaty, Kazakhstan; ierof@mail.ru

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН КазССР – Академия наук КазССР, г. Алма-Ата

АО – Археологические открытия, г. Москва

АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии, г. Новосибирск

ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии, г. Тюмень

ВАН – Вестник АН КазССР, г. Алма-Ата

ВКО – Восточно-Казахстанская область

ГМВ – Государственный музей Востока, г. Москва

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева – Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана

ИАК – Императорская археологическая комиссия, г. Санкт-Петербург

ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург

ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана

ИРГО – Императорское Русское географическое общество, г. Санкт-Петербург

КСИА – Краткие сообщения Института археологии, г. Москва

МКТУ им. А. Ясави – Международный казахско-турецкий университет им. А. Ясави, г. Туркестан

НИЦИА «Бегазы-Тасмола» – Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», г. Алматы

ПТКЛА – Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии

РА – Российская археология, г. Москва

РАН – Российская академия наук

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СА – Советская археология, г. Москва

САИ – Сарыаркинский археологический институт, г. Караганды

ТИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, г. Алма-Ата

УАВ – Уфимский археологический вестник

УКАЭ – Урало-Казахстанская археологическая экспедиция

ЦГМРК – Центральный государственный музей Республики Казахстан, г. Алматы

ЮКАЭ – Южно-Казахстанская археологическая экспедиция

ЮККАЭ – Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция

ЮКО – Южно-Казахстанская область

ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

НИИ археологии им. К.А. Акишева – Научно-исследовательский институт им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, г. Астана

РГО – Русское географическое общество, г. Санкт-Петербург

ИЗУ – Искусство зодчих Узбекистана, г. Ташкент

СДО – Сырдарьинская область (Туркестанское генерал-губернаторство)

ЦГА РУз. – Центральный Государственный архив Республики Узбекистан, г. Ташкент

МИЦАИ – Международный Институт Центральноазиатских исследований, г. Самарканд

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

КазОГИЗ – Казахское объединенное государственное издательство

МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР

ТСАЭ – Труды Семиреченской археологической экспедиции

ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции

INORA – International newsletter on Rock Art

JAS – Journal of Archaeological Science

**АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕЛЕР –
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ – SUBMISSIONS**

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: archeokz.com

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы Ережелер журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: archeokz.com

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: archeokz.com

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

Мұқабаның рәсімделуінде керамикадағы мөр бедерінің бейнесі қолданылды. Табылған зат Б.Ә. Байтанаевтың басшылығымен ортағасырлық Сайрамда жүргізілген қазба жұмыстарынан алынған. Суретті Ж. Жанабаев, С. Садықов салды.

В оформлении обложки использовано изображение оттиска штампа на керамике. Находка происходит из раскопок, проводившихся под руководством Б.А. Байтанаева на средневековом Сайраме. Рисунок выполнен Д. Джанабаевым, С. Садықовым.

In the design of the cover, the image of the imprint of the stamp on ceramics is used. The find comes from excavations conducted under the direction of B.A. Baitanayev on medieval Sayram. The drawing was made by J. Janabayev, S. Sadykov.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының эмблемасын М.А. Антонов дайындады
Эмблема Института археологии им. А.Х. Маргулана разработана М.А. Антоновым
Emblem of the A.Kh. Margulan Archeology Institute developed by M.A. Antonov.

Журнал 2018 жылдың 26 сәуірінен бастап шығады. ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінің Ақпараттар мен архивтер комитетінің мерзімді баспасөз басылымын және (немесе) ақпараттық агенттікті есепке қою туралы 2011 жылғы 14 қарашадағы № 12108-Ж куәлігі берілген

Журнал основан 26 апреля 2018 г. Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства № 12108-Ж от 14 ноября 2011 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК

The journal was founded on April 26, 2018. Certificate of registration of periodical print publication and (or) information agency № 12108-Ж dated November 14, 2011 was issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалады.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44

Баспаға 29.10.2018 жылы қол қойылды. Пішім 70×108 1/16
Шартты б.т. 29,9. Times New Roman Гарнитурасы. Таралымы 135 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44

Подписано в печать 29.10.2018. Формат 70×108 1/16
Усл. п. л. 29,9. Гарнитура Times New Roman. Тираж 135 экз.

Original layout prepared at the A.Kh. Margulan Archeology Institute

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44

Signed to print 29.10.2018. Format 70 × 108 1/16

Printed sheet 29.9. Times New Roman headset. Circulation 135 copies.

"Хикари" баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house "Hikari"hikari.kz24.online